

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН
Департамент образования и науки Тюменской области
Комитет по делам национальностей Тюменской области
Тюменская областная дума
Тюменский государственный университет
Тюменская областная научная библиотека им. Д. И. Менделеева
Национально-культурная автономия сибирских татар и татар Тюменской области

**БУЛАТ СУЛЕЙМАНОВ –
ОСНОВОПОЛОЖНИК ЛИТЕРАТУРЫ
СИБИРСКИХ ТАТАР**

(XVIII Всероссийская научно-практическая конференция
с международным участием 29–30 мая 2015 г.)

Посвящается

- 70-летию победы в Великой Отечественной войне
 - Году литературы в Российской Федерации

Тюмень 2015

УДК 811.512.145+821.512145+94:008 (571.12)
ББК Ш163.23+Ш33 (2=Тат) +Т 3 (2–4Тюм) –7
Аз: С896

Всероссийская научно–практическая конференция «Булат Сулейманов – основоположник литературы сибирских татар» ежегодно проводится на базе Тюменского государственного университета. Сборник материалов издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области и Комитета по делам национальностей

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

доктора филологических наук профессора Х. Ч. Алишиной

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Профессор Х. Ч. Алишина, доцент Р. Г. Гадиев, профессор Р. Р. Замалетдинов, аспирант А. А. Исакова, профессор Д. М. Исхаков, профессор И. В. Кормушин, профессор А. М. Меметов, профессор К. М. Миннуллин, профессор И. С. Насипов, профессор А. В. Толстикова, доцент З. А. Тычинских, главный специалист комитета по делам национальностей А. Г. Шакирова

Сулеймановские чтения (восемнадцатые): Всероссийская научно–практическая конференция с международным участием «Булат Сулейманов – основоположник литературы сибирских татар» (Тюмень, Тюменский государственный университет, 29–30 мая 2015): материалы и доклады. Науч. редактор Х. Ч. Алишина. – Тюмень: типография «Печатник», 2015. – 304 с.

На 1 странице обложки репродукция портрета Б.В. Сулейманова. Автор - заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников России, член Международной Ассоциации изобразительного искусства АИАП–ЮНЕСКО, лауреат премии имени В.И. Муравленко А.Ф. Мухаметова

На 2 и 3 страницах обложки фотоработы Ф.В. Галиаскарова

ISBN 978-5-4266-0103-1



© ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»
© Кафедра общего языкознания
© Центр тюркологии ТюмГУ



*Приветствие Губернатора Тюменской области
участникам XVIII Всероссийской
научно-практической конференции «Сулеймановские чтения»*

Дорогие друзья!

Рад приветствовать участников и гостей XVIII Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения», посвященной Году литературы и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Значимость этого форума велика. Он традиционно собирает ведущих специалистов в области языкознания, литературы, истории, религиозной философии, заинтересованно и всесторонне исследующих богатую татарскую культуру.

Татары – второй по численности народ нашей многонациональной области, где в мире, дружбе и согласии живут представители свыше 150 этносов. Уважительное отношение к своим традициям является характерной особенностью татарского населения. Органы власти во взаимодействии с общественностью целенаправленно работают над созданием необходимых условий для их сохранения и развития.

Сегодня я хочу выразить благодарность всем неравнодушным людям, активу наших многочисленных татарских общественных объединений, научному сообществу за прекрасные дела во благо всего населения Тюменской области. Пусть обсуждения и дискуссии в тематических секциях, которые обещают быть интересными, послужат развитию идей добра и справедливости, мира и согласия, способствуют сбережению и приумножению национальных культур и народных традиций.

Желаю вам плодотворной работы и конструктивного диалога.

Губернатор Тюменской области

В.В. Якушев

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ ГУБЕРНАТОРА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В.В ЯКУШЕВА	3
РАЗДЕЛ I. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Абдуллина Ф. А. МАРИС НЭЗИРОВ ШИГЪРИЯТЕНДЭ ПОЭТИК БИЗЭКЛӘР	11
Алиева Ә. Х. XIX ГАСЫР ӘДӘБИЯТЫНДА СӘЯХӘТНАМӘ ЖАНРЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЕ ҺӘМ ЭВОЛЮЦИЯСЕ	13
Батулла Рабит ЖЫЛЫ ЭЗЛӘП ЮЛГА ЧЫКТЫМ	16
Бегиев Абдуллах ТАТАР ХАЛКЪНЫ ЗАКИЙ ДАСТАНЫ	17
Вәлиева Г. Д. ГАБДЕРӘХИМ УТЫЗ-ИМӘНИ ИЖАТЫНДА ГЫЙЛЕМЛЕЛЕК ИДЕЯЛӘРЕ ЧАГЫЛЫШЫ	21
Галиева Л. Ш. ТАТАРСТАННАН ЧИТТӘГЕ ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНЫҢ ФӨННИ ЯКТАН ӨЙРӘНЭЛҮ ТОРЫШЫ	22
Гафурова Ф. А. РЕЗЕДА ВӘЛИЕВА ШИГЪРИЯТЕНЕҢ ИДЕЯ-ХУДОЖЕСТВО ҮЗЕНЧӘЛЕГЕ	24
Гиндуллина Г. А. ХЭСӘН ТУФАННЫҢ ПОЭТИК ФРАЗЕОЛОГИЯСЕ	26
Гыйлманова Г. В. ХЭСӘН САРЬЯН ИЖАТЫНДА ТУГАН ЯК ТЕМАСЫ	28
Джашакуева А. Д., Хубиева Ф. М. О КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПЕСНЯХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	29
Джемилева А. А. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧ. XX В.	31
Додуева А. Т. ВОЗВРАЩЕНИЕ «ИДЕГЕЯ»	33
Зайнутдинова А. З. ФАТИХ КӘРИМ ПОЭЗИЯСЕНДЭ ФРАЗЕОЛОГИК ӘЙТЕЛМӘЛӘР	34
Ибукова В. Н. МЕСТО БАЙТОВ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ «МАЖМУГЫЛ-ХИКАЯТ»	36
Каракотова С. А.-Ю. ВОЙНА И ДЕПОРТАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. О. АБАЙХАНОВА	38
Кириллова З. Н. КАМА БУЕ КЕРӘШЕН ТАТАРЛАРЫНЫҢ ТАБЫН ЖЫРЛАРЫ	41
Кошелева А. Л. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ХАКАССКАЯ ПРОЗА: ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОНАЧАЛА В РОМАНЕ-ЭССЕ С. КАРАЧАКОВА «СИНИЙ ПОТОП. ГДЕ ТЫ, МАТЬ-РЕКА?»	43
Латыпова А. В. ФӨНДИДӘ ХАРРАСОВА ПОЭМАЛАРЫНДА АНА ОБРАЗЫ	47
Ләбиб Лерон БУЛАТ СӨЛӘЙМАНОВ ХАТЛАРЫ	49

Мансуров А. И. КОРАНИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В СТИХОТВОРЕНИИ Р. ГАТАША	51
Меметова Л. А. «ЗНАНИЕ» – КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1883–1917 ГГ.	53
Миңнуллина Ф. Х. А. ГЫЙЛӘЖЕВ ПЬЕСАЛАРЫНДА ШӘХЕС ФАЖИГАСЕ («Жиз кыңгырау» һәм «Өч аршин жир» мисалында)	55
Муктат Ф. И. Г. УТЫЗ ИМӘНИ ИЖАТЫНДА АФОРИСТИК ФИКЕРЛӘУ	57
Муллачанова Г. Х. ЖАНР ПОЭМЫ: ОБРАЗНОСТЬ И АВТОРСКОЕ НАЧАЛО СИБИРСКОЙ ПОЭЗИИ	59
Муртазалиев А. М. КАРТИНА НАЦИОНАЛЬНОГО МИРА В РОМАНЕ АХМЕДА ЧИНАРА «ГОРЫ – МОЕ СЕРДЦЕ»	61
Мусабекова Р. Р. ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНДА МУСА ЖӘЛИЛ ОБРАЗЫ	66
Нафикова Л. Р. РИНАТ МӨХӘММӘДИЕВ ӘСӘРЛӘРЕНДӘ ФРАЗЕОЛОГИК ӘЙТЕЛМӘЛӘР	68
Сабирова Б. Н. ҮЗЕ ХАЛЫК ЖЫРЫ, ҮЗЕ ДАСТАН...	69
Садьков К. С. ШӘЙХИ МАННУР ТУКЫЗДА	72
Хабибуллина Л. Б. ЯКТЫ ХӘТЕР ЯШӘР	75
Хәбетдинова М. АЯЗ ГЫЙЛӘЖЕВНЕҢ «КАМЫШ БАРМАК, КӨМЕШ ТЫРНАК» ПОВЕСТЕНЫҢ СЕРЛӘРЕ	77
Хәева Ф. Ж., Сабитова Д. А. ФАТИХ КӘРИМНЕҢ РУХИ БАТЫРЛЫГЫ	79
Хайруллина В. И. ТВОРЧЕСТВО АКБУЛЯКОВА З. Г.	81
Халирахманова Г. Р. ГАБДЕЛХӘЙ САБИТОВНЫҢ НӘНИЛӘР ӨЧЕН ЯЗЫЛГАН ХИКӘЯЛӘРЕ	83
Харрасова Р. Ф. ШИГЪРИ ТӨЗЕЛЭШНЕ МОТИВЛАШТЫРУ: «КҮРЕНМИ ШУЛ СЕБЕР КАЗАННАН»	85
Хасанова Ф. Ф. ХӘЗЕРГЕ ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНДА ПАРОДИЯ ЖАНРЫ	87
Челтыгмашева Л. В. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ХАКАССКОЙ ПРОЗЕ	90
Чотчаева А. У. ПИСАТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ	92
Шевкиева Н. Р. К ВОПРОСУ О ДИДАКТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ АБЛЯКИМА ИЛЬМИЙ	94
Юлдыбаева Г. В. ТӨРКИ ХАЛЫКТАРЫ ФОЛЬКЛОРЫНДА ХЫЗЫР ИЛҖАС ОБРАЗЫ	95
Юнусов Ш. Э. К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ШАМИЛЯ АЛЯДИНА	98

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абдразакова Э. Б. СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ТОПОНИМОВ И МИКРОТОПОНИМОВ С. БОЛЬШОЙ КАРАГАЙ ВАГАЙСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	100
Абсемиева Л. С., Ехалова А. В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ТОПОНИМОВ СУДАКСКОГО РАЙОНА КРЫМА	102
Аджимуратова З. Н. ПОДРАЖАНИЯ РАЗЛИЧНЫМ ЗВУКАМ С СОНОРНЫМ «Р» В ОСНОВЕ СЛОВ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	105
Айнитдинова Н. И. РАССЕЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА КРЯШЕН	107
Алиева, Т.К., Каппушева Ф.Х. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА	108
Алиева Т.К., Касаева Л.Д. ОБ АРХАИЗМАХ В ТЕКСТАХ НАРТСКОГО ЭПОСА	109
Алишина Х. Ч. ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ ДАСТАНА «ИДЕГЕЙ»	111
Аллагулова Н. Ф. ӘХМӘТ ЕРИКӘЙ ШИГЪРИЯТЕНДӘ АНТОНИМ ҺӘМ СИНОНИМНАРНЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ	114
Әхмәдиева Э. З. ТАТАР ХАЛКЫНЫҢ “АК БҮРЕ» ӘКИЯТЕНДӘ САННАРНЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ	116
Ахметьянов Р.Г., Сабитова И. И. ОБ ОГУЗСКОМ КОМПОНЕНТЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА	117
Баязитова Ф. С. ХАЛЫК ТРАДИЦИЯЛӘРЕНДӘ ҺӘМ ЖИРЛЕ СӨЙЛӘШЛӘРДӘ БАЛА ТУУ ЙОЛАЛАРЫ ЛЕКСИКАСЫ: КЕНДЕК ӘБИЛӘР	118
Бубекова Л. Б., Данилова Ю. Ю. КОМУ В ТАТАРСТАНЕ ЖИТЬ ХОРОШО, ИЛИ К ВОПРОСУ О ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ	122
Булатова М. Р. ТЕВРИЗ СӨЙЛӘШЕНЕҢ ГРАММАТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ	125
Бурганова Ю. Ф. К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИНТЕРФИКСОВ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ	127
Вилданова З. Р. ТАТАР ТЕЛЕНДӘ КЕШЕНЕ ТИСКӘРЕ ЯКТАН ТАСВИРЛЫЙ ТОРГАН СҮЗЛӘР	130
Габдрахимова А. Р. ДИФТОНГИ В ТОБОЛО-ИРТЫШСКОМ ДИАЛЕКТЕ СИБИРСКИХ ТАТАР (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА, ЗАПИСАННОГО В. В. РАДЛОВЫМ)	132
Ганиев Ф. Ә. ТАТАРНЫҢ ҮЗ ДӘҮЛӘТЕ КАРШЫНДА НИ ГАЕБЕ БАР?	135
Гареева Р. Р., Джораева Р. Ф. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ РОБЕРТА МИННУЛЛИНА	137
Глашев А. А. ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ СКИФОВ ПО ЯЗЫКОВЫМ ДАННЫМ	139

Зәйдуллина Р. Д. ГАЛИМЖАН ИБРАИМОВ ӘСӘРЛӘРЕНДӘ ФАРСЫ АЛЫНМАЛАРЫ	141
Исакова А. А. ГОДОНИМЫ-ПОСВЯЩЕНИЯ В ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЮМЕНИ	144
Меметов А. М. МЕСТО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ В КЛАССИФИКАЦИЯХ ТЮРКОЛОГОВ	146
Мукашева Г. А. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Я. К. ЗАНКИЕВА И Б. В. СУЛЕЙМАНОВА)	148
Мурахас М. С. СТРОИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В УСКУТСКОМ ГОВОРЕ ЮЖНОБЕРЕЖНОГО ДИАЛЕКТА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	151
Нагипова Г. Б. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ОФИЦИАЛЬНОМ И НЕОФИЦИАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ Д. БОЛЬШОЙ КАРАГАЙ	153
Насипов И. С., Сайтова И. Ф. КӨНЬЯК УРАЛ БУЕНДА ТАРАЛГАН ТАТАР СӨЙЛӘШЛӘРЕ ТУРЫНДА	155
Насипов И. С., Исакова Р. Р., Исакова Р. Р. БАШКОРТОСТАННЫҢ КӨНЬЯК АРЕАЛЫНДА ТАРАЛГАН КОРМАНТАУ СӨЙЛӘШЕ ТУРЫНДА	157
Насипов И. С., Спиридонова Л. А., Тимашева А. А. Д.Б. РАМАЗАНОВА ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ СОМАТИК ЛЕКСИКАСЫ ТУРЫНДА	158
Ниязова Г. Н. СУФФИКСАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ПРЕДМЕТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИБИРСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	160
Новгородов И. Н. О СИБИРСКОТАТАРСКОМ УСТОЙЧИВОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ	162
Нурмухаметова Р. С. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОТИВОВ «БӘХЕТ – КАЙГЫ» В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	164
Өтепова Ж. С. ЭПОСТЫҚ ЖЫРЛАРДАҒЫ ТАРИХИ СӨЗДЕР	166
Разумкова Н. В. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАКТИКИ ИНТЕНСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ РЕЧЕВОМУ ОБЩЕНИЮ В СИСТЕМЕ РКИ	168
Рамазанова Д. Б. К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ	170
Сагитов Р. А. СОВРЕМЕННЫЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ АНТРОПОНИМЫ ГОРОДСКИХ ТАТАР	173
Соколова Е. Н. АНТРОПОНИМЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ	174
Тимканова Г. Ф. СПЕЦИФИКА СИБИРСКОТАТАРСКИХ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ИМЯТВОРЧЕСТВО РОДИТЕЛЕЙ, ВАРИАНТЫ НАПИСАНИЯ ДВОЙНЫХ ИМЕН, ОДИНАКОВЫЕ АЕ ДЛЯ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ИМЕННИКОВ)	176
Токова Ф. К. ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОЭТИКЕТА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ РЕЧИ	178
Тусмухаметов С. Т. ЛЕКСИКА ОХОТЫ СИБИРСКИХ ТАТАР: ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ	179

Файзуллина Г. Ч. ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА СИБИРСКИХ ТАТАР С РУССКИМИ В XX В.	181
Хәснетдинова Г. Ф. ГАРӘП-ФАРСЫ СУЗЛӘРЕНЕҢ СТИЛИСТИК МӨМКИНЛЕКЛӘРЕ	182
Хәснүллина Г. Н. БУЛАТ СӨЛӘЙМАНОВ ӘСӘРЛӘРЕНДӘ САВЫТ-САБА АТАМАЛАРЫ	183
Хурматуллина Л. Х. КОНЦЕПТ «ПОГОДА» В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ И ДИАЛЕКТАХ СИБИРСКИХ ТАТАР	185
Хусаинова А. Я. ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ.	186
Чотчаева Р. У. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА	188
Цицкиева М. Р. ЭВОЛЮЦИЯ ИНГУШСКИХ СЕМЕЙНЫХ РОДОВЫХ ПРОЗВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА И. БАЗОРКИНА «ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ»)	191
Шагдурова О. Ю. СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ	192
Швед Е. В. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ГЛАГОЛА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ОПРЕДЕЛЁННОГО ИМПЕРФЕКТА НА -А/ -Е/ -Й ЭДИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКОЙ ФОРМОЙ ГЛАГОЛА PAST CONTINUOUS TENSE	194
Шехова Р. Н. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ В ТОБОЛО-ИРТЫШСКОМ ДИАЛЕКТЕ СИБИРСКИХ ТАТАР	196
Экба З. Н. ОБЩЕТЮРКСКИЙ ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ АЛПАМЫШ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКА	198
Янабаев Р. Х. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ТОБОЛА И ИРТЫША	200
Яхшисарова Г. Р. СИБГАТ ХАКИМ ШИГЫРЬЛӘРЕНДӘ ТЕЛ-СУРӘТЛӘУ ЧАРАЛАРЫ	202
Yrd. Doç. Dr. Muhittin ÇELİK KAŞKAY ATASÖZLERİ ile ANADOLU'DA KULLANILAN ATASÖZLERİNİN BENZERLİKLERİ	203
Prof. Dr. İsmail DOĞAN, Murat AYDINLI KAZAK TÜRKLERİNDE DAMGA	209
Prof. Dr. Saadettin Yağmur GÖMEÇ KÖK TÜRKLER VE UYGURLAR ÇAĞINDA KIRGIZLAR	216

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ

Айтбаева Р. И. ВСЯ ЖИЗНЬ – ОТЕЧЕСТВУ	222
Акачиева С. М. ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРАЧАЕВСКОГО ПРОЗАИКА И ЖУРНАЛИСТА Б. Т. КУБЕКОВА	223
Ахмадиева Н. В. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БАШКИР В 60–80-Х ГГ. XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ БАШКИРСКОЙ АССР)	225
Бакиева Г. Т. О РОДОСЛОВНОЙ Я. К. ЗАНКИЕВА	227

Бакиева О. А. ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА	229
Гэрэева Р. Р., Шабакеев Р. Р. ШӘӘХЗАДА БАБИЧ ИЖАТЫНДА ДИНИ МОТИВЛАР	232
Гарифуллин И. Б. ОРГАНИЗАТОР ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТЮМЕНСКОМ КРАЕ	234
Гарифуллин Ф. Б. РОЛЬ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОХРАНЕНИИ РЕЛИГИИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	237
Давлетшина З. М. МОЛИТВЕННЫЙ КОВРИК	238
Даутова Р. В. ПРОЦЕССЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ: ИЛЛЮЗИЯ «ОТТЕПЕЛИ»	240
Иксанов И. Ш., Пачежерцев Н. И. О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ТЮМЕНИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. В РАМКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ	243
Исхаков Д. М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОКОРЕНИЯ «ЛЕСНЫХ НАРОДОВ» ДЖУЧИ В 1207 г.	245
Каргашева З. И. ВАЙНАХИ В ОБОРОНЕ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ	249
Кукаева С. С. ТРАДИЦИОННЫЙ НОГАЙСКИЙ КОСТЮМ: ЭТНОЗНАКОВЫЕ ФУНКЦИИ	251
Кутумова Р. С. ВЫПУСКНИКИ ТОБОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ № 15 – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	253
Марганова Ф. Ф. О ВЛИЯНИИ БУХАРЦЕВ НА ИСТОРИЮ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ В ТОБОЛЬСКОМ ОКРУГЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮРТ КОМАРОВСКИХ)	255
Нуриева Д. Р. СОВЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ПЛАКАТ КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ	258
Салиева Р. Н. ПРОИЗВЕДЕНИЯ БУЛАТА СУЛЕЙМАНОВА – ЦЕННОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	260
Тимофеева А. А. ИЗ ЧЕХИИ В ТАТАРСТАН: РАССЫПАННЫЙ ЖЕМЧУГ КУЛЬТУР	261
Тычинских З. А. ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР В КОНЦЕ 80-Х – 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА	263
Утяшев Н. В. КОЧЕВНИКИ АЛТАЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	266
Хаджиева М. Х. ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОГО НАРОДА	268

РАЗДЕЛ IV. ПЕДАГОГИКА

Айтбаева Р. Т. ЧЕЧКИНСКИЙ ДЕТСКИЙ САД «ЛЕЙСАН»: ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ	271
---	-----

Алеева Г. У. РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	273
Баватдинова Р. Х. ПРЕПОДАВАНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В МАОУ «НОВОКАИШКУЛЬСКАЯ СОШ»: ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	274
Гадиев Р. Г. ТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ТАТАРСКОГО НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	276
Замалова Д. И. О ДЕДУШКЕ СВОЕМ ХОЧУ Я РАССКАЗАТЬ...	278
Зимагулова А. Ю. ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНДА УКЫТУЧЫ ОБРАЗЫ	279
Каримова Г. Н. БИЛИНГВИЗМ – В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ПУТЬ К ТОЛЕРАНТНОСТИ	281
Кирамова Х. Х. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ СИБИРСКО-ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	283
Кочкарова З. К. ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ. МУСА ДЖАЛИЛЬ И ГРУППА СОПРОТИВЛЕНИЯ	284
Кучарова С. М. СЦЕНАРИЙ «ПАМЯТЬ СЕРДЦА, ПАМЯТЬ СЕРДЦА, ТЫ- ПОЭЗИЯ САМА»	286
Латыпова Л. И. МИНЕМ ПЕДАГОГИК ОСТАЛЫГЫМ	288
Масямова В. Р. «ӘНКӘЕМӘ СӘЛАМНӘР АЛЫП КИТЕГЕЗ»	289
Миннибаева Э. Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НРК В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	291
Садыкова Э. Х. БӨЕК ЖИҢУ КӨНЕНЕҢ 70-ЕЛЛЫК ЮБИЛЕЕНА БАГЫШЛАНГАН ӘДӘБИ – МУЗЫКАЛЬ КИЧӘ.	293
Салимова Д. А., Салимов Р. Х. КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ВОЗЗРЕНИЯХ АВИЦЕННЫ В ПРЕЛОМЛЕНИИ К ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ ВЗГЛЯДАМ К. НАСЫРИ	296
Тимеркаева Г. Р. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВО ВНЕУРОЧНОЙ РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС	299
Шамратова Н. Б. БУЛАТ СӨЛӘЙМАНОВ ШИГЫРЬЛӘРЕНДӘ ТЕЛ СҮРӨТЛӘУ ЧАРАЛАРЫ	300
Бакиева Г. Т., Хисматуллин С. З. НОВЫЕ ЮРТЫ АРОМАШЕВСКОГО РАЙОНА: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	302

РАЗДЕЛ 1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абдуллина Ф. А.

МАРИС НЭЗИРОВ ШИГЪРИЯТЕНДӘ ПОЭТИК БИЗӘКЛӘР

Лириканы шагыйрьнең дөньяны күрү рәвеше, күңел көзгесе, рухи тормышы дип билгеләү кабул ителгән. Марис Нәзирова та, барыннан да элек, – лирик шагыйрь. Аның лирикасында, поэтик дөньясында нинди байлыklar, уй-хис, кичереш-тойгылар, шигъри фикерләр ята соң?

Шигърият, әлбәттә, туган йорттан, туган жирдән, балачакта сусавыңны баскан шифалы чишмәдән башлана. Якташ әдибездә Әхсән Баянов фикеренчә, шагыйрь ижат иткән поэтик дөньяда сизелерлек тирәнлек булмаса, лирик герой үзе дә ватансыз адәм баласы кебек ялгыз, сукбай хәлендә кала. Шуңа да язучы, тормыш чынлыгыннан, тирәлектән үзенә кирәкле асылташларны табып, ижатын якты, ачык максатка юнәлткән булырга тиеш [3: 272]. Ф. Хәснә сүзләре белән әйтсәк, «художникның самимилек белән юнәлгән кыйбласы» булганда гына халык күңелендә уелып калырлык әсәр ижат итәргә мөмкин [12: 198]. «Халык үз итмәсә, шагыйрь юк», – ди Әхмәт Ерикәй [7: 532]. Сүз сәнгатең укучыга тәэсир итү куәте, эстетик житлеккәнлегә исә халык зәвыгына якын поэтик фикер һәм шигъри образлар белән тыгыз бәйләнештә булуыннан килә. Дөрөс, акыл хис-кичерешне алыштыра алмый. Әмма ачык фикерсез, идеясез бер шагыйрьнең дә унышка ирешә алганы юк. Поэзиябезнең сулмас чәчәкләре дә, бүгенге шигърияттебездә дә дәрәжәсә дә фикер һәм тойгы тыгызлыгына ирешелгән әсәрләр белән билгеләнә.

Марис Нәзирова шигъриятендә замандашына тәэсир итү көче лирик геройның олы жанлылыгы, кеше буларак рухи матурлыгы, кабатланмас күңел байлыгы тирән поэтик фикерләвә белән тыгыз үрелүеннән килә. Бигрәк тә аның шигъри фикерләвендәге туган жир, Ватан тойгысы – мәржәни муенса кебек, шагыйрь ижатын бербөтен итеп оештыра. Шуңа да шагыйрьнең «Янә утларга керәм» дигән шигъри жыентыгының «канат куеп очырган – Чакмагышына», «тормыш серенә төшендергән – яшел Бөресенә», «жырларының баш каласы – нурлы Уфага» мәдех әйтүе белән башлануы очраклы түгел.

Марис Нәзирова «гомеренең иң бәхетле, берни белән дә чагыштыргысыз гүзәл, керсез, гамьсез мизгелләрен», «балачак Байконуры» – Чакмагышын хәтер күзәнәкләрендәге иң изге хәзинә итеп саклый. Гомумән, туган жир тойгысына бәйлә поэтик кичерешләр шагыйрь ижатының үзәк сыйфаты булып тора:

*Башкортстан!..
Йөкләреңне төя жәлләмичә,
Янар үрләремә ашыктыр.
«Улым!» – дигән өчен генә дә бит
Бурычлымын сиңа мең тапкыр.
Башкортстан!
Торган саен ныграк сөям.
Вақытлыча жәйләүләрем түгел,
Гомерлеккә дигән төягем, – ди ул.*

Шагыйрь «изгелекне жыйган... жырға тиң» туган жиреннән читтә яшәүне күз алдына да китерә алмый. Туган-үскән нигезе дә аны үз итә: Хәтта

*Жибәрмәскә мине теләгәндәй
Әрекмәннәр тарта чабудан.
Әйе,
Нигезсез кеше – тигезсез,
Нигезсез кеше – жирлексез...*

Лирик герой үзенә «кешелеген» дә мәрхәмәтле, шәфкатьле «үз жире, үз иле» белән берлектә күрә:

*Кешелегем минем шунда:
Үз куышым, үз жирем,
Үз нигезем, үз Илем,
Үз сөюем, үз жырым –
Барсы бергә кушылган, – ди.*

Марис Нәзиров шигъриятендә «туган жир тойгысы» «туган тел тойгысы» белән тыгыз үрелгән:

Туган телем – татар, димен, туган

Жирем – Башкортстан даласы, –

дип шагыйрь Иле, теле белән горурлана. Кирәк булса, туган телен якларга да эзер булуын белдерә!

Чын ил улы булып.

Туган телемне яклармын,

Күкрәгемне куеп, –

ди лирик герой.

«Әгәр сөймәсәм сине?» дигән шигърен тулысынча китерәсе килә. Чөнки, минемчә, бу әсәрдә хис-тойгы һәм поэтик фикер гаять тыгыз булып бергә укмашкан:

Ишетә алыр идемме,

Халкым, изге күңелеңне –

Моңлы жъырым, жъырлы жъирем! –

Әгәр сөймәсәм сине?!

Әгәр белмәсәм сине?!

Иш итә алыр идемме

Жаныма күпме телне –

Туган телем, Тукай теле! –

Әгәр белмәсәм сине?!

Әгәр сөймәсәм сине?!

Күренә ки, шагыйрь укучыны поэтик бизәкләр белән тәэсирләндерүгә караганда фикер логикасын, тормыш, тарих диалектикасын фәлсәфи ачуны алгарак куя. Халык, туган жир, Ватан, туган тел турындагы уйларының «тирән агымын» ачу нәтижәсендә олы гражданлык яңгырашына ирешелә. Фәлсәфи мәгънәле, публицистик ялкынлы уйланулары укучы күңелендә дәвам итә. Чөнки лирик миннең «туган жир, Ватан тойгысына» бәйле хисләренең табигийлегә, ихласлыгы шигърьгә жылылык бирә. Шагыйрь хәтта олы, тирән итеп уйлый белсә дә, аның фикер тыгызлыгы хис белән аерылгысыз булганда гына сәнгать әсәре туа. Шигърьдә хикмәтле сүз, үткен фикер аерымы яшәми, ул нинди дә булса конкрет поэтик күренешне яки рухи халәтне тасвирлауның нәтижәсе буларак килә. Марис Нәзировның шигъри фикерләвендәге самимилек, конкретлык шагыйрь һәм укучы өчен дөньяны, кешеләрне танып-белү коралына әверелә. Ачык, төгәл-конкрет фикерләү шагыйрьне тормыш белән, үзә яшәгән тирәлек белән бәйли. Беренче карашка, бу шигърьләрдә калку, жете образлар юк сыман. Әмма аларның тәэсир көчә – сәнгатьчел гадилектә. Билгеле булганча, поэтик бизәкләрне шигъри хезинәдән табарга, файдаланырга мөмкин, ә менә тормышчан хис-кичерешләрне уйлап чыгарып булмый: йә алар бар, йә – юк.

М. Нәзиров бу шигърьләрендә табигать кочагында яшәгән авыл кешесенең образлы фикерләвенә таянып эш итә, шушы тылсымлы чишмәдән сүл ала. Чынбарлык катлаулылыгын ул авыл кешесенә хас гадилегендә кабул итүне үз күрә. Нәтижәдә катлаулы «төрлелек» гади булып күренә. Шуңа да аның шигъри дөньясы үзәгендә авыл тормышы, туган як кешеләре тора.

Әдәбият

Әмиров Р. Иңнәрендә канат барда // Марис Нәзиров шигърияте. – Уфа: Мәгърифәт, 2000. – 95–102 б.

Әмиров Р. Учларыма кузлар аламын да // Марис Нәзиров. Йолдызлар табын кора. – Уфа: Ижат, 1992. – 3–11 б.

Баянов Ә. Заман сурәтләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 272 б.

Вафин М. Шигърь кемгә кирәк: бәхәс тәмам // Тулпар. – 1998. – № 6. – 31 б.

Дәүләтшин К. Хәзерге татар поэтикасының күчәмлелек мәсьәләләре. – Уфа: БДУ, 1988. – 74 б.

Дәүләтшин К. Яннарында газиз жаннар. /Китапта: Марис Нәзиров шигърияте. – Уфа: Мәгърифәт, 2000. – 23–40 б.

Ерикәй Ә. Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1961. – 532 б.

Мөлеков М. Утларга керә күңел // Марис Нәзиров шигърияте. – Уфа: Мәгърифәт, 2000. – 41–50 б.

Нәзиров М. Бәрәкәтле жирем – Чакмагышым. Шигърьләр, жырлар. – Уфа: Мәгърифәт, 2000. – 127 б.

Нәзиров М. Йолдызлар табын кора. Шигърьләр, поэма-монолог. – Уфа: Ижат, 1992. – 128 б.

Нәзиров М. Янә утларга керәм. – Уфа: Китап, 1994. – 142 б.

Фазлетдинов И. Жырның ертыгы бармы? //Тулпар. – 1999. – № 12. – 14–15 б.

Хөсни Ф. Карурманга керәм. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 198 б.

Юзеев Н. Шигърият дөньясы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 312 б.

ХІХ ГАСЫР ӘДӘБИЯТЫНДА СӘЯХӘТНАМӘ ЖАНРЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЕ ҺӘМ ЭВОЛЮЦИЯСЕ

ХІХ гасыр татар әдәбиятында жанрлар формалашу, әдәби эзләнүләр чоры. Бу гасырда, инде алдагы чорларда ук формалаша башлаган, шактый үрнәкләр дә биргән сәяхәтнамә жанры да үсеп китә. Төрле максатлардан чыгып башкарылган сәяхәтләр, юл йөрүләр, ерак араларга ясаган сәфәрләр турындагы язмалар – сәяхәтнамәләр, күләмле әсәрләр рәвешендә басылып, китап булып та тарала. Кульяма хәлендә дә (кеше үз ихтыяжыннан чыгып, юлда күргәннәрен тәэсирен теркәгән язмалар) шактый күп сакланган.

Сәяхәтнамәләргә электән үк халык яратып укыган. Фәнни әдәбиятта бу жанрга карата төрле билгеләмәләр, аңлатмалар очрый, әмма алар барысы да бу жанрның юл йөрүләр, сәфәр белән бәйлә икәннен искәртәләр, иң беренче чиратта, шуңа басым ясылар. Татарларда сәяхәтнамәләр язу практикасы шактый күптәннән башланган дип уйларга кирәк. Татар әдәбиятында бу жанрның кызыклы үсеш чылбыры бар. Әмма билгеле булган юльязмаларның бары тик ХVІІ гасырдан башлап кына сакланып калуы күзәтелә. Алар нигездә, хажнамәләр. Юльязмалар, бигрәк тә 17–18 гасыр хажнамәләре, сәяхәтче геройның һәм тулы бер халыкның реаль һәм мифологик урыны турындагы күзәлләүләреннән гыйбарәт. Чөнки бу чорда эле жиһанны танып белү һәм тормыштагы чынбарлыкны чагылдыру дини-символик методка таянып, әдәбият дөнья турындагы дини-руханий карашлар системасына нигезләнгән була. Дөнья кешеләр аңында икегә аерылган сыман: бер яктан, кешенең тормыш тәҗрибәсе ярдәмендә аңлап, күрәп булган реаль жир тормышы, табигать һ. б. Икенче яктан, сакраль дөнья (дини тәғлимәт өйрәткән дөнья). Аның таләпләре буенча исә Аллах кушканны, дини ритуалларны, йолаларны үтәү тиеш. Хажнамәләрдә сурәтләнгән «тормыш» нәкъ менә шул сакраль дөнья кануннарына буйсындырылган да инде.

Соңга таба, ХІХ гасырда иҗат ителгән хажнамәләр исә бүгенге көнгә күпләп килеп җиткәннәр. Күбесе 19 гасыр прозасы үрнәкләре санала. Аеруча әһәмиятлеләре итеп Әбелмәних Каргалый «Тәржемәи хәҗи Әбелмәних ...» (1845), Гали Чокрый «Хажнамә» (1872–74), Ш. Мәржани (1880), З. Бигиев «Мавәрәннәһәргә сәяхәт» (1893), И. Ишәев «Мекка – священный город мусульман» (1895), Хәмидулла Альмушев «Хажнамә» (1899–1901), Ф. Кәрим «Европада сәяхәт» (1899) дигән юльязмаларны күрсәтергә мөмкин. Аларда инде реальлек, чынлык өстенлек итә, баштан ук дөньявилек элементлары белән сугарылганнар. Дөрәс, боларда да үзәктә төп максат – исламның бишенче терәге хаж гамәлен башкару, изгеләр каберләренә зиярәт итү, аларны идеаллаштыру һ. б. шундый мәгълүматлар алып тора.

Шулар арасында хажнамәләргә яңа үрнәгән – 1816 елда Әбелмәних Каргалыйның хаж сәфәренә багышланган юльязмасын очратабыз [Тәржемәи хәҗи ... 1845]. Анда биографик мәгълүматлар, шигъри хикәяләү, мәдхия элементлары, авторның чит җирләрдә күргәннәре хакында фәлсәфи уйланулары киң урын алган. Юльязмада «изге» гарәп җирләрен идеаллаштыру традициясе дә сакланган. Ләкин шагыйрь бу жанр үсешенә шактый гына яңалыклар да алып килә. Беренчедән, автор әсәрен шигъри белән язган. Димәк, сәяхәтнамә, хажнамә жанры матур әдәбиятның, поэзиянең органик бер өлешенә әверелә. Юльязмаларның поэтик тел белән язылган яңа формасы барлыкка килә, лирик-публицистик башлангыч көчәя. Икенчедән, шагыйрь Көнчыгыш илләрендә, мәсәлән, Каһирәдә чагында Мисыр идарәчесе Мөхәммәт Галинең башкарган эшләренә сокланып аңа дан җырлый. Берничә гасыр Төркия колониясе булган илнеартталыктан чыгару, хужалык, фән һәм культурасын Европа тибында яңарту юнәлешендәүткәргән реформаларын мактый. Киң карашлы, булдыклы дәүләт эшлеклесе реформаторлык эшчәнлеген күрәп алу һәм аны югары бәяләү Ә. Каргалыйның үзен дә прогрессив карашлы фикер иясе икәннен раслап тора. Әсәренең азагында автормәҗрифәткә, гыйлемгә дан җырлый һәм шуңа ирешү юлында армый-талмый тырышырга чакырып фәлсәфи-мәҗрифәтчел фикерләрен үткәрә [Садретдинов Ш. ... 1978]. Өченчедән, үзе турында мәгълүмат биргәндә, Әбелмәних «рәгъятә Мәскәви», ягъни үзенә Россия гражданы булуын асызыклай. Бу – игътибарга лаеклы, мөһим момент моңарчы татар язма поэзиясендә Россия – уртак ватан темасы бик очрамай.

Туган илне сагыну мотивы, ватанга көчле мөһәббәт тойгысы, патриотизм хисе, аның юльязмасына чит илләрдә йөрүен сурәтләгәндә килеп керә.

Ә. Каргалыйның юльязмасы шигъри белән язу традициясен, ул керткән идея яңалыкларын берәз соңрак Гали Чокрый алга таба үстерә. Шагыйрьнең «Хажнамә»сендә (1873–1874 елларда язылган) проза белән хикәяләү эмоциональ төсмер алып шигъри юллар белән чиратлаштырыла. Идея-эчтәлек ягына килгәндә исә, беренчедән, автор татар укучысына шактый киң географик мәгълүматлар бирү, аның мәҗрифәтен арттыру максатын куйса, икенчедән, ул, реалистик

фикер йөртеп, чынбарлыкка ачык күз белән карый – «изге» гарәп илләрендәге артталыкны тәнкыйть итә, фән-техника ягыннан чагыштырмача алга киткән Россиягә, Европа илләренә йөз тотарга кирәклекне искәртә.

Шул рәвешле хажнамә жанры татар әдәбиятында мәгърифәтне пропагандалауга да өлеш кертә башлый, әдәби планга күчә бара.

Гали Чокрыйның «Хажнамә»сендә бу яналык аеруча калку күренә башлый. Бу әсәр функциональ жанр кысаларыннан чыгып яна, үзенчәлекле, реалистик төсмерләр ала. Тарихый чынбарлык алгы планга чыга. Мәсәлән, Россия тимер юлларын, Одесса порты хужалыкларын, таможня чиновникларының эшен сүрәтләү – болар инде традицион хажнамәләргә ят элементлар. «Хажнамә»нең авторы ерак сәфәргә юнәлеп үзен чын рационалист, юлда очраган хәлләр турында нык уйланучы, акыл бизмәне аша уздырып фикер йөртүче, аңларгатырышучы шәхес буларак күз алдына баса. Тирәлек (пейзаж), яшәеш, тарихый, социаль-икътисадый мотивлар да әсәрдә тиешле урынны алган. Әсәрдәге жанр үзенчәлеген билгели торган традицион элементлар да шушы тормышчан һәм тарихый конкретлыкны формалаштыра торган үзенчәлеккә – әдәби алымга әйләнеп калалар. Нәтижәдә бу хажнамә әдәбият майданына яна реалистик юнәлешне алып килгән әсәр буларак кабул ителә. Бу фактлар үз чиратында жанрның мөмкинлекләре киңәюне раслый.

Татар әдәбиятында сәяхәтнамә жанрының аеруча активлашып китүе ижтимагый әһәмиятле әсәрләр язылу, һичшиксез, милли үзәк тәмам оешып житкән XIX гасырның икенче яртысында күзәтелә. Моның төп сәбәбе – жәмәгәтчелеккә мәгърифәтчелек идеяләрен үтемле итеп житкерү булса кирәк.

Юльязмалар исә башка халыклардагы фәнни-техник, мәдәни һ.б. казанышларны укучыга житкерү өчен иң кулай жанрлардан санала. Шундый ижтимагый әһәмияте ягыннан мөһим татарча сәяхәтнамәләр – хажнамәләр арасында Ш. Мәржанинең хажда булып, юлда күргәннәрен тәфсилләп язган сәяхәтнамәсе «Рихләтел-Мәржани» исеме белән 1898 елда басылып чыга. Биредә чын мәгънәсендә тарихый чынбарлык ярылып ята. Ул һәр жирдә заманының галимнәре, шөһрәтле кешеләре, дәүләт эшлекләре белән очраша, фикер алыша. Мәржанинең юльязмасы материалның киңлеге, төрлелеге, язучының эмоциональлеген белән публицистика кысалары белән генә чикләнми, әдәби очеркны хәтерләтә.

XIX гасыр азагы татар әдәбиятында киң колач белән һисеп киткән чөчмә жанр системасында Заһир Бигиевнең «Мавэрәзнәңдә сәяхәт» (1893) исемле юльязмасы аерым урын алып тора. Мәгърифәтчелек идеяләрен нигезгә алып икәт ителгән әсәр. З. Бигиев гуманист язучы буларак милләтне мәгърифәт юлыннан барырга өнди, ижтимагый тормыштагы социаль гаделсезлекләрдән арыну өчен әүвәл кешенең әхлагын төзәтү, халыкның үзаның уяту, кешедә гуманизм хисләре тәрбияләү, мәктәп-мәдрәсәләрдә дөньяви фәннәргә укуны һ.б. кирәклеген алга куя. Әсәр нигездә авторның Урта Азиянең сәясәт торышы, 19 гасыр азагында Россиядәге мәдәни һәм икътисадый торыш турында уйланулары, сугышлар һәм тыныч торышта мөмкин булган үсеш-үзгәреш, алгачык турында уйланулары белән дә кыйммәтле. Яшь буынны тәрбияләү, халыкның мәдәни дәрәжәсен яхшырту, аң-белемне итү, хатын-кызларга белем бирү, татар телендә газета-журналлар бастыру хакында һ.б. мәсьәләләр әсәрдә үзгә күелгән төп проблемаларны тәшкил итә.

Бу сәяхәтнамә З. Бигиевнең үз икәт уңышы кысаларына гына сыймыча, гомумән, татар әдәбияты тарихында шул жанр әсәрләренең кирәклекләренән санала. Әсәр әдипнең үз заманындагы вакыйгаларга, ижтимагый-мәдәни яшәешкә мөнәсәбәттен, тарихый, сәясәт, дини, милли әхлакый мәсьәләләргә бәйлә карашларын ачыклай. Бу сәяхәтнамә шул чордагы башка жанрлар фондына үзенең энциклопедик характерда булуы белән дә аерылып тора. Заманын үзгәргән тарихыйлыкны яңырта. Шуңа да авторның күтәргән проблемалары, сәяхәт барышында туган уй-фикерләре бәйгә яңарыш заманын үзгәргән дә актуаль яңгырылар. Бу, чынлыкта, язучының XIX гасыр азагында Россиянең икътисадый һәм мәдәни торышы хакындагы уйланулары турындагы әсәр. Аның кыйммәте дә шунда.

Димәк, «Мавэрәзнәңдә сәяхәт» әсәрендә, моңарчы язылган сәяхәтнамәләрдән аермалы буларак, беренче планга кешенең интеллектуаль потенциалын үстерү, белемне күтәрү турында уйланырга мәжбүр итү, акыл һисепне арттыру проблемалары да алга чыккан. Шуның белән бергә әсәрдә татар халкының киләчәккә, алга таба тәрәккыяте, гомумән, милләт язмышы турында уйланулар гәһдәләнгән. XIX гасыр азагы – XX йөз башы сәяхәтнамәләрендә әдәби сүрәтләнеш мәгърифәтчелек юнәлешен алга күчү үстөрелә. Моның ачык мисалы итеп З. Бигиев, Ф. Кәрим, С. Максудый, Х. Альмушев, Габдрәшид Ибраһимов юльязмаларын күрсәтергә мөмкин. Бу чорда инде юльязмалар ритуал һәм рәсми юл йөрүләр нәтижәсендә язылган әсәрләр дәрәжәсендәге әһәмиятләрен югалталар, әдәби әсәр дип аталу дәрәжәсенә диярлек күтәреләләр. Трансформация кичерәләр.

Әмма шунысы хак: эволюция вакытында жанрның төп билгеләре үзгәрми, тотрыклы кала бирә. Һәр сәяхәтнамәдә ул үзенчәлекләр яңадан тергезелә, кабатлана килә, ягъни «эволюция кичереп, әдәбиятта яңадан яшәүләрен дәвам итәләр» [Травников 2007:12].

Әйтергә кирәк, юльязмаларда чынлык, авторның объектив фикере өстенлек итә. Бу исә сәяхәтнамә жанрының тарихый һәм әдәби әһәмиятен арттыра. Бигрәк тә XIX йөзгә азагы һәм XX гасыр башларында татар әдәбиятында сәяхәтнамә жанрының аеруча активлашып китүенә, ижтимагый әһәмиятле әсәрләр язылуының төп сәбәбе – татарларда милли үзгәрешчә һәм шуның нәтижәсе буларак, киң жәмәгатьчелеккә мәгърифәтчелек идеяләрен үтәмле итеп җиткерүдә публицистикага караган сәяхәтнамә жанрын файдалану кулай ысул булган.

Фатыйх Кәримнең Германия, Бельгия, Франция, Италия, Төркиядә һ. б. илләрдә булып, күрәп-танышып йөрүе нәтижәсендә XIX гасыр азагында иҗат ителгән (1899) «Аурупа сәяхәтнамәсе» һәм Хәмидулла Альмушевның 1899–1901 нче елларда (Польша, Венгрия, Төркия, Греция, Ливан, Сүрия, Палестина, Египет һ. б. илләрдә) сәяхәт итүе нәтижәсендә язылган «Хажнамә» әсәре, Садрый Максудыйның Германия, Франция аша Англиягә баруы (1909) һәм анда күргәннән тасвирлап язган «Англиягә сәяхәт» әсәре – һәркайсында татар жәмәгатьчелегенә, беренче мәртәбә буларак, Европа илләрендәгә мәдәният уақытлары, гыйлем-мәгърифәтнең торышы җентекләп тасвирлана.

Алдагы икесе тулысынча мәгърифәтчелек идеяләре белән сугарылган, ә Садрый Максудый юльязмасында исә сәясәи моментлар да, дөүләт төзелеше, хөкүмәт, парламент структурасы, төрле сәясәи партияләрнең эшчәнлегә чагыла, жәмгыятьнең заманы өчен актуаль проблемалары күтәрелә.

Сәяхәтнамәләр жанрында язылган әсәрләргә моның ише ижтимагый-сәясәи моментларның килеп керүе XIX гасыр азагы XX гасыр башында Россиядә яшәүче мөселманнар элитасының моңарчы алдынгы саналган жәдидчелектән сәясәи этапка күчүе белән бәйле. Чөнки Европа цивилизациясенә интеллектуаль климаты һәм сәясәи идеяләре белән таныш Садрый Максудый, Фуат Туктаров, Йосыф Акчура кебек алдынгы яшьләрне сәясәи яктан конституцион төзелешле, ягъни парламент системасына корылган Европа дөүләтләре мисалы шул идеяләр йогынтысына тарта.

Ф. Кәримнең юльязмасы Европа милләтләренә белем-мәгърифәт өлкәсендәгә прогрессын тасвирлауга багышланган. Ф. Кәрим жәдидчелекнең мәгърифәтчелек этабына хас булганча фикер йөртәп, Россия мөселманнары өчен дөньяви уку йортлары ачу, милли матбугатны булдыру, Төркия югары уку йортларында белем алу мәсьәләсен күтәрә. Ә менә шуннан 10 ел гына соң язган, Садрый Максудый исә, Россия Дөүләт Думасы депутатлары составында Англиягә визиты тәэсирендә язган юльязмасында бу илнең ижтимагый-сәясәи торышын, парламент структурасын, империя белән идарә итү системасын тәфсилләп яза.

Шул рәвешле Ф. Кәрим һәм С. Максудыйның Европага сәфәре һәм юльязмалары язылу арасында узган ун еллап вакыт эчендә Россиядә яшәүче татарлар мәнфәгатенә төп спектры матбугат органнары булдыру, мәгърифәтне алга җибәрү кебек чаралардан сәясәи реформалар ясау, конституцион дөүләт төзү һәм милләтләрнең тигез хокуклы булуына ирешү кебек максатлардан юнәлеш ала. С. Максудый сәяхәтнамә жанры кысаларында менә шундый ижтимагый-сәясәи, заманы өчен актуаль идеяләр үткәрә.

Нәтижә ясап әйткәндә, сәяхәтнамәләрнең барсын да конкрет традицияләр күчәлтүгә бер жанр итеп берләштерә һәм бер-берсе белән бәйләнештә карарга фәнни җирлек тудыра (хәтта авторлары төрле чорда яшәсәләр дә).

Бу ядкәрләрнең гасырлар буена үзләренә генә хас уртак сыйфатлары барлыкка килгән һәм бу хәл, үз чиратында, әлеге жанрның язылу нормаларын китереп чыгарган. Әмма жанр спецификасы буенча бер юнәлештә үсеш кичерсәләр дә, структур компонентлары ягыннан уртак булсалар да, бу ядкәрләр бер-берсеннән конкрет идея-эчтәлекләре, әдәби эшләнешләре белән аерылып торалар. 19 гасыр хажнамәләрендә традицион дини-ритуаллык белән бергә дөньявилык үреләп барса, дөньяви сәяхәтнамәләрдә реалистик элементлар: тарихыйлык, мәгърифәткә, прогреска өндәү дә, ижтимагый-сәясәи моментлар да чагылыш тапкан. 19 гасырда иҗат ителгән юльязмалар милли, әдәби мирасыбызның байлыгын чагылдырган зур бер катламын тәшкил итәләр, чор рухына муафыйк рәвештә үзгәреш – трансформация һәм яңарыш кичерәләр. Сәяхәтнамә жанрында да чорның ижтимагый проблемалары күтәрелә.

Әдәбият

Садретдинов Ш., Гайнутдинов М. Татарская поэзия I половины XIX века. Абульманих Каргали. Казан: Изд-во Казанского университета, 1978. – 35 с.

Тәржемаи хажи Әбелмәних әл-Биснәви әл-Сәгъийди. Казан: Казан ун-ты матбагат, 1845. С. 11–22 (гарәп графикасында)

Травников С. Н. История русской литературы. Древнерусская литература: учебное пособие для вузов/ С. Н. Травников, Л. А. Ольшанская. – М: Дрофа, 2007. – 510 с.

Батулла Рабит

ЖЫЛЫ ЭЗЛӘП ЮЛГА ЧЫКТЫМ

(Булат Сөләйман ядкәре)

Еш кызлары

Адәм баласы туа, яши, үлө – бөтен бәндәләр дә шушы юлны узарга мәхкум. Ләкин кешенең тууы аның сыйфатын билгеләми кебек. Кешенең яшәеше дә, үзе исән чакта, аның сыйфатын тәгаен әйтеп бирә алмый сыман. Кешенең үлеме дә аның сыйфатын бизмәнгә сала алмыйдыр. Чын бәһа шәхеснең вафатыннан соң азмы-күпме вакыт узганнан соң исәннәр тарафыннан билгеләнә килә. Байтак шәхесләребез, югары бәһагә лаек булса да, бик соң гына үз бәясен ала, бәгъзеләребез бүгенгә кадәр билгесезлектә кала бирә. «Бармыни бездә, гомумән, чын кеше кадрен белү, мексен үлеп аңлатмагач». Үлеп аңлата алса да ярар иде әле. Мотыйгыйлар, Ченәкәйләр һәм тагын башкаларыбызның иҗатларын түгел, исемнәрен дә халык онытты. Арабызда, янәшәдә генә яшәүче каләмдәшләребезнең эчендә ниләр барын без күп вакыт белә алмыйбыз, белергә омтылмыйбыз да. Мәжлесләрдә жыен тузга язмаганны сөйләп, кеше көлдерүче иптәшебез, баксаң, бик фажигале шәхес икән, аның эче тулы сагыш булган икән, ул исән чакта көлгән, көлдергән, шат булырга тырышкан. Безгә ул жылбәзәк, уйсыз-фикерсез булып күрүнгән. Каян белик сың, кайлардан белик? Аның үзенә ярдәм, юатыу кирәк булган икән бит. Ө ул үзе безне юата иде. Кайвакыт дөморынып, дәшмичә генә астан күзәтеп утыручыбыз, баксаң, шаян-төртмә сүзле кеше икән.

Без аны да үз арабызга тиз генә кабул итә алмадык. Ул Равилләр, Рәдифләр, Батуллалар, Рөстәмнәр, Гөгөриләр, Ренатлар, Әхмәтжаннар мәжлесенә керә алмый. Керсә дә ул ямау булып, чит-ят кеше булып утыра-утыра да, башкаларга сиздермичә генә юк була. Ул үзенә карата булган салкын, нәфрәтле карашны аңлый иде. Ләкин бу турыда беркемгә дә әйтми, зарланмый иде. һәм бу «затлы бәкләр» мәжлесенә керергә ул бик атлыгып та томый иде шикелле. Дөресен генә әйткәндә, ул каләм тотучылар арасында, Казанда, Татарстанда килмешәк сыйфатында яшәде. Яшәргә урыны юк, кияргә рәтле киеме юк, тотарга акчасы, төпле хезмәт хакы булмаган бу ят кешегә бик күпләр, шулар хисабыннан мин дә, шикләнеп карый идек. Ул төрмәдә берничә ел утырып чыкканнан соң читләшү, шикләнү тагын да арта төште. Ләкин ул түздә. һичкемгә ул авыр сүз әйтмәс, үзенә фәкыйрь, байгыш-буйдак-сукбай тормышыннан һич зарланмас иде. Аның өчен Казан чит шәһәр, аның өчен Казан язучылары жиде ят иде. Салкын Казанда берәз яшәгәч, ул кинәт юкка чыга, каядыр китә. Аның кай якларга киткәнә берәз дә белми. Инде онытылды, бүтән күзгә күрәнмәс, дигәндә генә, ул янә Казанда пәйда була. Сагынган! Шушы моңлы, шушы салкын, усал, Такташ әйтмешә «Фахиш шәһәр»не өзәлеп сагынганга кайтып төшә ул. Үзен чит-ят итеп күргән шушы язучыларны сагынып Казанга ашкына иде ул. Бар булган акчасы төкәнгәч, ул тагын югала. Гомере бугә энә шулай үзен кабул итмәгәннәргә эчтән генә рәнҗеп китә дә, тагын шуларны өзәлеп сагынып Казанга килә-кайта-китә яшәде, мәрхүм. Аның сүзләрен берәз үзгәртебрәк әйтсәк:

Жирнең тарту көчен әсиңдек, и Казаным,

Ләкин синең тарту көчең әсиңә алмам.

Юл йөрү кешене кешегә якынайта, юл сәфәре кешене кешедән читләштерә дә. Кеше юлда сынала. Әстерхан ягына сәяхәткә без аның белән бергә чыктык: Разил Вәли, мин, Клара Хәйретдинова, Роза Кожевникова, Булат Сөләйман. Мажаралы, кызыклы сәфәр булды ул. Шулар яктагы татар авылларында йөрәп кайттык. Нугай-татар авылларында йөргәндә, рәсми булмаган сәфәребездә без сый-хөрмәт тә күп күрдәк, кунарга урын, ашарга ризык табалмаган көннәребез дә булгалады. Сәяхәт азагында аңа булган тискәре карашыбыз бөтенләй үзгәрдә дә куйды. Авыр чакта ыңгырашмас, кыен чакта ярдәмчел, кеше малына кул сузмас, намуслы бер жегет булып чыкты ул. Шуннан соң без аның белән ныклап дуслаштык.

Сукбайлыкта йөргән чакта ул аз-маз язгалый иде. һәм, ниһаять, аның шигырь китабы 1980 елда дөнья күрдә. Ул Татарстан язучылар берлеге әгъзасы да булды. Киребәткән Казан тәки Булат Сөләйман атлы шагыйрь барын таныды.

Мин ялгызым йөрим урамда.

Бар да таныш,

Бар да ят монда.

Чал Себердән Казан каласына

Кемне эзләп килдең, йөрәгем?

Салкын җилле бураннарың белән

*Кемгә бар соң синең кирәгең?
Йортлар гүя бармак янап кала:
Күрмәгәнең монда күрерсең!
Төнге утлар канат кагып көлә:
Әй адашкан!
Нишләп йөресең?*

Ул миңа үзенең «Таңнар фонтаны» исемле шигырь китабына «Батулла дуска! Хисләремнен иң яктысын һәм татлысын бүләк итәм. 28.04.1980.» дип язып, истәлек имзасы куеп бирде. Мин аның шигырьләрен укып чыктым да:

– Әйбәт кенә язасың икән, әмма бик аз язасың,– дидем дә, тагын сорадым,– Синең шигырьләреңдә «Еш кызлары» сүзе бик еш очрый. Кемнәр алар Еш кызлары?—дидем.

– Ешлык ул куелык, урман эче дигән сүз. Шул куе ешлыкта гаять чибәр Еш кызлары яши, имеш. Шул гүзәл кызлар үзләренең сихри матурлыклары белән ауга киткән жегетләргә сихерләп, алдап, ешлыкка, куелыкка алып керәләр, ди. Сунарчылар һич кенә дә шул ешлыктан чыга алмыйлар, кайту юлын табалмыйлар икән. һәм гомерлеккә шул еш кызларына өйләнеп калырга мәжбүр булалар икән. Тайга эченә ауга китеп югалган сунарчылар турында Себер халкы шулай сөйли,– дип аңлатты шагыйрь.

– Матур, шомлы риваять,– дидем мин. – Ә менә синең хакта авылың халкы ни сөйли икән? Синең дә бит шигыри ауга киткәннән Сопраңа кайтканың юк.

Булат кинәт үзгәрде. Йөзенә сагыш сирпелде, ул авыр көрсенеп, чак ишетелерлек итеп әйтеп куйды:

– Иң авырткан жиргә кагылдың, Бату дус,– диде Булат. – Мин әле авылыма озак кайта алмам.

– Ни өчен?

– Казандагы еш кызлары мине адаштырды. Шулар мине авылыма жибәрми,– диде Булат елмаерга тырышып, һәм тагын сагышлы итеп өстәп куйды:– Мин ялангач, яланөс Сопрадан чыгып киттем. Жиде елдан соң да тагын яланаяк, яланөс кайтып керимме? Менә китабым чыкты, шөкер, хәзер кайтырга да булыр.

Ләкин ни сәбәпледер, Булат авылына озак кайта алмады.

Бегиев Абдуллах

ТАТАР ХАЛКЪНЫ ЗАКИЙ ДАСТАНЫ

Болгъандыла аллай заманла: къара чөпге жалаңда энчи-энчи адамла, энчи-энчи халкъла туюшуп турмай,– жырла, таурухла да туюшген. Алагъа да сынатхандыла кыйынлыкъ – халкъны эсине, сөзюне, сагышына... Алай ташны жарып чыкыгъан гюл кибик, бармыды жырдан, сөзден кючлю, андан назик зат, бютюнда халкъ жүрегинде жаратылгъан эсе?!

Татар халкъны жүрек сыры, ийнакъ жыры «Идегей», къадама ёмюрлени жырып, зинданланы бузуп чыкыгъанды!

«Идегей» – татар халкъны хорлагъан сөзюдю.

Аны кыуш ауанасы – ол насып белгиси бизни жолубузгъа да тиеди.

XIV ёмюрню аягы – XV ёмюрню башы. Алтын Орда ханлыгы. Алтын Орданы ууатхан, дуняны титиретген Акъсакъ Темир; ол туугъунчу 300 жыл алгъа дуняда жашап кетген Хожа Ахмат Ясауи (Есеви) – Тюрк Дунясыны фыйгъамбары, Кязими,– дунягъа Акъсакъ Темир тууарыгъын 300 жыл алгъа айтып кыойгъан билгич. Ол билгичлиги ючюн Тюркистанда Ясауини къабырыны юсюне деменгили кешене ишлетген Акъсакъ Темир, Кавказгъа дери келип, малкъар-къарачай халкъны – ас-алан-болгъарланы кыраллыкъларын – бурунгу Алан журтун седиретип, Европаны бек бийик тәппеси Минги Таугъа (Элбрусха) чыгып намаз кыылгъан Акъсакъ Темир, аны бери алландырып келген Тохтамыш хан. Тохтамыш ханны башын кесген Норадын, Норадынны атасы Идегей – Эдил Журтун, Болгъарын бирикдирирге кюрешген халкъ батыры; къан, жан, ёт, кыул, бий, хан, ханлыкъ, дерт, къаст, умут... – была бары да «Идегейни» жыр сатырларында кыулакъларынгы зууулдата, кёз туурангда шууулдай ётедиле...

Ай байтамал! XIV ёмюрню ахырында Тохтамыш хан ол кыуш балачыкыны Акъсакъ Темирге берип кыойгъан болса,– кесини башы да жеринде кыалып, Акъсакъ Темир да Минги Тауну тәппесине дери жетмей, малкъар-къарачай миллетни къадарында 1395 къанлы жыл да болмай, Алан Журту да чачылмай, бюгюн башха тюрлю дуняда башха тюрлю жашау сюрюр эдик...

Тарихни бла таурухну эсингде бирге байлай: «Сора барыны да сылтауу бир кыуш бала-чыккымы эди?!» – дей, уллу сейирге-тамашагъа къаласа. Анга ийнанып-ийнанамай тураса...

Кёп халкъланы тарихлери, къадарлары бла байламлы бу дастан кеси аллына аллай кыужур оюмланы туудурады. Эшта, халкъ бош айтхан болмаз: кертиси бла да – «курт, юзюлорден болса – чыпчыкъ аягындан»!

Бермеди Тохтамыш хан Акъсакъ Темирге ол кыуш балачыккыны. «Мен да сени кибик хан-ма!» – деди да, бермеди. Ма хар палахны да башы: «Мен да сени кибик!..»

Тохтамыш хан кесини кыушчу бийи Кыутлукъаяны башын тёммекге салдырып юздюртгенден сора, аны бешикде къалгъан жангыз баласына да ол жазаны буюргъанда, – алты жашлы, алтын башлы Жантемир, акъ сютге къан тамызып, Кыутлукъая бла ант этишген эр, Тохтамыш хан бешикдеги баланы ёлтюрмей кыймазлыккынын кёргенден сора, ёз баласын бешикге – балта аузуна салып, Кыутлукъаяны жангыз жашчыгкынын (Идегейни) бешикден алып кетип, ёлмуден кыутхарады.

Былайда, не айтыргъа билмей, абызырайса – антмы кючлюдо, бешикдеги балангмы кючлюдо?! Мен, XXI ёмюрню босагкысында бир инсан, бу затны ангылап – ангылаялмай, сейирге кыарап турама...

Аллахны буйругуу бла жашауу ючюн аллай хакъ тёлённген Идегей, айхайда, башхаладан бойлуракъ, оюму да ойлуракъ бир батыр болургъа керек эди. Аллах Идегейге энчи жазыу жазгъан эди. «Хан буйругуу ётмеди, ётсе да, Аллахдан озуп кетмеди!»

Ачы тарых, терен оюм, бийик поэзия, жыр, жомакъ, кюй, нарт сёз – бары да бирден, бир уядан башланадыла, окыуучуну, тынгылагкынын сейирге-тамашагъа къалдыра, – кыуш балачыккыдан, бешикдеги сабийден.

Тарих бешикден башланады... Былайда терен фикир жатады.

Ол сейир-тамаша, жети минг тизгин болуп, сагыр-сагыр жумулуп ётгенде да, бошалмайды, – бек башында бешикдеги Идегейге керилген айбалта аягкында кыарт Идегейни бойнуна келип тийгинчи, аны бла бирге уа Алтын Орда чачылгкыны. Битеу ишле – жашаула, къадарла, ханла, бийле, кыулла, ёксюзле, деуле, кыарыусузла, кыорккыкъла, батырла – бары да ол кётюрюлюп тургъан балтаны тюбюнде кыазауат этедиле.

Ала кёп тюрлю жашау болумлада сыналадыла. Адамлыккы кыйматлары, кишиликлери, кыорккыкълыккылары да ачыкъ кюрешледе ачылады. Ала эсли-эссиз сёзле да айтадыла, терстюз ишле да этедиле, жангылып, абынып, алданып да кетедиле – сау адамладыла, – сёзлери, сагкышлары, умутлары бири бирине арталлыда ушамагъан; «игиле», «аманла» деп экиге юлешинмей, бир жюрекге игилик, аманлыккы да сыйыннган, ариу сёзю сыланнган, ачы сёзю чарлагкыны; хар бирини ёз къадары, ёз жюрюшю, кыылыгкыны, халы, сёзю.

Ала кыаты да адамладыла – сёзлеринден кыайтмагкыны, не азап сынатсала да – бюгюлмеген, сынмагкыны. Душман аллында тобуккыланнгандан эсе – башларынын балта аузуна салыргъа хазыр. Жанларынындан эсе – антларына сакъ.

Ала ёхтем да адамладыла. Сабийлери да, тап кёрмеселе, ханнга окыуна ийилип салам бермеген.

Кыуанч, бушуу, палах, жилиу, чам, чамланыу, харх, хорлау, хорланыу да аланы антлы нёгерлеридиле.

Адамланы энчи къадарлары, кыылыккылары, сырлары, сарыулары да ол жашау тенгизи Алтын Орданы булгкыайдыла, онгдан – солгкыа, солдан онгнга чайккыайдыла, кемеле ойнатхан толккыунла, келип-келип, бири бирине тийип чачыладыла. Башы – кыутургкыны кёмюгюу бла сюрюлюп келип, шууудап, толккыунларынын XXI ёмюрню къадама жагкыаларына атады, анда, тюбюнде – теренде, 14–15-чи ёмюрден къалгкыны инжи-жаухар оюму жатады...

Тарых желлери жонуп ишлеген сёз рышыла, къанатлыдан учхун сезим, тил байлыккы, шатыккы, муратха талпыныу, къаст этмеклик, къан, жан алыргкыны, дерт жетдирирге, жер тепдирирге къадалыу, къаныгкыны – была бары да бирден кыозгкыалып, кётюрюлюп, оюла, жайыла, заманны сур маккыамын согкыадыла. Хау, оюлуккыны эди Алтын Орда. Таланырыккыны эди...

Ары дери да, андан сора да оюлгкыандыла «алтын ордала». Баям, адам улуну къадары алайды: ол да «алтын орда» кыурай – «алтын орда» да оюла, ол – кыурай, ол – оюла... Жашау кеси уа алай тыйюлмюдо: тууа – ёле, тууа – ёле?..

«Идегей» фольклор чыгкыармадан теренди, кенгди. Неда, дейим, жюрек сезими сууумагкыны, сууумазлыккыны халкъ чыгкыармады, хар тизгини сезимден, жашаудан толуп, жюреги ура тургкыны. Хар сёзю – жан тамыры.

Ма жигитлик сыфаты:

*Менме деген эр жигит,
Арсланга тенг жигит,
Отха салсанг – жанмайды,
Суугъа атсанг – батмайды,
Этер ишин этгинчи,
Жетер жерине жетеинчи,
Жолда ёлюп жатмайды, –*

ма керти жигитлени жашау жорукълары. Ма оюм теренлик да:

*Къум, жыйылып, таи болмаз,
Къул, жыйылып, баш болмаз.*

Неда – башха нарт сёзле:

Ат, сюрюлмей, жер танымаз,

Эр, сюрюлмей, эл танымаз...

Ат да – тойгъан жерине,

Эр да – туугъан жерине...

Неда туугъан жер, тансыкълыкъ сезими:

Терегинг бар, тилеклей, –

Алмасы бар, жүреклей,

Къарамы бар, жилеклей,

Чапырагъы – сыргъача;

Шауданлары – жоргъача,

Тынгыласанг – жыргъача.

Балдыргъаны – билекча,

Тола тургъан тилекча ...

«Идегейни» ёнюн, ауазын ызлай келсенг, къарачай-малкъар фольклоргъа дери жетесе, нарт сёзлерибизге, таурухларыбызгъа чыгъып къаласа. Ненча тюрлю жашауланы ичлери бла, къаллай тюрлю жолланы къыдырып келген болур бизге дери жетгинчи бу оюм нюрчюгюбюз:

– Шауданчыкъдан не чыгъар?

– Къары-къары без чыгъар.

– Акъыллыдан не чыгъар?

– Сабыр-сабыр сёз чыгъар.

«Идегей» бла къарачай-малкъар фольклорну арасында биз алыкъа иги билмей тургъан жашырын сезим къылла тартылыпдыла. Былайда «шауданчыгъыбыз» «Идегейден» келгени эсленмеймиди:

Тамгъалы ат, Къолан ат,

Къолан ат а терк чабар,

Чапхан атдан тер чыгъар,

Акъ мамукъдан бёз чыгъар,

Акъыллы эрден сёз чыгъар...

Ол «шауданчыкъ», ким биледи, ёмюрлени ичи бла саркъып келип, халкъ жырларыбызгъа, таурухларыбызгъа, нарт сёзлерибизге, элберлерибизге жутулуп кетген эсе да. Неда аладан эс табып къанатланган эсе уа?.. Бу «шауданчыкъ» – бизге жетген тымыды.

Малкъар халкъны бла татар халкъны тамырлары бир болгъанын, ала экилери да болгъарлыла болгъанларын – бир терекни бутакълары – «Идегей» теренден ачады, – тили да, жүрек сыры да, адети-тёresi да, жаны-къаны да аны алайлыгъын къызгъан темирча билдирип турады.

Тынгылачыгъыз бир энтта иги къулакъ берип бу ёмюрле букъусу мутхузландырмагъан сёзлеге:

Къул сагъышын бий билмез,

Бий сагъышын хан билмез,

Жарлыны да бай билмез,

Жауну сырын жау билмез;

Ач къарынны токъ билмез,

Ауругъанны сау билмез,

Ым билмеген тил билмез,

Тил билмеген эл билмез.

Алтынны алтын билир,

Эрни сыйын эр билир,

Кёп жашагъан не билир, –

Кёп къыдыргъан жаш билир!

Ма аллай сейирлик инжи-жаухар сезим жатады ол къарындашлыкъны, халкъ бирлиги-бизни теренинде. Ала къайтып-къайтып шагъатха сюеледиле, бирлигибизни бизге аманат, тёлюлеге осуят этгенча:

*Мангылайдан чыкъгъан ачы тер,
Табаннга жетсе, – туз болур;
Къулакъгъа тюшген сууукъ сёз,
Жюрекге жетсе, – буз болур;
Агъач башын жел бурур,
Адам башын сёз бурур...*

Бу байламлыкъны тынгылы тинтирик илмучуларыбызны аллай кёп суйюнчюлюкле сакълайдыла, – тилибизни, тарихибизни, жолубузну ачарыкъ. «Идегейни» не къадар терен къаза барсанг, арабыз ол къадар жууукъ бола барады. «Идегейни» теренинде, озгъан ёмюрледе, жатхан кёп сёз бюгюн бизни къарачай-малкъар тилибизде жылтырап, жашап турадыла. Ма аланы биразы: *алгъыш, аталыкъ, арыш, байтал, бий, борбай, къыдыргъан, къууушхан (ат жер кереги), къазакъ кетген, садакъ, сахтиян, сынжыр, д.б.* Биз аланы бюгюн не магъанада жюрюте эсек да, татар тили, ол магъананы ачар ючюн, «Идегейде» ангылатыула береди. Сёз ючюн: *алгъыш* – хайырлы тилек, *бий* – акъсюек, феодал дегенча, башхалары да алай.

Бу дастан: «Мен татар-малкъар-къарачай-болгъар халкъны ара, орталыкъ, бирикдирген дастаныма!» – дерге аздан къалып турады. Бурун бир халкъны эки да жаягъын бирге байлап турады. Къалгъаны – кесибизден...

«Идегей» иесине – бу дастанны жаратхан татар халкъгъа ёхтемлик бере эди. Быллай нюрю жаланда уллу халкъны болургъа боллугъун билдире эди, – къадары, тарихи, эси-акъылы, сезими, озгъан, келлик юню да уллу болгъанын. Арытхан жолуну юсюнден сагъышландырады. Халкъны эсин сагъайтып турады. Таукеллендирген этеди. Азатлыкъгъа учундурады.

Да, хау, быллай эпос къара чёпге тюшмей къалай къалыр эди?! Аллай ниети болгъан халкъ да. Эпос а халкъны ниетиди, акъылыды, эсиди, юлгюсюдю, келлик тёлюлеге айтыр сёзюдю...

Ийманы-дини болмагъан «жангы адам» ёсдюрюрге бурулгъан, хар зат да хорлам бла бошалыргъа керек соцреализмни излемлерине, «жангы динни» – динсизликни жоругъуна бу «Идегей» арталлыда келишмей эди. «Хан-феодал эпос» деген сылтау бош, сёз орунуна айтылгъан зат эди, – кертиси, тюзю башха кюбюрде жата эди. Тюз алайдан болса, къууанып да басмалатыр эдиле – кёремисиз, алтын ордала оюладыла, ханла жоюладыла деп. Иш башхада эди. Биринчиден, ханланы окъуна кюрешлери хорлам бла бошалмайды. Алтын Орда оюлады. Къууанып да басмалар эдиле, алай... Была да кеси араларында ханладан кем кюреш бардырмасала, ёз ниетлерин алдырыр ючюн аладан осал амалланы хайырланмасала, эндиге дери адам улу кёрмеген «Алтын Орда» (АО) къурайбыз демеселе. Алай ол жангы АО да не бла бошалыргъа боллугъун «Идегей» кёзлерине тутуп къоя эди – къама бурнунда жашау болмагъанын. Ма сейир: тюз ол жангы АО оюлгъанлай, «Идегей» да басмаланганды. Азатланганды.

Экинчи жанындан айтханда, «Идегей» татар халкъны закийлигин, уллу фахмусу, сейирлик тарихи, ёз къадары, акъылы-эси, адети-тёреси, ёхтемлиги, кишилиги болгъанын да ачыкъ айтып тура эди. «Жангы ордачыланы» барлыкъ жолларын, кеслерин да кеслерине танытханча, халкъны да келген жолун, кесин да кесине таныта эди – уллу да, закий да халкъса деп. Баям, ол эди бек баш сылтау – жангы АО-гъа дери да татар халкъ – халкъ, къырал, деулет болгъанында! Ол себепден жангы интернационалист ханланы кёз туураларында «Идегей», айхайда, бир миллетчи эпос эди, бек аздан айтханда...

Къысхасы, не жанындан алып къарасакъ да, – не фольклор, не саясат, не адабият жорукъгъа сыйынган зат туююл эди. Ма алай бла тюрк тилли халкъланы – къарачайлыланы, малкъарлыланы (болгарлыланы), тюрк месхетлени, къырым татарлыланы, аланы дин къарындашлары – ингушлуланы, чеченлилени туугъан жерлеринден кёчюрюрге оноу этгенле 1944 жылда татар халкъны эпосун – «Идегейни» халкъны эсинден кёчюрюп, жокъ этерге оноу чыгъарадыла.

Баям, татарлыланы асламыракъ болгъанлары себепли (бир ненча миллион), кеслерин да кёчюрюрге жер табалмагъандыла, неда алыкъа кезиу жетмеген эди.

«Идегей» ол кёчгюнчюлюкден 1990 жылда къайтханды, китап болуп чыкъгъынчы тутулуп туруп. Ол жыл татар, орус тилледе да басмаланады.

Сейирди, татарлыла: «Биз да халкъбыз!» – деп, жангыдан эс жыйгъанлары бла «Идегейни» да, къара чёпден къутулуп, халкъгъа къайтханы бир кезиуге тюшеди. «Идегей» азатланганлы аны иеси татар халкъ да: «Азатлыкъ!» – деп сюелгенди. «Идегейде» биз билип-билмей да аллай бир жашырын кюч сезиледи. «Идегей» татар халкъны ёлюмсюз нарт сёзюдю, билгичиди, ичинде терен оюму, поэзиясы, дууасы болгъан.

Аны аллай бир затындан кѳоркѳмасала, 1944 жылда, уруш бошалгынчы да тѳзмей, халкъланы атханча, артыкълыкны кѳара зинданына атып, ВКП (б) -ны Ара Комитетини кѳара бегими бла бегитмез эдиле. «Идегейни» энчи дуниясы, ачыкѳ жарача бир кертилиги болгѳанын ол шарт окѳуна ачыкѳ билдиреди, – халкѳны ниети, тарихи, итениую бла кѳаты байламлы болгѳанын. Биле эдиле, баям, аны ичинде кѳачан болса да бир уянырыкѳ кѳуч уюп тургѳанын.

Алдагѳы кѳюн – огѳургѳа,

Биз баргѳынчы, ол келмез! –

ма Идегейни ахыр тылпыуу, халкѳына аманаты, келлик тѳлюлеге осуаты.

Мен ийнанама: хар тюрк тилли миллетни ѳшонюнде бу «Идегей» дастаны алтын майдал болуп жылтырарыкѳды. Ол алтын майдал кѳарачай-малкѳар (болгар) халкѳны ѳшонюне тагѳылады.

Ахырында айтырым: энди, бюгюн –

Заман кимни заманы? –

«Идегейни» заманы!

Дебер кимни дебери? –

«Идегейни» дебери!

Вѳлиева Г.Д

ГАБДЕРѳХИМ УТЫЗ-ИМѳНИ ИЖАТЫНДА ГЫЙЛЕМЛЕЛЕК ИДЕЯЛѳРЕ ЧАГЫЛЫШЫ

Татар халкында гыйлемлелеккѳ омтылу, белемле, укымышлы кешелѳрне зурлау бик борын-гыдан ук килѳ. Моның бер тармагы Корѳѳннѳн килгѳн идеялѳр белѳн бѳйле булса, икенчесе, мѳгѳрифѳтчелек идеялѳре таралу дѳверендѳ ул кабат яңарып, кѳтѳрелеп китѳ. Татар тормышында ислам дине кануннары ѳз кѳчендѳ булып, шул ук вакытта дѳнъяви гыйлемнең ѳнѳмияте дѳ югары бѳялѳнгѳн чорда – 1754–1834 елларда яшѳп ижат иткѳн Г. Утыз Имѳни ѳсѳрлѳрендѳ дѳ гыйлемлелек темасына ѳстенлек бирелѳ. Ятимлек сѳбѳпле тормышы шактыѳ авырлыклар белѳн барса да, Г. Утыз Имѳни ѳз чоры ѳчен гаятѳ укымышлы кеше була. Ул туган теленнѳн башка берничѳ телне камил белѳ. Гомерен дѳ яшѳ буынга белем бирѳгѳ багышлыѳ. Тормышының кѳп ѳлешен гыйлемен арттырып, галим хѳм укымышлылар белѳн аралашып ѳткѳрѳ. 1811 елда ѳз кулы белѳн язылган бер истѳлегендѳ ул ярлы булса да, гыйлем алу, шул максаттан тѳрле жирлѳргѳ баруның чарасын табуы турында искѳртѳ (бу язма К. Насыйри тарафыннан ѳйрѳнелгѳн). ѳлеге затның белемгѳ омтылышы хѳм ѳзендѳ булганны башкаларга ѳйрѳтѳне дѳ максат итѳе турында Ш. Мѳржѳни дѳ искѳртеп ѳтѳ. ѳзе гыйлемле булуны бик тиешле санаганлыктандыр, аның ѳдѳби ѳсѳрлѳрендѳ дѳ гыйлемлелек темасы алдагы урында тора. Бу теманың **актуальлеге** дѳ шуың белѳн дѳлиллѳнѳ. Язучы, педогог, тѳржѳмѳче хѳм галим саналган Г. Утыз Имѳнинѳн ѳдѳби мирасы да шактыѳ зур. Аның хезмѳтлѳренѳн яртысын диярлек шигѳри ѳсѳрлѳр тѳшкил итѳ. Шулар арасында кѳлѳмле ѳк поѳмалары бар. Бу –»Гаварифѳз заман» («Заман укымышлылары»), «Тѳнзифѳл-ѳфкяр» («Фикерлѳрне пакѳлѳндѳрѳче») «Мѳниммѳтѳз-заман» («Заманның мѳним хѳллѳре»), «Тѳхфѳтел горабѳ» («Читгѳ ѳйрѳчелѳргѳ – гариплѳргѳ – бѳлѳк...»), «ѳл-карзи микѳразел-мѳхѳббѳт» («Бурыч – дуслыкны кисѳ кайчысы») һ. б.

Г. Утыз Имѳни ижат иткѳн еллар шактыѳ каршылыклы, ислам кануннарын тормыш белѳн килештерѳгѳ, халык тормышындагы алгарышка якынайтуга катгыѳ каршы килгѳн иске каршы дин ѳшеллѳре белѳн Габделнасыѳр Курсави, Г. Утыз Имѳни кебек кеше акылының кѳченѳ, аның хѳрвакыт ѳсѳш юлында булуына ышанган галимнѳр арасындагы бѳхѳслѳр куерган чор. Дини хѳм дѳнъяви гыйлемнѳрне кешенѳн килѳчѳген яхшырту максатында хезмѳт иттерѳргѳ алынуы ѳчен аңа кѳп тѳнкыйтѳ кичерѳргѳ хѳтга тѳрмѳгѳ ябылырга да туры килѳ.

Гыйлем алу, гыйлем белѳн жѳмгыятѳкѳ хезмѳт итѳ, башкаларга белем бирѳ темасы аның ѳсѳрлѳрендѳ ѳзѳктѳ тора. Бу бигрѳк тѳ «Гаварифѳз заман» («Заман укымышлылары»), «Тѳнзифѳл-ѳфкяр» («Фикерлѳрне пакѳлѳндѳрѳче») ѳсѳрендѳ ачык чагылыш таба. Соңгысында «Гыйлем хѳм гакулның ѳстенлеге турында бѳлек» тѳ бар.

Шагыѳрь гыйлемлелекне тормыш ѳчен иң кирѳкле нѳрсѳлѳрдѳн саныѳ. Кешенѳн яшѳу мѳгѳнѳсе гыйлемле булу хѳм башкаларга гыйлем бирѳгѳ мѳнѳсѳбѳтле карала. «Дѳнъяда мѳнѳге яшисѳн килсѳ, – ди ул, – укы тырыш белем ал, белем ул тереклек суы» Надан кешенѳн бѳхѳте дѳ, намусы да хѳнѳре дѳ юк. Тормышның асылы, андагы ѳзгѳрѳшлѳр дѳ гыйлемгѳ нигѳзлѳнѳ. Мал, байлык вакыт ѳткѳн саѳн кими торса, гыйлем кулланган саѳн арта бара. Галим кеше йолдыз ке-

бек балкп тора. Гыйлем генә бөтен серләрне, аңлашылмаганнарны ачып бирә ала. Гыйлемлелек ике дөнья өчен дә бәхет ачкычы булып тора дигән фикердә тора шагыйрь. Шигъри юлларда бу фикерләр түбәндәгечә яңгыраш ала:

Мәңге яшәргә теләсән, и угыл,
Ал гыйлем, чөнки тереклек суы ул.
Белмәде һөнәрне гыйлемсез кеше,
Булмады аңарда бәхетнең эзе...,
Ал гыйлем, чөнки яшәүнең асылы шул,
Хәл итә барлык кыенлыкны тик ул.
Кем гыйлемле, бел асылташ дип аны,
Һич жиңелмас угры яки дошманы.
Гыйлемлелек – яшьрен хәзинә, кем таба,
Ике дөнья байлыгы булыр аңа [1:230].

Г. Утыз Имәни үз заманының күпчелек шагыйрьләре кебек, нигездә ислам дине кануннарына ихтирам саклый. Ул кеше яшәешен икегә бүлеп күзаллый. Бу – фани һәм бакый дөнья. Алар бер-берсе белән тыгыз бәйләнешле. Фаниликта кылган гамәлләребез бакый тормышның асылын тәшкит итә дип карала. Гыйлемлелек мәсьәләсе дә шул жирлектә хәл ителә.

Гыйлем, акыл халыкка хезмәт итәргә тиеш дигән фикерне алга сөрә шагыйрь. Шунда ук на-дан, булдыксыз кешеләргә житди эш тапшыруга каршы чыга. Г. Утыз Имәни гыйлемлекне һөнәр, тормыш-көнкүреш белән бәйләлектә карала. Шуңа һәр эшнең башында галим кеше торыны тели:

Чөнки галим халыкның гыйлемен ачар,
Мөшкит улмыш хәлләрнең юлын ачар [1:230].

Кешенең хөрмәт, дан иясе булуы да гыйлемгә бәйләнешле карала. Байлык, мал ярдәмендә ирешелгән дәрәжәләрнең әһәмияте юк дип санып шагыйрь. Әлеге карашлардан чыгып, гыйлемле-лек – кешене бизәүче иң асыл сыйфат буларак бәйләнә. Кешенең яшәү мәгънәсе гыйлем алу, аны файдалана һәм башкаларга мирас итә белүдә булып аңлашыла. Бу фикергә Г. Утыз Имәни Коръән таләпләрен дөрәс аңлау, тормыш үзгәрешләренә реалистик карашта торыу нәтижәсендә ирешкән дип фаразларга кирәк. Чөнки Коръән һәм хәдисләрдә дә гыйлемлелек иң затлы сыйфатлардан са-нала. Шул ук вакытта кешелек яшәеше гел үзгәрештә булганлыктан аны үз агымында кабул итү, тормыш тудырган яңа гыйлемнәрне кабул итү дә бик әһәмиятле.

Г. Утыз Имәни гыйлемлекне реаль тормыш белән, һөнәр, эхлак белән бәйләлектә ачкан олы шагыйрьләрнең берсе. Аның фикерләре хәзер дә үз көчен югалтмаган, заманча яңгырый.

Галиева Л. Ш.

ТАТАРСТАННАН ЧИТТӘГЕ ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНЫҢ ФӘННИ ЯКТАН ӨЙРӘНЕЛҮ ТОРЫШЫ

Сәнгатьнең аерым бер тармагы буларак әдәбият, гасырлар дәвамында үсеш баскычлары ки-череп, һәр халыкта үз милли йөзен, тарихын булдыра. Татар әдәбияты турында да без нәкъ шул ук фикерләргә житкәргә алабыз. Шул ук вакытта, «татар әдәбияты» дигән төшенчә, заман һәм бүгенге вазгыять таләпләреннән чыгып, билгеле бер аңлатма бирүне дә сорый. Әлеге төшенчә үз эчендә берничә гасырны берләштереп килгән кебек үк, шактый киң мәйданны биләп тора. Әгәр Борынгы һәм Урта гасыр әдәбиятлары турында сүз йөрткәндә без, нигездә, төрки дөньяның уртак хәзинәләренә мөрәҗәгать итсәк, соңрак исә шул мирасыбызның аерым чаткылары бүген дә яшәп килгәнә сөенәбез. Билгеле, һуннар империясе, төрки каганатлары һәм Алтын Урда дәүләтләренең таркалуы эссез узмый. Әлеге тарихи вакыйгаларның шактые әле XVII–XVIII га-сырлар белән бәйле карала. Шул рәвешле халык ассимиляцияләнгән, башка милләтләрнең дәүләтенә керергә мәҗбүр ителә. Бүген Литва, Польша, Белоруссия татарлары дигән исем астында аерым халык берләшмәләре яшәп килүе дә шуңа дәлил. Атамасы безгә якын булса да, жисемен чамалап кына күз алдына китерәбез. Алар исә әлеге жирләргә тарихи ватаннары буларак кабул итә.

Россия территориясендәге өлкәләргә дә онытмыйк. Алтын Урда өлешләре булып калкып чыккан ханлыкларда татар, татар әдәбияты төшенчәсе сакланып кала. Мисал өчен, бүгенге татар әдәбиятында Казан ханлыгы чоры әдәбияты дип йөртелгән дәвер әдәбиятына башка төрки-татар ханлыкларында сакланып калган ядкарлар дә кертеп өйрәнелә. Моның ачык дәлиле – 2014 елда басылып чыккан

«Татар әдәбияты тарихы»ның Борынгы һәм урта гасыр татар әдәбиятын яктырткан ике томы [Татар, 2014]. Биредә «... халкы үзбәкләргә, төрекләргә, каракалпакларга, кыргызларга, казахларга да компонент буларак күп катышкан Нугай Урдасы» халкының ижаты татарларның да мирасы булып тора дигән фикер үткәрелә: Казтуган Сөнеч улының әдәби әсәрләре китерелә, Нугай Урдасы шагыйре Дусәмбәт, «Жәмигыт-тәварих» («Тарихлар жыентыгы») хезмәтләре кертелә. Соңгысы Иран тарихчысы Рәшиддиннең (1247–1318) фарсы телендә 1300–1310 елларда язылган шул исемдәге зур әсәренә Алтын Урда тарихына кагылышлы өзеңләреннән тәржемәсе булып тора. Тәржемәче – Кадырғали бәк Жалаирлы, Себер ханлыгы аксөякләреннән Касыйм ханнары карачи бәкләреннән булган зат. Әлеге төбәккә бәйле шәхесләренә ижатларына үз хезмәтләрендә Ф.С. Сәйфуллина киң туктала, гыйльми анализ ясый [Сайфуллина, Талипова, 2009, 2011; Сайфуллина, 2010; Сайфуллина, Галлямова, 2013; Сайфуллина, Кирамова, 2013 һ.б.]. Тел, сөйләшләр, топонимика, ономастика, жирле легенда һәм риваятьләргә Х.Ч. Алишина зур игътибар бирә [Алишина, 2013]. Себер төбәгендәге татар әдәбиятының үсешен тикшергән хезмәтләр арасында Тубылда язылган һәм якланганнары игътибарга лаек. Әлеге төбәк галимнәре чын мәгънәсендә үзенә бер төркөм тәшкил итәләр. 2014 елга кадәр татар әдәбияты белгечлеге буенча якланган 301 диссертациянең [Бәдәртдинова, 2014] гомуми исәбеннән чыгып карасак, алар якынча 4% ны тәшкил итә. Шуларның исемлеген китерик:

1. Аминов К. Т. Историческая основа и прототипы героев романа Якуба Занкиева «Зори Иртыша» (2012).
2. Бабшанова Г. Н. Художественная концепция личности в прозе сибирско-татарских писателей XX века: Занкиев Я. К., Сулейманов Б. В. (2009).
3. Галямова Г. С. Отражение темы Сибири в татарской прозе второй половины XX века (2006).
4. Закирова Л. Р. Художественная деталь в прозе Ф. Амирхана: разновидности, функции, эволюция (2007).
5. Кирамова Х. Х. Литературно-публицистическая деятельность Якуба Занкиева (2009).
6. Талипова Г. М. Тобольский поэт Амдами и его книга наставлений «Насихатнамә» (2007).
7. Ташкеева Г. Х. Мифологические и фольклорные мотивы в романах Якуба Занкиева (2009).
8. Уразова Н. М. Х. Ярми о влиянии фольклора на формирование татарской литературы (2008).
9. Фаизова Л. Х. Особенности творчества сибирско-татарского поэта Ш. Гадельши (2006).
10. Фаттакова А. А. Женские образы в татарской просветительской литературе (2011).
11. Хамитуллина З. С. Просветительские идеи и идеалы в творчестве поэта XIX века М. Акмуллы (2007).
12. Хуснутдинова М. С. Система женских образов в романах Якуба Занкиева (2010).
13. Якупова Г. Х. Дискуссии писателей в контексте татарской духовной жизни начала XX века: (на примере Г. Исхаки, Ф. Карими и др.) (2006).

Себер һәм Нугай ханлыктарынан кала Кырым ханлыгын да истән чыгарырга ярамый. Бүгенге сәясәт вакыйгаларга бәйле рәвештә әлеге момент аеруча актуальләшә. Кырым татарларының әдәбияты хакында бүгенге көндә хезмәтләр, нигездә, шул төбәк галимнәре тарафыннан күпмедер дәрәжәдә тикшерелгән. Россия галимнәреннән, мисал өчен, Гашыйк Гомәр ижатына үзенә аерым бер мәкаләсен Х. Й. Миңнегулов багышлый [Миңнегулов, 2013]. Кырым татарлары әдәбияты буенча якланган диссертацияләр Россиядә табылмады. 2012 елда исә Киевның Тарас Шевченко исем. милли университетында Тимур Бекирович Усеинов тарафыннан «Классическая крымскотатарская письменная поэзия конца XVI – начала XVIII вв. Архитектоника. Семантика» темасына докторлык диссертациясе яклана [Усеинов, 2012].

Турыдан-туры Әстерхан ханлыгы чоры әдәбиятына басым ясалмаса да, әлеге төбәкнең татар әдәбиятына Ф. Х. Жәүһәрәва үз хезмәтен багышлый: «Татарская литература Астраханского региона в историко-культурном контексте (XIX – нач. XX вв.)» [Жәүһәрәва, 2003]. Татарстанга иң якын төбәкләрдән булган Башкортстан Республикасында да, билгеле булганча, татар әдәбияты шактый киң колач жәеп яши. Кызганыч, бу төбәкнең татар әдәбияты да тикшеренүчеләрне көтә. Дөрөс, Башкортстандагы татар әдәбияты хакында 2013 елда фәнни конференция дә булып узды, әмма бу мәсьәләнең фәнни чишелешен әлегә тапмады.

Башка төбәкләрдәге татар әдәбиятын яктырткан фәнни хезмәтләр арасында И. С. Мансуровның «Татарская литература зарубежья и творчество Гаяза Исхаки периода эмиграции» дип исемләнгән диссертациясен атарга була. Моннан тыш, соңгы берничә елда Польша, Белорусия һәм Литва дәүләтләрендә татар әдәбиятының торышы хакында да татар укучысына мәгълүмат ирешә башлады. Шулардан, Интернет чараларын санамаганда, «Фәнни Татарстан» журналында басылып чыккан поляк галиме Гжегож Червинскийның «Бүгенге Польша татарлары әдәбияты проблемалары хакында» дигән мәкаләсе [Червинский, 2015].

Биредә бары тик соңгы елларда басылып чыккан хезмәтләргә мөрәжәгать ителде. Шунисы ачыкланды: Татарстаннан читтәге татар әдәбияты бүгенге көндә әле шактый өйрәнелмәгән өлкә булып кала бирә. Шунисы сөенечле: ул әдәбиятның үз тарихи юлы бар, ул бүген дә яши. Хәзерге заман мәгълүмати технологияләрне файдаланып бары тик фәнни элементләрне ныгыту, аралашу бурычы тора. Шул вакытта гына «татар әдәбияты» төшенчәсе тулаем күзалланачак.

Әдәбият

Алишина Х. Ч.: библиографический указатель / [сост.: В. В. Малецкая; отв. ред., вступ. ст. и заключения А. Г. Еманов]; Тюменский гос. ун-т, Информ.-библиотечный центр. – Тюмень: Печатник, 2013. – 90 с.

Бәдретдинова Л. Ш. Татар әдәбиятының фәнни өйрәнелешенә карата // Фәнни Татарстан. – 2014. – № 2. Б. 33–44.

Жәүһәрәва Ф. Х. Әстерхан төбәгендә татар әдәбияты (XXI–\$5X йөз башы). – Казан: Мәгариф, 2003. – 127 б.

Миннегулов Х. Ю. Художественное своеобразие стихотворений Ашык Умера // Филология и культура. – 2013. – № 1. – С. 155–158.

Сайфулина Ф. С., Талипова Г. М. «Насихатнамә» Амдами – литературный памятник средневековья (текстологический анализ). – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2009. – 180 с.

Сайфулина Ф. С. «Духовно-нравственные проблемы в средневековой татарской литературе». – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2010. – 128 с.

Сайфулина Ф. С., Талипова Г. М. «Традиции суфийской литературы в произведении «Душевная благодать» поэта средневековья Хувайды». – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2011. – 200 с.

Сайфулина Ф. С., Галямова Г. С. Отражение темы Сибири в татарской прозе второй половины XX века: Монография. – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2013. – 120 с.

Сайфулина Ф. С., Кирамова Х. Х. Литературно-публицистическая деятельность Якуба Занкиева: Монография. – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2013. – 182 с.

Татар әдәбияты: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 1 т.: Борынгы чор һәм Урта гасырлар / [фәнни мөх. М. Х. Бакиров]. – 415 б. Татар әдәбияты: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 2 т.: XV–XVIII гасырлар / [фәнни мөх. Х. Й. Миңнегулов]. – 471 б.

Усеинов Т. Б. Классическая крымскотатарская письменная поэзия конца XVI – начала XVIII вв.: Архитектоника. Семантика. [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук. – Симферополь, 2012. – 539 с.

Червинский Г. Бүгенге Польша татарлары әдәбияты проблемалары хакында // http://www.fenni-tatarstan.ru/uploads/73275553a5aaab1091-%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%93..pdf [Дата обращения: 22.06.2015]

Гафурова Ф. А.

РЕЗЕДА ВӘЛИЕВА ШИГЪРИЯТЕНЕҢ ИДЕЯ-ХУДОЖЕСТВО ҮЗЕНЧӘЛЕГЕ

Резеда Вәлиеваның балалар поэзиясендә үз урыны, үз вазыйфасы бар. Аның исеме татар балалар поэзиясе белән аерылгысыз бәйләнештә. Шагыйрә бар гомерен балаларга багышлаган. Аның балалар өчен язган шигырьләре төрле һәм күпкырлы. Тематик яктан шагыйрәнең балалар өчен язган шигырьләрен дүрт зур төркемгә бүлеп карарга мөмкин: Балалар тормышын чагылдыру; хайваннар белән таныштыру; табигать күренешләрен тасвирлау; тарихи-социаль эчтәлекле әсәрләр.

Р. Вәлиева шигырьләренә ике төп максатка буйсындырылуын, аларда шигъри танып белү һәм тәрбияви юнәлешнең өстенлек алуын күрергә була. Резеда апа күбрәк балаларга иң яқын булган кешеләре, әниләре ләү әниләре турында яза. Бу бик табигый, чөнки балага иң беренче тәрбия бирүче аның әнисе, дәү әнисе аннары гына тирә-юнь, дуслар, мәктәп. (Минһажева, 2009:254)

Шагыйрәнең шушы темага «Дәү әнигә барабыз», «Әбине жәлләп кенә», «Әниемнең куллары», «Бәйрәм бүген» һ. б. Әни образы шагыйрә аңлавынча – дөнья тоткасы ул. Ул житез хужабикә дә, ягымлы әни дә, тугры иптәш тә:

Әниемнең кулларында

Күңелем тынычлыгы

Әниләрнең кулларында

Дөньяларның ныклыгы. «Әниемнең куллары»

Туган телебезнең моңын, матурлыгын, үзенчәлекләрен баланың күңеленә бик кечкенәдән үк сала башларга кирәк. Кечкенәдән үк туган телне яратсаң, өйрәнмәсәң, аннары соң булла.

Шагыйрә кечкенәдән туган телебезнең матурлыгын, халык моңын ишетеп үскәнгә күрә, шигырьләрендә дә шуны кечкенә дусларына житкерергә тырыша. Тәрбиячеләрне ярдәмгә чакыра, матур аһәңнәре белән бала күңелен туган телебезгә якынайта, аңа мэхәббәт тәрбияли:

Туган телем – татар теле,

Сандугачлар теле бит ул.

Үзе гүзәл, үзе бөөк,

Аһәңде һәм моңлы бер тел. «Туган телем»

Бу юллар берникадәр, хәтта бөөк Тукаебыз юлларына да аваздаш булып тора. Автор Туган тел, Туган ил, Әни сүзләренең кеше өчен иң кадерле, сөөкле төшенчәләр икәннен аңлатырга тырыша.

Үзенең моңы, жанлылыгы, аһәңе, матурлыгы белән Р. Вәлиеваның табигать турындагы шигырьләре аерылып тора. Шагыйрә аларны чиксез ярату, соклану белән сурәтли. «Жәяүле бураны» да аның – балалар белән качышлы уйнаучы шаян көч:

Әле иркәләп көртләрнең

Сыртыннан сыйпап үтә,

Әле әйләнә дә кинәт

Безгә кар сибеп китә. «Буран»

Хайваннар образы аша Резеда Вәлиева табигать туган жир өчен жаваплылык хисе, ата-анага, халыкка хезмәткә ихтирам тәрбияли.

Шагыйрә ижатында балаларга туган табигатьне ярату, саклау, аңа ярдәм итү, аны киләчәк буыннарга калдыру турында уйларга өйрәтү – төп темаларның берсе. Мәсәлән, кош баласын очарга өйрәтүенә бәйләп, автор балага яштыгән үк эшкә өйрәнү кирәклеген аңлата:

Кош баласын өйрәтә.

Очарга өйрән иртә

Әнә һавага кара,

Күбәләк очып бара. «Кош баласын өйрәтә»

Табигать кешенең дустан икәннен шагыйрә балаларга «Урман һәм мин» шигырендә ачып бирә. Бала урманга килеп, башын иеп керергә рөхсәт сорый, матурлыктар белән хозурланырга, жимешләрен авыз итәргә сорый. Ә урман шатланып жавап бирә:

– Әйдә, бала,

Рахим ит

Син бит дустан минем,

Түрдән үт.

Шагыйрә дуслык төшенчәсен аңлатуга да үзенчәлекле килә:

Күлләр – аккошлар белән дус,

Май – сирень белән.

Төн – якты йолдызлар белән

Мин – синең белән!

Шигырьдән шундый нәтижә ясала: жир йөзәндә барыбыз да, бар нәрсә дә дус, тату яшәргә тиеш. Дуслык орлыктары гаиләдә салынуын, агай-эне, апа-сеңел тату булырга тиешлеген «Гармун уйный алмадык» шигырендә автор ачык итеп яктырта.

Резеда Вәлиеваның шигырьләре бала халкын формалаштыруда зур роль уйный. Мактану, борын чәеп йөрүнең дә начар гадәт икәннен шигырьләрендә тязеп китә. «Тыйнаклык» шигырендә бер бала, тыйнак малай турында мөкаләл язмакчы булып старостадан сорагач, ул болай жавап бирә:

– Иң тыйнак дип...

Ни инде...

Яз инде малай, үзең...

Юкса беләсең лә инде,

Иң тыйнагы...

Мин үзем...

Шагыйрә бала күңелен яхшы аңлаганга, белгәнгә күрә, аның яраткан шөгылә – уены турында да бик мавыктыргыч итеп яза. «Тау шуганда» шигырендә балаларның хыяллы икәнлекләрен белеп, нәкъ аларча бала күзлегә аша тасвирлап бирә. Шигырьдә бала үзен «космоска кадәр очам», – дип күз алдына китерә.

Татар әдәбиятында традицион темаларның берсе – Муса Жәлил образын тудыру. Р. Вәлиева да бу темага мөрәжәгать итә. «Яшьләрдә туган ил-жиргә, халкыңа мэхәббәт тәрбияләүдә ул поэмаларның, М. Жәлил, Ф. Кәримнәрнең атаклы әсәрләре кебек үк мәктәпләр балалар өчен үз һәм кирәкле булуын тирәнтен аңлап эш итә» [4: 8]. Автор Муса Жәлилне кыю, илгә тугрылыклы шәхес итеп характерлый. Балаларны шундый батырлар кебек кыю, куркусыз булып үсәргә өнди:

*Мусалар шикелле,
Алишлар шикелле,
Ил яклар ир булып үсегез!
«Ил яклар ир булып үсегез!»*

Резеда Вәлиева чынбарлыкны үзләштерүдә хисләр гармониясенә зур әһәмият бирә. Тәнкийтчеләр аның «лирик кичерешләре, хыялый-монсу, кызгану-теләктәшлек тойгылары белән йөртелгән шигырьләренә еш кына юмористик аһән килеп керә», – дип тә билгелиләр [6: 178]. Шагыйрә шушы алымнар ярдәмендә матурлык белән ямьсезлек, батырлык яки куркаклык хакында фикер йөртә. Кай очракны гына алса да, шигырьләренә конкрет бер күренешкә корырга омытла.

*Юләр икәнсең, Ниса,
Аңлар идең ичмаса,
Мәктәббез чын булмый ич,
Күчерүче булмаса!*

Автор үз максатына үгет-нәсихәт уку юлы белән түгел, геройның тискәре сыйфатларын вакыйга-хәрәкәт эчендә ачып бирү ярдәмендә ирешә.

Р. Вәлиеваның шигъри шаярулары, гадәттә, халык рухы, халык фантазиясе белән сугарылган. Аларның кайберләре турыдан-туры тормышка, фольклорга барып тоташа. «Сыер эзләгәндә» шигырендәге Саттар бабай шуклыгы аркасында сыер югалткан малайның сорауларына тапкыр җавплар бирә.

Шулай итеп, Резеда Вәлиева балалар өчен язган шигырьләрендә аларга якын темаларны яктырта, дәрәс адым ясарга, дәрәс итеп эш итәргә өйрәтә.

Әдәбият

- Ибраһимова Ф. И. Балалар әдәбияты. Хрестоматия. – Казан, 2004. – 469–475 б.
Нигъмәтуллин Ә. Балалар дөньясына кереп // Социалистик Татарстан. – 1981. – № 4.
Вәлиева Р. Т. Кояшлы яңгыр Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003.
Гаташ Р. Шатлыклар тудырган шагыйрә. Кояшлы яңгыр. – Казан, 2003. – 5–8 б.
Гафурова Ф. А. Лингвистическая поэтика татарской детской поэзии. – Уфа, 2008.
Янов Х. Кечкенә тәнкийт // Казан утлары. – 1981. – № 6. – 178 б.
Минһажева Л. И., Мияссарова И. Х. Татар балалар әдәбияты. – Казан: Тарих, 2009. – 250–256 б.

Гиндуллина Г. А.

ХӘСӘН ТУФАННЫҢ ПОЭТИК ФРАЗЕОЛОГИЯСЕ

Тел-сүрәтләнү чараларын матур әдәбият әсәрләрендә куллану борынгыдан ук килә. Алар язучы тарафыннан образлылыкка ирешү, аз сүз белән күп мәгънә аңлату, жанлы картина тудыру өчен кулланыла, фразеологик әйтелмәләр дә сөйләмне жанлы, образлы, сәнгатьле, эмоциональ итәләр. Алар ярдәмендә герой-персонажларның эчке кичерешләрен, психологик моментларын, рухи дөньяларын тирән ачып була. Мәсәлән, Хәсән Туфанның

*Бирде дөнья кирәкне,
Еламаска өйрәтте...
Кайсыгызның кулы җылы? -
Бәйлисе бар йөрәкне...*

- дигән шигъри юлларныда **кирәкне бирде** фразеологик әйтелмәсенен лирик герой тормышның төрле авырлыктары аша үтеп ныгуын, чыныгуын аңларга була. Кыенлыктарга баш имәстән, шыңшуларга юл куймастан, ир-егетләргә нык торуы аңлашыла.

Х. Туфан шигырьләренә сүзгә тапкырлыгы һәм байлыгы, аларның тылсымлы тәэсир көче шигърият сөючеләренә һәм мәсәненә дә мәгълүмдер. Ул стиль, сүрәтләнү чаралары ягыннан да татар поэзиясендә оригиналь, үзенчәлекле юл ача. Шагыйрә халык телендәге гади сүзләрдән укып туймастай ягымлы, «жанга якын» шигъри юллар тезеп, ижат гомере буе шулай шигъри камиллекнең торган саен югарырак баскычларына менеп бара.

Фразеологик әйтелмәләренә катып калган, телдә эзер килеш кулланыла торган сүзтезмәләр диләр. Шулай да тел чараларына ижади якын килә белгән язучылар өчен бу алай түгел. Чөнки халык телендә дә, әдәби әсәрләрдә дә фразеологик әйтелмәләренә киңәйтү күп очрый. Мәсәлән, Хәсән Туфан халыкта **ут йоту** дип билгеле булган фразеологик әйтелмәне бер урында **утлар йоткан көннәрем**, ә икенчесендә **эчендә утлар янудан...** дип куллана:

*Дәшми генә саргаялар
Алсуларым-гәлләрәм;
Гәлләргә дә тәэсир итә
Утлар йоткан көннәрәм.
«Иртәләрем аяз иде...»/
Эчеңдә утлар янудан
Көйсә дә иреңнәрең,
Нәкъ туган халкың кебек, син
Елмайдың,
Елмайдың, көенмәдең!
«Син һаман елмайдың».*

«Катып калган» форма булуларына карамастан, фразеологик әйтелмәләрне язучылар үзләре дә ижат итәләр. Бу инде аларның ни дәрәжәдә сүз остасы булуларын күрсәтә. Хәсән Туфан шигырьләрендә дә халык телендә кулланыла торган фразеологик әйтелмәләрдән аерылып торганнары күп кенә. Мәсәлән, «Далада» исемле шигырендә:

*... Безнең арган күзләр бүген
Чәчәк атты, – ди ул.
«Урал эскизлары» поэмасында
Урман саесканы күреп торган:
Грузовикта килгән эшчеләр,
Учак ягып унбер гәүдәне
Яшергәннәр ялкын эченә, – дигән юллар бар.
Шулай ук «Еллар итәгендә» поэмасында да:
Төн.*

Аксак сәгатъ минутларны күми,

Бозау ялый минем тәпинә...

«Еракларга алып киттеләр» исемле лирик поэмасында түбәндәге юллар бар:

Кайберәүнең күзе тибә миңа,

Кайберәүнең йөзе нур сибә.

Шулай ук «Урал эскизлары» поэмасында йөрәгенә ишек какты дигән фразеологик әйтелмә бар:

Ирек килде.

Киерде ул иңне

Ниндидер бер

Эчке көч белән.

Йөрәгенә ирек ишек какты,

Кайгыгалары коелып төштеләр.

Фразеологик әйтемәләрне лексик-грамматик һәм шулай ук стилистик-экспрессив характерлары буенча тикшереп була. Беренче очракта фразеологик әйтелмәләренң компонентлары нинди сүз төркеме белән белдерелүе, бер-берсенә ничек бәйләнүе карала. Ө инде стилистик-экспрессив үзенчәлекләрен тикшергәндә, фразеологик әйтелмәләренә фразеологик синоним, омоним һәм антонимнарга бүлеп карыйбыз.

Фразеологик эчендә лексик-грамматик төзелеше төрлечә булып, төрле лексик берәмлекләр белән белдерелеп тә, мәгънә үзенчәлекләре белән бер-берсенә бик яқын торган конструкцияләр бар. Боларны фразеологик синонимнар дип атарга мөмкин. Мәсәлән, Хәсән Туфанның «Еллар итәгендә» поэмасында йортлар яну ялкын ялый һәм ут ялый диелә:

Таңмы?

Юктыр: иртә бит аңа...

Бәй, яңгыр бит!

Төнне ялый ялкын!

Абау, әни, боярлар яна...

Әдәбият

Исәнбәт Н. Татар телендә фразеологик сүзлегә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – Т. 1. – 495 б.

Исмәгыйлева С. Әдәби әсәрнең сүз-сурәт тукымасына анализ // Мәгариф. – 1995. – № 10. – 21–23 б.

Мифтахова М. А. Поэзия Хасана Туфана 60–80 гг. XX века. – Казань, 2005.

Поварисов. С. Ш. Тел – күнелнең көзгесе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1982.

Ураксин З. Фразеология башкирского языка. – М.: Наука, 1975.

ХЭСЭН САРЬЯН ИЖАТЫНДА ТУГАН ЯК ТЕМАСЫ

Х. Сарьян танылган татар әдиге. Аның әсәрләре сюжет төзеклеге, композицион жыйнаклығы, жиңелчә юмору белән аерылып тора.

Башкортстанда туып үскән һәм әдәбият даирәләрендә киң танылу алган шагыйрь-язучыларның күбесенең ижатында туган як темасы зур урын алып тора. Хәсән Сарьян ижатында исә Туган як иң мөһим һәм киң колачлы темаларның берсе.

Язучы Туган як төшенчәсен төрле яклап ачуга ирешкән. Иң беренче чиратта, туган як – ул туып-үскән табигать, аның хозурлығы һәм гүзәллеге. Әсәрләрендәге геройларның хис-тойгыларында, уйларында, кылган гамәлләрендә язучының туган ягы белән соклануы чагыла, образларның туган жирләренә мөнәсәбәте язучының тойгылары белән аваздаш. Мәсәлән, «Бер ананың биш улы» повестендә Төркмәнстан чүл-комнар жирләрендә йөргән Хавадис туган жирләренең табигатен сагынып «Их, үзезнең юеш Агыйдел комнары өстеннән су буйлап кына бер йөгерең үтсә иде!» [3: 30] дип туганнарына хатлар яза. Биш туган арасында шагыйрәнең күңеле белән аерылып торган егет яман чире аркасында туган авылыннан, гаиләсеннән читтә яшәргә мәжбүр була: «... Ниләр генә сагынмый иде ул! Үз илебезнең карлыгач канатыдай кара жирләрен, Агыйделнең сөт өстедәй куе томаннарын, яшь мәтрүшкә, яшь карагат исле болыннарын; игеннәр буынга сикергән, баш кыскан, сөт тутырған, серкә очырган чакларын; беренче кабат исенә исереп арыш уып ашаган – тел өстенә салап жибәрү белән, тук, төчкелтем тәме каннарга йөгерең минутларны; авылыбызлардагы үсә торган, карлыгандай кара «карга күзләре»н; үзезнең буа буйларын; тагын әллә ниләрен сагынып, жирсеп ятуларын яза иде...» [3: 32]

Туган ягын тасвирлау белән Х. Сарьян шагыйрьгә әйләнә. Язучы сүзләренә энже-мәржән кебек итеп матур тезә. «Зәңгәр күл» хикәясендә язучы шулай ук Агыйдел белән, аның сулары белән соклана: «Кояш Иделнең уң ягындагы аксыл таулар тезмәсе өстенә төшеп бара иде. Кору жирдә хәзер тын алгысыз бөркүдәр. Ә су өстендә жиләс. Көнбатыштан йомшак кына жил исеп куя, һавасы да жиңелчә дым тартып йомшарган – биткә ягылып китүенә кадәр бүтәнчә иде. Түбәнәп килгән кояшның алтынсу нурлары, ялтырап яткан озын юл булып, безнең парходка хәтле сузылып төшкән, су өсте шул буйдан гына икегә аерылып киткән төсле иде. Шәрә таулар, Идел аккан уңайга борылып, артка чиккән саен, кояш юлы озыная бара, озыная бара... Идел чикләре дә, әллә кайда күздән югалып, тигез офык сызыгына түгелеп тоташкан иде» [3: 214].

Х. Сарьян өчен туган як сурәте Агыйдел елгасы образы белән килеп керә. Ак Иделне үз шигырьләрендә яисә чәчмә әсәрләрендә телгә алмаган, сокланып язмаган шагыйрь, язучылар сирәктер. Агыйделгә багышлап гасырлар дәвамында халкыбыз жырлар ижат иткән. Х. Сарьянның «Туган як моңы» хикәясе мәшһүр елгага багышлап язылган әдәби әсәрнең гүзәл үрнәге. Язучы шагыйрьләр кебек күтәрәнке, эмоциональ стильдә, сурәтләү чараларын берсе артыннан берсен тезеп яза: «... былбыл моңыдай гүзәл...», «Агыйдел! Бармы безнең чын татар жырларында синнән дә күп жырланган гайре бер елга!...», «И иртәләрем ак томанлы Ак Иделем!...», «Агыйдел! И минем туган жирем – уника буын буена сулап туймаган сулышым!...» Тәнкыйтьче Ф. Галимуллин язучыга югары бәя бирә: «Никадәр эчке жылылыкка һәм тирән мәгънәгә ия бу сүзләр. Моңы шигъри поэзия үрнәге дип атарга мөмкин» [2: 83–84].

Хикәядә Агыйдел образы Туган як образы белән аерылгысыз бәйләнгән. Бу ике образны аерып булмый, киресенчә, алар икесе бергә хикәянең жыелма образын – Ватан образын булдыралар. «Ватаным» дип язучы нинди жиргә әйтә соң? Бу турыда Әмирхан Еникиның истәлекләре кызыклы: «... Сарьян мәсьәләсендә килгәндә, уйландыра торган бер момент бар. Иң элек әле Башкортстан белән Татарстан арасында Ватан булу ягыннан әллә ни зур аерма юк. Мәсәлән, мин үзем ул аерманы сизмим диярлек – берсендә туганмын, икенчесендә яшим – һәр икесе дә минем өчен бик кадерле. Билгеле, Сарьян өчен дә ул шулай булырга тиеш» [1: 317]. Димәк, Х. Сарьян өчен Ватан – ул Башкортстан белән Татарстан бергә. Милләт мәсьәләсенә килгәндә, язучының үзенең сүзләрен карыйк: «... без жирбиләүче буларак башкорт, мәгәр милләтебез белән татар!...». Язучы өчен ике республика да, ике милләт тә аерылгысыз.

Ике милләтнең берләшеп китү тарихы турында язучы кыска гына әйтеп китә. Болгарның башкорт жиренә – «кеше кулы тимәгән урманнар, киекле болын-тугайлар» – жиренә чыгып китүенә хәзерге заманда Агыйдел генә шаһит. Ике милләт берләшеп китә: «... Башкорт инде Болгарын да белә, Казанын белә. Алар аша ул дин алган, хәрәф алган, алардан күреп иген игү эшенә ихлас бирә башлаган. Ул Болгарның үсүенә дә, һәлакәтенә дә шаһит. Бәлки шуңадыр болгар дигәндә

күчелә дә япандай киң, иркен...» [3: 178] Татар халкының да, башкорт халкының да йөрәкләрен талпындырган бөөк елга ул Агыйдел.

Туган як төшенчәсе эчендә язучы туган жирнең табигатен тасвирлап кына калмый, ә жирле халыкның теле, горейф-гадәтләре, яшәеш үзенчәлекләрен дә тасвирлый. «Бер ананың биш улы» эсәрендә гади авыл гаиләсенең яшәеше чагылдырыла: «... Без сугышка чаклы ипидән өзәлмәдек – әни эшли, ике абый эшли... Степан абый белән өчәүдән март башыннан ремонтка керешәләр. Аннары сабаны башланып китә. Май беткәндә көчкә буразнага чыгып, жир башында чабаталарын кагып киенерләр иде дә туры алачыкка төшәрләр иде: болын житүгә чапкычы, жыйгычы, башкасы кирәк. Болыны уракка килеп ялгана; һәр көлтәне шпагат белән бәйләп ташлый торган лобогрейкага янә безнең ике абый утырыр иде. Аннары инде – кара көздән акман-тукманга хәтле ашлык сугалар... Очы да, кырые да юк иде ул чактагы колхоз эшенең...» [3: 14] Ләкин халык тормышы гел эш көннәреннән генә тормый. Төрле йолалар, горейф-гадәтләр, бәйрәмнәр дә халык көн-күрешендә зур урын алып тора. Олы бер бәйрәм, кечкенә Сабантуй булып базар көне саналган. Бу көнне һәркем – яше-карты төзәнә-ясана, бәйрәмгә генә сакланып тотылган киёмнәрен кигән: «Ызан буйларында күпереп үскән чәчәктәй, юл тулы халык: жиңел чабаталы, бәбәй итәкле апалар, күтәртмә инсәле күлмәк кигән кызлар, эссе көндә постау костюм, хром итек кигән хәлле егетләр...» [3: 21] Базар – ул сату-алу жире генә түгел, ә бер көнне бер жирдә туганнар, дус-ишләр белән жыелу, очрашу, жыр-биюләр: «Базар биек койма белән уратып алынган чигенә генә сыймый, давил килгән Агыйдел өстедәй чайкала, гөжли; эче дә тулы, тышы да тулы кеше иде.» [3: 23], «Чирәмле мәйданда үзе бер сабантуй: дус дусны, яр ярны тапкан, биеләр, жырлылар, тамак чылаталар... Без кеше азрак жиргә туктадык та, Хәвадис абый тальянын тартып жибәрде. Берәм-берәм бүтән гармун тавышлары сүнеп, халык безнең янга жыела башлады» [3: 23].

Шул рәвешле Х. Сарьян ижатында Туган як образы жирле табигать, халыкның теле, горейф-гадәтләре, яшәү рәвеше, тарихы аша ачыла. Х. Сарьян чын мәгънәсендә туган жиренең соклангыч әдәби сурәтен тудырган язучы.

Әдәбият

Агыйдел егете: Хикәяләр, мәкаләләр, Хәсән Сарьян турында истәлекләр / Төз. Р. М. Минуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – 479 б.

Галимуллин Ф. Г. Инешләр Иделгә кушыла: Әдәби тәнкыйть мәкаләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 136 б.

Сарьян Х. Бер ананың биш улы. Повесть, хикәяләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 303 б.

Джашакуева А. Д., Хубиева Ф. М.

О КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПЕСНЯХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Песни и война... Казалось бы, несовместимые понятия. В период войны огромный всенародный подъем в нашей стране явился могучим стимулом для развития массового песенного творчества. В эти годы общественное значение народной песни значительно возросло. «Только в годы Великой Отечественной войны особенности советского фольклора проявились с полной силой. Небывалая до того массовая поэтичность творчества выделяет фольклор и художественную самодеятельность времени Великой Отечественной войны как исключительный по ценности материал, анализ которого яснее, чем на материале других исторических периодов, позволяет установить своеобразие творчества народных масс» [Кирдан, 1960: 652].

Песни, созданные на фронте и в тылу, воспевали отвагу и стойкость людей, поднимали дух и бодрость бойцов, воодушевляли на боевые подвиги. Они звали на борьбу, придавали силы, объединяли и мобилизовывали людей разных национальностей на героический труд во имя защиты, вселяли надежду. Кем бы они ни создавались, цель у них была одна: призыв к борьбе против фашистских захватчиков, призыв к свободе, за Родину.

Карачаевцы и балкарцы – один этнос, имеющий общую историю, язык, культуру, и наличие двух этнонимов связано исключительно с географическими факторами. «Балкарские и карачаевские поэты военных лет внесли определенный вклад в литературный процесс того времени: они изображают войну во всей её суровой правде, не скрывая ни горя, ни трудностей. Их поэтические тексты характеризуются тонкой лиричностью, глубиной переживаний лирического героя, проявлением

высоких патриотических чувств к Родине. Главным героем поэзии тех лет выступает воин-горец, защитник мира и свободы, не щадящий своей жизни во имя свободы, ради благородных целей справедливой борьбы» [Созаева, 2002].

Карачаево-балкарские песни представляют собой огромный пласт народного словесного искусства, в котором запечатлены события, определившие существенные этапы в жизни народа. В них воспеваются героизм и храбрость людей, звучит ненависть к врагу, горячая любовь к Родине, нерушимая дружба народов многонациональной страны.

В годы войны появились и новые пословицы и поговорки, но песня была ведущим жанром. Песни создавались на фронте и в тылу, большая часть создана людьми самых различных профессий, причем, писали везде, где бы ни находились. Конечно, не все они совершенны, но они полностью воссоздают то время, настрой, чем жили люди, их отношение к происходящему и т. д.

«В эти годы у карачаевцев преобладают песни-послания (на фронт и с фронта) и песни-плачи. Песни-послания имеют бодрый, жизнеутверждающий характер («Песня воина» – «Аскерчиниджыры», «Соловушка» – «Булбулчукъ», «Героем возвращайся!» – «Герой болубкьайт!», «Парню, ушедшему в Армию» – «Аскергекетгенджашха» и др.). В песнях-плачах преобладают мотивы горькой утраты товарищей и друзей («Фронтовые друзья» – «Фронтчутенгле»), любимых («Энвер»), родственников («Плач о Мухаджире» – «Мухаджирникуюю», «Мои братья» – «Къарнашларым»). И песни-послания и песни-плачи – глубоко патриотичны, проникнуты твердой уверенностью в конечной победе над фашизмом. Это призывы к борьбе, к мести за горе, смерть, страдания близких и родных» [Гочияева, 1969].

Ученый, фольклорист, собиратель и исследователь карачаево-балкарских народных песен Магомет Ахияевич Хубиев в монографии «Карачаево-балкарские народные песни советского периода» (1917–1945 гг.) рассматривает песни, характерной чертой которых является тема народного патриотизма. Он «ездил по аулам, по фермам, посещал тракторные бригады и полевые станы, сенокосы и поля» [Свирин, 1971: 3]. Собирал полевой материал в различных селениях и городах, записывал песенные тексты со слов людей различных профессий, возрастов, взглядов. Зная, что песни рассчитаны не для чтения, а для исполнения, он записывал их во время пения. Всего было собрано им 1200 песен (40000 стихотворных строк), ранее не публиковавшихся, и из них более 200 – песни, написанные во время войны 1941–1945 гг.

Ученый хорошо знал фактический материал, был осведомлен в области кавказоведения, фольклора тюркских народов. Работал в архивах научно-исследовательских институтов Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Основным материалом послужили песни, собранные самим Хубиевым, которые он систематизировал по тематике. Это песни, уезжающих на фронт, провожающих, фронтовиков, песни, сложенные в тылу, в период оккупации, после великого перелома в войне, посвященные возвращению домой после Победы, посвященные Героям Советского Союза, России, среди которых люди, чьи подвиги известны всем: Осману Касаеву, Абдулле Хапаеву, Харуну Богатыреву, Осману Касаеву, Алимун Байсолтанову, Мухажире Уммаеву, Залихат Эрикгеновой, Идрису Глоову, Али Канаматову и многим другим.

Анализируются образы воинов, командиров, коммунистов, образы матерей, любимых девушек и др. Чтобы показать идейную глубину, патриотизм народных песен, автор приводит народные песни военного содержания дооктябрьского периода, песни о Русско-Японской войне 1904–1905 гг. и др. Устное поэтическое творчество за годы войны «пополнилось новой топонимикой и военными терминами» [Хубиев, 1971: 28].

Хубиев отмечает, что «в военной песне... исчезают мотивы печали, жалоб, характерные для дореволюционных песен; в них звучит мужество и уверенность в победе: «Джигитлик ёлюм билмейди. / Ата Джуртун тамам суйгеннге / Къзауатда окъ тиймейди» (Героизм смерти не знает. / Того, кто очень сильно любит Родину, / На войне пули обходят). [Хубиев].

Как созвучны эти слова со словами Алексея Суркова «Смелого пуля боится, смелого штык не берет» [Хубиев, 1971: 28].

Черная бурка и конь гнедой вдохновляют воина и как бы служат символом бесстрашия и героизма. «Анам этген къара джамчым юсюмде, / Мени тору атым тубюмде. / Хайда, сайкъал, энди, мени ариуум, Мне къзауатха кетеме». (Бурка, сшитая матерью, на мне, / Конь гнедой подо мной. / Прощай, моя любимая, / Ухожу я на войну) [Хубиев, 1971: 28].

На трудовом фронте горянки упорно работали, посылали воинам теплую одежду, слагали патриотические песни. Они не только трудились в тылу, но многие и сами были на передовой. В одной из песен говорится о девушке, три брата которой находились на фронте. Обращаясь к матери, которая ее «одну не посылала даже в магазин», говорит: «Саукъал, анам, кетиб барама, / Уруш бошалса къайтырма. / Юч къарнашым да къан теге диле, / Ала ёлген джерде ёлурме». (Мама,

прощай, я уезжаю. / Закончится война – вернусь. / Три брата свою кровь проливают, / Погибну и я там, где погибнут они). (М.А.)

Хубиев рассматривает немало песен, где, боец в песне своей дает характеристику всей армии, раскрывает душу всех солдат: «Джанчыкыгынчыкызауатэтебиз, / Тобла аталла чарламай. / Къаныбыз бир бек къызганды, тенгле, / Бут, къол кетгенге къарамай». (Мы воюем до последнего вздоха, / Пушки стреляют без осечки. / Кровь наша так вскипела, друзья, / Несмотря на то, что нет руки или ноги) (М.А.)

Участник войны поэт Исса Каракотов отправил домой письмо-песню: «Къайтмазбызбызызыбызгъа / Фашистлениартынэтмейин. / КъызылбайракъныБерлиннгечанчыб, / Муратыбызгъаджетмейин. (Мы не вернемся назад, / Пока не уничтожим фашистов. / Пока не водрузим красное знамя в Берлине, / Пока не достигнем цели). (М.Х.)

«Фашисты зверствовали на оккупированной территории, расстреливали людей, но сломить волю горцев им так и не удалось. Многие ушли в партизанские отряды биться с фашистскими горными стрелками «Эдельвейс». Много партизан пало в неравной борьбе. Фашисты узнали героизм, силу партизан» [Хубиев, 1971: 28]. Много было сложено песен-проклятий.

В песнях о войне, много слов о трудностях, страданиях воинов и их близких, о горе. «Для Советского народа Великая Отечественная война явилась величайшим испытанием всех физических и нравственных сил, и победа пришла к нему через море крови и слез, тяжких страданий и бесчеловеческих жертв. Война несла за собой голод, разруху. И радость победы нередко омрачалась горечью отступления. Все это запечатлелось в фольклоре и запечатлелось глубоко и правдиво» [Новиков, 1964: 32].

Какие бы песни этого периода мы ни рассматривали, личное и общественное в них переплетено, но преобладает общественное. В песнях «выражается народный героизм, народные думы, народное отношение к войне, к врагу, изменникам Родины, народное горе, заветные мечты народа о мирной, счастливой жизни, созидательном труде. Это, прежде всего, и придает фольклору тех лет подлинную народность» [Гусев, 1964: 297].

На примере песенного творчества М. Хубиев прослеживает бурный расцвет национального фольклора, развитие поэтического слова народа, раскрывает реальные причины такого развития, обуславливая его материальными и духовными достижениями, созданными советской действительностью. Значение песен периода Великой Отечественной войны, в которых нашли отражение высокий нравственный дух людей, их патриотизм трудно переоценить.

Литература

Гусев В. Е. Идеино-эстетические особенности русского фольклора Великой Отечественной войны // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964.

Кирдан Б. П. Об общественно-воспитательном значении фронтовой поэзии (1941–1945 гг.) // Вопросы народно-поэтического творчества. М., 1960.

Личный фонд М. А. Хубиева. Раздел «Песни 1941–1945 гг.».

Новиков Н. В. Советские фольклористы и современность. Русский фольклор. Издание АН СССР, 1964. М. О карачаевских народных песнях / Къарачай халкъ джырла (Карачаевские народные песни) // Сост. С. А. Гочияева, Р. А. – К. Ортабаева, Х. И. Суюнчев. – М., 1969.

Созаева Т. Д. Карачаево-балкарская поэзия 1940–1980-х гг. в историко-культурном контексте северокавказской литературы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2002.

Свирин В. История песни // Ленинское знамя. Черкесск, 1971, 25 октября.

Хубиев М. А. Карачаево-балкарские народные песни советского периода (1917–1945 гг.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1971. 42 с.

Хубиев М. А. Къарачай-малкъар совет халкъ джырла (Карачаево-балкарские народные песни советского периода). Монография. Черкесск, 1968. 188 с.

Джемилева А. А.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧ. XX С.

Постановка проблемы. Проблема изучения переводов обусловлена прежде потребностью освещения в крымскотатарской литературе особенностей перевода писателей. Сегодня художественный перевод занимает одну из ключевых позиций в литературоведении, привлекая внимание исследователей.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Исследование крымскотатарской литературы на современном этапе в аспекте компаративистики, освещение вопросов переводоведения в литературе позволяет осмыслить ее эволюцию в контексте мирового литературного процесса.

Цель и задачи: Изучить и выявить особенности влияния переводческой деятельности на развитие жанров в крымскотатарской литературе, в частности, рассказа; показать истоки развития переводческой мысли в крымскотатарской литературе конца XIX – нач. XX с.

Методы исследования: метод сравнительно-исторического исследования; метод литературоведческого анализа; описательный метод.

Изучение истоков крымскотатарского рассказа имеет важное значение для понимания его национальной самобытности. С. Нагаев замечает, что в начале XX в. в крымскотатарской литературе, развивается жанр романа [1, 13]. Именно жанр романа создает условия для развития других жанровых форм. Здесь следует отметить романы И. Гаспринского «Дар ур-Рахат мусульманлары» (1887), «Кунь догъды» (1905), повесть «Хикяети Ненкеджан ханым дюрбеси» (1899), Мемета Нузета «Селим сохта» (1914), У.Ш. Токтаргазы «Саадет адасы» (1911). А также рассказы Н. Челеби-Джихана «Къарылгъачлар дуасы» (1913), А. Одабаша «Унутмайджакъ» (1923), А. С. Айвазова «Аннеджигим, нердесинь?! Кель!» (1927) и др. сыграли важную роль в становлении жанра рассказа.

Литературоведы акцентируют внимание на том, что, «значение произведений просветителя ценно тем, он впервые провел в крымскотатарской литературе деление на жанры, и писатели Шамиль Тохтаргазы, Мемет Нузет и Осман Акчокраклы продолжили его традиции» [1, 14]. А. Крымский признает роль Гаспринского, как воспитателя когорты крымскотатарских талантливых писателей, называет его «патриархом» крымскотатарской литературы [2, 147]. Просветительская деятельность газеты «Терджиман» пробуждала национальное самосознание крымскотатарского народа, за время своего функционирования она приобретает общетюркское значение. В этот период просветительского реализма в литературе развивается журнальная сатирическая проза: фельетоны, письма, фрагменты путешествий. Известным в то время был беллетристический перевод И. Гаспринского «Робинзон Крузо» Д. Дефо. Издание И. Гаспринского стали творческой лабораторией, где шлифовали свое мастерство крымскотатарские писатели, поэты, публицисты О. Акчокраклы, А. С. Айвазов, О. Заатов, С. А. Озенбашлы, которые отличались не только оригинальными произведениями, но и своими переводами на татарском языке классиков мировой литературы [3].

Особого расцвета и распространение получила переводческая деятельность крымскотатарских писателей в конце XIX – нач. XX в. Интересной по выбору содержания и авторов является ряд переводной литературы, в частности, русской классики: А. С. Пушкин «Бахчисарайский фонтан» («Багъчасарай чешмеси»), которая вышла отдельным изданием вместе со стихотворением «Талисман» («Тылсым») в 1899 году в издательстве Иллыса Бораганского в Петербурге; стихи В. Шуфа и Г. П. Данилевского («Къырым гёнджелери») в переводе О. Акчокраклы, басни И. А. Крылова («Темессюлят») в переводе А. Шейхзаде, М. Горький «Хан и его сын» («Бахадур хан ве онынъ огълу Худаверды») в переводе С. А. Озенбашлы, Д. Н. Мамин-Сибиряк «Серая шейка» («Кок Боюн») в переводе Дж. Меинова, Л. Н. Толстой «Дочь горца».

Существенную роль в возрождении первых рассказов в крымскотатарской прозе сыграло знакомство с российской реалистической прозой. Первые переводы русской классики на крымскотатарский язык были сделаны в XIX в. По утверждению Э. Шемьи-заде, уже в 1848 году А. Крым-Хаваджа включил несколько произведений А. С. Пушкина в учебное пособие «Татарско-русские разговоры, с присовокуплением к ним пословиц, басен, образцов для склонения и спряжения татарских слов». В начале XX в. появились оригинальные образцы переводческой деятельности крымскотатарских писателей. Как указывает А. Крымский, А. Боданинский перевёл рассказ Гоголя «Нос» («Бурун»), А. С. Айвазов – отрывки из романа Тургенева «Отцы и дети», рассказ Чехова «Супруга» («Зевдже»), «Радость» («Къуванч») и др. [2, 147]. В конце XIX – нач. XX в. в период зарождения крымскотатарского национального театра выполнены переводы драматических произведений А. Пушкина. Первой пьесой на крымскотатарском языке в начале XX в., была комедия Мольера «Лекарь поневоле» («Зораки табип»). В 1900 И. Лютфи перевел трагедию «Скупой рыцарь» («Саран пехливан»).

Педагог и поэт Шамиль Тохтаргазы готовит учебное пособие для новометодных татарских школ, включая и собственный перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина. В 1906 году выходит сборник стихов и переводов А. Акчокраклы «Къырым гёнджелеры» («Крымские бутоны»), посвященный Крыму, его прекрасной природе. В сборнике помещены и переводы Пушкина: главы романа «Евгений Онегин», стихотворение «Желание» («Арзу»). Таким образом, большая часть переводов поэзии Пушкина осуществлена в 20–30-е годы XX в. Далее отдельными

изданиями, а также в учебных пособиях и хрестоматиях выходили произведения русской классики: «Дубровский» (пер. Ю. Болат, 1937), «Капитанская дочка» (пер. У. Ипчи, 1937), «Станционный смотритель» (пер. И. Нуриев, 1939), «Арап Петра Великого» (роман был включен в хрестоматию по русской литературе для крымскотатарских школ в 1940 г. составитель – Ф. Абляй, Ю. Болат, ответственный редактор – Э. Шемьи-заде). Ф. Абляй перевел «Приключения барона Мюнхгаузена» («Барон Мюнхгаузеннинь сергузештлери») Е. Распье. Лирическую поэзию Пушкина переводили О. Амит и Э. Шемьи-заде.

Благодаря переводам А. С. Айвазова, У. Ипчи, Ю. Болата, крымскотатарский читатель получил возможность прочитать произведения Н. Гоголя, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова. Одним из известных переводчиков того времени был У. Ипчи. И. Керимов подчеркивает расширение творческого диапазона писателя за счет переводов, которая заняла свое место в истории литературы. В середине 1920–1930-х годов писатель переводит «Кзаки», «Аджи-Мурат» Л. Толстого, «Мертвые души» Н. Гоголя, «Железный поток» А. Серафимовича, «Разбойники» Шиллера, «Гамлет» Шекспира, «Мещанин во дворянстве» Мольера и др.

Перспективы дальнейших исследований. Таким образом, следует отметить, что взаимопроникновение и взаимообогащение, взаимная интеграция национальных культур и литератур является историческим явлением. Обращение конкретной литературы к культурным традициям других народов помогает понять их самобытность, углубляет и обогащает национальную духовность литератур.

Источники и литература:

Нагаев С. Ыылнамелердеки излер (Этюды о крымскотатарской литературе): Къырымтатар эдебиты акъкъында этюдлар /Нагаев С.– Т.: Гъ. Гъулам адына Нешрият матбаа бирлешмеси, 1991.– 304 с.
Крымский А. Литература крымских татар /Крымский А.– Симферополь: Доля, 2003.– 200 с.
Возгрин И. Исторические судьбы крымских татар. /И. Возгрин.– М.: Мысль, 1992.– С. 358.

Додуева А. Т.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ИДЕГЕЯ»

Значительным событием в культурной жизни Кабардино-Балкарии стала публикация памятника татарского народного творчества – эпоса «Идегей» на балкарском языке в переводе А. Бегиева.

Издание осуществлено в рамках культурного сотрудничества между КБР и Республикой Татарстан. Это еще одно свидетельство нашего искреннего интереса к истории и богатому духовному наследию братской республики, экономические и культурные связи с которой крепнут и развиваются год от года.

«Идегей» – уникальное произведение, выходящее за рамки фольклорного жанра. В отличие от большинства тюркских эпосов, он свободен от архаичных сюжетных схем, трактовка образов героев отличается от привычных – здесь нет примитивной схематичности, а психологизм, свойственный дастану, – черта уже не эпическая, а литературная.

События конца XIV в., имевшие влияние на судьбу и историю многих народов, в том числе и карачаево-балкарского (в частности, нашествие хромого Тимура, вследствие которого погибла и Алания), лежат в основе эпоса.

Как и всякое великое творение искусства, эпос «Идегей» обладает мощным «силовым полем», доносит до нас могучий гул смутного и яростного времени, столкнувшего в непримиримой борьбе идеи, ханства, войска, отца и сына...

Герои эпоса – живые люди из плоти и крови, обуреваемые различными страстями, им знакомы победы, поражения, они бывают мудры и безрассудны, поступают благородно и низко, они сложны и противоречивы, как сама действительность.

Эпос рождает сложные чувства, реально позволяя осязать и осознать драму сильных личностей, заставляет искать корни и причины столь трагических непониманий и несовпадений. Живое слово эпоса, пройдя сквозь века, все так же свежо и действенно, как и шесть столетий назад, и он обретает удивительную власть над читателем.

В эпосе набатно звучит мысль о пагубности междоусобицы, безудержной корысти, пустых амбиций, сталкивающих интересы различных людей, художественно ярко и выразительно описывается распад державы Джучидов, которому предшествовали ослабление власти, обезглавленность государства, разобщенность, жесткость, порождавшая жестокость. Неистовая энергия героев

могла быть направлена к созиданию, творению Добра и красоты, но становится разрушительной из-за бескомпромиссного и бессмысленного противостояния. Столь разнородные колебания, такой разброд мыслей и целей не могли не расшатать Золотую Орду, и она растворилась во мраке. Распалась Орда, но из этой немоты и небытия родилась удивительная песня – эпос «Идегей».

«Идегей» трагичен не только по содержанию. Сложной и трагичной оказалась судьба самого дастана – и над ним заносили топор, и ему грозило забвение. Но свойство времени – сохранять то, что ему нужно, при любых обстоятельствах.

Сводный текст эпоса был составлен в 20–30-е годы XX в., но первая попытка опубликовать его в более или менее полном объеме кончилась драматически – Нигмат Хаким и А. Н. Самойлович, долгие годы трудившиеся над собиранием и систематизацией версий текстов эпоса, стали жертвами репрессий 30-х годов. В 1941 г., наконец, в журнале «Совет эдэбияты», благодаря титаническим усилиям выдающегося татарского писателя и собирателя фольклора Наки Исанбета был опубликован наиболее полный по объему и лучший по качеству сводный текст «Идегея». В рукописном виде остался перевод «Идегея» на русский язык, осуществленный блестящим поэтом-переводчиком Семеном Липкиным. Этим издательским планам суждено было сбыться лишь спустя полвека в 1990 г. Несмотря на все попытки исказить содержание, унижить и растоптать эпос, «Идегей» выжил и вырвался на свободу, вернулся к своему творцу – народу.

Абдуллах Бегиев сделал дорогой подарок – эпос «Идегей» во всей сложности и величии сегодня представлен балкарскому читателю. Книге переводчик предпослал и превосходную вступительную статью, своего рода путеводитель по сложному миру дастана.

Чеканно и напевно, в стиле импровизаций акынов льется повествование. Переводчик удивительно поэтичен и точен. Сохранены ритм и мелодика оригинала (А. Бегиев работал с подлинником). В балкарском тексте – энергичность интонации, страстность, мужественность, трагичность, не уступающие оригиналу. В переводе не заметно и тени чужеродности, натужности.

Переводчик сохранил интонацию и размер, даже особенности лексики и синтаксиса, не дающие забыть о времени создания эпоса, и в то же время он добился в целом того, что «Идегей» звучит удивительно современно, а актуальность вопросов, затронутых в дастане, говорит о поучительности для нас этого подлинного произведения искусства.

И еще. К удивительным открытиям привела А. Бегиева работа над переводом. В эпосе вдруг встретились стихи, пословицы и максимы, давно являющиеся достоянием и балкарского фольклора.

Многие стихи эпоса в переводе на балкарский язык столь чеканны, столь органичны, что складывается впечатление, будто «Идегей» – творение оригинально балкарское.

Татарский эпос способен пролить свет и на некоторые вопросы языка, историю культуры наших народов. Язык «Идегея» ждет своего дотошного исследователя, и труд его вознаградится радостью бесчисленных находок. В балкарский текст совершенно естественно перешли в неизменном виде некоторые понятия татарского языка, ясные и прозрачные до такой степени, что не требуют специального разъяснения. А. Бегиев создает и воссоздает, некий общий, единый язык двух народов-братьев. Не есть ли это еще одно подтверждение нашего исторического единства? Балкарцы и татары – это два родственных народа, два близких притока одной многоводной реки – тюркской.

Перевод эпоса, поражающий сохраненной поэтической напряженностью, лаконичностью, выразительностью, яркой художественностью и великой простотой, – несомненная творческая удача Абдуллаха Бегиева. Это большое художественное достижение балкарской литературы в целом, еще одна вершина, ею покоренная.

Преодолевая препятствия, сквозь века, сквозь историю в грядущее лежит дорога эпоса, печальной мудростью предупреждающего: вражда рождает войну, а война губит все. Эпос еще раз напоминает: людям во все времена и во всем мире нужно Единство...

Зайнутдинова А. З.

ФӘТИХ КӘРИМ ПОЭЗИЯСЕНДӘ ФРАЗЕОЛОГИК ӘЙТЕЛМӘЛӘР

Фатих Кәримнең шигъриятенә күз салсаң, аның теле искиткеч бай икәнән күрәп була. Анда мәкальләр дә, әйтемнәр дә, эпитетлар да бик күп.

Ф. Кәримнең күп шигърьләре сугышка китергән кайгыларны ачык күрсәтә. Мәсәлән: «кайгы» сүзенә карата бик күп фразеологик әйтелмәләр табып була. Күп кайгы, хәсрәт күргән халыкны ул болай ди:

*Ут әчесе тоеп, кайгы эчкән
Халык күңеле тирән яралы...
Без монда кайгы күрү дигән мәгънәне аңлыйбыз.
Уйна, егет, тальян гармуныңны,
Томанланып сүнсен бу кайгы...
Бу өзектә язучы сугыштан аруын белдерә, кайгының сүнүең теләп яза.
Кайгыларын эретеп күз яшендә,
Барып коча аны иптәшем...*

Яки:

*Кар суында кулъяулыгым юам,
Мин кайгымны юам бу суда, –
дигән юлларда да моны күрәп була.*

Ф. Кәримнең шигырьләрендә сугышчыларның үз гомерләрен кызганмыйча илне азат итү өчен бирергә эзер торулары ачык чагыла. Шагыйрь Ватан өчен безнең бабаларыбызның нинди батырлыклар эшләгәннәрен ачып бирә:

*Фашистларның автомобиль,
Бар танкларын,
Аларга сугыш китергән
Бензин бакларын, –
Коңгырт күзле, каксак кына
Казан егете
Бу йолдызлы кышкы төндә
Кара көл итте... – дип язган.*

Каты йөрәкле, оятсыз, явыз дошманны язучы йөгәнсез жән ди:

*Юлбасарның жаны йөгәнсез:
Жинаятсыз үтми бу юлдан...*

Гомер, яшәү, үлемгә карата Ф. Кәрим күп фразеологизмнар куллана:

*Саттар эзер аның гомерен
Яшәү дәфтәрәнәннән сызарга.*

Бу фразеологик әйтелмәне ул ант бозучыга карата яза.

Сугыш беткәнгә инде бик күп еллар үтте. Әмма ул безнең ветераннарыбызның күңелендә мәңгә онытылмый. Шулар турында Ф. Кәрим болай дигән:

*Балки, ул киткән жирәннән
Кайтмас, югалыр,
Ләкин исеме, дан күтәрәп,
Жырларда калыр.
Ак күбәлек, әйлән баш өстемдә,
Йөрәгемдә сагыш дөрләсен.*

«Керсез күңел» дигән фразеологик әйтелмә аша шагыйрь ачык, саф, матур күңелне аңлата:

*Таи тауларны, урманнарны кисеп,
Ерак киткән поезд юллары;
Кешеләрнең керсез күңел ирке
Сөю, сагыш, шатлык жырлары...*

Сугыш дүрт ел буена барып, жиңү бәйрәме бүләк итеп тәмамланды. Кызганычка каршы, Ф. Карим бу көнне күрә алмаган. Ләкин ул жиңү безнең халык кулында икәннен белеп үлә. Ул болай дип яза:

*Бүген бәйрәм, Бөек бәйрәм!...
Шатлык баскан –
нәрсә диясе? –
Жиңү юлларауына рельса сала,
Парад ясый жирнең иясе.*

Шулай итеп, Ф. Кәримнең Бөек Ватан сугышы елларындагы поэзиясендә фразеологик әйтелмәләр бик урынлы кулланылган. Әйтергә кирәк, шагыйрьнең ижаты бай, эчтәлекле. Шигырьләре тел-сүрәтләнү чараларына бай.

Ф. Кәрим поэзиясе – якты, саф, патриотик тәрбия бирүче поэзия. Ул бай, күпьяклы ижаты белән татар поэзиясендә иң күренекле урыннарның берсен алды.

Әдәбият

Виноградов В. В. Стилистика. Поэтика художественной речи // Поэтика. – М: Наука, 1963.

Поварисов С. Ш. Мәктәптә әдәби әсәрләрнең телен өйрәнү. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978.

Сафиуллина Ф. С., Зәкиев М. З. Хәзерге татар әдәби теле. – Казан: Мәгариф., 2006.

Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира от мировидения к миропоноиманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2000.

Юсупов Р. А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.

Ибукова В. Н.

МЕСТО БАИТОВ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ «МАЖМУГЫЛ-ХИКАЯТ»

Произведения устного народного творчества, будучи продуктом многовековой духовной деятельности народа представляют собой не только культурное достояние, но и неисчерпаемый, богатейший источник и объект научного исследования. Байты занимают значительное место в жанровой системе устного народного творчества татарского народа.

Исследованы специфические жанровые особенности байтов, вопросы их генезиса и эволюции, идейно-тематического содержания и поэтики. Более того, в силу пополнения теории науки новыми подходами к изучению народного творчества, создается возможность изучения образцов этого жанра.

Первой письменной информацией о байтах можно считать опубликованный в 1854 г. в сборнике Н. Берга «Песни разных народов» фрагмент байта «Рус-француз сугышы бәете» (Байт о Русско-французской войне).

В работе литературоведов Г. Газиза и Г. Рахима «Татар әдәбияты тарихы» (История татарской литературы), опубликованной в 1925 г., одна из глав была полностью посвящена байтам. В ней рассматриваются особенности содержания и формы байтов. Заслуживает внимания монография «Татар халкының поэтик иҗаты» (Поэтическое творчество татарского народа) того же автора, где поднимается ряд вопросов по тематике и поэтике байтов, говорится о схожих и отличительных особенностях таких произведений с другими жанрами фольклора.

Байт – это лиро-эпический жанр татарского народного творчества. Обычно байты создавались по следам того или иного значительного исторического события (война, восстание) или трагического происшествия (несчастный случай, преждевременная смерть). Преобладающее большинство образов в байтах – это реально существовавшие люди, в том числе и исторические личности, изображаемые обычно на фоне трагических событий. Встречаются также байты сатирического и юмористического содержания [4, б. 4]. Лирическое и эпическое начало составляют синтетическую форму, содержание и сущность жанра.

В книге «Мәжмугыл хикәят» («Сборник рассказов»), собранный и переписанный просветителем Мухаммадрахимом в 1775 г. в Тарском уезде Тобольской губернии немаловажное значение имеют байты включенные в рассказы. Всего 33 рассказа, в которые синтезировано 10 байтов.

В «Рассказе о сыне Раиса Фазыле, Абульхасане и Махияре из города Васитый». Фазыл, услышав о смерти своего отца, вспоминает слова этого байта:

Күңелемне атты язмыш әүварәлеккә,

*Төшөп ни гаеп һәм каһәр белән әүварәлеккә?!
Дошманым да мине кызганыр иде, тиле санарлар,*

Елаганымны күреп минем бу бичаралыкка.

(Судьба бросила мою душу в беду, даже враг пожалел бы, посчитают меня безумным, увидев меня плачущим и горюющим.)

В третьем рассказе один из героев выражает свое отношение к любимой, предавшей его и произносит строки этого байта:

Сөйгәннен «жаныма азык « дип әйтүче,

Ни өчен безне болай оныттың?

И җиргә китте ул вәгъдәләр биреп ант итү?

Ни өчен бозылды ант эчеп килешенү?

(Любимого называющая «пищей души»,

Почему нас забыла?

Куда исчезли эти обещания и клятвы?

Почему расторглись наши договоренности?)

В «Рассказе о сыне одного падишаха Халяфе и дочери китайского падишаха и событиях между ними» придворные уговаривают Халяфа от неверного шага. Но к их словам принц не прислушивается, на что те произносят слова древнего байта:

Изге теләкле үгет бирер, ләкин

Бәхетле улдыр: киңәш тыңлар,

(Кто желает добра, тот даст наставление, но

Счастлив тот, кто послушает совета)

В девятнадцатом рассказе о жадном предводителе каравана автор рассуждает о жадности и щедрости. Эти слова из древнего байта подтверждают его мысль:

Күрмәсәләр синең гамь һәм газабыңны

Кәгазь өстенә раст куй каләмеңне.

Әгәр тәубә итү мизгелләрен эзләсәң –

Хәер юлында дәрәс куй адымыңны

(Если не видят твоего страдания и печали

На бумагу клади свое перо.

Если ищешь моменты истины,

Делай правильный шаг на своем пути)

Строки этого байта являются моралью двадцать пятого рассказа о Насрый гайяре (члене свободного военного общества):

Яхшылыкны һәр кеше кылып салыр

Ахыры коры калмас, беркөн алыр

(Каждый человек делает добро,

Все вернется ему сторицей)

По мнению автора, во всей Вселенной нет ничего дороже добрых деяний..

В двадцать восьмом рассказе речь идет о завещании отца своему сыну. Перед смертью Халид, пригласив своего сына Мансура, дает последние наставления и советы. Умиравший приводит примеры из строк байта:

Әгәр гомер кылса кешегә вафа –

Ки китмәс иде, бел ачык, мостафа.

Минем капкадан чыгып, сәфәрәм алдымдадыр,

Ни чара синең дә алдыңа килер.

(Если жизнь дает человеку богатство-

Знай, Мустафа, не пропадет оно.

Мой путь ждет меня за воротами.

Это придет и к тебе.)

Так отец подготавливает сына править всем тем, что он накопил за всю свою жизнь. Следующие строки из байта:

Тауны бөртекләп күтәрәп ташысаң,

Тауның эзен дә таба алмассың.

(Если растащить гору по крупицам,

Не останется следа от горы)

Так и от богатства не останется ничего, если не воспользоваться им правильно.

Не послушал Мансур советы своего отца, когда попал в беду (его предали его же друзья), он вспоминает слова этого байта:

Яманнан яхшылыкны күз тотуың –

Уз күзеңне үзең саткан кебек булыр.

(От плохого ждать хорошее,

что продать свой глаз)

Обессилевший, голодный и униженный Мансур добирается до сада, который когда-то был его. Встретив там садовника, начинает с ним беседу о своей дальнейшей судьбе. Слова его:»О бедный, Мансур! Растратил ты свое богатство и титул, потерял честь и авторитет. Зачем и жизнь свою хочешь погубить?» На что Мансур ответил мудрыми словами из байта:

Булма язмыш кулында бер корал кисәге,

Мондый тормыштан сиңа үлем яхшырак.

*Гомрең эгәр йөз һәм мең яшькә җитсә,
Ни файда хурлык-зарлык белән үтсә.
Тормышың эгәр хуш үтми икән –
Җаныңның хақы берни дә тормас.*

(Не будь куском орудия в руках судьбы,
Смерть милее, чем такая жизнь.
Пусть жизнь будет сто и тысячетлетней,
Какая польза от нее, если пройдет она в позоре и стыде.
Если жизнь пройдет без пользы,
Цена души не стоит ничего)

В тридцатом рассказе «Бәлкыйснең әнисе пәри кыз хикәясе» («Рассказ матери Балкис, которая была призраком») говорится о брачном союзе человека с призраком. После рождения сына девушка-призрак отдает его Огню, дочь – Собаке. Принц, увидевший своих детей только мгновение, не может прежить такое горе и произносит слова этого байта:

*Буласы булды, һәрни буласыдыр,
Гамь җыю ни файда кыласыдыр.*
(Случилось то, что случается,
Нет пользы от того, чтобы сидеть и горевать)

Таким образом, байты, включенные в содержание рассказов, имеют нравоучительную основу. В них прославляется ум, находчивость, предприимчивость, щедрость, милосердие человека, стремление делать добро. А также содержание байтов дополняет идейное содержание рассказов. Как отмечено выше, в них отвергаются недостойные доброго человека пороки, такие, как жадность, скудость, ревность, безрассудство, леность, глупость, жестокость, подхалимство и др.

Литература

Мәжмугыл-хикәят. Нәҗип Исмәгыйл күчермәсе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 446 бит.

Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере / Г. Рәхим, Г. Газиз. – Казан: Татар. матб. һәм нәшр. комб. нәшере, 1925. – 316 б.

Татарская литература: Учебник-хрестоматия для студентов сред. спец. учеб. Заведений/Авт. – сост.: А. Г. Махмутов, Н. Г. Гараева, Л. Ю. Мухаметзянова. – Казань: Магариф, 2010. – 631 с.

Урманчиев Ф. И. Халык авазы: Татар халык бәетләре тарихыннан очерклар / Ф. И. Урманчиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 127 б.

Ярми Х. Татар халкының поэтик иҗаты / Х. Ярми. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. – 308 б.

Каракотова С.А-Ю.

ВОЙНА И ДЕПОРТАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.О. АБАЙХАНОВА

Когда началась Великая Отечественная война, Насу Абайханову исполнилось четырнадцать лет. Подростком он испытал на себе все тяготы войны и трудные годы депортации карачаевского народа в 1943–1957 гг.

В 1955 г. Насу Османович окончил в Казахстане Капланбекский с/х техникум. По окончании был записан добровольцем на освоение целинных и залежных земель в целинный зерносовхоз «Каскеленский». Четыре года был секретарем комсомольской организации. Имел медали «За освоение целинных и залежных земель» и «За трудовую доблесть». Во время войны работал и был приравнен к участникам войны.

В 1957 г. Н. Абайханов был реабилитирован и вернулся вместе со своим народом в родные места. В 1963 г. поступил в Карачаево-Черкесский госпединститут на филологический факультет (отделение родного языка и литературы), в 1968 г. успешно окончил его. Работал инструктором райкома партии, секретарем парткома совхоза им. О. Касаева и Карачаевского лесхоза, заведомом кадров и председателем профсоюзного комитета ДРСУ. Когда семья находилась в депортации, отец Насу Османовича воевал за свою Родину. Вернулся он инвалидом, на лице остался шрам, так как пуля прошла мимо виска, задела правый глаз и ухо.

Дядя Насу Османовича Мусса Абайханов до войны работал первым директором Учкуланской средней школы, затем возглавлял районный отдел народного образования. Как и многие, в числе добровольцев ушел на фронт, воевал на Малой Земле, был политруком, однополчанином Л. И. Брежнева.

На Шаумянском перевале шли ожесточенные бои за выход к морю. На этом месте, прямо у трассы, похоронены воины, отстоявшие его. В «Малой Земле» Брежнев упоминает и о политруке М. Абайханове. После войны родственники Насу Османовича вместе с другом Муссы Магометом Шуаевым из Дагестана (чудом остался в живых), написали письмо Председателю Правительства. Он ответил и обещал увековечить память М. Абайханова, назвав его именем среднюю школу в а. Кумыш КЧАО (КЧР), в которой он учился. Вскоре не стало Л. И. Брежнева, и этим вопросом никто больше не занимался. В 80-е годы в областной газете о М. Абайханове и его друге была напечатана большая статья.

Насу Османович перенес трагедию выселения своего народа. В его творчестве теме Великой Отечественной войны и депортации посвящены многие произведения в стихах и в прозе. Все стихотворения на русский язык перевела Т. В. Макаренко.

Хотя закончилась война, все пережитое в те годы, не давало спокойно жить творческой личности. Боль, выстраданная в годы депортации, ярко выражена в стихотворении «Сирота», которое было написано к 50-летию насильственного выселения карачаевского народа.

*Мне никуда от дум не деться.
И мысли хлещут через край –
Мое загубленное детство
Меня зовет с собою вдаль.
За полустанком – полустанок,
Седой, заснеженный ковыль.
Нас поезд мчит в степи бурной,
Клубами ветер кружит пыль.*

В стихотворении рассказывается о мальчике, отец которого погиб, а мама – горянка умерла по дороге в Среднюю Азию, не выдержав смерть своего мужа. И остался мальчик-сирота, лет шести. Он был привезен в Среднюю Азию чужими людьми. Эти строки красноречиво говорят об этом:

*Зачем сюда в вагоне тесном
Он был чужими привезен,
И в этом мире неизвестном
На смерть и муки обречен?!
Здесь, в Средней Азии холодной
Его встречал я много раз.
Несчастный, жалкий и голодный,
Он был, как мы, одним из нас.
Ребенок брел от дома к дому
И с горьким плачем маму звал.
Такой судьбы врагу бы злому
Я б ни за что не пожелал!*

Автор пишет, как он у всех поест просил, стоя босыми ногами в снегу, без шапки, с темной копной слипшихся от грязи волос, на щеках которого от жесткого мороза застыли слезы, и обривалась сухая корка.

*Вот он преступник шестилетний,
Изменник Родины своей.
Не первый он и не последний из нас –
Игра чужих страстей.*

У Насу Османовича есть прекрасное стихотворение «Баллада о солдатской шинели», где говорится про простую солдатскую шинель, которая спасала солдат и помогала в холода.

*Пусть о Славе поют и Отваге,
Что прошли сквозь шальную метель.
На пропахшей табачною крошкой бумаге
Я пишу про простую шинель.
На солдате и на генерале
Одинаково ловко сидят
Те шинели. Они на веку повидали
Черный дым и разрывы гранат.*

Такие строки мог написать только человек, близко соприкоснувшийся с войной, который не по рассказам имел представление об этом.

*В год победный, ликующий,
Год сорок пятый
Возвратился в свой город родной.
Люди плакали и обнимали
Всех, кто выжил, в огне устоял.
Рукава, как веселые птицы, летали -
Я лезгинку в шинели плясал!
Если б только я был генералом,
Я бы орден шинели вручил,
Чтобы помнили все – в той шинели недаром
Честь и славу солдат заслужил.*

В творчестве Н. Абайханова есть замечательные стихотворения «Солдатские письма» и «Печальный зов». В первом мы с автором переживаем о том, что солдатские письма приходили нечасто, и как часто с тревогой и болью люди ждали у крыльца весточку с фронта от своих родных.

*Солдатские письма порой
Приносили несчастье,
Порой вселяли надежду
И радость в сердца!*

В каждой семье лежат в шкапулках солдатские письма – простые треугольники – дорогая святыня.

*Солдатские письма!
Вы тоже ковали победу.
Солдатские письма,
Мы вас бережем с тех времен.
Солдатские письма –
Посланники внукам от дедов,
В вас грохот салюта
И шелест победных знамен!*

Особо хочется отметить стихотворение «Печальный зов». В нем речь идет о доме без хозяина. Это единственный заброшенный дом в ауле. Поэт так мастерски рассказывает о нем, как о живом существе:

*Один лишь дом на весь аул
Не спит, кого-то ждет.
Он двери настежь распахнул,
Хозяина зовет.*

Летом и зимой, в осенние холода, в дождь и мороз дом стучит ставнями. Он весь промок от слез.

*И горький зов его в ночи
Доносится до слез:
– Я жду тебя, хозяин мой.
Приди, приди скорей!
Тебя зовет твой дом родной,
Теплом его согрей!*

А дальше невозможно читать стихотворение без слез:

*Я без тебя во тьме зачах,
Услышь, услышь меня!
Я дверь свою не закрывал
Уже десятки лет.
И день, и ночь тебя я ждал –
Тебя все нет и нет.
Так возвращайся поскорей
На зов печальный мой!
Дом не знает о самом главном, – о том, что нет хозяина в живых, и бесполезно ждать его.
Но только домик не молчит,
Хозяина зовет,
Призывно ставнями стучит –
Когда же он придет?*

*Давно уже погиб в бою
Хозяин под Москвой,
Погиб за Родину свою,
За свой очаг родной!
И дом, что ждал его и звал,
Сквозь дождь и холода,
Всем навшим памятником стал
Навеки,
Навсегда!*

Стихотворения поэта пронизаны тонким лиризмом, страстной любовью к земле отцов, болью о тяжелых испытаниях, перенесенных народом.

*В Средней Азии плачут могилы.
Этот зов через тысячу дней
Слышим мы – то по родине милой
Плачут души ее сыновей...*

Сегодня молодые люди, прочитав эти стихи, осознают боль и страдание народа, а также надежду, веру в справедливость, в Победу.

Как в жизни, так и в творчестве Насу Османовича, Великая Отечественная война и депортация параллельными нитями прошли рядом. Самое главное в произведениях Н. О. Абайханова – это патриотизм народа, который победил врага, несмотря на все тяготы и трудности военных лет и депортации.

Литература

Из архива Н. О. Абайханова, «Литературное краеведение». Папка № 1.

Поэтической строкой / День республики. – Черкесск, 1993, 19 февраля.

Шестьдесят пять победных лет. Сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии / Сост. Бекизова Л. А., Курмангулова Ш. А. – Черкесск, 2010. – С. 106.

Кириллова З. Н.

КАМА БУЕ КЕРӘШЕН ТАТАРЛАРЫНЫҢ ТАБЫН ЖЫРЛАРЫ

Татар халкының милли характерына хас күркәм бер сыйфаты – кунакчыллыгы, дусларча тату яшәүгә, кардәшлек һәм бердәмлек тойгыларына хөрмәте чагылыш алган [Татар, 1988: 23] табын жырлары керәшен татарларының жыр сәнгатендә дә әһәмиятле урын алып тора. Кунак табыны, якыннарны бергә жыйган аш-су мәжлесе, гаилә бәйрәме яисә туй вакытында туганнар һәм дусларның аралашуы жыр белән үрелеп бара, бу исә мәжлесне тагын да ямьләндерә.

Табында хужа һәм кунакларның бер-берсенә матур теләкләр белән жыр әйтешүе һәм күмәк жыр – керәшен татарларының һәр төркеменә дә хас күренеш, ата-бабалардан калган матур традиция. Чыгышыбызда тикшереләчәк табын жырлары Балык Бистәсе районының Казак Чаллысы һәм Иванаһ авылы керәшеннәреннән тупланды. Әлегә авыллар керәшеннәренң тел үзенчәлекләрен һәм йола ижатын төрле яклап өйрәнгән күренекле галимә Ф. С. Баязитова тарафыннан Казан арты сөйләшенең Кама бую урынчылыгына кертелә [Баязитова, 1997: 11]. Әмма шунысын искәртеп үтү мөһим: керәшен татарларының башка төбәкләрдә яшәүче карендәшләре белән аралашып яшәве, моннан тыш, керәшен жырларының татар халык ижаты жыентыкларында [Татар, 1988] һәм кайбер вакытлы матбугат битләрендә урын алуы нәтижәсендә, табын жырларының саны арта, ә аларның билгеле бер төбәккә хас икәнлеген күрсәтүче билгеләре исә югала бара.

Керәшен татарлары мәжлесләрендә башкарыла торган жырларны эчтәлекләре һәм эзлеклеләге ягыннан берничә төркемгә берләштерергә мөмкин. Шуларга аерым-аерым тукталыйк.

Һәр табын иң элек олылар хөрмәтенә жырлау белән башланып китә. Әлегә жырлар ярдәмендә мәжлестә катнашучылар эти-әниләргә һәм, гомумән, өлкәннәргә үзләренә рәхмәтләрен, хөрмәт хисләрен белдерәләр:

Безнең өстәлләргә шул килешә:
Чүпләп кенә суккан ашъяулык.
Ашыйк, ай, әле без, эчiek –
Олылардан калган ашамлык.

Безнең этекәйнең капкасы
Чыршы-нарат белән тактасы.
Бу ашаганнар, бу эчкәннәр –
Бар да эткәй-әнкәй аркасы һ. б.

Күләме ягыннан иң зур катламны тәшкил итүче икенче төркем – туганнар яки дуслар хөрмәтенә башкарыла торган жырлар. Нигездә хужа һәм кунакларның кара-каршы жырлашуы рәвешендә алып барыла, шулай ук кунакларның узара жыр әйтешүе яки күмәкләшеп жырлау формаларын да алырга мөмкин. Әлеге төркем жырларда күп төрле хис-тойгылар, теләк-омтылышлар чагылыш таба: туганнарны сагыну («яндый тәрәзәләрдән күзем алмый сез булдыгыз минем көткәнем», «быел Мәкәржәләргә мин бармадым, сезне бер күрерләргә алжадым», «ерак араларны якин итеп, сагынып килдек без күп жирдән»), кунаклар килгәнгә шатлану («чакырган кунаклар килгәч, безнең күнел булды инде», «жыен туганнар безгә килгәч, ямынәр керде эткәй-әнкәй йортына», «сез кодалар белән күрешкәчтен, йөзләремә сыймады шатлыгым»), ярату, якин итү («бу жырымны жырлыймын мин жаным сөйгән туганга», «сезнең өчен минем жаным өзелергә торган жеп кебек», «жаным ярып бирер идем – жандин башка торыр хәлем юк», «илләрдә кеше бикләп күп, сездән башкалары ошамый»), туганлыкның кадерен белү, дус-тату яшәү теләге («без барыбыз да берләп туган, бер-беребез өчен үлиек», «юлларга чыксаң, юлыбыз уңар, аерылмас туганнар булык», «әз гомернең эчләрендә сүз китерешмик берләп беребезгә», «араларга дошман кертмиң, бергә йорик гомер эчендә») һ.б.

Әлеге төркем жырларда кунаклар яки хужа хөрмәтенә бик күп мактау сүзләре әйтелә, аларның төрле сыйфатлары асызыклана: күркәмлекләре («килгәннән бирле карап торам: сез барыгыз да шушылай асылмы?», «бугыз койган шәм кебек, йөзләрегез тулган ай кебек», «йөзләрендә кояш уйный, ай гына куймаганнар»), нәселләренең затлылыгы («безләр кызыгызны шуңа алдык, нәсел-ырулары затлы дип», «килгәннән бирле карап торам: сез кайсы пәйгамбәрләренең нәселе?», «яхшы ата баласының сүз сөйләшүләреннән билгеле»), тәмле телләре («йөзләрегездә нурлар уйный, телләрегез жомакай (оҗмах – З.К.) ачыкчы», «бу кадәр тәмле сүзләренне умарталар ачып алгансың», «сезләр белән сөйләшергә жепәкәйдәй тасма тел кирәк»), өстәлләренең муллыгы, ризыкларының тәмелеге («безнең кодаларның өстәлендә ни ашыйсың килсә, шулар бар», «безнең туганнарның өстәлендә өч көн ашап-эчсәк тә житәрлек», «монда ашаганның, монда эчкәннең гомер буе бетмәс тәминәре») һ.б.

Жыр ярдәмендә мәжлестә катнашучылар бер-берләренә күп төрле матур теләкләр әйтәләр: «чәчәк кебек матур булсын иде алгы тормышыңда юлларың», «йөргән юлларыңда яхшы йөрә, сокланмаган кеше калмасын», «бай да булсын, сау да булсын бу ашларың иясе» һ.б.

Табын жырларының алдагы төркем аш бирү жырлары тәшкил итә. Туй мәжлесе вакытында алар күбрәк жырлана, чөнки хужаларның сыеннан тыш, кодалар һәм хужаның якин туганнары үзләренең күчтәнәчләре белән чыгалар, болар исә барысы да жыр белән үрелеп бара:

Олы юлга чыккан идем,	Кибетләргә кердем, пәке алдым,
Ак калфаклы кыз килә.	Кисим дип агач башларын.
Өстәл өсләрен ямьләндереп,	Аякларга басып, кул чәбәкләп,
Ипи белән тоз килә.	Каршы алыңк кодалар ашларын.

Аш бирү вакытында сыйлаучылар һәм кунаклар арасында диалог дәвам итә. Мәсәлән, шуларның кайберләре:

Өй түрендә садыгыз,	Ерак безнең кырыбыз,
Садыгызда – атыгыз.	Күкрәп үскән солылар.
Бу дәүләтне, бу хөрмәтне	Ник тартмасын безнең атыбыз –
Ничек тартып килде атыгыз?	Бәхилләп жибәргән олылар.
Иртә торып тышка чыксаң,	Йөгәрә-йөгәрә жыярларга
Очрады миңа гаетче.	Юл буенда юа юк.
Безнең сыйларыбыз бары шунда,	Сездә ничек, бездә шулай
Сез булмагыз инде гаепче.	Гаеп итә торган йола юк.

Башка мәжлестәрдә исә аш бирү жырлары берничә дүртъюллык белән чикләнә. Шуларның икесен тәкъдим итәбез:

Биек тауның башларында	Өстегезгә кигән альяпкычның
Әйләнәдер минем башларым.	Алмаларын тигез төшергән.
Тәмле-татлы итеп сез ашагыз –	Безләр киләсене сезләр белгән,
Сезнең өчен пешергән ашларым.	Тәмле-татлы ашлар пешергән.

Мәжлес тәмамланыр алдыннан, ашаган-эчкәнгә рәхмәт әйтеп, тау итү жырлары башкарыла:

Биек тауның башларында
Ак жәймәләр кордым ау итеп.
Бу жырларны без жырлайбыз
Ашаган-эчкәнгә тау итеп.

Язлар житәр, кошлар сайрар,
Ишетер микән Нуриәхмәт.
Ашадык-эчтек, хөрмәт күрдек,
Алла риза булсын, бик рәхмәт.

Иртә торып тышка чыксам,
Ап-ак кырау төшкән шомыртка.
Ашадык-эчтек, хөрмәт күрдек,
Дәүләт иңсен иде бу йортка.

Мичкә лә мичкә балыгыз,
Мәскәүләргә киткән даныгыз.
Мичкәләрдә балыгыз бетмәсен,
Башыгыздан дәүләтләр китмәсен.

Хәзерге жирле сөйләшләрдә һәм йолаларда сакланып калган тау итү сүзе борынгы төрки телдә кулланылган, ә соңга таба ул гарәп теленнән кергән рәхмәт әйтү сүзе белән алмаштырылган [Баязитова, 1997: 130].

Табын жырларының соңгы төркемен мәжлес тәмамланганда башкарыла торган жырлар тәшкил итә:

Урманнарда чыккан чакта
Куак кисеп алдык таякка.
Ашадык-эчтек, хөрмәт күрдек,
Басып карыйк инде аякка.

Тар гына басмалар булганчы,
Киң генә басмалар булсачы.
Киткән чакларыбыз булганчы,
Килгән чакларыбыз булсачы.

Челтәр элдем читәнгә,
Жилфер-жилфер итәргә.
Кунаклар йөри китәргә,
Белмим ни хәл итәргә.

Айкый-чайкый керләр юдым
Кулларым күшкәнче.
Туганнарым, сау булыгыз,
Янадан күрешкәнче.

Күренгәнчә, керәшен татарларының күп гасырлар дәвамында чарланган һәм һәр мәжлес өчен дә уртак булган жырларын түбәндәге төркемнәргә берләштерергә мөмкин: олылар хөрмәтенә башкарыла торган жырлар, туганнар яки дусларга багышланган жырлар, аш бирү жырлары, тау итү жырлары һәм табынны тәмамлау жырлары. Алар гадәттә ике төрле – озын яки кыска көйгә башкарылалар. Озын көйгә жырланучы дүртъюллыкларның күпчелеге 10–9, ә кыска көйгә башкарылулары 8–7 шигырь үлчәменә нигезләнә, шулай ук аралаш-катнаш үлчәмнәр дә урын алырга мөмкин. Кайбер кыска үлчәмле жырларның озын көйгә башкарыла торган вариантлары да була, бу мөмкинлек жырлар төрле ярдәмлек сүзләр, кушымчалар яки эмоциональ ымлыклар кушу хисабына барлыкка килә.

Татар халык иҗатының кыска (дүртъюллык), лирик һәм йола жырлары үзенчәлекләрен үзәк туплаган керәшен табын жырлары барлык мәжлесләреннән дә үзәк тәшкил итеп, кешеләреннән хис-кичерешләрен, теләк-омтылышларын шигъри юллар белән матур көйгә салып белдерү өчен хезмәт иткәннәр. Халыкның авыр тормышын жиңеләйтәп, шатлык-борчуларын жыр-моңга төрәп бирергә, туганлык жепләрен тагын да ныгытырга ярдәм иткән әлеге жырлар буыннан буынга тапшырылып, халык хәтерендә сакланып килгәннәр, яңа жырлар исәбенә тагын да байый төшкәннәр, әмма шунысы кызганыч: хәзерге заманның күп төрле мөмкинлекләре һәм кызу ритмына бирешеп, күбрәк олы буын өчен хас булган мираска әверелеп баралар.

Әдәбият

Баязитова Ф.С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола иҗаты.– Казан: Магбугат йорты, 1997.– 248 б.
Татар халык иҗаты. Тарихи һәм лирик жырлар.– Казан: Тат. кит. нәшр., 1988.– 488 б.

Кошелева А.Л.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ХАКАССКАЯ ПРОЗА: ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОНАЧАЛА В РОМАНЕ-ЭССЕ С. КАРАЧАКОВА «СИНИЙ ПОТОП. «ГДЕ ТЫ, МАТЬ-РЕКА?»»

Роман-эссе С. Карачакова «Синий потоп. «Где ты, мать-река?» – это органический синтез интеграции исторической повести и ряда очерков, восстанавливающих исторические события периодов XIII века, XVIII-го, 20–30-х гг. века XX-го, периода Великой Отечественной войны

и современную хронику 90-х и начала века XXI-го, когда происходит пересечение разных временных и пространственных границ. При этом каждый из этих очерков пронизан эмоциональными авторскими лирическими отступлениями. Мощный концепт – любовь к Родине, родной земле органически воссоединяет все эти части художественной структуры произведения, репрезентируя историко-культурные, этнопсихологические, этноонтологические коды древнего народа.

Хронотоп путешествия по разным историко-культурным парадигмам открывает эпиграф, номинирующий определяющие сакральные начала хакасского этноса – «тайга», «вода», «Великое небо», которые, с одной стороны, репрезентируют национальное, с другой, – идентифицируют это национальное с общечеловеческим, формируя ощущение равнозначности «дома» и «мира»:

*Весной, когда растает, уйдет снег,
из-под земли в ТАЙГЕ дружно выбиваются
жаждущие солнечных лучей, жизни,
воздуха разные травы, вместе с ними выходит
и внутренняя вода перенасыщенной «влажгой» земли.
Эту воду – я, хакас, называю «КЖ САЙБХ / ЧАЙБХ /» –
«СИНИЙ ПОТОП»,*

В котором отражается ВЕЛИКОЕ СИНЕЕ НЕБО [Карачаков, 2014: 1].

Есть исходная ориентация и у «генетической памяти» автора: это древняя надпись предков на Вечной скале, которая тоже аккумулирует и репрезентирует духовно-национальную и историко-национальную суть народа:

*«О, доблестный мой народ..!
Народ, имеющий доблесть, – великий народ!»
«Когда уничтожается низкое греховное /
и Божественная Мать и река Ким / Енисей;
по-другому: Бог и Мать-река Кем-ни /
соединяются в благоустроенности,
мы преумножая благое,
создаем драгоценности, пользуемся знаниями;
/ Так / я стал богат» [Карачаков, 2014: 4].*

Из надписи на Вечной скале

И. Кызласов¹. Древняя письменность

Своеобразие жанровой модификации, роман-эссе, связано прежде всего с феноменом двойного видения автора, когда на ментальном уровне осуществляется сближение образа жизни, ее знаков исторического, онтологического и психологического свойства, архаичных и современных форм времени в одном контексте. И это четко обозначенный контекст – народ и высокой степени дань уважения его героической истории и сохранившимся, пережившим века достойным традициям – реализуется автором: «... близкое сделать дальним, а дальнее – близким» [Карачаков, 2014: 5]. «Дальнее» – это героическая борьба родов «Туран» и «Семь волков» (XIII век) с джунгарами. Репрезентирует это «дальнее» всего лишь деталь из прошлого: «Трехгранный – броневой наконечник. Стрелами с такими наконечниками хакасы пробивали куяки противника. Что здесь случилось, успел ли воин поразить врага? Вопросы, вопросы и нет им числа. Кто ответит на них? Память? Моя генетическая память» [Карачаков, 2014: 5]. Характеристика исторической эпохи (XIII в.) приходит к нам, к национальному и инонациональному читателю и с описанием «красот родной земли» («степь кажется бескрайней... с двух сторон горы. Одну из гор зовут «Ча-аполгантаг» – «Гора, где произошла битва» ... Растущие здесь жарки мне кажутся выросшими из крови богатырей, ведь кровь чистых, честных всегда, по хакасским поверьям, тянется к Небу, к Солнцу» [Карачаков, 2014: 4], и «нехитрыми» приметам жизни отходящего к ночи, покою древнего родового аала. ... Возле юрт, то здесь, то там, вспыхивают костры, возле которых сидели люди, готовили нехитрую еду. Все вокруг дышало миром и спокойствием: молодая женщина кормила грудью ребенка; где-то кричала какая-то ночная птица; кто-то играл на чатхане; кто-то пел под комуз². Утомленная за день земля, как и люди, отдыхала, уже нежилась под по-летнему крупно-яркими звездами. И под этими звездами особенно торжественно звучали взлетающие до звезд дорогие сердцу каждого хакаса, пришедшие из глубины веков горловое пение хайджи и звуки чатхана, комуза. Огни костров освещали лица – молодые и старые, – на которых навечно

1 И.Л. Кызласов: известный учёный-археолог, расшифровавший орхоно-енисейскую письменность.

2 Комуз – национальный музыкальный инструмент хакасов.

застыли доброта и печаль прошедших в битвах, невзгодах, коротких, как заячий хвост, радостях, дороги веков» [Карачаков, 2014: 5–6], и нелегкое принятие судьбоносных решений советом родовой верхушки и присутствующими на нем «самых отважных воинов или «идти к русским», или «уйти в тайгу», или «не сердить хана Джунгар» и присоединиться к ним». Описание Совета родовой верхушки – это одна из вариаций передачи, репрезентации сложной исторической реальности, что воплощается через полифоническое художественное сознание писателя, передающее нам многообразие культурных голосов, характеров и сознаний эпохи: властный и недалеко мыслящий князек, приказывающий всем родам «откочевать», «укрыться в тайге до лучших времен», «... как половодья, хлынула ярость родовой верхушки. Наряженные в богатые одежды, они шипели, брызгали слюной, тыкали руками в сторону противников». Трусливые, жалкие, озлобленные на мужественного, умудренного опытом воина Миргена и его разумное решение присоединиться к русским, к казакам, они кричали: «– Не хотим откочевывать, сердить хана Джунгар! – Всюду появляются недозрелоглазые! (русские – А.К.) – Сжечь их осиные гнезда! – Убить надо Миргена, пусть не баламутит народ!»; «Пойми князь! – горячился Мирген, с трудом сдерживая гнев. – Если мы все сейчас разбежимся, то кто будет защищать нашу землю? Бежать от врага, как трусливые зайцы! Это не для воинов занятие! Но сколько можно прятаться, как суслики в норах! Видеть как враги терзают нашу землю! Грабят! ... Присоединимся к Улуг Пигу... Правда, на стороне УлугПига – надо объединиться с русскими»; к решению Миргена присоединяются воины, закаленные в боях, «седой старик» Ах Пас и Шаман. Но не успели соплеменники принять ни одного из решений: «джунгары со свистом, визгом неслись на аал». Завязалась неравная, кровавая битва – кульминация всей исторической повести. В горькой тональности транснациональной литературы С. Карачаков идентифицирует драматические картины, образы подвига и гибели лучших представителей рода – достойных уважения и подражания предков: «Горели юрты, падали люди, ржали кони... Свистнул аркан, родовой князь вылетел из седла, и в мгновение ока был связан родовой верхушкой... Оставшиеся без руководства – хакасы не могли оказать дружного сопротивления... Кучка стрелков, укрывшись за повозками поражала джунгар одного за другим. Но налетели сзади всадники, засвистели сабли, полегли стрелки. Падает сраженный стрелой ребенок. Женщина ударила копьем всадника, но свалила ее горячая сабля... Мирген с сыновьями рубился рядом с отцом Сурланы...» Один за другим падают под ударами сабель старший и средний сыновья, затем – друг Миргена – отец Сурланы (невесты младшего сына Миргена – Аяса). Сраженный стрелой падает Мирген. «... Отец моих сыновей! – бросилась к нему жена его и упала, сбита конем, но даже в эту страшную минуту она не нарушила обычай: не назвала мужа по имени... Лежали воины мертвые. Дети, подстреленные стрелами, порубанные саблями. Молодая женщина с оружием в руках – мертвая. Между ними ходил маленький мальчик. Во все времена от войн больше всего страдают дети. И это самая непростительная вина зачинщиков войны. Собиралось воронье... Чтобы не видеть всего этого, князек повернул голову в другую сторону. Но и там – гибель рода, аала...» [Карачаков, 2014: 20–25].

Проникновенный лиризм, пронизывающий все эти картины гибели и разрушения, которые образно синтезируют чувства печали, горя, органически воссоединяя национальное и общечеловеческое. Самоидентификация трагической страницы национальной истории «дальней» истории хакасов, особенно эмоционально, ярко передана в строках, венчающих эту историческую драму и повторяющих главный смысл названия всего произведения: «... Склонились цветы, растоптанные копытами коней, обрызганные кровью. И над всем этим сияло солнце. И под этим солнцем стоял стон: «Где ты, мать-река? Когда увидим тебя снова?!... И застонали, заплакали струны Чатхана. И вырос еще один Курган...» [Карачаков, 2014: 25, 28].

С. Карачаков использует традиционный классический прием (Л. Толстой, М. Горький, Л. Леонов) так называемой «зеркальной композиции», когда в финале, заключительных строках, как бы –«отражаясь», фиксируются итоговые **акценты** всех сюжетных линий повествования: живы остались жена и младший сын Миргена – Аяс, продолжатель рода «Семи волков», который вместе с мальчиком Миргеном (знаковое имя – А.К.), воспитанного Шаманом («Он достоин своего имени. Из всех, кого мы готовили в будущие воины, он самый лучший», – напутствуя, сказал Шаман), отправляется в новую жизнь, чтобы готовиться к новым сражениям за родную, истерзанную Землю: «Аяс и Мирген тронули коней. Мать полными слез глазами смотрела вслед единственному оставшемуся в живых сыну: «Когда еще свидимся. Да и свидимся ли?» – но не посмела заплакать – слезы могли помешать в пути – Аяс, Мирген, их кони спотыкались бы о них»; «Сурлана, невеста Аяса, и младшая сестра ее отца решили бежать из джунгарского полона при первой же возможности».

Культурно-языковая народная стихия исторической повести составляет основу художественного мира писателя – пословицы, поговорки, образные сравнения, разного рода афоризмы, притчи – все это самое репрезентативное воплощение культурного сознания хакасов.

Пословицы, поговорки, афоризмы (афористические жанры) делают речь образной, яркой, емкой по смыслу, содержательной, «подсказывающей» акценты повествования. Например, поговорки, часто – с элементами сравнения: «коротких, как заячий хвост, радостях»; «одинокое дерево ветра боится»; «а силы наши тают, как снег весною на солнце»; «как половодье, хлынула ярость»; «станет коротким ровно на одну голову»; «пока варился хан, умер хан»; «подобранная на помойке и обласканная собака верно служит своему хозяину»; «и паршивый жеребенок вырастает в крылатого коня – тулпара»; «у седла два конца, а у мужчины слово крепкое»; «в тайге словами не охотятся»; «хорошего коня еще жеребеночком замечаешь»; «разве можно остановить течение реки?»; «жена на дороге, ребенок в мошонке»; «орлы взлетают рано»; «много видели горя, сажу, уголь лизали»; «народ, имеющий доблесть, великий народ».

«Переключаясь с содержанием романа-эссе, несут явно дидактические установки философичные притчи с устоявшимися типическими или общими местами (поэтический прием фольклора): «Шел с похода хан на родину. Много гнали табунов скакунов, отар овец, стадо коров. Их было так много, что задним не хватало травы: все поедали передние. Много гнали они пленных. Их было так много, что задним воды не хватало. Все выпивали передние (типическое место – А.К.). Доволен хан. Остановился хан высоко в горах на Перевале. Зарезали для него барана. Приготовили хан³. Кипятит котлы. Спрашивает хан шамана: «Что предсказывают твои духи?» Отвечает шаман: «Они говорят – пока поспеет хан, умрет хан». Засмеялся хан: «Никчемные твои духи. Я жив, и хан поспевает». Ткнул хан кинжалом в хан. Брызнула из пореза горячая струя хану в горло. Вытирался хан рукой с зажатым в ней кинжалом и горло себе перерезал. С тех пор говорят: «Пока варился хан, умер хан» [Карачаков, 2014: 9–10] – назидание этой притчи прозвучало в адрем родового князька, который без внимания оставил совет опытного воина Миргена и присоединившегося к нему Шамана и погубил род и аал.

Своеобразным продолжением этой притчи является оставшимся жить молодым соплеменникам об истории их сильного, мужественного рода, традиции которого необходимо достойно сохранить: «... Помните свой род... у одного... старика было семь... сыновей... семь воинов... за свирепость... мужество в боях... их прозвали Семь Волков. От них пошел наш... род... А еще... раньше... спустился с Неба... Синий Волк... Нас боится... род Кыргызов... ваша правящая... вершущка... Помните..., из какого вы... рода!..»

Обряды, обычаи органично вписавшиеся в историческую повесть, наиболее достоверно репрезентируют самые сокровенные, сакральные начала этнокультуры хакасов: «... Перед отъездом (Аяс – А.К.) угостил жиром Мать-огонь, попросил удачи...»; «Медведь, страшно взревев, рухнул на землю... Аяс пошевелил его шестом. Только убедившись, что зверь мертв, опустился на колени, приторно заплакал..., причитая по обычаю: – Не убил я тебя, дедушка, другой взял твою жизнь. Злой дух-казах тебя убил... Не сердись на меня... Не обижайся, дедушка, моя мать оплачет Вас лучше. Проворно вскочил на ноги, порезал ножом медведю глаза: – Не обижайся, дедушка, но это я сделал для того, чтобы твои и твоих сородичей зоркие глаза и в следующий раз меня не заметили!

Шаман, провожая в опасный путь Аяса и мальчика Миргена напутствует: «Ну пусть Ваша дорога спереди будет открыта. А сзади закрыта [Карачаков, 2014: 31]; «И шерсть на том пили – «шерсть» – вино с золотом – самая крепкая клятва хакасов. Дорогой ценой платили и платят хакасы, чтобы сдержать клятву верности – жизнями лучших сыновей и дочерей...» [Карачаков, 2014: 38].

Историческая повесть окаймляет ряд исторических хроник, в которых хронотоп восстанавливает поворотные события жизни хакасского этноса разных эпох от распада хакасского государства в XIII в. до начала века XXI-го. И каждая из этих хроник представляет **самопрезентацию** авторского «его» с его способностью соотнести жизнь своей родни (дядя Герасим: погиб в Белоруссии, дядя Сорат: «враг народа», 30-е годы) жизнь своего древнего народа с жизнью большой страны, национальное с общечеловеческим, завершающуюся эмоциональными лирическими отступлениями, в центре которых определяемый все повествование концепт – «Родная Земля», «Великая Тайга», «Великая Степь», «своя Гора», «своя хакасская Земля».

Литература

Карачаков С. Синий потоп. Где ты, мать-река? – Абакан, 2014. – С. 1, 4, 5, 6, 9–10, 20–25, 28, 31, 38.

ФЭНДИДӘ ХАРРАСОВА ПОЭМАЛАРЫНДА АНА ОБРАЗЫ

Әдәбиятта иң тотрыклы образларның берсе булып ана образы тора. Дини тәгълимапта, халык авыз ижатында, язма әдәбиятта гасырлар дәвамында халык Ананың бөеклеген жырлаган, аны пәйгамбәрләр, изге затларга тиң күргән, илаһилаштырган. Халык ижатында нечкә лиризм, самимилек белән сурәтләнгән ана образы татар әдәбияты үсешенә һәр яңа дәверендә яңа эчтәлек белән баетыла килеп, чор рухы, ил һәм милләт язмышы белән үрелеп сурәтләнә.

Фэндидә Харрасова поэзиясендә ана образы шагыйрә ижатындагы гуманистик концепциянең эчтәлеген ачуда, ижат үзенчәлекләрен билгеләүдә әһәмиятле образларның берсе булып тора. Лирик әсәрләрендә, күпсанлы поэмаларында һәм балладаларында шагыйрә ана язмышы турында уйлана, заманыбызның катлаулы әхлакый, социаль, фәлсәфи сорауларына бу образ аша жавап эзли, бәя бирә. Мисал өчен «Каенлы нигез», «Гарасат», «Йомранбикә» поэмаларына мөрәжәгать итик.

«Каенлы нигез» поэмасында Ф. Харрасова актуаль проблема – туган йорт-нигезләренә ташлануы, кешеләренә үз туган жирләрен онытуы турында борчылып уйлана. Үз тамырларын, нигезен оныткан кешеләрдән илнең, милләтнең фажиғәсе башлана ди ул: *Ил таркала нигез какшаганга, / Йөзен жуя, милләт, әй Раббым* [9; 10]

Нигезне ир-ат кора, «аның коты нигез ташында». Йорт эчендәге яктылыкны, гаилә эчендәге татулыкны, жылы мөнәсәбәтләренә исә тиз хатын-кыз, ана гына тудыра ала: *Нигезгә чын хужабикә кирәк / Дилбегәнә кулга алырга. / Табынсаң та ата йорты диеп, / Нигез рухы ана кулында. / Иминлекне, чөнки йортта бары / Гамьле ана гына тудыра,* – ди ана [9; 11]. Әсәр дәвамында инде тугызынчы дистәсен түгәрәкләп килгән Ананың гомере буена шушы гади һәм гали хакыйкәткә таянып яшәгән аңлайбыз.

Балаларына төбәп әйткән сүзләре, эш-гамәлләре, кызының аңа мөнәсәбәтен ачыклаган лирик монолог-хәтирәләре аша ана югары әхлаклы, сабыр холыклы, халыкның яшәеш фәлсәфәсен үзгәлтү туплаган тирән акыллы кеше булып күзаллана:

Чү, көфер сүз сөйләмәче, бәбкәм,

Ходай белә, күрә һәм мәсен.

... Теләк теләп, дога кылды әнкәй

Хәеренә ихлас күңелдән [4; 5].

Ана гаиләсен, балаларын карарга да өлгергән, колзох эшендә дә сынатмаган. Аның уңганлыгы, житезлеге кызына өлгә була:

Күз алдымда һаман жылт-жылт килеп

Йөгәрә-атлап йөргән чакларың.

Синең кебек уңган булым диеп,

Эзләренә басып атладым...

Ә син йөгәрәсең, вакытың юк,

Алдагысын белә бер алла.

Колхоз эше, гаилә мәшәкате

Йомгак булып бергә чорлана [9; 12].

Ана язмышында ил язмышы чагыла. Бөек Ватан сугышы вакытында бөтен ил хатын-кызларының жылкәләренә төшкән авырлык лирик героиняның анасын да читләп үтми. 18 яшьлек, 1 генә ел агроном курсларында укыган кыз курыкмыйча бригадир эшенә тотына. Тотынмыйча башка чара да юк:

Ил өстенә төшкән афәт бит бу,

Ул соң ни эшләп читтә калалсын,

Өлкәннәрнең ышанычын ничек,

Ничек инде кире кагасын? [9; 14].

Зифаның тырышлыгын бөтен халык күреп тора, аның кул астында һәр эшне тиз арада башкаралар.

Яраттылар кызны, үз иттеләр,

Зифа исеме телдән төшмәде [9; 15].

Хәтта сүзгә саран булган колхоз рәисе Хилал абзый да тырыш кыз турында мактаулы сүзләр әйтмичә кала алмый:

Некрасовның сокларыңлар язган

Хатын-кызын алга бастырды:

«Коня на скаку остановит,

В горящую избу войдет»,

*Шәп айткәндер бабаң, тик берсе дә,
Татарканы нет, не обойдет!
Хатын-кызга мәдхиядән башлап
Ул Зифаның эшен сөйләде:
Нинди авыр участокны алып,
Кальшимый бит, барсы көйләнде... [9: 15].*

Характер ныклыгы, тәвәккәллеге, оештыручылык сәләте белән Зифа татар әдәбиятындагы ижтимагый актив героинялар – Нәфисә (Г. Бәширов «Намус»), Миңлекамалны (М. Әмир «Миңлекамал») хәтерләтә.

Ана язмышын тетрәндергеч сурәтләрдә ачкан «Гарасат» поэмасы ил тарихында кара тап булып яткан мәгънәсез Әфган сугышы вакыйгалары эзеннән языла. Ф. Харрасова бу сугышның гади халыкка күпме кайгы китергәннен бер гаилә тарихында тасвирлый. Жәүдәт – яңа гына укуын тәмамлаган яшь егет армия сафларына алына, Әфган жирендә барган сугышка жибәрелә һәм каты яраланып әсир була. Туган илендә исә аны әнисе, яраткан кызы Фатыйма, улы Ильяс көтә. Ләкин Жәүдәт 17 елдан соң гына туган нигезенә кайту бәхетенә ия була. Фатыйма башкага кияүгә чыккан, улы Ильяс үсмер егет булган. Туган өендә аның газиз анасы гына көтә, төшләрендә явыз Гарасатны – сугыш, үлем һәм афәтнең жыелмасын улыкаен кызганырга ялвара:

*Әй, Гарасат, сиңа ялварам,
Кызган улкаемны, мин – ана!..
Әй, Гарасат, тимә балама,
Аны түгел, мине жәзала.
Күз яшем дә әле кипмәгән,
Газизем ул, көтәм күптәннән [6: 121–122]*

Ана улының исән-сау кайтуын бөтен жаны-тәне тели, бертуктаусыз дога кыла. Ниһаять, улы кайта, әмма Жәүдәтнең рухы сынган, жан әрнүен эфьюн генә коткара. Ике дистәгә якын чит жирдә әсирлектә булу аның тәнәндә дә, күңелендә дә тирән эз калдырган:

*Бүген, әни, нихәл итсәң дә,
Мин инвалид, синең жәйлкәңдә...
Тән ярасы уңар ул, әни,
Жан ярасы әрни, төзәлми... [6: 131]*

Газапларга түзә алмыйча, Жәүдәт аптеканы баса, дарудан агуланып больницага элгә. Ана баласының ачы язмышын авыр кичерә, ничек тә булса аңа ярдәм итәргә тырыша, улының жылкәсенә төшкән сынауларны аның белән бергә кичерә. Героиня аянычлы язмышка дучар булган, ил тарафыннан ташланган гади солдат-егетләрнең меңләгән аналарын гәүдәләндерүче типик образ.

«Гарасат» поэмасында Ана – Ул мөнәсәбәтләре алгы планга чыкса, «Йомранбикә» поэмасында дөнъяда иң якын кешеләрен – сөөкле ирен һәм сабый улын югалту фажигасен кичергән Ана образы гәүдәләнә. Авыр кайгысыннан аны бакчасы гына коткара, газаплы уйларынан арындыра, күңел тынычлыгы бирә. Ялгыш бакчага ияләшкән йомранны имгәткәч Хәниянең йөрәк ярасы кабат ачыла:

*Югалтулар аша килгәнгәме,
Һәр тере жән аңа кадерле.
Тән ярасы белән жән ярасы –
Ике затның газап зары – аһы
Әйтерсең лә, бергә үрелде... [8: 100]*

Хәния яралы йомранны һәм аның балаларын карый башлый. Йомшак күңелле хатын үзенә барлык назын һәм жылысын шул кечкенә жән ияләренә багышлый. Ләкин язмыш аны тагын сынарга була: күршесе Самат йомраннарны аулый һәм Йомранбикәне тотта. Хәния бу вакыйганы бик авыр кичерә:

*Бәргәләңмә, күкрәк читлегеннән
Чыгалмыйсын, йөрәк, түз әйдә...
Мине шулай һаман сынысыңмы?
Колым түзә дисең, мөгаен.
Жәбер-золымнан бу дөнъялыкны
Коткарыр көч кая, Ходам? [8: 114]*

Шагыйрә бер гаепсез, кеше төсле үк табигать балалары жәнлекләренә жанын кыю кешелекне фажигагә илтәчәген күрсәтә. Йомраннарны кырган кебек үк кешеләр бер-берсен аямыйлар, Хәниянең гаилә тарихы моңа ачык мисал – якыннары юл фажигасендә вафат була:

*Иномаркадагы яңа урыс
«Жигулины» булган «сөзәргә»...*

Тәпи киткән улы һәм хәллә

Юк булдылар мизгел эчендә [8: 100].

Мондый вакыйгалар хәзерге тормышыбызда көн саен диярлек булып тора. Без аларга күнегеп тә беткәнбездә бугай. Ә һәрбер вакыйгада – олы фажига, Ана фажигасе генә түгел, бөтен ил фажигасе.

Шул рәвешле, Ф. Харрасова ижатында ана образы кешелеклек, әхлак, тәрбия, милли менталитет, экология, социаль, заман проблемалары аша ачыла.

Әдәбият

Әдәби эсәргә анализ ясау / Д. Ф. Заһидуллина, М. И. Ибраһимов, В. Р. Әминевә. – Казан: Мәгариф, 2005. – 111 б.

Әдәбият белеме сүзлегә / Төз. А. Г. Ахмадуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 239 б.

Сахаутдинова Ф. З. Особенности художественной концепции личности в творчестве Р. Миннуллина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010 – № 7. – С. 68–72.

Татар әдәбияты: Теория. Тарих / Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов, Т. Ш. Гыйләжев, Н. М. Йосыпова. – Казан: Мәгариф, 2006. – 319 б.

Халиуллина А. Г. Время и герой (к вопросу воплощения героя в современной татарской прозе): – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. – 204 с.

Харрасова Ф. Әнием каеннары. Шигырьләр, поэмалар. – Уфа: Башкортстан «Китап» нәшрияты, 2001. – 144 б.

Харрасова Ф. Каенлы нигез // Тулпар. – 2009. – № 1. – 22–27 б.

Харрасова Ф. Тормыш кайтавазы: Шигырьләр, поэмалар. – Уфа, Китап, 2003. – 144 б.

Харрасова Ф. Фазыйләтем – минем асылым: поэмалар, балладалар, шигырьләр. – Уфа: Китап, 2009. – 128 б.

Хатипов Ф. Әдәбият теориясе. – Казан: Мәгариф, 2000. – 350 б.

Ләбиб Лерон

БУЛАТ СӨЛӘЙМАНОВ ХАТЛАРЫ

Архивымда Татарстан Язучылар берлегенә 1960–1980 еллардагы эшчәнлегенә кагылышлы документлардан торган байтак папка бар. Мин аларны, Татарстан Язучылар берлеген Бауман урамындагы Матбугат йортынан Комлев (хәзерге Мөштәри) урамындагы ГИДУВ бинасына (14 йорт) күчерешкән чакта, кирәксезгә чыгарылып, идәнгә ташлап калдырылган чүп-чар өемәннән табып алган идем. Беркөнне шул папкаларны актарып, документлар белән танышып утырганда, ике хатка юлыктым. Алар – ике чордаш-каләмдәшнәң – Тәүфик Әйди (1941–2001) белән Булат Сөйләймановның (1938–1991) бер-берсенә язган хатлары булып чыкты. Мин бу ике әдип белән заманында күпмедер дәрәжәдә таныш идем, үзләре белән якын дуслар ук булмасак та, ара-тирә күрешкәләп, үзара аралашып яшәдек, һәрдаим дустанә мөнәсәбәттә булдык. Үз вакытында икесенә дә ихлас күңеләннән шигъри багышлаулар яздым: Булат абзыйга – 1988 елда илле яше тулуы уңае белән котлау шигъри («Казаннан жилләп исмәс...»), Тәүфик абыйга – 1992 елда «Казан утлары»ның 70 еллыгы уңаеннан дүртъюллык эпиграмма:

Язмыш өзгәләп ташлаган

Жепләргә табып бәйли:

Учлап сибелгән татарны

Бөртекләп жыя Әйди.

Шунысы кызык: әлеге күренекле шәхесләребезнәң биографиясендә бер уртақ үзенчәлек бар – алар икесе дә язучы яисә шагыйрь булып танылганга тиклем бик күп һөнәр үзләштергән: әйткә, Тәүфик Рамазан улы – *китапханәче*, ташчы, милиция хезмәткәре («Божра» дигән детектив повестен язуда авторга шушы һөнәре этәргеч булмады микән әле?!), *слесарь* һәм аппаратчы, укытучы, методист, *әдәби хезмәткәр*, Булат Вәлиулла улы исә – йөкче, бетончы, маляр, *китапханәче*, балта остасы, нефтьче-оператор, *слесарь-сантехник*, *әдәби хезмәткәр*.

Хатлардан аңлашылганча, язмышның ачысын-төчесен шактый татыган бу ике әдип бер-берсен яхшы белгәнгә охшый, шул хатлардан чыгып гоман кылсак, аларның язышып хәбәрләшүләре бер-ике генә булмагандыр диясе килә:

Булат Сөләйманов – Тәүфикъ Әйдигә

Сәлам, Тәүфикъ дус!

Хатыңны һәм жибәргән справка кәгазен алдым. Ләкин, кызганычка каршы, бик соң иде. Бүген –15 нче октябрь һәм миңа, Союздан «Сина хат бар», дип шылтыраттылар. Сәбәп бер генә. Мин эшләгән бюропропаганда үзе аерым бер йортта урнашкан. Ә союз – Дом Советовта, икенче жирдә. Мин ул жиргә (союзга) бик сирәк барам. Ә эш урынымда көн саен булам һәм шунда ук яшим дә. Әгәр дә Бюрога жибәргән булсагыз, вакытында аладыр идем, бик барасым килгән иде.

Тәүфикъ!

Син әдәби консультант булып вакытлыча гына эшлисеңме, әллә урнашыпмы? Законлы эш урының булса, бик шәп булыр иде. Безгә үзөбезнең егетләр булуы хәерлерәк.

Аннан минем сиңа бер үтенечем бар. «Идел» альманахын жибәр әле, 2 данә, быелгысын. Казанга килеп чыксам, бер гөрләшәп алырбыз. Жәй очрашканда сез каядыр китеп бара идегез, шуның аркасында гөрләшәп булмады. Ярар, әле соң түгел, алда гомер бардыр әле безнең.

Мөсәгыйт абыйга (Хәбибуллин.– Л. Л.) һәм Лирон абыйга (Хәмидуллин.– Л. Л.) сәлам әйт. Ни өчен килә алмаганымны аңлат. Ярар, үзем хат язармын.

Кабат сәлам белән, Булат.

15.10.1976 ел.

Тәүфикъ Әйди – Булат Сөләймановка

Булат дус!

ВЛКСМ өлкә комитетына ышанып, сезгә чакыру сонрак жибәрелде. Килә алмавыгыз кызганыч. Син үзең комсомол кушуы буенча үз хисабыгызга килерсең дип уйлаган идек, ә алар әйтмәгән, ахры.

Семинар уңышлы узды. Программасын жибәрәм. Башкортстан, Ульянов өлкәсе, Мәскәүдән егетләр бар иде. 100 ләп кеше жыйдык.

Мин вакытлыча эшлим, яхшы теләкләрең рәхмәт.

Булат, син анда татарча язучы авторларны барла инде. Мәктәпләрдә булганда игътибар ит, өмет – өлкән класс укучыларында. «Яшь ленинчы», «Ялкын» да басылучы якташларыңны эзләп тап. Сүз алып барырлык кешеләр очраса, шәхси семинарга чакырырбыз. Укучы булса, үзең алып килерсең. Синең Төмәндә, уңайлы урында утыруыңнан татар әдәбиятына да файда тисен.

«Идел»не китап-почта кибете жәмгысе 10 данә жибәрер. Син аны татар әдәбиятын сөючеләргә автограф белән сатып бирерсең.

Булат, без «Идел» не айлык журналга әйләндерү артыннан йөрибез. Шуңа күрә аны хәзер үк укучылар белсен, сорасын иде. Жирлек эзерләргә кирәк. 1977 елга ике сан планлаштырыла.

Төмәндә татар әдәбияты сатыламы? Сатылса, ул кибет «Идел»альманахына да заказ бирсен иде. Темпланда «резерв» дип кенә куелган, кереп сөйләшә алмасыңмы? Синдә темплан бармы? Хат язгалап тор.

Уңышлар теләп, сәлам белән:

Татарстан Язучылар союзының консультанты – Т. Әйди.

25.10.1976 ел.

Табылдык хат

Шагыйрь Булат Сөләйманов әлеге хатын «Совет әдәбияты» (хәзерге «Казан утлары») журналына жибәргән булган. Аңлатып җавап бирү өчен диптер, күрәсең, редакциядән хатны Язучылар берлегенә юллаганнар...

Хөрмәтле редакция!

Бу хатны мин үзем кебек кайбер иптәшләрнең соравы буенча язам. Без Казанда чыга торган «Совет әдәбияты» журналын ел саен алдырабыз. Аның һәр номерын зур түземсезлек белән көтеп алабыз һәм бик яратып укыйбыз. Яраткан язучыларыбызның яңа эсәрләре белән танышабыз. «Совет әдәбияты» журналының соңгы битләрендә «Әдәбият һәм сәнгать яңалыклары» урнаштырыла. Анда төрле кичәләр, иҗат секцияләре булганлыгын журнал аша булса да ишетеп куанабыз, ләкин шунысы кызганыч, алар бер генә жирдә, бары тик Татарстанда гына булалар. Ә бит татарлар анда гына түгел, бер Төмән өлкәсендә генә әллә ничә меңләгәнә яши, ә бөтен Себердә күпме алар!

Поэзиягә беренче адымнарны ясап караучы, поэзия белән кызыгучы (*кызыксынучы*. – Л. Л.) иптәшләрне юк дип әйтерлек түгел. Алай булгач нигә бездә, Себердә иҗат секцияләре узмый икән? Тоболда үткәрергә була бит ләбаса. «Совет әдәбияты» 1961 елның беренче санында «Яшь язучылар семинары»н укыдым. Анда менә мондый сүзләр язылган иде: «Әдәбиятыбызга килә торган яшь көчләрне тәрбияләп үстерү, аларның иҗат активлыкларын күтәрү буенча Татарстан язучылары союзы күп кенә чаралар үткәрә. Шундый эһәмиятле чараларның берсе башлап язучыларның

ижат семинарларын системалы рәвештә уздырып барудан гыйбарәт». Анда 40 ка якын кеше чакырылган, ә шуларның арасында безнең Себердән берәр иптәшненң булуы икеле. Тагын башлап язучыларның семинары Мөслимдә уздырылган. Мөслимдә һәм Татарстанның башка районнарында башлап язучылар семинары үткәргә мөмкин икән, ә ниңә Себердә дә үткәргә мөмкин түгел? Азмыни безнең татар язучыларыбыз, шагыйрләребез, драматургларыбыз. Аларның бер-икесенә безгә килеп семинар үткәргә була бит. Сөз дә килмәсәгез, Себердә яшәүче яшь көчләрне кем тәрбияләп үстерер.

Без бары сөздән генә ярдәм көтә алабыз. Безгә килеп китегез, хөрмәтле абыйлар!

Булат Сөләйманов. 10.02.1961 ел. (*Хат ахырына кемдер Б. Сөләймановның адресын язып куйган: Тюменская область, Дубровинский район. Б-Карагай. – Л. Л.*).

Мансуров А. И.

КОРАНИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В СТИХОТВОРЕНИИ Р.ГАТАША

Стихотворение Р. Гаташа «Ирләр булуйк», не что иное, как попытка воссоздать идеальный образ «мужчины», который способен изменить мир к лучшему, стать эталоном для окружающих. Но становление такого мужчины сложный процесс, поэтому в стихотворении преобладает философия, которую понять не так просто, а передать эту философию – ещё сложнее.

Лирический герой стихотворения «Ирләр булуйк» человек со своим взглядом на жизнь и характером, мысли которого являются основой смысла стихотворения. В стихотворении «Ирләр булуйк!» герой Гаташа противопоставляет окружающей действительности мир своей мечты. Он создает свой идеальный образ мужчины, который должен изменить жизнь общества в лучшую сторону. И в этом виден конфликт лирического героя с окружающим миром. Идеал того, что надо «быть мужчиной» живёт в душе героя и не дает ему возможность примириться с обществом, с изменениями в жизни людей, которое может вызвать лишь несогласие и злость. Также лирический герой указывает, что становление такого мужчины сложный процесс, который формируется вследствие определенных поступков на протяжении всей жизни.

Стихотворение состоит из пяти частей, и каждая часть посвящена определенному периоду жизни мужчины. То есть, автор описывает жизненный путь мужчины: от времени когда он мальчик и до его старости. Но нельзя заметить еще одну особенность. Все пути стать мужчиной лирический герой связывает с великим чувством – любовью. Значит, лирический герой Р. Гаташа считает, чтобы стать мужчиной, надо искренне любить не только родных и близких, но и природу, Родину, родной дом. И мы можем смело утверждать, что лейтмотив всего его творчества также отражен и в этом стихотворении.

В стихотворении даны такие понятия, как кыйналу (избиение), оялу (стеснение), үпкәләү (обида), чигенү (отступление), не свойственные настоящим мужчинам. Мужчины никогда не будут избитыми, а будут драться защищая себя и других. А отступать, оставляя дело на половине пути – это уже слишком. А юноша, который впервые влюбился, может ли поступить как мужчина, не имея ни представления, ни опыта? Поэтому правильнее будет, если автор напишет не «Ирләр булуйк!» (Будем мужчинами), а «Ирләр булырга омтылуйк!» (Давайте стремиться быть мужчинами).

Автор очень часто использует слово «булуйк» (будем). Он зовет нас стать мужчинами, но не показывает конкретные поступки, а только указывает, когда мы должны быть им: в мальчишестве, в юности, повзрослев, в разлуке и т.д. Поэт предлагает свои варианты, что надо сделать. Политические, общественные изменения в обществе, экономико-технический прогресс, изменение взглядов на жизнь также могут изменить понимание обществом понятия «настоящий» мужчина. Если смотреть с этой стороны, можно понять позицию автора: Р. Гаташ не ставит перед собой цель показать точные качества, поступки эталона мужчины. Но с другой стороны, любой мужчина, прочитав это стихотворение, не может отнести свои поступки, которые не соответствуют критериям этикета и воспитанности, к положительным, тем самым объявить себя «настоящим» мужчиной.

Также невозможно не обратить внимания на самое часто встречающееся слово в стихотворении – «ир». Если вдуматься в значения слова, то на татарском языке «ир» (муж) – это состоящий в законном браке человек мужского пола. Следовательно, «ир-ат» (мужчина) – старший человек, достигший определенного возраста. Здесь акцент делается скорее всего не на его физическое

развитие, а духовно-нравственное, познание мудрости в жизни. И чтобы стать мужчиной (ир-ат) нужно пройти несколько этапов становления: малай (мальчик), егет (юноша), мужчина (ир-ат), старик (дед) и. д.

Это первое понимание, лежащее на поверхности стиха. Но если обратиться к Корану, священной книге мусульман, стихотворение можно трактовать совсем по другому. В аятах многих сур, в них отражены ответы на такие вопросы как: «В чем заключается мужество?», «Каким должен быть настоящий мужчина?», «Какими должны быть его поступки» и др.

В одном хадисе говорится: «Люди так же, как и верблюды: из сотни ты с трудом найдёшь пригодного для езды». Это необычное сравнение людей и верблюдов позволяет нам провести аналогию и установить, что в жизни (или как говорится в хадисе, при езде), есть определенные качества, поступки, стремления, обязанности и права, которые должны быть у каждого человека.

В Исламе и у мужчины, и у женщины есть свои обязанности, определенные роли. Издавна существует мнение, что в Исламе женщина ограничена во всем, не имеет свободы, но это не так. Мужчина и женщина равны, несут одинаковую ответственность за свои поступки и имеют определенные права и обязанности. Но у мужчин есть главное право – право главенства в семье, то есть «ир булу» (быть мужчиной).

В Исламе женщина в первую очередь хранительница очага. Жена должна уважать своего мужа, управлять его имуществом, воспитывать детей, не сравнивать своего мужа с другими мужчинами, всегда выглядеть идеально, уважать родителей своего избранника.

Здесь обращается внимание, как на внешний вид мужчины, так и его душевное состояние. Главная мысль, которую отражает Коран – мужчина не тот, у которого растут борода и усы, а тот у которого есть сила нравственности, высокие моральные качества. Исходя из этого, мы можем определить, что мужество определяется не возрастом человека. К примеру, возьмем старика. Он не всегда может обладать мудростью 60 летнего человека, может совершать глупые поступки ради своего удовольствия, тем самым нанося вред другим. А юноша 20-ти лет, обладая мудрым умом, может осуществить благие деяния.

«Когда ты смотришь на них, их тела восхищают тебя. Когда они говорят, ты слушаешь их слова. Но они подобны прислоненным бревнам» [3, 63:4]. Эти строки из Корана ясно указывают, что «настоящий» мужчина не тот у которого сильные мышцы, красивое мускулистое тело, высокий рост, т.е. даже самый слабый, жалкий, подлый человек может иметь такую внешность.

А кого же тогда мы можем назвать «настоящим» мужчиной? Мужество – не показатель внешности. «Настоящий» мужчина – это тот, у которого найдется сила преодолеть трудности, идти вперед, оставаясь при этом великодушным, сохранить честь. Мужество – это способность отказаться от плохого, жить по нравственным законам.

«Мужчины являются попечителями женщин, потому что Аллах дал одним из них преимущество перед другими, и потому что они расходуют из своего имущества» [2, 4:34]. Мужчина, как трактуется в Исламе, обязан обеспечивать жену всем необходимым для нормальной жизни, не только материально, но и морально, заботясь о ее благополучии. Муж берет на себя ответственность за жизнь своей супруги, за ее поведение и даже внешний вид. Мужчина всегда должен относиться к женщине с любовью и уважением, ценить ее, охранять и защищать её честь. Такое отношение должно быть и к ее родителям, родным, близким людям, а также достойным подругам.

Связав стихотворение Р. Гаташа с Кораном, мы поняли, что автор также хотел отразить ту особенную грань различия между внутренним миром, душой героя и понятием «мужества», образом «настоящего» мужчины. Следовательно, основная мысль стихотворения будет заключаться в другом: мужество – показатель воспитанности, развитости, мудрости человека. И становление совершенного общества происходит именно благодаря этому. Поэтому задача современного государства – создать условия для воспитания такого человека.

Особенно интересна последняя строфа стихотворения. Здесь мы встречаемся с противоречивыми чувствами лирического героя. На протяжении всего стихотворения герой-романтик рассказывает свое идеальное представление, которое в конце-концов сталкивается с реальной действительностью:

... Гич югында / күк гөмбәзен инебездә / бары бер көн тотып торыйк. // Ирләр булыйк!

... Хотя бы / небесный свод на плечах / хоть один день подержим. // Будем мужчинами!

В итоге лирический герой понимает, что не всегда возможно быть мужчиной. Но осознавая это, он показывает выход из ситуации. Мы должны стремиться к тому по возможности: хотя бы один день побыть настоящим мужчиной.

Несмотря на то, что стихотворение написано в советскую эпоху, т.е. тогда, когда религия

не занимала важную роль в жизни общества, мы попытались связать понятия «мужчина» и «мужество», опираясь на Коран, пришли к выводу, что «мужество» – это не что иное, как показатель духовности, мудрости человека, стремление к усовершенствованию, покорности и добросовестное отношение к своим обязанностям.

Литература:

Хасанова Ф. Ф. Мәхәббәт шагыйрен таный белегез! / Любовная лирика Р. Гаташа // Казан утары, 2011. – № 3. – С. 143–149.;

Хасанова Ф. Ф. Основные мотивы в поэзии Р. Гаташа // Проблемы филологии народов Поволжья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (7–9 апреля 2011 г.) Выпуск 5 (Отв. ред. А. Т. Сибгатуллина). – М. – Ярославль: Ремдер, 2011. – 404 с. – С. 340–348.

Коръән / Ред. Вәлиулла хәзрәт Ягъкуб. – Казан: Иман, 2009.

Гөлләр су сорый: Сайланма лирика. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. – 256 б.

Хатипов Ф. М. Әдәбият теориясе. – Казан, 2002; Хатипов Ф. М. Теория литературы. Т. 1. Литература. М., 2005.

Меметова Л. А.

«ЗНАНИЕ» – КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1883–1917 ГГ.

«Знания – лучшие украшения человека» [Гаспринский, 2010: 10], «средства к цивилизации, а цивилизация – и цель, и способ для человеческой жизни» [Гаспринский, 2010: 27]. Под таким этическим кодексом происходило формирование крымскотатарской общественной и литературной жизни на рубеже XIX–XX столетий. Импульсом для развития национального поэтического творчества в новой формации послужила просветительская идеология. Западноевропейский культурологический опыт перенимался прогрессивно мыслящими представителями народа и в синтезе с генетическим кодом внедрялся в различные отрасли социальной сферы. В национальном поэтическом искусстве обозначились новаторские идеи, повлекшие за собой эволюцию творческих принципов. Происходила ломка средневековых эстетических представлений, творческий объектив поэтов был сфокусирован на вопросах народного бытия и обозначен «глубочайшим вниманием к внутреннему миру человека» [Сеферова, 2009: 28]. Творцы художественных ценностей все больше актуализировали социальные проблемы, разрешение которых связывали с просветительским мировоззрением. Они призывали к грамоте и стремлению к познаниям. Просветить свой народ, повысить уровень его грамотности – было первостепенной задачей возрождающейся интеллектуальной элиты крымских татар на рубеже XIX–XX столетий.

Если будем жить по-старому, жизнь будет очень мучительна.

Надо читать и писать! [Самойлович, 2000:45]

С подобным призывом обращался к своим единоверцам Хабибулла Керем. Говоря «жить по-старому» он имел ввиду малограмотность, ограниченные взгляды и стереотипы, препятствующие прогрессивной динамике в общественной жизни. Собственный опыт поэта подсказывал ему, насколько важны знания в земном бытие и «что за великое дело для человека – наука» [Самойлович, 2000: 46].

Башыма гелени язмадан аджиздир къалемлер,

Нелер чектирди бу джахиллик ве не тюрлю эмеклер [Керим, 1998: 36].

Построчный перевод:

Все то, что пережил я, перо не может описать,

Чего только я не вытерпел, каких только мук от этого невежества!

Летописец Керем не имел возможности получить хорошее образование и лишь природное чутье и житейская мудрость подвели его к мысли о ведущей роли просвещения.

Идея о сущности знаний, об основополагающей роли просвещения в человеческой жизни занимала центральную позицию в художественном творчестве и других поэтов периода Пробуждения (1883–1917 гг.). Знание включало в себя «не только духовные познания или науки, но вообще все знания, науки, сведения и искусства, необходимые для духовной и материальной жизни» [Гаспринский, 2010: 26]. Стихотворцы открыто призывали к учению, они обращались к растущему поколению, зная, что будущее нации зависит от культурно-эстетического воспитания и интеллектуального уровня его молодого племени.

*Чоджукъ гит мектебе,
Акъ верир мертебе! [Тохтаргъазы, 1976: 23].*

*Дитя, иди в школу,
Всеvyšний тебе поможет!*

В своих творческих позициях поэты, посредством осмысления социокультурных явлений, позитивно оценивали роль знаний и просвещения, тогда как невежество – «злейший и беспощадный враг» [Гаспринский, 2010: 26] и отсутствие стремления к познаниям трактовались противоречащим человеческой природе. Они высказывали мысль о том, что осведомленность и глубокий интеллектуальный потенциал способствуют преодолению социального гнета и притеснений, благоприятствуют формированию экономического подъема и качественно преобразуют условия жизни.

*Окью, джаиль къалма,
Дюньяда хор олма,
Илимсиз эмек ёкъ,
Билен эр даим токъ [Тохтаргъазы, 1976: 23].*

*Учись, не будь невежей,
Не попирайся в мире,
Без науки нет работы,
Знающий всегда сыт.*

В художественной интерпретации Усеина Шамиля Тохтаргазы «знание» выступает основополагающим фактором духовно-материальной организации человеческого бытия.

*Бундан сонъра онсыз аят олмаяджакъ,
Онънъ иле ачылан гуль солмаяджакъ,
О олан ерде зулума ер къалмайджакъ,
О – окъувдыр ки, чоджукъларынъ малыдыр,
О – илимдир ки, инсаннынъ кемалыдыр!
[Тохтаргъазы, 1976: 12]*

*Теперь без него жизни не будет,
Цветок, раскрывшийся с ним, не завянет,
Там, где оно, места гнету не будет,
Это – ученье, достояние детей,
Это – наука, совершенство людей!*

Автор, репрезентируя актуальность обучения, владения науками, определяет путь познания как единственный в достижении совершенства. Он тонко формулирует мысль о системности мироздания, о взаимозависимости существующих житейских ценностей. Любая нация является оригинальной составляющей мира, функционирование которой возможно лишь посредством приобретения определенных знаний. Лишенный же возможности просвещения народ подвергается исчезновению.

На рубеже XIX–XX столетий поэтическое вдохновение авторов было направлено на детальное изображение картины социальной жизни и насущных проблем мусульман полуострова. В произведениях актуализировались преобразования бытийного уклада и характеризовались существующие классовые противоречия. Референция аксиологической сущности «знаний» осуществлялась параллельно с описанием негативной составляющей «невежества».

*Дюнья баглы акирете.
Чашль олса бир адам
Ольгенде де чекер чеца*

*Бренный мир повязан с вечным.
Если невежа,
После смерти тоже будешь страдать,*

Эксимез башы белядан! [Чергеев, 2009: 12] Не убавятся неприятности!

Просвещение народа через приобщение к науке было потребностью времени, движущей силой прогресса. «Наше время – время знаний. Мир – это поле борьбы знаний: без знаний не существовать на нем!» [Гаспринский, 2010: 27]. Эпоха, когда могущество и слава достигались посредством физического преобладания, осталась позади, произошла переоценка ориентиров и ключевую позицию заняли иные аксиологические доминанты.

Приоритеты нового времени базировались на гуманистическом принципе и интеллектуальном превосходстве, призванными разрешить существующие проблемы в обществе. Востребованность просвещенности задавала «тон и направление всему строю современной жизни» [Гаспринский, 2010: 92].

Мировоззрение крымскотатарских поэтов периода Пробуждения, как было отмечено ранее, формировалось под сенью прогрессивных идей И. Гаспринского, чьи принципы культурного возрождения являлись синтезом коранических постулатов «с требованиями человеческого прогресса» [Гаспринский, 1: 44]. Его мысли, отраженные на страницах «Терджиман»а, подпитывали молодое поколение, которое в последующем продолжало просветительскую традицию своих предков. В одной из своих статей И. Гаспринский пишет: «Что знаете, постарайтесь передать другим, <...>. Просветите хоть одного человека» [Гаспринский, 2010: 28]. Исламское вероучение поощряло передачу и распространение знаний. Это предписание просветителя нашло отклик в творчестве поэтов, которые в свою очередь в знаниях видели не иссекаемую силу, признание и уважение.

*Шинди бизге бильмек керек! –
Энъ тогърусусы, къыскъасы бу!
Анджакъ бильги нуру иле*

*Нам сейчас нужны лишь знания –
Это самый верный путь!
Край татар во мраке ночи*

Айдынланыр Татар юрду! [Odabaş, 2000: 24] Осветит лишь знаний луч!

Автор поэмы «Алтын ярыкъ» («Золотой луч») Хабибу

лла Одабаш взывал своих современников, находящихся «во мраке ночи», осознать «верный путь» – путь просвещения, приобщиться к европейской цивилизации и таким образом вдохнуть новую жизнь в общественное устройство [Гуменюк, 2007: 81].

Бильмек – бизим джаньмызынъ керегидир [Odabaş, 2000: 25] / Познавать – потребность нашей души.

«Учитель и мастер всего – это знание» [Гаспринский, 2010: 11], без которого невозможно гармоничное развитие человечества. Эта мысль красной нитью проходит в крымскотатарском поэтическом наследии рубежа XIX–XX веков.

«Единственно, что в мире неразлучно остается при человеке, это – доброта и знание» [Самойлович, 2000: 45] – писал Х. Керем в своем дневнике. Этой аксиомы придерживались и другие авторы. «Знание – лучшие украшения человека <> это нечто столь сильное, что благодаря им слабое существо человека делается повелителем и султаном света, при незначительной воле при-неволивает природу, отделяет друг от друга части света, соединяет друг с другом моря, в пустыни проводит воду, на водах создает сушу. Благодаря знаниям человек из всего извлекает себе пользу и удовольствие, заставляя служить себе все силы природы. Образует государства, в пределах коих не заходит солнце; строит города, где ночью так же светло, как днем!» [Гаспринский, 2010: 11]. Стихотворцы выдвигали на первый план мысль о том, что единственным путем к достижению совершенства в мире является знание.

Литература

Гаспринский И. О национальной идее: Сборник статей / И. Гаспринский. – Симферополь: ИД «Стилос», «Полуостров», 2010. – 112 с.

Гуменюк В. Абібулла Одабаш і його поема «Алтын ярыкъ» («Золоте сяйво») / В. Гуменюк // Слово і час. – 2007. – № 11 (563). – С. 77–81.

Керимов И. А. XIX асырныъ сонъу ве XX асырныъ башында кырымтатар бедий сезюнинъ эврими / И. А. Керимов // Монография. – Симферополь, 1998. – 184 с.

Самойлович А. Н. Избранные труды о Крыме / А. Н. Самойлович – Симферополь, 2000. – 296 с.

Сеферова Ф. А. Этические идеалы крымскотатарской прозы 60–80 гг. XX века / Ф. А. Сеферова. – Симферополь «Доля», 2009. – 208 с.

Тохтаргъазы У. Ш. Шиирлер / Саадет ичюн. – Ташкент. – 1976. – С. 7–52.

Чергеев А. Эшид, мевта не севлеор! / Чергеев А. // – Янъы дюнъя. – 2009. – декабрь 31. – С. 12.

Odabaş N. Altın yarıq / N. Odabaş // Günsel. – 2000. – № 5. – S. 18–26.

Миңнуллина Ф. Х.

А. ГЫЙЛӘЖЕВ ПЬЕСАЛАРЫНДА ШӘХЕС ФАЖИГАСЕ («Жиз кыңгырау» һәм «Өч аршин жир» мисалында)

XX гасырның 60–70 еллары соцреализмның нигезләре какшаучоры буларак бәяләнә. Язучылар шартлы алымнарга киңрәк мөрәжәгать итәләр, психологик башлангыч та көчәя. Жәмгыятьтәге үзгәрешләргә бәйле рәвештә, язучылар, бер яктан тарихның каршылыклы якларын, шәхеснең фажигале язмышын сурәтләү объекты итеп алалар. Тәнкыйть утын совет системасына, тоталитар режимга таба юнәлтә башлыйлар. А. Гыйләжев драматургиясе шуның бер мисалы. Аның каләме белән кырыктан артык комедия, трагедия һәм драмалар языла. Ижатында тәнкыйди башлангыч үзәк урынны алып тора. А. Гыйләжев драмаларында чынбарлыктагы, милли, тормыштагы каршылыклы мәсьәләләр әхлакый проблемалар белән тыгыз бәйләнештә гәүдәләндерелә. Тематик яктан караганда әдипнең күп кенә эсәрләре авыл тормышына багышланган. Аларда сугыш чоры һәм сугыштан соңгы еллардагы татар авылы, аның авыр сынауларга дучар ителгән кешеләре сурәтләнә. Әхлак, намус-вөждан каршында жаваплылык, яшәү максаты, кеше күңелендә һәм чынбарлыкта барган мәңгелек көрәше, гыйбрәтле язмышлар, тирән конфликтлы, драматик вакыйгалар аша яктыртыла. Мисал итеп әдипнең «Жиз кыңгырау» (1960) дип аталган драмасын китерергә була. Билгеле булганча, драманың максаты – шәхесне аның башка кешеләр, мохит белән катлаулы мөнәсәбәтләре аша күрсәтү. Геройлар әхлакый эзләнүләр һәм рухи үсеш процессында тасвирланалар. Ләкин аларга асылда, трагик геройлардан аермалы буларак, гадәттән тыш сыйфатлар хас түгел. Драма кискен каршылыктар, коллизияләр тудырырга омыла, ләкин андагы конфликтлар, трагедиядәге кебек үк, киеренке була алмый, һәм алар ахыр чиктә, уңай хәл ителергә дә мөмкин.

Язучының әлеге драмасында совет хакимияте елларындагы кешеләрнең эш-гамәлләре, татар авылында барган үзгәрешләр, шул үзгәрешләрнең кешегә тәэсире тасвирлана. Хөрмәтулла образында автор совет дәверендә дә үз хужалыгын, малын үзенеке итеп санаган кешенең яңа хөкүмәткә ярашмавын, ят итеп каравын күрсәтә. А. Әхмәдуллин билгеләгәнчә: «... Хөрмәтулла әсәрдә шул дәрәжәдә оста сурәтләнгән ки, социалистик жәмгыятькә ят карашларны үзәндә асраучы кешеләрнең жыелма тибы буларак килеп чыккан» [1; 105]. Драматургның символик мәгънәгә ия булган жиз кыңгырау образы да үзәңчәлекле. Эдип вакыйгалар үстөрелешендә амбар шүрлегендә күтәргән, тавышсыз торган кыңгырау сурәтен тудыруда. Кыңгырау үзәндә мәңгелек, вакыт, хәтер һәм башка символик мәгънәләрне туплый. Гадәттә жиз кыңгыраулар бәйрәм хәбәрчәсе, шатлык билгесә булып килгән кыңгырау А. Гыйләжәвта башкача бирелә. Мүкләнәп, пәрвәзгә уралган кыңгырау иске тормышның, Хөрмәтулланың теләк-омтылышларының жиңмерелү буларак күзәлләнә. Кызы Разиянең: «Син олы юлларда яңгыратып узасы кыңгыраулар амбар почмагында мүкләнәп, пәрвәзгә уралып ятып калганнар! Олы юлларга башка кешеләр чыккан!» [4; 57], шуны раслый. Кызының әсәр ахырында шул кыңгырауларны жиңгә ташалап китүе, Хөрмәтулланың шуларга абынуы ата белән кыз арасындагы туганлык мөнәсәбәтләренә өзәлүе буларак кабул ителә. Урамнарда бәйрәм төсә бирәп чыңлап узасы кыңгыраулар тавышы шул рәвешләр тына. Биредә геройның килешә алмаслык тарихи конфликтка керәп, шул тигәссез көрәштә үз идеаллары өчә авыр газәпләргә дучар булуы ачыклана. Ләкин ул трагедия геройларына хас булганча, үлемгә дучар булмый. Биредә автор кешенең ижтимагый фажиғәгә юлыгып, тарихи агышны үзгәртә алмыйча жан газәпләре кичерүен ассызыклай. Яңа системаның ата белән кызының дошманга әйләндерүен фажиғәгә хәл дәрәжәсенә күтәрә. Биредә шәхеснең уй-фикерә, хис-кичерешә, теләк-омтылышлары үзгәрешә дә аның эш-гамәлләрә сәбәбә итеп карала. Мондый типтагы образ белән А. Гыйләжәвның «Өч аршин жиң» трагедиясендә дә очрашабыз. Гомумән, язучының повестьларында, драма әсәрләрендә тарихи каршылыклар арасында калган ялгыз кешә язмышы ята. Әсәрне исә фажиғәлек категориясенә нигәзләнәп кару уңышлы булыр. Әлеге категориягә нигәзләнгән пьесаларда, кешә яшәешендәгә хәл ителә алмаслык каршылык ята. Ю. Борев билгеләгәнчә, трагик герой әсәрләрдә көчләр шәхес буларак ачыла, ул тормышта шундый катлаулы шартларга куела ки, бер яктан авырлыкларга баш имәү, икенчә яктан, каршылыкларны жиңеп чыгарга көчә жиңтмәү аны зур газәплануларга, үлемгә китерә [3; 261]. Фажиғәлек категориясен шәхес ялгызлыгында, чынбарлык белән трагик каршылыкта чагылуын А. Гыйләжәвның «Өч аршин жиң» трагедиясендә күрәргә мөмкин. Трагедиянең сюжеты шәхес фажиғәсә алга куелу белән үзәңчәлекле. «Өч аршин жиң» дә тоталитар система корбаннарының жәмгыять тарафыннан кабул ителмәвә, сәясәт һәм гаилә каршылыгы, сәси вакыйгаларның кешә күңелен тупасландыруы, вәхшиләндерүе, кешә язмышын жиңмерүе кебек бер төркөм проблемалар күтәрелә. Повестьта да һәм сәхнә әсәрә өчә ижәт ителгән әсәрдә дә бай гаиләдә бердәнбер бала булып үскән Мирвәлине иң ярлы кешә кызына өйләнүен белгәч, әтисә йортыннан куып чыгара. Әти-әнисә вафат булганнан соң егет байлыкка хужа була, шул малны зурайтү өчә күп көч сарыф итә. Әмма ил күләмендә башланып киткән колхозлаштыру геройлар язмышына фажиғәгә рәвештә тәәсир итә. Бу үзгәрешләр авыл халкын капма-каршы яктарга аера. Трагедиянең төп героә Мирвәли шул вакытта трагик хата ясей: йортына ут төртәп, малларын агулап авылдан чыгып кача Үз гаебенәң ни дәрәжәдә булуын ул сонрак, кырык ел үткәч, үлем түшәгендә яткан хатыны Шәмсәгаян белән туган авылы Карачурага кайтканда аңлай. Шул юл вакыйгасында Шәмсәгаянга китергән жан газәпләрының ни дәрәжәдә фажиғәгә булуына төшенә. Шул рәвешләр драматург: «Мирвәлинең күңел халәтен, үсеш-үзгәрешен тасвирлаучы чылбыр – аның авылдашларын гаепләвеннән алып үз хатасын тану аша гафу үтенү баскычына кадәргә аралыгын тасвирлай. Мирвәли күңелендә барган эчкә каршылык хис һәм акыл, совет жәмгыятендәгә яшәү кагыйдәләрә һәм үзәңчә яшәргә омтылу арасында төгәлләшә, шушу катлаулы, каршылыклы конфликт әсәрнең буеннан-буена сузыла» [5; 89]. Сагыш, үкенеч, чарасызлык мотивлары Мирвәлинең үткән турында уйланулары белән бәйлә. Тарихи урын һәм вакыт колхозлаштыру чоры һәм шуннан соңгы еллар, ә психологик урын һәм вакыт Мирвәлинең яшьлектән картлыкка атлаган чоры кебек билгеләнә. Повестьта олы юл хронотобы аерым мәгънәгә ия. М. Бахтин юл мотивының әһәмиятен билгеләп, юл контурлары тормыш юлы белән керешәп китә, дигән фикерне әйтә [2; 241]. А. Гыйләжәв пьесасының юл күрәнешендә Мирвәли белән Шәмсәгаянның фажиғәгә тормышы күзәлләнә. Вакыйгалар бирелешеннән бигрәк, трагедиядә уйланулар, искә төшерүләр, үткән тормышны бәяләү өстенлек итә. Төп герой Мирвәлинең эчкә күңел пространствосы белән реалы урын контурлары кисешә. Юл төп геройның икә юл чатында калуын ассызыклай. Туган ягына кайтыргамы, әллә юкмы? Күңел тынычлыгын югалткан герой кайту юлын сайлай. Шул рәвешләр авыл-юл оппозициясә драматик сюжетны хәрәкәткә китерә. Әсәрдә очрашу күрәнешә дә

үзенчәлекле. М. Бахтин фикеренчә, олы юл очрашу мотивы белән бәйлә [2; 248]. Вакыйгалар катламында геройның туганнары белән очрашуы геройның язмышында хәлиткеч роль уйный. Туган ягына кайткан Мирвәлине дә авлашлары үз янына сыйдыралар, шулай да аның кылган гамәлләрен гафу итмиләр. Авылда яңа туган балаларга Мирвәли исеме кушмау шуны ачыклай.

Драматургның төп максаты исә – үз жиреннән аерылган кешенең газап чигүен, туган илне ярату хисен раслау, авылдашларына хыянәт иткән геройның фажигасен күрсәтү. Аның уссалыгы, кылган гамәлләре дә авылдашларына карата түгел, ә урнашкан, халыкны коллык дәрәжәсенә төшергән системага каршы юнәлдерелгән. Шулай итеп, үз геройларының психологик хәлләре аша драматург совет хакимиятенә, аның сәясәтенә бәя бирә. Кешенең шәхес буларак, үз милкене хужа булу хисен юкка чыгаруга, битарафлыкка басым ясала. Тоталитар режим шартларында ирекле эш итәргә теләгән шәхеснең фажигасен күрсәтә. Эсәрләренә киләчәк, Тарих төшенчәләре белән янәшә карарга мөмкин. Бу очракта шәхес язмышы – милләт язмышы, гаилә, ил, Ватан язмышы белән тыгыз бәйләнештә булуын күрәбез. Эсәрләр белән таныша башлауга ук аларның характерлар бәреләшенә генә корылмавын, ә жәмгыятьтәге иң актуаль проблеманы калку итеп күрсәтү максаты куелганлыгы аңлашыла. Заман алып килгән үзгәрешләр алдында кешенең еш кына көчсез булуы, жан тынычлыгы таба алмыйча, үз-үзе һәм әйләнә-тирәсендәгеләр белән каршылыкка керүе дә драматург игътибарынан читтә калмый.

Әдәбият

Әхмәдуллин А. Күңелләренә уятыр. – Казан: Мәгариф, 2007. – 223 б.

Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1975. – 321 с.

Борев Ю. Эстетика. – М.: Высш. шк., 2002. – 511 с.

Гыйләжев А. Жиз кыңгырауы – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. – 302 б.

XX гасыр татар әдәбияты тарихы / Фәнни редактор Д. Ф. Заһидуллина. Казан: Казан университеты, 2011. Т. 2. 198 б.

Мукатат Ф. И.

Г. УТЫЗ ИМӘНИ ИЖАТЫНДА АФОРИСТИК ФИКЕРЛӘУ

Афоризмнарны без гадирәк итеп хикмәтле сүз дип тә атый алабыз. Әдәбият белеме сүзлегендә афоризмга түбәндәгечә аңлатма бирелә: «Кыска, оригиналь, һәм тәсирле итеп әйтелгән, йомгакланган тирән мәгънәле фикер белдергән гыйбарә, хикмәтле сүз» [2: 133]. Әйтелгәннәрдән гыйбәрәнең эчке мәгънәсе һәм яңгырашы да аерым таләпләргә тәңгәлләштерелгәнә аңлашылып тора. Шуңа күрә аның тыңлаучыга, укучыга тәсире дә үтемләрәк була. Әмма ул автордан (сөйләүче һәм язучыны да күздә тотыбыз) үтен акыл һәм тормыш тәҗрибәсе, зирәкле таләп итә. Афоризмнар халык авыз ижатында, язучыларыбыз эсәрләрендә һәрвакыт очрап тора. Шулай ук телгә үткән, үз теленең байлыкларын белгән гади кешеләренә сөйләмнәре дә хикмәтле сүз, гыйбәрәләр белән баетылган була. Афористик гыйбәрәләр халыкның ижтимагый карашларын, башкаларга мөнәсәбәтен, яшәү рәвешен аңларга да ярдәм итә. Шуңа күрә аерым язучы ижатындагы афористик гыйбәрәләренә өйрәнү безгә ул яшәгән чорны, язучының тормышка карашларын аның эсәрләренең идеясен тагын да ныгырак ача. 1754–1834 елларда яшәгән һәм ижат иткән талантлы шәхес, күпкырлы эшчәнлек иясе Габдерәхим Утыз-Имәни ижатындагы афористик фикерләргә игътибар итүнең дә **актуальлеге** шунда. Максат: Г. Утыз Имәни эсәрләрендәге афоризмнарны күзәтеп, аларның эсәрдәге вазифаларын билгеләү. Язучының аларны куллану үзенчәлеген ачыклау.

Г. Утыз Имәни – язучы, педагог, шәрехче, тәржемәче. Ул 1754 елда хәзерге Татарстан Республикасының Чирмешән районы Яңа Кади (ул чордагы исеме – Утыз Имән) авылында туа. Аның гыйльми һәм әдәби ижат эшчәнлеге 1774 еллардан башланып китә. Ул гарәп, фарсы телен үзләштерә, бу телдәге фәлсәфи һәм әдәби эсәрләр белән таныша. Ярты гасырдан артык гомерен башкаларга гыйлем бирүгә багышлаган, педагогик, гыйльми, тарихи хезмәтләр авторы әдәби ижат эшен дә читкә куймый. Аның «Гаварифез заман» («Заман укымышлылары»), «Мөһиммәттез-заман» («Заманның мөһим хәлләре»), «Төхфәтел горабә» («Читтә йөрүчеләргә – гарипләргә – бүләк...»), «Әл-карзи микъразел-мәхәббәт» («Бурыч – дуслыкны кисү кайчысы») һ.б. эсәрләре билгелгеле. Алда саналган күләмле эсәрләреннән башка, язучының чагыштырмача кечерәк мэдхия-мәрсияләре, шигъри хикәяләре дә бар. Утыз-Имәни эсәрләре төрлесе төрле елларда ижат

ителеп, әдип гомеренең төрле фасылларына туры килә. Шул сәбәпле аларда бер кадәр аермалык та күренә, Бу – тел ягыннан да, фикерләү үзенчәлеге ягыннан да.

Шагыйрь буларак та танылган Г. Утыз Имәнинең әдәби ижаты да бай. Бигрәк тә аның ижатында классик поэзия теле булып исәпләнгән фарсы шигърияте үрнәкләренең тәэсире сизеләп тора. Бүгенге көндә фән өчен мәгълүм булган алтмышлап хезмәтнең яртысын диярлек поэзия әсәрләре тәшкил итә. 1986 елда шагыйрьнең «Шигърьләр, поэмалар» китабы басылып чыга. Биредә әсәрләренең хәзерге татар теленә юлга-юл күчәргәсә дә бар.

Аның шигърияткә булган мөһабәте бик яшьли үк үзен сиздерә. Мәдрәсәдә укыган елларында ук атаклы дин галимнәренең гарәпчә язылган хезмәтләрен өйрәнәп, аларга үз телебездә аңлатмалар язган вакытта ук ул шигърь тезмәгә күчә. Күнеленә килгән шигърь юлларын бу хезмәтләренең ахырына теркәп тә куя. Бу шигърьләреннән үк аның үткен, тапкыр телле шагыйрь булырлыгы аңлашылып тора.

Димәк, Утыз Имәни үзенә беренче шигърьләрен үк атаклы дин галимнәренең хезмәтләрен өйрәнәп, алардагы тирән фикер, зирәклек, хикмәт һәм мәгънәләрдән файдаланып ижат иткән. Алардагы фикер үткенлеге, тел байлыгы шагыйрь ижатына тапкыр сүз, афоризмнар рәвешендә йогып калган. Шулай ук, бу шигърьләренең халык белән сөйләшү, фикерләшү һәм белем алырга, укымышлыларны хөрмәт итәргә чакыру рәвешендә булулары да тел ягына аерым игътибар итүне таләп итә. Шагыйрь һәрвакытта сүзенә үтемләгәнә, тәэсирлеләгәнә омыла.

Вакытлар үтеп, инде тормышның төрле якларын күрергә өлгергәч, Утыз Имәни ижаты да яңа сыйфатлар белән байый. Аның шигърьләренә кырыс тормыш чынбарлыгы килеп керә. Лирик хисләр тирәнә. 1785 елда кулга алынып, төрмәдә утырырга туры килә. Тоткынлыкның беренче көннәннән үк шагыйрь ирекле тормышны сагына, якын дусларын, балаларын, сөекле хатынын сагына. Ләкин автор мондый авырлыктан бөгеләп төшмәскә, үзгә аңа каршы торырлык көч-күәт табарга тырыша. Әлбәттә, дини тәрбия алган кеше буларак, ул үзенә төрмәдән котылуга булган өметен дә Аллаһы биргән язмышка бәйләп карый:

Ки һәр миһнәт соңында рахәти бар, –

Мөкаддәр әйләде ул шаһе гаффар (Шулай тәкъдир ите моны гафу итүче Шаһ-Аллаһ).

Шагыйрь ижат эшендә дә педагог булып кала. Шуңа күрә аның хисләре фикергә буйсындырылган дияргә мөмкин. Ул үгет-нәсихәт бирә, гыйлемлек һәм наданлык турында әңгәмә алып бара, кешене чын мәгънәсендә кеше иткән әхлакый сыйфатлар турында сөйлә, тормышның асылын ачып бирергә омыла. «Заман укымышлылары» («Гаварифез заман») әсәрендә гыйлемнең кеше тормышындагы мөһимлегенә басым ясалса, «Заманның мөһим хәлләре» («Мөһиммәттез-заман») һ.б. әсәрләрендә кешенең яхшы һәм начар сыйфатларына, жәмгыять һәм кеше мөнәсәбәтләренә, яшәү мәгънәсенә зур әһәмият бирә. Әлеге әсәрләренең тәэсирлеләгәнә анда кулланылган афоризмнар аша ирешелә. Автор үзенә әсәрендә аерым вакыйга, геройга мөнәсәбәтле вакыйганы сөйләү барышында, нәтижә ясау рәвешендә төп фикерне афористик гыйбарә аша житкерә. Мәсәлән, «Гаварифез заман» поэмасында кеше гомеренең озынлыгын гыйлемлеккә бәйләп:

Мәңге яшәргә теләсән, и уғыл, //Ал гыйлем, чөнки тереклек суы ул, – ди. Билгеле, биредә жисми яшәү генә түгел, кешеләр күңелендә саклану мәгънәсә дә аңлашыла.

«Гыйлем» төшенчәсен Утыз Имәни тормыш белән бәйләп карый. Аның карашынча «гыйлем» беренчел. Кешенең яшәшәндә хәлиткеч роль уйный. Гыйлемнән башка бер кеше дә һөнәр иясе була алмый:

Гыйльме улмайанда юк дорыр һөнәр... –

Г. Утыз Имәнинең «Заманның мөһим хәлләре» («Мөһиммәттез-заман») әсәре дә афористик фикерләргә бик бай. Бу әсәрендә ул тормышның төрле якларына, кешеләрнең холыкларындагы уңай һәм тискәре сыйфатларга бәя бирә. Кешенең тормышы, башкалар белән мөнәсәбәте аның тәрбиясенә бәйлеләгән ача. Үз фикерләрен мисаллар белән нигезләп, хикмәтле сүз белән ныгытып куя. Әйттик, Кечелектин мәэлүф улса (гадәткә керсә) ягъни бер шәй,

Ула алмазсән жөдә, гарчә ирер мәй, – дип, кечкенәдән гадәтләнгәнне гомерлек икәнлеген күрсәтә. Яки:

«Олуг дәүләт ирер тәүфикъ, һидаять,

Бу юлны сән жәһәт кыйлгыл бигаять», – дигән шигъри юллар

кешенең күркәм зур байлык буларак бәяләнә.

Шагыйрь үзенә әсәрләрендә афористик фикер ярдәмендә кешеләргә хас уңай һәм тискәре сыйфатларга бәя куя. Мәсәлән, түбәндәге мисаллар шуны күрсәтә:

Остаз ит хезмәти гомер тәраз, //Барча гомерең шунда үтсә, белгел аз – остазга хезмәт итүне зурлый.

Лазым итмәс гыйльми нөсхә чуклыгы,
Сабит итмәс жәһли нөсхә юклыгы – кешенең галимлеген ул
бастырган китапларның саны белән баяләнмәвен дәлиллли.
Малым бар дип фәкыйрьне күрмәгел хур,
Сүзем кадерледер дип булма мәгърур һәм
Егетлеккә егетлек һәркем эшләр,

Яманлыкка егетлек ир кем эшләр, кебек гыйбәрәләрдә кешенең әхлакый. Сыйфатларының асылын ача. Ә менә түбәндәге гыйбарәләрдә кешенең башкаларга файдасы, яшәү мәгънәсе, ил алдындагы бурычлары турында сөйләнелә:

Әгәр изге гамәлле булса инсан,
Аның бер ел гомерен йөзгә кыл сан.
Качан явыз фигыльле улса адәм,
Аның мең ел яшәвендә файда юк һәм;
Кем илнең хезмәтенә килсә каршы, // Кире ула ул ирнең жөмлә эше;
Егет булсаң, егетлек күргәз илгә, // Мәхәбәтлек путасын багла билгә.

Иҗат юлының соңгы чорында Утыз Имәни зирәк эчтәлекле, мәкаль-әйтемнәргә тартым, афористик яңгырашлы шигырьләр аның иҗатында тагын да күбәеп китә.

Аның бу шигырьләренең халык арасында таралып, халыкныкы булып китүе дә очрый. Әдәбият галиме Ә. Шәрипов фәнни экспедициягә чыккан әдәбиятчыларның 1970 елларда мондый күренешләргә тап булуын яза. Авыл картлары экспедиция вәкилләренә «Габдерәхим хәзрәт шигыре» дип төрле кыска, афористик фикергә корылган шигырьләр яздырып калдыралар.

Менә шундыйлардан берсе:

Һавада очып йөрерләр,
Атсыз сука сөрерләр,
Тырышканнар торырлар,
Алтын сарай корырлар.

Утыз Имәнинең үткен теллелеге, тапкырлыгы үзе исән вакытта ук халык арасында таралып өлгәргән. Аның бу сыйфаты турында төрле мазәк хәлләр дә сөйләгәннәр. Шундыйларны экспедиция вакытында әдәбият белгече М. Әхмәтҗанов та язып ала.

Нәтиҗә ясап шуны әйтергә була: Г. Утыз Имәни әсәрләре афористик фикергә гаять бай. Алар идея-тематик яктан күптөрле. Аларда татар халкының гыйльми-фәлсәфи фикере дә, язучының тормышка карта шәхси фикерләре, яшәештән алган тәҗрибәсе дә чагылыш таба. Ул һәрвакытта фикерен халык күңеленә тирән үткәрергә омтылып яза. Әсәрләре бу яктан ныклап өйрәнү язучы мирасын тагында яңа яктан ачарга булыша.

Габдерәхим Утыз имәни шигырьләре үз заманында да укучы күңеленә кереп урнашкан була. Үтемле тел, фәлсәфи фикергә бай, халыкның зирәк акылын чагылдыра алган, тормышның матурлыгын һәм катлаулылыгын гади дә үтемле дә итеп афористик яңгырата алган бу шагыйрьнең иҗаты үлемсез.

Кулланылган әдәбият:

Габдерәхим Утыз Имәни. //Татар поэзиясе антологиясе. Казан: Тат кит. нәшр., 1992.– 230–238 б.
Әдәбият белеме сүзлеге. Төз.– ред. А. Г. Әхмәдуллин.– Казан: Тат кит. нәшр., 1990.– 22 б.

Муллачанова Г. Х.

ЖАНР ПОЭМЫ: ОБРАЗНОСТЬ И АВТОРСКОЕ НАЧАЛО СИБИРСКОЙ ПОЭЗИИ

В современном понимании большое или среднее по объему стихотворное произведение называется поэмой. Материнским лоном лиро–эпической поэмы и одновременно одним из ее жанровых пределов является эпическая поэма. XX в. отмечен прежде всего бурным развитием лирической поэмы.

По мнению литературоведа Т. Н. Галиуллина, формирование в национальной литературе жанра поэмы свидетельствует о высоком уровне развития поэзии. Возвращение на литературную арену Сибири этого жанра после долгого перерыва, в конце XX в., говорит о многом. Такие поэмы, как «Ишеклар», «Себер» З. Акбулякова, «Авылдашым», «Булатка», «Васыять» Г. Абайдуллиной,

«Яңа уй», «Карурманда» Ш. Гадельши свидетельствуют о потенциале татарской поэзии региона и возможностях освоения новых, крупных жанровых структур.

Лирико–философская поэма «Карурманда» Ш. Гадельши описывает состояние лирического героя, стремившегося уйти, спрятаться от социальных катаклизмов. Образ дремучего леса в произведении выполняет двоякую нагрузку: понимается как символ бытия, кроме того, прочитывается как подсознание человека. Герой потерял вкус к жизни (хәятым жене). Идея автора конкретизируется в форме лирического монолога: «желание жить помогает преодолеть трудности». В поэме удачно использован мифологический образ джинна, мифологический мотив колдовства, что служит раскрытию сложной «диалектики души» лирического героя в тесной связи с окружающей действительностью. Концептуальное осмысление связи личности и обстоятельств, мира и человека ведет к укреплению художественной мысли и приобретению ею философского характера.

Во второй поэме Гадельши так же на первый план выходит лирическое начало, но чувствуется и публицистический заряд. «Яңа уй» рассказывает о молодом сибиряке, в сознании которого рождается новое видение национальных проблем. Сказочный мотив смелого молодца, проходящего инициацию, послужил стрелковой основой произведения. Умелое использование поэтом символов ворона и костра (прежде всего, как стремление к свободе), подчиненные раскрытию основной идеи произведения – драматизма судьбы сибирских татар представляют автора как мастера ассоциаций.

Лирическим поэмам Гадельши характерны особая философская насыщенность, ассоциативность художественного мышления. Обращение к фольклорным мотивам и символике, сочетание лирического синтеза и психологического анализа дает практически неограниченные возможности проявления творческой индивидуальности поэта.

Поэмы Г. Абайдуллиной синкретичны, созвучны поэмам, написанным в татарской литературе еще в 1930–40 гг. Глубоко выявлена нравственная позиция самой поэтессы, отрицающей или одобряющей те или иные явления действительности. Убедительное подтверждение тому – поэма «Авылдашым», рассказывающая историю героя–односельчанина, погибшего в Великой отечественной войне и его молодой жены, оставшейся преданной мужу. Сказочный мотив «потери–поиска–обретения» пронизывает поэму насквозь. В ней события, люди, их поступки оцениваются с нравственных позиций автора: здесь он не просто рассказчик, а нравственный судья, верный народным представлениям о героизме, морали, чести, преданности. Поэма синтезирует фольклорную и литературную традиции, что проявляется в включении элементов байта, усиливающий драматизм содержания.

В поэме «Васыять» напряженные размышления о жизни и смерти, о человеке и обществе так же приводят рассказчика к нравственным обобщениям. В ней использован фольклорный мотив борьбы против Смерти – Злой силы, который дает возможность глубже понять социальную психологию и чаяния простого народа.

Поэма–исповедь «Булатка» – романтическое произведение, посвященное Б. Сулейманову. Это поэма–размышление о предназначении человека на земле. Герой поэмы представлен в амплуа сказочного героя, мифического сына народа. Лейтмотивом проходит боготворение Б. Сулейманова как истинного сына своего народа. Поэма стилизована как байт, из–за чего необычайно усилилось авторское–личностное начало. Организующий стрелжень поэмы – движение мысли самой поэтессы. Авторский голос постоянно присутствует в поэме, напрямую высказывая свои мысли и переживания, оценивая весь окружающий мир.

Г. Абайдуллина обращается к героическим мотивам и образам, в поэжном повествовании углубляются социальные мотивы, активизируется вмешательство в сюжетное событие, делаются попытки индивидуализации персонажей. В поэмах Абайдуллиной новшеством является введение фольклорных элементов – байтов, контрастирующих средств (изображение красоты и гармонии природы и разрушительных сил войны). В них применяется попытка раскрыть внутренний мир персонажа преимущественно посредством введения в сюжет внутреннего монолога, несобственно–прямой речи, картин природы.

В поэме «Ишеклар» З. Акбулякова сюжет – знакомство с десятью «дверьми», перед которыми предстает человек с момента рождения до смерти – является поводом для лирической медитации. Символ двери в сюжете обозначает ценностей, встречающихся в жизни человека: рождение, знание, добро, зло, любовь, хорошие поступки, воздух, вода, человечность, смерть. Сильное позитивное или негативное авторское отношение к этим ценностям приводит к мысли: человек приходит в мир, чтобы научиться жить, любить, творить хорошие дела. У каждого человека, кроме этих ценностей, есть «своя дверь» – цель в жизни. Так появляется второе значение символа. Но добиваясь

цели, нужно, по мнению автора, беречь и уважать Землю, быть милосердным, изучать бытие, не поддаваться материальным соблазнам и жить по законам ума.

В поэме сильно нравственное начало. По всему произведению в форме диалога автор дает свои наставления читателю. Третье значение символа в том, что дверь является гранью между ценностями. Философское начало представлено в виде прославления человека: «космос ищет защиты у человека». Смысл жизни на земле автор видит в сохранении Земли–матери: она – сама главная ценность.

Поэма З. Акбулякова «Сибирь» написана в форме исторической хроники. Автор прославляет свой родной край, хвала Сибири окольцовывает произведение. Как исторические страницы, перед глазами читателя проходят бои между Ермаком и Кучумом, отвага Сузге, принятие сибирскими татарами ислама; переселение поволжских татар в Сибирь; годы Великой Отечественной войны; добыча нефти и газа; период реформ конца XX века. Через все произведение проходит основная идея: Слава Сибири завоевана людьми, сибиряками.

Литература

Бройтман С. Н. Теория литературы. Т. 2. Историческая поэтика/ С. Н. Бройтман. – М.: Академия, 2004. – С.322–323.

Галиуллин Т. Н. Дыхание времени /Т.Н.Галиуллин. – Казань: Изд-во КГУ, 1979. – С.249.

Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл.ред.и сост. А. Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – Ст. 781

Муртазалиев А. М.

КАРТИНА НАЦИОНАЛЬНОГО МИРА В РОМАНЕ АХМЕДА ЧИНАРА «ГОРЫ – МОЕ СЕРДЦЕ»

Размышления о сложных и противоречивых сторонах судьбы своего народа, о его месте в современном мире, о его прошлом и будущем являются доминантой творчества Ахмеда Чинара, автора романа «Горы – мое сердце» [1]. Писатель родился в аварском селении Киреч Кахраманмарашской области Турции.

Жизненное кредо Ахмеда Чинара, которым он руководствуется как писатель, заключено в следующих словах: «Как и все горские дети, я вырос, слушая рассказы о Дагестане, Шамиле, его мюридах и, конечно, об освободительной борьбе, ставшей на всех языках, для всех угнетенных божественным источником. И как все горцы, я по праву всегда гордился тем, что я дагестанец» [2]. Это кредо во многом и определило идейно-тематическое содержание творчества писателя, и особенно романа «Горы – мое сердце», в котором представлена широкая эпическая картина национального мира горцев, отражены события, происходившие в Дагестане, в аварском ауле под вымышленным названием Зодо [3] в период национально-освободительной войны. Однако автор не описывает саму войну, кровавые сражения между горцами и русскими, не изображает панораму театра военных действий, происходивших в горах Дагестана. Он не ставит перед собой такой задачи. Присутствие войны передается через описание каждодневной жизни жителей аула, через образы и поступки героев романа. На первый взгляд, кажется, что война идет где-то далеко от того места, где разворачиваются основные события. Но это только кажется. Война незримо присутствует, ощущается в каждой сакле, в каждой семье горца, она проходит через судьбу всех героев произведения.

В плане жанра «Горы – мое сердце» является историческим романом. Повествование о прошлом своего народа автор строит на остром сюжете, в центре которого находятся напряженные конфликты личного и социального характера. В динамично сменяющихся и развивающихся событиях проявляются наиболее значительные черты характеров персонажей.

Центральной проблемой романа является тема свободы и независимости как непереносимое условие равноценного и равноправного сосуществования и развития извечно враждебных, антагонистических цивилизаций – дагестанской (исламской) и русской (христианской). В отличие от большинства писателей-мухаджиров, рассматривающих Россию как извечного врага ислама и кавказских народов, Ахмед Чинар видит сосуществование дагестанских народов с Россией на основе взаимного уважения и межнационального, межкультурного диалога. Это абсолютно новый подход к проблеме русско-дагестанских отношений в мухаджирской литературе.

Раскрытию основной идеи романа «Горы – мое сердце» подчинена вся его структура. Каждый эпизод, каждый персонаж и даже отдельные детали участвуют в ее раскрытии. В основе произведения лежит концепция, базирующаяся на собственном мировоззрении писателя, на его идеологических позициях, утверждающая, что ислам является высшей добродетельной силой, преобразующей человеческое общество. Содержание романа, его основной и побочные конфликты призваны подчеркнуть эту идею. Идеологическая императив определяет жизнь, как в целом всего дагестанского общества, так и характер отдельных его членов, их поступки, помыслы, взаимоотношения между собой и с врагом.

Горцам свойственна непоколебимая вера в Аллаха. Ислам – вот их надежная и единственная защита и оружие перед сильным врагом, каким является для них Россия. Писатель на протяжении всего повествования подчеркивает исключительную роль религии в жизни горцев. В радости и в горе, в мирной жизни и на полях сражений, в любви и в ненависти – всегда они уповают лишь на одного Аллаха. Религия делает этих людей благородными, храбрыми, высококонрастными созданиями, четко представляющими цели и задачи своего нелегкого бытия. И потому видится закономерным то, что в заключительной части романа горец Камал, хозяин дома, где содержится пленный русский офицер Михаил, говорит ему: «Я приглашаю тебя принять нашу религию» [4]. Принятие ислама человеком другой веры по идее автора сделает отношения между разными людьми и народами братскими и гармоничными.

В романе «Горы – мое сердце» изображены многочисленные явления, события, лица. Здесь и картины мирного сельского быта и семейной жизни, и эпизоды боевых столкновений горцев и русских, отдельные сцены из жизни горской молодежи в дагестанском ауле, и помыслы и чувства старшего поколения дагестанцев, дружба, предательство, любовь и ненависть и пр.

Основу сюжета книги Ахмеда Чинара составляет история рядовой горской семьи, прослеживаемая на примере судьбы одного из ее членов. Младший сын пожилого горца Улубия Сурхай любит соседскую девушку Айшат, которая отвечает ему взаимностью. Однако на пути влюбленных встает третий герой – Али, ровесник Сурхая. Он тоже питает самые глубокие чувства к Айшат и намерен во что бы то ни стало добиться ее руки. Али, зная отношения Сурхая и Айшат, тем не менее, преследует ее везде: подкарауливает у родника, на улице. Но девушка, оставаясь верной чувствам к Сурхаю, отвергает Али.

Видя, что попытки объясниться с Айшат не приносят желаемых результатов, Али идет на разные хитрости, чтобы скомпрометировать своего соперника Сурхая в глазах односельчан и прежде всего Айшат. Так, во время проведения соревнований по бегу в честь праздника первой борозды («Оцбай») Али на старте бегунов умышленно толкает своего соседа, который падает на Сурхая. В результате претендовавший на первое место Сурхай получает небольшую травму и выбывает из соревнований. Все, кто был свидетелем этого поступка Али, в том числе и Айшат, осуждают его.

Сурхай в силу своей честности и порядочности не замечает всех ухищрений своего соперника, а Айшат, желая сберечь своего любимого от ненужных разговоров и необдуманных поступков, скрывает от него притязания Али.

Наконец, видя, что все его усилия выбить Сурхая из борьбы за Айшат не приносят желаемого результата, Али идет на подлый поступок, недостойный звания горца. Однажды во время очередного похода на войну с русскими Али сообщает Сурхаю, что его любимую собираются похитить. И делает это их односельчанин Хасан с друзьями. Сообщение Али ставит Сурхая перед сложным выбором: поспешить на помощь к любимой, оставив при этом своих товарищей, или продолжить с ними путь, но при этом потерять Айшат.

Заметив колебание Сурхая, Али проявляет настойчивость и достигает своей цели: его соперник возвращается в аул. Там Сурхай понял, что он стал жертвой обмана Али, однако, будучи искренним, добропорядочным человеком, он отказывается верить этому.

Но Али уже добился своего: поступок Сурхая вызывает всеобщее осуждение и презрение к нему. Никто – ни отец, ни старший брат Мухаммад, ни друзья, ни даже любимая Айшат – не хотят выслушать и понять его. Все считают его трусом и предателем. Лишь мать Бика и жена старшего брата Меседу сочувствуют Сурхаю.

Всеобщее презрение и ненависть делают юношу изгоем в своем обществе. Выход он находит в уходе из него. Сурхай выбирает гору напротив аула и поселяется жить там, находя утешение в игре на свирели.

После случившегося Али, испытывая муки совести, покидает родину и уезжает в Грузию. Здесь он также совершает несколько подлых поступков, в том числе и предательство: за золото, которое

ему предложили русские, Али на карте указывает на место нахождения штаба горцев на горе Гуниб и путь к нему. При этом он надеется, что русские никогда не придут туда, и о его поступке никто никогда не узнает. Уверенный в своих предположениях Али возвращается в Зодо. Вскоре раскрывается его предательство, и он вынужден тайно покинуть аул. Его терзают муки совести, он хочет покончить жизнь самоубийством, но, боясь бога, отказывается от этой мысли. Золото, которое он получил за свое предательство, становится ему ненавистным и отвратительным, и он его выбрасывает. В конце концов, Али, который осознал свой поступок, получает шанс смыть свой позор. В одном из столкновений с врагами он погибает смертью храбрых.

Через некоторое время выясняется невиновность Сурхая, и от имени односельчан сельский мулла Мухаммад в пятницу в мечети просит у него прощения. Просит прощения у Сурхая и Айшат, придя к нему, раненому, домой. Но юноша отвергает ее, заявляя, что в горах нет места для такой любви.

Основным сюжетобразующим элементом романа является его образная система. Что она представляет собой, какие средства использует автор для создания характеров? Всех персонажей можно разделить на два лагеря: горцев и русских. В свою очередь, в каждом лагере есть положительные и отрицательные мужские и женские образы. Их наиболее значительные черты характера проявляются в динамично сменяющихся событиях произведения.

Одним из основных художественных средств характеристики персонажей, в частности горцев, в романе служит описание жилища, элементов одежды, быта, обстановки, окружающей их. Воспроизведя горскую обстановку, жилище и вещи дагестанцев, писатель раскрывает во всем этом тот особый отпечаток, который накладывает на обстановку личность персонажа-горца, его индивидуальные особенности. Например, внутреннее убранство и обстановка горской сакли говорит о любви горцев к своей родине, к родному очагу, о том, что «для дагестанцев родина, вернее, Дагестан... были понятием святым» [6].

Так, картина внутреннего убранства сакли семьи Улубия, говорит о высокой культуре быта ее хозяев, об их духовном богатстве, внимании к собственной жизни, к окружающему миру. «Это была достаточно широкая комната. Кирпичные стены в самые жаркие летние дни поддерживали внутри прохладу, а зимой в самые лютые морозы в комнате было тепло. Простенькая, но изящная деревянная дверь комнаты была вмонтирована в высокий проем. Стены были обмазаны белым раствором из смеси самана и белой глины. На белой стене блестели соломинки, придавая ей особую красоту. Справа у входа, рядом с дверью и печью висел молитвенный коврик из белой овечьей шкуры.

Напротив двери, с правой стороны стены находился, вмонтированный в стену маленький шкаф с занавесками. Два маленьких окна со стороны балкона хорошо освещали комнату. У окна стояли две тахты. Над одной из них, стоящей напротив окна, украшая стену, висела красивая бурка. Стены также были украшены кинжалами, саблями. В комнате было светло, ее уютная обстановка действовала на человека успокаивающе» [6].

Немаловажное значение для раскрытия характеров имеет воспроизведение жизни окружающей среды, отношений в ней, нравов, обычаев, традиций и быта горцев. Так, в произведении представлен целый ряд особенностей национального мира дагестанцев – их быт, нравы, особенно обычаи и традиции. Таково, например, изображение праздника первой борозды («Оцбай»). Кроме того, в повествовании подробно описываются и другие народные обычаи и традиции, например, аварская детская игра «Хасандала», обряд вызывания дождя «Дождевой ослик» («Цадул хлама») и пр.

В романе воспроизводится жизнь жителей аула Зодо путем описания их будней, коллективного труда и радостного отдыха, доброе и доверчивое отношение аульчан друг к другу. Вот как писатель характеризует коллективный труд горцев: «У горцев все дела, особенно строительство дома, выполняется совместно всем селом. Важно, что каждый считал своим долгом прийти и помочь, не дожидаясь ответной помощи» [7].

А вот мирная картина жизни аула: «С приближением сумерек в Зодо началось оживление. Возвращение с гор чабанов, бляение ягнят, похожее на истощенный крик, возвращение аульчан с полевых работ, поход женщин и молодых девушек за водой – все это создавало в ауле какую-то возбужденную атмосферу» [8]. Эту спокойную идиллическую картину гармонично дополняют авторские замечания о прелести долгих зимних ночей в ауле, а также рассветов в горах. Все эти оценки, описания, детали работают на раскрытие многогранного характера персонажей романа, в первую очередь их духовного мира.

Характеризуя своих персонажей как людей высокой культуры, писатель в качестве одной из главных качеств их характера выделяет образованность. В ее основе, как явствует из повествования, лежит умелая организация системы образования в ауле Зодо. Но автор подчеркивает, что это

не единичный случай, а явление типичное для прошлого Дагестана. «Как и во всех уголках Дагестана в Зодо тоже функционировало медресе. В Дагестане очень распространена была религиозная система образования. При этом преобладали исламские науки. В то же время здесь изучались, например, и такие важные науки, как история и философия. В Зодо женщины, мужчины – каждый умел читать и писать по-арабски, а некоторые и говорить»[9].

Важным средством раскрытия характеров героев выступают образы родника и годекана. Эти неизменные атрибуты каждого дагестанского аула, по идее автора, играют важную роль общественных институтов в повседневной жизни горцев. В первую очередь это места активного общения друг с другом членов сельского общества. Здесь порою решаются судьбы людей, вопросы личного и общественного характера, принимаются важные решения, касающиеся жизни аула, происходит ежедневный обмен аульскими новостями.

Кроме вышеназванных в романе немало еще средств взаимораскрытия, самораскрытия и собственно авторской характеристики и пояснения персонажей. Их воспроизведение очень важно для объяснения эпохи и среды, в которых, по мнению писателя, только и мог существовать человек особого, универсального типа – дагестанский горец.

Главным сюжетным героем романа «Горы – мое сердце» является Сурхай, сын Улубия. Это представитель молодого поколения горцев, самой активной части дагестанского общества. Автор с большой симпатией относится к своему герою, олицетворявшему тот тип дагестанца, который сформировался в сознании писателя-мухаджира на чужбине под влиянием в первую очередь рассказов и преданий своих отцов и дедов.

Писатель не дает сразу исчерпывающей характеристики Сурхая, а все время дополняет ее по мере развития действия и именно этим и достигает многогранности и многосторонности в его показе. Так, знакомя читателя по ходу повествования с Сурхаем, автор сообщает о нем самые скудные сведения, дающие лишь общее представление: «Сурхай тоже в действительности был храбрым и способным юношей. Но в отличие от Али зрелость и взвешенность его поступков придавали каждому уверенность и надежность. Среди друзей он имел свое слово, пользовался уважением» [10].

В образе Сурхая Чинар идет от отдельной личности к социальному типу дагестанского общества со всеми присущими ему чертами. Сообщает о нем только то, что необходимо для раскрытия его моральных и социальных качеств, то, что помогает выявить главное в этом образе – справится ли его герой со всеми теми испытаниями, которые выпали на его нелегкую долю? Тот ли это человек, которому окажется по плечу быть достойным членом того мира, которому он принадлежит?

Писатель показывает, что Сурхай это человек порядочный, целеустремленный, честный и мужественный. Лучшие качества характера Сурхая ярко проявляются в первую очередь в семье, в отношении к своим родным и близким. Он любит и уважает своих родителей и ближайших родственников: отца Улубия и мать Бику, старшего брата Мухаммада, племянника Ахмеда, жену старшего брата Меседу.

Лучшим и надежным другом Сурхая в семье является Меседу. Ей он поверяет свои тайны, сокровенные чувства, делится своими мыслями и планами.

Человеческие качества Сурхая проявляются и в его отношениях с односельчанами. Во всех общественных делах, коллективных мероприятиях он принимает самое живое участие, демонстрируя тем самым свою социальную активность. Так, эпизод, где он помогает односельчанину Осману строить дом, характеризует его как большого умелого мастера и труженика.

Вместе с тем Сурхай уже опытный, бывалый воин. С юношеских лет он мужественно сражается с врагами, достойно ведет себя в каждом бою, чем завоевал любовь и уважение своих односельчан и друзей.

Настоящим испытанием для Сурхая-горца становится его любовь к Айшат, которая также отвечает ему взаимностью. Всем ходом повествования писатель подчеркивает, что Сурхай остается верным своим чувствам в рамках горской этики и морали.

Влюбленные молодые люди строят самые радужные планы на будущее. Но им не суждено было осуществиться. И виною тому становится Али. Вводя, таким образом, в повествование традиционный любовный треугольник как художественный прием, писатель конструирует конфликтную ситуацию, в которой максимально раскрываются черты характеров всех, кто втянут в нее.

Раскрытию характера Сурхая в значительной степени способствует позиция автора. С первых страниц повествования ощущается его присутствие рядом со своим героем. Писатель не скрывает своего сочувствия ему, переживает за него и вместе с ним ищет пути выхода из того положения, в котором он находится. Наряду с этим автор открыто осуждает всех, кто не понимает Сурхая, кто

отвернулся от него в трудную минуту. Устами старшего брата Мухаммада автор выражает мысль, что лучшим лекарством для Сурхая является время, которое все объяснит и расставит на свои места.

В целом сюжетобразующий образ Сурхая выдержан в реалистических тонах. Вместе с тем автор не избежал и некоторых романтических «добавок» (страстная любовь, уход из общества, одиночество, игра на свирели и пр.), что является, на наш взгляд, результатом влияния турецкой литературы. Это закономерно. Ибо Ахмед Чинар, будучи этническим аварцем, как писатель состоялся в первую очередь под влиянием именно этой литературы, в которой традиционно сильны романтические позиции.

Представителем старшего поколения горцев в романе изображен отец Сурхая – Улубий. Он является носителем и олицетворением лучших морально-этических и эстетических черт характера: любви к родине, человеческого достоинства, свободолюбивого духа, воинской доблести, любви и нежности отца и главы семьи, горской культуры и пр. Писатель прямо указывает, что образ Улубия символизирует не только дух и моральные качества его народа, но и ту землю, где живет этот народ, частицей которого он сам является. И потому, характеризуя героя, писатель придает особое значение его портретному описанию. «На Улубии были кожаные сапоги с голенищами до колен, длинная чуха поверх черных штанов, на голове папаха из бараньей шкуры, напоминавшая внушительные горы. На поясе висели сабля, с которой горцы никогда не расстаются, и кинжал, которым он искусно владел в случае необходимости. Белая короткая борода на его морщинистом лице под папахой очень гармонировала с его лицом и одеждой и, как всем горцам, придавала ему внушительный вид. Улубий символизировал природу и независимость покрытых вечными снегами горных, внушительных высоких гор, вершины которых спрятаны в облаках» [11].

На образе Улубия в романе решается важная проблема преемственности поколений: гармония во взаимоотношениях разных поколений горцев рассматривается писателем как основа, как гарант их существования. Преемственность жизненного опыта, бережное отношение к старикам, к их опыту и мудрости, с одной стороны, забота о подрастающем поколении, с другой – вот те основополагающие принципы, которые, по идее писателя, лежат в основе горского общества.

Одним из фигурантов центрального конфликта романа является Али. Это ровесник и соперник Сурхая, влюбленный в Айшат и желающий во что бы то ни стало добиться ее расположения. Он не просто завидует любви Сурхая к Айшат, а ненавидит своего соперника, хотя и питает определенное уважение к нему как человеку храброму и авторитетному среди ровесников.

Продуктивным художественным приемом раскрытия образа Али является его авторская оценка. «Али был симпатичным парнем, очень храбрым. Он пользовался уважением у друзей, был уверен в своих способностях. Вместе с тем он был агрессивным, дерзким, вспыльчивым человеком, быстро приходил в ярость. Али всегда был готов взорваться, устроить скандал. Он не умел управлять своими чувствами...» [12]. Авторская оценка содержит скрытый намек на то, что этот герой в силу своего необузданного характера способен на самые неожиданные поступки, действия, которые принесут несчастье не только ему самому, но и окружающим его людям. В дальнейшем, в ходе развития действия такое предположение найдет свое подтверждение. Писатель постепенно, шаг за шагом прослеживает эволюцию характера своего героя.

Использование сравнения как художественного приема для передачи психологического состояния влюбленного героя служит писателю основанием для философского обобщения своих размышлений об особенностях горской любви. Это не абстрактные размышления автора, а его конкретная позиция по этой важной проблеме, являющейся одной из доминантных проблем романа. Авторская позиция в этом вопросе способствует лучшему пониманию поведенческих мотивов героев, втянутых в любовный конфликт, и в первую очередь Али.

Финал романа – художественный реквием судьбе Сурхая и Айшат и одновременно заверение в том, что история их трагической любви будет жить в памяти народа. Оптимистически звучащая концовка сливается с общей настроенностью произведения. Таким образом, «Горы – мое сердце» предстает как реалистический роман, в котором картина национального мира изображена с элементами романтизма.

Литература

Çinar A. Dağlar Yüreğimidir. İstanbul, 1999.

Çinar Ahmet. İçimdeki Dağistan // Dağistan. 1998. № 6–7. S.12.

Название села вымышленное – А.М.

Çinar A. Dağlar Yüreğimidir. С. 304.

ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНДА МУСА ЖӘЛИЛ ОБРАЗЫ

М. Жәлилнең тормышы һәм ижаты бүгенге көнгә кадәр татар әдәбиятында төпле генә өйрәнелде дип әйтергә була. Бу изге эшне әйдәп баручы, билгеле, Рафаэль Мостафин булды. Бөек шагыйрәбезнең тормыш юлын һәм ижатын өйрәнүгә ул бөтен гомерен диярлек багышлады. Матур әдәбият турында сүз алып барганда, 1950-еллар ахырыннан башлап Муса Жәлилгә багышламаган, теге яки бу дәрәжәдә аның тормышын һәм ижатнын чагылдырмаган, һәр хәлдә чагылдырырга омтылмаган әдипне очратуы кыен.

Драма эсәрләренә килгәндә, беренче чиратта, М. Жәлилгә багышланган дүрт пьесаны атап үтәргә кирәк: Н. Исәнбәтнең «Муса Жәлил» (1957) трагедиясен, Р. Ишморатның «Үлмәс жыр» (1955) героик-романтик драмасын, Т. Миңнуллинның «Моңлы бер жыр» (1981) публицистик драмасын һәм Д. Вәлиевның «Шагыйрь һәм Сугыш» («Поэт и война», икенче исеме «День Икс») (1985) трагедия хроникасын.

Н. Исәнбәт белән Р. Ишморат пьесаларын сугыш узып, 10 елдан соң язалар. Күрәбез, 1944 елның август аенда булган вакыйгалардан соң эле ни бары 10 гына ел узган, дәрәс, Н. Исәнбәт: «Бу трагедия 1954 елда язылды», – дип искәrmә бирә [Исәнбәт, 1988: 415]. Сугыш хәтирәләре эле һәр кешенең күнелендә саклана, жан жәрәхәтләре эле төзәлмәгән. «1953 елның 25 апрелен шагыйрьнең яңадан туган көне дип санарга була», – дип яза Р. Мостафин [Мостафин, 2011: 33], чөнки ул көнне «Литературная газета»да Жәлилнең Моабит шигырьләре басыла. 1956 елда аңа Советлар Союзы Герое исеме, ә 1957 елда «Моабит дәфтәре» циклы өчен Ленин премиясе бирелә. Бу ике драматургның да пьесалары тулаем алганда реалистик рухта язылган, ләкин һәрберсенә хас булган үзенчәлекләре дә бар. «Бер үк темага төрле стильдә язылган Н. Исәнбәт һәм Р. Ишморат эсәрләренәң житди аермалары бар. Н. Исәнбәт трагедиясендә ачы хакыйкәтне реалистик планда тасвирлауга өстенлек бирелсә, Р. Ишморат героик драмасы күтәренке поэтик стильдәге эсәр», – дип яза Н. Ханзафаров. [Ханзафаров, 1982: 164].

Т. Миңнуллин һәм Д. Вәлиев пьесаларын 1980-нче елларда ижат итәләр. Эсәрләрдә авторларның индивидуаль үзенчәлекләреннән тыш, замана йогынтысы да сизелә, һәм болар барысы алда әйтеп узылган пьесалар арасындагы аерманы күрсәтә. Мәсәлән, «Моңлы бер жыр» (1981) драмасында... шартлылык алымының, шартлы-метафорик, романтик сурәтләренәң үзәккә алынуы күзәтелә» [Заһидуллина, Йосыпова, 2011: 106]. А. Әхмәдуллин да: «Сюжет-композициядә фантастика һәм шартлылык элементларына таянган, образлар системасында шартлы-метафорик геройларга мөрәжәгать иткән пьесалары... арасында «Моңлы бер жыр» публицистик драма уңыш казанды», – дип билгели. [Әхмәдуллин, 2007: 63].

Әйтик, Д. Вәлиев пьесасында ике юнәлеш күзәтелә: берсе – реалистик, икенчесе – символик, һәм алар органик рәвештә бер берсе белән үрелеп баралар. Шуның белән күптән үткән вакыйгаларны бүгенге тамашачыга якынайталар, уйланырга мәжбүр итәләр.

Сюжетлары документаль фактларга нигезләнгән булса да, бөек шагыйрьнең соңгы көннәрен тасвирласа да, әдәби эсәр жанры беркадәр бу документальлектән тайпылырга мөмкинлек бирә. Бу аермалар пьесаларда күренеп тора. Әйтик, тормышта реаль булган шәхесләр белән беррәттән язучы тарафыннан уйлап чыгарылган персонажлар пьесаларның катнашучылар исемлегеннән үк башлана. Мәсәлән, Р. Ишморатта болар – Байназар, Салмеев һ.б., Н. Исәнбәттә – Гөлгенә, Илстан, Янгир һ.б., Т. Миңнуллинда – Шагыйрь, Ана, Каин, Д. Вәлиевтә – Дилбәр, шагыйрь С һ.б. Аерым очракта тарихта билгеле булган шәхеснең исеме үзгәртелә, мәсәлән, Шәфи Алмас Р. Ишморатта Гайфи Алмашев булып, Н. Исәнбәттә Зәбихулла Альбииков булып баралар, Андре Тиммерманс Н. Исәнбәт пьесасында – Энгельман исемен йөртә. Әйтик, бер ише язучы тарафыннан уйланып чыгарган персонажлар пьесада реаль шәхесләр белән янәшә яшиләр, хәттә вакыт-вакыт аларның геройларыбыз тормышында чыннан да булганлыгына ышана башлайсың. Ә бер ишләре чын мәгънәсендә абстракт геройлар булып катнашалар, вакыт һәм урын араларын жиңел генә кичәләр. Моңа мисал Т. Миңнуллин пьесасының буеннан буена «Муса Жәлил һәм аның көрәштәшләренәң бөеклеге нидә, батырлыкларының чыганагы кайда?» дигән сорауга жавап эзләүче яшь шагыйрь. «Пьесаның идея-эстетик эчтәлегенә нык кына абстракцияләүгә корылган. Драматургның күбрәк үз уй-фикерләрен, аның дөньяга карашын туплаган Шагыйрь исемле персонаж хыялында терелтеп тарихи шәхес – легендар Муса Жәлил белән очраша. Персонажларның үзара мөнәсәбәте тагын да катлаулырак шартлылыкка, хәттә фантастик жирлеккә корылган. Шагыйрь үз фантазиясендә күз алдына китергән Муса Жәлил, аның көрәштәшләре һәм дошманнары һ.б.

белән фәлсәфи диалог кора, диалог-сорау алу оештыра, диалог-бәхәс алып бара. Болар һәммәсе драманың фәлсәфи эчтәлеген тирәнәйтергә, публицистик яңгырашын үткенәйтергә ярдәм итәләр», – дип яза А. Әхмәдуллин. [Әхмәдуллин, 2007: 64].

Д. Вәлиев үзенә эсәрендә документаль, тарихи материалны поэтик символ белән үреп биру максатын куя. Муса Жәлилне шәхес буларак ачу безнең күз алдыбызда бара: автор драма тукымасына реаль вакыйгаларны кертә, аларны уйдормалар белән аралаштыра, шуның белән геройны бер төркем уйлап чыгарган персонажлар белән чорнап ала. «Мәсәлән, безнең замандаш – шагыйрь С, бер үк вакытта ике чорда яши – ул карап һәм искәртмәләр биреп кенә калмый, ул хроникаль дәрәҗәдә белән тарихи шәхесләр белән «контактка» керә» [Молярова, 1996: 99–100]. Сәер Мәңгелек Дилбәр образы да Жир-ана тавышы белән жирдә туган һәр балага, сугыштан саклап калу йөзеннән, «зәңгәр күлмәк» тегеп кидерүе турында әйтә. Аңа карата үлем көчсез булсын өчен.

Жәлилчеләрнең соңгы минутларын күрәп, төгәл генә аларның гомерләре өзәлгән мизгелләрен тасвирлап калучы юк, чөнки фашистлар мондый вакыйгаларга чит беркемне дә катнаштырмаган. Дөрәс, Жәлилнең камерадашы Риниеро Ланфредини истәлекләрендә болай дип яза: «Соңрак мин патер Юрыткодан: «Минем камерадаш татарларны нишләттеләр?» – дип сорадым, ул миңа: «Алар уникаль дә шул ук көнне иртән сәгәт унда жәзалап үтерелделәр», – диде... Соңрак ул миңа: «Татарлар елмаеп үлделәр» – дип сөйләде». [«Татарлар елмаеп үлделәр...», 1999:2]. Шуңа күрә жәлилчеләрнең гомер белән сабуллануларын һәр әдип үзенчә күзаллый. Әйттик, Т. Миңнуллин пьесасына карата язган рецензиясендә «Тарихта үлемгә беренче булып Гайнан Кормаш атлый, спектакльдә моны төзәтү сорала» – дип яза Ә. Гаффар (Гаффар, 1981: 3). Әйе, документлардан күрәнгәнчә, яшерен оешманың житәкчесе Кормаш, Жәлил исә – аның рухи яктан житәкчесе булган. Р. Мостафин болай дип яза: «Берлин төрмәләрендәгә тәртипләр белән танышкан, бер нәрсә ачыкланды: үлем карары гаепләнү актындагы исемлек буенча жиренә житкерелгән. Ә исемлектә һәрвакыт «иң гаепле» саналган кеше алгы планда торган. ... Димәк, житәкче, ягъни «жынаятьнең башында торучы» иң беренче булып үлемгә барырга тиеш була...» [Мостафин, 2011: 327]. Әйе, М. Жәлил исеме исемлектә бишенче. Ләкин моның ише төгәллек бу очракта пьесага кирәкме соң? Ул унбер батырның үлемгә ничәнчә булып керүләре бер нәрсәне дә үзгәртми бит, аларның каһарманлыгын хич тә киметми. Пьесаның төп герое – Муса Жәлил, жәлилчеләрнең рухи байрагы да ул, шуңа күрә аның үлемгә беренче булып атлавы да шуның белән аклана, бу жанр таләбе дә. Димәк, пьесаны үзгәртәргә хич тә кирәкми.

Пьесаларның ахыры төрлечә. Р. Ишморатта камерадагы соңгы минутларында Жәлил Тиммерманска дәфтәрләрен тапшыра, үтенечен әйтә, шигырьләр укый. Тоткыннарны камерада соңгы юлга чыгарга дәшкәч, Жәлил аларны: «Дусларым! Сынатмагыз! Горур булыгыз!», – дип өнди [Ишморат, 1993:138].

Н. Исәнбәт эсәрендә Муса аның гомерен өзәргә эзерләп куйган балтага карап, «Ышанма» шигыреннән өзек укый, жәллад аны туктатырга тырышып карый, булдыра алмый, Жәлил «Жырларым» шигырен укый башлый, аңа дуслары кушыла. Шуннан «Муса өстендә балта механик рәвештә гөжләп чагыла. Факел шәүләләре ул күренешне каплый. Артта автомат тавышлары астында ерак хор кабатлана.

Гомерем минем моңлы бер жыр иде,
Үлемем дә яңрар жыр булып!
Пәрдә» [Исәнбәт, 1988: 346].

Т. Миңнуллин пьесасында Муса көрәштәшләренә карап: «Елмаегыз, егетләр. Киләчәк шагыйре күз алдында без һәрвакыт елмайган килеш килеп басыгыз. Дошманнар да безнең иелгән башыбызны күрәп сөенмәсен, елмаюбыз төшләренә кереп, куркып уяңсыннар» [Миңнуллин, 2002: 397]. Шунда аны фашистлар чакырып ала. Ул чыгып китә, аның артыннан Кормаш чыга, чират Алишка килеп житә, чыгып барганда ул: «Ишетәсезме, нинди моңлы жыр. Моңлы жыр – кайгылы, хәсрәтле жыр түгел. («Сибелә чәчәк» көе туа. Алиш китә)» [шунда ук. 398] Сәхнәдә жыр яңгырый, жәлилчеләр берәм-берәм чыгып китәләр. Яшь шагыйрь, сәхнәдә калып, Жәлилнең «Жырларым» шигыренә соңгы өч мисрагын укый. Пәрдә төшә.

Татар фольклоры халык жырларына гаять дәрәҗәдә бай. Ләкин Т. Миңнуллин пьеса өчен «Сибелә чәчәк» жырын сайлап алган, чөнки Р. Мөхәммәдиев фикеренчә, ул «... халыкның үз моңы, ... һәркемнең үз рухиятеннән өстәмә көч һәм мәгънә төсмерләре алып тора. ... яңа драматик шартларда очрашкан кеше күнелендә ижади эзләнү процессы башланып, ул рухын яңа идея һәм эстетик кыйммәтләр баету ихтыяжын тоя» [Мөхәммәдиев, 1983: 189].

Д. Вәлиев пьесасында жәллад: «Алар миңа елмайдылар... Мин, күрәсез, акылдан язганмын!... Алар барысы да елмайдылар? Алар нигә елмайдылар?» [Вәлиев, 1984: 221] – дип гажәпләнә.

Күргәнебезчә, әсәрләр ахырында елмаю һәм жыр калкып чыгалар. Билгеле, бу очраклы күренеш түгел. «Татар әдәбиятында үлем куркынычын елмаеп каршы алу мотивы Кол Галидән үк башлана дисәк тә була», – дип яза Р. Ганиева [Ганиева, Татарлар..., 1994], һәм моны дәлилләүче күп кенә миссалар китерә, һәм дәвам итә: «Шәрекь һәм татар әдәбиятларында елмаеп һәм жырлап үлүнең бик борынгыдан – Ислам диненең үзеннән һәм дөньяви эчтәлекле Көнчыгыш Яңарыш әдәбиятынан килә торган тотрыклы традицияләре бар». Жәлиллинең үзенең шигырьләренә дә бу мотив чит түгел.

М. Жәлиллинең көрәштәшләре белән соңгы юлга чыгып барганда ниндидер бер татар жырын жырлап барулары мәгълүм. Бу шулай булгандыр да. Кешелек тарихында бердәнбер гаделлек – ул кешеләрнең үлем алдында бертигез булулары. Әйе, үлем – билгесезлек, шуңа күрә ул куркыта. Ләкин диненә тугурыклы булсаң, намусың чиста булса, кеше көлдереп һәм кеше каргышын алып яшәмәсәң, үлем куркытырга тиеш түгел, аннан әле беркем дә калмаган. Әйе, алар үлемне чын ирләр булып каршылаганнар.

Әдәбият:

Әхмәдуллин Азат. Күнелләргә уятыр. К., Мәгариф. 2007.

Валеев Д. Сад. К., Тат. кн. изд-во, 1984.

Ганиева Р. Татарлар елмаеп үлделәр // Шәһри Казан. 1994 ел. 29 сентябрь.

Гаффар Ә. XX гасыр уллары // Соц. Татарстан. 1981 ел. 10 март.

Заһидуллина Д. Ф., Йосыпова Н. М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы. К., Казан ун-ты. 2011.

Исәнбәт Н. Әсәрләр: 4 томда. Т. 2. К., Тат. кит. нәшр. 1988.

Ишморат Р. Килер ул якты көн. К., Тат. кит. нәшр. 1993.

«Татарлар елмаеп үлделәр...» // Кызыл таң. Уфа. 1999 ел. 25 август.

Миңнуллин Т. Сайланма әсәрләр: 10 томда. Т. 3. К., Тат. кит. нәшр. 2002.

Молярова Т. Как растет сад? // Диас Валеев – анализ творчества. К., Тат. кн. изд-во. 1996.

Мостафин Р. Өзелгән жыр эзеннән. К., Тат. кит. нәшр. 2011.

Мөхәммәдиев Р. Якутлар табыладыр вакыт белән. К., Тат. кит. нәшр. 1983.

Ханзафаров Назим. Нәкый Исәнбәт драматургиясе. К., Тат. кит. нәшр. 1982.

Нафикова Л. Р.

РИНАТ МӨХӘММӘДИЕВ ӘСӘРЛӘРЕНДӘ ФРАЗЕОЛОГИК ӘЙТЕЛМӘЛӘР

Тел – халыкның яшәү асылын, гореф-гадәтен, дөньяга карашын, фәлсәфәсен, тарихын, кыскасы, бөтен күңел байлыгын күп гасырлар буена үзенә сәңдерә барып, аны безнең заманнарга китереп житкәргәч чиксез зур хәзинә. Шуңа күрә нәфис сүз сәнгате үсешенә үз телен тудыручы, иҗат итүче, үстерүче, камилләштерүче халык та, ул телнең матурлыгын, культу-расын, эчке серләрен фәнни нигездә тикшерүче галимнәр дә даими рәвештә игътибар итеп тора. Шуңа бәйле рәвештә язучыларның образлы телен, индивидуаль стилин өйрәнүгә дә зур әһәмият бирелә.

Мәгълүм ки, әдәбият – тормыш дәрәҗәсегә, кеше турындагы гыйлем. Ә тел – әдәбиятның беренче элементы. Әдәби әсәрнең сәнгатьчә эшләнешен, тел-стиль чараларын өйрәнү – укучыларның эстетик зәвыгын формалашу, матурлыкны тою, туган телнең эчке серләрен, потенциал мөмкинлеген тирәнрәк үзләштерү, сөйләмен үстерү, дөньяга карашын киңәйтүгә, әсәрне аңлауга, язучының осталыгын билгеләүгә зур ярдәм итә.

Сүз сәнгате остасы булу дәрәҗәсенә күтәрелгән язучыларыбыз шактый. Р. Мөхәммәдиев – шундыйларның берсе. Әдип әсәрләренә укучыны жәлеп итә торган бер сихри көче теленең халыкчан, образлы, эмоциональ, бай булуында. Ул телнең халык авыз иҗатындагы кебек йөгрәк, үткен, вакыт-вакыт салмак, тантаналы, аһәңле, сәнгатьле булуына зур игътибар итә.

Р. Мөхәммәдиев – берничә повесть авторы. Ул үз әсәрләрендә матур, эчтәлекле, образлы сурәтләү чаралары кулланырга ярата. «Беренче умырзая» дигән китабына кергән повесть һәм хикәяләрендә язучы бүгенге авыл, аның кешеләре, проблемалары турында яза. Ә инде фразеологик әйтелмәләр, тел бизәгә буларак, идея-эчтәлекне ачыклауга зур ярдәм итә. Бер мисал: «... жиде кат жир астында яткан суну суыртабыз». Бу фразеологик әйтелмә аз сүз белән күп мәгънә белдерергә ярдәм итә. Аның аша без бүгенге кешенең ныклыгын, ихласлыгын, характер сыйфатын күз алдына китерәбез.

«Ай күрде, кояш алды» дигән әйтем халык телендә күптән кулланыла. Биредә автор аны суга баручы кызның тиз генә атлап күздән югалу күренешен бирү өчен файдалана. Ай һәм кояш – матурлык символы. Кыз матурлыгын ай, кояш белән бәйләп бирү эстетик тәэсирне көчәйтә.

«Чишмәгә төшкән серле сукмак» дигәндәге фразеологик әйтелмә дә поэтик хис турында. Сукмаклар бик күп, ләкин серлесе булмыйдыр. Ә менә Рәхимжанның яраткан кызы чишмәгә суга йөргән сукмак – серле. Бу исә ике яшь йөрәкнең яшерен серләре, мөкатдәс тойгылары белән бәйле.

Ринат Мөхәммәдиев халык телендәге, жырлардагы традицион фразеологик әйтелмәләрне эзер килеш тә, үзгәртеп тә куллана. Стиль таләп итсә, ул үзе дә яңа фразеологик әйтелмәләр иҗат итә. Халыкта, мәсәлән, күз уйнату, каш сикертү, күз елкылдату, керфек сирпү кебек фразеологик әйтелмәләр күптән килә. Язучы шуларны иҗади куллана.

«Шомырт кара күзләр дугайланып килгән озын керфекләр артында качыш уйнап алды». Рәхимжанга тартылганын үзе дә сизми калган Зәйнәпнең сөю хисенә исергән күзләре йомылып китә. Бу фразеологик әйтелмә аша без ике яшь йөрәкнең үзара кайнар мэхәббәт кочагына ташлануын күрәбез. Зәйнәп иң нечкә хисләргә бирелүчән.

Яки: «дәртләндергеч көй дөнъяга яңа чишмә булып туган». Биредә дә язучының фразеологик әйтелмәләр белән иҗади эш итүе сизелә. Дәртле көй, моңлы көй, дәртле йөрәк кебек фразеологик әйтелмәләр халыкта бар. Автор, «дәртле көй»не кеше йөрәгенә якынайту өчен, башка кушымчалар белән бирә. Аның яңа чишмә булып тууы эмоциональлекне тагын да арттыра төшә, эстетик функцияне көчәйтә.

«Аваз» сүзенә бәйле рәвештә ясалган фразеологик әйтелмәләр дә байтак: кеше авазы, серле аваз, сихри аваз һ.б. Ринат Мөхәммәдиев «чишмә авазы» дигән индивидуаль фразеологик әйтелмә куллана. Бер чишмә авазын икенче чишмә күтәрәп алу, аны яңалары алыштыру исә безнең табигатьнең серле, тылсымлы дөнъясына әйди: «Бер чишмә авазын икенче чишмә күтәрәп алды, аны яңалары алыштырды».

«Янып-көеп йөрү». Ут кабып яну-көю түгел, ә үзенә-үзе урын табалмый, уйланып, мэхәббәттән туган уңышлары белән шатланып йөрү. Ул үзен бәхетле кешеләрдән санап, кемгәдер кирәклеген сизә һәм үзе дә кем өчендер тырышып, кайгыртып йөри. Бу инде Рәхимжанның Зәйнәп өчен янып-көеп йөрүләре.

Мондый мисалларны Ринат Мөхәммәдиев әсәрләреннән күп китерергә мөмкин: Санияттинен күзләрендә серле очкын уйнап алды, чишмәнең суы йолдыз булып ява, чәчәк аткан фаягөл, ишегалды бәйрәм итә, татлы хыялга чуму, күңел күзе, эленеп торган кояш һ.б.

Ринат Мөхәммәдиевның прозасында матур-матур чагыштыру, метафора, эпитетлар да күп очрый. Мәкаль-әйтемләр дә бар. Аларның барысы да аз сүз белән күп мәгънә белдерү, образ, жанлы картина тудыру, идея-эчтәлекне ачарга ярдәм итә.

Әдәбият

Виноградов В. В. Стилистика. Поэтика художественной речи // Поэтика. – М.: Наука, 1963.

Поварисов С. Ш. Мәктәптә әдәби әсәрләрнең телен өйрәнү. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978.

Сафиуллина Ф. С., Зәкиев М. З. Хәзерге татар әдәби теле. – Казан: Мәгариф, 2002.

Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2000.

Юсупов Р. А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.

Сабирова Б. Н.

ҮЗЕ ХАЛЫК ЖЫРЫ, ҮЗЕ ДАСТАН...

Күренекле якташыбыз Флора Ваһап кызы Әхмәтова-Урманче исән булса, аңа шушы елның 23 маенда 80 яшь тулган булыр иде, ни аяныч, бу яшенә житә алмады ул, 2007 елның 15 октябрдә аның күзләре мәңгелеккә йомылды, ә олы хезмәте, мәгънәле матур тормышы киләчәк буыннарға барып житәрлек рухи-мәдәни мирас, якты истәлек булып калды.

Татарстан Фәннәр академиясенең Галимжан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының өлкән фәнни хезмәткәре, филология фәннәре кандидаты, Татарстан Республикасының атказанган мәдәният хезмәткәре, Республиканың иң югары бүләге – Габдулла Тукай исемендәге дәүләт премиясе иясе, фольклористика фәнендә үз сүзен әйткән, аңа 40 елдан

артык гомерен биргән галимә, жәмәгать эшлеклесе, милләтебезнең боек улы – шулай ук Габдулла Тукай исемендәге Татарстан дәүләт бүләге иясе Бакый Урманченең илһамчысы, рухи терәге, ижатына яңа сулыш, көч-күәт биргән хәләл жефете буларак та милләтебез тарихында лаеклы урын алган шәхес ул – Күкрәнде кызы Флора Әхмәтова-Урманче.

Флора Төмән өлкәсе Тубыл районының Күкрәнде авылында укытучы Ваһап Әхмәтов гаиләсендә 1935 елның 23 маенда дөньяга килә. Себердә киң танылган мәгърифәтче Ваһап Әхмәтовның 3 улы – Шамиль, Газиз белән Әдип һәм 2 кызы – Роза белән Флора аның юлыннан китәләр, укытучылар буларак танылдылар, төпчек кызы Венера да мәгърифәт дөньясында – китапханәдә хезмәт итте.

Флора Әхмәтованы күп якташларыбыз күрәп белә иде. Аның күзләренә игътибар итмәгән кеше булмагандыр: моңлы, кара зур ачык күзләр... Бик бәхетле гомер кичерсә дә, аның күзләреннән моң агымы мөддәрәп тора иде. Хәсрәтле балачактан күңеленә тирәнлегенә кереп оялаган сагышка уралган уй-фикерләре нурлы моң чышмәсе булып ага иде аның күзләреннән. Әтисе гаепсездән гаепләнеп, 1938 елда репрессиягә элгә, ярый әле аклана, Флорага 6 яше тулганда әнисе Әтнәбикә вафат була, 8 яшендә әтисе дә китә фани дөньяны ташлап. Ятим калган балаларны әниләренә туганы Фәрә (Фәхриҗамал) апалары үз канаты астына ала. 1946 елда Тубыл татар педагогия училищесын тәмамлаган абыйсы – Әдип ерак төньякка – Салехардтан Обь елгасы аша урнашкан Лабытнанги поселогына юллама белән китеп барганында үзе белән Флораны да алып китә. Тик анда Флора ике ай гына укып кала. Туган авылы Күкрәндең өзелеп сагына ул, шуның өстенә, авыл мәктәбендә яхшы билгеләргә генә укыган кыз урыс телен белмәгәнлектән «2» ле алуын күтәрә алмый, көне-төне елап, абыйсыннан кире кайтарып жиберүен үтенә. Абыйсы да кичерә алмый сеңлесенә күз яшьләрен, Торбы кешеләренә ияртеп, бозлана башлаган Обь елгасы аша Салехардка озата. Аннан соңгы пароход белән Тубылга кайтып төшә Флора, 7 еллык мәктәпне Күкрәнде авылында тәмамлый. Табигый сәләткә ия, бигрәк тә телләргә зирәк Флора шул ике ай вакыт аралыгында да урыс телен шактый үзләштереп өлгәргән булса кирәк, шуның өстенә урыс һәм татар телләрендә бик күп китап укый ул. Күкрәнде мәктәбенә бичы сыйныфын тәмамлап килгәндә урыс телендә язган хикәясә өлкә «Тюменская правда» газетасында бастырылып чыгарыла.

Шәфкатьле туганнары кулында ятимлек миһнәтләрен сизми үссә дә, сабый чактан газиз анасыз калу сагышы аның йөрәк бәгыреннән китмәде, яшеннән алда барган житдилеге, акылының тирәнлеге дә әнисез, әтисез үсеп, вакытыннан алда өлгәргәнлегеннән дә булгандыр, бәлки. Һәрхәлдә миңа, тату зур гаиләдә, әти-әни жылысында иркәлектә үсеп балачак халәтемнән озак чыга алмаган кешегә, шулай тоела иде.

Авыл мәктәбендә жидееллык белем алганнан соң, Флора 1954 елда Тубыл татар педагогия училищесын тәмамлады, «Отлично»га тәмамлаучы бердәнбер нәмзат ул иде, эмма чыгарылыш дәүләт имтиханнары тәмамлангач кына, аның чистописание – матур язудан (элек, каләм белән язган чорда, андый фән бар иде) билгесе «4» булуы ачыкланды. Ә бит, югыйсә, аның язудан да матуррак язучы күргәнем булмады минем, соңгы көннәренә кадәр энже тизгәндәй матур яза иде ул.

Шул ук елны ул Төмән дәүләт педагогия институтының филология факультетына укырга кереп, аны уңышлы тәмамлады һәм, бөтен кешене гажәпкә калдырып, үзе теләп Ханты-Манси автономияле округының Соргыт шәһәренә китте. Башта яшь укытучыны районо инспекторы итеп куйдылар, аннан соң, районо мөдирен көч-хәл белән күндереп, хезмәттәшләрен шаккатырып, хант поселогы Тром-Аганга урыс телен укытырга китте, бер ел, аспирантурага укырга киткәнчә, шунда эшләде.

Без педучилищәда укыганда Флора белән якын дуслар булып киттек һәм гомер буена сакладык якын жылы дуслыгыбызны. Ул бала чагынан ук фәнгә керү турында хыялланган, авылда аспирантура дип әйтә алмаган чагында ук «мин эсфәрәнтурага керәм укырга», дип сөйләнә торган булган. Педучилищәда укыганда ук фән өлкәсенә китү юлын сайлаган иде инде ул. Төньякка хантлар арасына да ул киләчәк гыйльми хезмәтә өчен бер нәрсәне ачыклау теләге белән киткән иде. Себер татар теленә, туган халкы тарихының тирән тамырларын өйрәнү турында хыялланды ул. Хант һәм себер телләрендә саңгыраулаштыруда ниндидер уртаклык юкмы икән, дип, хант телен өйрәнү өчен китте ул хантлар арасына. Районода инспектор булып эшләгәндә алар телен өйрәнү мөмкинлеге булмаганлыктан, хантлар поселогына укытырга китте. Бер ел хантлар белән аралашып яшәгәннән соң, шундый нәтижәгә килде: татар теле белән хант теле арасында бернинди уртаклык юк.

Себер татарларының тарихын тирәнтен өйрәнә башлавы аның өчен Ленинградка юл ачты, студент елларында ук себер татарлары тарихына бәйле доклады белән анда үткәрелгән бер конференциядә

катнашып, Ленинград галимнәрендә үз докладына кызыксыну уятты Флора, элемтәләре өзелми торды. Төнъяктан кайтып, Ленинградка барасы юлыннан Казан тотып калды аны.

Шулай итеп, Татарстан Фәннәр академиясенә Галимжан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты каршындагы аспирантурага укырга керде, аны тәмамлаганда «Хәзерге татар прозасында фольклор» дигән темага диссертациясен уңышлы яклады.

Флораның фәнни эшчәнлегенә турында сөйләгәндә якташыбыз, гомере буге себер татарлары телен фәнни өйрәнгән Диләрә Гариф кызы Тумашева белән остазы, шулай ук якташыбыз – бөек фольклорчы, татар фәнни фольклористикасына нигез салган зур галим Хәмит Ярмине телгә алмый мөмкин түгел, алар борып жибәрделәр дә инде Флораны татар фольклористикасы дөньясына.

Бу институтның Фольклор бүлегенә берләштергән шәхесләр халкыбыз язмышын кабатлый, дисәк ялгыш булмас. Халык жәүһәрләрен жыйган галимнәр халкыбыздан беркайчан да аерылмаганнар, күпләр үз милләтебездән йөз чөергәндә дә татар белән бергә булган алар, аларның исеменә халык хәтерендә сакланарга лаек, эмма, ни хикмәт, моның өчен халыкның гаме житеп бетми шул. Хәмит Ярми истәлегенә дә кагыла жәмгыятебезнең олы шәхесләренә карата булган гамьсезлегенә. Хәмит Ярминенң Төмәнгә аның музее булдыру өчен кайтарылган бәясез гыйльми мирасы намуссыз кешеләр тарафыннан әрәм-шәрәм ителде, мирасының зур өлешен урладылар. Ярми мирасын урлаган кешенә исеме билгеле булуга карамастан, Төмән татар жәмәгәтчелегенә бу мәсьәләгә карата битарафлык күрсәтте. Заман шартларында халык авыз ижаты жәүһәрләргә ижәт ителүдән тукталган кебек, Ярми музее булдырып, аның нигезенә себер татарлары әдәбияты тарихын да өстәп, аны гыйльми лаборатория итеп файдалану идеясе жыр-биюләргә, чәйле-мәйле мәжлесләр дулкыны астында күмелеп калды.

Флора Институтта эшләү дәверендә, аңа кадәр Төмән дәүләт педагогия институтында укыган елларында ук, Диләрә Тумашева житәкләгән этнографик экспедицияләрдән башлап, дистәләргә фәнни экспедицияләрдә катнашты, үзе дә житәкчелек итте алар белән. Ул бик бирелеп өйрәнә иде халык авыз ижатын, фольклорда чагылыш тапкан тарихыбызны, халкыбызның рухи халәтен, һәр якның үзенә генә хас гореф-гадәтләрен, моңнарын күңеленә сәндәрә, йота барды ул, саклады аларны, халык авыз ижаты жәүһәрләргә аша ата-бабаларыбызның ижади сәләтенә, халкыбыз күңеленә тирәнлегенә, байлыгына сокланудан туймады, экспедицияләрдә алган тәэсирләрнен озак арына алмый иде ул.

Яшьлек елларыбызда һәр экспедициядән кайткан саен Төмәндә бездә туктала иде Флора дустым. Төннәр буге сөйләшеп ята идек без аның белән, ул күргәннәрен сөйләп, отып калган жырларын жырлап, мин аны тыңлап, төн үткәннен сизми дә кала идек. Ничек отып кала торган булгандыр ул бер тыңлау белән шулкадәр жырларны, дип, әле дә хәйран калам. Бер иртәдә бүлмәдән чыгып килгәнәндә чәй өстәле янында әниемнән әтигә: «Кызлар төне буге жырлашып чыктылар», – дип назлы тавышы белән әйтүен ишетеп калдым. Йокы бирмәделәр, дип зарланмады ул, әнием үзе дә рәхәтләнеп тыңлай торган булган икән Флораның гажәеп матур моңлы тавышын, берсеннән-берсе матуррак, моңлырак халык көйләрен. Безнең гаиләдә әти, әни, туганнырым да бик яраталар иде сөйкемле, акыллы, бай күңелле Флораны.

Экспедицияләр белән кая жәяүләп, кая атлы арбага утырып, Идел буге республикаларын, Себер кинлекләрен әйләнәп чыкты ул, Әстерханга, Иркутскиларга кадәр барып житте, төрле төбәкләрдә яшәгән милләттәшләребезнең тарихи ядкарьләрен язып алды, алар ул әзерләп чыгарган 5 китапка керде, Институт архивында әле дөньяга чыкмаган никадәрле язмалары саклана. Бигрәк тә советлар чорында тыелган дастаннарны күтәрәп халыкка кайтаруга зур көч куйды, дастан дөньясында иркенләп йөзде ул.

Институтта халык ижатының күптомлылыгын чыгару планлаштырылгач, Флора аның редколлегия әгъзасы итеп билгеләнде, аңа шул заман өчен иң четерекле мирасны торгызу – «Дастаннар» томын хәзерләү тапшырылды. «Идегәй» дастаны бигрәк аянычлы хәлдә булган, аның вариантлары төрле архивларда, басма чыганаclarда таралып яткан.

Хәмит Ярминенң драматик көннәргә дә каһәрләнгән дастан белән бәйле. 1940 елда Хәмит Ярми житәкләгән экспедиция Василий Васильевич Радлов эзләреннән Себергә чыгып китә һәм «Идегәй» дастанының вариантларын табып кайта. «Идегәй» дастаны милли дәүләтчелек, милләткә бирелгәнлек, бәйсезлек өчен көрәштә күрсәткән каһарманлык рухы белән сугарылган, шунлыктан ул тыелган була. Шунуң өчен Институт директоры итеп билгеләнгән Ярмине 1944 елда «житәкчелектәге хаталар» сылтавы белән эшеннән алалар. «Идегәй» дастанының әлегә вариантлары архивта калдырыла, аңа якин килү бөтенләй тыела. Әле алай гына котылуына да сөенерлек заман була ул. Ярми яңадан директор итеп куелмый, 1971 елга, лаеклы ялга чыкканга кадәр, Халык ижаты секторы белән житәкчелек итә.

Флора менә шул авыр эшкә – дастаннарны басмага эзерләү эшенә – алына. Чәчелеп яткан вариантларын жыеп туплый, халыктан яңа вариантларын табып алып өсти. Бу эшне башкару процессында кичергән уй-хисләренә бер тамчы кадәрле генә өлеше чагылгандыр аның менә бу сүзләрендә: «Империячел хөкүмәт «Идегәй» дастанын ярты гасырга якин зинданда яткырды... Башка халыкларның эпосы да милли горурлыкларын арттырмас өчен тыелган, сөрелгән иде» («Фән һәм тел» № 3 2003 ел, «Заман һәм галим»).

Китапларының иң күренеклесе дә 1984 елда чыккан «Халык авыз ижаты. Дастаннар» булды, киң жәмәгәтчелеккә танытты аны. Татар халык ижатының күптомлык фәнни жыелмасына кергән бу китапта автор иң затлы дастан текстларын жыеп туплап, аларга багышланган зур күләмле кереш мәкалә һәм бай шәрехләр белән бирде. Флора Әхмәтова-Урманченең дастаннарны халыкка кайтаруга бәйле хезмәтен хөкүмәт югары бәяләде – ул халык авыз ижаты күптомлылыгын басмага эзерләгән бер төркем галимнәр белән бергә Татарстан Республикасының Габдулла Тукай исемендәге дәүләт премиясе белән бүләкләнде, шагыйрьләргә дә рухландырды. Ул шул ук жыелмага кергән «Бәетләр һәм мөнәҗәтләр» томында да катнашты, өч томнан торган әкиятләргә фәнни мөхәррирле булды.

Соңгы еллардагы тынгысыз иҗат жимешләре – «Татар эпосы, Бәетләр» һәм «Татар эпосы. Дастаннар» китаптары. Ул татар дастаннарын кыргыз «Манас»ы, калмык «Җаңһыр»ы якут, монгол, манси, эвен, карел халыклары эпосы белән чагыштырып тикшереп, фольклористика фәнен эпос жанры буенча үз ачышлары белән баепты.

Дастаннардан төзелгән соңгы китабында моңарчы дөнья күрмәгән текстларны фәнни әйләнешкә кертте, аларга сүзлек төзеде. Ул бәетләргә халык эпосы булуларын фәнни нигездә дәлилләп күрсәтте. Аңа кадәр бәетләр тарихи җырлар булып каралганнар, сонрак лиро-эпик жанрга кертелгән булганнар. Күп еллар тикшеренү нәтижәсендә, галимә аларны халык эпосы жанрына кертте. Аларда лириканың бары тик юлаучы сыйфатында гына булуын, ә төп асылы вакыйганы тасвирлау, бәян итү икәнлеген фәнни исбатлады.

Аның татар халык эпосына багышланган 40 елдан артык хезмәтенә, ул җыйган халык энҗе-мәрҗәннәргә кыйммәтенә бәя биреп бетерерлек кенә түгел. Ул 300дән артык фәнни һәм публицистик мәкалә, Бакый Урманче ижаты буенча төзелгән 2 альбом авторы. Халыкара тюркология форумнарында Америкада, Төркиядә ясаган фәнни докладлары галимнәр тарафыннан хупланып кына калмый, сенсациягә әверелгән иде. Ул Казан консерваториясендә 15 ел дәвамында фольклор курсын алып барды, студентлар аның лекцияләрен йотлыгып тыңлыйлар иде.

Себерен өзелеп яратты Флора, аның белән элемтәләргә, Төмән татар матбугат чаралары белән хезмәттәшлеген өзмәде, гыйльми исемнәр яклаучы якташларына ярдәм күрсәтеп торды, туган ягының уңышларына сөенде, югалтуларына көенде, газиз кече ватанының чәчәк атып үсеш алуы турында хыялланды. Флора җыйган әсәрләргә укыганда себер татарларының гажәеп киң, бай күңелен, тирән акылын сизсәң, диндә яшәгән югары рухлы, киң мәрхәмәтле күңелле, шул ук вакытта көчле-куәтле, тасвирлау чараларын гажәеп оста кулланган, төрки халыклар белән тыгыз икътисади, мәдәни, рухи багланышлар корган халык булганлыгын тоеп тәсирләнсәң, менә кайда икән халыкның чын йөзе, дип горурланасың.

Садыков К. С.

ШӘЙХИ МАННУР ТУКЫЗДА

1965 елның ноябрь ахырларында Тубылга Татарстаннан бер төркем язучылар килеп төште. Төркем Фатих Хөсни җитәкчелегендә Аяз Гыйләҗев, Шәүкәт Галиев составында иде. Алар Хужайлан авылында Якуб Зәнкиев белән очрашты, Сатылганда минем эти – Солтан Садыков белән очрашып әңгәмәләр алып бардылар, 30 ноябрьдә Тубылда шәһәр татар мәдәни йортында (хәзерге мәчет бинасында) укытучылар, укучылар, студентлар белән язучылар очрашу кичәсе оештырдылар. Мин ул елны армия хезмәтеннән кайтып Сатылган мәктәбендә укыта идем. Шулай кичәдә миңа бу авторлар автографлары белән үзләренә яңа гына басылып чыккан китаптарын – Ф. Хөсни «Минем тәрәзәләрем» повестен, Шәүкәт Галиев «Шәвәли» исемле балалар өчен шигырьләр җыентыгын, Аяз Гыйләҗев «Зәй энҗеләре» повестен бүләк иттеләр.

Якуб абый язучылар белән үзенә укытучылар тормышы турында китап язуга теләве белән уртаклашты. Алар бу эшне хуплап каршыладылар, ә Аяз Гыйләҗев ярдәм күрсәтергә хәзерлеген белдерде. Шулай ярдәм аркасында Я. Зәнкиевның «Иртег таңнары» диалогиясе барлыкка килде.

Сатылганда, минем эти белән әңгәмә алып барганда, этием язучылардан Шәйхи Маннур турында сораша башлады. Ни өчендер ул биографиясендә Тубыл якларында булуы турында язмавын әйтеп китте. Фатих Хөсни моңа каршы: «Кайткач, шелтәләп алырмын әле», – дип вәгъдә итте. Шунның нәтижәсе булдымы икән, 1974 елда Шәйхи Маннурның «Агымсуларга карап» исемле повесте дөнья күрдә һәм ул анда Себердә булуы турында тулы мәгълүматлар бирде.

Әйтергә кирәк, этием бу соравын тикмәгә бирми, чөнки Шәйхи Маннур Тукузда минем бабаем Алиш Садыков гаиләсендә яшәгән. Повестьтә Тукуз тормышына багышланган «Өркәмәгән кошлар иле» дигән бер бүлек тә бар.

«Тормыш сукмаклары» (2006) исеме белән минем тарафтан бастырып чыгарылган этием язмаларыннан Шәйхи Маннурның Тукуздагы эшчәнлегенә турында берничә өзек биреп китәм.

«Шул елларда безнең авылда чын мәгънәсә белән культура революциясә башланып китә. Дәртле йөрәк ялкыны белән кабынып, бу яшә мәгърифәтчеләр жин сызганып эшкә тотыналар.

Изба-читальня бөтен авылның игътибар үзәгендә тора. Ул кызыл жәймәләр жәелгән өстәлләр, урындыклар, китап шкафлары белән жиһазланган. Өстәлләрдә татар телендә басылган «Сабан һәм чүкеч» газетасы, сатирик «Шәпи агай» журналы һәм башка гәзит-журналлар. Стеналар төрле плакатлар белән тулы. Монда һәркемгә ишек ачык. Гәзит-журналлар кычкырып укыла, стеналардагы плакатларга аңлатма, халыкны кызыктырган сорауларга жаваплар бирелә.

Избач... Бу сүз һәм төшенчә бүген һәркемгә дә билгеле түгел. Ә шул заманнарда избач авылда үзенә аерым бер фигура була. Аны авылда революциянең полпреды дип атарга мөмкин булып иде. Аңа авылда, әлбәттә, жиңел булмый. Эш хақы бик аз түләнә, ләкин избач һичвакыт берәүгә дә зарланмый. Ул тик кыенлыктан чыгу юлын гына эзли. Чөнки ул белә: пролетариат дәүләтенә кесәсә бик сай, тишекләре дә бик күп...

Избач иртәдән кичкә кадәр аяк өстендә. Ул һәркайда өлгерә, ул һәрнәрсәне белә. Ул агроном да, врач та, судья да. Ул – «ходячая энциклопедия», барлык мәсьәләләр буенча консультациялар бирә ала. Хәзерге без белгән эш формаларын да избач бик яхшы белә: түгәрәкләр эше, наданлыкны бетерү, политик агарту эше һ.б. Иң мәжбүри түгәрәк итеп Шәйхи Маннур дингә каршы атеистик түгәрәкне саный иде. Аннан кала драмтүгәрәк, хор түгәрәге. Кичләрен ул жиделе керосин лампасы яктысында изба-читальняда үзенә түгәрәк утырышларын үткәрә иде.

Изба-читальня авыл кешеләрен культура күнемләренә өйрәтә торган бердәнбер урын була. Монда, мәсәлән, төкерү өчен ком ящигы куела. Яшьләр монда тәмәке тартмаска, төкермәскә, косык чиртмәскә өйрәнәләр. Изба-читальня ишегендә шундый белдерү эленеп тора иде: «Тәмәке тартсаң – тышта тарт, өйгә – тарткач кына кер!»

Бу урында мин әз генә чигенеш ясамакчы булаам. Урыны килгәндә, үземнең этием турында язмыйча калдырырга һич мөмкин түгел дип уйлыйм. Дөрөсен әйткәндә, минем эти шушы мин хикәят иткән елларда авылның күренекле кешеләренә берсе була» (21 б) ...

...«1922–23 елларда, тарихи документларга караганда, авылларда социалистик хужалыкның беренче үсентеләре – коммуналар төзүгә аеруча игътибар ителгән. Мәсәлән, 1922 елда Меткәдә «Искра» коммунасы төзелгән. 1923 елның 8 апрелендә Тукуз волостеның коммунистлары жыелышы авылда коммуна төзүгә карар чыгарган. Коммунага «Кызыл игенче» дигән исем биргәннәр. Аның идарә председателе итеп Садыков Алиш, секретаре итеп Кутков Нурмөхәммәт сайланган. Коммунага 50 десятина жир бирелә. Эмма чөчү өчен орлык булмый. Шуңа күрә коммуналар 600 пот бөртекле ашлык орлыкларына һәм 50 пот бәрәңгегә дәүләттән ссуда сорамакчы булалар (Бу белешмәләр Вагай районы тарихыннан алынды).

Шулай итеп, зур кыенлыктар белән авыл коммунистлары үзләренчә социализм төзү эшенә тотынмакчы булалар. Ләкин бу эшнең әлегә бик иртә икәнлеген алар соңрак кына аңлаган булырга тиешләр...

Инде культура революциясә мәсьәләләренә яңадан кайтабыз.

Югарыда билгеләп үткәнчә, Тукузга укытучы булып Гали Рагачурин кайткач, беренче избач булып Шәйхи Маннур килгәч, минем эти, авыл Советы председателе буларак, шулар белән бергәләп культура революциясен алга этәргәннәр. Алар бер-берсе белән бик якын мөнәсәбәттә булалар. Гали абый белән этине яңа власть өчен көрәш еллары бәйли. Ә Шәйхи Маннур Тукузга килү белән этинен канат астына элгә, ягни аңа безнең белән бер йортта яшәргә һәм безнең белән бер табында ашап-эчеп йөрергә туры килә.

Шулай итеп, мин Ш. Маннурны бик якыннан һәм ачык белеп кадам. Эмма шунысы бик кызганыч: бу кеше белән аның әле исән чагында кабат күрешеп булмады. Моңа мөмкинлек тә булгалады. Очрашканда бәлки ул мине дә исәнә төшергән булып иде. Без бит аның белән жәй көннәрендә сарайда бергә йоклап йөрдек, Агытта бергәләп балык тота идек, су коендык. Өстәлдә бергәләп

табын ашы ашаган чакларда балык башларын ашамыйча миңа бирә: «Боларны Солтангали ашасын, аңа балык башы бик файдалы, ул аның акылын үстерә,»- дип шаярта торган иде. Белмим, әллә ул балык башын ашый белмәгән, әллә яратмаган. Ә мин аның биргән балык башларын тәмле итеп тырышып ашый идем.

... Авылда Совет властеның ныгый барганын күреп һәм кулак фетнәсе дәверендә бу власть алдында үзенең гаебен сизеп булса кирәк, авыл байларының берсе, Рәхимовларның туганы Фатыйх бай, зур йортын, ишек алдындагы флигеле белән башка каралтыларын калдырып, каядыр читкә качып киткән. Аның барлык милке волисполком карамагына калган.

Билгеле булганча, безнең үзебезнең йортта жан ияләре күп була. Шуңа күрә эти үзенең гаиләсе белән бушап калган шул зур йортның бер бүлмәсенә күчкән. Яңа мәктәпне дә шул ук йортның бер зур кырый бүлмәсендә ачканнар. Шәйхи Маннур килгәч, аңа яшәү өчен безнең белән күрше бүлмәне биргәннәр. Ә флигельдә изба-читальняны урнаштырганнар.

Менә шулай Фатыйх байның калдырып киткән «мирасы» бу кешеләрнең эшләрен дә, тормышларын да жайга салырга ярдәм иткән, үзләрен дә бер-берсенә нык бәйләгән. Һәркөн Шәйхи Маннур белән эти аш өстәле артында очрашалар, дөнья хәлләрен тикшерәләр, агымдагы эшләр турында фикерләр алышалар, планнар коралар. Вақыт-вақыт безнең табынга Гали абый да килә иде. Бу очракта да шулай ук дөнья проблемалары, мәктәп, клуб, лампа, керосин һ.б. мәсьәләләр дә карала иде. Мин мондый әңгәмәләргә һәрвакыт кызыксынып колак сала идем. Миңа һәрнәрсә яңа, кызык, тик төшенүе генә бик кыен...

Авылда култура революциясе һәрьяклап үзенең һөҗүмен дәвам итә. Икенче уку елына Олы авылдагы яңа зур мәчет бинасы мәктәпкә бирелә, яңа парталар килә. Парталарның өсте авыш, бик жайлы. Укучылар саны күбәя: мәктәпкә кече яшьтәге балалар гына түгел, олы яшьтәгеләр дә йөри башлыйлар. Укучыларның һәркайсының бер кулында «букча» (сумка), икенче кулында «тәвәт» (кара савыты). Караны һәркем үзе ясый. Минем дә шулай мәктәпкә йөрөгән, анда каләмне карага мана-мана укырга, язарга, исәпләргә өйрәнгән вақытлар балачакның иң якты истәлекләре булып күңелдә сакланалар...

Бик тиз вақыт эчендә авылның жәмәгатьчелеге көче белән авылда зур клуб салына. Ул кимендә 200–300 кеше сыйдыра ала. Клуб сәхнәсендә беренче татар драма әсәрләре куела башлый: Кәрим Тинчуринның «Казан сөлгесе», «Сүнгән йолдызлары», Мирхәйдәр Фәйзиниң «Галиябануы» һ.б. Болар барысы да Шәйхи Маннурның драмтүгәрәгенә үзешчән артистлары көче белән куела. Галиябану ролен, мәсәлән, авылга яңа килгән укытучы Рабига апа Гыйззәтуллина бик уңышлы башкара иде.

Клубка район үзәгеннән фисгармония дип аталган яңа музыкаль корал китерделәр. Аны дүрт куллап уйнарга тиз генә өйрәнәп алдылар. Моннан соң инде клубтагы эшләр тагын да жайланып киттеләр. Хор түгәрәге дә сәхнәдә беренче концертлар белән чыгышлар ясый башлады. Революцион бәйрәмнәр демонстрацияләр, тантаналы утырышлар, докладлар белән үтә башладылар. Иске, электән килгән гадәتلәрне һәм йолаларны яңа ритуаллар белән алмаштыру буенча да беренче адымнар ясалды. Мәсәлән, Гали абый белән Камилә апаның беренче бәбиләре тугач, балага исем кушу яңача, тантаналы рәвештә клубта үткәрелде.

Менә клуб бәйрәмчә жыештырылган. Сәхнәдә кызыл жәймә жәелгән өстәл, урындыклар. Залда халык шыгрым тулы. Һәркем нәрсә буласын кызыксынып көтә...

Өнә арттагы ишектән бәбине кызыл ефәк лента белән бәйләп, ап-ак эйбергә төреп күтәргән Камилә апа күренә. Аның артынан Гали абый, авыл Советы председателе Садыков Алиш, Шәйхи Маннур һәм тагын берничә кеше керә. Алар әкрән атлап зал аша узалар, сәхнәгә күтәреләләр. Залдагы халык аяктан басып бәбине алкышлап тәбрикли.

Беренче булып авыл Советы председателе чыгыш ясый. Ул Совет иленең яңа нәни гражданинының дөньяга килүе турында сөйли, партъячейка һәм авыл Советы исеменнән яшь ата-ананы беренче бәбиләре белән котлый, аларга тормышта зур бәхетләр һәм мактаулы хезмәтләрендә зур уңышлар тели. Моннан соң бәбигә Марат дип исем бирелгәнлеге һәм бу турыда авыл Советының ЗАГС кенәгәсенә теркәлгәнлеге турында әйтеп, баланың бәхетле ата-анасына, залдагы кунакларның көчле алкышлары астында, тиешле таныклык кәгазен тапшыра. Шәйхи Маннур да дусларына жылы сүzlәр белән мөрәҗәгать итә, яшь ата-анага һәм Маратка багышлаган үзенең шигырен укый. Тантанада катнашучыларга бу бик нык тәэсир итә. Тагын берничә кеше котлап чыгышлар ясыйлар. Аннан соң сүз Гали абыйга бирелә.

– Кадерле иптәшләр, дуслар, авылдашлар, – ди ул. – Барыгызга бүгенге тантана өчен, игътибарыгыз, безгә төбәп әйткән жылы сүzlәрегез һәм изге теләкләрегез өчен зур рәхмәтебезне белдерәм. Минем тормыш иптәшем Камилә белән без бергәләп Маратны таза итеп, Совет власте өчен көрәшчә, яңа заманга лаеклы чын коммунист-ленинчы итеп үстерергә һәм тәрбияләргә сүз бирәбез.

Соңрак мондый тантаналар өйлөнү, кыз бирү туйларына багышлап та үткөрелә башлыйлар. Менә шулай иске, караңгы авыл кинәт йокыдан уянгандай була, авылда шаулап кайный торган яңа тормыш башланып китә» (23–26 б) ...

«... Инде балачакта күрөп кичергән кайбер фажигале вакыйгалар турында язам. Болар авылның жәмәгать тормышындагы социаль борылышларга бәйләнеше.

Гали абый Рагачурин 1926 елда авылдан китә. Аны Тобольскига партия окружкомына эшкә алалар. Озакламый Шәйхи Маннур да бездән китә.

Авылдагы тормыш агымына инде авылның байлары Рәхимовлар күбрәк йогынты ясый башлыйлар. Алар тирәсендә совет властена каршы көчләр тупланалар. Авылда кулакларга юл куела башлый» (29 б) ...

Шәйхи Маннур искә алган Шәрәф Махмутов турында берникадәр ачыклап китәм. Ул заманы өчен күренекле, абруйлы, укымышлы кеше булган. Сатылган авылында әле бүгенге көндә дә аның күп кенә туганнары яшиләр.

Махмутовлар башкалар белән бергә Столыпин реформалары елларында Татарстан территориясеннән жир алу максаты белән Тобол губернасына килеп урнашалар. Көзәйкүл авылына нигез салалар. Соңрак Махмутовлар Көзәйкүлдән Сатылганга күчеп, шунда төпләнеп калалар. Октябрь революциясен Шәрәф хуплап каршы ала, Мәскәүдә милләтләр наркоматында хезмәт итә. Тубылга да милли мәсьәләләр буенча килгәләп йөри.

««Татар энциклопедия сүзлегендә (2002 ел, 417 б.) Мәхмүдев Шәрәфетдин Жәләлетдин улы (1853–1914 елдан соң), жәмәгать эшлеклесе. Эстәрлетемак мәдрәсәсе мөгаллиме. 3 нче Дәүләт Думасы депутаты, Мөселманнар фракциясе әгъзасы (1907–12). Шуннан соңгы язмышы билгесез» дигән мәгълүмат бирелгән. Бәлки, бу кеше безнең Шәрәф Махмутов белән бер үк кешедер?

Гомумән, Шәйхи Маннур Тукыздагы тормышын бик төгәл һәм искиткеч матур итеп, персонажларның исемнәрен истә тотып, һәрьяклап сурәтләп бирә алган.

Хабибуллина Л. Б.

ЯКТЫ ХӘТЕР ЯШӘР

Мин аның турында күптәннән язарга тиеш идем инде, Дөнья, картлык мәшакәтләре белән, ничектер, сузыла килде. Ләкин Заһит Акбүләков турында дәшми калу мөмкин түгелдер.

Без аны югалтуны авыр кичердек. Аны югалту безнең өчен генә, аның хезмәттәшләре өчен генә түгел, милли шигъриятебез һәм, гомумән, төбәгебездә яшәүче татар халкы өчен дә зур югалту иде.

Заһит Акбүләков зур сәләткә ия, потенциал мөмкинлекләре әле ачыла гына башлаган зур шагыйрь иде. «Тормыш бизәкләре» шигърьләре жьентыгының сүз башы язмасында: «Яхшы шигърьләрем әле язылмагандыр дигән өметтә яшим. Иншалла, шулай булсын,»- дигән иде ул. Биографиясеннән күренгенчә, киләчәгенә зур өметләр баглаган Заһит Акбүләков шигърияткә бәлки соңлабрак та килгәндер. Башкортостан Республикасының Иске Акбүләк авылында 1939 елда 8 балалы крестьян гаиләсендә 5нче бала булып туган ул. Урта мәктәпне тәмамлау белән үзе теләп чирәм жирләргә эшкә китә. 1960 елда хәрби хезмәткә алына, хәрби училищени да тәмамлап, 1985 елга стратегик әһәмияткә ия ракета частыларендә хезмәт итә хөкүмәт бүләкләре белән бүләкләнә. 25 ел хәрби хезмәте турында «Хәрби хезмәт – минем тормыш университетым»,– ди ул. Менә шундый кыскача тормыш юлы, ә тулаем, бәлки, ижатындадыр, чөнки ул үткән гасырның 50 елларында ук яза башлый. Аның шигърьләре шул чорда төрле газета – журналларда рус, татар телендә басыла килә. Соңгы 10 елда гына 3270 шигърь, аның 530-ы өлкә газетасы «Яңарыш»та дөнья күрә.

Мин тетрәнеп, хәтирәләргә бирелә-бирелә аның китаптарын актырып утырам. Кайсы гына шигърен алма, шигърьләре ныклы ышанычлы булган житлеккән ир сүзе.

Заһит Акбүләковның шигърьләре рухи матурлык, иң югары кешелек сыйфатлары тәрбияләүче, һәркемнең күңел дәфтәре булып хезмәт итәрлек фәлсәфи – эстетик принциптан чыгып ижат ителгән шигърьләр. Шагыйрь шигърь язудагы традицион алым белән генә эш итми, аның ижатында Көнчыгыш классик фәлсәфи поэзиясенен, аның аркылы XX йөз башы татар шигъриятенен, рус әдәбиятының да йогынтысы сизелә. Шигърьләре формасы ягынан матур булуы өстенә образлы фикерләүләргә корылган, көчле хис – тойгылар, күп төрле фикерләр тудыруы, эчтәлегенен тирән булуы белән аерылып торалар. Фәлсәфи лирик, фәлсәфи әхлакый шигърьләрендә шагыйрь

дөнъяда яшәүнең мәгънәсе, заман күрергә теләү, илебездәге тарихи барыш турында уйлана. Кешене рухи гарипләндергән мөнәсәбәтләргә каршы эмоциональ дөнъясы бай булган гүзәл кеше идеалын алга сөрә.

*Изгелек һәм гаделекне
Дөнъяда җилкән итәм.
Алар юлдашым булганда
Бәхетле дөнъя көтәм.
Чиксезлеккә омтыла җан,
Табынам, алга барам;
Яшәгәч син шулай яшә,
Булмасын рухи яраң.
(«Алга барам»)
Милләтемнең татарлыгын
Данлар өчен алынам -
Асылына кайтар аны,
Ходай, сиңа ышанам
Якты язмышлы булсын ул -
Учак сыман кабынам.
(«Асылына кайтар»)*

XX йөз башы татар демократик әдәбияты үсешендә тирән эз калдырган шагыйрь Сәгъит Рамиев шигырьләренә («Сызла, күңелем») аваздаш бу шигырьләр. Шагыйрь Заһит Акбүләковның эстетик-фәлсәфи карашлары – лирик героеның уйлары, хисләре, эшкә, яшәешкә илһамлануы, дөнъяга карашы, яшәү матурлыгында, кешеләр арасында яшә, матурлык, гүзәллек күрергә теләүдә.

Моңдый шигырьләр уйлану, фикер йөртү, дөнъяны тирәнрәк аңларга, нәтиҗәләр ясарга булышлар. Яшәешкә актив мөнәсәбәт тә энә шул нәтиҗәләрдә күренә дә.

Акбүләковның күп кенә шигырьләрендә камилләштерү, аның рухи һәм әхлакий йөзен тагын да яхшырту теләге идеясе ярылып ята. Хәер, бу нәрсә төрки әдәбият, Тукайдан алып бүгенге көннәрдә иҗат итүче шагыйрьләр өчен дә уртак сыйфат. Шагыйрьнең лирик герое дөнъяда икейөзлелек, явызлык, хөсетлек хөкем сөрүенә карамастан, камилеккә һәм кимчелексез булу, яхшыруга омтыла.

*Җир хөрмәтенә табынам -
Күзләр җылы яшьләнә...
Алгы көндә, җаным, зинһар,
Бер яманлык эшләмә.
Яшәү данлы, мәшиһүр, бөек -
Шатлык яше агыла.
Сафлыкларда, гаделлектә
Хәзинәләр табыла.
(«Керфекләрем чылана»).*

Шагыйрь Акбүләков шигырьләренең иң соклангыч һәм иң моңлы өлеше туган илне сагыну, әнкәйләргә багышланганнары. Туып – үскән җирне сагыну, аннан аерылып яшәүнең газабы, аны сагынуның ләззәте, анда яшәүнең чын бәхет булуы кебек мотивлар «Сыналу», «Ераклашкан саен», «Әнкәй мохитендә», «Еллар аша», «Сагындыра», «Йөрәк табына», «Үкси жаным», «Атларым» шигырьләрендә кызыл җеп булып сузылып баралар. Лирик геройның туган илендә сагыныр нәрсәсе бар һәм искиткеч күп.

«Кычытканның яшел ашларына», «Корым карасы да сагындыра» шигырьләрендә бу сүзтезмәләр без яшәгән дәһшәтле сугыш еллары, шагыйрьнең үз шәхси хисләре үз сагышлары.

Туган ил темасы шагыйрьнең үзе гомер иткән себер җире һәм табигатьнең иң гүзәл Урал таулары битләренә ышыкланып утырган Караидел буйлары – Акбүләк авылы белән үрелеп тәсвирлана. «И Төмәнәм», «жаным гайшык Себергә».

*Синдә яшәвем учагы,
Януларым, көюем;
Төмән белән гәүдәләнә
Җанда тормыш сөюем.
(«И Төмәнәм»)*

Себер җирендә яшәүче лирик геройның аяк астындагы намуслы, ныклы, ышанычлы, җирлекне тоеп, илһамланып яшәве туган йорттан ата-баба нигезеннән алган рухи ныклыктан

«Яшьле күзләрен сөртә-сөртә зарыгып көткән» әнкәйләр рухыннан дигән фәлсәфи карашларын шагыйрь ижатында кайсы гына шигыренә салмый. Туган жиргә кешеләргә, туып-үскән мохиткә, аның рухи хәзинәләренә мэхәббәт хисе лирик геройның кешелеген ныгытуда аны үстерүгә булыша. Әнкәйләрнең күнел жылысы бөркелеп торган юлларга игътибар итик: «барча сафлыкларга куәт бирүче», «яхшы яшәүгә фатихалаучы», «мәгънәле, максатлы хак яшәргә».

Кешенең иң матур рухи-әхлакый сыйфатлары ата – анадан алган гүзәллектән, эшчәнлек – омытылышылыкны һәм тугрылыкны ул бөтен нәрсәдән өстен куя: эше, гаме, ләззәте турында тирән мәгънәле фәлсәфи фикерләр үткәрә.

XX йөз башында романтик рухлы Сәгыйть Рамиев тә:

«Бөтмә надан, ту яңадан

Мәгрифәтьле анадан» – дип аналар бөеклегенә дан жырлаган иде. Утыз Имәни, Кандалий, Тукайлардан алып хәзерге татар шагыйрьләре ижатында да әнкәйләр мәңгелек тема.

Үткәннәр тарих – хәтер ул. Заһит Акбүләков үткәндәге ачы язмашларны гына чагылдыру белән чикләнми, аның поэзиясендә ата – бабалар әманәтенә тугрылык, ил именлеге, халык язмышы турында бүгенге борчулары да ята.

Ватан тавы – биек, ул – ишле ә,

Тынмый анда милли кайтаваз.

Тамырларны капла жаның белән,

Яшәвеңдә, кордаш, син берәз.

(«Моңлы сазым»).

«Моңлы сазым» шигырендәге бу юллар динен, телен, халкын югалткан маңкортларга гыйбрәтле аваз, миләтебезнең үзаңын уяту максатында язылган рухи – әңлакый шигырьләренен берсе. Моңдый шигырьләре гади яшәешкә ихтибарлы булу, аны тоеп һәм сиземләп торуну искәртә.

Хәбетдинова М.

АЯЗ ГЫЙЛӘЖЕВНЕҢ «КАМЫШ БАРМАК, КӨМЕШ ТЫРНАК» ПОВЕСТЕНЫҢ СЕРЛӘРЕ

А. Гыйләжәвнең «Камыш бармак, көмеш тырнак» әсәре темасы белән хәрби повестьларга якын тора. Язучының бу әсәре Бөек Ватан сугышы елларында дөньяның гомуми торышын чагылдыра: кешелекнең фашизм кансызлыгына каршы көрәшен гәүдәләндерә. Билгеле булганча, «Хрущев жепшеклеген» елларында язучыларда сугыш вакыйгаларын дөрөс итеп сурәтләү теләге арта, алар киң даирә укучыларга таныш булмаган сугыш эпизодларын, XX гасыр трагедиясенә яңа, гадәти булмаган якларын ачып бирергә теллиәр. Жинүче геройлар, батырлар һәм каһарманнар гына түгел, сугышка буйсынып, рухи яктан бетерешкән дезертирлар да игътибар үзәгенә куела.

Беренчеләрдән булып бу темага Ч. Айтматов мөрәжәгать итә. Күләме белән артык зур булмаса да, гажәп көчле эчтәлекле «Лицом к лицу» (1957) повестенда ул сугышның ерак кыргыз авылына барып житүе һәм Сәйдә исемле яшь хатынның тормышын тәмугка әйләндерүе турында бәян итә. Ун ел үткәч, бу тема М. Әмир һәм А. Гыйләжәвне дә кызыксындыра. 1969 елда «Жан көеге» һәм «Камыш бармак, көмеш тырнак» повестьлары языла. Әсәрләр «Совет әдәбияты» журналында басылып чыкмый. Бөек Жинү юбилее алдыннан дезертирлык темасына мөрәжәгать итү язучылардан кыюлык һәм тәвәкәллек сорый. Әдәбият галимнәре бу темага кискен каршы килә, татар халкының намусын саклап калырга тели. Кырым татарларын депортацияләү, Идел буенда яшәүче татарларга адресланган янаулар һәм гаеплөләр, Муса Жәлилнең фажигале язмышы – барысы да татар зыялыларын уйланырга мәжбүр итә.

Бүген, повесть язылуга ярты гасыр үткәннән соң, без А. Гыйләжәвнең «Камыш бармак, көмеш тырнак» повестендагы новаторлыгын, яңалыгын тиешенчә бәяли алабыз. А. Гыйләжәвнең дезертирлык мәсьәләсенә киңрәк каравы сиземләнгән. Язучы конкрет-тарихи фактны ижтимагый-фәлсәфи гомумиләштерүләр рәтенә күтәрә. А. Гыйләжәв кешенең гадәти булмаган, катлаулы ситуациядә – сугыш вакытында – нинди үзгәрешләр кичерүен өйрәнә. Сугыш кешеләрне ир-хатын, кеше-жәмгыять мәсьәләләренә яңача карарга өйрәтә. Повестьта сурәтләнгән вакыйгалар 1941–42 елларда Югары Актай дип аталган кечкенә генә авылда бара. Берәүләр «аннан башка немецны жиңгәнчә» өлгерергә тырыша; икенчеләре, Түбән авыл егете Сәйфелмөлек кебек, хатыны артына кача һәм, сугышка бармас өчен, комиссия алдыннан тәмәке суы эчә, һәм, йөрәге «авырту» сәбәпле, фронтка китмичә кала. Гарипләр арасында да төрлесе бар: эчеп, кайгырып, эшләрен аннан-моннан

башкаручы тәннәре генә түгел, жаннары гарипләр дә (яхшы ашлыкны бозалар; ни Аллага ни муллага эскерт салалар); бер куллы булып та, үзләрен аямыйча тырышып эшләүчеләр дә. Ирләренә тугры калган намуслы солдаткалар һәм тол хатыннар да; «туймас тәнле» ятсызлар да, ирләре фронтта чакта, урманчы белән типтерүчеләр дә бар. Сугыш кешеләрне ныклыкка, чыдамлыкка тикшерә, аларны илэк аша уздыра сыман. Мәхәббәт һәм нәфрәт, батырлык һәм куркаклык, яшәү һәм үлем сюжетны хәрәкәткә китерүче көчләр булып аңлашыла. Әсәрдә хыянәтнең иң куркыныч гәһәһ булганлыгы ассызыклана.

А. Гыйләжәв өчен повестьның исеме бик кадерле була. Моңы әдипнең «Современник» нәшрияты редакторына язган хаты раслый, биредә автор повестьның исеменә аңлатма биреп китә: «Татар телендә повесть «Камыш бармак, көмеш тырнак» дип атала. Егет, сөйгән кызына хат язганда, традицион рәвештә аның бармакларын – камыш, тырнакларын көмеш белән чагыштыра». *Әкәрибә хатының* эпистоляр формуласы укучыларны кешелек өчен кадерле булган мәңгелек мәхәббәт темасы турында уйларга мәжбүр итә. Повестьның исеме Г. Кандальинның «Сәлам улсын сәна, бәгърем парәсый» шигыре белән аваздаш. В. Ганиев повестьның исемен рус теленә «О мой серебряный камыш» дип тәржемә итә, автор бу тәржемәне ошатмый. М. Ганинаның «Люблю тебя, моя нежная...» тәржемәсе исә язучы күңеленә хуш килә.

Шул ук вакытта «көмеш тырнак» метафорасы укучыларны батырлык турында уйланырга мәжбүр итә. Төрки эпоста бу портрет детале баһадирның төс-кыяфәтен сурәтләгәндә кулланыла. Кагыйдә буларак, татар халык эпосларында сурәтләнә торган каһарман һәрвакыт матур, зифа буйлы һәм нык була. Аның кашлары кара, чәчләре куге һәм ат кылыдай нык, тырнаклары көмештәй, куллары тимердәй, аяклары төз имәндәй. Батыр һәрвакыт Ватан сагында тора, халкын һәм илен басып алучылардан коткара («Идегәй», «Чура батыр» дастаннары). Татар халык жырларында исә егет күктә оча торган көмеш тырнаклы *бөркет* белән чагыштырыла. Шуңа рәвешле әсәренә исемендә ук автор повестьның төп темаларына ишарә ясый.

Батырлыкның, каһарманлыкның табигатен өйрәнү юлында язучы милли этник традицияләргә мөрәжәгать итә. Бу әсәрдә әдәби мифологизм яңа баскычка күтәрелә. Ике төп герой – Рәмзия һәм Исламгәрәй образлары белән тыгыз бәйләнгән мифопозитив структуралар әхлакий-фәлсәфи һәм ижтимагый проблематикага өстәмә мәгънә бирә, әдәби психологизм үзенчәлекләрен билгели.

Ире кайтыр алдыннан Рәмзия символик мәгънәгә ия булган төш күрә. Бу төштә Борынгы Болгар һәм Казан ханлыгы мәдәниятенә нигезен тәшкит иткән эпик хикәятләренә (Ибне Фадлан «Әхмәт ибне Фадланның Иделгә сәяхәте», Идегәй, Чура батыр турындагы эпос үрнәкләре) төп геройлары алып, туган якны саклаучы баһадирлар катнаша. Хатын күңелендә сугыш – тәмуҗ, Гитлер – тәмуҗ утында януга хөкем ителгән зат, ә авылдашы (сельпо директоры Мөхәммәтгали) – туган якны саклаучы, гадел хөкемне тормышка ашыручы булып гәүдәләнә.

Күршесе белән сөйләшкәндә, Рәмзия иренә үлеменә ышанмавын белдерә: «Ничек телең барып «Мәрхүм» дип әйтә аласың?» [1: 13]. Сизгер йөрәгә алдамый аны. Бер төндә Исламгәрәй «теге дөньядан» сау-сәламәт килеш кайтып төшә... Бу вакыйга Рәмзиянең тормышына кискен үзгәрешләр кертә.

Исламгәрәй образына бәйле повестьта *убырлык* мотивы уздырыла. Төрки мифологиядә *гульбани* дип аталган явыз убырлар образы гәүдәләнә. Алар кешеләр яшәми торган урыннарда йөриләр һәм төнлә ялгыз юлчылар каршына килеп чыгалар, имеш. Әкиятләрдә еш кына бүрегә әверелә ала торган явыз ир образы очрый. Ул патша кызларын урлый, имеш. Бу образларга бәйле Рәмзия белән Исламгәрәй арасындагы диалог кызыклы. Төнлә ишек шакыган иренә (Рәмзия аның Исламгәрәй икәнлеген белми) ул, ачуланып, элек *ачарбак* (бирән мәгънәсендә), аннары *көчек* («Ах, яхшыдан яман туган көчек») һәм *бүре* («Авыл советына явитель иткәнне теләдең ахры син, бүре?! Тимерчегә барып телеңне таптатып килдеңме? Мин сиңа тинтәк кәжә бәтиә түгел!») [1: 23] дип эндәшә. Бу, бер яктан, авыл мохитендә тәрбияләнгән Рәмзиянең уй-фикерләрен, миф-легендаларга, ырымнарга ышануын күрсәтсә, икенче яктан, *ялган ир*, *бүре-убыр* мотивы актуальләштерә. «Көчек» дип эндәшү исә кешеләрнең килеп чыгышы хақындагы мифка һәм яңа туган балаларны көчек белән алмаштырып кую турындагы әкиятләргә [2] (мәсәлән, башкортларның «Санай батыр» әкиятенә) нигезләнә. Төркиләрдә эткә карата ике төрле караш яши. Хатынның иренә «көчек» дип эндәшүендә тирән мәгънә бар. Кешеләрнең килеп чыгыш турындагы борынгы төрки мифта этнең, уңайлы тормышка кызыгып (аңа жылы тун бирәләр), Тәңрегә биргән вәгъдәсен бозуы турында сөйләнә. Бүрене, тимерче һәм кәжә бәтиә телгә алу исә «Кәжә бәтиләре һәм бүре» әкиятен искә төшерә. Исламгәрәйнең батырлыгы, камалыштан

чыгуы турындагы хикәясе исә *Ак бүре* турындагы мифка барып тоташа. Төрки эпоста Ак бүре юлдаш вазифасын үти, сугышчан походларда, авыр вакытларда ярдәмгә килә (Кара: «Угызнамә», «Чыңгызнамә», «Ак бүре» әкиятә). Билгеле булганча, төркиләрдә бүре сугышчының көчен һәм батырлыгын символлаштыра. Шуңа күрә дә төрки эпосларда юлбашчыларны, гаскәр башлыклары һәм каһарман-баһадирларны гына түгел, тулы бер гаскәргә һәм, гомумән, ир затыннан булган һәркемне «бүре» дип атау кабул ителгән. Куркыныч хәлләрдә югалып калмау, үлемгә бирешмәү аларның барысы өчен дә уртак сыйфат булып тора.

Исламгәрәй корсаклы хатынын кыйный... Шул вакытта Рәмзия, ире суккан саен, тәнендә бер жиңеллек сизгәндәй була: ул эчендәге *албастыдан* [3] котыла, имеш.

Әсәр башында Исламгәрәй белән Рәмзияне ир белән хатын, кайгыдан берләшкән ике жан итеп карап булса, соңыннан ир образы акрынлап сүнә, тоныклана, һәм авырлыкларга бирешмәс көчле хатын образы калкып чыга. Рәмзия авызыннан автор үзенә яхшылык һәм яманлык, мэхәббәт һәм нәфрәт, яшәү һәм үлем турындагы фикерләрен, уйларын әйттерә.

Шул рәвешле А. Гыйләжевнең реалистик хикәяләүгә нигезләнган әсәр тукумасына аерым мифологик мотивлар кертеп жиңбәрүе конкрет-тарихи образларны универсаль мәгънәләр һәм аналогияләр белән баета. Әхлакый-психологик конфликтның чишелеше фольклор системасына түгел, бәлки авторның катлаулы әдәби мантыйгына нигезләнә. А. Гыйләжев үзенчәлекле повесть ижәт итә алган. Беренче тапкыр бу әсәр 1973 елда Мәскәүдә «Современник» нәшриятында «Кызлар язган хатлар» («Девичьи письма») жыентыгында дөнья күрә. Татар телендә повесть бары 1993 елда гына нәшер ителә, һәм әдәби тәнкыйть тарафыннан берничек тә бәяләнми. 2015 елда бу әсәр А. Гыйләжевнең «Сайланма әсәрләр»нең 3 томына кертелә.

Әдәбият

Гыйләжев А. Камыш бармак, көмеш тырнак // Казан утлары. – 1995. № 7.

Бисенбаев А. К. Мифы древних тюрков. Алма-Аты: Ак Арыс, 2008.

Насыров К. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства. – СПб: Типография В. Безобразова и Ко, 1880.

Хәева Ф. Ж., Сабитова Д. А.

ФАТИХ КӘРИМНЕҢ РУХИ БАТЫРЛЫГЫ

Бөек Жиңүгә 70 ел тулган көннәрдә, Бөек Ватан сугышы бетәргә санаулы гына көннәр калгач, 1945 елның 19 февралендә Көнчыгыш Пруссия фронтында 36 яшендә батырларча һәлак булган халкыбызның зур шагыйре, катлаулы язмышлы шәхес Фатих Кәримнең батырлыгы һәм аянычлы язмышы турында искә төшерү һәм яңа мәгълүматлар туплау урынлы булып дип уйлыйбыз.

Бу язучы һәм аның шәхесе шактый өйрәнелгән, әмма аның рухи кичерешләре, тормышны чиксез яратуы һәм батырлыкка юл ярганда аңа көч биргән гаиләсе турында эзләнүләребез урынлы булып дип саныйбыз. Тикшеренү предметы булып шагыйрьнең гаиләсе – төпчек кызы Ләйлә апа истәлекләре һәм Фатих Кәримнең «Соңгы дәфтәр» дип исемләнган Фатих Кәримнең тууына 100 ел тулуга багышланган факсималь басмасы тора.

Тикшеренү гипотезасы: шагыйрьнең рухи кичерешләре, тормышны чиксез яратуы һәм батырлыкка юл ярганда аңа көч биргән гаиләсенә йогынтысы.

Тикшеренү максаты: Фатих Кәримнең язылып бетмәгән «Соңгы дәфтәр» дип исемләнган факсималь басмасы белән танышу, аның гажәеп бай күнел дөньясын, кешелеккә булган чиксез мэхәббәтен ачарга тырышу.

Тикшеренү бурычы:

1. Шагыйрьнең төпчек кызы Ләйлә апа Фатиховна белән күрешү, аралашу.

2. Хәзергесе көндә Татарстан милли музей хәзинәсенә караган Бөек Ватан сугышы музейнең экспонатлар залында сакланучы ярчыклардан, ядрәләрдән тишкәләнган шинеле, кирза итекләре, хатыныннан һәм каләмдәшләреннән алган хатлары, шигырь дәфтәре турында мәгълүмат туплау.

3. Нәтижәләр ясау һәм гипотезаны раслау.

Төрле чыганаclarны барлау, Фатих ага Кәримнең төпчек кызы Ләйлә апа белән күрешү безгә аның гажәеп бай күнел дөньясын, кешелеккә булган чиксез мэхәббәтен ачарга ярдәм итте. Ф. Кәримнең ижатының тәэсирлелеге татар укучысын гына түгел, дөнья халкын әсир иткәнлеген дәлилләдек.

*«Соңгы дәфтәр» ята өстәлемдә
Өчпочмаклы хатлар... Орден, медале...
Арыш башаклары, зәңгәр гөлләр
Сагыналар күк алар берәүне.
Гимнастерка кигән япъ-яшь егет
Солдат каешы аның иңендә.
Карашында чиксез сөю чагыла
Гаиләсенә, якыннарга, Туган иленә.
«Соңгы дәфтәр»... Никтер уйландыра
Нигә соңгы? Нигә дәвамсыз?!
Әйе, сугыш... сугыш өзгән
Тормышын да... Хыялын да... Ижатын да...
Ятим иткән, парсыз иткән адәм баласын!*

Халкыбызның зур шагыйре, катлаулы язмашлы шәхес Фатих Кәримнең фронтта язган шигырьләрен туплап барган дәфтәре ул – «Соңгы дәфтәр». Бу дәфтәр шагыйрьнең тууына 100 ел тулган көннәрдә факсималь басма рәвешендә укучыларга тәкъдим ителгән иде. «Соңгы дәфтәр... 1943 ел», – дип күрсәткән автор һәм тәмамланмаган килеш өзәлеп калган ул.

Уйлап карасаң, соңгы булган һәрнәрсәнең кайдадыр башы да булган бит. «Бу данлы шәхес ижаты нинди юллар үткән, батырлыгы кайдан башлана?» – дигән сорауга җавап эзләп карарга булдым.

Минем шагыйрьнең күнел дөньясын, аның кешеләргә, тормышка булган олы мөһабәттен ачып бирәсем килә. Бу мөһабәт җавапсыз булмаган. Фатих Кәримне яратканнар, аның онытылмас шәхес, үлмәс әсәрләр ижат итүче шагыйрь икәнлеген таныганнар. Өч тапкыр яраланганнан соң, яу кырында батырларча һәлак булган шагыйрьнең каберенә, дюраль кисәкчеккә чокып:

Лейтенант Фатих Карим татарский поэт погиб героем в бою с немецкими захватчиками 19. 02. 1945 г., – дип язып калдырганнар. Алай гына да түгел, «Әтиемне салкын кабергә төшерер алдынан, аның ярчыклардан, ядрәләрдән тишкәләнгән шинелен, кирза итекләрен, әниемнән, һәм каләмдәшләреннән алган хатларын, үзе белән булган шигырь дәфтәрен бер ящикка салып, беренче мөмкинлек булуга Казанга озаталар» – дип сөйли Ләйлә апа. Димәк, аның взводташлары Ф. Кәримнең туган жирендә ихтирамга лаек зат икәннен дә, зур язучы икәннен дә белгәннәр һәм хөрмәт иткәннәр.

Башкаларның ихтирамын яулау, хөрмәт казану өчен үзгә дә башкаларны яратырга, аларга күнел жылысы бирергә, киңәшчә дә, ярдәмчә дә була белергә кирәк. Фатих ага кечкенәдән үк шундый булып үсә. 1909 елның 9 гыйнварында ул дөньяга гаиләдә сигезенче бала булып килә. Ләйлә апа әтисе гаиләсендә туганлык җепләренең бик нык булуын, өлкәннәрнең сүзә һәрвакыт төгәл үтәлгәнлеген сөйли.

1918 елда әтиләре үлеп киткәч, Фатих өчен таяныч булып Габдулла абыйсы кала. Ул – Ярлы Кәрим исеме белән билгеле шагыйрь – Фатихка белем алырга булыша.

1931 елда армия сафларына алына, бу вакытта инде аның хикәяләре һәм шигырьләре аерым китаплар булып басылып чыккан була.

1934 елда ул СССР Язучылар берлегенә кабул ителә. Бу елларда аның бер-бер артлы шигырьләре, поэмалары дөнья күрә. Яңа җәмгыять өчен файдалы булуына чын күнелдән сөенеп яши шагыйрь бу елларын. Үзе кебек үк тырыш, тәрбияле Кадрия Ишукова белән гаилә корып җибәрәләр. Аларның тормышы сокланырлык була.

Узган гасырның утызынчы елларында ил өстенә ябырылган репрессия Фатих Кәримне дә үз корбанына әверелдерә. Гомеренең дүрт елы, ижаттан, гаиләсеннән читтә, искиткеч авыр шартларда үтә. 1938 елның 3 гыйнварында кулга алынып, 1941 елның декабрендә генә ирекке чыга. Бу дүрт елның һәр көне үлем белән йөзгә-йөз килеп яшәү була. Бервакыт тоткыннарны баржага төяп, диңгезгә алып чыгалар. Иске баржаны диңгез эчендә ут чолгап ала. Кемдер янып, кемдер батып үлә. Ярга кире йөзеп чыга алучылар бер-ике генә кеше була. Аларны кабат лагерьга илтәп ябалар. Шуларның берсе Фатих Кәрим, ул бу хакта төрмәдә очрашкач Х. Туфанга сөйли.

Шул газаплар эчендә яшәгәндә дә ул тормыш иптәшенә, ике кызына бик жылы эчтәлекле, сагынулы хатлар яза. Ижат эшенә булган мөһабәткә дә сүнми. Бу еллар аны укучының үзәгенә үтеп керерлек шигырьләр ижат иткән, лирик шагыйрьгә әйләндерә. «Соңгы тапкыр карыйм Иделгә», «Кемгә сөйлим серләремне», «Кадрия», «Көзгә яңгырлы төн», «Кайгы» шигырьләре – йөрәк ярасыннан саркып чыккан ижат җимешләре.

Ниһаять, 1941 елның декабрь башында, акланып, ул гаиләсе янына кайта һәм үз теләге белән фронтка китә. Смоленск өлкәсеннән башланган фронт юлы да жинелләрдән булмый. Туган иле, гаиләсе, ике кызчыгы алдында:

«Мылтык тотып баскан жиремнән

Бер адым да артка чигенмәм»,

– дигән антына ул соңгы сулышынача тугрылыклы кала. Ике тапкыр госпитальдә дэваланып, кабат фронтның алгы сызыгына китә. Соңгы сугышта да ул яралы килеш һөжүм итүдән туктамый. Дошманны үз өненә куып керткәч, очрашу көннәре якынаеп қилгәндә, чит ил туфрагында мәңгегә ятып кала. Сугышта күрсәткән батырлықлары өчен Кызыл Йолдыз ордены һәм һәлак булганнан соң Беренче дәрәжәдәге Ватан сугышы ордены белән бүләкләнә.

Сугыш елларында гына да Фатих Кәрим 150 ләп шигырь, ике повесть, бер драма әсәре ижат итә. Хәзергесе көндә Татарстанның Милли музейе хәзинәсендә аның үз кулы белән эшләгән 16 кулъязма дәфтәре, хатлары, фотолары һәм, күнелне иң тетрәндергәнә – шагыйрь соңгы сулышын алганда тән жылысын үзенә сендереп калган шинеле һәм итеге саклана. Бу итек кунучында ул шигырьләре язылган дәфтәрен дә саклап йөрткән. Фатих Кәрим үзе дә шинеленә гади киём итеп кенә карамый. «Соры шинелем» исемле шигырендә аны дошманны куып барганда канат куючы, туган иленең бүләге дип атый:

Яттым исә, күкрәгемә ябам,

Шинелемнең йомшақ итәген;

Дошманнарны куып барган чакта

Итәкләрен канат итәмен.

Сугыш утларында көеп беткән

Өстемдәге соры шинелем,

Авыр елда туган улы итеп

Биргән бүләге ул илемнең».

Бөек Ватан сугышы музеенда экспонатлар күп, әмма Фатих Кәримнең реставрацияләнгән шинеле, сугыш барган жирләр туфрагы юылып та бетмәгән итеге күпләрне тетрәндергән нәрсәләрдән санала. Шагыйрь Илдар Юзеев инде 1969 елның 25 декабрендә үк аңа багышланган шигырендә болай яза:

«... Музейларга кердем. Шунда күрдем

Пуля тишкән соры шинелен.

Шунда таптым аның безгә кайткан

Соңгы сүзен, соңгы шигырен...»

Фатих Кәримнең, 36 яше тулуга ук, фашизмга каршы көрәштә гомере өзелә. Әмма аның ижаты үлемсезлек үрнәге булып, күпләрне сокландырып һәм ижатка рухландырып тора. Үзе үлгәннән соң да һәр елны диярлек аның әсәрләре басыла. 1971 елда аның туган жире – Башкортстанның Ает авылында Музей йорты ачыла. 1999 елда яңа бина торгызыла, 2007 елда музей янында әдипнең бюсты куела.

Туган жире өчен гомерен биргән шагыйрь кешелек хәтерендә мәңгә яши. Сугыш ачысын күрмәгән яшь буын булса да, аларга хөрмәтебез чиксез.

Ф. Кәрим үзенә «Мин – гуманист» дип аталган шигырендә:

Мин – гуманист, сөям дөньяны,

Акмасын, дим, жирдә кеше каны,

Гуманизм – минем байрагым,

– дип язган иде. Ул үзенә гомере белән дә шуны раслады. Иңнәрендә ил язмышын күтәргән ирләр үлемсез була. Фатих Кәрим исеме дә кешелекнең якты күгенә жуелмаслык итеп уелган.

Хайруллина В. И.

ТВОРЧЕСТВО З. Г. АКБУЛЯКОВА

Важное место среди концептуальных идей культуры мира занимает проблема сохранения культурного многообразия человечества, бережного отношения к традициям своего народа, умения уважать и по достоинству оценивать чужую культуру, обычаи и жизненные устои своих, ближних и дальних соседей. Усилие в данном случае невозможно без передачи новым поколениям социального опыта их предшественников, внося целенаправленный вклад в процесс социализации

человека и гармонизации отношений между людьми. Одним из предшественников и явился самодельный поэт, офицер ракетных войск – Захит Гаталхакович Акбуляков (10.12.1939–11.12.2014)

Творчество поэта достаточно *широко* и многогранно. Практически нет тем, которые остались им не представленными. Однако любимыми темами его являются: молодость, материнство, отчий дом, философские размышления о жизни – прекрасном и справедливом; о роли религии в жизни человека; много стихотворений посвященных известным людям России и Тюменского края. Стихи поэта отличаются емкостью, лаконичностью, точностью фраз и законченностью. «Стихи пишутся трудно, мучительно, осознанно и светло», – откровенно признается автор. В каждом творении поэта чувствуется светлый, добрый тон повествования, несущий некое озарение в привычном.

На протяжении многих лет офицерская судьба забрасывала поэта в отдаленные от родных мест края. Однако на память о малой Родине была всегда с ним. Мысленное возвращение в дорогие места детства, облаченное в стихотворную форму, нашло особый отклик в творчестве поэта. Стихотворения о деревеньке, где прошло его «голодное» и «босоногое» детство, пронизаны самыми яркими, теплыми и чистыми воспоминаниями. «Моё счастье жизни родилось в труде, воспитанном деревней», – признается поэт. Здесь творчество его представлено в образе родителей, в первую очередь – матери, соседей, друзей, односельчан, тех, кто своим окружением помог сформироваться поэту. Благосклонности окружающих его людей вторит и природа – «только здесь *самая* мягкая трава, чистейшая родниковая вода», в сравнительном анализе, как и «мысли и поступки» его односельчан. То нерастраченное «тепло детства», память о нем поддерживает и сопровождает автора по всей жизни. Сам поэт является проводником этого тепла, доводя его до нас – читателей.

В цикле стихов о матери он говорит, о возрастающей для каждого человека с годами, роли матери – самого близкого и незаменимого человека. «Все наши раны скапливаются в ранах наших матерей», – обобщает автор в стихотворении «Не обижайте матерей», и «Нет человека, чьи советы были бы так нужны и важны мне по сей день», – признается он в «Высочайшем советчике». «Благословение чести» – главное благословение матери является основным ориентиром в жизни поэта. В произведениях семейной памяти автора первейшую роль занимают нравственные устои «малого очага». Те добрые традиции народа, взрастившие его и целые поколения до него и после.

Интересны размышления автора о роли традиций в жизни народа:

«Учит жизнь», «Время разворачивает свой клубок», «Какой смысл изучать другие языки, когда не знаешь своего?», – пишет поэт в стихотворении «Радует наследие», – «Когда не можешь принять наследие предков и понять их мысль?» в стихотворении «Возвращение», «Мы сильны тем, что можем претворить планы и продолжить добрые дела наших предшественников во благо Родины». Подводя читателя, что из множества добрых традиций народов складывается колоритная традиция России.

Автора не покидает тяга к истокам бытия, к прошлому, к корням своего народа, объясняя это простой и емкой фразой – «Связь времен и образует нашу жизнь!». Он смело бродит в лабиринтах эпох, тысячелетий, далеких дней наших предков, выбирая счастье трудностей, лишений и невзгод.

Любовь и внимание к другим народам, интерес к их культурам, дружба со многими интересными и выдающимися их представителями в разных концах России вылилась в объемное направление творчества – «Россия и мои россияне», «Тюмень и мои тюменцы». Ласково и столь тепло представляется поэтом его окружение. «Отечество создавалось нашими народами веками», – пишет поэт, – « фактор многонациональности был и остается фактором ее силы». Автор отстаивает идею многообразия: чем многообразнее культура российская, тем мощнее интеллектуальный и творческий потенциал государства. «Именно в этом этническом многообразии заключается источник силы и богатства нашей Родины», – утверждает поэт.

Его творчество помогает осознать читателям, что культура мира есть культура сосуществования с «иным», культура признания другого, как в отношениях между государствами, так и в отношениях между людьми в любой точке планеты, формирует у них ощущение причастности к единому целому – человечности в человечестве.

Отдельному рассмотрению подлежит творчество Захита Акбулякова, посвященное духовно-нравственным основам современного российского общества. Говора о роли религий в социализации личности, он отмечает, что и иудаизм, и буддизм, и христианство, и ислам порождены «своей» цивилизацией и оказывают весьма большое влияние на ход дальнейшего его развития. В каждом из них поэт находит взаимопроникновение и взаимозависимость. «Формы разные – суть одна», «Без веры в суть – что человек без позвонка», – завершает мысль автор («Простите себя», «С честью»).

Пропаганда духовного богатства человека проходит красной нитью через все творчество и является личным кредо его жизни. Говоря о силе высоких чистых чувств, воспевая прекрасное, справедливое в человеческих отношениях, величие человеческого духа, святости ее, поэт возводит

к философскому единству разума и бытия жизни Вселенной. «Все в гармонии прекрасно, светло, памятно!»,— пишет поэт. Им открыто отрицаются жадность, стремление к наживе, противопоставления людей, народов, враждебных друг другу. Не должно быть того, что омрачает жизнь человека, вносит в естественный процесс человеческого существования дисгармонию. Лейтмотивом всего творчества поэта является чистота помыслов и дел. «Богатство души человека невозможно сравнить ни с чем, светлое тепло памяти прошлых лет способно растопить лед души»,— утверждает автор. Описывая повышающийся в геометрической прогрессии с годами интерес к познанию человека, он начинает с вопроса: «Какой он?», а не «Кто он?». Цикл стихов с нравственно-философской направленностью. В стихотворениях «Птица души», «Слово души», «Радуется душа», автор открыто восторгается гармоничностью окружающего мира, сравнивает его с далеко несовершенным миром человека, переносит понятия с одного мира в другой. «Не было бы зла, если бы мать – Земля была бы примером для скупых. Не было бы грязи, если могли бы учиться на примерах прошлых и принимать горе других – своими, если бы умели дожидаться внимания жизни к себе. Если вы испытываете жизнь, то готовьтесь к испытаниям сами!»,— так обращается автор к современнику.

Четверть века своей жизни автор посвятил самому святому – службе Родине, и сегодня пишет он: «Живет моя душа ради страны в согласии с ней и сердце стучит в ритме одном. Мать, Родина, Земля, народ, род, честь – самые дорогие для меня понятия и слова». Стихотворениями «Пусть не приходит покой», «Смысл в цели» звучит набатом обращения Захита Акбулякова к потомкам: «Дай всевышний реализовать все, что во благо человека на нашей Земле!».

Источники

Акбуляков, З.Г. Себер моңы = Мелодия Сибири: стихи /З.Г. Акбуляков. Тюмень, 1995.– 64 стр. на тат. яз.,

Акбуляков, З.Г. Тормыш бизэкләре = Краски жизни: стихи, поэма /З.Г. Акбуляков.– Тюмень: Тюм. изд. Дом, 2002.122 с. На тат. яз.

Акбуляков, З.Г. Изгелек юлында = На святом пути: сб. стихов поэма /З. Акбуляков.– Тюмень: АНО ИИЦ Янарыш, 2007.– 182 с. На тат. яз.

Акбуляков, Сафлык чышмәсе = Родник чистоты: сб. стихов /З. Акбуляков.– Тюмень: Тюм. дом печати, 2008.– 256с. На тат. яз.

Халирахманова Г.Р.

ГАБДЕЛХӘЙ САБИТОВНЫҢ НӘНИЛӘР ӨЧЕН ЯЗЫЛГАН ХИКӘЯЛӘРЕ

Татар әдәбиятында язучылар шактый. Балалар бакчасыннан, башлангыч мәктәптән безгә Габдулла Тукай, Муса Җәлил, Абдулла Алиш, Шәүкәт Галиев, Роберт Миңнуллин һәм башкаларның эсәрләре яхшы таныш. Тик шулай да алар арасында нәкъ менә мәктәпкәчә һәм кече яшьтәге мәктәп балалары өчен язучылар күп түгел икән.

Укырга өйрәнә башлагач та, һәр бала үзенә якын әдәбиятны сайлый башлый. Кемдер шигырьләр укып, аларны ятларга ярата, кемдер әкиятәр белән мавыга, кемдер исә матур хикәяләрне үз итә. Бүгенге көндә кече яшьтәге балалар өчен кемнәр яза дигән сорау туды. Әлбәттә, шигырь язучылар күбрәк. Без исә әлеге эшебезне хикәя язучыларга юнәлттек. Һәм бу юлда Габделхәй Сабитов ижаты белән якыннанрак таныштык. «Әдипләребез» китабында язучы ижаты турында мондый сүзләр язылган: Г. Сабитовның эсәрләре, бигрәк тә хикәяләре, сәнгатьчә эшләнешә һәм идея-эстетик хасиятләре жәһәтәннән югары сыйфатлы булулары белән аерылып тора [1]. Тикшеренү эшебез язучының нәниләр өчен язылган берничә хикәясенә юнәлтелде. Төп максат – Г. Сабитовның берничә хикәясенә тукталып, аларның кызыксындыру көченә ия булуын ачыклау, балалар дөнъясына якынлыгын билгеләү. Тикшеренүнең предметы – язучы үз эсәрләрендә тудырган балалар дөнъясы. Нәкъ менә шушыларны ачыклау аша без Г. Сабитов ижатының балалар әдәбиятында әһәмиятле роль уйнавын билгеләрбез. Бу әдәбият фәне өчен мөһим. Шулу вакытта язучы ижатын башка танылган язучыларыбыз ижаты белән чагыштыру мөмкинчелеге дә туачак. Өйрәнү объекты – Г. Сабитовның нәниләр өчен хикәяләр циклыннан язылган «Кадерле бүләк», «Кенәри», «Күрше хакы», «Чүкеч», «Аяклы бәхет», «Чәчәк нигә боекты?» эсәрләре.

Г. Сабитовның ижатын өйрәнү мәктәп китапханәсеннән башланды, дөрөсрәге китапханәче укырга тәкъдим иткән китаптан. Г. Сабитовның хикәясе шулай ук «Татар хикәясе антологиясе»ндә дә урын алаган. Димәк, язучының татар әдәбиятында үз йөзе, лаеклы урыны бар.

Менә язучының «Кадерле бүләк» әсәре. Ул 1978 елда язылган. Хикәя Зөлфия исемле кыз турында. Ул әнисенен туган көненә матур рәсем ясай. Әтисе дә, абыйсы да бу рәсемгә сокланып карыйлар, кызны мактыйлар. Тик әнисенен туган көне булган көнне Актәпи исемле пәси баласы бу рәсимне вак-вак кисәкләргә тураклап ата, ерта. Зөлфия борчыла, елый, чөнки аның әнисенә бүләге юк һәм аны ясап та өлгерә алмый. Шушы вакытта Зөлфиягә ярдәмгә әтисе килә. Ул кызына пианинода уйнарга куша. Әнисенә «Һәрвакыт булсын кояш!» көен уйнап жибәрә, әти-әнисе, абыйсы, туганнары аңа кул чабалар, мактыйлар. Әлбәттә, ахырдан Зөлфиянең дә борчылуы оныгыла, ул әнисен шатландыра алганына канәгать кала.

Әсәр кечкенә генә, әмма эчтәлегә уйландыра, азагы шатландыра. Дөрестән дә, мондый ситуацияләр һәрвакыт булып тора, ә язучы безне нинди генә авыр хәлдә дә югалып калмаска, боекмаска, тәвәккәл булырга өнди. Бары тик шулай гына каршылыкларны һәм авыр хәлләрне жинеп чыгып була. Әлбәттә, Зөлфия әнисенә күз яшьләрен сиздерсә, ул бик борчылып иде. Бәйрәм дә үз төсен югалтыр иде. Биредә Зөлфиянең әтисен дә билгеләп үтәргә кирәк. Ул кызының күңел халәтен сизеп аңа ярдәм итә.

«Кенәри» хикәясә дә әни белән кыз вакыйгасына барып тоташа. Әлфия исемле кыз, әнисенен сүзен тыңламыйча, Кенәри исемле кошын чыпчыклар янына иреккә чыгарып чыгарып очырта. Йорт кошы исә урам шартларына күнмәгән була. Кызганычка каршы, бу гамәлен кылыр алдыннан Әлфия моны уйламый, соңыннан үкенә. Шулай да язучы нәниләрнең күңелен сөендереп Кенәри табыла, әсәр шатлык белән тәмамлана. Бу хикәя 1980 елда язылган.

Г. Сабитовның «Күрше хакы» хикәясә 1986 елда язылган. Ул түбәндәгә жөмләдән башланып китә: «Әсфән идәндә сөт шешәсә тәгәрәтеп уйный – шалтыр да шолтыр, шалтыр да шолтыр, шалтыр да шолтыр». Малайның шушылай тавыш чыгаруыннан әнисе канәгать түгел, житмәсә, күршеләре дә кереп житә, Әсфән балар карага мәжбүр ителә. Әмма көтмәгәндә үзе тудырган ситуациядән малай жинел генә котыла да: күрше хакын хакла дип, бала янында тавыш чыгарган икенче күршеләрен калдыра. Күрәбез, биредә Әсфәннең тапкырлыгы чагыла. Малай югалып калмый. Язучы безне дә килеп чыккан вакыйгаларда югалып калмаска чакыра.

Г. Сабитовның «Чүкеч» (1986), «Аяклы бәхет» (1986), «Чәчәк нигә боекты?» (1987) хикәяләре дә кызыклы һәм шул ук вакытта өйрәтә торган. «Чүкеч»тә Бакый исемле малайның түземлеге, сабырлыгы, эшкә осталыгы чарланса, «Аяклы бәхет»тә Әсфән исемле малайның Тиктормас исемле пәси баласын яклавы аша йорт хайваннарына карата мөнәсәбәт формалаша. «Чәчәк нигә боекты?» әсәре исә безне табигатьтәгә һәрбер күренешкә сак, игътибарлы булырга өйрәтә, тирә-як мохитне өйрәнергә, сакларга чакыра.

Менә шушы берничә әсәре аша да укучы язучы Г. Сабитовның иңат дөнъясын күзалмый ала.

Шулай итеп, алты әсәр белән танышканнан соң, язучы Г. Сабитовның балаларга дип багышланган иңатына нәтижә чыгара алабыз. Бердән, язучының һәр әсәре кызыклы, мавыктыргыч вакыйгага нигезләнеп язылган. Аларның язылу вакыты үткән гасырның 80 нче еллары булса да, сурәтләнгән вакыйгалар бүгенге балаларга да чит-ят түгел. Кешеләр һаман бер үк мәшәкәтләр белән яши. Балаларның үсү дәверендә алар төрле эш-һөнәр белән таныша, тирә-якны өйрәнә, күзәтә, кызыклы ситуацияләргә тап була һәм тормыш сынауларын үтәргә, боекмаска, югалып калмаска өйрәнә. Боларның барысы да аңа киләчәктә кирәк булачак.

Г. Сабитов хикәяләрендәгә малай һәм кызларга хас күренешләрнең тагын берсе – тапкырлык. Дөрестән дә, көтелмәгән ситуациядән дә алар чыгу юлын таба, хәйләгә бара.

Шунысын да әйтү мөһим: миңа, башлангыч мәктәп укучысына, бу хикәяләргә уку бик кызык. Биредә минем кебек үк балалар хәрәкәт итә, миңа аларның хис-кичерешләре дә таныш. Димәк, язучы үз максатына ирешкән. Бу урында язучы М. Хужин сүзләрен китерү мөмкин: «Әйе, Габделхәйнең хикәяләре дә үсемлекләрнең чәчәгә ачылып беткән чагына тиң, алар сулмас гөлләргә тиң» [5].

Г. Сабитов балачак дөнъясын, бала күңелен яхшы тоя. Ул үзе дә шушы хикәяләрендә яши, үзенең бала чагын чагылдыра кебек тоела.

Әдәбият

Габделхәй Сабитов // Әдипләребез: биобиблиографик белешмәлек: 2 томда: 2 том / төз. Р. Н. Даутов., Р. Н. Рахмани. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 299–300 б.

Ибраһимова Ф. Балалар әдәбияты // Татар әдәбияты тарихы: Алты томда: 6 том: 60–90 еллар әдәбияты. Казан: Раннур, 2001. 544 б.

Сабитов Г. В. Ай сукмагы: хикәяләр, пьесалар / төз. Ф. Сабитова, М. Хужин. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 336 б.

Татар хикәясә антологиясе. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 608 б.

Хужин М. Сулмас гөлләргә тиң // Сабитов Г. В. Ай сукмагы: хикәяләр, пьесалар / төз. Ф. Сабитова, М. Хужин. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 336 б.

**ШИГЪРИ ТӨЗЕЛЭШНЕ МОТИВЛАШТЫРУ:
«КҮРЕНМИ ШУЛ СЕБЕР КАЗАННАН»**

Аерым бер шагыйрь ижатын теге яки бу тема яссылыкларында анализлаган язмалар еш кына бер-берсен кабатлый, фикер уртак, мисаллар гына төрле була, хэтта ки алары да кабатланырга мөмкин. Бер-берсенә охшаш хезмәтләрнең елдан-ел күбәюе фән өчен мактаулы факт түгел, әмма аның плагиатлыктан тыш сәбәпләре дә бар. Бигрәк тә ижатны тематик яисә әсәрләрнең лейтмотивларын ачыклау планында язылган мәкаләләр үзара тартым була. Табигый: шагыйрьләрнең барысы да туган жир, Ватан, әниләр, балалар, сугыш һәм тынычлык хакында яза, аларга карата тәңгәл хисләрне еш жырлый; сөйгәннәрен, якыннарын сагынып елый; рухи-мәдәни кыйммәтләрнең һәркайсын яклай; кыскасы, нигездә, охшаш идеяләр белән яна. Алар бер-берсенә ошаган, чөнки уртак тирәлектә яшиләр, уртак диярлек шартларга куелганнар. Шул ук вакытта талантлы язучы бер үк темаларда да башкаларны булдыра алганча кабатламаска тырыша. Укучы ижаттан да, тикшерү объекты һәм предметы уртак булган фәнни язмалардан да оригинальлек көтә, моңа ирешү исә бик жиңел түгел.

Әлбәттә, әдәбиятта ныгыган традицияләр яши икән, алардан тулаем азат булмыйсың. Инде сиңа кадәр тудырылган образлар системасы бар, алар исә тирәлегебезне шактый киң иңләгән, әлеге тирәлекне тудырым дидеңме, таныш төшенчәләр текстына үтә дә керә. Шигърият үзе үк – эзер калыплар мәйданы, нигездә, традицион формаларга салынган образлы-хисси сөйләм. Аны ничек яңартырга, яна образларны кайдан табарга, дигән сорау язучыларны һәркайчан борчып торган. Һәркемнең оригиналь булып күренәсе, тарих сәхифәләренә кереп каласы килгән, килә.

Шул ук вакытта әдәбият та, аны чагылдырган фән дә үз-үзен кабатлау юлыннан бармый булдыра да алмый. Сәбәпләре күп. Әйттик, танылган, үзенчәлекле язучыларга һәм үткен фикерле галимнәргә ияргәннәр саны бихисап. Икенче яктан, дөнья белән иртә хушлашкан, зур булмаган мирас калдырган шагыйрь турында кабатланмыйча һәм кабатламыйча язуы бик кыен. Арабыздан вакытсыз киткән Булат Сөләйманов та әле язачак, үсәргә тиеш, башка яклары белән дә ачылачак, әдәбиятыбызны төрле форма һәм жанрлар ноктасыннан баечачак шагыйрь иде.

Себернең танылган шагыйре турында күп яздылар, ижатын төрле яктан ачарга тырыштылар. Аның истәлегенә даими рәвештә оештырылган конференцияләрнең дә монда зур роле булды. Инде, гомуми темалардан, үзара кабатланышулардан китеп, ул калдырган мирасның эченә тирәнгәрәк төшәргә, аерым шигърьләрен анализлап, ижатының эчке рухына ныграк узарга; теге яки бу әсәрләренең композициясен, лексик кырын, әлеге берәмлекләренә логик мотивлаштыру, әсәрне язу сәбәпләрен һәм башка якларны ачарга вакыт житте сыман. Тәкъдим ителгән хезмәт тә шушы уйлар белән башкарылды.

Шагыйрь өчен теге яки бу әсәрне язуга этәргеч-мотивация булып эчке киеренкелегеннән котылу, жанын борчыган хисләрен тышка чыгару, фикерен башкаларга да житкерәсе килү теләге, теге яки бу социаль ихтияжны үтәү кирәклегенә тора. Әле бит ихтияжларның башка төрлеләре дә бар: талантыңны гамәл аша аңлату, ижатыңа бәя һәм үзең игътибар көтү, шәхесенң теге яки бу кавемгә, милләткә, социаль төркемгә караганлыгын тирәлеккә дә ирештерү һ.б.. Әлеге ихтияжлар да эчтәлеккә, шул эчтәлекне бер эзлеклелектә ачкан әсәр структурасына да тәэсир итми калмый.

Алынган тема буенча анализга Себер шагыйрьләре ижатында һәрчак калкуландырылган читтә туган якны сагыну хакындагы әсәрне алырбыз. «Күренми шул Себер Казаннан», аларның язганнарында еш очраганча, без каләм ияләренең үзара сөйләшүләрендә дә игътибарга алынганча, ике дөньяны, географик объектны каршы куюдан башлана. Тәүге юлны беркатлы гына, гадәти күренмәү турында дип кенә аңларга ярамый. Әгәр әсәрнең авторы Булат Сөләйманов булмаса, билгеле, без физик ераклык турында сүз бара дигән фараз белән дә канәгатьләнәр идек. Казанга, безнең проблемалардан ерак тора дип, күпмедер үпкә дә саклаган, башкалабызның Себер хәлен түгел, жирле татарның хәлен дә чишә алмаганын бик үк аңларга теләмәгән Булат Сөләйманов әсәрләрен асмәгънәләр эзләп укырга кирәк.

Шагыйрь – чор баласы, халык баласы. Ул үз халкының, кавемнең проблемалары белән яши. Булат Сөләймановның чарасызлык хисеннән кулына каләм алганлыгын алда китерелгән цитата да ачык күрсәтеп тора, шулай да без строфаны тулысынча бирик:

*Күренми шул Себер Казаннан,
Анда карлар, җилләр уйныйдыр.
Ә тайгада болан баласы
Адашкан да ялгыз елыйдыр.*

Бик лирик, нечкә яңгырашлы строфа. Туган ягын сагынган, аны матур итеп исендә йөрткән шагыйрь гүзәл тасвирлар тудыру, үз жирендә идиллия һәм гармония эзләү юлыннан да китә ала иде. Сизгер күнелле укучы тоя: эсәрне язуга автор тормышындагы яңа шартлар, ара ераклыгы, ерактагыны яклы итә алмау, ярдәмгә мохтажлык этәрә, тик бу хакта әлегә турыдан-туры әйтелгән бер сүз юк. Хәзергә шагыйрь рухында – тынгысызлык, йөрәгендә жан өшеткеч уйлар икәнлеге, жаны елаганлык күренә, шуна күрә лексик кырда *күренми, кар, җилләр уйный, адашкан, елый* сүзләре кебек төшенчәләргә урын бирелгән дә. Шушы ук төшенчәләр ярдәмендә без лирик геройны да тасвирлый алабыз. Ул туган ягыннан читтә, күренмәгән ераклыкта адашкан, туңа, елый, дип әйтергә мөмкин. Каләм иясенең иҗат лабораториясе – бик катлаулы бер өлкә, аны чын мәгънәсендә күзаллау, аңлау кыен, әмма фаразлау, теге яки бу язганнарын мотивлаштыру мөмкин.

Строфаның беренче юлы белән калганнары арасында билгеле бер каршылык бар, әлеге каршылык Себер һәм Казан сүзләре арасында да төсмерләнә. Гади укучының бу каршылыкны күрүен географик мәгълүматлылыгы тәэмин итә, безнең кебек каләм ияләре исә башка мәгълүматка да ия дип уйлыйк.

Укучы, лирик герой һәм тасвир объекты булган болан баласы арасындагы янәшәлекне бер фаразлаганнан соң, теләсә дә, оныта да, читкә куеп тора да алмый. Ул, шагыйрь болар арасындагы мөнәсәбәтне алга таба ничек үстерер, боланның язмышы ни белән бетәр, дип көтә. Галим исә, игътибарга алынган образлар шул хәлендә генә калырма, символ-метафорага әверелерме, дип уйлана. Әгәр бу образ яңадан кабатланмый икән, аны адекват мәгънә көченә ия икенче образлар алмаштырырга тиеш яисә текстка тайга атрибуты булган башка кошлар, жәнлекләр исеме өстәләргә мөмкин.

Шагыйрь игътибарыбызны юнәлткән Казан белән Себер төбәкләре бер үк вакытта каршы да куела, үзенчәлекле янәшәлек тә тәшкил итә һәм бер-берсенә урыннарында да килә: тайгада елаган болан әкренләп Казанда адашкан ялгыз лирик геройга әверелә, Казан үзе тайгага тиңләшә башлый. Мондый метаморфозалар өчен каләмнең талантлы булуы кирәк.

Текстка алга таба башка төр каршылыктар да өстәлә. Чираттагы строфа татар әдәбиятындагы традицион образ-фикерләүгә корылган юл белән башлана. Әйттик, жилдән хәбәр көтү халык җырларында да, Х. Туфан һәм башка шагыйрьләр иҗатында да очрый, әнкәне яисә баланы, туганны эзләп йөрү әкиятләрдә һ.б. жанрларда да бар. Алар артыннан шагыйрь инде икенче кат Казан әдәбиятында актив кулланышта булмаган тайга төшенчәсенә алып чыга, безгә хас булганча, кара урман, кие урман, дип әйтми:

*Хет җилләре хәбәр бирсәче:
Ничәнче көн эзли анасын?
Аерылу авыр кемгә дә,
Тайга киң шул, каян табасың!*

Строфаның хет сүзеннән башлануы аның тәэсир көчен арттыра, үзенчәлекле яңгырата. Әгәр без аны, ритмны бозмыйча, җилләре сүзеннән соң гына куйсак та, лирик геройның ни дәрәжәдә ачыргаланганын тоймас идек.

Өзектә хис каршылыктарына нигезләнеп бергә оешкан жөмлөләр дә, мәгънә каршылыгына ия икеюллыктарның янәшәлеге дә күзәтелә. Әйткәнбезчә, хәтта образ-төшенчәләр сайланышында да икекырлылык саклана. Бу күренешне чираттагы строфада да күзәтергә мөмкин. Алдагы юллар татар халык әкиятләреннән тамырланса, соңгысы белән белән шагыйрь безне үз язмышына, ягъни хыял-фараздан реаль тормышка күчерә:

*Эзләреннән бүре киләдер,
Борылыр да иде кирегә,
Юк, ярамый, алга ыргылды,
Балачагын калдырып бүрегә.*

Бүреләр юк иткән балачак... Димәк, ул кабатланмаячак, кире кайтып кермәячк... Гомернең узуын шагыйрь энә шулай метафорик планда әйттеп бирә.

Соңгы строфа башка фаразларыбызның да хаклыгы турында сөйли. Булат Сөләйманов лирик героен инде турыдан-туры табигать образлары белән куша:

*Шулайдыр ул хәлләр минем дә:
Эзләремне карлар көридер.
Адашкан да тайга эчендә,
Балачагым елап йөридер.*

Шагыйрь, лирик геройны болан дип атамыйча гына, болан образында аны күзаллавын аңлата алган. Без моны тотып алу өчен, алдагы строфалар эчтәлеген – анда башта елап йөргән болан белән

очрашуыбызны, аннан исә боланның, балачагын бүрегә калдырып, алга ыргылуын онытмаска тиеш. Бу ыргылыш – очыш, биеклеке күтәрелү кебек, әмма ул лирик геройга бәхет хисе алып килми.

Шигырь моңсу сагыш белән башлана һәм тәмамлана, көчәеп киткән хисләрнең тәүге дәрәжәсенә төшүе һәм образларның эчке мәгънәсе ачылып бетү, автор фикеренә ачыклык керү шигырьгә тәмамланганлык алып килә. Текстны бөтен иткән икенче әдәби алым – беренче строфаның, үзгәрешләр кичереп, текст ахырында яңадан урын алуы.

«Күренми шул Себер Казаннан» – рефлексияләр юлы белән иҗат ителгән шигырь. Искә төшереп, үткәннән этәрелеп китеп язылган әсәрләр һәрвакыт сагышлы, моңсу була, чөнки алга илткән һәр көн, һәр адым нәрсәендер, кемнеләр югалту булып тора, ә югалтулар чылбыры торган саен озыная.

Кечкенә генә бер әсәр. Шагыйрь аның белән үзенә нинди талантка иялеген, нинди уй-хисләр белән янганлыгын, иң мөһиме: кайсы төбәк-кавемнән, табигатьнең кай почмагынан икәнлеген ача, шулардан иң мөһим булганын лексик катлам ярдәмендә ныграк калкулата. Шагыйрь кулына каләм алдырган уйларны турыдан-туры әйтми, аңа укучыны махсус сайланган әйләнгеч юллар, асмәгънә, үзенә таныш образлар дөньясы аша алып килә.

Хасанова Ф. Ф.

ХӘЗЕРГЕ ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНДА ПАРОДИЯ ЖАНРЫ

Хәзерге тормышта пародиядән күп нәрсә юк. Бигрәк тә артист, депутат, сәясәтче, журналистлар пародия объектына әверелеп бетте. Пародистлар, заллар тутырып, тамашачы җыя, берсе көлдерә, икенчеләре, бар дөньясын онытып, мөкиббән китеп кул чаба, сөйләгәнне, күрсәтелгәнне хуплый. Шулар рәвешле «пародия» термины мәгънәсез көлкенә аңлата торган «бик кирәкле» бер заман күренешенә, эстрада терминына әверелде. Ә бит «пародия», гәрчә табигать белән «жыр» жанрын кире какмаса да, әдәбият өлкәсенә карый торган термин. Пародиянең асылы сәхнәгә чыгып кылану түгел, шуңа әлеге жанрның тарихына күз төшереп алуда зыян булмас.

Пародия – терминын киң һәм тар мәгънәдә аңлату яшәп килә. Киң мәгънәдә пародия һәртөрле охшатып язуну, әһәмияте булган әдәби әсәрдән көлеп язуну күздә тотта. Ә тар мәгънәдә ул охшатып язылган комик әсәр була. Биредә эстетик әһәмияте зур булган әсәрнең мотив яки стиль, язу манерасы, жанры һәм жанр формалары күз алдында тотыла. Димәк, игътибар итик: пародиягә эстетик ягы түбән дәрәжәдә булган әсәр алынмый. Шулар рәвешле, пародия объектына башта лаек булырга тиешлек ачыклана. Әмма пародия үзе пародиягә алынган әсәр белән бергә генә яши ала, икенче төрле әйткәндә, пародия шулар әсәрнең соклары белән туклана, әмма башка эчтәлек белән яши. Пародияне «антижанр» дип атау шуннан килә.

Л. Леронның пародияләрен күзәтү барышында, безгә татар әдәбиятында әлеге жанрның бигрәк аз өйрәнелүе белән очрашырга туры килде. Сәбәбе: өйрәнәр өчен материалның аз булуында дип уйларга нигез бар. Классик таләпләр югарылыгында язылган пародияләребез юк икән бит. Терминны бик тар мәгънәдә, кулланган очракта да көнкүреш темалары белән бәйләп кенә язабыз икән. Әдәбият белеме сүзлекләре дә күбесенчә рустан күчереп язуга кайтып калган. Дөрес, русларда жанрның теориясе эшләнгән, ә менә әдәби-теоретик тәнкыйть таләпләре югарылыгында анализланган пародияләр юк дәрәжәсендә булып чыкты.

Пародиянең көлке категориясе белән бәйләнеше барлыгын кире какмаган хәлдә, Л. Леронның пародияләре җыентыгынан, мисал өчен «Әнкәйне сагыну» исемле пародиясенә мөрәҗәгать итик. Оригинал итеп М. Разовның В. Агапов көенә җырлана торган «*Гөл җибәргән әнкәй, Гөл җибәргән, / Йөрәмәгез диеп моңаеп. / Авыр чакта гел каршыңа киләм, / Әнкәй тора сыман, елмаеп*», – жыры алынган. Сүз дә юк бик матур, моңлы, сентименталь җыр бу. Әлеге җырның кай жиреннән көләргә дә белмәссең. Лерон таба: анадан улына сөт, май, ит, каз, үпкә-бавыр, чәй, бал, бавырсақ, бәләш-коймак «жибәрттерә». Җитмәсә, һәр күчтәнәчне алган саен, улы аларга үзенә комментарийларын биреп бара. «Чәй жибәргән әнкәй, бал жибәргән, / Бавырсагын, бәләш-коймагын. / «Аш жибәрсәң иде, әнкәй бәгърем», – / Дип әйтергә генә кыймадым», – дип көлке өстәп жибәрә. Пародиянең соңгы строфасында көлке эффекты сатира дәрәжәсенә кадәр үстәрелә. «Сагынганда суыткычны ачам, / Әнкәй әйтә сыман офтанып: / «Ачуланма, улым, пенсияне / Жибәрергә һаман онтамын...» Сүз дә юк, тәрбиянең үтемле алымын куллана Лерон. Өстәп берни әйтеп булмый. Кирәк безгә пародия язучылар, дигән ышаныч арта, башка пародияләренә дә укыйсы килә башлый. Лерон сатирага сүз уйнату аша да килә. «Авылым Кычытканлы» пародиясе шундыйлардан. Биредә көлке эффекты

«Кычытканлы» турында «Тигәнәле» көенә жырлау белән көчәйтәләр кенә калмыйча, «борын кычыту», «кычыткан кебек чагу»лар аша үтәп, «кычытмаган жирне кашып, бер кайтып киләм әле»гә житә. Димәк, татарның сүз егәре дә эшкә жигелә, дигән нәрсә килеп чыга.

Пародиягә ышанмыйча, шикләнәп, түбәнсетеп карау да бар. Шулай да пародиянең кәеф күтәрү, артистизм, уенчак характерын юкка да чыгарып булмый. Пародиянең Бөтендөнья әдәбиятында үз урыны бар. Татар әдәбиятында Г. Тукайның «Кисекбаш» әсәренә ияреп язылган «Печән базары, яхуд Яңа Кисекбаш» поэмасы сатирик пародиянең матур үрнәге санала. Р. Ганиева фикеренчә, Тукай поэмасы үз чиратында яңадан-яңа пародияләр язуга азык була (Г. Камал, Н. Исәнбәт, Н. Баян, С. Баттал, Ш. Мөдәррис, Ә. Камал, Ә. Исхак һ. б.лар) [Ганиева, 2011]. Без үз чиратыбызда Г. Тукайның «Печән базары, яхуд Яңа Кисекбаш» поэмасына язылган шәп пародияләрнең берсе Г. Вәлиева тарафыннан язылды дип саныйбыз. Ул әсәр «Чечән базары, яки Яңадан-яңа Кисекбаш» дип атала. Без бу әсәргә анализны биргән идек инде. Шуңа кабатлап торуну артык дип саныйбыз [Хәсенова, 2011].

Татар әдәбиятында пародия жанры житәрлек дәрәжәдә өйрәнелмәгән өлкә санала, өйрәнелгән кадәресе дә Тукай ижатына карый. Пародия язучылар да күп түгел. Соңгы еллар әдәбиятында Г. Афзал, Г. Рәхим, Р. Миңнуллин, М. Галиев, Х. Бәдигый һ. б.ларның пародия язуы күзәтелде. Ә менә системалы рәвештә, нәтиҗәле эшләүче автор буларак Л. Лерон исемен генә атап була. Аның «Сөяксез тел» исемле пародияләр һәм эпиграммалар китабына мөрәҗәгать итик [Лерон, 2008]. Китап 7 бүлектән төзелгән, кереш сүзгә («Каерылып ава пакуслар») шагыйрь Р. Зәйдулла язган (2007). Безне кызыксындырган материал: пародияләр. Барысы 39 пародия.

Совет чорында, бигрәк тә XX гасырның икенче яртысында туган буынга, Ш. Галиевнең «Юмартлык» (1962) шигыре бик якын. Символик герой булган Шәвәли – бу чорның иң яраткан, үз иткән, шаян, тапкыр, кыю, юмарт малае. Шәвәли турында Ш. Галиев бик күп шигырьләр язды, алар татар балалары тарафыннан яратып кабул ителде, яланды. Аннан соң бу шигырьләр СССР халыкларының күп кенә телләренә тәрҗемә ителде. Татарның Шәвәли барысына да ошады. Шулар рәвешле, Шәвәли безнең заман герое булды. Шигырьнең үзенә мөрәҗәгать итик: «*Шәвәли күлгә бара, / Шикәрән суга сала: / – Ширбәтле су эчсеннәр, / Балыклар тиз үссеннәр!*»

Л. Лерон Ш. Галиевнең нәкъ менә шул Шәвәлиен пародия объекты итә, дөресрәге: малайның үзен түгел, суга салган шикәрән. Билгеле, Ш. Галиевнең ни шигырь формасын, ни эчтәлеген, ни стилин, ни язу манерасын көлкегә әйләндереп булмавы ачык күренеп тора. Шулай булса да, Лерон жаен таба: эчтәлекне икътисад сәясәтенә бора. Нәрсәбезгә билгеле булганча, ярты гасырдан артык вакыт эчендә иң зур үзгәреш кичергән «зат» (предмет, ашамлык) – ул шикәр. Ш. Галиевнең бу шигыренә 5 этаптан торган пародия языла: 1988, 1992, 1993, 1997, 2006 нчы еллар.

Шәвәли күлгә бара
Һәм әйтә суга карап:
Шикәр салмыймын, житәр, –
Талонга хәзер шикәр! (1988)

Бүген безнең Шәвәли
Йөри һаман зарланып:
Шикәр бар, тик нәгаләт,
Хезмәт хакы алган юк!
(1997)

Бүген безнең Шәвәли
Шундый сүзләр әвәли:
Күлгә бармыймын, житәр, –
Талонга да юк шикәр! (1992)

Шәвәлинең өч тиен
Булса да хезмәт хакы...
Зараза! Шикәр-тозның
Тагын бәясә артты!
(2006)

Инде хәзер Шәвәли
Сагыз чәйнәп йөргәли...

Һәм әйткәли:
Шикәрләр
Төшкә генә кергәли...
(1993)

Пародиянең дәвамы соралып тора: соңгысыннан ун еллап вакыт узган. Шагыйрь аны гына язар дип уйлыйк. Әлеге пародия сәясәт, тарих, икътисад белән бик нык бәйләнгән. Ш. Галиев язган шигырь белән уртаклыгы төп герой һәм объект исемендә генә калган. Романтизм юкка чыккан, кырыс реализм «кычкырып карап тора». Әгәр Лерон соңгы елларның кризисын «шикәр белән дә бәйләсә», роман-пародиягә дә ерак калмый. Шәвәлигә баштагы пародиядә 5–6 яшь тирәсе дип уйласак, соңгысында 30 ларга житеп, үзе гаиләле булса кирәк, язылачак пародиядә инде оныклары булыр дип уйлыйк. Кирәкме татарга мондый пародия? Безнеңчә, кирәк. 5 строфага үзгәртеп кору, тоталь дефицит, дөүләт һәм житештерү производствосы таркалу, инфляция

һәм девальвация процессларын һ.б.ларны үтемле, чәнечкеле, төрткеле итеп укучыга житкерә алган шагыйрь. 6, 7 нче строфаларга хәзерге тышкы һәм эчке сәясәт, Украина вакыйгалары да килеп керер сыман... Ә менә сәяси пландагы пародияләр бу китапта очрамый. Димәк, Тукай дәрәжәсенә житә алмыйбыз дигән сүз.

XX гасырның 20 нче елларында Ю. Тынянов пародиянең оригиналь теориясен эшли. Галим пародияне «әдәби көрәшнең рычагы» дип атый. Ул стилизация һәм пародияне аерып чыгара, аларның аермасын билгели. «Стилизациядән пародиягә бер адым, – ди ул. – Стилизация комик яктан үзен акласа, пародия була», – дип саный [Тынянов]. Пародияне ике төргә бүлеп карыйлар. Беренчесе: стилизациягә нигезләнган пародия булса, икенчесе – вариация. Әгәр пародиядә оригинал эсәр язучының стилие сакланса, ул беренче вариантка, сакланмаса, вариациягә карый. Әмма вариациядә оригинал язучының кайбер сүзләре, сүзләрнең охшаш фонетик вариантлары булу мәжбүри, бу очракта шигъри гармониядә, интонациядә үзгәрешләр дә рөхсәт ителә. Грекчадан пародия каршы жырлау мәгънәсен бирә. Әдәбиятта пародия мыскыл итеп көлеп, әһәмияте булган әдәби эсәрнең аерып алынган бер өзегенең стилие яки жанрын бозып күрсәтеп, йә булмаса аның ниндидер кимчелеген арттырып, әмма шул ук вакытта игътибарга лаек булган эсәрнең тышкы формасын, стилие, структурасын бозмый саклап язучы күз алдында тотта. Күренеп торганча, пародия баштан ук комик эффект тудыруга омыла. Пародиянең максаты, әдәби эсәрнең житешмәгән ягын табып, карикатура формасына китереп, кискен һәм мыскыллы рәвештә, фанатикларча, авторга «ябырылу», аннан көлү аша пародия язучының өстенлеген күрсәтүгә кайтып кала. Пародияне, автор белән аны үпкәләтми генә уйнау, шул уеннан канәгатьләнү табу, ягъни әдәби эсәрне көлке объектына әйләндерү дип тә карау дөрес булыр. Шулай ук пародиягә материалдан абсурд ясау да чит түгел, бу жанрда сатирик имитация дә урын ала.

Мисал өчен Р. Вәлиев шигъренә язылган «Үзгәреш» исемле пародияне карыйк. Лерон шигърендә Р. Вәлиевнең ике юлына басым ясай: *«Йә дөнъяны үзгәртәм мин бүген, / Йә булмаса, үзем үзгәрәм»*. Оригинал үзе дә Такташ шигъреннән алынган эпиграфка нигезләнә. Бу эсәр «торгынлык» дип исемләнган заманның көчле шигърьләреннән берсе булды, актуальлеген ул бүген дә югалтмады. Шигърьдән заман куйган тәртипләр белән килешмәгән, үзгәрешләргә омылып яши торган, кыю, максатчан, гадел, дөрес, эшлекле яшь кеше образы, заман герое «карап тора». «Хаксызлыкны күреп ярсый торган, матурлыкны күреп тезләнгән» лирик герой белән бәхәскә кереп, диалог та корып булмый, көлкегә дә урын юк. Леронга да жиңел түгел, трагик планны кайдан табарга? Р. Вәлиевнең герое рухи үзгәреш турында сүз алып бара, ә Лерон, капма-каршылык алымы белән барып, чишелешне тышкы үзгәрештә таба. Шул рәвешле кызыксынып укырдай үзенчәлекле «антишигырь» килеп чыга.

Мин хәзер үк үзгәрергә тиеш!..
Моңа кадәр ничек жан түзгән?
Йөрәкләрәм әллә нишләп ките,
Үз-үземне күргәч көзгедән!

Ачуыма чыдар әмәлем юк, –
Жыерылып килде кашларым...
... Һәм мин, ныклы бер карарга килеп,
Сакалымны кырып ташладым!
(1987)

Татарча барган һәр концертта әниләр турындагы жырлар өстенлек ала. Бу фактны гаепкә алучылар да очрап куя. Теманы төрлөндерү юк, дип кабул итмәүчеләр дә бар. Ана образы һәр татар өчен изге булганлыктан, әлегә күренеш трагедиягә әйләнми, тормышта трагедия аннан башка да житәрлек. Л. Леронның бер пародиясе «Су буеннан әнкәй кайтып килә» (Жыр түгел) дип исемләнә. Биредә ике жырчы-шагыйрьнең материалы пародия объекты ителә: М. Галиев, Р. Миңнуллин. Лерон эпиграфка икесеннән дә икешәр юллык жыр чыгара. *«Су буеннан әнкәй кайтып килә, / Каз каурые тоткан кулына...»* (М. Галиев); *«Су буенда Әнкәй басып тора, / Шәляулыгын тоткан кулына...»* (Р. Миңнуллинда – «ак яулык»). Ә пародия үзе болай яңгырый: *«Су буена әнкәй төшеп бара, / «Шәһри Казан» тоткан кулына, / Гәжиттәге яңа жырым укып, / Ни әйтмәкче икән ул миңа?»* Лерон бу ике жырның якынча бертөрле эчтәлектә булуыннан көлә дип уйлыйк. Аерманы ананың кулына нинди предмет алуына кайтарып калдыру аша комизмга чыга: гәжит тоттыра (реклама максатында дип уйлыйк, балык түгел бит!). Лерон үз пародиясендә антижанр билгесе ачыктан-ачык күренә торган иттерә, сентиментализмны бөтенләе белән юкка чыгара, өченче шагыйрьнең эпигонлыкка юлын да кисә. Безнеңчә, Р. Миңнуллинның «Сөн буенда Әнкәй басып тора», М. Галиевнең «Су буеннан әнкәй кайтып килә» жыр текстлары бик камил язылган, аларга бернинди реклама кирәкми. Нәкъ менә шул камиллек пародия язучыга этәргәндер дә. Көлү булса да, пародияне комедия түгел, трагедиянең юлдашы итеп карыйлар. Нәкъ менә шул трагедия юнәлешен төшереп калдыру пародия жанры эсәрен дөрес танымауга китерә

булса кирәк. Пародиядә идеянең икегә аерылып китүе күзәтелә, ягъни әсәргә икенче аспект килеп керә. Пародия әсәрне кире ягыннан карый, шул рәвешле пародия комик һәм трагик бердәмлекне тәэмин итә дип карала.

Шулай да Лерон кайсы авторларның шигырьләренә өстенлек бирә соң? 39 пародиядә 34 шагыйрьнең ижатына игътибар ителгән. Р. Миңнуллинга 5, Р. Фәйзуллин белән М. Галиевкә 3 әр, М. Шабаев, Р. Харис, Р. Низами, Р. Юныс, Г. Моратка 2 шәр, калган шагыйрьләр 1 әр тапкыр телгә алынган. Авторлар нигездә 60, 70, 80 еллар буыны вәкилләре, арада 4 хатын-кыз шагыйрә дә бар. Тематик төрлелеккә килгәндә, Лерон ижатта эпигонлык, бер-береңне кабатлау, шагыйрьлек осталыгы, кешенең рухи халәте, мэхәббәт мажаралары, кешенең тышкы кыяфәте, яшьлек-картлык мәсьәләсе һ.б.лар. Пародиянең шигъриятнең үсешен алга этәрүе, мөмкинлекләрен киңәйтүе мәгълүм. Димәк, бүгенге әдәбиятка пародия бик кирәк, дигән нәтижә соралып тора.

Әдәбият:

Ганиева Р.К. Печән базары, яхуд Яңа Кисекбаш» поэмасында нэзыйрәчелек һәм тамаша күрсәтү традицияләре // Габдулла Тукай мирасы һәм милли-мәдәни багланышлар: Г. Тукайның тууына 125 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары (25 апрель, 2011 ел, Казан). – Казан: ИЯЛИ АН РТ, 2011. Б. 27–29.; Ганиева Р.К. Сатирическое творчество Г. Тукая. – Казан, 1964.

Заһидуллина Д. Ф. Пародия / Әдәбият белеме: Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2007. – 231 б.

Хәсәнова Ф. Ф. Тукайга килү // Габдулла Тукай мирасы һәм милли-мәдәни багланышлар: Г. Тукайның тууына 125 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары (25 апрель, 2011 ел, Казан). – Казан: ИЯЛИ АН РТ, 2011.

Лерон Л. Л. Сөяксез тел: пародияләр һәм эпиграммалар / Ләбиб Лерон. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008.

Тынянов Ю. Н. О пародии // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Челтыгмашева Л. В.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ХАКАССКОЙ ПРОЗЕ

Эстетика фольклора важна на всех этапах развития хакасской литературы, но особенно актуальной она оказалась в прозе о Великой Отечественной войне. В основе художественной концепции личности в произведениях, посвященных проблеме создания образа человека войны, – ярко выраженная преемственность патриотических, нравственных и этических традиций народа, что и предопределило расстановку персонажей, повествовательные приемы, и характер обрисовки героев. Показателен в этом отношении роман Ивана Мартыновича Костякова «Шелковый пояс» (1966), сконцентрировавший в себе традиции, эпический стиль изображения, художественные средства, восходящие к эпике фольклора.

Сюжет романа основан на повествовании о любви хакасского парня Паскира Сартыкова и белорусской девушки Галины Мацкевич, на движении от их первой встречи и знакомстве в Москве ко второй встрече на войне. Главный герой в романе сохранил особенности эпического человека – исключительную красоту, цельность, художественную законченность – одновременно порождающие и его ограниченность, схематизм. В романе Паскир попадает в разные жизненные ситуации, но облик его неизменно благороден и привлекателен. Он, как и человек высоких жанров, «сплошь завершен и закончен», внутренние переживания которого передаются в духе эпических традиций во внешних проявлениях, в действиях.

Внешние идеальные черты Паскира соответствуют внутреннему героическому миру героя. Героическое начало идет здесь от традиционного народного эпоса, где, по словам В. Хализева, «поднимаются на щит и поэтизируются поступки людей, свидетельствующие об их бесстрашии и способности к величественным свершениям, об их готовности преодолеть инстинкт самосохранения, пойти на риск, лишения, опасности, достойно встретить смерть» [Хализев, 2007: 76]. Паскир проходит многие испытания, чтобы встретиться с Галей. Если «... эпический герой с самого начала стоит по ту сторону всякого испытания; атмосфера сомнения в героизме героя в эпическом мире немыслима» [Бахтин, 1975: 200], то в романе идея

испытания героизма и верности героя имеет огромное реалистическое значение. В романе «Шелковый пояс» война – средство испытания Паскира на соответствие изначально приписанных ему геройских качеств.

Влияние фольклора прослеживается на образах стариков, на разработке мотива женской судьбы и женских образов. Образ старика – Соска-ага – органично сочетает в себе фольклорно-эстетические и реалистические черты: в нем воплощены традиционные мудрость, щедрость души, философское отношение к миру. Духовный опыт жизни Соска-ага во многом определяет его богатую и глубокую мудрость. В рассказанном им мифе, в котором ласточка спасает жизнь людей от Илхана, особое звучание получает мысль о том, что каждый человек в самую трудную минуту должен помнить о ценности жизни, о близких людях, которым он нужен, о необходимости взаимопомощи, сострадания человека к человеку. Поэтому к нему прислушивается Тана, останавливаясь от совершения рокового поступка – самоубийства. Далее в простом сравнении жизни с крутой и труднопроходимой скалой мудрый старик дает Тана установку на борьбу за жизнь. Наблюдая за человеком, карабкающимся на вершину скалы Кирба-таг, он говорит: «Видишь, как тот человек, взбираясь на высокую скалу, соскальзывает с нее, затем снова поднимается, так же и в твоей жизни будет... Вот так надо преодолевать трудности, встречающиеся на жизненном пути» [Костяков, 1989:57].

Так, особая связь романа с фольклором проявляется в стремлении писателя приблизить идейно-художественное содержание традиционных сюжетов к современности: мудрость фольклора должна стать доказательством определенных морально-этических норм в реальной жизни. В связи с этим автор особое внимание обращает на морально-этические и патриотические мотивы произведений фольклора, содержащих на его взгляд, наиболее глубокую концепцию мира и человека, проверенную временем, и использованной для показа сознания народа в военные годы.

И. Костяков, несомненно, расширил изобразительные возможности своего произведения эпическими традициями (мотив женской доли, эпическими качествами реальных мужских и женских характеров – их решительность, целостность и др.). В образах своих героинь автор стремился показать женщин разных национальностей, женщину-борца, женщину-мать, но всегда активных, решительных, сильных духом, именно таких, каких требовал историзм романа – людей времен Великой Отечественной войны.

Непреходяще значимая в художественном творчестве тема героического нашла свое продолжение в повести Георгия Федоровича Топанова «Орел» (1970). За плечами автора повести Г. Топанова солидный военный опыт: был участником войны с белофиннами, Великой Отечественной войны, организовал побег из фашистского концлагеря, уведя за собой 29 советских военнопленных, партизанил в лесах близ Ленинграда, поэтому лично увиденное и пережитое писателем в годы войны легло в основу повести «Орел». В центре описываемых событий находится образ неуловимого разведчика-хакаса и потомственного охотника Бориса Амзаракова, о котором ходят легенды, а упоминание одного лишь его имени наводит страх на немецкое командование.

Унаследованный от народного эпоса пафос героической борьбы в повести Г. Топанова строится на возвышенном. Ведущим героического сюжета в произведении становится литературный герой, близкий по структуре личности к эпическому герою. Прозвище Харахус, данное Амзаракову его друзьями, в переводе на русский язык означает «орел» и свидетельствует о его архаичности, т.е. сравнение главного героя повести с орлом идет от фольклорных традиций, связывающих с образом орла представления о смелости, силе, ловкости – в образе Бориса Амзаракова сконцентрированы лучшие качества богатырей героических сказаний.

Харахус выступает как обобщающий тип, тяготеющий к надэпохальному и интернациональному литературному «сверхтипу» – авантюрно-героическому. Подобный тип человека, по словам Е.М. Мелетинского, в многовековом художественном творчестве проявлял свою сущность в активных поисках и решительной борьбе, в приключениях и свершениях [Мелетинский, 1994]. Герой повести «Орел» – воплощение патриотизма, интернационализма, смелости, мужества, силы, энергии и т.д., имеющих непреходящий смысл во все эпохи для разных народов и поколений, живущих в их фольклорно-эпическом, а затем и в литературном творчестве. Писатели с удовольствием используют качества героев эпоса для изображения человека в реальных экстремальных условиях – ситуации войны.

Следует отметить, национальная литература все активнее обращается к женским характерам, очевидно, как-то уже предвосхищая ее гендерное (ведущее женское) начало, которое придет в литературу России позже. Главная героиня повести Элиза Крауль вместо погибшей в фашистских застенках советской разведчицы Нины Соловьевы была послана немецким штабом в партизанский отряд со спецзаданием – поймать неуловимого Харахуса. Но, влюбившись в него, Элиза переходит на сторону партизан, помогает захватить в плен начальника гестапо Вурмейна. С помощью

архаического образа «двойника»-антипода писатель создает современный реалистический образ женщины-шпиона на войне.

Повесть Г. Топанова «Орел» характеризуется динамичностью, остротой сюжета, исключительностью ситуаций, внезапными поворотами действий (побег советских воинов из фашистского лагеря, специально разработанная фашистами для поимки неуловимого разведчика операция «Мельница», встреча с Ниной Соловьевой, оказавшейся немецкой шпионкой Элизой Крауль, подрыв моста партизанами, взятие ХараХуса в плен, его освобождение и т.д.). Г. Топанов достигает типизации образа главного героя, творчески восприняв, прежде всего эпические традиции: образ партизана-разведчика, показанного непосредственно в боях. Обогащая типологию характеров повести, образ ХараХуса является существенным вкладом в дальнейшее развитие хакасской литературы.

Итак, в хакасской прозе о Великой Отечественной войне фольклор и его поэтика продолжают оставаться художественно-эстетической базой развития и становления прозы. На фольклорных принципах изображения народной жизни, традициях повествования, сложившихся в эпическом творчестве, основаны роман И. Костякова «Шелковый пояс», повесть Г. Топанова «Орел». В создании художественной галереи образов хакасские писатели обращаются к традиционным приемам портретного изображения героев, описания вещного мира, пейзажных картин. Главные герои в произведениях сохранили особенности эпического человека в фольклоре – соответствие внешних идеальных черт и возвышенного внутреннего героического мира героев построено на традициях народного эпоса. Особенностью этих произведений является привнесение в прозу женского характера именно на войне, в основе которого был положен архетип женского начала – воина, воительницы, друга богатыря.

Таким образом, в романе И. Костякова и повести Г. Топанова эпические традиции и интерпретации главных мотивов фольклора – героического подвига, обращенности к фольклорным образам стариков, контрастного изображения событий и героев, использования этнографического материала и др. – связываются с определенными жизненными проблемами – реализмом человека на войне.

Литература

Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2007. – 405 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. литература, 1975. – 504 с.

Костяков И. М. Чибекхур. Роман / И. М. Костяков. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1989. – 232 с.

Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М.: Рос.гум. ун-т, 1994. – 136 с.

Чотчаева А.У.

ПИСАТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ

Первую статью о Биляле Аппаеве я написала в 2008 г. Статья вышла под названием «Пером одушевляя мысль». Чтобы максимально объективно представить читателям образ юбиляра, приступая к нынешней статье о писателе, я сочла нужным дополнить её отдельными выдержками из этой публикации.

... Встреча должна была состояться в редакции газеты «Карачай». Времени оставалось совсем не много, тем не менее, я замедлила шаг, стараясь мысленно представить человека, о котором так много слышала, но так мало знала. И всё же, в душе я была уверена: мне предстояла встреча с особенным человеком...

С творчеством Б. Аппаева я была знакома хорошо: читала его книги, смотрела постановки его пьес, слушала песни в записи и по радио. Казалось, этого материала было достаточно, чтобы написать о нём. Но приступив к работе, поняла, что статья будет неполной без личного знакомства с писателем. С этой целью в 2008 году я приехала в редакцию газеты «Карачай», где и встретила с Б. Аппаевым.

Дверь с табличкой заведующего отделом культуры была открыта, но в кабинете никого не было. В следующую секунду, обернувшись, я увидела торопливо идущего по коридору человека – он приветливо и радушно улыбался. Я сразу же узнала его, шагнула навстречу.

Аппаев Билял Добаевич родился в 1939 г. в селе Учкеекен Карачаевской АО, окончил филологический факультет КЧГПИ. Профессиональный путь начинал редактором областного радиокomiteта.

В 1983–85 гг. учился в Москве в Литературном институте имени А. М. Горького. Он был первым слушателем из КЧАО, окончившим двухгодичные курсы по драматургии. Известный поэт, прозаик, драматург Б. Аппаев с 1985 г. по настоящее время работает заведующим отделом культуры карачаевской газеты, является членом Правления Союза Писателей КЧР и руководителем карачаевской секции при Союзе писателей РФ.

Кабинет радушиного хозяина оказался прост и скромн. И всё же, я обратила внимание на одно важное обстоятельство: по всему было видно: здесь гостям рады всегда (такое, согласитесь, в наши дни – редкость).

Первая книга писателя вышла в 1964 г. под названием «Родине», куда вошли стихи и поэма «В больнице». Затем последовали: сборник рассказов автора «Две любви», повесть «Первая любовь» (кстати, первое в карачаевской литературе детективное произведение), первый (в этом жанре) сборник одноактных пьес «Странные люди», в 1996 г. появилась первая книга многоактных пьес в карачаевской литературе «Добро пожаловать!». Многие из этих произведений печатались в центральных изданиях, переводились на русский и другие языки.

Писатель бережно перекладывал на столе аккуратно сложенные, пожелтевшие со временем газетные вырезки, фотографии так, словно перелистывал страницы истории. Несуетливый, обстоятельный разговор собеседника располагал к взаимному доверию и искренности. За каждым словом писателя стояла живая страница истории культуры. Передо мной был человек, так много сделавший для сохранения духовного и культурного богатства моего народа, его языка, человек, на чьём творчестве выросло и состоялось не одно поколение моих земляков.

С 1970 г. в творчестве Б. Аппаева драматургия отчётливо выступает на первый план. Появляется ряд замечательных пьес: «Обмытая шляпа», «Три матери», «Сын Ёрюзмека» – сказка для детей, драма «Чужой», музыкальная комедия «Бешеная любовь», «Невеста отца», «Незванный гость», «Амулет», «Отверженный» и др.

В 1979 г. в издательствах «Искусство» и «Советская Россия» вышли сборники драматических произведений, где были опубликованы пьесы Б. Аппаева: «Бобики» и «Сын председателя» – первые драматические произведения литераторов Карачаево-Черкесии, переведённые на русский язык и ставшие достоянием всесоюзного читателя и художественных коллективов страны.

В 1984 г. комедия Б. Аппаева «Как похищают красавиц» была переведена на русский язык выдающимся классиком русской драматургии В. Розовым и напечатана в журнале «Современная драматургия». Это первое произведение авторов Карачаево-Черкесии, появившееся на страницах такого солидного издания. Позже, в этом же журнале вышла трагедия Б. Аппаева «Амулет», переведённая на русский язык Н. Мирошниченко. Всего на русский язык переведено 9 пьес автора. Все они были напечатаны в журналах и сборниках драматических произведений и одобрены Министерством культуры России и Советского Союза для распространения по театрам страны.

В 1986 г. Чечено-Ингушский государственный драматический театр осуществил постановку пьесы Б. Аппаева «Как похищают красавиц» на чеченском языке. Эта пьеса – первое драматическое произведение авторов Карачаево-Черкесии, переведённое с карачаевского языка и поставленное на профессиональной сцене за пределами региона, что явилось весомым вкладом в развитие драматургии не только КЧАО, но и Ставропольского края, в состав которого входила область. В 1989 г. писательской организацией Карачаево-Черкесии Б. Аппаев был признан «первым профессиональным драматургом области и Ставропольского края».

Являясь членом Правления Союза Писателей КЧР, Б. Аппаев немало сделал и для пропаганды произведений других литераторов Карачаево-Черкесии.

Говоря о творчестве Б. Аппаева, часто приходится употреблять слово «впервые». И это не случайно. Во многих жанрах карачаевской литературы Б. Аппаев, действительно, явился первопроходцем. Талант, поистине, не имеет национальных границ. Многие произведения автора, в том числе и драматургические, переведены и звучат более чем на 40 языках народов мира, из них пьесы – на 38 языках и поставлены более чем в 75 театрах: Казахстан, Украина, Молдова, Башкирия, Чувашия, Республика Осетия-Алания, Республика Дагестан, Республика Марий Эл и др.

С большим триумфом в Черкесске и в ряде городов КЧР и КБР прошла музыкальная комедия «Клятва не жениться».

10 декабря 2010 г. в Карачаево-Черкесском республиканском драматическом театре состоялся торжественный юбилейный вечер писателя.

... С тех пор прошло несколько лет. И вот сегодня мы снова сидим в том же уютном кабинете редакции. Нашу беседу прервал телефонный звонок. Моего собеседника вызывали на важную встречу. Он вытащил из сейфа увесистую папку, положил передо мной и, будто читая мои мысли, сказал:

– *Здесь – часть моего архива, просмотри, может, ты найдёшь ответы на многие вопросы.*

Открыв папку, среди прочих бумаг я нашла его деловую переписку, старые фотографии, театральные афиши пьес, пригласительные письма и многое другое. Наиболее интересные, документы, я откладывала в сторону.

Юбилейный 2014 год для писателя оказался плодотворным: он издал две книги: «Перевалы жизни», куда вошли переводы на карачаевский язык стихов О. Хайяма, С. Есенина, М. Джалиля, Н. Некрасова, А. Кунанбиева и «Мельница» – повести и рассказы на карачаевском языке.

Пока я разбирала бумаги, вернулся и хозяин кабинета. Мы продолжили беседу.

– *В Вашем архиве я нашла письмо на имя президента республики, связанное с романом «Жалобы гор». Что Вы можете сказать по этому поводу?*

– *Это первый приключенческий роман в карачаевской литературе. По инициативе группы депутатов КЧР, написавших это письмо, роман был удостоен Премии президента республики.*

– *Судя по архиву, Ваши публикации имеют широкую географию, в том числе и во Франции. Где ещё публиковали Ваши произведения?*

– *Сказка «Сын Ёрюзмека» вышла в Белоруссии. Пьесы «Бобики» и «Сын председателя» были опубликованы в центральной печати в сборниках драматических произведений. Это были первые публикации драматических произведений литераторов КЧАО в таких солидных изданиях.*

Билял Аппаев – автор более 16 замечательных книг (стихи, рассказы, поэмы, очерки), более 20 пьес. Он – Народный писатель Карачаево-Черкесии, Заслуженный работник культуры РФ и КЧР, является членом Союза писателей и членом Союза журналистов СССР (РФ). По версии газеты «Вестник Карачаево-Черкесии» и международной газеты «Народы Кавказа» Б. Д. Аппаев признан писателем года-2014 в КЧР.

Шевкиева Н. Р.

К ВОПРОСУ О ДИДАКТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ АБЛЯКИМА ИЛЬМИЙ

Абляким Ильмий (1887–1962) – талантливый крымскотатарский писатель, педагог, публицист, переводчик, видный общественный деятель, оставивший заметный след в истории развития крымскотатарской прозы 20-х гг. XX в. Его педагогическая деятельность в Крыму началась сразу после окончания учёбы в Стамбуле, и уже в 1914 г. он становится директором медресе в с. Тавдаир. О том, что эта фигура была действительно признанной в своё время среди учащейся молодёжи, пишет один из учащихся Зынджырлы медресе Мустафа Халилов: «В 1918 году в высшем учебном заведении Зынджырлы медресе им. Менгли Гирая учительский авторитет принадлежал двум личностям. Одним из них был директор Якуп Кемаль, другим – Абляким Ильмий» [1, 12–13]. Чуть позже, учительствуя в бахчисарайском медресе, А. Ильмий давал уроки по географии. Во время войны – между 1942–43 гг. – он начинает свою работу в лицее села Албат (ныне пос. Куйбышево Бахчисарайского района) и преподаёт там уроки истории и географии. Примечательно, что это учебное заведение было открыто при помощи Крымского Мусульманского Комитета [1, 15]. Современники запомнили его как личность, на первый взгляд, заурядную, но внутренне богатую, весьма эрудированного учителя, человека чистосердечного и готового к безвозмездной помощи.

Абляким Ильмий как человек широкого кругозора обращал внимание на особо острые социальные и этические проблемы действительности, скрупулёзно описывал общественные тенденции своего времени. До наших дней дошли 3 художественных и 16 публицистических произведений автора. В своём литературно-художественном наследии А. Ильмий писал о голоде, постигшем Крым в 1921–1922 гг., о последствиях I Мировой войны, о морали и человеческой личности, образовании и воспитании. В публицистике названного автора особый акцент сделан на проблемах этнонационального уклада жизни и мироощущения крымскотатарского народа. В этом контексте рассмотрены вопросы воспитания в семье и образовательных учреждениях, насущные проблемы истории, религии, специфики образования, любви к родине.

В каждой своей публикации А. Ильмий, рассматривая под критическим углом зрения, предлагал альтернативные и мудрые пути решения той или иной проблемы, которые имели место в крымскотатарском обществе; в душе своей он был реформатором, искренне переживал за будущие поколения. Во многих статьях затрагивал как историю крымскотатарского народа, так и тюркскую и мировую. В этом спектре аналитического воззрения публициста и писателя заметно трепетное отношение публициста к своему, родному: языку, обычаям, религии и истории. Как явствует из злободневных статей Аблякима Ильмиия, ему присуща тонкая художественная наблюдательность и большой педагогический опыт.

Примечательно, что публицистика отмеченного писателя и по сей день не утратила своей актуальности. Так, статья «Окъув-тербие долайысыле сѣкют ичтимаемизе даир» («Деградация нашего общества как следствие неправильного обучения и воспитания») многогранна по своей тематике, которая по мере раскрытия сводится к вопросу анализа текущего момента через призму этнонационального восприятия. Эта статья, состоящая условно из пяти частей, написанной, естественно, арабской вязью, была опубликована в журнале «Янъы Чолпан» («Новая Заря») в 1923 г. Автор убеждён, что при любом методе, применяемом в обучении и воспитании, должны быть обеспечены, прежде всего: активизация мыслительных способностей личности в условиях понижающейся жизненной активности тюрко-татар (крымских татар), развитие общественной мысли и суждений среди тюрко-татарского народа, право на самоутверждение и борьбу за жизнь. Заблуждения в понимании своей религии, особенностях поклонения и молитвы А. Ильмий считал последствиями такого явления, как деградация среди тюрко-татар. В своей работе публицист одержим задачей разъяснить, какие последствия имело влияние арабского языка на мышление крымскотатарского народа (например, то, как в арабоязычной среде крымские татары стали уделять меньше внимания своему родному языку) и какое место занимает арабский в старой и новой методике преподавания и воспитания. По его мнению, взрослые, не вдаваясь в значение и смысл заученных молитв во время проведения религиозных мероприятий, дают тем самым дурной пример своим детям. Ильмий отмечает, что именно безынициативность и нежелание людей изучить и разобрать даже то, что уже имеется у них в руках, привело к деградации, т. н. торможению в культурной и интеллектуальной сфере. Абляким Ильмий не противится арабскому, однако он не приемлет незнание народом родного языка – крымскотатарского. При этом он отмечает, что при правильном подходе к проблеме староарабский язык может послужить стимулом для поиска новых дидактических методик, которые, в свою очередь, способны развить общество духовно, интеллектуально, оградив её от подражания, вызвав в людях чувство любознательности, саморазвития.

Пулицистику Аблякима Ильмий невозможно рассматривать вне его художественных произведений. Педагогические воззрения Ильмий-публициста получили творческое воплощение в его рассказе «Къуртчы Бекирчик» («Пчеловод Бекирчик», 1923) и повести «Ачлыкъ хатирелери» («Воспоминания о голоде», 1926). Финал как первого произведения, так и второго имеет оптимистический настрой: мальчик Бекирчик, оставшийся без родителей вследствие сильнейшего голода, планирует встать на ноги, хорошо освоив тонкости пчеловодства; главная же героиня упомянутой повести (Сюндюс) оказывается перед той жизненной чертой, когда невозможно уверенно ступить по жизни, не ответив на вопрос: «Кто я?». Этот социально, морально-этически и философски мотивированный вопрос, по мнению писателя, рано или поздно должен встать перед каждым человеком. Правильный же ответ на него зависит как от правильного воспитания в семье, так и обществе в целом.

Литература

Ильмий Абляким. Эсерлер топламы. – Симферополь: Таврия, 2004.

Юлдыбаева Г. В.

ТӨРКИ ХАЛЫКТАРЫ ФОЛЬКЛОРЫНДА ХЫЗЫР ИЛЪЯС ОБРАЗЫ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ:
«Экспедиционный выезд в Федоровский район», № 15–14–02602.

Хызыр Ильяс образы – бөтә төрки халыктары фольклорында ла үзенсәлекле сағылыш тапкан әүлиә карт. Халык ижадында эпостарза, әкиәттәрзә, легендаларза, ышаныузарза, тыйыузарза йыш осрай.

Башкорт халкының “Заятүләк менән Ыуһылыу» эпосында Заятүләк ағайзарының мәкеренән төшөндә күргән изге карт өйрәткән доға тылсымы менән котолоп калһа [БХИ, 1 том, 1972: 199], “Акбузат» эпосында ла Хызыр исеме телгә алына, бында иһә Айһылыуға ярзам кулы һузыусы геройзы барыһы ла Хызыр пәйғәмбәргә тиңләй [БХИ, 1 том, 1972: 175].

Н. Ә. Хөббитдинова “Курайсы комарткыһы» хезмәтендә *4 “өстөнә озон йәшел сапан кейгән, башына зур ак сәллә ураған, кулына озон таяк тоткан... ялбыр ак һакаллы», геройға һәр сак ярзам итеп йөрөүсә Әүлиә картты ла Хызыр Ильяс образы менән

4 Беляев Т.С. Куз-Курпач, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 г. (Казань, 1812).

тинлэй: “геройға һәр сак ярзам итеп йөрөүсе ошо Әүлиә образының һүрәтләнеше, функцияһы менән бөтә төрки халыктарында, шул иҫәптән башкорттарҙа, киң билдәле булған Хызыр Ильяс образын хәтерләтә», тип яза. Шулай ук, автор был образды алтай версияһындағы “Козын-Эркеш – Баян сулу» эпосында Ак-Сагал, кыргыз халкының “Манас» эпосында “ак һакаллы бер әзәм» образдары менән уртаҡлыктарына ла иғтибар итә [Хөббитдинова, 2009: 90].

Хызыр Ильяс татар халык ижадында ла киң таралған образдарҙың береһе. Мәсәлән, татар дастандарында ла ул ауыр хәлдә калған геройға ярзамға килеүсе образ булып күзаллана. “Ак күбек» дастанында геройға дошманын еңер өсөн уның башын нисек кисергә кәрәклеген өйрәтһә [ТХИ: Дастаннар, 1984: 85], “Таһир менән Зөһрә»лә Аллаһ көзрәте менән Таһирҙы төрмәнән коткара, уның аяк-кулдарынан бығауҙарын сисеп, атка ултыртып, һөйгәнә Зөһрә янына ебәрә. Һуңынан Таһирҙың төшөнә кереп уға юл да өйрәтә [ТХИ: Дастаннар, 1984: 225, 237].

Башкорт халкында Хызыр Ильяс образын сағылдырыусы әкиәттәр зә байтаҡ. Мәсәлән, изге Хызыр Ильяс өйрәтәүе буйынса балык ашаған катындың улы тыуһа [Том 3, 1988: 78], “Бабай, Хызыр Ильяс, батша» әкиәтендә – ул ауыр хәлдә калыусы бабайҙың ярзамсыһы [Том 3, 1990: 72]. Был әкиәттең варианттары башка төрки халыктар ижадында ла күзәтелә.

Хызыр Ильяска бәйлә төрөктәрҙә “Хыдыреллез», гагауҙарҙа “Хедерлез» кеүек байрамдар барлығы ла билдәле. 23 апрель көнө үткәрелгән был байрам өс көн һузымында бара. Бөтә тереклек йәшеллеккә күмелә башлаған ваҡытта, йәйзең беренсе көнөн билдәләп, уның ундырышлы, котло булып килеүен теләп уҙғарыла ул. “Хызыр» һүзе гәрәп теленән «йәшел» мәғәнәһен аңлата. Хатта сүллектә ул пәйзә булһа, йәшеллеккә күмелер булған.

Башкорттарҙа фольклор экспедициялары осоронда әлегә көндә лә Хызыр Ильяс тураһында байтаҡ кына мәғлүмәттәр язып алына. Халык телендә ул күберәген “пәйгәмбәр», “юл фәрештәһе» йәһиһә “юл һаксыһы» буларак һакланып калған. Ололар һөйләүе буйынса, әлек ул буразналар буйлап, йәшел сапанын кейеп, башына ак сәлләһен урап йөрөгән. Изге күңелле кешеләргә ярзам, насар уйзағыларға зыян да иткеләп куйған. Хызыр Ильяс изге кешегә генә осрар, тик уны күргәндә һөйләргә ярамай, тизәр ололар [ЭМ, 2006: 69]. Казак фольклорында ла шундай риүәйәт барлығы билдәле. Кеше Хызырҙы (Кызыр) үз ғүмерендә өс тапкыр күрер, тик өсөнһөндә лә танымаҫ. Ул йә ярлы, йә юлаусы булып күзгә күренер, әгәр зә осраған ваҡытта уны белеп, бәхет һораһаң, ул ғүмерлеккә кешене бәхетле итер, тик уны бик һирәктәр генә танып калыр, ти [Потанин, 1972: 301].

Халык телендә уның исеме күберәген кешене юлға озатканда әйтелгән һамактарҙа иҫкә алына. Хызыр юлсыны һәр төрлө хәүеф-хәтәрҙән курсып йөрөүсе изге йән итеп күзаллана, уға ышаныс менән мөрәжәғәт ителә. Мәсәлән, Ырымбур яктарында экспедиция мәлендә информант безҙе озаткан сакта:

Йөрөгән юлдарығызға

Хызыр Ильяс юлдаш булһын,

Хәүеф-хәтерҙәрҙән һаклаһын.

Хозайым, елегез арттан булһын,

Кояшыбыз алдан булһын.

Яман күзҙәрҙән, яман телдәрҙән,

Яман сирҙәрҙән һаклаһын!

Хозайым, ни телдәһегез, шуны бирһен.

Бар телдәһәңдәрегез алдығызға килһен! Амин! (4)⁵, –

тип, доға кылды. “Ә кем һуң ул Хызыр Ильяс?» – тип һорағас: “Юл фәрештәһе ул. Әлек ул урам буйлап, фәкир булып кейенеп, кешене йомартмы, һаранмы, ихласмы, тар күңелләме икәнлеген һынап йөрөгән», – тип яуап бирҙе. Һамар, һарытау өлкәләрендә йәшәүсе башкорттарҙан Хызыр-Ильяс образына бәйлә үзенсәлекле һамак өлгөләре язып алырға тура килде. Мәсәлән, юлға сыкканда:

Хызыр Ильяс юлдаш булһын,

Фәрештәләр канаттарын йәйеп торһон,

Хәйерле юл булһын,

Баһаутдин бабай

(Хужа Баһаутдин – юл хужаһы) риза булһын (1),

йәһиһә:

Хызыр Ильяс юлдаш булһын,

Ерҙән килгән, күктән килгән

Бәлә-казанан һакла, Раббым.

Уңдан килгән, һулдан килгән яман күзҙән,

5 Түңәрәк йәйә эсендә информаторҙарҙың рәт һаны күрһәтелде. – Ю.Г.

*Яман һүззән һакла, Хозайым.
Аллаһы Тәғәлә һиңә тапшырзым,
Кайза барһалар за һакла, Хозайым, –
тип теләк теләп озаталар (5).*

Сыккан юл уңышлы булһын өсөн, өйзән сыкканда ук:

«Хызыр Ильяс юлдаш бул,

Ябраил фәрештә канат астына һыйзыр,

Исән-һау йөрөп, әйләнәп кайтырға язһын,

Аллаһы Тәғәлә йортомдо тапшырам үзеңә», –

тип әйтеп, тугыз кат «Көлһөүалланы» укып сығып китәбез, йөрөп кайтқас:

Исән-һау йөрөп кайттым йортома,

Атабыз – Әзәм, анабыз – Һауа,

Йорт хужаһы – Хөппи хужа Сәғирә карсык, –

тип доға кылып кужабыз», – тип һөйләнә Каризел районы Иске Багазы ауылынан Фатыхова

Мәғәфиә Нәзермөхәмәт кызы (1936 й.).

Хызыр Ильяс якшы кешегә изгелек, яманға яуызлык та кылып куйған, тип әйткәйнек инде. Ул яратмаған кеше булып та күренер, ти. Шуға күрә лә оло быуын вәкилдәре «һәр кемгә итәгәтле булығыз, бер кемдең дә күнелен кыймағыз, Хызыр Ильяс булып куйыр», тип киҫәтеп тора. Ошоға бәйле Ырымбур өлкәһендә шундай мәғлүмәт язып алынды: «Көндәрзән бер көндө бер карт катынға килеп кергән дә, кер йыуырға кәритә һораған икән. Тегеһе асыуланып, «Кәритә һорайың да йөрөйһөн», – тип уны кыуып сығарған. Был асыуланып «Кәритәңә каплан!», – тигән дә, сығып киткән. Ул сығып китеүе булған, теге катындың кәритәһе үзенә капланған да куйған, ти. Бына гөбөргәйел шунан килеп сыккан ул. Элек инәймәдәр шулайтып һөйләй торғайнылар. Гөбөргәйел кеше затынан, кәритәһен бирмәгән катын ул. Хызыр Ильяс уны шундай хәлгә төшөргән»(6).

Свердловск өлкәһендә иһә: «Элек Хызыр Ильяс йөрөгән. Бер вакыт ул бер өйгә хәйерсе булып барып кергән. Хужабикә уға асыуланып:

– Бушамайым әле, йөрөмәһән дә ярап, – тип кыскырған. Хызыр уға:

– Бер вакытта ла буш торма, эшлә лә эшлә, эшең бер зә күренмәһән, – тигән, ти.

Ә йорт хужаһы Хызырҙы алып кергән, яйлап һөйләшеп ултырған, сәй эсергән. Хызыр уға:

– Тыныс йәшә, бер казак какһаң да, эшең күренеп барһын, – тигән.

Бына шуға хәзер катын-кыздың эше тауык сүпләһә лә бөтөрлөк түгел, ә ирзәрзең һәр эше күренеп бара», – тип һөйләнеләр (2). Бына шулай, Хызыр каты бәрелгәндәргә яуап итеп яуызлык та кылып куйған.

Йома көн – мосолмандар өсөн изге көн, ул көндө зур эштәр башкарырға ярамай, был көндө хатта суска ла кылын коймас, ти, халык акылы. Хызыр за күберәген йома көндәрәндә йөрөй икән. Свердловск өлкәһендә былай тип һөйләгәндәр ине: “Күршем һөйләгәйне миңә. Бер мәлдә йома көндө урманға киткән был. Арыштың еткән мәле булған. Бының каршыһына ап-ак һакаллы, ап-ак сәлләле, һырлы таяк тотқан, аяғына ситек кейгән, билен быуған бер карт килеп сыккан. Баш бармағы зур, озон, ти. Мороно кып-кызыл, һакалдары, каш-керпектәре ап-ак, үзе матур, ти. Аты шып туктаған, алға ла китмәй, артка ла сапмай икән. Карт килеп сыккан да:

– Улым, йома вакыт, йома вакытта йөрөмә, – тигән. Бер нимә лә әйтеп өлгөрмәне, күззән юғалды, тип һөйләнә»(3). Хызыр Ильяс бына шулай ярамаған эш кылғанда киҫәтеп тә торған.

Әлбиттә, бер мәкәләлә генә Хызыр Ильяс тураһында бөтә материалды биреп булмай, был иһә киләсәк, зурырак тикшеренеүзәргә кала. Дөйөмләштереп шуны әйтеп була, халык ижадының ниндәй генә жанрын алып караһаҡ та Хызыр Ильяс һәр вакыт фәзел, кешегә ярзамсыл, һахлаусы изге зат булып һүрәтләһә. Һәм әлегә көндө лә халык хәтерәндә ул бары тик шундай һызаттар менән йәшәй.

Әзәбиәт

Башкирское народное творчество. Богатырские сказки. Уфа, 1988. Т.3. (кара: Хусаинова Г.Р. Мифологические мотивы в башкирской народной волшебной сказке/Керуен. № 2. 2006. С.120)

Башкирское народное творчество. Бытовые сказки. Уфа, 1990. Т.3.

Башкорт халык ижады. Эпос. Өфө, 1972. 1-се китап.

Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина. Алма-ата, 1972.

Татар халык ижаты. Дастаннар. Казан, 1984.

Хөббөтдинова Н. Ә. Курайсы комарткыһы: «Кузыйкүрпәс менән Маяһнылыу» эпосының Т.С. Беляев версияһына күзәтеү. Өфө, 2009.

Экспедиция материалдары – 2004: Әлшәй районы. Өфө, 2006.

Информанттар

Зәйнәтдинова Асылбикә Мырзагәле кызы, 1926 йылғы, 6 бала әсәһе, 4 класс белемле, Намар өлкәһе Оло Чернигов районы Күстән ауылы.

Мөбинова Мәнмүзә Мирсәйет кызы, 1932 йылғы, 4 бала әсәһе, 4 класс белемле, Свердловск өлкәһе Өртә районы Өртә-Шигере ауылы.

Рәсүлова Мәғзүмә Ғыймалетдин кызы, 1927 йылғы, 7 класс белемле, 7 бала әсәһе, Свердловск өлкәһе Түбәнге Серге районы Аккул ауылынан.

Хөсәйенова Ғәфиә Әбделғәлим кызы, 1931 йылғы, 2 бала әсәһе, колхозда эшләгән, Ырымбур өлкәһе Гай районы Нурбулат ауылы.

Юнысова Рауза Камил кызы, 1936 йылғы, 5 бала әсәһе, 7 класс белемле, Нарытау өлкәһе Перелюб районы Катай ауылы.

Якупова Венера, 1939 йылғы, 4 бала әсәһе, 7 класс белемле, Ырымбур өлкәһе Өлкән Хәлил ауылы.

Юнусов Ш. Э.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ШАМИЛЯ АЛЯДИНА

Шамиль Алядин (1912–1996) – одна из знаковых фигур в общественно-политической и культурной жизни крымскотатарского народа. Он олицетворял собой то звено, в котором сочетались обострённое восприятие жизни, способное на осмысление прошлого и постижение настоящего, и талант, шедший в авангарде литературно-художественных исканий. Время творческого поиска писателя пришлось на период негласной идеологической борьбы с проявлениями «национализма» (в советском понимании), где тема связи крымскотатарского народа с Крымом не вписывалась в рамки официальной идеологии государства. Для создания произведений, в которых Шамиль Алядин вознамерился реалистически воспроизвести исторические события в этнонациональном контексте, потребовали особого художественного подхода. К сожалению, в крымскотатарском литературоведении этот аспект представлен спорадично, что и говорит о его актуальности.

Постановка проблемы. Литературно-художественное наследие Шамиля Алядина нуждается в целостном исследовании. В силу объёмности и тематической разнородности его произведений эта проблема представляется весьма сложной, но перспективной. В нашей предпринята попытка рассмотреть опыт создания исторически правдоподобных произведений в крымскотатарской литературе.

Объектом исследования является историческая проза крымскотатарского классика Шамиля Алядина, созданная в последней четверти прошлого столетия. Предмет исследования – использование приёма ретардации для художественной детализации изображаемого.

Цель – рассмотреть вопрос о соотношении исторической правды и вымысла, а также выявить способы авторской интерпретации событий прошлого. В контексте этого предстоит решить следующие **задачи**: показать важность опыта писателя в создании больших исторических полотен; рассмотреть проблемы художественной формы в разрезе сюжетно-фабульного соответствия.

Основной материал. Шамиль Алядин, творческая зрелость которого пришлась на вторую половину XX в., осознавая ответственность творческой интеллигенции перед своим народом в условиях складывающейся социально-политической ситуации, был серьёзно озабочен мыслями о сохранении национальной самоидентификации. Процесс, направленный на пересмотр национально-этнического самосознания, деформированного вследствие исторической драмы крымскотатарского народа, должен был способствовать пробуждению интереса к истокам. Поэтому, понимая, что народ, лишённый духовного родства с предшествующими поколениями, может лишиться и исторической национальной памяти и, соответственно, опоры, прозаики ощущали потребность в иных приёмах и методах художественного осмысления исторической действительности. Так, произведения, где без оглядки на идеологическую заданность воссоздавался национально-этнический мир с учётом национального характера, специфического этнонационального опыта, их исторической обусловленности, стал создавать Шамиль Алядин. Если ещё в 1979 году в повести «Иблисиниң зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир») он сумел связать индивидуальную неповторимость личности с этнической психологией своего народа, то в историческом романе «Тугай-бей» писатель задался целью воскресить страницы героического прошлого и исторических личностей, оставивших глубокий след в истории крымскотатарского народа.

Создавая образ Усеина Шамиля Тохтаргазы – прототипа реального исторического лица, поэта-демократа конца XIX – начала XX века, автор повести «Приглашение к дьяволу на пир» занят поиском ответа на вопрос о роли лидера в историческую эпоху. Как известно, пилотный вариант

отмеченной повести Шамиля Алядина был опубликован в литературном альманахе «Йылдыз» («Звезда») в 1978–1979 гг. Произведение сразу вызвало живой интерес среди читателей как «первое» полотно, задавшееся целью «представить крымскотатарскую тематику через показ определённой страницы из нашего социального прошлого, из хода общественной мысли» [1, с. 95]. Примечательно, что старейший крымскотатарский учёный-языковед Усеин Куркчи, поделившийся своими замечаниями и пожеланиями, рекомендовал автору «Приглашения к дьяволу на пир» придать динамизма главному герою повести посредством его близости к народу, поскольку Усеин Тохтаргазы был человек передовых взглядов, что не могло не требовать от него активного включения в дебаты по вопросам социально-политического устройства общества. И эти события должны были раскрываться непременно на фоне Бахчисарайских реалий. Отдельные замечания Усеина Куркчи касались поведения и внешнего облика главного героя повести. Он, в частности, рекомендует обратить пристальное внимание на эпизод, где главный герой, идя по улице города, ест калач, чего, согласно местному этикету, Тохтаргазы-учитель допустить не мог. При издании повести отдельным сборником Шамиль Алядин учтёт эти пожелания, и отмеченный момент получит следующее описание: «... Получив обёрнутый в бумагу горячий калач, сунул его в карман. Выйдя из пекарни, едва удержался, чтобы тут же не вынуть из кармана пахучий, присыпанный маком калач и не откусить, но ему казалось, что все встречные смотрят на него, скажут, чего доброго: взрослый человек, а ест на ходу, как ребёнок...» [1, с. 276]. Как явствует, писатель стремится быть осторожным в вопросах соответствия литературного и реального характеров, тем самым высвечивая внешние категории национально-этнического составляющего своего героя.

Надо полагать, что опыт создания исторической прозы пригодился писателю и при дальнейшей работе в этом направлении – в романе «Тугай-бей» Шамиль Алядин остался верным принципам реалистичного повествования, поскольку здесь объёмно представлены как внутренние противоречия Крымского ханства, так и объективные крымскотатарско-казацкие военно-политические отношения в середине XVII в. Склонность к реалистичному воспроизведению событий изображаемой эпохи у Шамиля Алядина-писателя становится более явным при сопоставлении с романом польского классика Генрика Сенкевича «Огнём и мечом», у которого жёсткая риторика в отношении врагов Речи Посполитой была обусловлена неистовым желанием «любой ценой поддерживать исторический оптимизм». Критика в этом романе обнаружила «немало искажений» и «странных противоречий» [2, с. 103; 3, с. 4]. Авторская же трактовка событий в «Тугай-бее» направлена на то, чтобы разбить прежние идеологические стереотипы [4].

Роман Шамиля Алядина остался незавершённым. Однако в нём писателю удалось пояснить своё видение причин внутреннего противоречия в Крымском ханстве: они кроются в нежелании крымских мурз подчиняться единому центру – хану. Так, в экспозиционной части романа писатель рисует вымышленный эпизодический образ учителя Фредерика Кижэ, устами которого поясняет причины былой политической нестабильности в ханстве: буджакские степняки, постепенно заселившие просторы между Доном и Днестром и одержимые идеей создания своего независимого государства, в смутные эпохи вызывали волнения в регионе из-за междуусобных противоречий, что порою и сказывалось на взаимоотношениях соседствующих государств. Такой способ ретардации позволяет косвенно детализировать и тем самым пояснять обусловленность событий.

Над созданием своих исторических произведений Шамиль Алядин работал многие годы, привлекая воспоминания старожилов, собственно исторических и архивных документов. Скрупулёзность в отборе материала, верность реалистичному способу подачи художественной информации требовали энергии и времени. Хотя его исторический роман «Тугай-бей» и остался недописанным, очерк, посвящённый военно-политическим взаимоотношениям Крымского ханства с соседними народами, являясь своеобразным продолжением романа, даёт почву для дальнейших размышлений о творческом поиске писателя.

Литературно-художественное наследие Шамиля Алядина нуждается в системном изучении. В статье сделана попытка заглянуть в художественную мастерскую писателя и презентовать авторский опыт раскрытия причинно-следственной цепочки в поведении героев исторических событий.

Литература

- Алядин Ш. Сайлама эсерлер. Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. 624 с.
Сенкевич Г. Крестоносцы. – Ташкент: Мехнат, 1985. – 544 с.
Горский И. К. Исторический роман Сенкевича. – М.: Наука, 1966. – 308 с.
Кульчинский О. Шамиль Алядин – классик крымскотатарской литературы: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://umma.org.ua/ru/persons/191>

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абдразакова Э.Б.

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ТОПОНИМОВ И МИКРОТОПОНИМОВ С. БОЛЬШОЙ КАРАГАЙ ВАГАЙСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

На территории Карагайского сельского поселения Вагайского района Тюменской области находятся пять населенных пунктов – с. Большой Карагай (неофициально. Карагай), д. Абаул (неофициально. Убаул), д. Ишаирская (неофициально. Ешайыр), д. Еланская (неофициально. Көмөшлө), д. Тамбурыны (неофициально. Тәнпүрән). В селе Большой Карагай 201 хозяйство и проживает 581 человек. []

Большой Карагай расположен на левом берегу реки Иртыш. В старинных арабских книгах «Карагай» называется «Шәһри (айлы) Карагай. Раньше люди свою деревню звали Шәр Карагай – город Карагай. В центре Карагай кипел большой котел (приплавший по реке), читались молитвы в честь святых шейхов. В окрестных деревнях Көмөшлө, Сәмте, Күлэт, Рәнчек, Сала, Байыш похоронены «яхшылар». [Алишина, Ниязова 2004: 27]

Язык местного населения относят к тобольскому говору тоболо-иртышского диалекта сибирских татар [Алишина 1994, с.29].

Название села возможно произошло от названия дерева «Карагай», так местные жители называют сосну.

Во время полевой экспедиции в село Большой Карагай нами было собрано 110 названий различных географических объектов. Как показывает собранный материал, это не только названия населенных пунктов, озер и рек, но и стариц, проток, оврагов, болот, сенокосных угодьев и других объектов. По своей структуре топонимы и микротопонимы исследуемой территории являются односоставными и двухсоставными. Односоставных микротопонимов – 43: это существительные или прилагательные. Например: Асты (асты «низкое место»), Кырцын (), Көйөк (көйөк «горелый»), оз. Пөргөтлө (пөргөт «беркут»), с.у. Утрау (утрау «остров»); возв. Уба (уба «возвышенность»); с.у. Цүплэй ().

Лингвистическому анализу топонимов сибирских татар посвящена глава в монографии Алишиной Х.Ч «Ономастикон сибирских татар». Она выделяет три способа образования тюркских топонимов и микротопонимов. Юга Тюменской области. [Алишина 1999, с. 207]

Неаффиксальный способ топонимизации.

1. К этой группе относятся топонимы состоящие из однокорневого слова:

а) онимизированные аппелятивы: Пүрән (пүрән 'старица'), Уба (Уба уба 'возвышенность'), Утрау (утрау 'остров'), Асты (асты 'низменность'), Сыйарат (сыйарат 'кладбище');

б) субстантивированные онимизированные прилагательные: Көйөк (көйөк 'горелый');

в) древние микротопонимы с затемненной семантикой: Абаша, Ашыт, Эслем, Кушпакты, Кайырган, Кыйша, Пүгәмпәс, Сүкрәт, Туңшыр, Тентеү, Утмы

г) заимствованные русские онимизированные нарицательные существительные: Вышка, Гостиница, Леянка, Питомник, Эстакада.

2. Аффиксальный способ топонимизации

а) Основа+аффикс-лы/-ле/-лө: р.Агынлы (агын'течение'+лы) оз.Карасулы (кара'черный'су'вода'+лы); мест.Масарлы (масар'захоронение'+лы) д. Мәкле ('+ле); оз. Пөргөтлө (пөргөт'беркут'+лө),

б) Основа+аффикс-мә: б. Мәлгемә (трясина), дор.– лежневка Түшәмә (түшәү 'стелить'+мә), прот. Үткәрмә (үткәрү 'пропускать', проводить'+мә),

в) Основа+аффикс: мест. Катмар (каты'твердый'+мар, т.е. 'место, где растут старые ивы'), мест. Кырцын (), бор Пурлык (пур'бор'+лык, в значении места, где сосредоточены предметы природы), мест. Түңцек (түң'возвышенность'+цек), с.у.Цүплэй (цүп'мусор'+лэй)

3. Лексико-синтаксический способ образования

а) Топонимизация двусосновных сочетаний, не имеющих географических номенов: Эптрүкпай, Мусабай, Парнасыр

б) Топонимизация двусосновных сочетаний с географическими номенами в составе: Тәнпүрән, Кырланцык

Таким образом, количество аффиксов участвующих в топонимизации ограничено. Самыми распространенными являются аффиксы обладания лы/-ле/-лө, и аффикс-мә.

Двухсоставных микротопонимов-67. Они построены по типу определение+определяемое. Различаются следующие типы двухсоставных микротопонимов.

1. Именные словосочетания с существительными
 - 1.1. Модель «Личное имя + аппелятив» (Айбат өйөрөм, Әйет куыл, Әсләр асты, Инүк сас, Ишмән каш, Кәтәрбигә сас, Моратак куыл, Нукшы күл, Нукшы сас, Шыгай тумар)
 - 1.2. Модель «Этническое имя + аппелятив» (Урыс куыл, Урыс паш)
 - 1.3. Модель «Географическое имя + аппелятив» (Күлэт төп, Сахалин саслык, Сәмтә төп, Ык паш)
 - 1.4. Модель «Имя нарицательное заимствованное + аппелятив» (Кәртүшкә кыра)
 - 1.5. Модель «Аппелятив + аппелятив» (Сиңэр оц, Сыйрат асты, Пүрән тамак, Пүрән төп)
 - 1.6. Модель «Имя нарицательное + аппелятив» (Кайын кыр, Кайын тубә, Ком кыр, Курты күл, Мәктәп пакца, Нәкрәс каш, Такта йул, Төлкө урта)
2. Словосочетания, образованные в результате подчинения одного имени другому при помощи различных аффиксов
 - 2.1. Модель «Имя собственное с аффиксом притяжательности + аппелятив» (Сөлөклө кыр, Тоголо уй, Цауыллы утрау)
 - 2.2. Модель «Имя собственное без аффикса + аппелятив с аффиксом притяжательности» (Пүгәмпәс пасуы)
3. Имена прилагательные.
 - 3.1. Модель «Имя прилагательное + аппелятив» (Йакты сыйарат, Йаман пилтер?, Йецкә кыра, Йецкә сас, Караңгы сыйарат, Күк күл, Оссын йагын?, Рәгәт кыр, Тура йул, Теләу кыр?)
 - 3.2. Модель «Имя прилагательное + имя нарицательное» (Асты цүпләй, Искә тирмән, Йалан тәңпүрән, Кыйыш царык, Өстө цүпләй, Сыңар тал, Тас карагай, Церек күпер)
4. Числительные
 - 4.1. Количественные числительные: Өц карагай, Этә күл.
5. Глаголы
 - 5.1. Глагол + аппелятив (Кинәнтэк кыр, Патыр күл, Үтләш йылга?)
 - 5.2. Имя существительное + глагол (Көмөш каскан)

Таким образом, мы рассмотрели три способа образования татарских топонимов и микротопонимов, записанных нами на территории Карагайского сельского поселения.

Жители села издавна занимались земледелием, скотоводством, собирательством. Географическое положение, история села, хозяйственная деятельность населения нашли отражение в микротопонимах села Большой Карагай. Собранный материал позволяет нам выделить следующие семантические группы:

1. Названия, связанные с именами людей, родоначальниками т.д. Например: Айбат өйөрөм (водоворот Айбата), д., оз., б. Нукшы, м. Моратак куыл.

2. Названия, указывающие на особенности окружающего рельефа и местного ландшафта.

Озеро Карасулы (букв. озеро с черной водой, «даже караси в этом озере черные»; оз. Патыр күл (озеро, с очень топкими берегами); оз. Ете күл (йте-ите-ете 'семь' озер); б. Йецкә сас (йецкә 'узкий, худой', сас 'болото'); б. Мәлгемә (мәлгемә 'трясина'); Мөклө сас (мөк 'мох', болото, где брали мох); Нукшы сас – болото, рядом с деревней Нукшы; Сахалин саслык (болото, находящееся далеко от деревни, так его называли женщины и бабушки, которые ходили туда собирать шишки, для них это было далеко)

Часть реки Бугумбас, у села Большой Карагай местные жители называют Агынлы (агын 'течение'); р. Пулгайыр (пулг'', айыр 'река')

Возвышенный участок, недалеко от села Түңцэк (түң'кочка'); г. Нәкрәс каш (нәкрәс 'накрест', букв. горка, на которой есть перекресток);

3. Названия, указывающие на расположение объектов.

Күлэт төп – место, на левом берегу Иртыша, напротив деревни Аллагулово (Күлэт); Сәмте төп – место, на левом берегу Иртыша, напротив деревни Малая Бича (Сәмте) Омской области; м. Сыйарат асты (сыйарат 'кладбище', асты 'низина', букв. 'низина за кладбищем'); Ык паш (ык 'север', паш 'голова' букв. северная часть села Большой Карагай);

4. Названия, содержащие характеристику объектов.

Местечко Тас карагай (тас 'лысый', карагай 'сосна'); м. Сыңар тал (сыңар 'один, одинокий', тал 'ива'); м. Өц карагай (өц 'три', карагай 'сосна'); м. Ком кыр (ком 'песок' кыр 'берег', букв. песчаный берег на болоте);

5. Названия, указывающие на характер растительного мира края

Кайын кыр (кайын 'береза', кыр 'берег' 'березняк на берегу Иртыша);

6. Названия, в которых получили отражение хозяйственная и практическая деятельность, быт и общественные отношения

6.1. Микротопонимы, обозначающие населенные пункты

д. Кайын түбә (кайын 'береза, түбә 'вершина'); д. Тәңпүрән (тәң 'семантика неизвестна' пүрән 'старица');

6.2. Микротопонимы, обозначающие места погребения:

Сыйарат (сыйарат 'кладбище'); Йакты сыйарат (йакты 'свет' освещенная половина кладбища, где растут преимущественно лиственные деревья); Караңгы сыйарат (караңгы 'тьма' 'темная половина кладбища, где растут преимущественно хвойные деревья', по поверьям, именно в этой части кладбища находится склеп шейха); Масарлы (масар 'захоронение').

6.3. Микротопонимы, в которых представлены названия различных объектов хозяйственного назначения:

Йецкә кыра (йецкә 'худой, узкий' кыра 'поле, пашня'); Пүгәмпәс пасуы (пүгәмпәс 'река Бугумбас' пасуы 'поле, пашня'); Уткөйөк кыра (уткөйөк 'букв. огонь горелый' кыра 'поле, пашня' на этом поле до 1930 –х годов вытапливали деготь;

Такта йул (такта 'доска' йул 'дорога', участок дороги, застланный досками в 1960-е годы); Тура йул (тура 'прямой' йул 'дорога'; дор. Түшәмә (түшәү 'застилать', лежневка, в 60 –е годы вела к Эстакаде); Ледянка (дорога, в лесу от озера Кыйша до Тамбурия, в 1930 –е гг женщины зимой по ночам намораживали дорогу, выливая воду ковшами на следы полозьев, чтобы лошадям легче было тащить лес, протяженность до 25 км.)

7. Микротопонимы, отражающие социальные отношения

Мәктәп пакца (мәктәп 'школа' пакца 'огород');

8. Микротопонимы, содержащие характеристику объектов

Иске тирмән (иске 'старый' тирмән 'мельница' место, где стояла старая мельница); Йаман пилтәр (йаман 'плохой', пил, пилтер (поясница) букв. 'плохое узкое место', плохой участок дороги, между Карагаем и Танбуриянами); народное название улицы М. Джалиля Кыйыш царык (кыйыш 'кривой', царык 'кожаная обувь', так выглядела обувь у жителей, живущих на этой улице, не употребляется); Церек күпер (церек 'гнилой', күпәр 'мост');

Таким образом, мы выделили восемь лексико-семантических групп.

Литература

Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография: В 2-х частях. Часть 1–2 Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1999.

Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар: Монография/ Казанский пед. ин-т. Казань, 1994.

Алишина Х. Ч., Ниязова Г. М. Названия селений сибирских татар (на материале Тюменской области). Тюмень. Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2004.

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар Казань, 1992.

Абсемиева Л. С., Ехалова А. В.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ТОПОНИМОВ СУДАКСКОГО РАЙОНА КРЫМА

Исторический генезис, этимология и лингвистические номинации географических названий представляют живой научный и практический интерес с самых ранних этапов развития нашей цивилизации и до настоящих дней. Пристальное внимание к географическим названиям, или топонимам, как важному историческому и лексическому материалу в отечественной науке берет начало в XVIII в. в работах историка и географа В. Н. Татищева. В XIX в. изучению топонимов посвятили свои работы такие ученые как А. Х. Востоков, А. М. Шегрен, М. А. Кастрен, Ю. Ю. Трусман, М. П. Веске, Н. И. Надеждин, И. П. Филевич, Я. К. Грот, В. И. Ламанский, Е. М. Поспелов и др. На рубеже XIX–XX вв. наиболее заметными работами по изучению тюркских и монголоязычных топонимов были труды академиков В. В. Радлова и В. В. Бартольда. В начале XX в. наиболее заметны были работы по топонимике Крыма, Сибири и Кавказа академиков Ф. Е. Корша и Н. Л. Марра. В середине XX в. научный интерес к тюркоязычной топонимии резко возрастает, следует отметить

работы В. В. Струве, Л. М. Меликсет-Бека, С. Г. Кляшторного, А. П. Дульзона, В. А. Никонова, Э. М. Мурзаева, Г. К. Конкашпаева и др. В 70–80-е гг. XX в. наиболее известными работами были труды Г. Ф. Саттарова и Ф. Г. Гариповой. Среди работ, посвященных непосредственно изучению топонимики Крыма, в частности, восточной части полуострова, следует отметить труды А. В. Суперанской [1], А. М. Меметова [2], И. Л. Белянского, И. Н. Лезиной, Х. Ф. Исхаковой, В. А. Бушкова [5] и др.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим интересом к ономастике и топонимии Крыма. Полуостров издавна является местом проживания родственных и неродственных этносов, язык и этнокультура которых оказала колоссальное влияние на возникновение и развитие топонимии региона. Наиболее актуальны проблемы выявления лексических, морфологических и словообразовательных особенностей топонимов, связи географических названий с этносами, их породившими, взаимодействие языков на топонимическом уровне и др.

Целью данной статьи выступает лексико-семантический анализ крымскотатарских топонимов Судакского района Крыма. Для достижения поставленной цели обозначены следующие задачи: выявление лексического состава топонимов; изучение наиболее характерных топокомпонентов; определение основных принципов классификации и структурно-словообразовательных моделей крымскотатарских топонимов района.

Термин топонимия означает совокупность топонимов, или географических названий, какого-либо региона. Наукой, изучающей топонимы, называют топонимику [4]. Особенности топонимии Крыма связаны со спецификой его исторического развития. Так на протяжении веков на территории полуострова проживали различные народы: киммерийцы, тавры, скифы, греки, римляне, сарматы, аланы, готы, хазары, печенеги, кыпчаки, турки, армяне, черкесы и многие другие. Формирование крымскотатарского народа во многом определило развитие топонимии полуострова. В топонимике запечатлены эпохальные события, имена исторических героев, культурные и духовные ценности народа. Топонимы часто встречаются в названиях крымскотатарских песен и напевов: «Акъмесджит яшлары» (Симферопольская молодёжь), «Къарасувнынъ дёрт кошеси» (Четыре стороны Карасувбазара), «Салгыр бою» (По реке Салгир), «Кефе хораны» (Феодосийский хоран), «Багъчасарай долусы» (Бахчисарайское долу), «Эски Къырым къайтармасы» (Старокрымскотатарская кайтарма), «Джайлав авасы» (Мелодия деревни Джайлав), «Орнынъ ёлу» (Дорога к Перекопу) и др. В изучаемом Судакском районе широко распространены следующие топокомпоненты: балта/секира (Ай-Балты), айва (дерево айва) (Айвалык), айван/животное (долина Айван), таш/камень (Кок-Таш), кая/скала (Алча-Кая), алчак/низкий (Алчак-Козюн-Сырты), армут/груша (Армутлык), арпалы/ячменный (Арпалы), бака/лягушка (Бака-Таш), баш/голова, пармак/палец (Баш-Пармак), буюк/большой, бурун/мыс (Буюк-Бурун), сув/вода (Суук-Сув), гогерджин/голубь (Биюк-Гогерджин-Кая), куба/рыжий, тёпе/вершина (Биюк-Куба-Тёпе), мачик/ягненок (Биюк-Мачик-Кая), орман/лес (Биюк-Орман), выран/место (река Ворон), демир/железо (Демирджин-Тёпеси), капу/ворота (Демир-Хапу), вигла/башня (Вигланын-Буруны), капчык/кисет (мыс Капчык), карагач/вяз (Карагач), караджа/косуля (Караджа), ифтикар/нужда (Ифтикар), караман/герой (Караман-Кая), кышлав/зимовье (Касал-Кишла), ёл/дорога (Кефе-Ёл), кок/синий, богаз/перевал (Кок-Асан-Богаз), кузгун/ворон (Кузгун-Кая), кёр/слепой, куш/птица, оба/скала (Кёр-Кушлу-Оба), кутур/олень (Кутур-Оба), Кыдыр/ (имя личное) (Кыдыр-Кая), кыз/девушка, голь, куле, къале/крепость (Кыз-Куле-Бурун), кызыл/красный (Кызыл-Кая), леген/таз (Легенлер), агармыш/седой (Кучук Агармыш), фындык/лещина (Кучук Фындыклы Каясы), Манжули/ (имя личное) (Манджил-Кая), чокрак/источник (Манджил-Чокрак), мен/я, эр/мужчина (Менэрли-Узень), мердивен/лестница (Мердюан-Катмер), оглан/парень, як/сторона (Оглан-Яклар), панджа/коготь (Панджарлар-Кая), парламак/ломать (Паралам-Кая), перчем/чуб (Перчем-Кая), пляки/плита, озен/река (Плаки-Узень), порсук/борсук (Порсук-Дере), сасык/болотистый, гнилой (Сасыхан-Тёпеси), сырт/хребет (Сыхтлар), сычан/мышь (Сычан-Тёпе), тарак/гребень (Тараклык, Таракташ), тар/узкий (Тарчы), арты, терс, каршы/обратная сторона (Артышлы-Бурун, Каян-Арды, Терс, Каршитерс, Хашки, Терс-Сырт), токлук/сытость (Токлук-Сырт),/ томак/ясновидящий (Томакларын-Каясы), хобах/затвор (Хобахла), карпыз/арбуз (Харпус-Кая), карт/старик (Харт-Кая), качмак/бежать (Хачмаклар-Оба), черен/копна (Черен-Оба), чыплах/лысый (Чыплах-Кая), чобан/пастух (Чобан-Куле), чукур/яма (Чукур-Кая), эль/народ (Эльмели), эски/старый (Эски-Юрт), эчки, кечи/коза (Эчки-Даг, Кечи-Эмеси), яман/плохой (Яман-Ёл). Согласно лексико-семантическому принципу географические названия могут быть классифицированы в зависимости от значения или сферы употребления слов их образующих (табл. 1). Выделены следующие семантические группы топокомпонентов: отражающие особенности деятельности человека; антропонимы – личные имена крымских татар

и греков, измененные под влиянием тюркских наречий; отражающие черты характера, внешние признаки, названия частей тела; ландшафт и водоемы – оронимы и гидронимы, а также отражающие особенности флоры и фауны – фитонимы и гидронимы; оронимы, обозначающие общее указание на место и его географическую окраску (ор, капу, хоба, ёл, тарак, терс, арты, каршы, тар, пляки и др.); этнонимы (Казас-Алан, Сан-Алан) (табл. 1).

Таблица 1

Классификации топонимов по лексико-семантическому принципу

Гр.	Деятельность человека	Антропонимы	Внешность и части тела	Оронимы и гидронимы	Фитонимы и дримонимы	Зоонимы
Топокомпонент	демирджи, балта, курман, ифтикар, караман, мердивен, чобан, юрт, леген и др.	Личные имена, прозвища, фамилии тюркского и греческого происхождения	эски, карт, чыплах, перчем, агармыш, богаз, бурун/мырын, пармак, боюн, баш и др.	чукур, тёпе, оба, сасык, куль/голь, озен, чокрак и др.	карпыз, черен, улан, чатал, алма, айва, армут, арпал, артыш, ардыч, орман, карагач, фындык	эчки, кечи, порсук, каян, кузгун, куш, кутур, сычан, бака, гогерджин, мачик, караджа
Топонимы	Демирджинин-Тёпеси, Капчык, Ифтикар, Караман, Касал-Кышла, Мал-Кая, Мердюан-Катмер, Пагарча, Чобан-Яклан-Кая, Чобан-Куле, Томакларын-Каясы, Юртун-Бурун, Легенлер	Ай-Йори, Айор-Даг, Айсава, Ай-Серез, Ай-Фока, Айваз-Кая, Измаил-Кая, Аян-Тёпеси, Кок-Асан-Богаз, Кыдыр-Кая, Османчик, Маски, Сейран-Кая, Манджил-Кая	Эски-Кая, Харт-Оба, Чыплах-Кая, Хачамаклар-Кая, Перчем-Кая, Кучук Агармыш, Кок-Асан-Богаз, Биюк-Бурун, Баш-Пармак, Алчак-Козюн-Сыргы, Боюнча-Гечмоса, Кая-Баш, Денги-Башы-Каясы	Агын-Оба, Мэнэри-Узень, Сасыхан-Тёпеси, Чукур-Кая, Урбаш, Кыз-Куле-Бурун, Чобан-Куле, Узень-Азги, Плаки-Узень, Манджил-Чокрак	Улан-Кая, Харпус-Кая, Чатал-Кез, Черен-Оба, Айвалык, Армутлык, Арпалы, Артышлы-Бурун, Биюк-Орман, Амбулапла, Каламат-Кая, Карагач, Кучук-Фындыклы-Каясы	Порсук-Кая, Каян-Арды, Эчки-Даг, Кузгун-Кая, Куркушлу-Оба, Кутур-Оба, Сычан-Тёпе, Теке-Атанг, Кечи-Эмеси, Куш-Кая, Бака-Таш, Биюк-Гогерджин-Кая, Биюк-Мачик-Кая, Караджа

Крымскотатарские названия, состоящие из двух и более компонентов, пишутся через дефис (Ай-Йори, Кок-Асан-Богаз, Сычан-Тёпе), исключая общепринятое написание слитно некоторых топонимов (Таракташ, Айбатлы). В составных топонимах первое слово выступает в роли определения и может быть выражено существительным, прилагательным или числительным, второе – в качестве определяемого и обозначает географический объект (Гогерджин-Кая, Кефе-Ёл, Артышлы-Бурун – «голубиная скала», «дорога на Кафу», «можжевеловый мыс»). При этом для топонимов, построенных по схеме существительное+существительное, иногда встречается изафетная форма, выражающая принадлежность. В этом случае первое слово приобретает аффикс родительного падежа. Так в современном крымскотатарском языке существует две формы аффиксов родительного падежа: -нынъ, – нинъ, при этом часто встречаются в том числе аффиксы родительного и винительного падежа: -ин/ -ын. Ко второму слову присоединяется аффикс принадлежности 3-го лица: -и/ы, – си/сы, – ю/у (Демирджининъ-Тёпеси, Томакларын-Каясы). При этом принадлежность может распространяться только на одно слово (Аян-Тёпеси, Кефе-Ёл-Дереси), в этом случае изафет неполный. Топонимия Судакского района неоднородна, многие названия [4, 5] имеют разные варианты написания (Ай-Балты и Айбатлы) и не соответствуют нормам крымскотатарского языка (например, Демерджинин Каясы вместо Демирджининъ Каясы), что затрудняет их смысловую интерпретацию.

Таким образом, лексико-семантический анализ крымскотатарских топонимов Судакского района Крыма показал, что топонимическая система Судакского района является источником уникальных сведений о природе, языке, истории и культуре крымских татар и других проживающих на данной территории народов. Исследование топонимии отдельного района формирует целостное представление о генезисе и перспективах развития топонимики Крыма. Следует отметить, что топонимическая система Судакского района имеет сложную структурную организацию, при этом написание топонимов варьируется и часто не соответствует лексическим и грамматическим нормам крымскотатарского языка.

Литература

Суперанская А. В. Типы и структура географических названий//Лингвистическая терминология и прикладная топомастика. – М.: Наука. – 1964.

Меметов А. М. Происхождение крымских татар//Ученые записки ТНУ имени В. И. Вернадского. – Том 26 (65). № 1, ч. 1. – 2013.

Мурзаев Э. М. География в названиях/Мурзаев Э. М.: Наука, 1982.

Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму/Бушаков В. А. – К.: Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського. – НАН України, 2003.

Аджимуратова З. Н.

ПОДРАЖАНИЯ РАЗЛИЧНЫМ ЗВУКАМ С СОНОРНЫМ «Р» В ОСНОВЕ СЛОВ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Проблема явления звукоизобразительности, её природа и связь составляющих знаменитого треугольника (денотат – сигнификат – фонетическая форма) всегда предоставляли обширный плацдарм для научных исследований. Первичное наименование проходит через такие этапы познания, при которых важную роль играют органы чувств, которые в свою очередь могут мотивировать систему наименований предметов, встречающихся в человеческой практике в связи с этими видами ощущений.

Выявление фонетической структуры, морфемный и лексико-семантический анализ звукоизобразительных слов с сонорным *p* в корне слов в современном крымскотатарском языке – цель данного исследования.

Гур-, гур-, гыр-, гырт-, гырч-, дыр-, зыр-, кыр-, тар-, тыр-, фыр-, чыр-, шыр-, сер-, черт-, гудюр-, гыдыр-, гяджыр-, гюджыр-, гыджыр- подр. грому, грохоту, тарахтению, дребезжанию, журчанию, скрипу, скрежету, хрусту и другим шумам, производимым в результате многократных вибрирующих движений предметов.

В крымскотатарском языке производных, образованных от данных звукоизобразительных форм, много, приведем некоторые из них:

гур-юльдемек ‘гремять (например, о громе)’, *гурюльти* ‘гул, рокот, лепет ребёнка’, *гурюльтили* ‘гремячий, напр.: *гурюльтили экишлик* – гремячая кислота, *гурюльтили газ* – гремячий газ’;
гурс этмек ‘грохнуть’;

гыр-ылдамакъ ‘бурчать, урчать (о животе), подр. звуку, издаваемому при полоскании горла, хрипеть’, *гырылты* – ‘бурление, урчание’, *гырылдавукъ* – ‘урчащий, бурчащий’, *гыртылакъ* – ‘гортань’;

гырчылдамакъ/ гычырдамакъ – ‘хрустеть, скрипеть’, *гырчылды / гычырды* – ‘хруст, скрип’;

гыджыр-дамакъ, гыдыр-дамакъ ‘звенеть, гремять цепями, производить скрежет’, *гыджырды* – ‘звон, звяканье цепями, скрежет’, *гыджырдылы* – ‘скрепучий, скрежещущий’;

гудюрдемек ‘гремять’, *гудюр-гудюр* – ‘гремя, подр. звуку грома’, *гудюрди* – ‘грохот, громыханье, кок гудюрдиси – ‘гром, громовой раскат’;

зыр-ылдамакъ ‘брюзжать, бурчать’;

кырыл-дамакъ ‘бурчать’;

кырмакъ ‘скрести, царапать’;

тарс этмек ‘треснуть’, *тарсылдамакъ* – ‘трещать’;

тырылдамакъ ‘тарахтеть’;

тырнамакъ – ‘царапать’, *тырнакъ* – ‘ноготь’;

фырыл-фырыл ‘подр. звуку при вращении, кружении’, *фыралдавукъ* – ‘вертушка’, *фырыл-фырыл айланмакъ* – ‘быстро кружиться’, *фыркылдамакъ* – ‘фыркать, сопеть’, *фырламакъ* – ‘вылетать, взлетать, выскочить’, *фырландырмакъ* – ‘вращать, кружить’, *фырланмакъ* – ‘кружиться’, *фырлатмакъ* – ‘швырять’, *фырчы* – ‘кисть, щётка’, *фырчыламакъ* – ‘чистить щёткой, расчёсывать’;

чырылдамакъ ‘трещать’, *чытырдамакъ* – ‘трещать’, *чытырдап янмакъ* – ‘гореть с треском’, *чырылдамакъ* ‘стрекотать, щебетать’, *чырлама* – ‘олады (от подр. звуку при обжаривании чего-либо)’, *чырмакъ* – ‘аплодировать’, *чырпы* – ‘хворост, сухой хворост’, *чырылдамакъ* – ‘стрекотать’, *чырылды* – ‘стрекот’, *чырчырна* – ‘степной сверчок’;

чертмек ‘чиркнуть спичкой’, *серник* – ‘спичка’;

шырылдамакъ ‘журчать’, *шырылды* – ‘журчание’, *шыр-шыр ягъмакъ* – ‘идти (о дожде)’.

Основным звукоизобразительным элементом этих корневых морфем является дрожащий сонорный *p*, в силу своего артикуляторного своеобразия естественно передающий указанные значения.

Анлаутные согласные и инлаутные гласные обозначают лишь оттенки и силу звучания. Лабиальные гласные употребляются при передаче глухого раскатистого звука. Плоскощелевой *з* в анлауте, несколько отличаясь в звукоизобразительном плане от смычных, указывает на более высокую тональность имитируемого звука.

В других тюркских языках звукоизобразительная модель «переднеязычный смычный дрожащий сонант *p*» при обозначении грома, грохота и так далее оказывается также очень устойчивой, при этом семантический разноречивый (в определенных рамках) возможен только в связи со вторичной звуковой ассоциативностью того или иного модификатора: ктат. *гудюрьдемек* ‘гремять, громыхать, гудеть’, *дырылдамакъ* подр. тарыхтению, громыханию; каз.: *гурілде-* ‘гремять, громыхать, гудеть’, *гурс ет-* ‘грохнутья, бухнутья’, *гүлдір/күлдір* ‘громыхание, тарыхтение’, *дарылда-* ‘говорить громким грубым голосом, греметь, тарыхтеть’, *дур-дур* подр. тарыхтению, громыханию (например, землетрясения, мотора, огня, потока воды и так далее), *дыр ет-* ‘затарыхтеть, загудеть, шумно разрывать (материю)’, *дiрiлде-* ‘дрожать, трястись (например, от холода или страха)’, *зырыл* ‘гул, шум визгливо дребезжащих станков и так далее’, *күрилде-* ‘гудеть, шуметь, громыхать, греметь (о громае, моторе, горной реке, грубом голосе)’, *тарсылда-* ‘стучать, колотить, тарабанить’, *тырыл* ‘дребезжание, гул мотора, трескотня’. Кирг. *гүрүлдө-/күрүлдө* ‘гремять, бушевать, реветь (о реке)»; туркм. *гур* подр. тарыхтению трактора, гудению самолета, шуму разговора и так далее; узб. *гур* подр. гулу, грохоту, шуму, *гурилла-* ‘пылать, гореть (с шумом, треском, гулом)»; уйг. *гүрүлдәш* ‘грохот, громыхание’, *гүрсүлдәп чүшмәк* ‘грохнутья’.

Ктат. *дырылдамакъ* подр. тарыхтению, громыханию, жужжанию; кирг. *дырылда-* ‘издавать дрожащий звук, жужжать’, *дирилде-*, *диркире-*, *дилдире-* ‘дрожать, ‘трясись, трепетать’; туркм. *тирс-тирс* подр. легкому вздрагиванию; як. *дир* подр. глухому дребезжанию; узб. *дир-дир титра-* ‘сильно дрожать, трястись, трепетать’, *дирилдок* ‘студень’; як. *дыр-дыр* подр. частому дребезжанию, ощущению мелкой дрожи, резкого нервного возбуждения; тув. *дириле-* ‘гудеть, производить гул (например, о моторе, станке)’, *дирт – дарт* подр. внезапному шуму.

Рассматриваемая модель и в других языках полисемантическая, и может обозначать самые различные оттенки гремящего, громыхающего и так далее звучаний и вибрирующих движений, например, в значении ‘гром’: рус. *гром-/грем-*; тадж. *грум*; малай. *guringurun*; евр., араб., эфиоп. *R'M*, прасемит. *RGM*; в значении ‘грохот’: рус. *грох (от)*; тадж. *гурс, гулдур, тарак, такар*; яп. *todoroku; koro-*; евр. *R'S*; в значении ‘звук разрывания, распарывания’: рус. *пор-*, литов. *brik/g-*, тадж. *тапп-, чар-*; осет. *p'aer-, paert-*; евр. *PRM, PRR, KR*.

Фоносемантическая выразительность дрожащего *p* во всех приведенных примерах выполняет преобладающую звукоизобразительную функцию. Подражательное значение других звуков можно интерпретировать по-разному, в частности, как дополняющих или в той или иной степени усиливающих звукоизобразительность формы. Однако определенные различия обозначений рассматриваемого понятия, особенно многосложных, очевидно, должны толковаться в основном с точки зрения закономерностей фонетической структуры и морфологического состава конкретного языка. В противном случае субъективные объяснения особенностей звукоизображения, на наш взгляд, неизбежны.

Источники и литература:

Азербайджанско-русский словарь / [Под ред. А. А. Оруджева] – Баку: Изд-во АН АзССР, 1962. – 1124с.

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Киргизско-русский словарь / [Автор: К. К. Юдахин] – М.: Сов. Энциклопедия, 1965. – 973с.

Ногайско-русский словарь / [Автор: С. Джанбекова-Калмыкова] – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 562 с.

Русско-якутский словарь / [Ред.; П. С. Афанасьев] – М.: Сов.Энциклопедия, 1968. – 720 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Севортян Э. В. – М.: Наука, 1974. – 777 с.; 1978. – 349 с.; 1980. – 395 с.

Узбекско-русский словарь / [Под ред. С. Ф. Акабиров] – М.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1959. – 839 с.

Уйгурско-русский словарь / [Сост. Э. Н. Наджип; ред. Т. Р. Рахимов] – М.: Сов.Энциклопедия, 1968. – 828 с.

Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский/крымскотатарско-русский словарь – Симферополь, издательский дом «Тезис», 2007. – 640 с.

Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке: Монография / Хусаинов К. Ш. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232 с.

Чувашско-русский словарь / [Под ред. М. Я. Сироткина] – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 630 с.

Ипчи У. Асан / У. Ипчи // Сборник «Икяелер». – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1972. – 208 с.

Черкез-Али Сабалар къучагъында / Черкез-Али. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1973. – 352 с.

Айнитдинова Н. И.

РАССЕЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА КРЯШЕН

Многовековая история и самобытная культура татар Нижнетавдинского района издавна привлекают внимание. За последние годы по этим вопросам опубликованы несколько работ.

Однако нас интересуют в основном две этнографические группы татар Нижнетавдинского района Тюменской области: сибирские татары и кряшены.

Одной из таких групп является небольшая часть татарского населения Нижнетавдинского района – «татары-кряшены», сложившаяся в середине XVIII – начале XIX в. Следует отметить, что в источниках XIX в. татары-кряшены известны как «кряшены».

Кряшены в основном жили в деревне Балтан на территории Нижнетавдинского района Тюменской области. На сегодняшний день деревня не населяется, постройки отсутствуют, осталось лишь действующее кладбище кряшен. По словам, Тамары Григорьевны Лукиной все кряшены хоронятся именно там, хотя проживают в с. Чугунаево. Как и во многих селениях Нижнетавдинского района в д. Балтан работы не было и все жители ходили работать в колхоз «Кызыл байрак» с. Чугунаево. Д. Балтан от с. Чугунаево расположено на расстоянии 3 км. Своей часовни или церкви у балтанцев не было, поэтому в последнюю субботу месяца в с. Вележаны из г. Тюмени приезжал батюшка («Из церкви на Семакова» – уточн. Шалапаева Ольга Арсентьевна) и обучал балтанцев.

«Безнең әт'иләр атәистлар буладыр ийә// Заманасы ишлай болг, ан// Безнең әби джәтәкләп апарыдыр ийә Вилижәнг, а/ тчукынадыр ийәк,/ укынадыр ийәк// Батюшка килмәсә/ әби безне машинага утыртадыр ийе дә Тәмәнгә/ Семакова урамына илтәдер ийе// Во славу благослави/ д'ип әйтәдер ийек//»

Говорят они, как и казанские татары, на среднем диалекте татарского языка. В культуре и быту, кряшен имелись особенности, отличающие их от татар Нижнетавдинского района. В частности, у них сохранились старинные формы языка, песен, традиций, обычаев, личных имен (только в устном употреблении).

Тем не менее эта группа не стала предметом специального исследования. Этим обстоятельством аргументируется актуальность нашего исследования.

Хозяйственный уклад кряшен, как и у татар Нижнетавдинского района, основывается на древней земледельческой культуре. Он сложился на базе благоприятных природных условий: умеренного климата, черноземных почв, обильных пастбищ, водных ресурсов, разнообразного растительного и животного мира.

Ведущую роль в хозяйственной деятельности кряшен в конце XIX – начале XX в., как и в предшествующее время, играло земледелие, имевшее зерновую специализацию. Остальные отрасли земледелия, животноводство и другие занятия были подсобными.

К примеру, при посадке картофеля используется следующая примета:

«Менә бәрәңгене чыгарадыр ийек/ аны щистартып бакцаг, а әзерлидер ийек// Соң, ы бәрәңгене саладыр ийек/ көрәк, щиләкләрне атадыр ийек тә / щирәмгә джәтып ауныйдыр ийек // Ул индә бәрәңге әйбәт үөссен д'ип/ безнеке кебек зор булсын д'ип/ пригаваривать итәдер ийек //».

Значительное место в культуре кряшен занимают элементы, заимствованные от культуры русских. Хозяйственно-культурные контакты татар с русским народом существовали с отдаленных времен. Однако элементы быта русского народа в дореволюционный период входили в быт кряшен в более широком масштабе, так как этому способствовали тесное взаимодействие (зачастую жительство в одних деревнях, брачные связи), единство религии. Они также заметны в одежде (сорочки, волосники, приспособленные для ношения с национальными головными полотенцами и украшениями), в пище (окрошка, квас и др., явившиеся дополнением к питанию и разнообразившие стол крестьян).

В жилище более разнообразными стали формы внешней отделки, а в традиционную внутреннюю его планировку вписались полаты, лавки, стол и пр. На сегодняшний день планировка сильно не отличается от стандартного оформления дома: вышитые крестом самотканые полотенца, которые достались в наследство хозяевам, скатерти, и конечно икона и крест в красном углу дома.

Алиева, Т.К., Каппушева Ф.Х.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Гармоничная языковая политика, обеспечивающая полноценное функционирование языка как важнейшего фактора укрепления национального единства, может способствовать сохранению и развитию государственных языков Карачаево-Черкесской Республики.

Закон Карачаево-Черкесской Республики «О языках народов карачаево-черкесской республики», который «направлен на создание условий для сохранения, равноправного и самобытного развития языков народов Карачаево-Черкесской Республики», гарантирует, что «Карачаево-Черкесская Республика на своей территории решает все вопросы, связанные с языками, обеспечивает их экономическую, социальную и юридическую защиту, стимулирует их изучение» [3: с. 2]. В основные принципы национальной политики КЧР входит также «содействие развитию общероссийской культуры, национальных культур и языков народов республики».

Языковая ситуация в регионе требует срочного решения вопросов по организации целенаправленной языковой политики – необходимо принять региональную программу поддержки и развития языков народов КЧР как составной части Концепции национальной политики КЧР. Об этом гласит статья 4 главы 1 Закона «О языках народов карачаево-черкесской республики»: «Государственные программы сохранения и развития языков народов КЧР разрабатываются органами государственной власти республики» [3, с. 2]. В контексте Программы могут быть запланированы и реализованы многочисленные проблемы сохранения и развития языков народов КЧР, в том числе и проблемы унификации графики и орфографии карачаево-балкарского языка, что является составляющей становления норм литературного языка.

В контексте нормализации современного литературного карачаево-балкарского языка особую актуальность приобретает проблема унификации его региональных вариантов (карачаевского и балкарского). Известно, что язык – это совершенная система, которая устроена по своим внутренним законам, где ничего лишнего, «избыточного» не может быть. Это синергетическая система, внутри которой работают механизмы самопополнения, самоочищения, самообновления. В связи с этим языковые (лексические) реформы с ликвидацией вариантов слов «декретом сверху» неуместны и антинаучны. Региональные варианты необходимо изучать с целью оценки их с точки зрения соответствия или несоответствия норме. Даже орфографические словари, не говоря о других словарях, в случае унификации орфографии карачаево-балкарского языка должны отражать региональные особенности языкового (фонетического, морфологического, грамматического) и лексического характера единого языка [1, с. 56].

Необходимость унификации орфографии карачаево-балкарского языка продиктована несовершенством действующих правил правописания в обоих регионах и необходимостью приведения орфографии в систему единообразных написаний. По мнению карачаево-балкарских лингвистов, в отличие от лексических и грамматических вариантов, которые являются закономерным следствием развития языка, орфографические варианты возникают в результате несоблюдения орфографической системы языка.

В настоящее время наблюдается стремление некоторых ученых «выявлять структурное несоответствие между исключительно богатым консонантизмом ... языков и их нынешним кириллическими алфавитами» и выдвигают идею о необходимости создания для них собственных и «независимых систем письма» [5, с. 166].

Авторы так называемых, «новых систем письма», «обновляют и переосмысливают многообразное историческое, лингвистическое, культурное и политическое наследие» [5, с. 324], при этом незаметно призывают унифицировать все алфавиты в «общекавказский». Своими призывами они порой наносят вред языкам малочисленных народов: такие реформы, как правило, отражаются губительно на молодых литературных языках с неразвитыми стилистическими системами и орфографическими традициями

Заметим, что новые графические проекты, даже совершенные и теоретически вполне оправданные, в нынешней языковой ситуации не способствуют языковому прогрессу даже в отношении развитых языков. К реформам можно обращаться только в исключительных случаях и только на основе продуманных проектов. Так, о причинах неудачи, например, проекта реформы русского языка 1964 г. Л. Р. Зиндер высказал следующее: «Орфографическая комиссия не могла опереться на социолингвистические и психолингвистические эксперименты, которые подтвердили бы необходимость реформы, ее своевременность и определили бы, на кого она должна быть рассчитана» [4, с. 63]. Как отмечает В. Алпатов, неудачи языковых реформы терпят крах, чаще всего, в связи с тем, что «обратная связь разработчиков реформ с их потребителями возникает лишь на стадии обсуждения уже готовых проектов» и предлагает последовать примеру японцев, которые не навязывают новые правила, а вводят в нормы то, что уже стихийно произошло или происходит: ученые ведут анализ реального обихода, текстовые примеры подвергаются компьютерной обработке, в результате чего выявляется, насколько обиход соответствует официальной норме [2, с.20]. Как правило, проекты реформ правописания не всегда находят поддержку у населения и писателей.

К примеру, при обсуждении предложенной некоторыми карачаево-балкарскими лингвистами реформы (в проекте) графики, основная часть читателей газеты «Къарачай» (КъЧР) и газеты «Заман»(КъМР) высказалась против неё.

При всех недостатках существующей графической системы карачаево-балкарского языка и её региональной вариантности, следует учитывать, что «языковые реформы не могут основываться лишь на тех или иных, пусть даже вполне научно обоснованных, лингвистических рекомендациях. Чтобы реформа удалась, нужно учитывать общественную ситуацию, желание или нежелание носителей языка в данный момент идти на жертвы, связанные с переучиванием, степень развития языковой нормы и письменной традиции и многое другое» [2, с.21]. Необходимо также учитывать обязательные условия, сформулированные пражской лингвистической школой: 1) нормализация должна способствовать стабилизации литературного языка, не нарушая его структурных особенностей; 2) нормализации не следует углублять различий между устным и письменным языком; 3) нормализация должна сохранять варианты и не должна устранять функциональных и стилистических различий.

Большинство карачаевских лингвистов (члены кафедры карачаевской и ногайской филологии КЧГУ) склоняются к позиции «золотой середины», выступая за преемственность письменной традиции. В рамках нормализации литературного языка предлагают провести «мягкую» унификацию алфавита: лишь касательно унификации дж/ж в пользу дж, так как «Литературный карачаево-балкарский язык сложился на основе карачаево-баксано-чегемского дж (ч) -диалекта».

Литература:

Алиева Т.К., Айдарукова А. Н. Проблемы графики и орфографии сквозь призму языковой ситуации. – Актуальные проблемы современной филологии. – Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора И. Х. Ахматова. – Нальчик, 19–20 декабря 2013 г. – Нальчик, 2014.

Алпатов В. М. К вопросу о языковых реформах. – Вопросы филологии. 2010, № 1 (34). – с. 16–21.

Закон Карачаево-Черкесской Республики «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики». – Черкесск, 1996. – 5 с.

Зиндер Л. Р. К итогам дискуссии о русской орфографии // Вопросы языкознания. 1969. – № 6, с.56–64.

5. Казарян В. Р. Проект общекавказского алфавита. – Ереван: Авторское издание, 2012. – 330 с.

Алиева Т. К., Касаева Л. Д.

ОБ АРХАИЗМАХ В ТЕКСТАХ НАРТСКОГО ЭПОСА

Выявление архаизмов в фольклорных текстах любого языка, их анализ с лингвокультурной точки зрения, прослеживание процесса архаизации лексики дает представление о культуре и языковой картине мира народа.

В текстах карачаево-балкарского нартского эпоса достаточно часто встречаются архаизмы и историзмы, которые подразделяются на лексические, лексико-фонетические, лексико-семантические и лексико-морфологические архаизмы. Приведем примеры.

Лексические архаизмы:

Арам «свидетель». *Сонгура, кёб арам-къарам этмей, бир чёрчеклик этейим деб, нартла бла сермешир къан алыб, къоннган джеринде бегимли болур ючюн, тау башында мёнгю гыйылань къазыб, ары-бери тёнгеретиб, кесине бегеуюл джараидыра башлайды. – «И тогда решил, не мешкая, показать [нартам] свою храбрость. Подготавливаясь к битве с нартами, он начал срывать глыбы льда и катит их в разные стороны. Он хотел укрепить то место, куда опустился»* Здесь *арам-къарам* «не мешкая».

Баштакъ «незаконнорожденный». *Баштакъ туугъан, бу бизни къуру бетибизни джоюпму турдукъду? «И долго этот незаконнорожденный будет позорить нас?»*

Салымчы «ангел, небожитель». В словарной статье толкового словаря к.б. языка салымчы приводится как устаревшее слово и переводится как «ангел» – (Аллахны джумушчусу) [КЪМТАС, Т. 3, С 49]. Кёкден къараб, *салымчыла* кёрген эдиле, Была мынга (Акъбийчеге) сукъланнгандан ёлген эдиле. С неба глядя ангелы её увидели и позавидовали до смерти её (Акъбийче) красоте» [«Нартла», 1994, с. 71]. «... в эпосе тысяче салымчы Эльбруса проручается охрана младенца Карашауая; в Большом Карачае в а. Къарт-Джурт было священное дерево Салма-Терек (или Салмалы-Терек) к которому приходили бездетные женщины и вешали на ветви клоки шерсти (а позже и ленточки из очень дорогого в те времена шелка), прося у Салма-Терек о хорошем потомстве. В основе имени священного дерева, видимо, др.– тюрк. *салын* «свисать» (от *сал* «класть») + *-ла* аффикс соразмерности > *салма* «место, куда вешают» (ср.: чуваш. *чалама* «священная лента»; общ.– тюрк. *салама* «жертва»); что касается имени небесных духов *салымчы*, то в основе мифонима, видимо, *салын-* «свисать» + *-чы* имяобразующий аффикс > *салымчы* «свисающий» [Х. М. Акбаев, 2010, с. 89]. Любопытно, что данное слово имело место в карачаево-балкарской военной терминологии: «Этот военный институт складывался еще в эпоху «военной демократии» Первоначально дружинники носили тюркское наименование – салымчы» [Хатуев, 1999, с. 55]. Вероятно, данный архаизм также можно охарактеризовать как некротизм в современном языке.

Лексико-семантические архаизмы достаточно часто встречаются в текстах нартского эпоса.

Джек/жек «шайтан, нечистая сила», «злой дух». Употребляется в устойчивом словосочетании «джекден джууукъ къоймайды» «отказываться наотрез», «не хотеть слышать». Встречается в эпических текстах. В фольклорных эпических текстах в некоторых случаях данный термин означает «волшебное зеркало». *Андан джекни тюзлеге айландырыб къарагъанды, Ёрюзекни кёрмегенди. – «Тогда она повернула волшебное зеркало в сторону степей, но и там не увидела Ёрюзекка.»*

Употребляется в устойчивом словосочетании в формах *бий джеклик эте* «повелевая, господствуя», *бий джекме* «я повелитель» (Сказание «Нарты-сибила»). Ср. *Мен Бурунчук бий джекме, дорбунну накъутун, алтынын, ёзге байлыгъын кёрейик», – дегенди. – «Я – повелитель Бурунчук, осмотрю алмазы, золото и другие богатства пещеры», – [сказал]. «В карачаево-балкарском языке сохранился междометийный возглас «джек!», которым погоняют козу (ср. с др.– тюрк. *чик* «возглас, которым побуждают козу пить воду»); видимо др.– тюрк. *джек* «демон» образовано от междометийного возгласа «джек!» в его переносном значении «чертово отродье». (Ср. также: кар.– балк. *джекирирге, джекириу* «кричать, угрожать»; *шайтан-джек* «чёрты-бесы, нечистые силы»)» [Акбаев, 2010, с. 91]*

Лексико-фонетические архаизмы в эпических сказаниях представлены в достаточном количестве. Звуковое оформление слова в ходе внутрилингвистических процессов стремится к преобразованиям, зачастую в сторону упрощения. Хотя, иногда имеют место и равнозначные преобразования. В эпических сказаниях представлены также и варианты имен собственных, топонимов. Из языка нартского эпоса можно выделить следующие лексико-фонетические варианты.

Адил/Адыл/Идил/Эдил – Волга; «большая река». *Нартланы заманында Эдил сууну джагъасында нартланы бир къалалары болгъанды. – « [Вот в эти] времена нартов на берегу Эдила стояла одна из их крепостей». Улуу Адилни да кюнлюм джагъасында, дейди, Къоланбаш къойла да кюте тургъанлай, дейдиле... – «На солнечном берегу большого Адила, говорят, Он нас пестро-головых баранов...»*

Мёнгю. Слово встречается все в том же эпическом сказании о нартах-сибилах. По контексту вероятно сближение его семантики с *минги* в его значении «вечный, извечный». Термин может являть собой пример лексико-фонетической устаревшей, а оттого и мало употребительной формой более распространенного *минги*. *Сонгура, кёб арам-къарам этмей, бир чёрчеклик этейим деб, нартла бла сермешир къан алыб, къоннган джеринде бегимли болур ючюн, тау башында мёнгю гыйылань къазыб, ары-бери тёнгеретиб, кесине бегеуюл джараидыра башлайды – «И только тогда решил, не мешкая, показать нартам свою храбрость. Подготавливаясь к битве с нартами,*

она начал срывать [вечные] глыбы льда и катить их в разные стороны. Он хотел укрепить то место, куда опустился».

В тексте академического перевода отсутствует перевод к эпитету *мёнгю*, который является эпитетом к *гыйы* «глыба льда». Однако можно провести достаточно явственную параллель с карачаево-балкарским названием Эльбруса – *Минги тау*, которое трактуется и как «исполинская гора», и как «вечная гора». С его вершины и срывал огнедышащий дракон глыбы льда, эпитет к которым по аналогии может быть как «вечный, древний», так и «исполинский».

Происхождение термина *минги-мёнгю* достаточно спорное. Этимологический словарь тюркских языков в качестве праосновы как одну из версий предлагает китайское происхождение термина: «Есть попытки связать тюркскую форму *минг* с кит. *mángü* «вечный» [Гарипов, Чанышев, 1962, с. 31].

В любом случае, в ряде языков алтайской языковой семьи термин бытует давно, причем наличие его в монгольских языках обуславливается через лингвистические контакты с тюркским миром еще в первый период заимствований.

В текстах нартского эпоса почти не встречаются **лексико-морфологические архаизмы**. Вероятно, это объясняется тем, что язык нартского эпоса – это, в целом, просторечный, при этом – художественно обработанный язык. И выявление более древнего субстрата с точки зрения морфологии требует историко-сравнительного анализа с рядом других тюркских языков, а также с древними тюркскими языками. Следует отметить, что такая работа необходима, так как выяснение языкового лексикона любого языка дает материал для сравнительно-исторического исследования родственных языков в поиске праязыка данной языковой семьи.

Литература

- Акбаев Х. М. «Толковый словарь некоторых нартских имен и терминов». – Черкесск, 2010.
- Гарипов Т. М., Чанышев Я. А. Об историко-этимологических словарях тюркских языков // Лексика и морфология тюркских языков. – Новосибирск, 1962.
- Каракетов М. Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев: монография / М. Д. Каракетов – М.: Наука, 1995. – 346 с.
- Карачаево-балкарско-русский словарь / Сост. С. А. Гочияева, Х. И. Суюнчев; под ред. Э. Р. Темишева. – М.: Русский язык, 1989. – 892 с.
- КЪ-МТАС. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в трёх томах, том 3. – Нальчик, Издательство центр «ЭЛЬ-ФА», – 2005.
- Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Отв. ред. А. И. Алиева. – М.: Наука, 1994. – 656 с.
- Хатуев, Р. Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: власть и общество [Текст] / Р. Т. Хатуев // Карачаевцы и балкарцы: этнография, история, археология / Отв. ред. Арутюнов С. А. – М.: Наука, 1999. – 385 с.

Алишина Х. Ч.

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ ДАСТАНА «ИДЕГЕЙ»

Вся история Сибири связана с различными финно-угорскими и тюркскими народами. Отдельные племена, группы тюрков оседали здесь с очень ранних времен. Сибирские татары издавна расселились в бассейнах рек Иртыш и Тобол. Они ведут свою генеалогию от древних тюрков, создателей первых империй в Евразии. Великий древнетюркский каганат был создан в VI в., Первый каганат существовал в 552–630 гг., Второй каганат в 682–745 гг. Главную роль в этническом формировании сибирских татар сыграли, по-видимому, кимакско-кыпчакские племена, этническое ядро которых сложилось в Прииртышье в IX–XI вв. после гибели Западнотюркского и Уйгурского каганатов.

Начиная с XVII в. в эти места стали переселяться выходцы из Средней Азии – «бухарцы». В XVIII в. в Тобольском, Тюменском и Тарском уездах были образованы отдельные бухарские волости. В XVIII – начале XX вв. территория Тоболо-Иртышья входила в состав Тобольской губернии и делилась на Тобольский, Тюменский, Туринский, Ялutorовский и Тарский уезды (округа).

Надежным источником информации об особенностях языка тоболо-иртышских, барабинских, томских татар являются дастаны. Самым значительным по исторической, лингвистической, художественной ценности является поэтический дастан «Идегей».

Эпос «Идегей», повествует о сложном и противоречивом периоде истории Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. В основу народного эпоса «Идегей» легла борьба за единство Золотой Орды. Такие правители как Идегей, Тохтамыш фигурируют в числе самых значительных деятелей в истории, при которых совершались славные дела.

Дастан «Идегей» дает богатый материал, касающийся военной структуры местного населения Западной Сибири. Во время войны, чтобы собрать воинов, провозглашали боевой клич – оран салу. Использовали две формы тактики ведения военных действий: после провозглашения урана войска собирались в одном заранее условленном месте и молниеносно атаковали врага, грабили его, тотчас возвращались на свои земли и рассеивались по степи. Военные трофеи обозначены в дастане словом «*улжа* – *табыш*, *сугыш ганимәте*, *күбесенчә хатын-кыз*», т.е. зачастую такой добычей становились девушки и красивые женщины [Татар эпосы: 460].

Военная организация татар в средние века делилась на три части: правое крыло (восточный фланг), левое крыло (западный фланг) и центр. Каждую из них еще называли «*тәмән* – *ун меңлек гаскәр*» [Татар эпосы: 460], т.е. войском, состоящим из 10000 воинов-всадников. Тюмени в свою очередь делились соответственно на 1000, 100, 10 воинов.

Рассмотрим значения термина «*тәмән*». В трехтомном толковом словаре татарского языка «*тәмән* I. 1. сан. бор. Ун мең. 2. мәгъ. күч. Бик күп, хисапсыз күп. 3. Ун мең кешелек гаскәр башлыгы. II. и. XVIII гасырда Темников шәһәрәннән Башкортостанга һәм башка урыннарга күчеп килгән мишәрләрнең бер төркеме [ТТАС, III: 250] – перевод: *тәмән* I. 1. Древнее числительное. Десять тысяч. 2. В переносном значении. Очень много, бесчисленное множество 3. Военачальник десяти-тысячного войска II. устаревшее. Группа мишарей, переселившихся в XVIII в. из г. Темников на территорию Башкортостана и другие земли⁶. В узбекском языке содержится 4 значения: «1. *туман* – уст. десять тысяч, несметное число, 2. ист. войсковая единица из десяти тысяч всадников, 3) ист. уезд, 4). туман – денежная единица в Иране, равная десяти реалам, ист. денежная единица достоинством в десять тысяч золотых [Узб.: 464]; В хакасском языке: «*түбен* ист. 1. область, административная единица монголов (которая могла выставлять до десяти тысяч воинов); 2. тумен (воинское подразделение до десяти тысяч воинов); *түбеннің пазы* *ниг полча* *главой* *тумена* *является князь түбен пазы* – *Хаңза* *ниг глава* *тумена* – *князь Ханза* [Хак.: 685]. В турецком языке: *tümen* – и. 1. тар. ун меңлек гаскәр, 2. сан ун мең 3. дивизия 4. күч. күп кешеле *жыен* [Төр.: 450] /*tümen* – суц.. 1. истор. войско в десять тысяч воинов, 2. числ. десять тысяч 3. дивизия 4. перенос. многочисленное собрание людей/. В башкирском языке: *тәмән* (*эйек-һақмар*) р. *төп* – основной: *Беҫ иң төмән қара башкорт мәҙһәбе* [ДСБЯ: 327]. /*Наиш мазхаб* – *самый главный, основной башкирский мазхаб*/.

Следующая форма тактики исходила из структуры войска. При встрече с врагом тюрки оставляли лишь слабую центральную часть войска. Более сильные – левое и правое крылья, находились в засаде. Задача центра заключалась в ослаблении и заманивании врага в эту засаду. Ряд терминов, содержащихся в дастане «Идегей», проливает свет на специфику воинских должностей, распространенных у предков сибирских татар: «*иравыл* – *алдан бара торган гаскәр* (воин, идущий впереди)» [Татар эпосы: 458], «*чагдавил* – *арттан бара торган гаскәр* (воин, идущий в хвосте, сзади)» [Татар эпосы: 458], «*тоткавил* – *тышкы сакчы* (охраняющий внешние рубежи)» [Татар эпосы: 458], «*ясавыл* – *эчке сакчы* (охраняющий внутренние рубежи), «*шыгавыл* – *ишек сакчысы* (охраняющий вход)» [Татар эпосы: 458], «*сургавыл* – *дошман артыннан күзәтеп баручы; артта калган яугирләрне куып баручы* (разведчик; тот, кто подгоняет отступающих воинов)» [Татар эпосы: 458].

Военная лексика дастана дает представление об оружейном деле. Главным оружием были копье, слабо согнутая сабля с массивной рукоятью, сборные, часто сделанные из рогов горных козлов луки, свистящие стрелы. Привязанные на конце стрел легкие костяные свистульки при полете издавали звук, похожий на свист. А когда летели на врага тысячи и тысячи стрел, его охватывала паника. Это была психологическая атака на противника. В дастане «Идегей» выделены лексемы, характеризующие типы оружия: «*садак* – *ук савыты* (колчан)» [Татар эпосы: 455]. В узбекском языке *садоқ* – колчан, [Узб.: 366], в хакасском языке *саадах* – колчан. *Колчан алып саадахтан ча-ачах сыгарчадыр* (фольк. хак.) богатырь вынимает лук из колчана, *аар-пуур саадах* – богатырский пояс (фольк. хак.) [Хак.:418] в турецком языке *sadak* – ук савыты, т.е колчан [Төр.: 355]. Колчан – *саадаг* в монгольском [Орос: 220], колчан – *садакь* в кумыкском языке [Рус.: 215].

К другим видам военной терминологии дастана «Идегей» отнесены «*найза* – *сөңге* (вид копья)» [Татар эпосы: 458]; «*йыда* – *сөңге* (вид копья)» [Татар эпосы: 458]; «*чөйдәле* – *асмалы балта* (топор, который подвешивается)» [Татар эпосы: 458], «*корок* – *эlmәкле озын колга, укрук да тиелә*

(крюк с длинной ручкой) [Татар эпосы: 458], Воины-богатыри («*палван* – *пәһлеван* – *богатырь*») носили специальную одежду «*көбә* – металл божралардан ясалган кием – кольчуга») [Татар эпосы: 458]. Военное знамя называлось «*ту* – *байрак*» [Татар эпосы: 458]. В монгольском языке *туг* – знамя. Интересны лексические параллели в турецком: «*tuğ* – и. баш киemenә беркетелгән каурый, чук [Төр.: 466], (украшение на головном уборе в виде пера или кисточки), в хакасском языке «Ту – туга, ленточки на шаманском жезле [Хак.: 669].

По мнению создателей эпоса, чем славнее, важнее и легендарнее были их герои, тем они были знатнее и богаче. Представления о легендарных предках свойственны высшему слою общества. В дастане много места уделяется соколиной охоте, которой увлекались тюркские аристократы средневековья. Об этом свидетельствуют термины «*бүз тойгын* – ак бөркет – белый беркут» «*бөркет* – орел, бөркетче – сокольник [Тат.: 71], беркут в монгольском *бүргэд* [Орос.: 26], *беркут* в кумыкском – беркут [Рус.: 30].

К лексико-семантической группе «охота» относятся архаические слова «*тур* – кош кундыра торган агач (дерево, шест для приземления птицы) [Татар эпосы: 460], «*тур агач* – кош кундыра торган агач» [Татар эпосы: 460], «*турбала* – чөелергә тиешле кош баласы – молодая птица, предназначенная для охоты» [Татар эпосы: 466], «*давылбаз* – бәрмә музыка уен коралы, элек кош чакыру өчен кулланылган – музыкальный инструмент, использовавшийся для приманки птиц» [Татар эпосы: 460], «*кош күтәрде* – кош чөеп аулады – он охотился с помощью птицы» [Татар эпосы: 460].

Культуру тюркских племен невозможно представить без юрты. Сделанные из войлока жилища защищали кочевников от стужи, ветра, мороза, дождя и снега. В дастане «Идегей» употребляются слова, характеризующие юрту или части юрты: «*утау* – *тирмә* – *юрта*» [Татар эпосы: 460], «*кушаллык әү* – ялма ишекле тирмә – юрта с закрывающейся дверью» [Татар эпосы: 460], «*кирәгә* – *тирмәне тотып тора торган колгалар* – шесты, подпирающие остов юрты» [Татар эпосы: 460], «*унагы* – *тирмә терәге* – подпорка юрты» [Татар эпосы: 460].

Дастаны как памятники устного народного творчества можно назвать первыми историческими книгами сибирских татар. Они являются прекрасным и богатым источником для изучения лексики языка сибирских татар. В языке дастанов отражаются элементы материальной и духовной культуры, историческое прошлое сибирских татар, сложившихся как этническая общность в средние века.

Источники

Татар эпосы. Дастаннар. Составитель, автор предисловия, примечаний и словника Ф. В. Ахметова-Урманче. – Казань: изд-во Раннур, 2004. – 640 с.

Словари

Диалектологический словарь башкирского языка /Дильмухаметов М.И., Надергулов У.Ф., Сабирьянова С.Г., Гараева Г.Г./ ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа: Китап, 2002. – 432 с.

Махмутов М.И., Хамзин К.З., Сайфуллин Г.Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. – Казан: Иман, 1992. – т. 1, 2.

Русско-кумыкский словарь: более 40000 слов /под ред. Б.Г. Бамматова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. – 684 с.

Русско-монгольский словарь: ок. 55000 слов. Под ред. академика Ш. Лувсанвандана. Улан-Батор: Госиздат, 1982. – 840 с.

Русско-татарский словарь: ок. 47000 слов /Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев и др; под ред. Ф.А. Ганиева – 3-е изд. испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 736 с.

Русско-хакасский словарь. Под ред. Д.И. Чанкова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 968 с.

Татар теленәң анлатмалы сүзлеге. Өч томда. /Толковый словарь в 3 томах/. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1981. – 831 бит.

Татарско-русский словарь: 25000 слов /И.А. Абдуллин, Ф.А. Ганиев, М.Г. Мухамадиев, Р.А. Юналеева. /под ред. Ф.А. Ганиева. – Казань: Татарское книжное издательство, 2002. – 488 с.

Төрөкчә-татарча сүзлек /турецко-татарский словарь/. – М.: Инсан, 1998. – 560 с.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992. – 255 с.

Узбекско-русский словарь. – Т.: Главная редакция узбекской советской энциклопедии, 1988. – 726 бет.

Хакасско-русский словарь /Широбокова Н.Н., Субракова О.В., Белица Т.И., Белоглазов П.Е. и др./ Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Литература

Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография: В 2-х ч. Ч. 1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. – 240 с.

Дыбо А. В. Материальный быт ранних тюрков // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / отв. ред. А. В. Дыбо; Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2008. – 342 с.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – 293 с.

Аллагулова Н. Ф.

ӘХМӘТ ЕРИКӘЙ ШИГЪРИЯТЕНДӘ АНТОНИМ ҺӘМ СИНОНИМНАРНЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

Әхмәт Ерикәй лирик шагыйрь. Аның шигъри әсәрләре нинди материалдан төзелгән соң? Со-
рау кызык та, гажәп тә яңгырый. Художестволы әсәрнең материал вазифасын тел үти. Әхмәт Ерикәй
дә шигърьләрендә тел чараларын иркен куллана. Әсәрләрен укыгач, шагыйрьнең тел үзенчәлеген
белүе иң элек аның сүзгә сизгерлегеннән килүен төшенеп аласың. Тел байлыгы ярдәмендә әдип
тормыш хәлләрен, кичерешләрен сурәтләп бирә, сурәтләү чаралары әсәрнең эчтәлеген ачуга ярдәм
итә, укучыда эстетик зәвык уята.

Телнең байлыгы турында сөйләгәндә, беренче чиратта, тәңгәл мәгънәләрен белдергән
мәгънәдәш сүзләрен – синонимнарны күз алдында тотарбыз. Телне яхшы белү – аның синонимик
байлыгын белү дигән сүз ул.

Әхмәт Ерикәй строфа эчендә үзара синоним булган сүзләрен кулланып, үзен сүзләргә белән
оста эш итүен исбатлады. Яшь вакытта, янып-дөрләп, яшәүне ул түбәндәгечә күрсәтә:

Бер яшьнәсәң, бер күкрәсәң,

Кайгы-хәсрәт онытыла («Яшь вакытта яшен кебек»).

Бу синонимик сүзләрен бер строфада куллану, шагыйрь әйтергә теләгән фикерне конкрет-
лаштырып, яшьлекнең матурлыгын, дөрт-дәрманың көчәйтәп бирә. Моның ачык мисалы булып,
«Яңгыр», «Тормыш юлын әкрән үттем» әсәрләрендә күрергә мөмкин. Яңгыр яву картинасын, аның
шифасын, табигатьнең шатлык кичерүен, байлык-муллык китерү сурәтен автор эмоциональ – экс-
прессив синонимнар аша тасвирлай.

Иркәләнәләр чирәмнәр

Яңгыр сибәләгәндә.

Бодайларга жан рәхәте

Жылы яңгыр яуганда.

Каеннарга зур тантана

Яңгыр шыбырдаганда.

Рәхәт булыр кыярларга

Яңгыр койгалаганда.

«Тормыш юлын әкрән генә үттем» шигърендә лирик геройның уңай сыйфатларын «Сал-
мак табигатьле мин – басынкы кеше мин дигән сурәтле. «Салмак», «басынкы» сүзләрен аларның
мәгънәдәш булуы берләштерә, ләкин аларның һәрберсендә мәгънә төсмере төрле дәрәжәдә.

Чыннан да бит, картлар сукмагын без

Олы юллар итеп барабыз;

Борынгылар таштан чаткы тапкан,

Ә без судан кояш алабыз.

Бу мисалда картлар сүзе белән борынгылар синоним кебек түгел, әмма алар монда контексту-
аль синонимнар (карт сүзенә синонимнар өлкән, олы сүзләргә туры килә), герой картлар сукмагын-
нан (ата-бабалар, борынгылар васыять иткән туры юлдан) бара, шуңа ул картлар сүзенә борынгы-
лар синоним булып тора.

Әхмәт Ерикәй шигърьләрендә үзара мәгънәдәш булганнар өчен генә кулланылмый алар, ә
мәгънә нечкәлекләре аша тәсир көчен арттыру максатында бирелә.

Бөдрәләнеп, чәчрәп дулкын очты

Дулкыннар атылды («Кыргыз кызы»).

Ә су ага үкереп, шаулап ага,
Ашыга-ашыга («Кыргыз кызы»).

Мондагы «очты-атылды», «үкереп, шаулап» сүзлөре дулкыннарга, елгага гына кагылмый, ә геройга хэвеф-хэтэр янавы турында хэбэр итә.

Тик **шиңмәс**, тик **сүнмәс** гомергә
Халкымның ялкынлы яшьлеге («Чәчкәсе коелган үлэндәй»).

Художестволы сөйләм өчен исем, сыйфат, фигыль сүз төркемнәренә караган синоним сүзләр дә әһәмиятле. Бу строфада һәр ике фигыль бер үк юлның эчендә синоним булып килгән. **Шиңмәс** – **сүнмәс** фигыльләренә, беренче карашка, берсен генә кабатлап кулланса да, зыян юк сыман. **Шиңмәс** фигыле образлылыкны арттыра.

Бер контекст эчендә синоним булып килгән сүзләр аерым килгәндә мәгънәдәш булмаска да мөмкин. Ә. Ерикәй шигырьләрендә бу очракка еш тап булабыз.

Мин таш ватам. Таулар яңгыратам.

Таш түшим мин яңа юлларга.

Таш тетрәтәм. Чүкеч балкый минем

Сөяләнеп беткән кулларда

Зур күперләр өчен таш юнам («Мин таш ватам»).

Өзектә ватам, тетрәтәм, юнам сүзләрә синоним булсалар да, үзләрә аерым торганда мәгънәдәш түгелләр. Димәк, сүзләрне мәгънәләрен шагыйрь киңәйткән, оригиналь яки контекстуаль синонимнар ижат иткән. Бу үзенчәлекне «Сигез яшьтә идем», «үзәннәрдә чәчәк тантанасы» шигырьләрендә күзәтелә: «дан тота – утын балкыта», «көн итүче – дөнья көтүче», «сыер көттем – көтү сакладым».

Көзгә **салкын** жыллар, **каты** жыллар

Чәчәкләрне шигдерәчәкләр («Зәннәрдә чәчәк тантанасы»).

Күрүебезчә, образлы сөйләм тудыруда, сурәт ясауда синонимнарның роле зур. Шул алымны үстереп, көчәйтеп килүче чараларга аерым сүзтезмәләр, жөмлөләр белән билгеле бер сүзнең генә синоним булып килүе дә керә. Мондый үзенчәлек, бигрәк тә, контекстуаль синонимнар арасында була. Ә. Ерикәйнең «Савыгу» шигыре моңа ачык мисал.

Мин көн саен шиңәм, хәлсезләнәм.

Мин үлемгә каршы көрәшәм.

Ә көч китми. Хәл юк. Ярдәм сорар

Оста кулларга эндәшәм.

Өзектә хәлсезләнәм сүзенә шиңәм, көч житми, хәл юк синоним булып килеп, лирик геройның авыру хәлөтендәгә хәленең авырлыгын сурәтләргә ярдәм итә.

Әхмәт Ерикәй сүзләрнең асыл мәгънәләрен аңлап яза, һәр сүзне нәкъ үз урынында куллана. Шуңа да шигырьләре нур белән балкып тора.

Образ тудыруда антонимнар да билгеле бер урын билгели. Шагыйрь ижатында капма-каршы мәгънә белдерә торган сүзләр шактый күп.

Ә. Ерикәй антонимнарны контраст образлар тудыру, билге, күренешләренә бер-берсенә каршы кую өчен куллана.

Гөлләр шыпырт кына чәчәк **ата**,

Чәчәк шыпырт кына **коела**.

(«Сигез яшемдә идем»)

Күкрәгемдә урын **кысан** аңар

Ул **иркенгә** тели чыгарга («Тау елгасы кебек»).

Йөрәгемдә беренә-бере **калма** – каршы хисләр бар

Яндырырлык ялкыннар бар, **туңдырырлык** көчләр бар («Йөрәк»).

Тикширегез йөрәгемне, кискәләгез, ярыгыз

Шатлыкларны, кайгыларны, тойгыларны табыгыз («Йөрәк»).

Сурәт ясауда саф антонимнардан тыш, контекстка гына капма-каршы мәгънәле булган лексик берәмлекләренә куллана шагыйрь.

Икмәк сорар, син кулыңны суздың,

Сиңа **таш** кисәге бирделәр.

Бу капма-каршылык **суздың**, **бирделәр** фигыльләре белән көчәйтелә.

Әхмәт Ерикәй арабызда юк. Әмма аның халыкка ихлас хезмәт итүе югалмый, шигырьләре ул сөйгән халык күңелендә яши.

ТАТАР ХАЛЫКЫНЫҢ «АК БҮРЕ» ӘКИЯТЕНДӘ САННАРНЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

Әкиятләр татар халык ижатының бик борынгыдан килгән һәм зур күләмле бер өлешен тәшкил итә. Халык әкиятләрендә жанлы сөйләм, телебезнең лексик байлыгы, үзенчәлекләре, фикерләүе һәм башка үзенчәлекләр чагылыш таба. Әкиятләр телнең лексик катламын, аерым лексик берәмлекләренең кулланылыш ешлыгын, мәгънәви төсмерләрен өйрәнү өчен дә тикшеренү жирлеге була ала. Әкиятләрдә саннарның шактый еш очрый. Шуңа нигезләнеп «Татар халыкының «Ак бүре» әкиятендә саннар кулланылышы» дигән теманы сайларга булдым.

«Әдәбият белеме сүзлегендә: «Әкият – халык ижатының эпик жанрларыннан берсе, мөгъжизалы һәм мажаралы вакыйгаларга, шулай ук көнкүрешкә бәйләнешле хәлләргә корылган социаль эчтәлекле фантастик әсәр. Әкиятләр уйдурмага нигезләнсәләр дә, аларның эчтәлегендә халыкның хыяллары һәм омтылышлары, борынгы йола–гадәتلәре һәм социаль мөнәсәбәتلәре чагылыш тапкан», диелә [1: 237].

Әкиятне борынгы бабаларыбыз үз күнелләрендәге уй- хыяллар белән баеп тудырганнар. Алар тормышны ничек күрергә теләсәләр шул хыялларын әкиятләргә дә керткәннәр. Әкиятләр горейф-гадәтләр, ышанулар белән дә бергә бәйләнгән. Халык әкиятләрендә халкыбызның жанлы сөйләм, телебезнең байлыгы урын алган.

Әкиятләрдә саннарның күп кулланылуы үзе үк игътибарны тарта. Аларны күзәтә башласаң, бер үзенчәлек тә ачыла. Әкиятләрдә күпчелек гел бертөрле саннар кулланыла. Ә аерым бер саннар бөтеләй диярлек очрамай.

Сан, сүз төркеме буларак, предметларның микъдарын, данә исәбен белдерә. Әмма саннарның халык күңелендә башачарак мәгънәсе дә бар. Ул данә, исепне генә белдерми, кайвакыт бөтенләй исәпне белдерүдән читләшеп бая куя чарасына да әйлән. Мәсәлән, берәз жиңелерәк акыллы кеше турында дәү әнием «өчле тугызлы» бит ул дип куя, шул ук мәгънәне белдерү өчен халык арасында «туксан тугызлы» дигән гыйбарә дә кулланыла. Грамматик билгеләрдән тыш саннар халкыбызның аңына билгеле бер магик көчкә ия булган атама буларак та кереп урнашкан. Шул ягы белән ул халык яшәешенә, горейф-гадәтләренә, ышану- табынуларының көндәлек тормышының аерылгысыз бер өлешенә әверелгән. Халык авыз ижатында кулланылган саннар грамматик үзенчәлекне (әйбер исәбен санын белдерү) генә түгел, ә менә шушы эчке мәгънәләре (мифик характеры, эчке мәгънәгә ия билге булулары) белән дә игътибарга лаек. Әкиятләрдә дә саннарның менә шул ягы сизеләп тора.

Мәсәлән, «Ак бүре» әкиятен генә алыяк. Әсәрнең исеме үк төрки халыкларның борынгы ышануларына килеп бәйләнгән. Ул халкыбызның бик борынгы чордагы бабасы, ыруг башы бүре булган дигән ышану ярдәмендә язылгандыр. Әкияттәге Ак бүре үзе дә теләсә бүре, теләсә матур егет булып йөри ала. Тәрбияле, табигатькә сак караш кирәклеген аңлаган кешеләргә ярдәм итә.

Бу әкияттә дә төрле саннар кулланыла. Әмма аларны кулланды билгеле бер тәртип, мәгънә сизеләп тора. Әкияттә бер, өч, жиде, житмеш, йөз, мең саннары еш очрый. Мисалларны карап китик:

Моның чатыры янына искәрмәстән генә бер яктан бер яшь егет килеп чыкты да моңа сәләм бирде. Ул алтын тирәкнең астында бер кечкенә генә күл булып.

Ул күлгә җиткәч, аның янына бер землянка казып, абзаңны шул землянкада калдырырсың.

Шулай итеп низаглашып, болар бер диңгезгә барып җиттеләр.

Әлеге мисалларда күренгәнчә, бер ике саннары әйбернең исәбен белдерүдән бигрәк аның төгәлләштерү, эзлеклелек мәгънәсен бирә. Шулай ук ялгызлык, парсыз булу, тиңсез булу, башкалардан нәрсә беләндер аерылып торуга да ишарә була. Без караган мисалларда ул төгәлләштерү мәгънәсенә туры килә.

«Өч», «жиде», «житмеш» саннары, эшнең катлаулылыгын, даимилеген, беркадәр серлелек төсмере белән сурәтләүгә ярдәм итә. Мәсәлән, бу «Ак бүре» әкиятендә дә шулай.

Минем җитмеш төрле һөнәрәм бар, җитмеш төрле сурәткә керә алам, – диде.

Шул җирдән өч көн, өч төнлек юл.

Шул минем урманымнан чыгып, өч көн, өч төн киткәннән соң дию патшасының җиренә барып чыгарсың.

Ул дию җиреннән өч көн, өч төн барганнан соң бер алтмыш колач юындыгы алтын тирәккә очарсыз.

Өч, *жиде* санының кулланылышы борынғы мифларга, халкыбызның дини белемнәренә барып тоташа. Төрки халыкларның күзаллавында дөнъя өч катламнан – жир асты, жир өсте, күк өлешләрәннән торган. Өч – өс, оч мәгънәсендә булган дип аңлатыла. Өстә үлемсезләр яши дип каралган. Шуңа өч саны көч, үлемсезлек, батырлык символына әверелгән. *Жиде* саны да күкнең жиде катлы, жиде могжизасы белән бәйле. Күкнең жиденче катына Аллаһы тәхетте урнашкан дигән ышануларга ук барып тоташа. Шулай итеп халкыбызның ышанулары күп саннарга үз мәгънәсен салган һәм алар халык авыз ижатында аеруча киң чагылыш тапкан. Үзенең ышануларына бәйле рәвештә халык бу саннарга исәп мәгънәсеннән тыш яңа мәгънәләрдә салган.

Шулай ук әкияттә *биш, алты, тугыз, кырык, йөз, мең, меңәрчә* саннары чагыштырмача еш очрый: *Шул вакыт егет, алмас кылычын чыгатып, диюнең тугыз башын тугыз жүргә кисеп таишлады да үзе сарайга керде.*

Биш айдан бирле улыннан хәбәр көтте, *алты* айдан бирле көтте-улыннан хичбер хәбәр хәбәр хәтер юк.

Ул, шул тегермәнгә әлегә хәтле ничә меңәрчә адамне тарттырып, азык итеп ашады.

Менә минем йөз солдатым бар, хәзер аттырамын да үтерәмен, – диде.

Бу саннар төгәл исәпне белдерүдән бигрәк, озақ вакыт үтү, күплек исәп-хисабы булмау төсмере белән кулланыла.

Димәк, әкиятләрдә саннарның кулланылышы бик үзенчәлекле. Алар халыкның борынғы ышанулары белән бәйле. Шуңа алар грамматик сан кебек сан, исәп, микъдар, күләмне генә белдермиләр, ә төрле яңа мәгънәләргә дә ия булалар. Аларда серлелек, эчкә яшерелгән мәгънә була. Алар образлылык тудыруга, укучы күңелен яуларга да ярдәм итәләр.

Кулланылган әдәбият

Әдәбият белеме сүзлегә. Төз. ред. Әхмадуллин А. Г. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – 240 б.

Татар халык әкиятләре. 1 нче китап. Төз – Х. Ярми, Х. Х. Гатина. – Казан: Тат. кит. нәшр, 1956. – 406 б.

Ахметьянов Р. Г., Сабитова И. И.

ОБ ОГУЗСКОМ КОМПОНЕНТЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Когда Сельджук, сын Дукака, сбил с лошади хазарского *ябгу*, ему было немало лет и он, как командир наёмных отрядов у кагана, повидал, по-видимому, немало народов и племён хазарской империи. После столь резкого столкновения с руководством он был вынужден бежать из Хазарии, вероятно, вместе с огузской командой, если не всей, то частью её. Есть у татарских историков глухие сообщения о том, что Сельджук был женат на младшей дочери того самого Кузеркина, на старшей дочери которого был женат болгарский правитель. Таким образом, получается, что предки среднеазиатских огузов и предки татар – народы Волго-Камской Булгарии были *баджинаками*.

Отсюда, конечно, не следует, что *печенеги-баджинаки* происходят от времён Сельджука, ибо *баджинаки* зафиксированы раньше времён деятельности Сельджука. Но выдача замуж дочерей контактирующим царям было в обычае древних тюрков. Само слово *бажа, раса* происходит, по нашему мнению, от огузского парного слова *оба-ача, аба-ача* [*aba* и *ese*], приблизительно «король и королева» или же «король (младший по возрасту)». Сами варианты *bažanag* и *beženek* возникли из характерного варьирования парных слов при их слиянии. Кстати, слово *Küzerkin*, скорее не имя собственное, а означает просто «зять».

Спустя, трёх столетий после этих событий, во времена монгольских завоеваний, одна группа огузов-сельджуков по неясным до сих пор причинам переселилась в регион Южного Урала и получил монголизированное название *selçüüt* «сельджуки». В татарском *салҗигут, сәлҗигут*, в башкирском *салҗйугут, салҗйухут, һалҗйут* – название диалекта восточных башкир. Русские их называют *салзигут, салзаут*, в XVIII веке существовала *салзаутская волость* в Зауралье. В татарских говорах Приуралья встречаются сильно изменённые варианты этого слова: *Чалчут, Чалчут* – названия небольших деревушек недалеко от города Уфа, *тәлтәйт* – местная группа татар в Южном Урале [Зимасов: 99]. Название крымско-татарской этнической группы *сичжуут* скорее всего восходит к этнониму *салҗигут* [Добг. 3: 157].

Известно, что башкирских *салъйугутов* сильно вытесняли другие группы башкир. Но в прошлом именно *салъйугуты* были организующей силой башкир и они были наиболее культурными из многочисленных этнических группировок – племён башкир.

Самое интересное при этом наличие звуков *ç* и *з* на месте общекипчакских и общетюркских *с* и *з* практически в любых позициях в башкирских говорах, в частности у *салъйугутов*. Эти звуки встречаются (особенно *з*) и в татарских говорах Западной Башкирии, а также в далёком от башкир дубъязском говоре татарского языка, в соседстве с марийским. Эти звуки, как известно, особенно характерны для туркменского языка, повидимому, заимствованы из иранского субстрата. Значит звуки *з* и *с* в башкирском языке распространены из диалекта *сальджижутов*. Вероятно эти *сальджигуты* вошли и в состав некоторых групп татар.

В топонимии Башкортостана и смежном с ним районах широко распространён топоним *төрөкмән*, *төркмән*. Эти слова встречаются и как название родов. Это явление – некоторая загадка, ибо о широкой эмиграции туркменов (именно их, а не огузов) в Южном Урале ничего не известно. Самое интересное то, что *төркмән* местами означает «перевозчик», а также «рыбак на большой реке» (на реке Яик).

В татарском языке имеется ряд общетюркских слов с огузским озвончением *т > д* (*t > d*). К примеру можно привести общетюркские слова такие как: *диңгез* «море», *дулкын* «волна», *дуңгыз* «свинья», *дүрт* «четыре», *дүләнә* «боярышник», *дугай* «страница», «*давыл* буря», «*дага* «подкова», *дөгә* «рис», *дөя* «верблюд», *дүнү* «отвернуться». Эти (и некоторые другие) слова в близком звучании (со звонким *д*) встречаются во всех кипчакских языках и повидимому, являются отражением древних огузско-кипчакских контактов. Особенно много слов на *д* – вместо общетюркского *т* – в казахском и киргизском языках.

В меньшей степени распространены в татарском языке слова с начальным огузским *к > г*: *гизле* «скрытый» (вместо общетюркского *kezli*), *гизү* «странствовать» (вместо *kezmek*) и т. п. Особенно интересно широкое употребление в татарском языке слов *гел* «всегда, каждый раз», *гелән* «всегда, то и дело», *гөлле* «всё», восходящие к арабским словам *kule*, *kullan* с соответствующим значением, но получившие огузское озвончение начального согласного.

В некоторых говорах татарского языка [ТТЗДС: 389] встречается и активно употребляется слово *шөйлә* «вместе всегда; совсем» – явно туркменизм (см. туркменское *şu ile* «вместе с тем»). Очевидно, что не огузы вообще, а некоторые группы туркменов внедрялись в состав татарского народа. Конкретно о путях распространения туркменских слов в татарских говорах мало известно. Известно только то, что в XVIII веке в состав оренбургских татар внедрялась группа кызылбашов, эмигрировавших из Ирана. Ныне от них ничего не осталось, ибо они ассимилировались татарами в первом поколении.

Литература

Н. Зимасов. Барда сүзлеге. – Барда, 2005

Н. Х. Максютова. Восточный диалект башкирского языка. – М., 1976

Татар теленә зур диалектологик сүзлеге. – Казан, 2009

Z. Velidi. Türk tarihi. – Ankara, 1981

Dobruca kırimtatar agzi sozlüğü. Т. 3. – Kostence, 2011

O. Turan. Selçanlılar tarihi ve türk-islam medenijeti. – Ankara, 1965

O. Turan. Türk cihan hakimijeti mefküresi tarihi. – İstanbul, 1994

Баязитова Ф. С.

ХАЛЫК ТРАДИЦИЯЛӘРЕНДӘ ҺӘМ ЖИРЛЕ СӨЙЛӘШЛӘРДӘ БАЛА ТУУ ЙОЛАЛАРЫ ЛЕКСИКАСЫ: КЕНДЕК ӘБИЛӘР

Татар телендә бала туу белән бәйлә булган йолалар лексикасы фәнни әдәбиятта чагыштырмача азрак өйрәнелгән тема булып тора. Һәрхәлдә, махсус бу темага карата мәкаләләр һәм монографияләр язылмаган, диярлек. Бу бик борынгы катламны күтәрү татар халкы яшәгән барлык төбәкләргә экспедицияләргә чыгып, бик күп авылларда булып, өлкән буын кешеләренә хәтерендә, телендә сакланган рухи байлыкны барлап, өйрәнәп чыгу юлы белән генә хәл ителәргә мөмкин. Без моны беренче чиратта башкарылырга тиешле эһәмиятле мәсьәлә дип саныйбыз.

Халык йолалары лексикасын йоладан аерып карап булмый. Өлкән буын кешеләренә хәтерендә, телендә әле борынгы йолаларыбыз турында бик күп истәлекләр саклана, кайберләре исә бүгенгә көндә дә йола буларак үтәлеп киләләр.

Билгеле булганча, элекке вакытларда хатыннар баланы өйдө, кендек әбиләр булышлығы белән тудырганнар. Бала туу билгеләре, тулгак тоту (мишәр диалектында *кисү алу*, диләр) башлангач та кендек әбине алып килгәннәр. Кендек әбиләр буыннан буынга күчә килгән тәҗрибәне туплаган, халык медицинасын да яхшы белә торган кешеләр булганнар.

Кендек – кеше яки хайван яралгысын ана организмы белән тоташтыра һәм яралгыны тукландыру каналы булып хезмәт итә торган көпшә.

Кендек әбисе – бала тудыру вакытында ярдәм күрсәтүче, бала кабул итүче карчык. – Кендек әбие булмаган минем туган чагымда. Ә. Ерикәй. Кендек әбиләр гасырлар буена изге эш эшлэгәннәр – йөклә хатыннарда булышлык күрсәт килгәннәр. Н. Фәттах.

Бала туганда ярдәм күрсәтүче кендек әбиләрнең әдәби телдә һәм жирле сөйләшләрдә түбәндәге атамалары бар.

Әби. Әби сүзе туганлык термины, олы кешегә эндәшү сүзе буларак кына түгел, бала туганда ярдәм итүче, кендек әби буларак та кулланыла.

[Бәдри], кап – карангы төндә урам этләрен өрдәреп барып, әбине [кендек әбисен] уятты. М. Гафури. – Болай булмый, барып килергә кирәк, дидем дә Нәфига әбигә [кендек әбисенә] йөгәрдем. М. Әмир. **Әби булу** – бала тудыручыга ярдәм итү. [Хатын], сагызланган үтмәс урак алып, Үзе “әби» булды үзенә. Ф. Кәрим.

Улан туғанда әбине чақыралар, әбигә күлмәк алып бирәләр – *перм.*

Бала туғач кендеген кискән әби. Әбиләр белгән әвәле бала тудыру эшләрен. Өч тапкыр мунчага алып кергән, бөтен тәнен сылаган. Баланы жуындырайы мунчага алып кереп. – *т.кам. – крии.*

Әбилек – [әби+-лек] *каз.ар. – блт.* кендек әбисе

Әбилекне алып килделәр. Әбилек килеп кергәндә тулғақлап йатадырыйым.

Ситдиқа тәтә әбилек булды. Ишектән кергәндә кычқырып сөйләп килеп керде:

«Менә, Миңлебикә, урамнан барадырыйым. Шәйхетдин абзый бер ат йөгә печән алып қайтып килә. Сезнең турыға килеп житкәч, бер ат печән йөгә урталай йарылды да китте», – ди. Мин аңа шаққатып ышанып карап торам. Ә ул мине тизрәк бәбәйләсен дип әйтә имеш.

Халык традицияләрендә *кендек әби* сүзенең күп лексик вариантлары, сүзтезмәләр белән белдерелгән жирле атамалары бар.

Әби булучы *т.я. – к.т.* кендек әби.

Әби булучы бар асылда. Ул йөридерийе малайлаган (бәбәйләгән) киленнәргә. Әби булучы ул тулгакны да белгән, булышқан.

Әби булучы Сажидә әбийем мунчаны бик жаратқан. Бәби мунчасына керә икән. Икенче кеше килеп чақырса мунчага:

«Хәзер, хәзер, бер генә чабынып төшәм дә барам», – дип, ул кешегә дә барып мунча керә икән.

Әби булучы билне уып:

«Хәйерле сәгәттә, раббым, жиңгеллекләр бир шушы бәндәгә» – дип теләп торған инде. Әби булучы им-томны да белгән, өшкергән дә.

Авыл әбийе

Авыл әбийе *каз.ар. – дөб.* кендек әби.

Авыл әбийе йуғ инде хәзер, булнискә баралар қатыннар. Авыл әбиләре қадерле кешеләр булыр ыйы ул.

Бала түрәтүче әби

Бала түрәтүче әби *миш.д.* кендек әби.

Бала түрәтүче әби була. элек бит бал’ничалар булмаған. Әбине, бала түрәтүче әбине йәшәләр – *кузн.*

Бәбәй әбисе

Бәбәй әбисе *чст.* кендек әби.

Бик күп кешегә бәбәй әбисе булган үземнең әни. Атаулы⁷ бәбәй әбисе булган.

Зәйтүнә астай⁸ килде миңа бәбәй әбисе булып. «Бәбәйең борылган бит», – дийә.

«Йуктыр», – дийәм. Бәбәйне монда тудым. Үктәбер айы, кырпақлар төшкән ийе.

Намаз укығанда, йасин укығанда бәбәй әбийенә атап доға қылалар, хайер биргәндә дә искә алалар. Эцәр – дүртәр мунца керткән сипап-сипап. Кимак белән цәй булган бәбәй әбисенә.

Бәбәй әбисе *срг.* кендек әби.

Бәбәй әбисе шылай ылан таптырап йери булган, эрәнгән инде ул. Кас’ы куш күлмәклек⁹ бирә, кас’ы берне.

7 Атаулы – атаклы

8 Астай – абыстай, апа

9 Куш күлмәклек – ике, парлы күлмәклек

Бәбәй әбисе кендеген кисә, цәпә¹⁰ белән бәли, баланы йывындыра, ананы йывындыра мунцада.

Олан әбисе

Олан әбисе *т.я.* – *кри.* кендек әби.

– Олан әбисен китерә, олан әбисе баланы жува. Түр башында утырталар олан әбисен.

Түти әби

Түти әби *кас.* кендек әби.

Түти әбине ча'ыралар, ул 'арай бала түри' инде.

Әби тәтә

Әби тәтә *т.я.* – *к.т.* кендек әби

Әби тәтә дип жөрттеләр минем әнине, башқашылға да жөрттеләр. Әби тәтә бәбине кулына алған, жуындырған.

Әби зату

Әби зату *каз.ар.* – *ли.* кендек әбисен озату хөрмәтенә оештырылган чәй мәжлесә.

Әби затабыз дип олы кешеләрне чақырып, аш-су хәзерләп, кунақ итеп заталар. Әби китә инде аннары өч мунча керткәч.

Кендек әби

Кендек әби – мишәр диалекты сөйләшләрәндә:

Кендек әбиләр килә. Кендек әби күп сүләп тормый, үз эшен белә, түри тырган катынның билән ыва – *хвл.*

Кендек әбине чакырдылар мин бәбәй туганда.

Үлгенчек шыл Ләтифә әби кендек әбисе булды, үмердән – үмер ул булды. Өшкерә дә иде.

«Үзе бәләгән тевенне

ходай тәлә үзе тишсен,

ходайга аманат,

аллаға тәвәккәл»

дип йаткызды да тудым да оланны. Минем кыругымны йалт иттереп иштырып алды кендек әби. – *влгг.*

Кендек әбисе

Кендек әбисе *минз.* ананы да, баланы да мунча кертә.

Кендек әбисе бик дәрәжәле кеше булған. Минем кендек әбийем Хәдичә. Мин аны хәзер дә доғадан қалдырмыйм. Қайда бала тува, барып кендеген кисә. Биш көнгә қадәр қарап, мунча кертәп, әниләр дә, баланы да жуындырып йөргәннәр кендек әбиләрә. Алар өшкерүне дә билгәннәр.

«Бәбәй тапқан хатынның қырық тамыры өзелер», – дигәннәр.

– Кендек әби бөтен жирен сылй. Бармақ очыннан башлап, буыннардан башлап, бөтен тәнен сылар ыйы сабын белән. Шулай қарыйлар кендек әбиләр.

Кендек әбисе баланы сөйә-сөйә ала инде кулына:

«Тигезлек белән қарап үстерегез,

Бәхетле, тәүфиқле, изге сабий булсын», – дип әйтәләр ийе.

Кендек әбисен «жәннәр алып китә» минз.:

Кендек әби жөздән артық бала таптырса, кендек әбисен жәннәр алып китә үдләренә бәбәй таптырырға, – дип әйтә торғаннар ыйы

«Қурқам, бармыйм», – дидерийем.

Кендек абасы

Кендек абасы *әстр.* кендек әби.

Кендек абасын белергә тийеш бала үскәндә.

«Чарылдап жиргә төшкәндә,

Кендегеңне кискәндә. – диде.

Өйдә тува да, кендеген кисә дә, йуындыра кендек абасы.

Кентек инә, кендек инә

Кентек инә бараба.: – кентек инәм тип әйтәмен.

Кендек инә *к.* – *уф.:* – Минем баламның кендек инәсе килдейе.

Кендек малам

Кендек мамам *әстр.* кендек әби.

Кендек мамам баланы көн дә килеп йуындырды. Қырық көнгә хәтле йуындырды.

Кендегәч, кендегәц

Кендегәч, кендегәц *том.* кендек әби.

Мин малайымны өйдә тыудым, аугус айында. Кендегәц килде, әбилек инде Кендегәцләр кендеген кисәйләр, урап салайлар. Ул йөри тегән без күргәндә.

Кендегәч қарчық

Кендегәч қарчық *том.* кендек әби.

Кендегәч қарчық дийә торғаннар ыйы.

Мин дүрт баламны да кендегәч қарчық белән тудым. Кендегәч қарчық баланы тува, өтөрөп сала.

Кедекче, кентекче

Кедекче, кентекче *бараба.* кендек әби

Кендекче самақлап-самақлап¹¹ чапқан баланы мунчада:

«Әтилү бул, әнилү бул,

тәүфиклү бул,

йақшы теллү, йақшы сүзлү бул», – дигән.

[«Кентекче әби» ишектән кергәндә, түбәндәгечә ырымлап керә] *бараба.*:

Авырайақ кеше¹² қыйналаты¹³ тувар вахыт йитсә. Кентекче әби ишекне ачып қычқыраты:

«Қысылтым, қысылтым,

Алла пушат, қысылтым», – тип.

Әшкәрә йиңел¹⁴ генә бушанаты авырайақ қатын.

Кентекләгән әби, кентекләгән мамай

Кентекләгән әби *тара.* кендек әби

Кентекләгән әбийеңә көйләк¹⁵, шәл бирәтләр, кентек ипийе бирәтеләр.

Кентекләгән мамай *тәм.* кендек әби.

Кентекләгән мамайлар кентекне ташламағаннар. Тувалығын әйтеп, қорытып, әрү¹⁶ цебереккә¹⁷ бөрөп¹⁸ қуйатылар йуғарыға.

Себер диалектларында һәм әстерхан сөйләшәндә кендек әби мәгънәсендә түбәндәгә сүзләр һәм сүзтезмәләр сакланған.

Кентек инә

Кентек инә *бараба.* кендек әби.

Кентек инәм тип әйтәмен. Кентек инә ул зур кеше

Инәкә

Инәкә *тәм.* кендек әби.

Инәкәләр асырантыраты баланы. Инәкә баланы йувындырып сәлтепкә салаты.

Инәкә сүзе им-том итү текстларында да кулланыла:

Идел кичкән инәкәләр теле,

минем телем түгел...

Инәкә мамай

Инәкә мамай *әстр.* кендек әби

Инәкә мамай тудыра баланы. Авылда бырач йук иде. тува алмасаң азан қычқыралар. Миңә Аптулла баба қычқырды. Қыйнала, таба алмаса, ир кеше китертеп азан қычқырталар. Азан қычқыра инде, бала тува булған. Ир кеше қычқыра аны, хатын-қыз түгел. Хатын-қызға йарамый қычқырырға.

Инәкә әби

Инәкә әби *әстр.* кендек әби.

Инәкә әби булды авылда. Электә мамайлар¹⁹ арасында белгән кешеләр булған. Алар йөргән бала тувайақ жирдә²⁰

Инәлек

-
- | | |
|----|---|
| 11 | самақлап – такмақлап |
| 12 | авырайақ кеше – авырлы кеше |
| 13 | қыйналаты – азаплан иде |
| 14 | әшкәрә йиңел – бик жиңел |
| 15 | көйләк – күлмәк |
| 16 | әрү – ару |
| 17 | цеберәк – чүпрәк |
| 18 | бөрөп – төрөп |
| 19 | мамай – әби |
| 20 | бала тувайақ жир – бала туа торған жир. |

Инәлек том., тара. кендек әби.

Минем өннәм инәлек пулган. Палаға ашырып китсә, инәлек қортқайақ алып киләте.

Инәлек белән балалар тис тушып қуйаты. Инәлек әйтеп инәте:

«Йақшы йулдан кереп киләм,

Алла тәлә уңыннан бирсен,

Ашырышылық белән тапмасын,

Йеңелцелек белән тапсын».

Инәлек әби

Инәлек әби том. кендек әби.

Инәлек әбиләрем бик оста булғаннар. Көйләклек, йаулық алып бирәбез аларға.

«Ошо нарасита төңйаға килеп,

атинәсенә рәхимле бала булсын», – тип теләп қуйты.

Йанына утырып әйтәте:

«Алла тәләм, йартәм бир,

Ошо нараситәне исән-имин асырағалы».

Бала туған сун инәлек әбине көйләк биреп қәтерлиләр. Оста қортқайақ була инәлек әби.

Инәлек нәнә

Инәлек нәнә туб. кендек әби.

Инәлек нәнәне қақыратылар. Ул киләте, қулы йеңел булса, әшкәрә тис генә баладан бушанаты.

[Инәлек булган кеше ишектән кергәндә ырымлап кергән]:

Көйләк итәген йелбеп керә том. күлмәк итәген жылпеп керә:

Инәлек нәнә көйләк итәген йелбеп керәте:

«Песмилла, песмилла,

Йел²¹ булмасын,

Осон ғөмерле булсын», – том.

Инәлек ишектән кергәндә, итәген йелпеп кергән, песмилла әйтеп:

«Шайтаннар ийәреп кермәсен,

Шайтан-майтаннар²² кермәсен,

Йел-күс²³ кермәсен», – тип писмиллалап керәте, сыпырып тораты инәлек.

Инәлек булган кеше тус йандырып керә:

Тусға цирәңке цийып кергән инәлек:

«Йен кермәсен», – тип.

Айақ арасына да кертеп йибәрә утны:

«Айақ арасыннан йен үтеп китмәсен» – туб.

(дәвами бар)

Әдәбият

Баязитова Ф. С. Әстерхан татарлары. Рухи мирас: гаилә-көнқүреш, йола терминологиясе, фольклор. – Казан: Фикер, 2002. – 298 бит.

Баязитова Ф. С. Себер ареалы татар диалектларында этнокультура лексикасы. (Йола һәм мифология текстлары ясылыгында) – Казан: Алма–Лит, 2010. – 736 бит.

Баязитова Ф. С. Халык традицияләре лексикасы: бишек туге (йола һәм фольклор текстлары ясылыгында). – Казан, 2012. – 331 б.

Бубекова Л. Б., Данилова Ю. Ю.

КОМУ В ТАТАРСТАНЕ ЖИТЬ ХОРОШО, ИЛИ К ВОПРОСУ О ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

Татарстан издавна является многонациональной республикой с двумя титульными нациями: татары и русские, но в последнее время республика активно пополняется представителями других народов. Рассмотрим национальную и языковую ситуацию в Татарстане в диахроническом аспекте.

21 йел – жен

22 шайтан-майтаннар – шайтаннар, женнәр

23 йел-күс – жен-фәләннәр

Перед началом войны в 1941 г. в Татарской АССР, по ориентировочным данным, проживало около 2760,2 тыс. человек. За годы войны численность сократилась. Рост городского населения зависел и от миграционных процессов, прежде всего, эвакуации и реэвакуации. В результате эвакуации в городских поселениях республики было размещено около 154 тыс. человек, в том числе свыше 130 тыс. в Казани. Накануне войны в национальном отношении 2/3 городского населения республики составляли русские и примерно 1/3 татары и лица других национальностей. При этом наблюдалась тенденция к росту доли татар в результате целенаправленной политики и детородного поведения. За военный период национальный состав городского населения ТАССР изменился, в частности, в составе эвакуированного населения прибыло значительное число русских, белорусов, украинцев, латышей, эстонцев и представителей других национальностей.

Со второй половины 80-х гг. XX в. под влиянием развала СССР и приобретением суверенитета бывшими союзными республиками особую значимость в Татарстане приобрели языковые проблемы: начались массовые выступления в поддержку татарского языка с призывами объявить его государственным языком РТ.

В Конституции РТ, принятой 6 ноября 1992 г., была выражена идея консолидации населения и формирования региональной гражданской идентичности «народ Татарстана». Осознавая приоритет этнической идентичности, правительство республики Конституцией РТ (ст. 3) заложило основу выбранному курсу на формирование идентичности граждан РТ путем декларации равенства всех национальностей, гарантии реализации этнокультурных потребностей «граждан всех национальностей, составляющих социальную основу РТ» [Конституция РТ]. В республике на уровне государства проводится серьезная языковая политика, о чём свидетельствует принятие ряда законов «Декларации о государственном суверенитете» в августе 1990 г., Закона «О языках народов РТ» в июле 1992 г., государственной Программы по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ 20 июля 1994 г., Концепции языковой политики РТ в 1999 г., которые содействуют расширению сфер использования языков и тем самым оказывают целенаправленное воздействие на языковую ситуацию в целом.

Сегодня РТ является одной из самых многонациональных территорий РФ, численность проживающего населения составляют 3 803,2 тыс. человек (по данным Росстата 2012 г.). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории РТ проживают представители свыше 173 национальностей, в том числе 8 национальностей, численность населения которых превышает 10 тыс. человек: татары, русские, чуваша, удмурты, мордва, марийцы, украинцы и башкиры – народы с разным историческим прошлым и культурными традициями. Среди них по численности населения преобладают татары (более 2 млн. человек или 53,2% от общей численности); на втором месте – русские (1,5 млн. человек или 39,7%), на третьем – чуваша (116,2 тыс. человек или 3,1%) [История]. Сочетание, по крайней мере, трёх типов культурных взаимовлияний – тюркского, славяно-русского и финно-угорского – определяет уникальность этих мест, своеобразие культурных и исторических ценностей республики [Население]. Кроме миллионной по количеству проживающих столицы РТ Казани, в республике находится еще 26 населенных пунктов с численностью населения более 10 тыс. человек, в том числе 8 городов более чем с 50 тыс. и 3 города с более чем 100 тыс. жителей.

Остановимся подробнее на лингвоэтнической ситуации в РТ на примере провинциального города Елабуги, численность населения которого составляет в настоящее время около 72 тыс. человек: основное население представлено русскими (51,7%), чуть меньше татар (42,6%), лишь 1% составляют чуваша, 4,7% – представители других национальностей.

В 1985 г. недалеко от Елабуги начали строительство Елабужского автомобильного завода (ЕлАЗ), который должен был значительно увеличить население города (по примеру близлежащего г. Набережные Челны, где градообразующим предприятием стал КамАЗ). Но строительство завода пришлось на времена перестройки, в результате чего амбициозным планам не суждено было сбыться. В 2005 г. на базе ЕлАЗа была создана свободная экономическая зона «Алабуга», в состав которой вошло большое количество совместных с зарубежными партнерами предприятий. На данный момент в ОЭЗ «Алабуга» зарегистрированы следующие резиденты, представляющие различные отрасли промышленности: ООО «Соллерс-Елабуга» (рос. – америк. предприятие), ООО «Роквул-Волга» (рос. – датск. предприятие), ООО «Эр Ликид Алабуга» (рос. – франц. предприятие), ЗАО «Тракья Гласс Рус» (рос. – турец. предприятие), ООО «Соллерс-Штамп» (рос. – нем. предприятие), ООО «Сария-Био Индастрис Волга» (рос. – нем. предприятие), ООО «П-Д Татнефть-Алабуга Стекловолокно» (рос. – нем. предприятие), ООО «Кастамону Интегрейтед Вуд Индастри» (рос. – турец. предприятие), ЗАО «Аутомотив Гласс Альянс Рус» (рос. – турец. предприятие), ООО «Пиксар Коатингс» (рос. – итал. предприятие).

В связи с мощным экономическим развитием ОЭЗ в Елабужском районе количество иностранных граждан (ИГ) ежегодно растет. Так, эта цифра увеличилась с 2033-х зарегистрированных в 2011 г. до 4059 человек в 2012 г. (увеличение в 2 раза), в 2013 г. – до 5599 чел., в 2014 г. – до 6483 чел., из них впервые прибыли ср.: в 2007 г. – 1168 ИГ, в 2012 г. – 3688 ИГ; продлили регистрацию ср.: в 2012 г. – 1372 ИГ, в 2013 г. – 1634 ИГ, в 2014 г. – 1842 ИГ. Из вновь прибывших преобладают ИГ дальнего зарубежья – 11174 человек (2014 г. – 4193 чел., 2013 г. – 3119 чел., 2012 г. – 1926 чел., 2011 г. – 1129 чел., 2010 г. – 737 чел.), причем преобладают граждане Турции – 4361 чел., в 2,5 раза меньше приезжих из Германии – 1779 чел., из Великобритании – 314 чел., США – 305 чел., Польши – 211 чел., Дании – 189 чел., Китая – 186 чел., Румынии – 176 чел., Италии – 154 чел., Франции – 111 чел., Японии – 106 чел., Австрии – 58 чел. и др. Из ближнего зарубежья в Елабугу приехали 8449 человека (ср.: в 2010 г. – 711 ИГ; в 2013 г. – 2480 ИГ, в 2014 г. – 2290 ИГ). Здесь явными лидерами являются жители Узбекистана – 3352 чел., меньшее количество приезжих из Таджикистана – 890 чел., Казахстана – 692 чел., Кыргызстана – 482 чел., Украины – 341 чел., Азербайджана – 298 чел., Армении – 231 чел., Беларуси – 175 чел., Туркменистана – 59 чел.

Поскольку Елабуга – город с тысячелетней историей, с хорошо сохранившимся архитектурным ансамблем, некоторое количество иностранных граждан приезжают к нам в качестве туристов.

Иностранные граждане заявили о следующих целях прибытия:

№ п/п	Цели пребывания	Количество зарегистрированных ИГ			
		2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	частная	819	1248	925	638
2	трудовая деятельность	250	986	2394	2366
3	деловая поездка	794	1239	1889	2320
4	туризм	122	157	336	950
5	обучение	13	7	14	101
6	гуманитарная	1	12	12	17
7	служебная	0	7	1	18
8	другая	12	32	28	73
ИТОГО:		2011	3688	5599	6483

В связи с ежегодным увеличением количества ИГ в регионе все актуальнее становятся вопросы интеграции народов, культур и языков. Даже если не принимать во внимание тех, кто только приезжает в Елабугу, количество постоянно проживающих иностранцев в нашем небольшом городе достаточно велико. Рабочие приезжают семьями. Их дети приходят учиться в елабужские школы вместе с русскими и татарами, причем по программе Министерства образования и науки РТ они обязаны изучать не только русский, но и татарский язык, и сдавать по этому предмету выпускной экзамен. В статье И. Ивойловой в «Российской газете» сказано, что «через 8–10 лет треть всех учеников в российских школах будут составлять дети гастарбайтеров и мигрантов. Такова общемировая тенденция. Причем в Россию в основном едут те, кто плохо знает русский язык. Большинство хотят закрепиться и учить тут своих детей» [Ивойлова, 2012]. Пока такая ситуация складывается в основном в центрах РФ, но нельзя сбрасывать со счетов и малые города, в которых в силу немногочисленности населения, национальная ситуация проявляется острее. Да и детям мигрантов в РТ обучаться труднее, т.к. им приходится становиться не билингвами (родной и русский языки), а полилингвами (родной, русский, татарский и иностранный – английский/немецкий – языки).

Регулирование межэтнических отношений – задача как государственных, так и общественных структур. И стратегия национальной политики не должна формироваться в закрытом порядке. Важно, чтобы она появилась в результате широкого общественного обсуждения. Мы считаем правильными слова президента РФ о том, «что особую роль в адаптации мигрантов должны играть национальные общины, которые создаются <...> для обучения земляков традициям и обычаям того региона, куда они приезжают жить и работать, при безусловной поддержке со стороны государства» [Заседание].

Для нивелирования негативных ситуаций и реализации безусловно имеющегося положительного потенциала, заложенного в миграционных процессах, Управление Елабужского муниципального района выступило с инициативой о создании национальных культурных сообществ. Мероприятия, проводимые этими общинами на уровне города, позволяют познакомить коренное население с обычаями, традициями, культурой других народов. Сегодня в Елабуге зарегистрированы следующие

национальные этнокультурные общественные организации: Елабужское отделение «Общественной организации кряшен РТ», Елабужское отделение республиканской политической общественной организации «Исполком Всемирного конгресса татар», Национально-культурная автономия марийцев Елабужского района, Азербайджанская национально-культурная автономия в Елабужском районе РТ «Дуслык», Елабужское отделение национально-культурной автономии удмуртов РТ, Общественная организация армянской общины. Кроме этого при поддержке Библиотеки Серебряного века активно работают немецкий клуб языкового общения STAMMTISCHKLUB и английский клуб, который отметил в 2013 г. пятилетие. Показательно в этом отношении, что Елабужское отделение Региональной общественной организации «Русское национально-культурное объединение РТ» было открыто только в апреле 2013 г. Создается парадоксальная ситуация: мы относимся к русской лингвокультуре в РФ как к чему-то само собой разумеющемуся, в то время как в условиях мультиязычного и мультикультурного общества она нуждается в таком же внимании, как и культура других народов.

Вопрос о лингвоэтнической ситуации в РТ в условиях экономического развития провинциальных городов, в частности г. Елабуге, приобретает особую значимость в связи с индустриализацией. Титульные нации республики в процессе экономического развития испытывают взаимовлияние других лингвокультур в связи с большим притоком иностранных граждан как из Европы, так и из стран ближнего зарубежья. Все это происходит в контексте общей европеизации культуры в России. В этой связи актуальным становится вопрос о самоидентификации представителей коренного населения Татарстана.

Литература

Заседание по межнациональным отношениям // Президент России. Официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/17536> (дата обращения: 4.04.2015).

Ивойлова И. Мигрант на обучение // Российская газета [Электронный ресурс]. – 2012. – URL: <http://www.rg.ru/2012/10/02/migranty.html> (дата обращения: 25.08.13).

История, культура, религия // Официальный Татарстан. Официальный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://tatarstan.ru/about/human.htm> (дата обращения: 5.04.2015).

Конституция Республики Татарстан (Текущая редакция по состоянию на 10 июня 1996 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_54135.html (дата обращения: 17.10.2014).

Население // Официальный Татарстан. Официальный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://tatarstan.ru/about/population.htm> (дата обращения: 5.04.2015)

Булатова М. Р.

ТЕВРИЗ СӨЙЛӘШЕНЕҢ ГРАММАТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

Татарстан Фәннәр академиясенең Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты – дөньяда татарларның телен, әдәбиятын, фольклорын, музыкаль һәм тасвирий сәнгатен өйрәнә торган бердәнбер фәнни-тикшеренү үзәге. Институтыбыз хезмәткәрләре тарафыннан халыкның милли-мәдәни һәм рухи мирасын барлау, ягъни тел үзенчәлекләрен дә, халык авыз ижатын, кул эшләре, жыр-музыка сәнгате, ташъязма истәлекләр, кулъязмаларны туплау һәм өйрәнү максаты белән Республикабызда һәм милләттәшләребез күпләп яши торган өлкә-төбәкләрдә ел саен фәнни экспедицияләр уздырыла.

Узган ел чираттагы фәнни сәфәребез Себер төбәгенә булды. Институтның бер төркем галимнәре белән Омск өлкәсенең Тевриз районындагы Отыз (рус. Утуз), Кышлау (Малые Кулары), Козгын (Кускуны), Әйрә (Кипо-Кулары), Тау (Тавинский) һәм Усть-Ишем районындагы Эбаргүл (икенче татарчасы – Ихсенер), Әшеван (Ашеваны), Тюрметәки (Олы Бүрән), Илчебага (Курты), Каенавыл (Кайнаул), Саургач, Тибенде (Большая Тебендя) авылларынан бай материал туплап кайттык.

Комплекслы экспедициядә катнашучылар: диалектологлар – филология фәннәре докторы, профессор Дөрия Рамазанова һәм филология фәннәре кандидаты Миңнира Булатова себер татарларының тел үзенчәлекләрен, филология фәннәре кандидаты Олег Хисамов төбәкнең топонимикасын өйрәнсә, филология фәннәре докторы Закирова Илсәяр халык авыз ижатын, филология фәннәре докторы Рәмил Исламов борынгы кулъязма китапларны жыйды, сәнгать фәннәре кандидаты Наилә Шәрифиллина музыкаль мирасын, яшь белгеч Рәзилә Хисамова себер татарларының алтын куллы осталарының ижат жимешләрен туплады.

Алдыбызга куелган максатларны үтәүне Тевриз районының татар авылларынан башлап жибердек. Әлеге районда алдан уйланган авылларны өйрәнгәч, Усть-Ишем районына юл алдык. Тарихка килсәк, Усть-Ишем районы 1925 елда барлыкка килгән. Себер ханлыгы чорында бу урында Ишем-Тамак дип аталган татар шәһәрчеге булган. Хәзер ул – Омск өлкәсенең иң төньягында урнашкан район үзәге. Ишим елгасының Иртышка койган урынында урнашканга күрә, поселок исеме Усть-Ишем дип атала башлый. Төп елгалар – Иртыш, Ишим, Бичә, Зур Тау. Биредә, Тевриз районынан аермалы буларак, *ц*-лаштырып сөйләшү хас булган авыллар (Каенавил һәм Саургач) да бар икән.

Жырларында данланган Иртеш, Ишим елгасы буйлап утырган татар авылларының әби-бабайлары гына түгел, ә кайбер зуррак яшьләр телендә дә, лексик яктан да һәм грамматик яктан да, бу төбәкнең үзенчәлекле сөйләше яхшы сакланган. Мәктәпләрдә татар теле укытылмый. «Ничә гасырлар буе ата-бабаларыбыз дәвам итеп килгән ана телебез югалмас, чөнки мәктәптә, балалар бакчасында тәрбия эшләре русча алып барылса да, татарча жырлар өйрәтәләр, ТНВ-планета каналы аша күзәтәбез, өйдә туган телдә аралашабыз», – диләр себер татарлары.

Информантларыбыз үз жырларенә хас булган йолаларны, гореф-гадәтләрне, авыллар тарихын, яшәшән безгә бәйнә-бәйнә сөйләгәндә, татар теленең көнчыгыш диалектларына караган туыш-иртыш диалектының түбәндәге тевриз сөйләше үзенчәлекләр ачып бирделәр.

Морфологик үзенчәлекләр:

1. Көнчыгыш диалектка хас булганча, тевриз сөйләшендә татар теленең урта һәм көнбатыш диалекталардан аерылып торган иң мөһим аермасы – хәзерге заман хикәя фигыльнең *-ты/-те, -ды/-де* кушымчасы белән ясалугы (*тегәтем* – әд. тегәм, *тегәтек* – тегәбез; *тегәтең* – тегәсен, *тегәтегес* – тегәсез; *тегәте/тегәт* – тегә, *тегәтләр* – тегәләр; юклык формада: *текмәстем* – текмим, *текмәстеңес* – текмисез һ. б.).

2. Сөйләшкә хәзерге заман хикәя фигыльнең әдәби телдәгечә формасы *-ый/-и (й)* да хас, шулай ук татар теленең башка сөйләшләрәндәге кебек *-ай/-әй* варианты да сакланган (*йырлайык* – әд. жырлыйк, *теинәй* – тешли).

3. Хәзерге заман фигыль юклык формасы *-мый/-ми* урынына шарт фигыль формасы *-мас/-мәс* формасын куллану (*Мин аңнамас* (әд. аңламыйм) *антайны. Кәсер йаулык бәйлитләр тә, бәйләмәсләр* (бәйләмиләр) *тә. һ. б.*).

4. Хәзерге заман хикәя фигыльнең 2 нче зат берлек саны кыска вариантта да ясала (*тарттыраң* – әд. тарттырасың, *күтәрәң* – күтәрәсен), ә боерык фигыльнең 2 нче зат күплегендә *-ың/-ең* кушымчасы белән формалаша (*сураң* – сорагың, *эчең* – эчегез, *хуш булың* – сау булыгың).

5. Билгеле үткән заман хикәя фигыль кушымчасы *-ды/-де* урынына нәтижәле үткән заман *-ган/-гән* формасын куллану (*Сәүләгәнмен* (әд. сөйләдем) *мин аңа. Усган йылда утыртқанмын* (утырттым) *бы йемеште* һ. б.).

6. Дәвамлы үткән заман формасы а) *-а/-ә + тыган / тегән + ийе / ите / иде* (*-а/-ә*+торган иде) формалары ярдәмдә (*бара тыган ийе* – әд. бара торган иде), б) тагын да кыска варианты *-аткан/-әткән+ите, -атхан/-әтхан +ите* (*кийәткән ите* – кия торган иде, *сәүләйтханнар ите* – сөйли торганнар иде) белән белдерелә.

7. Бигеле булганча, абстракт нисбәтлек татар телендә һәм аның күпчелек сөйләшләрәндә *-ныкы / -неке* кушымчасы белән белдерелә. Сөйләштә бу кушымчаның, беренчедән, тарихи тулы варианты (*-ныкы / -неке*) саклана. Икенчедән, аның синтаксик функциясе дә әдәби телдән аерылса, жөмләдә ул аергыч булып килә һәм иялек килешен алыштыра (*Кортқайақлар авылытысныңкы киләте* – Авылыбызның әбиләре килә. *Минәңке көчкүнәчек* (әд. минең оныгым) *юан* (зур) *үсте. Ул итеннеңке* (житеннең) *соуларын чыгыб алып, тагын қайнатабыс.*

8. Сөйләштә инфинитив *-галы / -гәле / -қалы / -кәле* формасын ала (*Ничек тә көн күргәле* (әд. күрергә), *палаларны үстергәле* (үстерергә) *гирәк.*

9. Төп һәм кайтым юнәлеше функциясендә уртаклык юнәлеше куллану очраklары да бар (*Мунчага төшешәбес* (<төшәбез – керәбез). *Өйләрендән сатыша* (сата). *Йуышам* (юынам) *мин анта*).

10. *Әйе* модаль сүзе *йә* формасында кыскартыла (*- Көйләгем* (әд. күлмәгем) *матурмы?* – *Йә* (әйе), *биг матур*).

Кайбер синтаксик үзенчәлекләр:

Жөмләләрдә *исемле исем сүзтезмәләренә* кушымчасыз төре дә кулланыла, ягъни, әдәби телдән аермалы буларак, II төр изафә (исемнең исемгә янәшә торы һәм тартым кушымчасы аша иярүеннән ясалган сүзтезмәләр) I изафәгә күчә: *Аталары Қайынаул кеше* (Кайынаул кешесе). *Әвәл татар авыл* (татар авылы) *ите монта*.

II төр изафә урынына III төр изафәнең кулланылышы, ягъни исемнең исемгә иялек килеше аша иярүеннән ясалыуы: *Авылга катер-паром мән йөрүпес йәйнең көнө* (жәй көне). *Урманның пәрисе* (урман пәрие) *куыштырып китәте тип кәпләшәйт*.

Сөйләштә исемле *фигыль сүзтезмәләрдә* аермалыклар:

1. Исем һәм *фигыль* арасындагы мәгънә мөнәсәбәте – физик хәрәкәтнең юнәлеш ноктасын, яки максатын белдерүче бәйләүче чара *-га/-ка* кушымчасының төшөп калуы: *Кәсер мәчет* (мәчеткә) *аппарып уқытатылар*.

2. Төшем килеше (*-ны/-не*) урынына чыгыш килеше (*-дан/-дан, -тан/-тән, -нан/-нән*) белән алыштыру: *Әлеге сантық пасучы төшә бирәте сантықны* (сандыктан). *Һ.б.*

Әдәби телдәгә *күп түгел* сүзтезмәсе тевриз сөйләшендә *күп йук, ә күптән түгел* тезмәсе *күптән йук* формаларында да әйтелә: *Қарагатлар бестә күп йук* (күп түгел). *Минем менә килендәшемнеңкә қысы күптән йук* (күптән түгел) *кийәүгә барты гуй*.

Тевриз сөйләшенең фонетик, морфологик, синтаксик үзенчәлекләре һәм аларга хас булган гореф-гадәт, йола һәм башкалар түбәндәгә **сөйләү үрнәге** текстларында яхшы күрсәтелә:

«**Саучылау.** Мин үсем (әд. *үзем*) Журавлевкада капиративный техникум бетергән идем (*бетердем*). Анта бугалтер булып эшләп йөрүтхантем (*йөрү торган идем*). Отпускаға қайтқантем. Инәм (*әнием*) эшкә барып йиренә кире әйләнәп керәт (*керә*). Булачақ кәйнәм (*каенанам*) әйтәт: «Гирәм (*керәм*) сескә (*сезгә*) саучыға (*яучылап*)». Кичкесен мулла чақырып алдылар. Саучыға ризалық итеп битйаулық (*сөлге*) бирәтләр. Табаққа йаулық и битйаулық салатылар. Аның астына ақча салгалы (*салырға*) гирәк муллаға. Мулла табақны, йаулықны, битйаулықны киленгә бирәте. Алар укыганта мэхәр әйтәтеләр 10 меңгәме, ничә меңгә. Киленне барып алатылар. Аны алғынчы, боланың (*кийәү йегетнең*) битен сыйбағалы, аңардан түләтәтеләр. Кийәү қыс йанына кереп килгәнтә йәшенәп булса да перәрсә сыйбап китәтеләр, қысныңқы (*кызның*) дуслары. Бу қыс алырға килгәнтә. Битне сыйбаған өчен кийәү егет ақча түлит. Қысға ментәр салатылар айағына, төшкәнтә машинатан. Пол (*бал*) мән май кушып қаптыратылар. Кергәнтә пау тартып куйатылар. Боуны ике йақтан ике кеше тотып тораты. Қапқаға йеткәнтә мылтық ататылар, шайтаннарны куғалы. Ул песнең саманта (*заманда*) инте. Шәлләр, йаулыларны атып алатылар. Пауны өсөп (*өзеп*) гереп киткәч, өстәлгә утыратық. Мунча йағатқаннар ите. Мунчата бүләк салып қалдыратылар».

Рахимова Гөлсара Абдулхак кызыннан (1949 елгы) язып алынды. Тау авылы. 2014 ел.

«Кийәүгә қығарға бөтәрәсен әсерләгән (әд. *әзерләдек*). Йетеннән, кинтер йөннән (*йоннан*) тегәткән, пәйләгән. Масасы була аныңқы. Йомшақ қына була, тиргәле. Йомшартқац өйрәсең. Өйергән, мин сукқан уны. Алатурап суктым, йәйгәле (*жәяргә*) изәнгә. Қыйықтағып суға тоған итек. Уны урынға йәйгән. Қойсы кем итәнгә йәйгән. Өскә апарып йабынатылар. Алатурап, аламыш тегәләр ите. Көйләк (*кулмәк*) тә кейгән ара-тура, тура ғына сукқан. Кийәүгә китсәм тип әсерләгән (*әзерләгән*), апарған. Булмас, аны кәпләгәннәр (*сөйләгәннәр*). Киленне йаланғац алғаннар куй, тип кәпләйтәләр. Аңа была (*шуңа күрә*) геше сырынып қысын (*кызын*) кийентергән. Мин антай кәпкә (*сүзгә, гайбәткә*) қалмаған (*қалмадым*). Йастығы да, йурғаны та пулсын. Қыйықты да суғып куйасың йәйгәле. Итәнең пуш йагмасын. Йәй. Кийәүгә киткәнтә ураған та апкиткән, йаулыққа бәйләп куйғаннарма (*куйғаннармы*). Саучылап кәйнәм килгән Қайынауылтан. Қортқайақлар (*карчыклар*) та пулған».

Юлдашева Зөлхәמידә Рәхмәтулла кызыннан (1924 елгы) язып алынды. Каенавил. 2014 ел.

Бурганова Ю. Ф.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИНТЕРФИКСОВ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Существует довольно много звуко сочетаний (сочетаний фонем), которые встречаются на «суффиксальном шве», то есть на границе основы и суффикса. Данное явление встречается в русском, татарском и некоторых иностранных языках, и называется – явлением интерфиксации. Главный недостаток интерфикса – это лишённость семантической функции, но наделённость структурной функцией (то есть он являться «прокладкой», «соединительным элементом» между морфами). Отсутствие значения не позволяет причислить звуковые комплексы, стоящие между корнем (или основой) и суффиксом, к разряду морфем, так как основная черта морфемы – значимость – у них

отсутствует. Нет оснований также считать объединения этих промежуточных звуковых комплексов и суффиксов новыми производными суффиксами и выделять такие суффиксы в русском языке, как *-овец*, *-инец*, *-анец*, *-ианец* (наряду с *-ец*), *-овск-*, *-инск-*, *-анск-*, *-ианск-* (наряду с *-ск-*), *-шник* (наряду с *-ник*), *-ин-ый* (наряду с *-н-ый*), *-нит* (наряду с *-ит*) и т. д., например в таких словах как, *райком-ов-ский*, *ялт-ин-ский*, *африк-ан-ский*, *ныне-ин-ий* и др, и в татарском языке – *-вык/-век*, *-ндый/-нди*, *-ылда/-елда*, *-шар/-шэр* и т. д., в которых интерфиксами являются *-в-*, *-н-*, *-ыл/-ел*, *-ш* и т. д., например в таких словах, как: *шарла-в-ык* ‘водопад’, *теге-н-ди* ‘такой’, *ах-ыл-дау* ‘охать, ахать’, *жиде-ш-эр* ‘по-семь’ и др. Ведь эти суффиксы не имеют никакого нового значения по сравнению с суффиксами простыми. Правильнее – и с точки зрения более точного понимания структуры слова, связывающие корень (или основу) и суффикс.

В ряде работ последнего времени, прежде всего, в работах Е. А. Земской, развивается понятие «интерфикса» как асемантической (незначимой) «прокладки» между морфемами. Наиболее обстоятельно эта концепция изложена в книге Е. А. Земской «Современный русский язык. Словообразование»¹. По поводу этой концепции, имеющей как своих сторонников, так и противников, написано уже немало. Другие авторы называют подобные элементы слова «структемами» (А. Н. Тихонов), «асемантемами» (В. С. Гимпелевич), Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова – «случайными отрезками», М. В. Панов – «синтагматически закреплёнными наполнителями слова», «обесмысленными прокладками» и т. д. В чешской лингвистической литературе также обсуждается вопрос о подобных «связочных морфемах» («конекторах») и о возможности отнесения их к морфемам или к «полуморфемам». Хотелось бы обратить внимание на некоторые вопросы морфемной структуры слова, возникающие в связи с этой концепцией.

Исходный пункт её – понимание морфемы как части слова, наделённой значением, семантической функцией. А. Н. Тихонов справедливо подчёркивает, что при допущении существования «асемантических морфем», обладающих только «структурной функцией», «расщепляется понятие морфемы, — границы морфемы становятся неопределёнными и расплывчатыми. Практически следуя этой формулировке, к морфемам можно относить любые части слова»². Лишённый семантики, один и тот же интерфикс в русском языке легко используется для присоединения различных суффиксов к одной и той же производящей основе, т. е. обладает способностью обслуживать разные словообразовательные типы, часто относящиеся даже к разным частям речи. Например в русском языке: интерфикс «й»: *кофе- (й) -ник*, *кофе- (й) -ниц-а*, *кофе- (й) -н-я*, *кофе- (й) -н-ый*; интерфикс «л»: *суши- (л) -к-а*, *су-ши- (ль) -н-я*, *суши- (ль) -н-ый*; интерфикс «ев»: *корол- (ев) -ич*, *корол- (ев) -н-а*, *корол- (ев) -ств-о*, *корол- (ев) -ск-ий*; интерфикс «ат»: *схем- (ат) -изм*, *схем- (ат) -ичн-ый*, *схем- (ат) -ическ-и*. Однако, в татарском языке подобное явление не наблюдается. Лишённый семантики, один и тот же интерфикс используется лишь для присоединения различных суффиксов к разным частям речи. Например, интерфикс «с»: *һава-с-ы* ‘его воздух’, *моны-с-ы* ‘этот, это’; интерфикс «н»: *эше-н-ә* ‘на его работу’, *эше-н-ән* ‘с его работы’, *тегесе-н-ән* ‘оттуда’, *өсте-н-ә* ‘на верх’, *шу-н-нан* ‘оттуда’, *ни-н-ди* ‘какой’; интерфикс «-ыл/-ел»: *шав-ыл-ты* ‘гул’, *гөр-ел-те* ‘рокот’, *чер-ел-дәү* ‘щебетать’ и т. д.

В русском языке Е. А. Земская развивает концепцию «интерфиксов» главным образом на материале «прокладок» между корнем и суффиксом в структуре производных слов (например, отрезков *-ов-*, *-ин-*, *-ан-* и др. перед суффиксом *-ск-* в прилагательных). Отрезки эти, действительно, сами по себе не имеют особого значения (ср., например, *Ленинград – ленинградский* и *Ялта – ялтинский*, *Орёл – орловский*, *Африка – африканский*): они ничего не добавляют к тому словообразовательному значению, которое выражено в прилагательных, не имеющих перед суффиксом *-ск-* этих отрезков. Поскольку словообразовательное значение прилагательных с отрезками *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* и т. п. одинаково и, следовательно, «часть *ск...* сама по себе, без добавления каких-либо элементов выражает деривационное значение «относящийся к тому, что названо производящей основой»» (стр.118), постольку лишь отрезок *-ск-* и является носителем этого значения, т. е. суффиксом (стр.116).

В свою очередь, А. А. Дементьев попытался доказать, что эти отрезки всё же наделены значением: будучи «дополнительными выразителями категории отношения», они являются «самостоятельными суффиксами». Как считает учёный суффиксы *-ов-* в *орловский – орловец*, *-ин-* в *читинский – читинец*, *-ан-* в *американский – американец*, *-ей-* в *европейский – европеец*, *-эз-* в *генуэзский – генуэзец*, *-итан-* в *неаполитанский – неаполитанец* и т. п. являются обычными суффиксами производящей именной основы.

Е. А. Земская считает их не суффиксами, а «интерфиксами». Она утверждает, что нет оснований считать объединения этих промежуточных звуковых комплексов и суффиксов новыми

производными суффиксами и выделять их. Тем самым, она признаёт существование в слове звуковых комплексов типа *-ов-, -ин-, -ан-, -эз-, -итан-* и др., которые никакого отношения к значению слова не имеют.

Некоторые исследователи по-иному рассматривают данную проблему. Например, И. Г. Милославский приходит к выводу, что «здесь возможны разные пути, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки»: «во-первых, можно считать «лишние» элементы формы частями соответствующих значимых единиц – корня или суффикса», но «такой вывод страдает некоторым упрощением»; во-вторых, «нет никаких общих теоретических и методологических положений, которым противоречило бы выделение в слове формальных элементов, лишённых номинативного содержания» (стр. 27). В-третьих: «Теоретически вполне допустимо видеть в так называемых интерфиксах значимые элементы структуры слова», которые «избыточны, т. е. уже выражены другими значимыми элементами структуры слова» (стр. 28).

Этот вывод не распространяется на весь круг элементов, обычно относимых к интерфиксам. Интерфиксы типа *ш, ж, в, н, т*, по мнению автора, «стоит рассматривать как варианты корня» (с. 29). Элементы типа *-ин-, -ов-, -ан-* отнесены к «суффиксам со значением «прилагательности»» (с. 29). В третью группу выделены соединительные гласные – «значимые элементы особаго рода» (с. 30). На наш взгляд, перевод всей массы интерфиксов в усложнённые варианты суффиксов, и тем более – в варианты корней не даёт ещё оптимального разрешения возникших трудностей.

Также В. В. Лопатин⁵ предпринял попытку доказать наличие особого значения у интерфиксов. Согласно его концепции, соединительная функция интерфиксов и есть их значение.

При этом такие учёные, как Г. О. Винокур, М. Докулил считают, принципиально несущественным вопрос о том, к производящей основе или к суффиксу относить такой промежуточный звуковой элемент, если с этим элементом не связывается определённое значение.

В последние десятилетия в татарском языке в исследованиях Ф. А. Ганиева также подчёркивается концепция, что интерфиксы в татарском языке не имеют никакого значения в составе слова. Однако, поначалу, он относил данную морфему к составу словообразующих суффиксов, но при дальнейшей работе и после тщательных исследований пришёл к выводу, что интерфикс не входит в состав суффикса, он является отдельной морфемой. Подобное мнение разделяют и башкирские языковеды, такие как Г. Р. Абдуллина⁶, Г. К. Ишбаев.

Х. Х. Салимов в своём словаре «Тел гыйлеме терминнары сүзлеге» (Словарь лингвистических терминов) ограничивается определением интерфикса: «Үз мәгънәсе булмаган, тамыр белән башка кушымчаны ялгарга ярдәм итә торган кушымча. Мәсәлән, *алты-ш-ар*, *африка-н-ский*». Он также придерживается мнения, что интерфиксы не несут никакого значения и лишь связывают корень и окончание.

О самом явлении интерфиксации и о значении интерфиксов в тюркских языках писал Ф. А. Ганиев еще в 1974 году. Именно он стал первым, кто обратил внимание на это явление. В своей статье «Асемантические элементы в строе тюркских языков» он пишет следующее об интерфиксах: «Разрабатываются теоретические вопросы, проводится инвентаризация и систематизация грамматических и словообразовательных средств и изучения их семантики».

Опираясь на его труды и на собственные исследования, мы с уверенностью можем утверждать, что все интерфиксы татарского языка не имеют определенного значения и выступают лишь как структурная часть слова в виде отдельного звука или сочетания нескольких звуков. Интерфикс как в русском, так и в татарском языках отличается от всех видов морфем тем, что он лишён свойственных морфемам значений и служит чисто механическим средством соединения значащих единств между собой. Изъятие таких единств из состава целого не изменило бы, ни с какой стороны, значение целого, но нарушило бы его материальную структуру и свойственную ей закономерность. Характерной чертой соединительных элементов (интерфиксов) для русского, так и для татарского языка является то, что они ни лексическим, ни грамматическим, ни словообразовательным значениями не обладают.

Литература:

- Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: «Просвещение», 1973. – С. 113–137.
Тихонов А. Н. Морфема как значимая часть слова / «Филологические науки», 1971, Самарканд. – № 6, С. 47.
Дементьев А. А. О так называемых «интерфиксах» в русском языке / «Вопросы языкознания», 1974, № 4, С. 119.

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. С. 27–30.

Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. – М.: Наука, 1977. – 315 с.

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. М., 1959. – 432 с.

М. Dokulil. K základním otázkám tvoření slov. «O vědeckém poznání soudobých jazyků». Praha, 1958, p. 165.

Абдуллина Г. Р. Башкирский язык. Морфонология (монография). – Уфа: Гилем, 2004.

Ишбаев Г. К. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование. – Уфа: Гилем, 2000. – 246 с.

Сәлимов Х. Х. Тел гыйлеме терминнары сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – Б. 202.

Ганиев Ф. А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1974. – 27–67 с.

Ганиев Ф. А. Асемантические элементы в строе тюркских языков // Русское сравнительное и сопоставительное словообразование. – Казань: изд-во Казанского университета, 1986. – 112 с.

Вилданова З. Р.

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ КЕШЕНЕ ТИСКӘРЕ ЯКТАН ТАСВИРЛЫЙ ТОРГАН СҮЗЛӘР

Доньяда төрле кеше була: яхшысы да, начары да. Һәр халык аларны тасвирлау өчен төрле сүзләр уйлап тапкан. Татар халкы – үз-үзенә тәнкыйть белән караучы халык, шуңа да татар телендә кешенең тискәре сыйфатларын белдерә торган лексик катлам гаять бай.

Әлеге курс эшенең өйрәнү **объекты** – тел шәхесен тасвирлый торган сүзләр. Курс эшенең **предметы** – татар телендә кешене тискәре яктан тасвирлый торган сүзләр.

Беренче чиратта кешенең кайсы сыйфатларына игътибар итәләр? Әлбәттә, иң башта аның тышкы кыяфәтенә күз төшә. Кешенең тышкы кыяфәтен тасвирлаганда күбрәк «ямьсез», «сөйкемсез», «бик үк матур түгел», «шыксыз», «күзгә ятышсыз», «киенә белми», «үз-үзен карамый», «көзгедән карамаган» һ. б. кебек сүзләр кулланыла.

Киенә карап каршы алалар, акылына карап озаталар. Кешене яхшырак белә башлагач, аның эчке күнеленә, холкына игътибар итә башлыйсың. Кешенең холык-сыйфатларын күрсәтүгә татар теле аеручы да оста. Бу очракта иң күп кулланылуы сүзләр: саран, ялкау, булдыксыз, мәрхәмәтсез, явыз, куркак, тәүфиксыз, надан, юләр һ. б.

Кешене тискәре яктан тасвирлау өчен хайван атамаларын да киң кулланыла. Мәсәлән, куркак кешеләрне – куян, хәйләкәр кешеләрне төлке белән чагыштырабыз. Шулай ук баласын ташлап киткән ананы – күке, бизәнү әйберләрен артык яратучыларны – саескан, тиз кызып китүчеләрне – күркә, сугыш чукмарларын этәч дип атыйбыз.

Әйткәнебезчә, татар теленең сүзлек составы бик бай. Моның ачык дәлиле – матур әдәбият эсәрләре. Әдәби эсәр үзгендә – кеше, ә язучы безгә аның характерын, тышкы кыяфәтен күрсәтү өчен кирәкле сүзләр сайларга тиеш. Образ һәрвакытта да уңай яктан гына күрсәтелми, аның начар яклары да була. Әлеге эшебезнең төп максаты – татар телендә кешене тискәре яктан тасвирлай торган сүзләрне барлау. Бу максатка ирешү өчен без язучы Нәбирә Гыйматдинованың 2000нче елда язылган «Икебезгә дә авыр...» дигән повестена мөрәжәгать иттек.

Повестыта төп вакыйгалар Зәмзәмия исемле кыз тирәсендә бара. Ул эсәр ахырына кадәр авылның явыз кешеләре белән көрәшә. «Явыз» дигәнне белдерү өчен Нәбирә Гыйматдинова «кансыз», «мәрхәмәтсез», «фашист», «башкисәр», «мөртәт», «холкы начар», «тәмуг кисәве», «имансыз», «Газраилдән ким түгел», «зәһәр», «ике аяклы ерткыч» һ. б. сүзләр куллана.

Эсәрдә Зәмзәмия образына каршы куелган куркак Зәки дигән герой да бар. Зәкине сурәтләү өчен автор «куркак», «нәселе белән куркак», «куян» сүзләрен актив куллана.

Повестыта үзенчәлекле сурәтләү алымнары да бар. Мисал өчен, «Анда бар да Гыйният табагыннан ашаган, судьясы да, прокуроры да» дигән жөмләдәге «Гыйният табагыннан ашаган» дигән фраза «Гыйнияткә сатылган, аның белән бер фикердә» дигәнне аңлата.

Шулай ук автор образларның диннән ерак булуына да басым ясый. Моның өчен ул «мөртәт» сүзен күп куллана.

Тикшерү һәм чагыштыру өчен материал буларак Галимжан Ибраһимовның 1923нче елда язылган «Казакъ кызы» романы да алынды. Эсәрдәге вакыйгалар Карлыгач-Сылу исемле кыз тирәсендә барлыкка килә. Аны үз теләгеннән башка Калтай дигән яман холыклы кешегә кияүгә

бирергә телиләр. Карлыгач-Сылуаны начар яктан сурәтләү өчен шундый сүзләр куллана: «буе тәбәнәк, йөзе яман шадра, борыны томшык, күзе кыйшык, тәнненән яман ис килеп тора», «сүзе юк, акылы, гайрәте юк...»

Романда кешене тискәре яктан тасвирлаучы сүзләрнең күбесе Калтайга багышланган. Тик башка геройларга карата әйтелгәннәре дә бар. Мәсәлән, «каты бавырлы, аз акылы бер исәр». Әсәрдә бик күп кешеләрне сурәтләү өчен «яман», «тиле» сыйфатлары да еш кулланыла: «яман Байтүрә», «тиле карчык» һ.б. Романда кешенең өс-башын, кыяфәтен сурәтләүгә зур урын бирелә. «Чәче тузган, өсте-башы керләнеп беткән карчык», «юан, симез Этбай исемле бер казакъ», «ертык күлмәкле, ябык, кара-сары йөзле, нурсыз ач күзле бер киленчәк», «киң кара, шадра йөзле, ертык киёмле ялчы».

Романда кешеләрне хайван исеме белән атау бары ике тапкыр гына очрый: Калтай дунгыз белән, ә явыз каенана елан белән чагыштырыла.

Димәк, Г. Ибраһимов «Казакъ кызы» романында кешенең тышкы кыяфәтен сурәтдәүгә күбрәк урын биргән дип әйтә алабыз. Ямьсез, пычрак кыяфәтле кеше икән аның эчке күңеле дә начар булып чыга. Автор күбрәк *шадра, пычрак, киёмнәре ертык, симез* сүзләрен кулланган. Күчерелмә мәгънәдә *борыны томшык, каты бавырлы, ач күзле* гыйбарәләре килә.

Беренче нәтжә. Татар телендә кешене тискәре яктан тасвирлаучы сүзләрне тематик яктан өч төркегә бүлеп карап була: 1) акыл ягыннан 2) эш-хезмәт ягыннан 3) үз-үзен тотышы ягыннан. Шулай ук тышкы кыяфәт ягыннан тасвирлаучы сүзләрне дә аерым карап үттек.

Икенче нәтижә. Нәбирә Гыйматдинова «Икебезгә дә авыр» әсәрендә образларны начар яктан тасвирлаганда, аларның явыз, мәрхәмәтсез булуына күбрәк басым ясый. Иң күп кулланган сүз – «башкисәр».

Өченче нәтижә. Галимжан Ибраһимов «Казакъ кызы» әсәрдә күбрәк тышкы кыяфәткә игътибар иткән. Геройларның тышкы кыяфәте аларның эчке күңеле белән дә туры килә.

Өлеге ике чорда язылган әсәрләрне чагыштырып шуны әйтергә мөмкин: Н. Гыйматдинова күбрәк геройларның эчке күңелен, холкын тасвирлаган, ә Галимжан Ибраһимов тышкы кыяфәт аша кешеләрнең начар якларын күрсәткән.

Чыгышымны йомгаклап шуны әйтәсем килә: кешеләрне мактау жиңел, ә начар ягын искәртү авыррак. Аңа да кармастан, татар халкы кешеләрне тискәре яктан тасвирлау өчен бик күп оста сүзләр уйлап тапкан. Шуннысы мөһим: ул сүзләр кешене рәнжетү өчен түгел, ә аны яхшы якка үзгәртү максаты белән генә әйтелсен иде.

Литература

- Галиуллина Г.Р. Татар теле. Лексикология / Г.Р. Галиуллина. – Казан: Мәгариф, 2007. – 95 б.
- Ганиев Ф.Ә. Татар теленең аңлатмалы сүзлегә / Ф.Ә. Ганиев. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
- Гыйматдинова Н.М. Повестьлар. Беренче китап / Н.Г. Гыйматдинова. – Казан: Идел-Пресс, 2010. – 461 б.
- Жамалетдинов Р.Р. Тел һәм мәдәният. Татар лигвокультурологиясе нигезләре. / Р.Р. Жамалетдинов. – Казан: Мәгариф, 2006. – 350 б.
- Мифтахов З. Татар теленең аңлатмалы сүзлегә / З. Мифтахов. – Зәй: Шәхси китап нәшрияты, 2012. – 847 б.
- Ибраһимов Г.Г. Казакъ кызы / Г.Г. Ибраһимов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1992. – 190 б.
- Исәнбәт Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлегә 1 том / Н.С. Исәнбәт. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989. – 495 б.
- Исәнбәт Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлегә 2 том / Н.С. Исәнбәт. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1990. – 365 б.
- Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 1999. – 288 б.
- Маслов В.А. Лигвокультурология. / В.А. Маслов. – Казань: Академия, 2001. – 208 с.
- Ибраһимов Галимжан URL: <http://matbugat.ru/enc/ibraimov-galiman-228/> (Дата обращения: 21.03.2015)
- Ибраһимов Галимжан «Казакъ кызы» URL: <http://kitap.net.ru/ibragimov4.php> (Дата обращения: 21.03.2015)

ДИФТОНГИ В ТОБОЛО-ИРТЫШСКОМ ДИАЛЕКТЕ СИБИРСКИХ ТАТАР (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА, ЗАПИСАННОГО В. В. РАДЛОВЫМ)

Современный этап развития тюркского языкознания характеризуется повышенным вниманием к вопросам исследования фонетики тюркских языков. Эта задача может быть выполнена специальными исследованиями на материале отдельных диалектов и языков. Фольклорная лексика является одним из надежнейших источников разработки языковых проблем до письменной истории языка, дает ценный материал для установления исторических взаимоотношений между языками и диалектами.

Эпические фольклорные тексты сибирских татар XIX века, собранные В. В. Радловым, являются ценным источником при исследовании фонетических особенностей языка тюркоязычного населения Тоболо-Иртышья.

Василий Васильевич Радлов (Фридрих Вильгельм), востоковед-тюрколог. Родом из Германии. Окончил Берлинский университет, защитил диссертацию. «О влиянии религии на народы Азии». С лета 1858 г. жил в Петербурге, с 1859 г. – в Барнауле. Здесь работал учителем немецкого и латинского языков в окружном горном училище, совмещая преподавательскую деятельность с исследовательской.

На Алтае Радлов сформировался как ученый нового типа – тюрколог-универсал, занимался диалектографией, диалектологией, лексикографией, лексикологией, сравнительной и исторической фонетикой, грамматикой и текстологией, этнографией и археологией, фольклором и историей народов Алтая и Западной Сибири. Здесь им было осуществлено 10 ежегодных (за исключением 1864) научно-исследовательских экспедиций к алтайцам, телеутам, шорцам, кумандинцам, тувинцам, казахам, киргизам, абаканским татарам (хакасам), западносибирскими татарам, китайцам. Собранные материалы легли в основу фундаментального труда, принесшего автору всемирную известность – «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866–1907).

В 1871 г. Радлов переехал в Казань, где был назначен инспектором татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ учебного округа. С 1884 г. жил в Петербурге, был избран «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов». В 1885–90 гг. – директор Азиатского музея АН, в 1894–1918 гг. – директор Музея антропологии и этнографии АН. Один из инициаторов создания и председатель Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (1903–1918), председатель правления Общества изучения Сибири и улучшения быта ее народов.

Автор около 150 работ, среди которых публикации текстов на многих тюркских языках. Важнейшие работы – «Сибирские древности (1888–1902)», «Атлас древностей Монголии» (1892–99), «К вопросу об уйгурах» (1893), «Из Сибири» (1893).

Материалом для исследования послужили тексты сказок, преданий, легенд, дастанов сибирских татар, записанных В. В. Радловым во II половине XIX в. и изданных в Санкт-Петербурге в 1872 году в 4 томе «Образцы народной литературы тюркских племен. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар».

Объектом исследования послужили тексты эпического фольклора «Кузы Көрпөц», «Мешәк Алып», «Идегә Би», «Цонтай мәргән», «Алтын Чабак», «Күцем Хан», «Барам карт ыруы», «Яхшылар», «Курдак, торалы, аялы һәм бараба исемнәре», «Ярмак», «Теләү бирде» и другие.

Предметом данного исследования являются дифтонги эпического фольклора тоболо-иртышских татар XIX в.

Дифтонги

Для языка сибирских татар характерно употребление следующих дифтонгов:

ай – *қайра* – артка – назад, *қайның* – кайнатаң – свекор, *шайлады* – әзерләде – подготовил;

эй – *игнәдәй* – энәдәй – как иголка, *әйредән* – елгдан – из реки;

ый – *қыйғырды* – кычкырды – крикнул, *қыйғылык* – үрдәк – утка;

уй – *уйның* – уй жирнең – твоих мыслей,

ау – *сырау*-сугроб, *қа'рау* – смотреть, *пысау* -теленек;

ыу – *а'лыу* – братъ, *қысыу* – быстро, *қайтыу* – возвращаться.

Дифтонг *-ай/-әй* присущ всем говорам сибирских диалектов [Тумашева 1977, 47], большинству говоров среднего диалекта – касимовскому [Махмутова 1955, 153], Златоустовскому [Хайрутдинова 1985, 26]; отдельные случаи отмечены и в пермском говоре [Рамазанова 1996, 47] и у заболотных татар [Барсукова 2004, 24].

Лабиальные дифтонги типа *ou, øy* (уу, еу) встречаются в тюркских языках сравнительно редко. В. В. Радлов указывает на их появление в киргизском языке, аналогичные дифтонги имеются в языке Codex Cumanicus: eu «дом», souca «жаждать». Дифтонги *ou, øy*, отмеченные в башкирском языке, появляются в результате лабиализации дифтонгов *yu, uy* [Киекбаев 1958, 35].

Ниже в качестве примера приводим сказку «Алтын чабак», записанную В. В. Радловым.

Алтын Чабак

Бер жирдә бер картның²⁴ өч улы бар булган, кече угылы көлчә булган. Карт кече угылына әйтте:

Син көн дә тик ятасың, эшләвең юк, – диде. – Син күлгә барып кыдыс²⁵ көт, – диде.

Кече улы китте кыдыс көтәргә. Әләц²⁶ алып китте, барып кое²⁷ тиште, әләцен суга төшерде. Бер балык капты әләценә, тартып алса, алтын тәнкәлә чабак капты. Егет аны агач белән сугарга итте. Чабак әйтте:

Юк, егет, мине сукма! Мин бер нәрсәгә ярармын, – диде.

Ничек ярыйсың? – диде.

Чабак әйтте:

Берәр нәрсә кирәк булса сиңа, син әйт:

Бер ходайның боерыгы белән,

Алтын чабак күреге белән.

Аны әйтсәң, кирәгеңне кылырмын. Минә жибәр²⁸ инде!

Егет бу чабакны суга кире²⁹ жибәрде, кайтты өенә, көленә тагы ятып иде.

Ике агасы әйбергә³⁰ китәргә жыенды³¹. Көлчә сорый:

Кая киттегез³²? – диде.

Агасы әйтте:

Хан өмә³³ ясый.

Ике ага китте өмәгә. Көлчә аннан соң бер чана³⁴ әзерләде³⁵, ханның өмәсенә барам, – дип³⁶.

Жигәргә үзенең аты³⁷ юк, чанасына утырды, утырды да әйтте:

Бер ходайның боерыгы белән,

Алтын чабак күреге белән

Кит, чана!

Чана аты юк (көе) йөрөп китте, ханның печәнәненә барды. Чанадан егет төште, егет әйтте:

Бер ходайның боерыгы белән,

Алтын чабак күреге белән

..... кибән³⁸, чанама утыр!

Бөтен кибән үзе күтәрелде, үзе чанага утырды. Егет кибәннең башына чыгып утырды, әйтте:

Бер ходайның боерыгы белән,

Алтын чабак күреге белән

Кит, чанагым, ханга!

Чанага тагы йөрөп китте, ханның капкасына килде.

Ханның бер кызы бар икән, ул кыз тәрәзәнә ачып, егетне күрде.

Бу ни тамаша? – диде. – Аты юк, чана үзе йөгөрөп килде.

Егет кызны күрде, карап торганың. Егет аны күрүгә³⁹ әйтте:

24	амышканың
25	кыдыс
26	әләц
27	кодок
28	пожат
29	кайра
30	нәмәгә
31	шайланды
32	киттеңләр
33	помац (помощь)
34	цана
35	шайлады
36	тән
37	йылгызы
38	кага
39	күрү-гәлә

Бер ходайның боерыгы белән,
 Алтын чабак күреге белән
 Бу кызның эченә миннән бала булсын!
 Әлеге печәнне абзарга⁴⁰ кертте, әйтте:
 Бер ходайның боерыгы белән,
 Алтын чабак күреге белән,
 Кибән, абзар түбәсендә утыр!
 Кибән үзе күтәрелеп, абзар түбәсенә утырды. Егет кайтты өенә, көленә тагы ятты.
 Ханның кызы корсаклы булды, бер угыл тудырды⁴¹. Бер кунды, бер яшь (булды)⁴², ике кунды,
 ике яшкә житте, олы булды, кызык сөйләде⁴³. Ханга намыс килде, кызы бала тапкан (нан) соң.
 Халкын жыйды хан, бер кеше калдырмады шәһәрдә, барысын⁴⁴ жыйды. Хан әйтте:
 Бала угыл кайда? Атасын табар, – диде.
 Алтын табакка аш салды, әлеге кызның баласына бирде.
 Бу табаклы ашны атаңга бир! – диде.
 Угыл табакны алды. Янәшәдә⁴⁵ утырган кешеләргә әлеге бала йөрде,
 йөрде, әйтте:
 Минем атам монда юк! – диде.
 Хан әйтте:
 Кеше калганмы тагы? – диде.
 Кешеләр әйтте:
 Картның кече улы көлче калган.
 Хан:
 Аны алып килегез! – диде.
 Барып, көлчене алып килделәр⁴⁶ ханга.
 Бала табакны алып килеп көлчегә бирде:
 Ата, мә! – диде.
 Ханга бик намыс булды. Хан әйтте:
 Мин кызымның башын чабып ташлыйм, – диде.
 Анда утырган картлар әйтте:
 Башын чапма! – диде. – Бер сандыкка кызыңны сал! Бер ягына көлчене
 сал! Баласын бергә сал! Сандыкны биклә! Дәръяга ташла!
 Хан кызын сандыкка салды, көлчене дә салды, углын да салды. Сандык бикләнде, алып ба-
 рып, дәръяга ташлады (лар). Сандыкны су алып китте. Кыз сыктап ята сандык эчендә. Көлче әйтте:
 Ник сыктадың? – диде. – Кырга чыгарбыз! – диде.
 Кыз әйтте:
 Сандык эчендә ятып, ничек⁴⁷ чыгарбыз? – диде.
 Кыз сандык эчендә ятып йоклады, көлче әйтте:
 Бер ходайның боерыгы белән,
 Алтын чабак күреге белән,
 Жил, төш дәръяга!
 Жил булды, дәръя дулкынланды⁴⁸, сандыкны алып китте су, алып килеп кырга чыгарды. Көлче
 әйтте:
 Бер ходайның боерыгы белән,
 Алтын чабак күреге белән,
 Сандык ярылсын!
 Сандык ярылып китте, болар кырга чыкты. Көлче әйтте кызга:
 Син ятып йокла!

40	аран
41	тугды
42	яжәде
43	әрмәкләште
44	пәс (весь)
45	йанажып
46	әпкилде
47	нәгелә
48	тагыллады

Кыз ятып йоклады. Көлче йөрөп әйтте:
 Бер холайның боерыгы белән,
 Алтын чабак күреге белән
 Таштан өй ясалсын!
 Эчендә төрле ашлар булсын!
 Самоварлары кайнап торсын!
 Таштан киртә⁴⁹ салынсын!
 Капкалары таштан булсын!
 Төбөндә аю бәйләнеп⁵⁰ торсын!
 Таштан өй ясалды, эчендә ашлар булды, самоварлар кайнады. Таштан киртә салынды, капкалары таштан булды, капкаларның төбөндә аю бәйләнеп торды. Барысы⁵¹ егетнең сүзе белән эшләнгән⁵².
 Кызны егет торгызды, уятты.
 Өйгә керик! – диде.
 Кыз торып караса, таштан өй яса (л) ды. Өйгә инде, һәр төрле ашлар эчендә. Анда тордылар, баедылар, анда баеп-йырлап⁵³ көн күрделәр.

Ганиев Ф. Ә.

ТАТАРНЫҢ ҮЗ ДӘҮЛӘТЭ КАРШЫНДА НИ ГАЕБЕ БАР?

Татар халкы, мәгълүм булганча, революциягә кадәр милли мәгарифне, дәүләттән бер тиен акча алмыйча, үзе тартып барган. Халыкның башлангыч, урта һәм «Галия» кебек гали (югары) мәдрәсәсе (мәктәбе) булган. «Мәдрәсә» дигән сүзне, аның эчтәлеген бүгенге көнгә кадәрле дини уку мәктәбе дип безнең башка сеңдерә килделәр. Мондый фикер дәреслекләргә дә, башка китапларга да кергән. Чынлыкта исә «мәдрәсә» дигән сүз «дәрәс» (уку) дигән сүзнен бер бабы гына (формасы гына). Ул сүзне бүгенге көн термины белән әйтсәк, «мәктәп» дигән мәгънәне белдерә. Миңа революциягә кадәрге ике мәдрәсәнең – Оренбургтагы «Хөсәения» һәм Казандагы «Мөхәммәдия» мәдрәсәләренең уку-укуы программасы белән танышырга туры килде.

«Хөсәения» мәдрәсәсен тәмамлаган укучы, ул вакыттагы сүз белән әйтсәк, шәкерт Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институтына үзе тәмамлаган мәдрәсә турында якынча 150 биттән гыйбарәт язма алып килгән иде. Аны ул вакытта безнең институтның директоры булган Я. Г. Абдуллин институтка сатып алды. Бу язмага кушымта итеп, ул мәдрәсәнең уку-укуы программасы бирелгән иде. Ул кушымта белән танышкач, мәдрәсәнең бөтен асылы белән дөньяви урта мәктәп булуы ачыкланды. Аның уку-укуы программасында, рус гимназияләрендәге кебек, нигездә дөньяви предметлар каралган иде. Анда рус теле дә укытылган. Дәрәс, шулар белән беррәттән, ул программада, нәкъ рус гимназияләрендәге «закон Божий» предметы кебек, ислам диненә караган предмет та кертелгәнлеге билгеле булды. Рус гимназияләренең, аерым алганда, Сембердәге гимназиянең программасы ул биргән аттестатта бик ачык күренә иде. Ул аттестат күп кенә дәреслекләрдә китерелде. Анда «закон Божий» предметының укытылуы ап-ачык күренә.

Казан дәүләт университетында «Мөхәммәдия» мәдрәсәсе турында моннан берничә ел элек житди һәм төпле диплом эше якланды. Мин, дәүләт аттестация комиссиясе рәисе буларак, ул диплом эше, аңа кушымта итеп бирелгән уку-укуы программасы белән таныштым. Ул программа рус гимназиясенен дөньяви уку-укуы программасын хәтерләтә. Анда да, рус гимназияләрендәге «закон Божий» кебек, ислам диненә караган предмет та каралган. «Мөхәммәдия» мәдрәсәсенен дә программасы «Хөсәения» мәдрәсәсенекеннән нигездә аерылмаганлыгы ачыкланды. «Галия» мәдрәсәсендә дә шундый дөньяви программа булганлыгы билгеле. Күренгәнчә, революциягә кадәр үк (башлангыч мәктәп-мәдрәсәләр турында сөйләп тә тормыйча) татар телендә дөньяви белем бирә торган мәктәпләр булган. Татарларның бу мәгариф эшенә, кагыйдә буларак, «халыкларның төрмәсе» булган патша Россиягә дә тыкшынмаган. Дәрәс, аерым мәдрәсәләргә (мәктәпләргә) тегеләй-болай кысарга омтылганнар, әмма гомум алганда, мәдрәсәләр, татар телендә дөньяви белем бирә торган уку йортлары буларак, яшәүләрен дәвам иткәннәр.

49 өгөрөт (огород)
 50 паулалып
 51 пәс (весь)
 52 пөдөптө
 53 инәк

Хәзерге көндә исә, Россиянең мәгариф житәкчеләре «милли компонент» дигән сәяси төшенчә астында халыкларга үз телендә белем бирүгә балта чабарга омтылалар, ягъни патша самодержавиесеннән бик күпкә арттырып жибәрәләр. Демократик Россия дип аталган дәүләт нишләп кеше күзә күрмәгән, колагы ишетмәгән мондый гамәлләр юлына баса? Моны ничек аңларга?

Татар халкының Россия алдында нинди гаебе, гөнаһы бар соң? Татарстан үз территориясендә бернинди дә **эксцесларга, экстремизмга** юл куймый. Салымнарны үз вакытында түләп бара. Ул салымнардан, башка халыкларга бирелгән кебек, татарның мәгарифенә дә тиешле күләмдә акча бүлеп бирелергә тиеш. Татар нефтьтән килгән керемнең иң зур өлешен Мәскәүгә жибәрә бара. Монысы бер яктан булса, икенче яктан, **татар халкы**, аның уллары чит ил басып алучыларына, Наполеонга, “тептярские полки», Гитлерга һ.б.ларга каршы сугышта руслар һәм башка халыклар белән бергәләп Россиянең бөтенлеген, бәйсезлеген, байлыгын өчен жанын-тәнен жәлләмичә сугыштылар. Моны армия житәкчеләре һәрвакыт асызыклап әйтә килделәр.

Бу фикерне раслау өчен Муса Жәлил һәм аның көрәштәшләренең батырлыкларын күрсәтеп узу да житә. Жәлилчеләр телебезне кимсетү, мәданиятебезне, әдәбиятыбызны һ.б. юк итү өчен палач балтасы астына керделәрме? Руслар һәм башка халык солдатлары белән беррәттән сугышкан татарлар «милли компонент»ны кыскарту яки бетерү өчен сугыштылармы? Бөек Ватан сугышында гына да жаннарын жәлләмичә, берничә йөз мең татар солдаты башларын салды. Бүгенге көндә нәрсә күрәбез? **Халыклар дуслыгы** жиңеп чыккан сугышның уңай нәтижеләре кайбер халыкларга карамый булып чыга.

«Милли компонент» дигән төшенчә астында татар телендә белем алуны кысу яки тыю Халыкара документларга каршы килә. Хельсинкида кабул ителгән Йомгаклау акты, 1990 елдагы Копенгаген киңәшмәсенә документ, Гражданлыкка караган һәм сәяси хокуклар турындагы Халыкара пакт, кеше хокукларын һәм төп ирекләренә яклау турындагы Европа конвенциясенә эчтәлекләре һәм рухы Россия тарафыннан бөтенләй онытылган булып чыга.

Мәгълүм булганча, шул документларга таянып, Европа Советы региональ телләр һәм азсанлы халыклар телләре турында Европа Хартиясен кабул итә (5 ноябрь, 1992 ел). Бу Хартиягә Россия кул куйган. Димәк, кул куйгач, Россия нигездә аның төп принциплары белән риза булган дигән сүз. Ул Хартиядә региональ телләр һәм азсанлы халыклар телләре культура байлыгы дип игълан ителә.

Анда мәгариф (белем бирү) өлкәсендә түбәндәгеләр каралган:

1) региональ телләрдә яки азчылык халыклар телләрендә мәктәпкәчә белем бирергә мөмкинлек тудырырга; яки мәктәпкәчә белем бирүнең шактый өлешенә тиешле региональ телләрдә һәм азчылык халык телләрендә мөмкинлек тудыруны тәмин итәргә;

2) региональ телләрдә һәм азчылык халыклар телләрендә башлангыч белем бирү өчен мөмкинлек тәмин итәргә; яки региональ телләрдә һәм азчылык халыклар телләрендә башлангыч белем бирүнең шактый өлешенә мөмкинлек тәмин итәргә;

3) региональ телләрдә һәм азчылык халыклар телләрендә урта белем бирергә мөмкинлек тәмин итәргә; яки региональ һәм азчылык халыклар телләрендә урта белем бирүнең шактый өлешенә мөмкинлек тудырырга;

4) региональ телләрдә яки азчылык халыклар телләрендә университет һәм югары белем бирү дисциплиналары сыйфатында бу телләргә өйрәнү өчен шартлар тудырырга; яки региональ телләрдә һәм азчылык халыклар телләрендә университет белеме яки югары белем бирүне хупларга һәм (яки) моңа юл куярга.

Күренгәнчә, югарыда китерелгән Хартиядә, белем бирүнең барлык баскычларында региональ һәм азчылык халыклар телендә белем бирүне тәмин итәргә, диелгән. Ничек инде Россия үзе кул куйган документны сызып атарга батырчылык итә? Билгеле булганча, шундый ук хәл Балтыйк буе илләрендә бара. Ул республикаларда азчылык тәшкит иткән рус теленә каршы төрле гамәлләр кылына. Россия моны һич кабул итә алмый һәм, һичшиксез, дәрәжә эшли. Әмма ул үз илендә шундый телләргә кысу, аларга тиешле ирек бирмәү гамәлләрен куәтли. Шулай итеп, бер үк проблемага карата ике төрле стандарт килеп чыга. Моның белән аек акылы булган кеше, әлбәттә, килешә алмый.

Кайсы яктан карасаң да «милли компонент» төшенчәсенә төрөнәп, аны кысуны яки бөтенләй юкка чыгарырга омтылуны бернәрсә белән дә аңлатып булмый. Нишләп ул “милли компонент» дигән термин, мәсәлән, татар теленә яки башка региональ телләргә карата гына кулланыла – аңлашылмый. Россияне, аның халыкларын үз итмәгән, яратмаган, Россиянең бөтенлегенә каршы булган эһелләр генә мондый гамәлләр юлына басарга мөмкин.

Уйлап чыгарылган, акылга сыймас «милли компонент» төшенчәсенә төрөнәп, гомер-гомергә дус, тату яшәгән Россия халыкларына карата, аларның мәгарифенә, мәданиятенә, теленә карата

алып барылган бу гамәлләр Россияне дәүләт буларак ныгытмый, киресенчә, башта бу хәл артык сизелмәсә дә, аны эчтән жимерүнең эче оеткысы гына булып торалар. Бәлки моңа без белмәгән көчләр катнашадыр? Моңы югарыдагы мәгариф житәкчеләре ни өчендер аңлап житкермиләр кебек.

Әдәбият

Совет Европы. Европейская хартия региональных языков и языковых меньшинств (ETS№ 148). (Страсбург, 5 ноября, 1992 года).

Гареева Р. Р., Джораева Р. Ф.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ РОБЕРТА МИННУЛЛИНА

В последнее время в философии, культурологии, лингвистике, лингвокультурологии наметилась тенденция к более полному изучению человека: его природы, внешности, внутреннего мира, менталитета и т. д. Внимание лингвистов на роль «человеческого фактора» в языке повлекло за собой включение в понятийный аппарат лингвистики новой категории «языковая личность».

В настоящее время человек рассматривается как некая языковая личность, в то время как раньше объектом исследования был язык как структура, система взаимосвязанных элементов: интерес представляли различные единицы языка, способы выражения определенного содержания, грамматические категории.

В самом содержании термина «языковая личность» содержится идея получения – на основе анализа «языка» – выводного знания о «личности» как индивидууме со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками, как типовом представителе данной языковой общности, как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка.

Таким образом, в центр современной антропоцентрической лингвистики ставится понятие «языковой личности», то есть человека в его способности совершать речевые поступки.

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В. В. Виноградовым в 1930-х гг. в книге «О языке художественной прозы». Он исследовал две ипостаси художественной языковой личности – личность автора и личность персонажа.

Как отмечают исследователи, само понятие «языковая личность» до сих пор не является точно определенным, что связано со сложностью и многоуровневостью самой проблемы.

В языковой личности преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека.

В лингвистике под «языковой личностью» понимается личность речевая – человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения.

В свою очередь, языковая личность политика есть отражение его «картины мира», его аксиологических установок. Свои стратегии и тактики политик реализует в различных речевых ролях. Имидж политика складывается в сознании аудитории на основании его публичных выступлений, работы политтехнологов, текстов СМИ.

Поэт, пришедший в начале 70-х гг. XX в. на литературную арену с лирическими стихами, сегодня пишет в самых различных поэтических жанрах и является уже автором свыше 60 сборников. В татарском мире Р. Миннуллин известен как автор стихов многих популярных песен, как замечательный детский поэт, тонкий лирик и горячий публицист. Поэт в равной мере талантливо и самобытно пишет как для детей, так и для взрослых. По его стихам создано более 300 песен, некоторые из них перешли в статус знаковых произведений татарского музыкального искусства. Ныне тиражи книг Р. Миннуллина превысили миллионный рубеж.

Особое значение в отношениях поэта с миром приобретает слово, родной язык. В неразрывной связи с сутью поэтического образа человека находится утверждение ценности слова, родной речи. Они выступают не только как инструмент поэзии, но и как изначальная базовая ценность бытия. В художественном мире Р. Миннуллина язык, являясь хранителем памяти, истории, национального духа, а значит и самого народа, обретает высшую ценность:

Синнэн алган һәрбер сүземне мин
Куз карасы төсле саклар идем.
Ул сүзләрнең затлы- ларын сайлап,
Дога итеп кенә ятлар идем.

(«Хранил бы каждый из даров твоих Я как зеницу ока своего. И затвердил бы лучшие из них Молитвой, что священнее всего»).

Стихи поэта насыщены раздумьями о человеке и человечности, о времени. «Поэт раздвигает границы восприятия, обогащает духовную жизнь современников собственным интенсивным опытом: опытом потрясений, озарений, открытий, неприятия пошлости, фальши, зла. Опыт благородства, негодования, постоянных размышлений над смыслом жизни. Поэзия Р. Миннуллина подпитывает глубинную тягу человека к лучшему, к идеалу, к совершенству», – пишет М. Ямалов, отмечая глубоко гуманистическую направленность творчества поэта [2].

Как видим, в творчестве Р. Миннуллина лирический герой ощущает постоянную тревогу за будущее. Стремление художника к разработке различных тем современности и истории, обращение к традициям привело поэта к их синтезу. Анализируя патриотическую триаду «история – родина (в-тан) – человек», Р. Миннуллин ищет ее исконные корни и находит их в эстетически красивом мире, одухотворенной триаде: аул (малая родина) – окружающая природа – родные люди (мать, односельчане, земляки). Именно там пробуждаются и развиваются душа и чувства лирического героя.

Возникает духовная триада «любовь – память – народ (нация)», которая соединяет все девять элементов в единое и неразрывное целое, создает структуру художественного мира поэта. В творчестве Роберта Миннуллина прослеживается последовательная позиция поэта-гражданина. Таким образом, для поэзии Р. Миннуллина характерным является глубокое чувство истории, ее философская насыщенность. Родина для поэта – не только земля, но и высшее духовное начало, воплощение добра и справедливости.

Профессиональная языковая личность во многом обусловлена спецификой профессиональной языковой картины мира. Под профессиональной языковой картиной мира политика можно понимать когнитивный уровень его личности, представляющий собой более или менее упорядоченную совокупность представлений об элементах окружающей действительности, связанных с его профессиональной деятельностью.

Средствами реализации профессиональной языковой картины мира в дискурсе могут становиться особые языковые знаки и значения, относящиеся к терминологии и профессиональному жаргону, межлексические связи, образующиеся в рамках ассоциативно-вербальной сети, особенности текстопостроения жанров институционального дискурса.

Роберт Миннуллин относится к числу тех литераторов, которые творчество всегда сочетают с общественной или даже государственной деятельностью. В таком раздвоении, возможно, имеются свои минусы, но активная жизненная позиция и ее практическое проявление обогащают поэта или писателя точными наблюдениями, интересными эпизодами и поучительными деталями.

В грамматическом аспекте речь Р. Миннуллина характеризуется использованием языковых средств экспрессивизации и эмотивизации – инверсии, повторов, специфичных для политической коммуникации.

«Әгәрдә без җәмгыятьебезнеңкиләчәге турында чыннан да уйлыйбыз икән, Ватаныбызның алд агыкөннәрен матури тәпкүрәсебезкиләкән, иңлекбалаларыбыз турында, аларның азымышы турында кайгыртыргатиешбез. Узләребәхетле булган, балачаклары матурузган кешеләргән җәмгыятьн ечынмәгънәсендә бәхетле итәргә сәләтле.» [3]

Несомненно, наличие в данных текстах значительного числа абстрактных существительных служит, с одной стороны, эвфемизации, помогающей завуалировать «неудобную» (по тем или иным причинам) информацию, а с другой – усиливает «возвышенность», эмоциональность речи.

Это позволяет адекватно использовать в речи всё многообразие выразительных вербально-невербальных средств языка, воспринимать, понимать и интерпретировать чужую речь, успешно продуцировать собственные высказывания в соответствии с ситуацией общения и с планом речевого поступка.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что профессиональная языковая личность государственного деятеля Роберта Миннуллина во многом обусловлена спецификой профессиональной языковой картины мира, а также целями политического дискурса.

Литература:

Гареева Р.Р. К вопросу о соотношении «языковой личности автора» и «текста» (на примере анализа малоизвестного стихотворения татарского поэта Х. Туфана) //Материалы историко-

филологического семинара, проводимого в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие», VII Кирилло-Мефодиевских чтений. Часть III. Выпуск 2. – Москва-Ярославль: Ремдер, 2006. – С. 32–36

Ямалов, М. Светлыми долинами Миннуллина // Миннуллин, Р. Возвращение. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2000. С. 8.

<http://robertminnullin.ru/homepage/item/907-фажига.html>

Глашев А. А.

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ СКИФОВ ПО ЯЗЫКОВЫМ ДАННЫМ

Ряд исследователей XIX–XX вв. не без оснований считали, что уже в скифское время, по крайней мере, во II–I вв. до н.э., в Восточную Европу, в первую очередь в Поволжье, могли проникать племена урало-алтайской языковой общности, которые здесь могли вступать в соприкосновение с ираноязычными племенами, германскими и славянскими племенами Скифии (1). По крайней мере, лингвистический материал подтверждает верность данной гипотезы. Рассмотрим несколько «скифских» слов из источников V в. до н.э. – II в.н.э.

Асхи ἄσχυ – название напитка у скифского племени, обитающего где-то в Приуралье или на Северном Кавказе. Геродот пишет: «Из гущи асхи они готовят в пищу лепешки» (2). Скифское асхи чрезвычайно близко к балкарскому ацытхы (кислое, прокисшее, забродившее) и ачхыл, ацхыл (кисловатый) (3). Чаще всего это слово употребляется для кислого теста, из которого делают хлеб и лепешки. В комментарии к этому слову, данном автором академического перевода «Истории» Геродота Г. А. Стратановским, написано: «Слово «асхи» (ачи) можно сравнить с древнетюркским «ачуг» (горький). У современных башкир есть кушанье «ахша» (Лурье С. Я. История. С. 100)» (4). Однако автор не привел очень близкое по звучанию башкирское слово асы «горький» (5). В связи с этим я также привожу тюркские ачуу (алт., тел., каз. – тат., к-тат.) – ‘горький, кислый, соленый’ (6), ачик اچيق (тар., чагат.) – ‘кислый (острый) на вкус, но приятный’; ачи – ‘быть кислым, горьким’ (7), ачы (к. – тат., тел., монг.) – ‘киснуть’, ‘сделаться кислым’, ‘прийти в брожение’ (8), ачы (к. – тат.), осм. آچی, кар. т. ႠႰ – ‘кислый’, ‘прокисший’, ‘горький’, ‘соленый’, ‘имеющий острый вкус’ (9). В якутском языке это слово имеет форму асы (10).

В старом казахском языке зафиксировано слово асшы ‘кислый’ (11). Сюда же примыкает татарское ачытчы ачыткы ‘квас’, ‘закваска’ (12), что соответствует кар.–балк. (верх.–балк.) ‘ацытхы’. Ф. Браун считал этот скифский термин древнейшим тюркским словом, дошедшим до нас и даже Мюлленгоф, который был яростным сторонником иранства скифов, а также Эрман не смогли объяснить иначе, как признать его тюркским словом ачы – ‘горький’, а Томашек монгольским (13). «Туземцы Крыма, – писал большой знаток природы Крыма В. Х. Кондараки в 1883 г., – считают кизилевый плод чрезвычайно полезным при всякого рода болезнях, если его употреблять в виде отвара. В этих убеждениях они рассказывают, что все знаменитые медики древних времен, заезжая в Тавриду, не оставались в ней потому, что видели множество кизила, как самого лучшего врача против всех болезней, свойственных человеческому организму».

С незапамятных времен отваром из кизилевых листьев лечили кишечные болезни, а отваром плодов – простуду и лихорадку. Помимо этого плоды обладают бактерицидными свойствами. Уже в наше время установили, что в коре кизила, его ягодах и листьях содержатся органические кислоты, сахара, пектины, танины, а витамина С в них столько же, сколько в черной смородине. На Кавказе из протертых ягод кизила издавна делают особый витаминный лаваш (!). Известно, что во время первой мировой войны с помощью такого лаваша удалось ликвидировать цингу на Кавказском фронте (14). Плоды кизила весьма разнообразны как по форме, так и по окраске (у культурных сортов до 3 см длиной). Мы привыкли к вытянуто-цилиндрической форме и ярко-красному цвету плодов, однако они могут быть и черными, и розовыми, и даже желтыми, а их форма меняется от почти округлой (как у вишни) до бочонковидной и грушевидной. Их вкус и консистенция также разные – от терпко-кислого до сладкого, от суховатой до сочной. Из плодов готовят превосходное варенье, компоты, кисели, мармелад, различные напитки и вина (15).

Один самых ценных и интересных фрагментов скифского языка дошел до нас в труде античного автора Гая Плиния Секунда (28–79 гг. н.э.), так как скифское слово в нем снабжено переводом. Гай Плиний Секунд, описывая Скифию, сообщает: «За этой рекой живут скифские племена. Персы дали им общее название саков от ближайшего народа... Сами скифы называют персов

хорсарамы, а Кавказские горы – Кроукачисом, т.е. «белый от снега» – *Ultra sunt Scytharum populi Persae illos Sacos in univsum appellavere a proxima gente, atiqui Aramios. Scythae ipsi Persas Chorsaros et Caucasum montem Croucasim, hoc est nive candidum*» (Кн. VI, 50). (16) Слов кроукачис явно состоит из двух тюркских слов: кърау (крау) ‘иней’ (17) +кас (къаш) ‘брови’, что означает ‘заснеженные брови’. Но кас//каш в тюркских языках означает ‘гора’, ‘возвышенный край’, ‘край’, ‘предел’, ‘берег большой реки или моря’, ‘возвышение’, ‘вал’. (18) И действительно гора Эльбрус (самая высокая точка Кавказа) похожа на брови. По поводу данного слова О.Н. Трубачев отмечал, что оно не выводимо из иранских языков. (19)

Наконец интересен и другой античный источник, который сохранил античное название р. Урал: Δαιζ *Daiks. Под этим именем р. Урал показана на карте Птолемея (II в.н.э.). В этом нельзя не узнать тюркские названия р. Урал: башк. Яйык, каз. *Жайық*, что означает ‘раскинувшийся’, ‘пастбищные угодья’, кар.–балк. Жайлыкъ ‘летнее пастбище’ (20) или кар.–балк. Жайыу ‘мелководье (место брода)’ (21). Слово *дайык* отмечено во многих тюркских языках: тур. *йайык* ‘распростертый, открытый, плоский’, узб. *йайык* ‘широкий, плоский’, уйг. *йейик* ‘растянутый, открытый, плоский’, кир. *жайык* ‘распростертый’, ккалп. *жайык* ‘широкий’, алт. д’айык ‘наводнение, потоп’, тув. чайык ‘ливень’ (2). В.В. Бартольд по этому поводу отмечал: «Птолемею Волга известна под ее финским названием Ра, Урал под турецким (тюркским – А.Г.) названием Даикс (Яик)». (23) В Казахстане еще известны топонимы и гидронимы с основой жайык: Жайыкбай и др. (24)

Вышеприведенные материалы говорят о полиэтничности Скифии, возможности проникновения племен урало-алтайского круга в Восточную Европу уже в скифское время.

Литература, источники, примечания

Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки //Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 135–143; Мищенко Ф.Г. Этнография России у Геродота //ЖМНП. 1896. № 5. С. 79, Его же. К вопросу о царских скифах //Киевская старина. 1884, № 5; Яцимирский А.И. Смена древних народностей на территории Подонья – Приазовья и их археологические памятники //Донская археология. 2001. № 3–4. С. 136.

Геродот. История. Кн. IV. Абзац 23.

Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1989. С. 99.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука. Лен. отделение, 1972. С. 519.

Юлдашев А.А. К проблеме формирования башкирского национального языка // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 101.

Радлов В.В. Опыт словаря..., Т. I, ч. 1. 511.

Радлов В.В. Опыт словаря..., Т. I, ч. 1. 509.

Радлов В.В. Опыт словаря..., Т. I, ч. 1. 504.

Радлов В.В. Опыт словаря..., Т. I, ч. 1. 503.

Ibid.

Русско-киргизский словарь. Казань, 1911.

Самоучитель для русских по-киргизски и для киргиз по-русски. Казань, 1911. С. 13.

Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. Ч. I. СПб. 1899. С. 88; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории Геродота». М.: «Наука», 1982, С. 250–251; Мизиев И.М. История рядом. Нальчик. 1990. с. 57.

Шатко В. Кизил // В мире растений. 2003. № 4.

Ibid.

Pliny. Natural History, with an English translation in ten vol., Vol. II, libri III–\$5II, by H. Rockham, Harvard University Press, London, MCMLXI.

Этимологический словарь тюркских языков. Буква «К», под ред. Г.Ф. Благовой, М., 2000, С. 224.

Радлов В.В. Опыт словаря..., II 1345; Топонимия Центрального Казахстана..., С. 84.

Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М. 2011. С. 197, 351; См. также: О.Н. Трубачев. Indoagica в Северном Причерноморье. реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М. 1999. С. 188–193.

Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик. 1970. С. 63.

Ibid.

ЭСТЯ (на буквы ж-ж-й). М. 1989. С. 77.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927. С. 9.

Топонимия Центрального Казахстана. На каз. яз.

ГАЛИМЖАН ИБРАҺИМОВ ЭСӘРЛӘРЕНДӘ ФАРСЫ АЛЫНМАЛАРЫ

Бер генә халык та аерым, изоляцияләнеп яши алмый. Өвүл башка кабиләләр белән аралашу нәтижәсендә татар теленә теге яки бу телдән алынмалар килеп кергән. Алынмаларның ижтимагый-тарихи жирлеге булган. Бер халыктан, матди байлык элементлары алышканда, теге яки бу сүzlәр керсә, икенче халыктан сәясәткә, мәдәнияткә, әдәбиятка, дингә, сәүдәгә һәм башка мөнәсәбәтләргә бәйлә алынмалар килеп кергән. Хәзерге татар телендә гарәп һәм фарсы телләреннән кергән алынмалар бик күп; ә борынгырак чорда, бигрәк тә XVII–XVIII гасырларда, алар тагын да күбрәк булганнар. Бу алынмалар, Болгарда ислам дине кабул ителгәннән соң, сәүдә, дин, сәясәт, мәдәният, әдәбият-сәнгать бәйләнешләре аша килеп кергәннәр.

Телнең лексик байлыгы – аның тарихи казанышы. Чөнки бер телнең дә сүзлек составы кинәт кенә барлыкка килмәгән. Ул даими үзгәрәп тора, кайбер сүzlәр төшеп кала, яңалары барлыкка килә, искеләре янә үз урынына кайтуы ихтимал. Өлбәттә, татар телендә дә шундый процесслар барган һәм ул әле дә бара.

Татар телендә дә лексик составы бертөрле генә түгел. Ул беренчел төрки-татар сүzlәреннән һәм башка телләрдән алынган сүzlәрдән тора. Бу алынмаларны Р. Сәгыйтов төп ике төркемгә аера: беренчесе – гарәп һәм фарсы алынмалары, икенчесе – рус һәм рус теле аркылы кергән алынмалар [11: 21]. Без үз чиратыбызда беренче төркемне янә ике тармакка бүлеп карыйбыз: беренчесе – фарсы алынмалары, икенчесе – гарәп алынмалары.

Бу мәкаләдә без аерым язучының ижатында фарсы теленнән алынган сүzlәрнең кулланылыш үзенчәлекләренә, татар теле жирлегендә үзләштерелүенә тукталабыз.

Галимжан Ибраһимов татар әдәбиятының күренекле язучысы. Аның эсәрләрендә фарсы алынмалары шактый еш очрый. Ул аларны идея-тематик жәһәттеннән дә, сурәтләү-тасвирлау ягынан да дәрәс һәм урынлы кулланган.

Шат. Татар телендә бу сүз «1. Күтәрәнке күнелле, шатлык хисе кичерүче; 2. Шатлыклы, шатлык белән тулы, күнелле» мәгънәсен белдерә [8: 495]. **Шат**, рәхәт, күнелле хәлдә йортка чыктым («Яз башы») [2: 52].

Бу сүз фарсы телендә **шад** формасында һәм «веселый» мәгънәсендә йөри [1: 247].

Жан. Бу лексик берәмлек татар әдәби телендә күп мәгънәгә ия һәм '1. Идеалистик, дини карашлар буенча: тәнгә тереклек бирә һәм тәннән башка да яши ала дип каралган, тереклек иясенә психик процессларын чагылдырган мәңгелек башлангыч; 2. Кешенең эчке дөнъясы: аның табигате, кичерешләре, хисләре, уй-фикере, омтылышлары; 3. Тереклек иясе, жан иясе; 4. Кеше' кебек мәгънәләр белдерә [9: 745–746]. Шул мәгънәләрендә Г. Ибраһимов эсәрләрендә ул еш очрый. Мәсәлән: *Ни дә булса тагы да кызыграк, тагы да жәнлыграк, бәйләгечрәк бер кызык, бернәрсә эзли башладык* («Яз башы») [1: 53]. *Бая күзне ала алмыйча караган күл хәзер, күз төшсә, жәнны туңдырып жәибәрә иде* («Яз башы») [1: 61]. *Мин дә урын хәзерләгән идем, ләкин жән уянган; йөрәк табигатьнең эчке серләрен йота – уяу булу ихтималы юк* («Диңгездә») [2: 66]. **Жаның** гарешләрдә, күнелендә изгелек тулы, сөю тулы, гыйшык тулы, тәннең иблисе жиңелеп тапталган, сиңа жәбраил юлдаш булган («Диңгездә») [2: 69]. *Адамнәр үзләре курыкмыйлар да, ләкин һичбер нәрсә аңламыйлар – гүя жән вә миләрен хәйрәт ташкыны басты, гүя һиндидер бер явыз кул анларның миләрен, суырып алган да, анда һиһаясез аптырау куәсенә башка һичбер нәрсә калмаган* («Яшь йөрәкләр») [3: 7]. **Жаның** бармы үзеңнең?! («Казакъ кызы») [3: 349]. **Жаны** жиңеләйде, йөрәгендә кискен карар туды, шул карар белән урыныннан торды («Казакъ кызы») [3: 359]. Моңа **жәнлым** бик әрнеде («Кызыл чәчәкләр») [4: 8]. *Күргәч, минем дә жәнным әрнеп китте* («Кызыл чәчәкләр») [4: 12].

Жан сүзе фарсы телендә 'душа' мәгънәсендә йөри [1: 66], [6: 764].

Фәрештә. Бу лексик берәмлекнең мәгънәсе татар телендә аңлатмалы сүзлегендә түбәндөгечә теркәлгән: '1. Дини өйрәтмәләрдә: табигатьтән өстен зат, алла илчәсе; 2. күч. Гаебе, кире сыйфатлары булмаган кеше турында' [8: 358]. Фарсы телендә исә бу сүз тик 'ангел' мәгънәсен белдерә [6: 636]. Язучы эсәрләрендә аны күпләп очратабыз. Мәсәлән: *Йа хода, фәрештәмә керә... яхут бүлмәмә күктән илаһи нур капусы ачыла... Тезләрем калтырый, аның каршында сәждә кыйласым килә, итәген үбәсем килә...* («Сөю – сәгадәт») [2: 113]. *Юк, алар адам дә, фирештә дә, шайтан да түгел – алар жыланнар, тыштан матур, эчтән агулы жыланнар ...* («Кызыл чәчәкләр») [4: 37]. *Мин бармадым; анда барсаң – карта, аракы; монда калсаң – фирештә сынлы жылан!* («Кызыл чәчәкләр») [4: 39]. Сөйләм теле йогынтысында язучы бу сүзнең фирештә формасын да кулланган. Биредә без әдәби һәм диалекталь формалардагы сузыклар тәңгәллеген (ә ~ и) күрәбез.

Бу сүз фарсы телендә фәрештә формасында йөри һәм 'ангел' мәгънәсен белдерә [6: 636].

Дәрт. Бу сүз татар телендә '1. Ашкыну һәм рухи күтәрәнкелек, омтылыш; рухи көч; 2. Ярату, мэхәббәт хисе; 3. Дәртле, ашкынучан, берәр нәрсәгә омтылучан 'мәгънәсендә йөри [7: 319]. Мәсәлән: *Ләкин болар гына минем кыш буена жылылып килгән уен дәртең баса алмады* («Яз башы») [1: 53]. **Дәртсез** һәм калтырап, икенче жимне куйдым да янадан салдым («Яз башы») [2: 58]. Ул, хәзер зур **дәрт** белән тотынып, тиз арада белер дә шул дәртәжәдә уйный башлар ки, аның куллары кылга кагылу белән музыка елый башлар («Яшь йөрәкләр») [3: 78]. *Айбала бу хикәяне гаҗиб бер дәрт эчендә кайнап тыңлады* («Казакъ кызы») [3: 358].

Ул фарсы телендә **дард** әйтелешендә йөри һәм 'страдание, мучение' мәгънәсендә кулланыла [6: 116].

Пишкәдәм. Бу архаизмның мәгънәсе 'укуда башкалардан алда булган шәкерт' [8: 518]. Каләм остазы Ибраһимов эсәрләрендә сирәк булса да кулланыла. Мәсәлән: *Бу елларда Зыя мәдрәсәнең пишкәдәмнәреннән булган бер моназир илә бик чынлап якынлашты* («Яшь йөрәкләр») [3: 71]. *Якынак авылдан килгән башкорт старишина улы пишкәдәм карт шәкерт: «Атай чирли икән* [5: 9].

Бу сүз фарсы һәм гарәп телләре берәмлекләреннән кушылып ясалган (фарс. **пишк** 'алдынгы, алгы', гар. **адәм** 'кеше'), аның мәгънәсе '1. Передовой в учебе, передовик. 2. Уважаемый человек, окончивший полный курс старого медресе' дип бирелә [6: 471].

Базар. Язучының эсәрләрендә бу лексик берәмлек шулай ук шактый күп очрый сүзлектә ул '1. Сатучы һәм аларның гадәттә периодик рәвештә бергә жылылып сәүдә итүе, шул сәүдә урынына жыелган халык' мәгънәсендә теркәлгән [7: 109]. Мәсәлән: *Безнең өй авылның читендә, олы юлга салынган күпер башында булганга, бу базар көннәре минем өчен дә байтак төшем бирәләр* («Кызыл чәчәкләр») [4: 11]. *Болар атналар буенча башка базарларда йөргәннәр, кайсылары калага кызыл малга барганнар* («Кызыл чәчәкләр») [4: 11]. *Бу вакыт теге базарчылар симез ит пешертәләрдер, ак күмәч ашыялардыр, – ә безгә нәрсә?* («Кызыл чәчәкләр») [4: 12] *Иртәгә базарга иртәрәк чыгып, башка малайларга чаклы кавырсыннарнымны сата алсам, иң аз дигәндә, ике корыч кармак ала алырмын әле* («Кызыл чәчәкләр») [4: 12]. *Аннан-моннан карап, тиз генә базарны әйләнәм дә кырык тартмачылар янына киләм* («Кызыл чәчәкләр») [4: 14]. **Базар** кайный («Кызыл чәчәкләр») [4: 13].

Фарсыча бу сүз **бахзар** формасында йөрәп 'яшелчә базары, яшелчәлек' (базар, где торгуют зеленью) дигән мәгънәне белдерә [1: 32].

Кәләпүш. Татар телендә аңлатмалы сүзлегендә бу сүзнен 'Хәтфәдән тегелгән баш киеме; түбәтәйнең бер төре (гадәттә бүрек эченнән кияләр)' дигән мәгънәсе теркәлгән [8: 251]. Әдипнең «Кызыл чәчәкләр» эсәрләрендә генә ул берничә урында кулланылган. Мәсәлән: *Аның башында белән кебек изелгән жырттык кәләпүш, өстендә мең ямаулы, буй-буй жырттыклы киндер күлмәктән башка бер нәрсә дә юк* («Кызыл чәчәкләр») [4: 15]. *Теге Зариф оста малае Гыйлаҗи дәшмәде – жыйды да жыйды; дуңгыз нәрсә икән, без юкка суган сатып йөргәндә, ул менә дигән кипкәннәрен бер кәләпүш тутырып та өлгергән* («Кызыл чәчәкләр») [4: 19]. *Борчак тиз кырылды; кәләпүшләргә тутырып алдык та, арбага биек итеп төялгән яшел печән өстенә атланып утырдык* («Кызыл чәчәкләр») [4: 20].

Фарсы телендә ул **каллапуш** 'тюбетейка' формасында кулланыла [1: 98]. Аның беренче өлеше 'баш' мәгънәсендә [6: 223].

Чөнки. Бу сүз ярдәмлек сүз төркемнәреннән теркәгечләргә карый. Ул иярчен жөмләне баш жөмләгә теркәүче чара булып тора һәм аңлатмалы сүзлектә 'Иярчен сәбәп жөмлә составында килеп, иярчен жөмләне баш жөмләгә терки' дип аңлатыла [8: 476]. Мәсәлән: *Караб җиде көн урыныннан кузгалмаган, чөнки боларның юлы аша диңгезне ярып йөзеп барган балык шулчаклы зур булган ки, аның мәгълүм бер ноктадан үтеп китүе өчен җиде тәүлек вакыт кирәк булган* [2: 77].

Фарсы телендә **чүн ки** (чүн 'шулай, шул очракта' (так, тогда), иске фарсыда **чүн** < **чи гуна** 'шул төрле' (такого рода) формаларында [1: 237].

Аждаһа. Бу мифик образ – 'гаять зур физик көчкә ия булучы, кешеләргә куркыныч ясаучы жан иясе' булып гүдәләнә. Ул фольклор эсәрләрендә киң урын алган. Язучы эсәрләрендә дә ул шул мәгънәдә кулланылган. Мәсәлән: *Минем абзый бу камышлык эчендә аждаһа күргән* («Яз башы») [2: 62]. **Аждаһа... аждаһа!..** («Яз башы») [2: 62]. *Аждаһаның күтәрелүе хақындагы хикәяләр тагы күбрәк булып, үземчә, алдау ихтималлары булмаган адәмнәр, урынын, көнен әйтеп, үз күзләре белән күргәнлекләрен, нинди атлар, адәмнәрне эләктереп алып, егермешәр чакрым читкә тетеп ташлаганын сөйләшәр иде* («Яз башы») [2: 63].

Бу лексик берәмлек фарсы телендә **ажидәһа** «кыйраткыч елан» (**ажидә** «елан», **даһа** «кыйраткыч») мәгънәсендә кулланыла [1: 9].

Намаз. Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә бу сүз Мөселманнарда: көненә биш мәртәбә үтелә торган гыйбадәт' мәгънәсен белдерә [8: 433]. Ул Г. Ибраһимовның ижатында да очрый. Мәсәлән: *Намаз* укып алыяк, соңга калабыз, юкса! («Яшь йөрәкләр») [3: 233].

Бу сүз фарсы телендә **намаз** 'молитва' мәгънәсендә йөри [3: 441].

Нияз. Бу сүз татар телендә шәхси исем-атама буларак '1. Ихтыяж; 2. Үтенү, ялвару, теләү; 3. Бүләк; 4. Мәрхәмәт, шәфкать' мәгънәсендә [10: 191]. Әлеге лексема шәхси кеше исеме функциясендә генә очрый. Ләкин язучы геройның эчке рухи халәтен чагылдырганда, безнең карашка, уңышлы кулланган. Мәсәлән: *Ләкин әниңең хәйрәт вә мәгъюблек илә тулган күз карашы минем куәтемне бетерде булса кирәк, – һичбер сүзгә телем бармады, үземнән мең вә йөз мең мәртәбә өстен булган бер ят тәэсир илә, үземне үзем белмичә ук, урынымнан сикереп тордым да идәнгә – әниңең каршысына тезләнеп, колларча олуг нияз белән аның кулларына сарылдым...* («Яшь йөрәкләр») [3: 243]. *Табигать аны тәңренең аерымы бер бәндәсе итеп яратмыш улмалы ки, ул, үзе белмичә ук, шул мәгъбүденә табына, шуңа нияз кыйлып, һәрбер адымда аңа якынаю голүвиятен эсти иде* («Яшь йөрәкләр») [3: 316].

Фарсы телендә **нияз** сүзе бары тик 'просьба, мольба' мәгънәсендә йөри [6: 450].

Чишмә. Хәзерге телебездә бу сүз 'Жир астыннан агып, бәрәп чыга торган су чыганагы' мәгънәсенә ия [9: 437]. Гидроним берәмлек буларак ул гомумкулланылышта. Мәсәлән: *Диңгез сулары кебек зәңгәрләнеп уйный торган зур, матур күл буена утырганга, бу авылны Зәңгәр чишмә дип атыллар* («Кызыл чәчәкләр») [4: 9]. *Зәңгәр чишмәнең бакчаларында чәчәкләр адам күзе карап туя алмас дәрәжәдә куе төстә чибәр булып житешәләр;* («Кызыл чәчәкләр») [4: 9] *Иң алдан Зәңгәр чишмәнең үз сатучылары кайталар* («Кызыл чәчәкләр») [4: 11]. *Зәңгәр чишмә үзенең зур базары белән бөтенләй Агыйдел буенда дан тоткан авылларның берсе, – балки, беренчесе* («Кызыл чәчәкләр») [4: 10].

Ул фарсы телендә **чашма** формасында кулланыла һәм 'чишмә, күзләвек' мәгънәсен белдерә. фарсы. *чаши* 'күз' (глаз) [1: 236].

Начар. Хәзерге татар телендә әлеге лексик берәмлекнең мәгънәсе '1. Кире сыйфатлары яки үзлекләре булган; куелган таләпләргә туры килми торган, түбән сыйфатлы; түбән бәя бирелә торган' дип яңгырый [8: 436]. Ул әдәби әсәрләрдә урын ала. Мәсәлән: *Алар артыннан яхшы атлары, начар арбалары белән башкортлар килә башлый; боларның кайсында мичкә-мичкә кымыз, кайсында тәпән-тәпән май, капчык-капчык корт була* («Кызыл чәчәкләр») [4: 11].

Фарсыча **начарә** формасында йөри һәм '1. Вынужденный, находящийся в безвыходном положении, беспомощный. 2. Поневоле. 3. Плохой, плохо' мәгънәсенә ия [6: 446].

Кәрван. Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә бу сүз 'Чүлләрдә, далаларда кешеләр озатып бара торган, аркаларына йөкләр салынган хайваннар төркеме' дигән мәгънәне белдерә [8: 253]. «Алмачуар» авторы бу алынманы иркен куллана. Мәсәлән: *Иң ахырдан, караңгы төшә башлагач, шыгыр-шагыр итеп, озын-озын кәрваннар кебек, иген төягән, ат, сыер таккан чувашлар, руслар, типтәрләр, алатырлар килә башлыйлар* («Кызыл чәчәкләр») [4: 11].

Бу лексик берәмлек фарсы телендә **кәрван** формасында кулланып 'караван' мәгънәсендә йөри [6: 224].

Дистә. Әзерге татар телендә әлеге сүз 'Ун берәмлек; ун данә; унга тигез санау-хисаплау берәмлеге' мәгънәсендә кулланыла [7: 306]. Әдип, Г. Ибраһимов әсәрләрендә дә шактый очрый. Мәсәлән: *Өч дистәдән арттылар инде* («Кызыл чәчәкләр») [4: 12].

Фарсы телендә бу сүз **дәстә** 'тотам, учлам, бәйләм, төргәк' (одна ладонь) формасында һәм мәгънәсендә теркәлгән [1: 62].

Сәүдәгәр. Бу лексик берәмлек татар теленең аңлатмалы сүзлегендә 'Хосусый сәүдә белән шөгыльләнүче' дигән мәгънәгә ия [8: 436]. Язучы әсәрләрендә ул кулланыла. Мәсәлән: *Әллә нинди күз күрмәгән, колак ишетмәгән товарлар белән тулган кибетләренең алдында, умарта корты кебек, халык шулдый: кысык күзле, түбән карашлы, кара-соры чикмәннән чувашлар; киң маңгайлы, елгыр күзле, ак чикмәнле кара башкортлар; күбесе итекле, картузлы, кыска киемле, зур сары сакаллы, озын мыеклы руслар; көмеш тәрәсен ялтыратып йөргән озын кара киемле поплар; ак йөзле, ак сакаллы, кара казаклы, итекле яки читек-кәвешле сәүдәгәр татарлар, – һәммәсе ала-лар, саталар, алдыйлар, алданалар, үзара гәҗ киләләр* («Кызыл чәчәкләр») [4: 14].

Әлеге сүз фарсыда **сәүдәгәр** 'торговец, купец, коммерсант' формасын һәм мәгънәсен йөртә [6: 530].

Чәүкә. Сүзнең мәгънәсе татар әдәби телендә 'Каргалар семьялыгынан соры башлы, кара төстәге кош' дип теркәлгән [9: 474]. Күренекле әдип ижатында ул урын ала. Мәсәлән: *Менә мондый вакытларда Гыйлаҗи булмаса, без, лачыннан качкан чәүкәләр кебек, таркалабыз да бетәбез...* («Кызыл чәчәкләр») [4: 23].

Фарсы телендә сүз аваз ияртеме **чау-чау** буларак кулланыла [1: 232]. Татар телендә исә бу алынма кә компоненты кушылып чәүкә сүзе ясалган. Шушы ук компонент белән барлыкка килгән лексик берәмлекләр хәзерге татар телендә очрыйлар. Мәсәлән: күркә, юшкә (вьюшка), шекә (гном), серкә, өлкә, мичкә һ.б.

Чаршау. Бу лексик берәмлекнең мәгънәсе татар теленең аңлатмалы сүзлегендә '1. Ятакны (мәсәлән, краватны) каплау өчен аның як-якларына элеп куела торган, инле тукумадан тегелгән зур пәрдә. 2. Пәрдә' дип теркәлгән [10: 411]. *Күп вакыт үтмәде, тегеннән, чаршау астыннан, Гайниякәйнең ак кулы безгә зур бер тәлинка белән әйбәтләп киселгән икмәк, әрчеп туралган суган, байтак ук салкын ит сузды* («Кызыл чәчәкләр») [4: 27].

Чадыршаб формасында йөрөп, фарсы телендә 'төнге чатыр' дигән мәгънәгә ия [1: 229].

Шулай итеп, татар телендә озак дәверләр дәвамында фарсы теленнән сүzlәр кергән. Алар татар теленең фонетик һәм грамматик кануннарына буйсынып үзләштерелгән. Алынмаларның шактый өлеше гомумкулланылыш сүzlәре булып тора. Галимжан Ибраһимов үзенең әсәрләрендә фарсы алынмаларын дөрес һәм урынлы кулланган.

Әдәбият

Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001.

Ибраһимов Галимжан. Әсәрләр. Сигез томда. – Т. I. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974–509 б.

Ибраһимов Галимжан. Әсәрләр: Сигез томда. – Т. II. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975–476 б.

Ибраһимов Галимжан. Әсәрләр: Сигез томда. – Т. III. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975–454 б.

Ибраһимов Галимжан. Әсәрләр: Сигез томда. – Т. IV. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976–465 б.

Мәхмүтов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш.. Гәрәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. (татар әдәбиятында кулланылган гәрәп һәм фарсы сүzlәре). Ике томда. – Казан: «Иман» нәшр., 1993–853 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – I том. – 475 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – II том. – 726 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – III том. – 832 б.

Саттар-Муллиле Гомәр. Татар исемнәре ни сөйлә? – Казан.: Раннур нәшр. – 1998–487 б.

Сәгыйтов Р. Телебездә гәрәп-фарсы алынмалары // Мәгариф. – 1991. – № 6. – 21–22 б.

Исакова А. А.

ГОДОНИМЫ-ПОСВЯЩЕНИЯ

В ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЮМЕНИ

В 2010 году Тюменский издательский дом выпустил книгу «Адреса Победы», общим тиражом 5000 экземпляров, авторский коллектив состоял из 60 человек. Руководитель проекта И. Ф. Кнапик, составитель В. Л. Строгальщиков, редактор Ю. И. Переплеткин, вступительное слово к изданию написал губернатор В. В. Якушев. В книге представлена краткая информация о 140 улицах, среди которых 135 улиц названы именами героев Великой Отечественной войны, 5 улиц – названы в честь знаменательного события – сквер Победы, улица Победы, улица 30 лет Победы, улица 40 лет Победы, проезд 9 мая. Авторами дается краткая биографическая справка о каждом человеке, чье имя увековечено в названии улицы.

Имена улиц являются разновидностью региональной лексики и фиксируют историю региона и страны в целом, отражают изменения в общественном сознании граждан [6]. В книге «Адреса Победы» нами выделено 14 топонимов-посвящений, образованных от татарских антропонимов.

Улица имени Гирфана Шайдуллина (деревня Кулики Ялуторовского района). Гирфан Тимергалиевич родился в 1925 году в деревне Кулики Ялуторовского района. За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Г. Ф. Шайдуллин награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны.

Улица имени Галима Сафарова (поселок Антипино Тюменского района). Галим Тачетдинович был призван в армию в 1939 году. Участник освобождения Венгрии, Румынии и Югославии. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Улица имени Хисаметдина Булатова (поселок Андреевский Тюменского района). Хисаметдин Мухутдинович до войны работал учителем в Андреевской начальной школе, был мобилизован в 1941 году, дослужился до воинского звания майора, награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

Улица имени Хабибуллы Якина (село Чикча Тюменского района). Хабибулла Хайруллович воевал подо Ржевом, на Украине, в Чехословакии. Майор запаса, почетный гражданин Ржева и Тюмени, полный кавалер ордена Славы. В 2000 году в Тюмени вышла его книга «Шел солдат к Победе», которая в 2006 году переиздана в дополненном и расширенном виде.

Улица имени Бадретдина Гарифуллина (село Чикча Тюменского района). Бадретдин Гарифуллин родился в деревне Большие Кляры Казанской губернии, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. После войны работал директором Чикчинской семилетней школы (1940–1957).

Улица имени Мусы Джалиля (город Тюмень). Известный татарский поэт, выпускник литературного факультета МГУ, во время войны был фронтовым корреспондентом армейской газеты «Отвага» Волховского фронта. Посмертно удостоен Ленинской премии, звания Героя Советского Союза.

Улица имени Хамита Неатбакова (город Тюмень). Хамит Ахметович во время войны служил фронтовым санинструктором, прошел боевой путь от Волги до Карпат, спасая жизнь солдат и офицеров. Герой Советского Союза.

Улица имени Тамерлана Ишмухамедова, Героя Советского Союза, (город Тюмень). Тамерлан Каримович – военный летчик, участник боев за Севастополь.

Улица имени Басыра Муслимова (деревня Епанчина Тобольского района). Басыр Муслимов родился в юртах Епанчинских Тобольского района. Награжден орденом Красной Звезды, правительственной наградой.

Улица имени Барыя Чунаева (деревня Епанчина Тобольского района). Барый Шарипович участвовал в боях в районе Ханкин-Гола в 1939, командовал отделением, героически погиб в бою.

Улица имени Ахтяма Салихова (село Ембаево Тюменского района). Ахтям Гайнуллович прошел путь от курсанта полковой школы до командира стрелкового взвода, награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями, а в мирное время знаком «Отличник народного просвещения», значком ЦК ДОСААФ, многочисленными грамотами и благодарностями.

Улица имени Нагима Зинатулловича Мухаметдинова (город Ялуторовск). Нагим Зинатуллович – участник штурма Берлина сражений под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге. Почетный гражданин города Ялуторовска, многолетний председатель совета ветеранов города и района, инициатор создания мемориала Славы и Книги памяти. Награжден восемнадцатью государственными наградами, орденом Красного знамени.

Улица имени Анвара Калиева, Героя Советского Союза, (село Ярково), его имя носит Староалександровская средняя школа Ярковского района. Анвар Мадиевич участвовал в боях с августа 1941 г., служил в разведывательной роте.

Улица имени Ахметрашита Аширбекова (Тураево, Ембаево). Герой Советского Союза, его имя занесено в книгу почета Ембаевской средней школы.

Улица имени Булата Янтимирова, Героя Советского Союза, (село Упорово, село Исетское, деревня Верх-Ингал Исетского района). Это одна из центральных, и самая протяженная улица в селе Упорово. Улица имеет особую историю: отсюда уходили на фронт служить Родине. 9 мая ежегодно по этой улице от обелиска Славы движется праздничная колонна ветеранов, участников локальных войн, представителей трудовых коллективов, школьников, односельчан к памятнику павшим в годы войны землякам.

В городе Тюмени вопросами именования и переименования внутригородских объектов занимается комиссия по присвоению наименований и переименованию улиц, площадей и иных территорий города Тюмени. Исторические события, происходящие в стране, иллюстрируются новыми названиями улиц города. Появляются новые имена, новые герои, новые улицы.

Улица имени Раушана Абдуллина (село Нариманово). Раушан Мухаммедович родился в селе Нариманово 26 июня 1988 года. В декабре 2006 года был призван на службу в Вооруженные силы РФ, прослужив положенный срок он остался служить по контракту и был зачислен в отряд специального назначения. В августе 2008 года во время военного конфликта Грузии и Южной Осетии ценой собственной жизни Раушан Мухаммедович уничтожил вражеский танк. Указом президента РФ № 1020 от 9 сентября 2009 г. за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга в Северо-Кавказском регионе Раушану Мухаммедовичу Абдуллину присвоено звание Героя Российской Федерации посмертно. Похоронен в родной деревне.

Улица имени Тимура Мухутдинова, Героя Российской Федерации, (село Ембаево). Тимур Мухаметсабарович был старшим оперуполномоченным по особо важным делам боевого отделения отряда милиции специального назначения Главного управления внутренних дел по Тюменской области, майор милиции. С 1999 года Тимур Мухаметсабарович регулярно участвовал в военных

операциях в республиках Чечня и Дагестан. Ценой собственной жизни он не позволил террористу-смертнику пробраться в пункт временной дислокации спецназовцев и уничтожить десятки сослуживцев. Подвиг этого человека увековечен в названии улицы родной деревни.

Годонимы – это наиболее подвижные и изменяемые компоненты топонимической лексики, наименования внутригородских объектов представляют собой отражение исторических событий и отношения жителей города к этим событиям [9]. Годонимы-посвящения представляют собой один из значимых компонентов языка города Тюмени, позволяющий выявить региональные особенности населенного пункта. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Тюмени проживает 8,1% татар. В состав Тюменской области входят татарские населенные пункты, «... татары проживают во всех без исключения городах Тюменской области, но самыми старинными, обжитыми для них являются Тюмень, Тобольск и Ялуторовск» [3, 26]. Этим объясняется наличие значительного числа тюркских антропонимов в ономастиконе города Тюмени.

Как справедливо утверждает А.В. Суперанская имена собственные – это своеобразные памятники истории, в данном случае истории Победы нашей страны. Благодаря таким памятникам мы не только охраняем историю, отдаем дань уважения героям войны, но еще и способствуем развитию патриотизма у наших детей.

Литература

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века.– Изд-во Пермского университета – 2000–404 с.

Адреса Победы: 65 летию Великой Победы посвящается / рук. проекта И. Ф. Кнапик, сост. В. Л. Строгальщиков, ред. Ю. И. Переплеткин – Тюмень, 2010–368 с.

Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар // Тюмень: ТюмГУ.– 1999. 642 с.

Герои Советского союза. Краткий биографический справочник в двух томах.– М.: Воениздат, 1987. 911 с.

Герои земли Тюменской 2-е изд. дополненное.– Свердловск, 1975

Крикун А. А. Годонимы, как наиболее значимый и интересный объект лингворегионоведения. Материалы V международной научно-практической конференции – Теория и практика актуальных исследований. 17 сентября 2013 года: Сб. науч. тр.– Краснодар, 2013 – С.81–85

Суперанская А. В. Что такое топонимика? // М., «Наука», 1985

Тимканов Т. Н. Улицы нашей деревни Епанчино, носящие имена героев. / Сулеймановские чтения (Семнадцатые): Всерос. Науч.– практ. Конф. «Культурное и этническое многообразие тюркского мира» (Тюмень, 30–31 мая 2014 года): Труды и материалы / Под общ. ред. Х. Ч. Алишиной. Тюмень: Печатник, 2014 – С.264–266

Шуджен С. Н. Годонимы Теучежского района республики Адыгея. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. № 2. 2009

Шмелёва Т. В. Современная годонимия: семантика и семиотика/ Т. В. Шмелёва// Лингвистическое краеведение – Пермь, 1991.– С. 33–37.

Меметов А. М.

МЕСТО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ В КЛАССИФИКАЦИЯХ ТЮРКОЛОГОВ

Изучение тюркских языков в Европе начинается в XIX веке. Одним из первых тюркские языки классифицировал А. Ремюза [6]. Он делит тюркские языки на 5 групп:

- 1) якутский язык;
- 2) уйгурский язык (сюда он включает также чагатайский и туркменский языки);
- 3) ногайский язык (ареалом распространения этого языка он считает Крым и Астрахань);
- 4) киргизский язык;
- 5) турецкий язык (сюда входит также и чувашский язык).

В данной классификации многие тюркские языки не нашли свое место. И уж совсем сомнительным выглядит объединение турецкого и чувашского языков в одну группу. В 1885–1887 гг. Август Мюллер, основываясь на работы Г. Вамбери, в своей книге «История ислама» [4] производит классификацию тюркских языков. Он выделяет в отдельные группы якутский и чувашский языки, а остальные тюркские языки делит по территориальному признаку на три группы:

Первая группа - Северные тюркские языки.

Вторая группа - Восточные тюркские языки. К ним он относит языки тюрков, прожива-

ющих в Кашгаре, Бухаре, Хиве, узбеков, крымских и казанских татар.

Третья группа – Западные тюркские языки: азербайджанский, турецкий, туркменский, а также языки тюрков, проживающих в Иране.

Отсутствие достоверных материалов по лексико-грамматической системе крымскотатарского языка не позволило автору данной классификации правильно определить место крымскотатарского языка среди других близкородственных тюркских языков. Здесь нарушен также и территориальный принцип; крымскотатарский язык расположен на западе, а не на востоке, как указывает автор.

Среди российских ученых классификацией тюркских языков занимались В. В. Радлов, Ф. Корш, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. А. Баскаков и другие филологи.

Академик В. В. Радлов, глубоко изучивший лексический материал тюркских языков, в основу своей научной классификации положил фонетический и территориальный принципы [5]. При этом он учитывал наличие или отсутствие гармонии гласных; использование глухих **п**, **т**, **к** или звонких **б**, **д**, **г** в начале слова, озвончение согласных **к**, **къ**, **п** в конце основы некоторых имен существительных или глаголов при присоединении суффиксов с начальными гласными; частое или редкое употребление в языке согласных **с**, **ш**, **з**; употребление узкого **и** в конце слога рядом с согласными **г**, **гъ** и др. В связи с этим В. В. Радлов делит тюркские языки на 4 группы, а якутский язык рассматривается отдельно.

Включение крымскотатарского языка в Южную группу объясняется тем, что в конце XIX – начале XX в. в основе литературного языка лежал южный, т. е. южнобережный диалект крымскотатарского языка. Ситуация в корне изменилась в 30-х годах XX в., когда за основу литературного языка был принят средний (орта ёлакъ) или смешанный диалект, на котором говорила большая часть крымских татар.

Академик Ф. Корш в своей работе «Классификация турецких племен по языкам» [3], основываясь на фонетические и морфологические признаки, делит тюркские языки на четыре группы: 1) северная (алтайский, киргизский, кумыкский, карачайский, казахский и ногайский языки); 2) западная группа (туркменский, турецкий, азербайджанский, некоторые диалекты крымскотатарского языка); 3) восточная группа (древний орхонский, староруйгурский и старочагатайский, кыпчакско-половецкий, карагасский, саларский и др.); 4) смешанная группа (якутский, чувашский и некоторые языки Средней Азии).

Под некоторыми диалектами крымскотатарского языка, включенного в западную группу, следует понимать южнобережный диалект крымских татар.

Академик А. Н. Самойлович объединил классификационные схемы Радлова и Корша и выделил пять групп [7]:

1. Юго-западная или огузская группа (туркменский, азербайджанский, турецкий, гагаузский, некоторые диалекты крымскотатарского и огузский диалект узбекского языка);

2. Юго-восточная или чагатайская группа. В эту группу входят современный уйгурский, узбекский и ряд его городских диалектов, кумандинский и мертвый чагатайский языки.

3. Северо-западная или кыпчакская группа. В нее входят татарский, башкирский, ойротский, телеутский, ногайский, киргизский, казахский, каракалпакский, некоторые кыпчакские диалекты узбекского языка, кумыкский, карачайский и некоторые диалекты крымскотатарского языка.

4. Северо-восточная или Сибирская (орхоно-уйгурская) группа. В эту группу входят кроме древнеорхонского, уйгурского, письменных памятников карлукского языков также тувинский, сарыуйгурский, хакасский, шорский, качинский, сагайский и якутский языки.

5. Чувашская или болгарская группа. В эту группу кроме мертвого болгарского языка входит современный чувашский язык.

Следовательно, академик Самойлович два основных диалекта крымскотатарского языка включил в две разные группы: в первую (юго-западную или огузскую) и в третью (северо-западную или кыпчакскую) группы.

Проф. В. А. Богородицкий в 1921 году при классификации тюркских языков разделил их на семь групп. Затем в 1934 году он уточнил свою классификацию [2]. При этом он основывался на их территориальной близости и не принимал во внимание их фонетико-морфологические особенности. Поэтому в одной группе рядом оказались как огузские, так и кыпчакские языки. Один из основных диалектов крымскотатарского языка вообще не нашел места в данной классификации.

Наиболее детальная классификация тюркских языков была разработана проф. Н. А. Баскаковым [1]. Основываясь на территориальном и историческом принципах, проф. Баскаков делит все

тюркские языки на две большие группы: западная гуннская ветвь тюркских языков и восточная гуннская ветвь тюркских языков. Учитывая фонетические, грамматические и лексические особенности в отдельные группы выделяются болгарские, огузские, кыпчакские, карлукские языки. Крымскотатарский язык проф. Н. А. Баскаковым включен в кыпчакско-половецкую подгруппу кыпчакских языков. При этом Н. А. Баскаков отмечает, что южнобережные крымские татары относятся к огузо-сельджукской подгруппе огузской группы языков [1, с.235].

Крымскотатарский язык в приведенных классификациях отнесен к разным группам тюркских языков. И это не случайно. Так как крымскотатарский язык по своей фонетической структуре, грамматическому строю и словарному составу имеет особенности, сближающие его как с огузскими тюркскими языками, так и с кыпчакскими.

Отдельные диалекты, входящие в состав крымскотатарского языка, например, южный (южнобережный) по своим особенностям входит в группу юго-западных языков, тогда как северный (степной) диалект относится к западнокыпчакским языкам. Эти диалекты имеют как общие черты с группами тех языков, в которые они включены, так и значительные отличия.

Кроме того в разные периоды своего исторического развития эти два основных диалекта были взяты за основу литературного языка. До 30-х годов XX столетия в основе литературного крымскотатарского языка лежал южнобережный диалект, который был близок османскому языку. Затем в 1928 году за основу литературного языка был принят средний (орта ёлакь) диалект, который по своим лексическим, фонетико-морфологическим особенностям близок к кыпчакским языкам.

В связи с массовым выселением крымских татар из Крыма в 1944 году и расселением их в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и на Урале без учета прежних мест проживания диалекты крымских татар претерпели сильные изменения и прежнее их деление на южный (южнобережный) и северный (степной) не соответствует действительности. После возвращения в Крым в 90-х годах прошлого столетия крымские татары были вынуждены поселиться не там от куда их выселили, а там где смогли найти жилье. В настоящее время бывших жителей южного побережья можно встретить в степной части Крыма, тогда как жители северной части Крыма поселились на юге. В связи с этим территориальные названия крымскотатарских диалектов южный и северный (степной) потеряли свою научную значимость. Однако в современном крымскотатарском языке диалектные особенности сохранились. В бывшем северном (степном) диалекте прослеживается лексическая и фонетико-морфологическая связь с кыпчакскими языками, в другом южнобережном – с огузскими. Поэтому первый диалект по специфическим особенностям мы предлагаем назвать кыпчакизированным, а второй – огузизированным. Подобное деление крымскотатарских диалектов отражает современное состояние языка крымских татар.

Литература

Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР, ОЛЯ, т. XI, вып. 2. Москва, 1952; Тюркские языки. М., 1960, с. 224–225.

Богородицкий В. А. Введение в тюрко-татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.

Корш Ф. Е. Классификация турецких племен по языкам // Этнографическое обозрение. Кн. 84–85. М., 1910, с.120–123.

Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. Пер. с нем. М., 2004. – 911 с.

Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipsig, 1882, s. 280–291.

Remusat A. Recherches sur les langues tartares. Paris, 1820: См.: «Лингвистика Абея Овелака», перевод 2-го французского издания. СПб., 1881.

Самойлович А. Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, с.6–10.

Мукашева Г. А.

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Я. К. ЗАНКИЕВА И Б. В. СУЛЕЙМАНОВА)

Термином «семантика» лингвисты обозначают науку о значении слов и их языковых особенностях.

Семантика имени собственного не тождественна семантике, лежащего в его основе апеллятива; она складывается из информации, которую несёт имя собственное, из его языковых, речевых

и специально ономастических функций, стилистической и эстетической значимости.

Личные собственные имена, прозвища и фамилии в художественном тексте – это ценный эстетический компонент в системе средств художественной выразительности. В подборе антропонимов, самом процессе наречения именем персонажа в классической русской литературе вполне очевидна избирательность, заметная заданность и одновременно традиционность [Фролов 1994: 35].

Лексико-семантические группы заимствованных личных имен во многом дополнили уже бытовавшие в татарском языке аналогичные лексико-семантические группы татарских имен по названиям отвлеченных понятий, месяцев, по названиям песен и др [Залялиева 1989: 33].

Выделяются две основные семантические группы имен:

1) Первая – это имена, данные детям без посвящения, имена, образованные от топонимов, имена связанные с возвышенными понятиями, образованные от названий драгоценных камней, цветов. Например: Марс, Лилия.

2) Вторая группа имен – имена – посвящения, состоящие из памятных, революционных имен, отражающих новые взгляды, симпатии, надежды перед вождем революции: Виль, Вильмир, Маркс, Лена и другие [Залялиева 1989: 53].

Также можно выделить и такую семантическую группу – имена, отражающие представления мусульман о свойствах и качествах Аллаха и имени пророков [Суперанская 1992: 53]. Эти имена сыграли заметную роль в формировании татарского именника. Чуть ли не каждое имя, особенно мужские имена, носили религиозный характер, которые восхваляли религиозных деятелей. Согласно исламу, у Аллаха имеется 99 имен, с помощью которых его прославляют и также называют «красивыми именами». А самое истинное его имя знать никому не дано. Общеизвестные имена Аллаха – это его разнообразные эпитеты, отражающие представления мусульман о свойствах и качествах единого Бога: Закир – «важный», «значительный» [Саттаров 1998: 102]; Шакир – «добрый», «благодарный» [Саттаров 1998: 285]; Хасан – «добрый» [Саттаров 1998: 274].

В антропонимикон писателей Сибири попали имена основателей ислама и их родственников. В основном они используют имена, которые являются эпитетами Аллаха или же в своем составе имеют конечный компонент -улла-, который в переводе означает «святой», «учитель веры» [Саттаров 1998: 251]; Это наиболее распространенный компонент. Абитулла – «дар Аллаха» [Саттаров 1998: 38]; Халиулла – «друг Аллаха» [Саттаров 1998: 274]. Набиулла – «друг Аллаха», Калимулла – «собеседник Аллаха» [Саттаров 1998: 150].

В большинстве женских имен в рассказах Б. В. Сулейманова присутствует компонент – гуль-, тат. «гол» – обозначения цветка: Гульжамал, Гульмарьям, Гульсум.

Многие имена женщин в произведениях писателей Сибири образованы от слов, связанных с возвышенными понятиями: Суюмбика – «любимая», «возлюбленная» [Саттаров 1998: 416]; Фарида – «редкостная», «ценнейшая» [Саттаров 1998: 432]; Ания – «возвышенная», «драгоценная» [Саттаров 1998: 339].

Ономастическое словообразование следует рассматривать, как частную систему ономастической грамматики, наряду и в связи с морфологией имен собственных и их синтаксисом. Если говорить о грамматических способах ономообразования или процессах, происходящих при образовании имен в ономастике, то это – аффиксация, к ней примыкают плюрализация и сингуляризация (где изменение флексии равноценно суффиксации), а также сложение, соположение, повторы и редупликации, изменение ударения, образование имен собственных – словосочетаний, усечение, аббревиация. Каждый из этих процессов в ономастике может протекать самостоятельно или в сочетании с другими [Подольская 1990: 40].

В структурном отношении имена собственные бывают различные. Они могут состоять из одного слова, из двух, трех и даже многих слов. Это зависит от разных причин: от социального и семейного положения именуемого, от характера документа, в котором именование употреблено [Чичагов 1959: 9].

В словообразовательном отношении личные имена персонажей Б. В. Сулейманова и Я. К. Занкиева делятся на простые и сложные. Собственные имена, как и имена нарицательные, могут быть простыми (состоящими из одного слова). Они образованы от простых по структуре нарицательных слов персидского и арабского происхождения (с положительной семантикой). Эти слова имеют в своем составе интересные и красивые татарские личные имена. Например, Саня [Занкиев 2002: 43] – «вторая дева Мария» [Саттаров 1998: 411]. Аниса [Сулейманов 1998: 129] – имя персидского происхождения, переводится как «друг» [Саттаров 1998: 340]. Руслан – [Занкиев 2002: 18] арабское имя – «лев». Мадина – [Занкиев 2002: 120] с арабского переводится как «образованная» [Саттаров 1998: 383]. Алия – арабское имя, переводится как «великая», «возвышен-

ная», «дорогая» [Саттаров 1998: 339]. Мансур – [Занкиев 2002: 13] – имя арабского и персидского происхождения – «победоносный», «победитель» [Саттаров 1998: 160]. Якуб – [Сулейманов 1998: 34] – с арабского Яков, древнееврейское – «идуший следом» [Саттаров 1998: 302]. Хасан – [Занкиев 2002: 22] – с арабского «самый лучший», «самый добрый» [Саттаров 1998: 266] и другие.

Я. К. Занкиев и Б. В. Сулейманов в своих произведениях большее предпочтение отдают простым именам, состоящим из одного корня. Эти имена остаются популярными и в наше время.

Далее, рассмотрим сложные имена. Как правило, в именниках почти всех народов можно найти антропонимы, которые состоят из двух и более компонентов. В произведениях данных авторов сложных имен намного меньше, чем простых. Сложные имена, состоящие из двух и более компонентов являются довольно устаревшими и в наше время практически не употребляются: Хужабика – с арабского «госпожа», «главная» [Занкиев 2002: 39]. Имя состоит из двух компонентов: «хужа» + «бика» [Саттаров 1998: 453]. Минлегаян – с арабского «минле» + «гаян» – «счастливая», «важная» [Саттаров 1998: 245]

Большинство личных имен в произведениях состоят из двух корней. Именные компоненты являются ценным историческим источником, потому что содержат информацию о социальной принадлежности происхождению носителя, отражают добрые пожелания и чувства родителей, фиксируют имена пророков, религиозных событий и праздников [Гафуров 1987: 17].

Приведем список наиболее распространенных компонентов сложных имен персонажей:

компонент -улла- искаженная форма арабско-персидского Мулла – ученый, служитель веры: Валиулла – [Занкиев: 2002: 28] – «святой» [Саттаров 1998: 74]. Хайрулла – «милость Аллаха» [Саттаров 1998: 260].

компонент -джан-. Этот компонент имеет значение «душа» [Саттаров 1998: 101]: Фызылджан, Нигматджан.

Присоединение к имени слова -джан- придает слову не только оттенок уважительности и почта, но и придает оттенок ласкательности. Первоначально это слово -джан- могло соединяться не с любым именем, а только с именами мусульманских святых [Гафуров 1987: 17]. Слово -джан- подходило практически к любому имени. Отсюда и широкая употребительность этого компонента в мусульманской антропонимии.

Компонент – «джамал» – «душа» [Саттаров 1998: 365]. Гульджамал [Сулейманов 1998: 204]

В старотатарском языке многие личные имена образовались путем присоединения различных уменьшительно-ласкательных суффиксов (чаще всего одно или двусложным нарицательным основам), создавая этим самым определенную систему [Саттаров 1989: 154]. Эти суффиксы придавали именам оттенок ласкательности, который с течением времени утрачивался, но дифференцированно, поэтому в одних случаях этот оттенок в современном языке проступает довольно отчетливо (Ахматкай, Асиякай). В татарском языке выделяется ряд оценочных суффиксов, которые придают словам ласкательное значение. Эти суффиксы у имен нарицательных и собственных различные. Например, суффиксы -чык, – чек: кошчык «пташка», адамчек «человечек» редко участвуют в образовании личных имен. Последние, как правило, имеют самостоятельные суффиксы, различающие по диалектам. Часть этих суффиксов сохранились с болгарских времен, причем некоторые как бы законсервировались в составе определенных имен. Таковы болгарско-татарские имена Ташкай, Кузкэй, где ласкательные суффиксы –кай, – кэй образуют имена, присоединяются к одно или двусложным непроемным основам таш «камень», куз «глаз»: Кузкэй [Саттаров 1989: 154].

Среди имен, рассмотренных нами, больше в количественном отношении и чаще встречаются тюркские личные имена и имена с тюркской основой. В результате взаимопроникновения и тесного переплетения именных компонентов исконных тюрко-татарских и заимствованных арабских и персидских пластов в татарском языке в течение тысячелетия образовалось большое количество как мужских, так и женских сложных имен. Таким образом, рассмотрев словообразовательные особенности мужских и женских личных имен можно увидеть, что Я. К. Занкиев и Б. В. Сулейманов большее предпочтение отдают простым именам, состоящим из одного корня. Эти имена образованы от простых по структуре нарицательных слов персидского и арабского происхождения (Сания – «вторая дева Мария», Аниса – «друг», Фаридка – «редкостная», «ценнейшая», Хасан – «самый лучший», «самый хороший»). Большинство личных имен в произведениях Б. В. Сулейманова и Я. К. Занкиева состоят из двух корней, среди них выделили наиболее распространенные компоненты сложных имен персонажей: компонент –улла- искаженная форма арабско-персидского Мулла – ученый, служитель веры (Лотфулла, Валиулла, Хурматулла); -джан- в значении «душа» (Фызылджан, Нигматджан); единственным женским личным именем представлен компонент – джамал-, который имеет значение «душа» (Гульджамал);

Анализ имен и названий, живущих на страницах произведений художественной литературы, работа увлекательная, но, однако, весьма трудоемкая и кропотливая [Горбаневский 1988: 7].

Имя почти каждого персонажа в произведениях писателей Сибири дает прекрасный материал для работы. Наиболее распространенными видами имен собственных в тексте являются антропонимы (личные имена и названия людей), а именно, связанные с возвышенными понятиями, связанные с культом неба и явлениями природы, имена – пожелания, а именно, пожелания долгих лет жизни красоты и имена с положительной семантикой.

Наблюдения над составом собственных имен в художественном тексте показывают, что выбор имени для основного литературного героя, как и формирование в целом антропонимического пространства, – это кропотливая и тяжелая работа, сочетающая знание традиций, обычаев, творческую фантазию [Фролов 1994: 159].

Писатель к своей работе подошел довольно серьезно, потому что он умело подобрал имена для своих героев. Круг имен, фамилий и отчеств произведения достаточно широк и многообразен, описать его в короткой заметке вряд ли возможно. И сколько в нем интенсивного, познавательного, а порой и таинственного [Горбаневский 1988: 37].

Татарская антропонимия, как часть тюркской антропонимии вообще, имеет общетюркский, общенациональный характер. Структура и смысловое содержание имен произведений Б. В. Сулейманова и Я. К. Занкиева сложна и многообразна. Авторы объективно следуют реально существующим принципам наречения персонажей в литературной классике.

Литература

Алишина Х. Ч. Антропонимия сибирских татар в сравнительно-историческом освещении. Рабочая программа и материалы к спецкурсу / Х. Ч. Алишина. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001.

Болотов В. И. К вопросу о значении имен собственных // Антропонимика. М., 1970.

Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993.

Галиуллина Г. Р. Личные имена татар в XX веке / Г. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 2000.

Липихина Е. Л. Структура и функции поэтонимов в художественных текстах для детей (на материале произведений А. М. Волкова, Н. Н. Носова, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского). Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003.

Саттаров Г. Ф. Категория ласкательности в татарских личных именах / Г. Ф. Саттаров // Антропонимика. – М., 1970. – С. 100–106.

Саттаров Г. Ф. Татары / Г. Ф. Саттаров // Системы личных имен у народов мира: Сб. ст. – М.: Наука, 1986.

Тимканова Г. Ф. Татарские мужские и женские имена горожан // Филологический дискурс: Вестник филологического факультета ТюмГУ. – Тюмень, 2001. – Вып. 2.

Б. В. Сулейманов «Мин себер татарымын» («Я – сибирский татарин»), Тюмень: Изд-во «СВ-96» 1998, 253 с.

Я. К. Занкиев «Кайчыколак» («Остроушко»), Тюмень. 2002.

Мурахас М. С.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В УСКУТСКОМ ГОВОРЕ ЮЖНОБЕРЕЖНОГО ДИАЛЕКТА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА.

Характерная особенность сложного процесса становления крымскотатарского языка состоит в том, что отдельные говоры в силу языковых, а также внеязыковых причин проходили свой исторический путь неравномерно, иногда самостоятельно. Так, известный ускутский говор южнобережного диалекта крымскотатарского языка стоит особняком в ряду говоров в силу некоторых интеро- и экстралингвистических причин.

Словарный состав говора можно разделить на две неравные части. Большая часть – это лексика, общая с литературным языком: аякъ, баш, беяз, сыджакъ, сен, беш и т. д. Меньшую часть составляет специфическая, диалектная, неизвестная литературному языку лексика: фитича, касуча, чангаритля, ангургъа, путруплу и т. д.

Диалектология изучает, главным образом, специфическую часть словарного состава говора, изменение и развитие слов, входящих в нее. Лексика диалектов богата словами, отражающими своеобразие природных условий той или иной местности, особенности хозяйственной жизни и быта населения.

Деревня Ускут (ныне с. Приветное Алуштинского района) до войны и депортации 1944 года была одной из самых больших деревень южного берега Крыма. Численность ее населения составляла на тот момент приблизительно 7700 человек. Деревня насчитывала 1200 дворов, условно подразделяясь на 10 маале: *Хаталах*, (как утверждают старожилы становление села началось именно отсюда), *Орта*, *Мусалла*, *Кукулар*, *Ардна*, *Ханджар*, *Джелали*, *Ашагъы*, *Одабашилар*, *Юхары маалелер*. Архитектура деревни и строение жилищ с плоскими крышами напоминали высокогорные кавказские селения с саклями. При этом в деревне не было как таковых ни улиц, ни сообщений. Речки, ручьи наполнявшиеся во время дождей водой, пересыхая в жару, и были улицами.

Известный ученый этнограф Б. А. Куфтин в работе «Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова» пишет: «Отличительной чертой жилища южного берега татарина является нигде не наблюдаемая в северном районе плоская крыша, а так же план расположения комнат, большей частью, не в одну линию, а крестовидно. В наиболее старых строениях замечается отсутствие бокового света, то есть окон в стенах, и свет проникает через особое отверстие в крышах или через дымоход.

Улиц в такой деревне нет совсем. В место них имеются кривые каменные лестницы в узких промежутках между двухэтажными домами, которые громоздятся один над другим, образуя по склону ущелья сплошную многоярусную постройку. Фасад каждого дома с выступающим балконом, крышей на колонках, обращенный обычно на юг, прекрасно виден, так как его не закрывают нижерасположенные ряды строений. Двором служат нередко крыше нижележащих домов. Часто ко многим домам нельзя пройти иначе, как по крыше» [1].

Но нам, как исследователям-диалектологам, хотелось остановиться подробнее на языковых особенностях, в частности лексике, отображающей особенности жилища и быта (так называемой строительной лексике), ярко отображенных в ускутском говоре, в связи с уникальностью и самобытностью уклада жизни этой южного берега деревни.

Строительная лексика является очень значимой для языка любого народа, поэтому особое значение приобретают упорядочение терминологии. Строительная лексика представляет собой своеобразную лексическую систему, складывавшуюся на протяжении длительного времени, отображая всю специфику строительства в данной местности.

К примеру, в связи с тем, что строительство домов на южном берегу велось из горного камня, различали его разновидности: *ишленген таиш* (обработанный камень), *ишленмеген таиш* (необработанный камень), *мулус* (мелкий камень, щебень – им заполняли внутреннюю часть фундамента, тогда как наружные его части выстраивали из крупного необработанного камня). До войны в деревне Ускут камень для частного строительства добывался неким Мурат агъа, а гора из которой добывался камень так и называлась местными жителями – *Мурат агъанын хаясы* (скала Мурат агъа). Для строительства среднего дома, вспоминают старики, на протяжении 1–2 лет собирался камень. Дом возводился либо методом «*талыха усулу*» (т.е. загодя созывались люди и совместно закладывался фундамент- *эвнин темели*, поднимались стены и т.д.), либо нанимались *уста деделер* – опытные мастера.

Люди работали с большим энтузиазмом. При замазывании стен глиной, например, мужчины ногами замешивали глину, а женщины руками, гладко выравнивая, размазывали ее по стене, а в последствии забеливали известью, добываемой в горах – *дивар ялатыр эдилер*.

Отдельно нужно сказать о крышах домов – *дам*. Куфтин Б.А так описывает архитектуру южного берега села: «Фасад каждого дома с выступающей балконом и крышей на колонках, обращенный обычно на юг, прекрасно виден, так как его не закрывают ниже расположенные постройки. Дворовые постройки не развиты, часто совершенно отсутствуют. Двором служат нередко крыши нижележащих домов, которые, прилегая своей задней стеной к горным склонам, представляя собой продолжение террасовидных отделанных площадок, на которых лепятся вышележащие постройки. Часто ко многим домам нельзя пройти не иначе, как по крышам» [1].

Таким образом, плоская крыша дома выполняла функцию и крыши, и соседского двора. Поэтому за состоянием крыш старательно следили. Так как крыши были глиняными, укладывали ее на деревянные основы, сложенные определенным образом. При этом использовались *ангургъа* – кругляк – длинное круглое бревно, на которое поперек по обе стороны раскладывались *ярмалар* – длинные доски, т.е. кругляк вырубленный пополам вдоль. А на них уже выстраивались узкие доски решеткообразно. Крыша имела небольшой уклон. Глина (*чамур*) выливалась и выравнивалась специальным валиком (*ватала*) по направлению сверху вниз. Крыша после каждого дождя укреплялась, так как, прохуdivшаяся могла течь.

Что касается внутреннего убранства комнат, из глины выстилался также пол в доме. После его утепляли войлочными коврами – *кииз* (*чииз*), а также длинными самоткаными дорожками – *яюв*. Вдоль стен сооружались небольшие деревянные возвышения – *сет*, на которые тоже стелили пестрые самотканые дорожки, но по уже – *сирджи*.

Стены оклеивали по горизонтали бумагой – *кият*. Вдоль одной из стен дневной комнаты устанавливали шкафы – *дулаплар*, украшенные резьбой. Этим занимались мастера по дереву – *агъач усталары*.

Как было сказано выше, дома строились чаще двухэтажные, нижний этаж в которых обычно выполнял хозяйственные функции, т.е. там располагались подсобные помещения, иногда кухня – *аишхане*, баня – *аммам*. Нижний этаж имел значение выравнивать площадку по склону горы для верхнего этажа. Задними стенами дома часто служил вертикально срезанный склон горы.

Второй этаж был жилым и состоял обычно из 4 комнат: 2 комнаты – *отургъан эв* (сидячие, в которых проводили большее время суток) и 2 комнаты – *суба* (спальни). Вдоль всего второго этажа простирался балкон – *чардах*, украшенный резными досками – *бармахлыхлар*. Сообщение между этажами происходило по внутренней лестнице, которая упиралась в откидную дверцу между этажами – *пуртуплу*. Хотя зачастую, кроме внутренней, имелась и наружная лестница – *мердвен*.

К сожалению, большинство из приведенных нами терминов в настоящее время выходит из обихода по той простой причине, что теперь так не строят, и заменяются современной строительной терминологией.

В данной статье мы постарались описать некоторые особенности строения южнобережных жилищ и их терминологию на примере д. Ускут, уроженцы которого после возвращения в Крым свято чтят традиции предков, и по сей день, пытаются сохранить своеобразие языка и культуры этой самобытной деревни.

Литература:

Б. А. Куфтин. «Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова» (материалы и вопросы) // Москва, 1925

Б. А. Куфтин. «Южнобережные татары Крыма» // Крым, 1925 № 1

М. Дубровский «Жилища крымских горных татар» // По Крыму. Сборник 1. – Симферополь, 1914.

А. М. Меметов «Лексикология крымскотатарского языка» // Симферополь, 2000.

Информаторы:

Аджи-Селимов Садых, 1931 г.р. уроженец деревни Ускут

Узун-Умер Найде, 1932 г.р, уроженка д. Ускут.

Уркумет Февзие, 1934 г.р., уроженка д. Ускут.

Нагипова Г. Б.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ОФИЦИАЛЬНОМ И НЕОФИЦИАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ Д. БОЛЬШОЙ КАРАГАЙ

Взаимоотношение официальных и неофициальных форм собственных имен различается от народа к народу, от эпохи к эпохе.

Антропонимическая система современного татарского языка складывается как из официально принятых категорий наименований (имен, отчеств и фамилий), так и из неофициальных (прозвища и другие виды имен собственных).

Современная татарская официально принятая трехчленная антропонимическая модель «имя+отчество+фамилия» (*Бикбулат Рахматуллович Урамаев, Марчан Кабировна Батинова* и т.п.) или более распространенная в сфере официально-делового общения модель «фамилия+имя+отчество» (*Урамаев Бикбулат Рахматуллович, Батинова Марчан Кабировна*) выработалась под влиянием русской официальной антропонимической системы. Имена, образованные по этой модели, выступают в официальных документах, в языке прессы, юриспруденции и т.д. В живом разговорно-бытовом языке татары пользуются различными одночленными и двучленными именами и формами именования или их заменителями-эквивалентами, значительно отличающимися от официальной модели.

У татар личное имя и прозвище являются самыми древними антропонимическими категориями. Фамилии (с окончаниями на *-ов/-ова, -ев/-ева, -ин/-ина, -ский/ская*) и отчества (с окончаниями на *-ович/-овна, -евич/-евна*) возникли сравнительно поздно. Фамилия в татарской

антропонимии окончательно сформировалась и вошла в активное употребление во второй половине XIX – в начале XX вв. В настоящее время в официальных документах употребление отчества, как и у русских, является обязательным, поэтому они образуются от всех татарских мужских личных имен.

В татарском языке национальные формы вежливо-почтительного обращения (категория вежливости-почтительности) оформились еще в древности. Данная антропонимическая категория в современном татарском языке выражается различными лексико-грамматическими способами.

1. Отчество в сочетании с именем реализует вежливое, почтительное обращение. Кроме вышеуказанного отчества русского типа (т. е. с окончаниями на *-ович*, *-евич*; *-овна*, *-евна*) почтительное обращение осуществляется и национальными формами отчества, в которых имя отца всегда предшествует имени лица, к которому обращаются (*Ахмэт улы Наиль*, *Сабир кызы Латифа*, где *Ахмэт* и *Сабир* – имена отца). Национальные отчества образуются по формулам:

(а) имя отца + термин родства в притяжательной форме *улы* букв. «его сын», *малае* разг. «его мальчик», «его сын», *баласы* разг. «его дитя», «его ребенок» или *кызы* «его дочь» + имя лица, например: *Хэкимчан Зайнулла улы* «Хакимчан сын Зайнуллы» (букв. «Хакимчан сын Зайнуллы»), *Хамитулла баласы Корманали* «Хамитуллы дитя Курманали», *Шамиль кызы Зульфия* «Шамиля дочь Зульфия» и т. д.;

(б) имя отца (или деда) + имя лица с аффиксом притяжательности 3-го л. ед. ч. – *сы*, *се*; *-ы*, *-е*, т. е. с так называемым *нами*, притяжательным отчеством (в основном употребляемым в разговорной речи): *Хэбиб Хэтимэсе* «Хатима Хабибова» (букв. «Хабибова Хатима»), *Шэрэф Гэрэфе* «Шарафиев Гараф», *Морат Динэсе* «Муратова Дина» и т. д.

2. Второй способ выражения категории вежливости-почтительности в татарской антропонимии – это прибавление к имени лица с учетом его возраста (старшинства) и пола, соответствующего термина родства или свойства. Характерно наличие большого разнообразия звательных форм при обращении. Татары соблюдают древний обычай вежливого обращения (не только к людям, состоящим в родстве с говорящим) по формуле: имя лица + соответствующий термин родства или свойства с учетом его возраста (старшинства) и пола (*абый*, *абзый*, *агай*, *ага* «старший брат», «дядя», *апа*, *апай*, *тэтэй*, *абыстай*, *аптый* «старшая сестра», *бабай* «дедушка», *эби* «бабушка», *жинги* «старшая сноха», *ханым* «ханум», «дама», *тутаи* «барышня», «девушка» и т. д.). Данная вежливая форма обращения в татарском языке, выполняя функцию отчества, может полностью заменить его, например: *Мирхад Файзрахманович* – *Мирхад абый*, *Латифа Сабировна* – *Латифа апа* и т. д.

Татарский именник разнообразен по происхождению, семантике, а также структуре.

В системе татарских личных имен можно выделить несколько лингвогенетических пластов:

(1) древнетюркские антропонимы, восходящие к древнетюркским апеллиативам и составляющие основу общетюркских имен почти во всех современных тюркских языках (например: *Илбуга* = *ил* «страна», «отечество», «родина» + *буга* «бык»; *Илбарс* = *ил* + *барс* «тигр»; *Тимеркотлык* = *тимер* «железо» + *котлык* «счастье»; *Байтимер* = *бай* «богатое» + *тимер*; *Арслан* «лев»; *Сыртлан* «гиена»; *Бугарслан* = *буга* + *арслан*; *Уразбикэ* = *ураз* «счастливая» + *бикэ* «княгиня»; *Алтынбикэ* = *алтын* «золотая» + *бикэ* и т. д.);

(2) старотатарские личные имена, генетически относящиеся к древнетюркским (*Тимерхан*, *Хантимер*, *Тимербикэ*, *Алпар*, *Сатмыш*, *Айсылу*, *Чултан*, *Чакмак* и т. д.), болгаро-татарским (*Албарс*, *Алыпбарс* = *алып* «великан», «исполин» + *барс*, *Туйбикэ*, *Котлыбукаш*, *Килдеураз*, *Тутай*, *Чутай*, *Булымчак*, *Балкыш*, *Канак* и т. д.), кыпчакским (*Агиш*, *Байиш*, *Бирдебэк*, *Килдебэк*, *Айдар*, *Таштимер*, *Таибулат*, *Такташ*, *Балтай*, *Иштуган*, *Айтуган* и т. д.), реже к монгольским (*Баян*, *Сайхан*, *Сайман*, *Сарман*, *Чаныш*, *Когына*, *Бату* и т. д.) и огузским (*Абас*, *Корт*, *Делеш*, *Гилде*, *Кирэй* и т. д.); этот пласт отличается неоднородностью;

(3) имена, заимствованные из арабского языка (*Габдулла*, *Габдрахман*, *Гали*, *Фатыйма*, *Шамсетдин*, *Сания* и др.); арабские имена начали распространяться среди жителей Волго-Камья после официального принятия ислама в 922 году ханом Волжской Булгарии Алмушом; в тюркские языки, в том числе и в татарский, арабские имена проникали в основном через посредство персидского;

(4) имена, заимствованные из персидского языка (*Рустам*, *Бану*, *Гулнара*, *Зифа*, *Нияз* и др.);

(5) имена, заимствованные из русского и через него из европейских языков, главным образом после Октябрьской революции (*Вил*, *Светлана*, *Радик*, *Марат*, *Ренат*, *Роза*, *Венера*, *Лилия*, *Лена*, *Марсель*, *Люция*, *Флер*, *Флера*, *Роберт*, *Альберт*, *Рафаэль*, *Альбина* и т. д.);

(6) новотатарские имена, появившиеся после Октябрьской революции (*Илсея*, *Илсеяр*, *Илдус*, *Илишат*, *Илгиз*, *Гулмира*, *Гулишат*, *Алсу*, *Айзат*, *Илсылу*, *Газалия*, *Ирек*, *Ялкын*, *Ташкын* и т. д.).

В результате взаимодействия тюрко-татарских и заимствованных арабско-персидских пластов в татарском языке за тысячелетие (начиная с X в.) образовалось много гибридных, сложных личных имен. Они подразделяются по следующим моделям сочетания компонентов: (а) тюрко-татарский + арабский (*Муллагол, Нурсылу, Галимбек, Корбанбикэ* и др.); (б) тюрко-татарский + персидский (*Таиморза, Ишвияз* и др.); (в) персидский + тюрко-татарский (*Ма ысылу, Жантимер, Минглеяр* и др.).

В татарскую антропонию проникла большая группа арабско-персидских сложных личных имен (*Шахназар, Закирджан, Бибикамал* и др.).

В прошлом у татар имена новорожденным давались только муллами, которые усиленно пропагандировали ислам и мусульманские имена. В XX в. под влиянием первой русской революции в татарской антропонимии возникла и стала развиваться демократическая, прогрессивная тенденция, проявлявшаяся в возобновлении обычая давать новорожденным традиционные татарские личные имена, а также арабские и персидские имена нерелигиозного содержания. В татарской антропонимии противостояли друг другу реакционное, возглавляемое фанатичными муллами, и демократическое течения. Со временем эта оппозиция становится еще очевиднее и ожесточеннее. Демократическое направление в развитии антропонимии возглавили Г. Тукай, Ф. Амрхан, Г. Ибрагимов и другие прогрессивные деятели татарского народа.

Данная форма вежливо-почтительного обращения (*Гусман Фаизович, Айвар Гумерович, Галия Ниязовна, Флера Садриевна* и т.д.) распространена в основном среди татарской интеллигенции и в настоящее время все шире и прочнее входит также и в речь других социальных групп татарского народа

Насипов И. С., Саитова И. Ф.

КӨНЬЯК УРАЛ БУЕНДА ТАРАЛГАН ТАТАР СӨЙЛӘШЛӘРЕ ТУРЫНДА

Көнъяк Урал буенда таралган татар сөйләшләре XIX азагында А. Г. Бессонов һәм Н. Ф. Катанов кебек галимнәрнең фәнни эшчәнлегенә бәйле башланып китә. Алар хаклы рәвештә татар диалектологиясенә нигез салучылар санала.

XX гасырның 50 елларында Башкортстандагы татар сөйләшләрен ныклап системалы өйрәнү башлана. Бу юнәлештә күренекле татар диалектологы Л. Жәләй зур эш алып бара. А. А. Юлдашев, Ә. Ш. Әфләтунов, Ж. Алмаз үткәрелгән экспедицион тикшеренүләрдән соң бу төбәктә таралган типтәр, татар һәм башкорт халык сөйләшләренең төп үзенчәлекләрен күзалларга мөмкинлек туа, татар сөйләшләренең татар әдәби теленә якын торулары ачыклана. Татар диалектологлары Г. Х. Әхәтов, Л. Т. Мәхмүтова, Д. Б. Рамазанова, Ф. С. Баязитова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова, Р. Г. Әхмәтжанов, Р. Ф. Нуртдинов, И. С. Насипов, Д. З. Мәхмүтова, А. Г. Шайхулов, Л. Ү. Бикмаева һ. б. нәтижәле тикшеренүләр алып бардылар.

Хәзерге чорда Көнъяк Урал буенда таралган татар сөйләшләрен өйрәнү эшенә Башкорт дәүләт университеты татар филологиясе һәм мәдәнияте кафедрасы, М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт педагогия университеты татар теле һәм әдәбияты кафедрасы, Башкорт дәүләт университетының Стәрлетамак филиалында татар һәм чуваш филологиясе кафедрасы, Бөрө филиалында башкорт, татар һәм мари филологиясе кафедрасы укытучылары һәм студентлары, магистрантлары, аспирантлары зур өлеш кертә. Бу уку йортларында татар диалектологиясе макус предмет буларак укытыла, диалектология мәсьәләләренә макус курсларда һәм татар теле укыту методикасы курсына игътибар бирелә. Жәйге чорда диалектологик һәм фольклор экспедицияләргә чыгу бай материал тупларга мөмкин бирә. Алар нигезендә студентлар жирле сөйләшләренең үзенчәлекләре һәм регион мәктәпләре укучылары телендәге диалектизмнар буенча курс һәм диплом эшләре башкаралар. Башкорт дәүләт университетында «Идел-Кама-Урал этнолингвистик төбәгендә төрки, фин-угор һәм славян халыкларының рухи мәдәнияте» фәнни-тикшеренү лабораториясе (житәкчесе – профессор А. Г. Шәйхулов), М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт педагогия университетында «Башкортстанның полиэтник жирлегендә туган (татар) теле, әдәбияты һәм мәдәнияте» фәнни-тикшеренү лабораториясе, Башкорт дәүләт университетының Стәрлетамак филиалында «Идел-Урал буе халыкларының рухи-мәдәни торышы» фәнни-тикшеренү лабораториясе (житәкчесе – өлкән укытучы Н. Ә. Мөкимова) яшьләренә фәнни-тикшеренү эшенә жәлеп итүгә, Башкортстанда татар халык сөйләшләрен кыр методы белән өйрәнүгә зур игътибар бирәләр.

Татарстан галимнәре дә бу юнәлештә материал туплау һәм сөйләшләрне фәнни өйрәнү эшен нәтижәле дәвам итәләр. Бигрәк тә Татарстан Фәннәр академиясенең Галимжан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтында бу эш узган гасыр урталарынан башлап планы һәм системалы башкарыла. Атаклы татар диалектологы Д. Б. Рамазанова яшь диалектологлары эзерләү, бу төбәктә татар халык сөйләшләрен лингво-географик, ареалогик һәм кыр методлары белән тикшерү эшенә бүген дә зур өлеш кертә. Мәсәлән, аның житәкчелегендә соңгы елларда гына берничә диссертация якланды, фәнни монографиялар бастырылды.

Нәтижәдә, бүгенге көндә Көнъяк Урал буенда таралган татар сөйләшләрен түбәндәгечә билгеләргә мөмкин: I. Татар теленең урта (казан-татар, болгар-татар) диалектына караган сөйләшләр – 1) минзәлә сөйләшенең бәләбәй, төп һәм янаул урынчылыклары (Башкортстанның көнбатыш Бишбүләк, Благовар, Борай, Бәләбәй, Дүртөйлә, Илеш, Кармаскалы, Краснокама, Кушнарәнка, Миякә, Мәләвез, Стәрлебаш, Стәрлетамак, Туймазы, Федоровка. Чакмагыш, Чишмә, Шаран, Янавыл, Әлшәй районнарында таралган); 2) бөрә сөйләше (Башкортстанның төньяк-көнбатыш регионнасында, нигездә элеккегә Бөрә өязе – хәзергә Борай районнасында, Калтасы районнасының көньяк-көнбатыш почмагында, Балтач, Янаул, Тәтешлә, Караидел, Бөрә, Мишкә районнарының бер өлешендә таралган); 3) турбаслы сөйләше (Башкортстанның Иглин һәм Нурыман районнары авылларында таралган); 4) златоуст сөйләше (Башкортстанның төньяк-көнчыгыш төбәгендә Салават, Кыйгы, Дуван, Белокатай районнарында таралган; төньякта ул Пермь, көнчыгышта һәм көньяк-көнчыгышта Оренбург өлкәләре белән чиктәш, көнбатышта һәм көньяк-көнбатышта элекке Уфа губернасының Бөрә өязе белән чикләнә); 4) тепекәй сөйләше (Башкортстанда югары Агыйделнең суляк бассейны Жигән елгасы буенда бер төркем татар авылларында – Ишимбай районнасында Түбән авыл яки Әрмет, Үргә Әрмет, Әрметрәхим, Янурыс, Тугай, Кыявык, Гафури районнасында Яңгызкаен, Үтәк, Стәрлетамак районнасында Агыйделнең уңьягында Алатана һ.б. таралган); 5) учалы сөйләше (Башкортстанның Учалы районы, ягъни элеккегә Верхнеуральск өязе, Учалы волосте территориясендә таралган 12 ләп авылда – Ахун, Илчен, Имангол, Мансур, Сәфәр, Ураз, Урал, Урген, Учалы, Ырысай һ.б. таралган); 6) танып буге сөйләше (республиканың төньяк-көнбатышында Аскын, Кыйгы, Караидел районнарының кайбер авылларында таралган); 7) Түбән кама керәшеннәре сөйләшенең бакалы урынчылыгы (Башкортстанда Бакалы районнасының Иске Әжми, Божыр, Яңа Балыклы, Әрнәш, Яңа Илек, Утар һәм Шаран районнасының Базгыя авылларында таралган, алар элек Уфа губернасы Бәләбәй өязе Бакалы һәм Нагайбәк волостьларына караганнар); 8) күгәрчен сөйләше (республиканың Күгәрчен районы Күгәрчен авылында, Зианчурә районы Күгәрчен, Яңа Чәбенки һ.б. авылларда таралган); 9) кормантау сөйләше (республиканың Гафури районнасының бер өлешендә Кормантау, Бурлы, Яңа Бурлы авылларында таралган); II. Татар теленең көнбатыш (мишәр-татар) диалектына карган сөйләшләр – 1) стәрлетамак сөйләше (Башкортстанның көньяк-көнбатышында таралган мишәр сөйләшләрә, бу сөйләш таралган авыллар нигездә элекке Уфа губернасы Стәрлетамак өязенә кергәннәр, зур территория күздә тотыла); 2) байкыйбаш (мишкә) сөйләше (Башкортстанның Балтач (көнъяк-көнчыгыш өлеше), Байкыйбаш (хәзергә Караидел) һәм Мишкә районнасының бер өлешендә таралган).

Көнъяк Урал буенда таралган татар сөйләшләрә өйрәнелешә буенча тигез башкарылмаган. Әйтик, кормантау, танып буге һәм күгәрчен сөйләшләрә буенча материал бүген фәнни әйләнешкә тиешлә дәрәжәдә әлегә кертелмәгән. Кормантау сөйләше яшь диалектолог М. Р. Булатова тарафыннан яңа гына билгеләнде. Ул бу сөйләшнең морфологик үзенчәлекләрен Көнъяк Урал буге татар халык сөйләшләрә белән чагыштырып өйрәнә, кандидатлык диссертациясә яклады һәм аның төп нәтижәләрен аерым монография буларак бастырды. Танып буге сөйләше бик күптән диалектолог Р. Ф. Нуртдинов тарафыннан тикшерелә. Ләкин бу сөйләш буенча кандидатлык диссертациясә яклауга эзерләнәп, аның нигезендә аерым монография басылса да, аның нәтижәләре татар диалектологиясендә ныклы урын алмады. Күп кенә сөйләшләрне «утрауык» сөйләшләр дип күрсәтергә мөмкин. Мәсәлән, күгәрчен сөйләшен шундыйлардан дип билгеләләр. Төп лингвистик үзенчәлекләре буенча ул урта диалектның минзәлә сөйләше бәләбәй урынчылыгына якин торса да, формалашу ягыннан зур гына аермаларга ия. Бу сөйләшнең үзенчәлекләрен Башкорт дәүләт университетының Стәрлетамак филиалы магистранты Р. Р. Хисматуллина Башкортстанның аткаган укытучысы Н. Х. Вагапов ярдәмендә тикшерә.

Башкортстанда татарлар яшәгән төбәкләрдән бөтенләй тикшерелмәгәннәрә дә бар, дип билгәли кайбер галимнәр. Республиканың районнарында мишәрләрнең этник катнашлыгында оешкан, ләкин бергә тупланып утырмаган авыллар күп, аларның сөйләшләрен дә махсус тикшерү кирәк. Бу мәсәләләр әле үз өйрәнүчеләрен көтә.

Әдәбият

Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья: В 2-х т. / Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова (Т. 1); Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова (Т. 2). – Казань, 1989.

Булатова М. Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «юг Башкортостана». – Казань, 2013. – 240 б.

Зәкиев М. З. Татар халкы тарихы: этник тамырлары, оешуы һәм киләчәге. – Казан: Г. Ибраһимов ис. ТӘСИ, 2008. – 544 б.

Насипов И. С. История изучения мензелинского говора среднего диалекта татарского языка // Татар теленең һәм әдәбиятының актуаль мәсьәләләре. – Стәрлетамак: СДПИ нәшр., 1997. – 76–95 б.

Насипов И. С. Башкортстан Республикасында таралаган татар сөйләшләре // Инновационные процессы в изучении и преподавании литературы. – Бирск: БирГПИ, 1997. – С. 19–22.

Насипов И. С. Татар диалектологиясе: Биобиблиографик белешмә. – Стәрлетамак: СДПИ нәшр., 2004. – 155 б.

Нуретдинов Р. Ф. Язык пританьских татар. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибраһимова АН РТ, 1998. – 119 с.

Татар халык сөйләшләре: Ике китапта / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова. – 1 нче кит. – Казан, 2008. – 463 б.

Татар халык сөйләшләре: Ике китапта / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова. – 2 нче кит. – Казан, 2008. – 463 б.

Рамазанова Д. Б. Вопросы татарской диалектологии. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибраһимова АН РТ, 2008. – 272 с.

Шайхулов А. Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне). – Уфа: БашГУ, 1999. – 228 с.

Насипов И. С., Исхакова Р. Р., Исхакова Р. Р.

БАШКОРТОСТАННЫҢ КӨНЬЯК АРЕАЛЫНДА ТАРАЛГАН КОРМАНТАУ СӨЙЛӘШЕ ТУРЫНДА

Диалектология татар тел белеменең иң ныклы үсеш алган өлкәләреннән. Аның фәнни һәм гамәли казанышлары бу гыйбарәнең ачык дәлилләре санала. Соңгы елларда татар халык сөйләшләрен тикшерүдә тагын да жанлану күзәтелә.

Башкортостанның көньяк ареалындагы татар халык сөйләшләре төрле чорда һәм төрле фәнни дәрәжәдә тикшерелгән. Көнъяк Уралда яшәгән халыкның теле бик күп галимнәрнең игътибарын үзенә жәлеп иткән һәм итә, чөнки төбәктә элек электән күптөрле этник төркемнәрнең аралашуы билгеле. Бу аларның этник йөзәнә генә түгел, теленә, гореф-гадәтләренә һәм тормыш итү рәвешләренә дә йогынты ясаган. Шуңа күрә галимнәр иң беренче чиратта сөйләшләренең тарихи формалашуына һәм этнолингвистик характеристикасына мөрәжәгать итергә мәжбүр булалар.

Бүген бу өлкәдә яшә галимә Булатова Миннира Рахим кызының эшчәнлегенә активлыгы күзгә ташлана. Аның Көнъяк Уралда яшәгән татар халыкы теле үзенчәлекләрен төрле аспектта яктыртуга дистәгә яқын хезмәте багышланган. Соңгысы – «Башкортостанның көньяк» ареалындагы татар халык сөйләшләренең морфологик үзенчәлекләре» дип аталган монография. Бу хезмәт басмага Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтында эзерләнгән һәм Казанда рус телендә нәшер ителгән.

Китапта Көнъяк Уралда яшәгән татар халыкы теле яңача – ареалогик аспектта яктыртыла, һәм аның авторы татар диалектологиясенә бүгенгә үсеш казанышларына таянып, татар халык сөйләшләрен өйрәнүдә лингвогеографик тикшеренүләрнең нәтижәләгән үстерүгә җитди өлеш кертә. Ул сөйләшләренә үзенчәлекләрен жентекле тасвирлауга өлгәшә, төбәкнең этнолингвистик формалашу тарихына яңача караш ташлый.

М. Р. Булатова монографиядә Башкортостанның көньяк регионы татар сөйләшләренең үзенчәлекләрен элекке һәм нәтижәле тикшеренү өчен төбәндәге бурычларны куя һәм аларны уңышлы хәл итә:

татар тел белемендә ареалогик тикшеренүләрнең теоретик нигезләрен системалаштыра һәм гомумиләштерә;

билгеләнгән ареалда таралаган сөйләшләрне фәнни тасвирлый;

«Башкортостанның көньяк» ареалында татар сөйләшләрнең төркемләүгә һәм аларның таралу чикләрен билгеләүгә ачыклык кертә;

яңа билгеләнгән кормантау сөйләше үзенчәлекләрен тасвирлый һәм аның татар теле диалектлары системасында урынын билгели;

«Башкортостанның Көнъяк» ареалындагы татар сөйләшләрнең морфологик үзенчәлекләрен тасвирлый;

«Башкортостанның Көнъяк» ареалындагы сөйләшләрнең үзенчәлекләре Урал буенда таралган башка татар сөйләшләре үзенчәлекләре белән чагыштырып, аларның уртаклыклары һәм аермалыклары ачыклана.

Нәтижәдә, автор «Башкортостанның көньяк» ареалындагы татар халык сөйләшләрнең морфологик үзенчәлекләрен жетекле анализлай, төп үзенчәлекләрен бай практик материал нигезендә билгели. Сөйләшләрнең морфологик үзенчәлекләреннән фигыльләрнең, исемнәрнең, сыйфатларның, кайбер ярдәмче сүз төркемнәренә грамматик категорияләрендә семантик төрлелекне, фонетик вариантлылыкны һ.б. күрсәтә. Ул ныклы тарихи, географик, этнолингвистик материаллар нигезендә бу төбәктә таралган урта диалектның тепекәй сөйләшеннән, минзәлә сөйләшенең бәләбәй урынчылыгыннан һәм мишәр диалектының стәрлетамак сөйләшеннән аермалы буларак, өр яңа сөйләшнә – кормантау сөйләшен бүлеп чыгара. Аның бу сөйләшләр белән уртак һәм аермалы яктарын ачык күрсәтә, Урал буе татар сөйләшләре системасында кормантау сөйләшенең урынын билгели. Шуннысы да игътибарга лаек: автор бу татар сөйләшләрнең башкорт сөйләшләрнең йөгынтысына да басым ясый.

Монографияда татар диалектологиясендә нәтижәле файдаланылган традицион тикшеренү методлары комплексы кулланылган. Аның теоретик-методологик нигезе ныклы, тикшерү татар диалектологиясенә бай казанышларына таянып башкарылган. Автор Көнъяк Урал буенда таралган татар сөйләшләрнең өйрәнүгә галимнәрнең хезмәтләрен, аларның нәтижәләрен ижади файдалана (Ә. Ш. Әфләгүнов, Р. Г. Әхмәтжанов, А. Г. Бессонов, Ж. Г. Киекбаев, Ф. С. Баязитова, Н. Ф. Катанов, Л. Т. Махмутова, И. С. Насипов, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова, Ф. Ю. Йосыпов һ. б.).

Хезмәтнең төп нәтижәләре төрле фәнни конференцияләрдә, аерым мәкаләләрдә апробацияләнүе дә аның фәнни бәясен күпкә арттыра. Бу тикшеренүнең практик әһәмияте дә шиксез: аның зур күләмле материаллары һәм фәнни-теоретик нәтижәләре диалектология, тел тарихы һәм грамматика буенча уку әсбаплары язуда, диалектологик, региональ сүзлекләр төзүдә, татар халкының дөнья картинасын өйрәнүдә, диалектология буенча теоретик курслар укуда, шулай ук югары уку йортларында һәм мәктәпләрдә уку процессларында уңышлы кулланылырга мөмкин.

Бу эштә тикшерелгән материал оригиналь һәм аларны фәнни өйрәнүнең татар тел белеме өчен актуальгә шик тудырмай. Чөнки куелган проблемалар тулысынча ачыкланган, билгеләнгән бурычлар югары фәнни дәрәжәдә хәл ителгән.

Әдәбият

Булатова М. Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «юг Башкортостана». – Казань, 2013. – 240 б.

Насипов И. С. Башкортостан Республикасында таралаган татар сөйләшләре // Инновационные процессы в изучении и преподавании литературы. – Бирск: БирГПИ, 1997. – С. 19–22.

Насипов И. С. Татар диалектологиясе: Библиографик белешмә. – Стәрлетамак: СДПИ нәшр., 2004. – 155 б.

Насипов И. С., Спиридонова Л. А., Тимашева А. А.

Д.Б. РАМАЗАНОВА ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ СОМАТИК ЛЕКСИКАСЫ ТУРЫНДА

Лексикология татар тел белеменең иң ныклы үсеш алган бүлекләреннән санала. Моны аның фәнни һәм гамәли казанышлары ачык дәлилләп тора. Бу югары уку йортлары өчен басылган дәрәслекләрдән генә дә ачык күренә. Соңгы елларда гына татар лексикологиясе өлкәсендә бик күп яңа хезмәтләр басылды, алары инде бу дәрәслекләрдә әле яктыртылып та өлгермәгән.

Өйткәндәй, Дөрия Барый кызы Рамазанованың «Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика» исемле хезмәте аеруча кызыксыну уята. Бу хезмәт басмага Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтында әзерләнгән һәм Казанда татар телендә нәшер ителгән. Гомүмән алганда, бу галимә бик күп эшли: елда зур күләмле бер яки берничә фәнни хезмәтне коеп кына тора. Ә монысы инде бигрәк тә үзенчәлекле темага багышланган.

Хезмәттә татар телендә кешенең әгъза атамаларының, рухи халәтен, холкын белдерә торган сүзләрнең лексик-семантик төркемнәре бүгенге кулланылышында һәм тарихи үсәндә башка төрки телләрдәге лексик берәмлекләр белән чагыштырып тикшерелә. Әлеге бай һәм гаять кызыклы лексика татар тел белемендә беренче мәртәбә тулы күләмдә һәм жентекле эзмә-эзлекле өйрәнелә.

Танылган галимәнең әлеге китабында кешенең үзенә бәйле сүзләрне билгеле бер система буларак, аерым бер лексик-семантик кыр итеп өйрәнү зур әһәмияткә ия. Мондый сүзләрнең бик борынгыдан формалашкан булуы бай фактик материал нигезендә дәлилләнә.

Бу гажәеп мавыктыргыч эчтәлекле, бик кызыклы китапта кешенен тән төзелеше, анын хәрәкәтләренә бәйле, көндәлектә кулланылган сүзләргә, сүзтезмәләргә фәнни анализ ясалган. Хәтта аңлатмалар татар телендә генә түгел, башка телләр белән дә чагыштырып бирелә. Башка телләрдә аларның нинди мәгънәдә кулланылганлыгы һәм нәрсәне аңлатканы белән танышу, безнеңчә, бигрәктә әһәмиятле. Чөнки көндәлек тормышта аралашканда ул сүзләрдән файдаланганда аларның мәгънәләрен тулысынча аңлап та бетермибез.

Китапта авторы кешегә бәйле лексиканы өч зур төркемгә бүлеп тикшерә: 1) кешенең физик төзелешен, әгъзаларын белдерә торган сүзләр; 2) кешенең эчке дөньясын белдерә торган сүзләр; 3) кешедәге авыруларны белдерә торган сүзләр. Галимә билгеләвенчә, бу бүленеш шартлы, чөнки бу төркемнәр бер-берсе белән тыгыз бәйләнештә. Хезмәттә аларның беренчесе – анатомик, икенчесе – этик-психологик, өченчесе – медицина лексикасы дип билгеләнгән. Теләсә кайсы төркемләнүнең дә үз бүленеш принциплары, чикләре булган кебек, аларга кергән сүзләрнең үзара керешеп торган мәгънәви-кулланылыш билгеләре дә булганлыктан, алар халыкның рухи һәм матди дөньясын да чагылдыра. Шуңа күрә алар арасындагы чикләрнең шартлы булуы аңлашыла ки. Бу үз чиратында китапның структур үзенчәлекләрендә дә чагылыш ала.

Хезмәттә материалны автор югарыда күрсәтелгән бүленешкә ярашлы урнаштыра. Беренче төркем сүзләргә ул ике бүлек багышлый: беренче бүлек «Кешенең әгъза атамалары һәм аларда мәгънә күчешләре» дип аталса, икенче бүлек «Кеше әгъзаларындагы билгеләрне чагылдыра торган лексика» дип исемләнгән. Икенче төркемгә карган сүзләр өченче бүлектә карала һәм «Кешенең холкын, эчке дөньясын, психик халәтен сурәтле торган сүзләр» дип билгеләнә. Өченче төркемгә карган сүзләр дүртенче бүлектә анализлана, ул «Татар халык медицина лексикасы һәм кайбер авыру атамалары» дип исемләнгән.

Тикшеренү тел белеме өлкәсеннән булганлыктан, «Кеше белән бәйле лексикада ясагыч кушымчалар» дигән бишенче бүлекнең аерым бирелүе дә аңлашыла һәм үзен аклый. Лексик берәмлекләренә анализлауда тел белеменең төрле өлкәләренә карган тикшеренү метод һәм алымнарын комплекслы куллану, лингвистик материалны кирәкле очракларда тарихи, этнографик, фольклористик мәгълүмат белән тулыландыру хезмәтнең отышлы якларының берсе, аның фәннилеген тирәнәйтүче факторлардан.

Игътибар үзәгендә булган китаптан аерым мавыктыргыч эчтәлекле сүзләргә тукталып тормастан, хезмәтнең бик тә вакытлы басма булын билгеләп үтәсе килә. Аның тагын бер әһәмияткә ия ягы – китапның татарча басылуында. Рус телен ярыйсы гына үзләштергән, үзара еш кына русча аралашучы буын булса да, туган телдә аның сүз байлыгы белән танышу күңелгә ятышлырак, ул сүзләренә аңлау, аларның матурылыгын тою өчен отышлы, безгә калса.

Бу тикшеренүнең татар тел белеме өчен теоретик һәм практик әһәмияте үтә зур: аның күләмле материалы һәм фәнни-теоретик нәтижәләре тел белеменең төрле өлкәләрендә, әдәбият белмендә, татар халкының дөнья картинасын өйрәнүдә, туган тел укытуда уңышлы кулланылырга мөмкин. Хезмәт белән танышу туган тел байлыгының кыйммәтен, сүзнең жәүһәргә тиңлеген аңлаучылар өчен бик тә файдалы булачак. Д. Б. Рамазановадан без тагын да шундый фәһемле яңа хезмәтләр көтеп калабыз.

Әдәбият

Рамазанова Д. Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. – Казан, 2013. – 364 б.

СУФФИКСАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ПРЕДМЕТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИБИРСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Суффиксальный способ образования наименований в татарском языке представляет собой образование новых слов при помощи суффиксов согласно его словообразовательным типам [Татарская грамматика, 1995, Т. 1: 197]. Этот способ образования очень продуктивен.

Словообразование в сибирскотатарском языке происходит также путем последовательного присоединения к основе словообразовательных суффиксов.

Суффиксы имен существительных многообразны. В современных исследованиях по татарскому словообразованию существует понятие «производительных и непроизводительных суффиксов». Под производительными суффиксами понимают те, которые в настоящее время образуют новые слова, словообразовательные типы с данными суффиксами представляют открытую систему. Непроизводительными называют суффиксы, которые в данное время не образуют новых слов, и словообразовательные типы с этими суффиксами представляют закрытую систему [Ганиев, 1974: 58, 59].

Рассмотрим наиболее характерные типы словообразований в сибирскотатарском языке на примере исследованных нами наименований предметов материальной культуры.

1. Производительными являются следующие словообразовательные типы:

1) основа + *-лык/-лек*. Данный суффикс чаще всего присоединяется к существительным. Он придает словам следующие значения: место, где хранятся хозяйственные предметы, обозначенные основами: *утынлык* «дровяник», *тубәлек* «навес, лабаз», *итлек* «амбар»; приспособление, предназначенное для части предмета, органа, обозначенных производящей основой: *қасанлык* «очаг, сложенный из кирпичей с вмазанным в него чугунным котлом», *ауыслық* «кудила», *пеләлек* «браслет»; материал, предназначенный для изготовления одежды, обозначенного производящей основой: *тунлык* «саван»;

2) основа + *-ма/-мә*. Это продуктивный суффикс существительных, присоединяется, как правило, к глагольным основам. Основа + *-ма/-мә* обозначает: названия строений: *тесмә* «забор из штакетника», *үрмә* «плетень», *шымә* «плетень», *пүлмә* «комната»; предмет, служащий для действия, отмеченного основой: *аңылма* «окно, открывающееся на две стороны», *қорма* «занавеска», *түшәмә* «половик; ковер», *йәймә* «простыня», *асма* «серьги»; названия ткани, одежды и их отдельных частей: *қорамә* «подстилка или одеяло, сшитое из цветных лоскутков в форме квадратов, треугольников, ромбов», *күшмә* «простыня, сшитая из лоскутьев», *күбемә* «стеганные ватные брюки», *түмә* «пуговица»;

3) основа + *-ғыц/-гец; -қыц/-кец*. Продуктивный суффикс существительных, присоединяется к глагольным основам, выражает значения приспособления, установки, орудия, механизма, предназначенных для действия, обозначенного производящей основой: *пасқыц/пацқыц* «лестница», *ултыргыц* «стул, сиденье», *қоргоц/занавеска*, *йабынғыц* «одеяло», *патыргыц* «грузило», *суққыц* «пест»;

4) основа + *-ақ/-әк, -к* – продуктивный суффикс, который, присоединяясь к глагольной основе, выражает значение орудия или средства, предназначенного для действия, указанного в основе: *көрәк* «лопата», *қармақ* «удочка; крючок», *ишкәк* «весло», *урақ* «серп», *иләк* «сито», *түшәк* «тюфяк»;

5) основа + *-ық/-ек/-оқ, -к* – продуктивный суффикс. Он, как правило, присоединяется к глагольным основам. В качестве примера в лексике материальной культуры можно привести слова со значением предмета, являющегося результатом процесса, движения, действия, указанного в основе: *итек* «сапоги» (< др. – тюрк. *ät* – «одевать»), *царық* «болотные сапоги, бродни» (< др. – тюрк. *ĉar* – «обматывать»);

6) основа + *-ца/-цә* – продуктивный суффикс. Основа + *-ца/-цә* обозначает приспособление, предмет, которые связаны со значением данной основы: *йоморца* «чайная чашечка», *табақца* «чайное блюдце», *пармақца* «перчатки»;

7) основа + *-гы/-ге; -қы/-ке* – продуктивный суффикс, присоединяется к глаголам. Выражает значение орудия или приспособления, предназначенного для действия, указанного в основе: *йуышқы* «умывальник», *ишке* «весло», *сосгы* «сачок», *қалатқы* «поплавок».

2. Также в сибирскотатарском языке имеется большое количество непроизводительных словообразовательных типов. Рассмотрим их.

1) основа + *-ақ/-әк, -к* – малопродуктивный суффикс. Он присоединяется к существительным, прилагательным, выражает значение предмета, в каком-то отношении близком к значению основы: *йомалақ* «чайная чашечка», *циләк* «ведро», «бочка», *томақ* «шапка-ушанка; малахай». В настоящее время данные слова являются нерасчленяемыми;

2) основа + *-гақ/-гәк; -қақ/-кәк/-кек* – малопродуктивный суффикс существительных. Глагол + *-гақ/-гәк; -қақ/-кәк/-кек* обозначает: приспособление, предназначенное для действия, обозначенного в основе: *ишкәк/ишкек* «весло», *пешкәк* «пахталка»; предмет, являющийся результатом указанного в основе действия: *қапқақ* «ворота», *йаргақ* «верхние рукавицы»;

3) основа + *-га/-гә; -қа/-кә* – малопродуктивный суффикс. В качестве примера здесь выступают слова, считающиеся непроизводными с точки зрения современного языка, но разложимые на компоненты в диахроническом плане: *қапқа* «ворота», *тилбегә* «вожжи», *тукә* «туес; солонка из бересты», *сырга* «серьги с подвесками»;

4) основа + *-тырық/-терек* – непродуктивный суффикс существительных. Слова с данным суффиксом выражают следующие значения: приспособление, предназначенное для части тела, обозначенного основой: *күмелтерек* «нагрудник (часть верховой сбруи)», *сагалтырық* «ремень под нижней частью узды»; деталь приспособления или орудия, предназначенного для действия, указанного в основе: *мәңкелтерек* «поплавок»;

5) основа + *-дық/-дек; -тық/-тек*. Присоединяется к глаголам, существительным. Слова с данным суффиксом выражают следующие значения: предмет, тесно связанный в каком-либо отношении со значением основы: *урынтық* «стул, табуретка»; предмет, являющийся результатом действия, выраженного в основе: *түшәнтек* «длинный узкий тюфяк, собранный из лоскутьев», *йастық* «подушка»; другие значения: *цымылтық* «полог, подвешивавшийся над постелью (чаще жениха и невесты)». Большинство таких слов с современной точки зрения являются непроизводными.

6) основа + *-ан/-ән, -н* – малопродуктивный суффикс. По этой модели образуются: слова, обозначающие предметы по признаку, указанному в основе: *цитән* «плетень», *сабан* «плуг»; слова, выражающие значение приспособления или орудия, предназначенного для отмеченного действия: *сүгән* «морда (рыболовная снасть)», *туан* «пруд; запруда; плотина», *ауан* «ступа для толчения зерна», *йурган* «одеяло». Все эти слова с точки зрения современного языка считаются непроизводными, так как их структуру можно установить лишь этимологическими экскурсами;

7) основа + *-мақ/-мәк* – малопродуктивный суффикс. Слова, образованные по данной модели, выражают следующие значения: орудие или приспособление, служащее для действия, отмеченного в основе: *насмақ* «капкан»; предмет, являющийся результатом указанного в основе действия: *үрмәк* «циновка, сплетенная из камыша»; предмет, характеризующийся признаком, указанным в основе: *еүмәк* «рукавицы, варежки», *тышмақ* «верхние рукавицы»;

8) основа + *-ман/-мән* – малопродуктивный суффикс существительных, является древним заимствованием. Данный суффикс встречается в немногочисленных словах. По всей вероятности, является контаминированным суффиксом. Он присоединяется и к существительным, и к глаголам. Существительные с данными суффиксами обозначают орудие или приспособление, служащее для действия, указанного в основе: *сүмән* «пешня», *көрөсмән* «парные весла», *тирмән* «мельница». В настоящее время данные слова не разлагаются на составные части, а их основы требуют разъяснения и этимологизации;

9) основа + *-а/-ә* – непродуктивный суффикс. Как правило, присоединяется к глагольным основам. По такой модели образованы слова, обозначающие: предмет или приспособление, служащее для действия, выраженного в основе: *тәрт (н) ә* «санки» (<*тәрт-* «тянуть»); другие предметы, характеризующиеся признаками, указанными в основе: *кимә/кәмә* «лодка» (< др. – тюрк. *кет* «река»).

Таким образом, образование названий предметов материальной культуры в сибирскотатарском языке осуществляется за счет внутренних ресурсов и на основе характерных для всех тюркских языков принципов и способов. Исследование способов словообразования имеет важное значение для изучения языка на современном этапе его развития с исторической точки зрения, а также для решения вопросов исторической лексикологии как татарского, так и других тюркских языков.

Литература

Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар: монография. Казань, 1994. 119 с.

Ганиев Ф. А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974. 321 с.

Сагидуллин М. А. Грамматика современного сибирскотатарского языка. Тюмень, 2014. 152 с. Татарская грамматика. В 3-х т. Казань, 1995. Т. 1. 583 с., Т. 2. 397 с., Т. 3. 576 с.

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. 256 с.

публикуется при поддержке РГНФ, грант № 14-04-00346 «Устойчивый словарный фонд тюркских языков»

Новгородов И. Н.

О СИБИРСКОТАТАРСКОМ УСТОЙЧИВОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ

Работа продолжает цикл публикаций об устойчивом словарном фонде (см. [Новгородов, 2014: 169–171]).

В публикации приводится устойчивый словарный фонд сибирских татар.

Словарный материал выписан из «Русско-сибирскотатарского словаря» (Тюмень, Мандр и К^а, 2010 г., 216 стр.), составленного М. А. Сагидуллиным.

Ниже представлен устойчивый словарный фонд согласно списка проекта «Типология заимствования»:

http://en.wikipedia.org/wiki/Leipzig%E2%80%93Jakarta_list

- 1 ant муравей (с. 79) *кымырыска*,
- 2 arm/hand рука (с. 157) *кул*,
- 3 ash зола (с. 56) *көл*,
- 4 back спина (с. 175) *йелткә, сырт*,
- 5 big большой (с. 21) *сур, оло*,
- 6 bird птица (с. 143) *кош*,
- 7 to bite укусить (с. 194) *цәйнәгәле, тешләгәле*,
- 8 bitter горький (с. 38) *аңы*,
- 9 black черный (с. 207) *кара*,
- 10 blood кровь (с. 68) *кан*,
- 11 to blow дуть (с. 44) *өргәле*,
- 12 bone кость (с. 66) *сөйәк*,
- 13 breast грудь (Сагидуллин М. А.) *имцәк*,
- 14 to burn (intransitive) гореть (с. 38) *йанкалы*,
- 15 to carry нести (с. 91) *ташыгалы*, (Сагидуллин М. А.) *алыпкылгәле, алыппаргалы*,
- 16 child (kinterm) ребенок (с. 154) *пала*,
- 17 to come приходиться (с. 136) *килгәле*,
- 18 to crush/to grind молотить (с. 77) *тарттыргалы*,
- 19 to cry/to weep плакать (с. 115) *сыктагалы*,
- 20 to do/to make делать (с. 41) *эшләгәле*,
- 21 dog собака (с. 170) *эт*,
- 22 to drink пить (с. 114) *эчкәле*,
- 23 ear ухо (с. 199) *колак*,
- 24 to eat есть (с. 46) *ашанкалы*,
- 25 egg яйцо (с. 215) *йомортка*,
- 26 eye глаз (с. 37) *күс*,
- 27 to fall падать (с. 110) *йыгылгалы*,
- 28 far далеко (с. 40) *ары, алыс*,
- 29 fire огонь (с. 99) *ут*,
- 30 fish рыба (с. 157) *палык*,
- 31 flesh/meat мясо (с. 79) *ит*,
- 32 fly муха (с. 79) *цәргәй*,
- 33 to give давать (с. 40) *пиргәле*,
- 34 to go идти (с. 57) *паргалы*,
- 35 good хороший (с. 203) *йакшы*,
- 36 hair волосы (с. 29) *цац*,
- 37 hard твёрдый (с. 184) *каты*,
- 38 he/she/it/him/her он (с. 101) *ул*,
- 39 to hear слышать (с. 168) *эшеткәле*,
- 40 heavy тяжелый (с. 189) *ауыр*,
- 41 to hide прятать (Сагидуллин М. А.) *йәшергәле*,
- 42 to hit/to beat бить (с. 19) *суккалы*,
- 43 horn рог (с. 156) *мөйөс*,
- 44 house дом (с. 43) *өй*,

- 45 I/меня (с. 215) *мин*,
 46 inv аффикс местного падежа *-та/-тә*
 47 knee колено (с.65) *тубык*,
 48 to know знать (с. 56) *пелгәле*,
 49 to laugh смеяться (с. 169) *көлгәле*,
 50 leaf лист (с. 71) *йапрак*,
 51 leg/foot нога (с. 93) *айак*,
 52 liver печень (с. 114) *пауыр*,
 53 long длинный (с. 41) *оссон*,
 54 louse вошь (с. 30) *пет*,
 55 mouth рот (с. 156) *ауыс*,
 56 name имя (с.59) *исем*,
 57 navel пупок (с.144) *кентек*,
 58 neck шея (с. 210) *пуйын*,
 59 new новый (с. 93) *йаңа*,
 60 night ночь (с.93) *төн*,
 61 nose нос (с. 93) *порон*,
 62 not нет (с. 92) *йүж*,
 63 old старый (с. 177) *карт*,
 64 one один (с. 99) *пер*,
 65 rain дождь (с. 42) *йаңкыр, йауын*,
 66 red красный (с. 67) *кысыл*,
 67 root корень (с. 66) *тамыр*,
 68 rope веревка (с. 25) *пау*,
 69 to run бежать (с. 15) *йөгөргәле*,
 70 salt соль (с. 173) *тос*,
 71 sand песок (с. 114) *ком*,
 72 to say сказать (с. 165) *әйткәле*,
 73 to see видеть (с. 27) *күргәле*,
 74 shade/shadow тень (с. 184) *күләгә*,
 75 skin/hide кожа/ шкура (с. 64) *тире*,
 76 small маленький (с. 74) *кеçкенә*,
 77 smoke дым (с. 45) *төтөн*,
 78 soil почва (с. 128) *тупрак*,
 79 to stand стоять (с. 179) *торгалы*,
 80 star звезда (с. 54) *йылтыс*,
 81 stone/rock камень (с.62) *таш*,
 82 to suck сосать (с. 174) *имкәле*,
 83 sweet сладкий (с. 167) *цөцө, татлы*,
 84 tail хвост (с. 202) *койрок*,
 85 to take брать (с.21) *алгалы*,
 86 thick толстый (с. 186) *калын*,
 87 thigh бедро (с. 15) *пот*,
 88 this это (с. 214) *ны*,
 89 to tie завязывать (Сагидуллин М. А.) *пәйләгәле*,
 90 tongue язык (с. 215) *тел*,
 91 tooth зуб (с. 56) *теш*,
 92 water вода (с. 28) *сыу*,
 93 what? что? (с. 208) *нимә, ней*,
 94 who? кто? (с. 69) *кем*,
 95 wide широкий (с.210) *киң*,
 96 wind ветер (с. 26) *йел*,
 97 wing крыло (с. 68) *канат*,
 98 wood древесина (с. 41) *агац*,
 99 yesterday вчера (с. 32) *киңә*,
 100 you (singular) ты (с. 189) *син*.

Установлено, что, в основном, изучаемый устойчивый словарный фонд восходит к тюркской лексике или образован на её базе. Примеры:

1 ant 'муравей' *кымырыска*, ср. як. *кымырдагас*;

2 arm/hand 'рука' *кул*, ср. др.–тюрк. *qol*;

3 ash 'зола' *көл*, ср. др.–тюрк. *kül*;

27 to fall 'падать' *йыгылгалы*, ср. турк. *аг-*;

42 to hit/to beat 'бить' *суккалы*, ср. хак. *сох-* 1) бить кого-либо; 2) заколоть на мясо и т. д.

В анализируемом устойчивом словарном фонде обнаруживаются заимствования наряду с синонимами тюркского происхождения, примеры:

5 big 'большой' *сур* (<перс. *zūr*; *zor* 'сила, мощь'), ср. *оло* < тюрк.: др.–тюрк. *ulu*;

28 far 'далеко' *алыс* < монг. *алс* 'даль, горизонт', 'далекий', 'далеко', ср. *ары* < тюрк.: др.–тюрк. *iraq*;

56 name 'имя' *исем* < араб. *ism*, ср. *ат* < тюрк.: др.–тюрк. *at*.

Как показывает анализ, сибирскотатарский устойчивый словарный фонд восходит к тюркскому лексическому фонду и в нём обнаруживаются процессы иноязычного влияния.

Литература

Новгородов И. Н. Об устойчивом словарном фонде в изучении дивергенции праязыка. – Сулеймановские чтения (семнадцатые): Всерос. науч.–практ. конф. «Культурное и этническое многообразие тюркского мира» (Тюмень, Тюменский государственный университет, 30–31 мая 2014): материалы и докл. Под общ. ред. Х. Ч. Алишиной. – Тюмень: типография «Печатник», 2014. – 311 с. – С. 169–171.

Нурмухаметова Р. С.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОТИВОВ «БӘХЕТ – КАЙГЫ» В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, проект № 14-14-16019

В современной лингвистике проблема языковой личности является одной из центральных. Интерес к языковой личности поставил перед учеными ряд новых проблем, среди которых центральное место занимает проблема выявления лексики, непосредственно связанной с внутренним состоянием человека.

Внутреннее состояние личности связано с психологическим и эмоциональным опытом человека. Данная статья посвящена изучению отдельных лексических единиц татарского языка, выражающих человеческие чувства и эмоции как способ отражения внутреннего состояния языковой личности. В работе делается попытка описания национально-культурной специфики некоторых эмотивов.

Эмоции выступают как язык внутреннего мира человека, их можно рассматривать как особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в виде переживаний (приятных, неприятных) отношения человека к окружающей действительности, к людям. Любое проявление активности человека сопровождается его эмоциональным переживанием, благодаря эмоциям люди лучше познают друг друга, легче общаются [Забавнова].

К. Изард указывает две причины появления эмоций: «Одной из причин возникновения человеческих эмоций в ходе эволюции была необходимость обеспечить социальную связь между матерью и ребенком. Другой причиной возникновения эмоций была насущная необходимость в средствах коммуникации между матерью и ребенком, так же как и между взрослыми людьми» [Изард: 7]. Далее он пишет: «Эмоции необходимы для выживания и благополучия человека. Не обладая эмоциями, то есть не умея испытывать радость и печаль, гнев и вину, мы не были бы в полной мере людьми. Эмоции стали одним из признаков человечности» [Изард: 8].

Таким образом, люди с древних времен испытывали такие чувства как радость, горе, любовь, грусть и др. Они выражаются как вербальным, так и невербальным способом. Вербализация эмоций осуществляется преимущественно на лексическом и фразеологическом уровнях.

Исследуя фразеологические единицы татарского языка, обозначающие состояние человека, Ф. Р. Сибгаева выделяет следующие группы: «1) обозначающие физическое состояние человека:

болезнь, усталость, голод, холод, опьянение <...>; 2) обозначающие психологическое и моральное состояние человека: радость, печаль, любовь и др. <...>» [Сибгаева].

В результате проведенного исследования материала турецкого языка, А. М. Тузлу лексико-фразеологические единицы делит на средства отражающие: «отрицательные эмоции: страх, испуг, боязнь, ужас, паника, тревога, волнение, беспокойство, страдание, раздражение, гнев, ярость, грусть, печаль, скука, уныние, тоска, стыд, смущение; нейтральные и положительные эмоции: удивление, изумление, радость, счастье, удовольствие, удовлетворение, влюбленность, любовь» [Тузлу: 74]

Для данного исследования отобраны наиболее яркие, на наш взгляд, эмоциональные состояния человека в противоположных проявлениях: бәхет – кайгы (счастье – горе). В качестве лексикографического источника использовались толковый словарь (2005), словарь антонимов (2005), краткий историко-этимологический словарь татарского языка (2001), словарь синонимов (1999) и другие словари татарского языка.

Бәхет (счастье) в татарском языке является многозначным словом: 1) чувство сильного и полного удовлетворения; 2) успех, везение, удача, благо; 3) источник пробуждения сильных положительных эмоций, чувства блаженства [ТТАС: 104]. Слово было заимствовано из арабского языка: تبح – 1) судьба, фортуна; 2) счастье, везение [ГТРАС: 44]. Несмотря на иностранное происхождение, лексема заняла устойчивое положение в лексике татарского языка и остается в активном употреблении. Синонимический ряд представлен лексемами *сәгадәт*, *бәхет-сәгадәт*, *котлык*, *кот*, *рыскал*, *ураз*, *талигъ* [СС: 23]. Среди данных единиц присутствуют заимствованные единицы и устаревшие слова. *Сәгадәт* нынче встречается только в книжном стиле, заимствован из арабского языка, где تداعس – существительное в значении «счастье, благополучие, преуспевание, успех» [ГТРАС: 515]; *талигъ* علاط – в арабском языке: счастливая судьба, доля; счастливая звезда [ГТРАС: 541], в современном татарском языке является устаревшим словом, которое имело значение «положительные качества человека» [ТТАС: 511].

Кот – от общетюркского слова *кут* – «душа, уют; счастье». Монгольское и эвенкийское *хуту*, *куту*; хантыйское *куут* «кот» также могут быть заимствованы из тюркских языков [ТТКТЭС: 114].

Рыскал «счастье» встречается в разных фонетических вариантах во многих языках: в чувашском *араскал*, *ерескел*; в марийском *рыскал* «счастье; доля», каракалпакском *ырыскал*, киргизском *оразгар* «богатство» и т. п. [ТТКТЭС: 165].

Ураз «бог счастья у древних кипчаков» – от древнеиранского слова *роуз*, *руз* «день; свет; счастье». Встречается в тюркских языках в разных вариантах *ороз*, *ораз*, *оруз*, *урус*, *ырыс* и т. п. [ТТКТЭС: 219].

Активное употребление лексемы *бәхет* во фразеологическом и пословичном фонде доказывает его огромное значение в татарской языковой картине мира: *бәхетне сатып алып булмый* – счастье на (за) деньги не купишь; *бәхет басу* – повезти; *бәхет ишеге (капкасы) ачылу* – удача улыбнулась; *бәхет йолдызы* – источник счастья, звезда счастья; *бәхет кошы* – птица счастья, жар-птица и др. [ТРС I: 223].

Антонимом данного понятия является *кайгы* (горе). Однако частое употребление лексемы в языке способствовало появлению контекстуальных антонимов: *бәхет* – *бәхетсезлек*, *бәхет* – *газап*, *бәхет* – *золым*, *бәхет* – *ләхет*, *бәхет* – *үкенеч* и т. п. [АС: 46–47]. «Значение этого слова связано с глубокими психическими переживаниями, духовными муками, страданиями кого-либо», «предполагается, что оно образовано от древней тюркской глагольной основы *кад- со значением удивляться, озадачиться» [Замалетдинов: 201]. Будучи важным концептом внутреннего состояния человека, данная лексема имеет достаточно богатый ряд синонимов: *хәсрәт*; *кайгы-хәсрәт*; *кайгы-сагыш*; *сагыш*; *кәенеч*; *бәла*; *зар*; *хафа*; *гамь*; *ваем*; *исәп*; *уй*; *ачы*; *азап*; *михнәт*; *авырлык* [СС: 50]. Среди данных единиц также встречаются арабские заимствования: *хәсрәт* خسرس – горе, боль, томление, тоска [ГТРАС: 685], *бәла* الب – беда, несчастье [ГТРАС: 41], *гамь* م غ – печаль, скорбь, горечь [ГТРАС: 78], *азап* (от *газап* – باذع – мука, страдание) [ГТРАС: 65], *хафа* افخ – грусть, тоска, беспокойство [ГТРАС: 687], *михнәт* تنحم – бедствие, страдание, тягость [ГТРАС: 263]. *Сагыш* (тоска, печаль), *ваем* (забота, беспокойство), *кәенеч* (горе, печаль, скорбь; тоска, грусть, кручина), *исәп* (забота, беспокойство), *ачы* (перен. тяжелое чувство, рожденное от несчастья, бед, неудач и т. п.) являются тюрко-татарскими словами.

Лексема *кайгы* часто встречается в составе фразеологизмов и пословиц: *кайгы басу* – постигло горе, скорбь; *кайгы йоту* – скорбеть, горевать; *кайгы кичерү* – скорбеть, горевать и т. п. [ТРС I: 512].

Словообразовательный потенциал данной лексемы также говорит о его значимости для носителей языка: *кайгылы* (скорбный, горестный, печальный), *кайгырту* (печалить, опечалить, удручать),

кайгыру (горевать, печалиться, скорбеть), кайгысыз (без горя, без печали), кайгысыз-гамьсез (беззаботно, беспечно), кайгырулы (горестный, печальный) и т. п.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в сознании носителей татарского языка внутренний мир языковой личности представляется богатой и сложной системой. Являясь составной частью культуры этноса, эмоции обладают некоторыми специфическими чертами, что объясняется имеющейся у народа картиной мира: субъективного образа окружающей действительности. В частности, национально-культурная специфика эмоций (в нашем случае бэхет – кайгы) проявляется в том, что их универсальные характеристики по-своему оцениваются и осмысливаются народом.

Литература

Забавнова О. В. Вербализация эмоциональных состояний человека в английском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12. Ч. 1. – С. 71–73.

Замалетдинов Р. Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. – Казань: Магариф, 2009. – 351 с.

Изард К. Э. Психология эмоций / Пер. с англ. – СПб., 1999. – 464 с. [uchebniki-besplatno.com/klinicheskaya... izard...](http://uchebniki-besplatno.com/klinicheskaya...izard...)

Сибгаева Ф. Р. Вербализация эмоций и чувств человека во фразеологии // Лінгвістика. Лінгвокультурологія. – Днепропетровск, 2013. http://kpfu.ru/staff_files

Тузлу А. М. Лексико-фразеологические средства выражения эмоций в турецком языке // Филология и культура. Philology and culture. – 2012. – № 3 (29). – С. 73–77.

Словари

АС–Сафиуллина Ф. С. Антонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 2005. – 235 б.

ГТРАС–Мәхмүтов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге: Ике томда. Т. 1. – Казан: Иман, 1993. – 448 б.; Т. 2. – Казан: Иман, 1993. – 449–853 б.

СС–\$5анбикова Ш. С., Сафиуллина Ф. С. Синонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 1999. – 255 б.

ТРС – Татарско-русский словарь: В 2-х т. – Казань: Алма-Лит, 2007. – Т. 1 (А-Л) – 725 с., Т. 2 (М-Я) – 727 с.

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 842 б.

ТТКТЭС – Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

Өтепова Ж. С.

ЭПОСТЫҚ ЖЫРЛАРДАҒЫ ТАРИХИ СӨЗДЕР

Эпостық жырлар ішінде «Қозы Көрпеш – Баян сұлу» және «Қыз Жібек» жырларының алар орны ерекше. Осы эпостық жырларда мағынасы күңгіреттенген қару атауларына қатысты тарихи сөздер көптеп кездеседі. Қару атаулары – ұлттық мәдениеттің ерекше феномені. Халықтың дәстүрлі түсінігінде қару-жарақ тек соғыс құралы ғана емес, қарудың барлық түрі этностың өмір динамикасының айрылмас элементі, олар өздерінің түрлі тұрмыстық және әлеуметтік функциялары арқылы этностың өмір сүру процесіне біріккен.

Осы қару атауларының ішінде жырларда жиі кездесетін мағынасы күңгірттенген сөз – семсер.

Алтын балдақ, ақ семсер

Саған арнап соқтырып.

Салдырып қойдым қынапқа,

Аш беліңе ілгейсің.

ҚТТС-де: «Семсер – болаттан соғылған екі жүзді қылыш» [ҚТТС, 1964: 132].

Осы семсер атауы туралы белгілі тарихшы ғалым Қалиолла Ахметжанов «Қазақтың дәстүрлі қару-жарағының этнографиясы» монографиясында: «Басы ұзын кесу қаруының негізгі үш түрі бар. Басы екі жүзді, түзу болып келген кесу қаруының бір түрі – семсер. «Семсер» арабтың «шамшир» сөзінің (екі жүзді кесу қаруы атауының) өзгерген түрі, бұл атау түркі халықтырының тіліне ислам дінімен бірге кіріп кеткен. Шығыста (иран-индия халықтарының тілінде) «шамшир»/ «шемшир» – қылыш түрінің атауы ретінде қолданылады. Кейде қылышты «семсер» деп атау қазақ ауыз әдебиетінің үлгілерінде де кездеседі» деп жазылған [Ахметжанов, 2006: 102].

*Жау дегенде жайнатып,
Толгамалап қолыңа ал
Қозы жауырын жебені.*

ҚТТС-де: «жебе – ир. садақ оғы» [ҚТТС, 1964: 44].

Бұл сөзге қатысты ғалымдар пікірі әрқилы. Қазақ тіліндегі көнерген сөздердің төркінін, семантикасын зерттеуші ғалым Р. Сыздық «Сөздер сөйлейді» атты еңбегінде былай деп жазады: «Бір қызық жайт – қазақ тілінде көне қарулардың бірі – садаққа (жаққа) қатысты атаулардың көбі күні кешеге дейін бірнеше, ең кемі екі вариантты болып келеді. Мысалы, садақтың оғы *оқ* деп те, *жебе* деп те аталған. Екеуі де поэтикалық тілде қатар қолданылған: *қозы жауырын оқ, сай кез оқ, сары жебе, күшіген жүнді сұр жебе, қызыл сырлы жебе*.

Кейбір кітаптарда, мысалы, Махамбет жинақтарында *жебе* сөзі «садақ оғының қыры» деп түсіндірілсе, қазақ тілінің екі томдық түсіндірме сөздігінде *жебе* – «садақ оғының масағы» деп анықталады (ал масақ сөзінің өзін «садақ оғының ұшы» деп түсіндіреді), сонда *жебе* – садақ оғының ұшы (!) болып шығады. Дұрысында *жебе* – оқтың өзі. Мұны батырлар жырында қайталанып келетін:

*Көп оғының ішінде
Сұр жебе деген оқ алды, –
деген жолдар дәлелдей түседі.*

Оқ пен *жебе* сөздері бір мағынадағы синонимдер. Егер *жебе* сөзі контекске қарай оқтың ұшын білдіретін болса, ол – ауыспалы мағынасы. Осыдан барып садақтың оғы сияқты үшкір, ұшы сүйір нәрсені де, мысалы, найзаның өзін немесе ұшын *жебе* деп атау пайда болған.

Жебелі найза қолға алсын...

Алты қырлы ақ жебе

Шаныша алмасам, маған серт! –

дегендердегі *жебе* – найза немесе найзаның ұшы» [Сыздық, 2004: 78].

Ал батырлардың қару-жарақтарының атауын арнайы зерттеген ғалым Қ. Ахметжанов еңбегінде: «Отты қару пайда болғанша көшпелілер батырлары қолданған ататын қару түрінің қазақ тілінде бірнеше атауы бар. Олар – «жақ», «жай» (жа), «садақ», «адырна» сөздері.

Жақтың атылатын оғы – «**жебе**». Басқа түркі халықтарының тілінде бұл атаудың қолданылуына қарағанда, «жебе» деп оқтың темірден жасалып қалатын бөлігін атап, кейін негізгі бөлігінің атауы оқтың жалпы атауы ретінде қолданыла бастаған. Түрік тілінде «жебе» деп темір сауытты да атаған (Мебде-и канун), хакас тілінде «жебе» – оқтың темір басы. Қазақ тілінде де найзаның темір басы «жебе» деп аталады. Бұдан біз «жебе» сөзі оқтың өзі емес, темірден жасалатын бөлігінің атауы екенін көреміз. Енді оқтың бөліктерінің жеке атауына келейік. Оқтың қадалатын бөлігі – «басы», темір бөлігі – «жебесі», ағаштан, қамыстан жасалып жебе бекітілетін бөлігі – «сабы», оның ортасы – «белі», төменгі жағы – «масағы» – деп жазылған [Ахметжанов, 1996: 54].

Байқаған болсақ, Қ. Ахметжанов жебені оқтың ұшының атауы, ол кейіннен уақыт өтуіне қарай қолданыс аясы кеңейіп оқтың өз атауына айналған деп жазса, Р. Сыздық оны оқтың өз атауы, ал оқтың ұшының атауы болуы оның ауыспалы мағынасы деп есептейді. Біз батырлар қару-жарағын арнайы зерттеуші ғалым болғандықтан, Қ. Ахметжанов пікіріне қосыламыз. Ал сөздің біз қарастырып отырған контекстке сәйкес келетін мағынасы – оқтың өз атауы.

Ұлтымыздың өткен өмірінен, тарихы мен мәдениетінен сыр шертетін, эпостық жырларымыздың шыңы деп есептеуге болатын «Қыз Жібек» және «Қозы Көрпеш Баян сұлу» жырларындағы түп төркіні айқындалған тарихи сөздер осылар.

«Қозы Көрпеш – Баян сұлу» жыры мен «Қыз Жібек» жыры нұсқаларында түп төркіні айқындалған тарихи сөздермен қатар, түп төркіні ашылмаған мағынасы күнгірт тарихи сөздер де кездеседі. Бірақ олар саны жағынан аз. Бұл тарихи сөздер туралы көнерген сөздерге қатысты еңбектерде де, түсіндірме сөздіктерде де мәлімет жоқтың қасы. Енді соларға кезек берсек.

Тарихи сөздерге дәстүрлі шен атаулары да жататыны белгілі. Солардың бірі – «манап». Бұл сөзді «Қозы Көрпеш – Баян сұлу» жырындағы мынадай жолдардан кездестірдік:

Ордасы Сырлыбай ханның – сегіз қанат,

Жарасқан хандығына көп салтанат.

Аулының сыртында бір төбеде

Отырған кәрі-жасы өңкей манап.

ҚТТС-де: «манап – зат.көне. феодалдық-рулық қоғам кезіндегі үстем тап өкілі, ақ сүйек» – деп жазылған [ҚТТС, 1964: 119]. Бірақ оның нақты қандай шен екендігі, бұл лауазым иесі қандай қызмет атқарғандығы жөнінде мәлімет таба алмадық.

Жырларда сонымен қатар оқ атауына қатысты мағынасы ашылмаған тарихи сөз де бар. Ол – «қырық кез оқ» сөзі.

*Айбас құл оқ атуға оңтайланды,
Қырық кез оқтың біреуін қолына алды.
Сегіз құлдың он алты атын атып,
Итішпестің бойында жаяу қалды.*

Бұл сөздің оқтың, яғни жебенің атауына қатысты екендігі айтпаса да түсінікті. Бұл атау құрамындағы «кез» сөзі өлшем атауы болып саналады. Кез – 71,12 см. – ге тең екен [Манкеева, 2008: 309]. Осыған байланысты қырық кез деп қарастырар болсақ, ол оқ емес ұзындығы отыз метрден асатын темір болып кетеді. Ал «Қозы Көрпеш – Баян сұлу» жыры қиял-ғажайып оқиғалар араласқанымен, тарихи эпос. Сондықтан қарапайым кейіпкердің ондай қарумен атуы мүмкін емес. Біздіңше, «қырық» «жеті», «он үш» сандары сияқты қасиетті сан ретінде саналған ғой. Бұл қару атауына да қасиеттілік, күштілік мән үстеу үшін қолданылған. Себебі қазақтар қазіргі қолданыста да «бір айтқаныңды қырық айттың ғой» деп жатады. Шынында ол қырық рет айтпайды, бірнеше рет қана, ары кетсе екі-үш рет айтуы мүмкін. Қырық сөзінің осы қару атауына байланысты қолданысы да осы жағдайға сәйкес келсе керек. Сонда «қырық кез оқ» дегеніміз ұзындығы 71,12 см. – ге тең ату күші жоғары оқ атауы болуы мүмкін.

Сонымен қатар «Қыз Жібек» жырындағы төмендегі жолдарда «лама-ноқа лақы» сөзі кездеседі:

*Қорен аттан құлады,
Туы қолдан жығылды!
«Лама-ноқа, лақы» деп,
Пәле қалмақ сұлады.*

Бұндағы үш сөздің да мағынасы түсініксіз. Біздіңше, бұл сол қалмақ тіліндегі сөз болса керек. Тек түсіндірме сөздіктен «лама» сөзіне қатысты мынадай мәлімет таптық: «Лама – зат. Будда дінінің сопысы, дін басы. Ламаизм – Тибет пен Ішкі Монғолияға, Монғол Халық Республикасына, Непол мен Үндістанның кейбір аудандарына тараған буддизм дінінің бір тармағы» [ҚТТС, 1964: 50]. Ажал аузындағы пенденің есіне өзі сенетін жаратқан иесін алатыны белгілі. Сондықтан жырдағы қалмақ кейіпкердің өз иесіне табынып айтқан сөзі шығар деп ойлаймыз.

Сонымен, біз қарастырып отырған жырлардағы түп төркіні ашылмаған, мағынасы күңгірт тарихи сөздерді жоғарыда санамалап көрсеттік. Бұл сөздердің мағынасы табылмағанмен, халқымыздың өткен тарихынан, мәдениетінен сыр шертетін сөздер болғандықтан, семантикасын тауып, тілдік қолданысқа енгізсек нұр үстіне нұр болар еді. Бірақ оны уақыт еншісіне қалдырдық.

Әдебиеттер:

Ахметжанов Қ. С. Жараған темір кигендер: Батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері. – Алматы: Дәуір, 1996. – 256 б.

Ахметжанов Қ. С. Қазақтың дәстүрлі қару-жарағының этнографиясы. – Алматы: Алматыкітап, 2006. – 240 б.

Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. I–X томдар. – Алматы: Ғылым, 1964–1978.

Манкеева Ж. А. Қазақ тіліндегі этномәдени атаулардың танымдық негіздері. – Алматы: Жібек жолы, 2008. – 356 б.

Сыздық Р. Сөздер сөйлейді. – Алматы: Санат, 2004. – 189 б.

Разумкова Н. В.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАКТИКИ ИНТЕНСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ РЕЧЕВОМУ ОБЩЕНИЮ В СИСТЕМЕ РКИ

Обращение к заявленной теме продиктовано не столько исследовательским интересом автора, сколько образовательной практикой: обучение китайских студентов русскому речевому общению на продвинутом этапе, когда они сдали экзамен на владение русским языком первого и второго сертификационных уровней. В данной работе мы ставим задачу: рассмотреть вопрос, на каком лингводидактическом материале можно учить иностранных учащихся эффективной коммуникации с носителями русского языка.

В качестве отправной точки определим используемые в работе терминологические понятия. В самом широком толковании дискурс – речь, погружённая в жизнь; контекст обмена информацией, ситуация приятия [Прохоров, 2004: 9–46]. Другими словами, дискурс – реальная коммуникация, действительность, в сфере которой она осуществляется, и текст, обеспечивающий языковую основу общения. Все три составляющие должны присутствовать в структуре и содержании интенсивного курса обучения речевому общению.

Под художественным дискурсом мы понимаем, вслед за [Тюпа, 2002: 55], коммуникативное событие, т.е. нераздельное со-бытие субъекта, объекта и адресата единого высказывания. На наш взгляд, дидактически целесообразно использование художественного дискурса на занятиях по интенсиву, так как это способствует не только расширению лингвокультурологического кругозора иностранных студентов, но и воздействует на духовное пространство (совокупность ценностей, представлений, идейных парадигм, общекультурных феноменов). Привлекая в учебную сферу индивидуально-авторские эстетические и социальные ценности, знания о мире и отношении к действительности, систему убеждений, верований, чувств, тем самым можно вызвать у студентов определенную эмоциональную реакцию. Собственно, для и этого и предназначен интенсивный курс речевого общения в системе РКИ, предметом которого выступают русский человек и русская культура, предложенная через русский язык. Цель курса – двояка: 1) освоение русской языковой картины мира; 2) раскрытие языковых способностей «вторичной языковой личности».

Проиллюстрируем вышесказанное на следующем примере. Считаем логичным представить в одном контекстуальном поле двух известнейших поэтов XIX и XX вв. – Константина Батюшкова и Мусы Джалиля. Первым импульсом к тому, чтобы соединить парадигмой сопоставления русского поэта и татарского, было сходство индивидуальных коллизий авторской судьбы: под воздействием патриотического чувства они оба заменили перо оружием и сражались за освобождение Родины.

Предметом данной статьи является рассмотрение возможности включения художественного дискурса в структуру и содержание обучения РКИ с целью развития коммуникативных навыков и умений. В качестве единицы обучения были выбраны произведения, связанные с размышлением поэтов о трагических событиях времен Отечественной войны 1812 г (Батюшков «К Дашкову») и Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (Муса Джалиль «Варварство»), свидетелями которых они были.

В стихотворениях задана тема памяти, репродуцирования культурного опыта и судьбы человечества. Поэтические тексты могут служить преподавателю учебным материалом «высшей пробы». Обладающие большой художественной ценностью, гуманистическим потенциалом, они влияют на повышение заинтересованности студентов в изучении русского языка и литературы. В эмоционально-образной форме затронуты вопросы войны, сострадания, справедливости в разные периоды мировой истории.

На первом этапе работы студентам предлагается ознакомиться с хронологией жизни и творчества поэтов.

Константин Николаевич Батюшков (1787–1855 гг.). В 2015 отмечается печальная круглая дата – 160-летие со дня смерти поэта.

1802–1806 – служил в министерстве народного просвещения; принимал участие в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств.

1807 – записался в ополчение, участвовал в боях, получил тяжелое ранение в Пруссии.

1812 – участвовал в исторической битве под Лейпцигом; присутствовал при капитуляции Парижа.

1817 – выпустил итоговые «Опыты в стихах и прозе».

Муса Мустафович Джалиль (Залилов) (1906–1944 гг.).

1927 – поступил в МГУ на литературный факультет.

1941 – ушел на фронт; служил сотрудником фронтовой газеты «Отвага» на Волховском фронте.

1942, 26 июня – был ранен, попал в плен; переведен в концлагерь Шпандау; по доносу провокатора переправлен в тюрьму Моабит в Берлине.

1956, 2 февраля – посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

1957 – цикл стихов «Моабитские тетради» был удостоен Ленинской премии.

На втором этапе студенты знакомятся с текстами стихотворений: «К Дашкову» Батюшкова и «Варварство» М. Джалиля из «Моабитских тетрадей». Поставлена задача: проследить процесс освоения исторической памяти в лирике русского поэта XIX века и татарского поэта советской эпохи.

В батюшковском послании литератору Д. В. Дашкову (1788–1839) нарисована картина народного бедствия во время нашествия наполеоновских войск на Москву, свидетелем чего был поэт: *Мой друг! Я видел море зла И неба мстительные кары; Врагов неистовых дела, Войну и гибельны пожары <...> Я видел бледных матерей, Из милой родины изгнанных! Я на распутье видел их, Как, к персям чад прижав грудных, Они в отчаянье рыдали, И с новым трепетом взирали На небо рдяное кругом...* В 62 строфах поэт описывает горечь утраты друзей, поругание святынь в белокаменной столице – «все осквернено шайкой варваров – остроумнейших французов». Идея европеизации России как путь достижения социальной гармонии, которой Батюшков был верен, рухнула. События 1812 года обострили драматизм мировосприятия Батюшкова.

Через 130 лет вступает в права другая реальная история варварства, которую запечатлел татарский поэт Муса Джалиль. Несмотря на уникальность собственных ощущений, обнаруживается поразительное сходство в передаче существующей угрозы цивилизации, тревоги за судьбу человечества. При несомненном различии эстетических установок и художественного почерка у поэтов единый масштаб видения преступлений против гуманизма, возникающий под влиянием, как фактора биографии, так и таланта. Муса Джалиль так же не может забыть расстрел матерей с младенцами на руках в немецком лагере: *Они с детьми погнали матерей И яму рыть заставили, а сами Они стояли, кучка дикарей, И хриплыми смеялись голосами. У края бездны выстроили в ряд Бессильных женщин, худеньких ребят. Пришел хмельной майор и медными глазами Окинул обреченных...* В ёмких, предельно выразительных 72 строках поэт повествует о варварстве народа просвещенной Европы, которую принято называть «колыбелью культуры». Как завещание, звучат заключительные строки на фоне величайшей катастрофы XX века: *Пусть уничтожат беспощадно Тех варваров, тех дикарей, Что кровь детей глотают жадно, Кровь наших матерей...* Именно так, как залог жизнеспособности воспринимается проклятие фашизму.

Третий этап работы проходит под рубрикой «Давай обсудим!». Предлагаются следующие вопросы и задания: 1) В чем вы видите гуманизм стихотворений? 2) Какие черты характера воплощены в образе матери в данных стихотворениях? 4) Какова авторская позиция в отношении к врагу? 5) Определите и конкретизируйте такие абстрактные понятия как «варварство», «правда», «война», «мир».

Таким образом, дидактическая цель обучения РКИ на основе художественного дискурса может быть определена как формирование лингвистической, общекультурной и коммуникативной компетенции в процессе распознавания, размышления, обсуждения, обобщения полученных знаний. Благодаря информации лингвострановедческого и литературоведческого характера расширяется филологический кругозор обучающихся. Лексическая составляющая текстов стихотворений дает им возможность активно использовать языковой материал с целью организации дискуссии, обмена своими мыслями. Чтение и анализ, последующее обсуждение создает условия для возникновения эмоционально-оценочной реакции на прочитанный текст, тем самым, приобщает иностранных студентов к системе культурных ценностей носителей языка, формирует мировоззренческую позицию в понимании исторических событий и реалий современного мира.

Литература

Батюшков Константин. Беседка муз: Стихи и проза / сост., вступ. ст. и прим. Г. Филиппова. Л.: Детская литература, 1987. 126 с.

Джалиль Муса. Костер над обрывом / пер. С. Липкина. М.: Правда, 1987. 576 с.

Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие. М.: Изд-во «Флинта» 2009. 224 с.

Тюпа В. И. Художественный дискурс: монография. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2002. 80 с.

Рамазанова Д. Б.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Диалектная система татарского языка включает в себя *западный* (мишарский), *средний* (казанско-татарский) и *восточный* (тоболо-иртышский, барабинский, томский) диалекты. Из них *средний* является опорным диалектом татарского литературного языка, особенно его фонетической системы и лексического состава, в сложении же грамматического строя литературного языка большую роль сыграл *западный* диалект.

Основные лексические, фонетические и грамматические особенности татарского языка были заложены еще в древнетюркском языке, многие элементы которого, хотя и неравномерно, продолжают бытовать в говорах современного татарского языка.

В ходе развития татарского литературного языка некоторые традиционные формы были утрачены, но они сохранились в говорах и рассматриваются как диалектальные явления: употребление *ә* вм. лит. *и* (*нәк* – ник ‘зачем’, *мәңа* – миңа ‘мне’, *кәрәк* – кирәк ‘нужно’), узкий вариант исх. падежа (*алладин* – алладан ‘от бога’, *баргачтин* – диал. баргачтан/баргачтын ‘после того, как ходил’), глагольные формы -ды/-де + исә (*килде исә* – килгәч или килсә), – мага/-мәгә, – макка/-мәккә (бармага, бармакка ‘идти’), *барамсын* (барасыңмы ‘идешь ли’), – ды + иде (*бардым ий* – лит. барган идем ‘ходил было’), взаимозаменяемость показателей -ның и –ныкы (*сән бәнең* – син минеке ‘ты моя’), ряд диалектизмов (*мән-мәнлек* ‘тщеславие, спесь’, *иләсә* ‘рукавица’ и т.д.) и др. Общие со старотатарским литературным языком формы более активно употребляются в локальных фольклорных произведениях, особенно в обрядовых песнях. Такой факт ярко свидетельствует об устойчивости в говорах традиций письменного литературного языка, имеющего свою тысячелетнюю историю. Это указывает на то, что литературный язык и общенародный разговорный язык были близки между собой/

Важно подчеркнуть, что особенности, типичные для старотатарского литературного языка, активнее и более системно употребляются в периферийных говорах, что указывает на значительную роль книжно-письменного татарского литературного языка в формировании и сохранении диалектных языков как татарских.

Носители среднего диалекта – казанские татары, основной исторической территорией формирования которых являются Республика Татарстан и прилегающие к ней регионы. К настоящему времени (по разным историческим, экономическим и другим причинам) они расселены в пределах всей России. Их язык, в котором первоначально, возможно, превалировали огузские элементы, о чем свидетельствуют диалектные особенности говоров, позднее, еще в домонгольский период, испытал сильное воздействие кыпчакских языков.

Средний диалект распространен на довольно значительной территории и распадается на большое число говоров. Это объясняется целым рядом исторических причин: ассимиляция булгар кыпчакскими племенами, многовековые тесные взаимосвязи и взаимовлияния с соседними финно-угорскими (удмурты, мари), тюркскими (башкиры, чувашаи), славянскими (русские) народами, частичная ассимиляция этих народов татарами, изоляция части татарского населения в религиозном отношении (крещение), территориальная изолированность отдельных групп населения, влияние мишарей и т.д. Однако по ведущим фонетическим особенностям подавляющее большинство говоров среднего диалекта незначительно отличается от литературного языка.

Особенно близки к литературному языку центральные говоры, распространенные в районах Заказанья (балтасинский, мамадышский, лаишевский и др., параньгинский – в Республике Марий-Эл) и Нагорной стороны Татарстана (нурлатский, камско-устьинский, тарханский) (*Бурганова*, 1955 и др.). В этом же ряду – мензелинский (охватывает ряд восточных районов Татарстана и западные районы Башкортостана), бирский – часть северо-западных районов Башкортостана (*Махмутова*, 1962. С. 57–85; *Рамазанова*, 1984). Современные территории северо-запада Башкортостана и юга Пермской области с X в. входили в поволжские государственные образования (Булгария, Казанское ханство, Казанский приказ и Казанская губерния). Именно в этот регион происходило переселение булгарских племен после монгольского нашествия, а позднее, после падения Казанского ханства, – казанских татар. На новых местах они сохраняли ведущее положение как в культурно-экономическом, так и в языковом отношении.

В контактной зоне с башкирским языком в результате переселения татар из различных уездов Уфимской губернии, сложились златоустовский (*Хайрутдинова*, 1985) и тепекеевский говоры, испытавшие влияние башкирского языка (*Рамазанова*, 1988. С. 20–43; 1998). В Зауралье (Курганская область) распространен ичкинский говор, испытавший влияние сибирско-татарских диалектов (*Юсупов*, 1979), на Южном Урале – каргалинский говор, сформировавшийся в результате переселения в первой половине XVIII в. татар из Казанской губернии, и абдуллинский – татар из Казанской и Уфимской провинций в XVIII – второй половине XIX в. (*Садыкова*, 1985). Исследования свидетельствуют о близости говоров Приуралья к татарскому литературному языку. Характерна общность и в области материальной и духовной культуры, внешнего облика, хозяйственного уклада.

На территории Нижнего Поволжья и Ставрополя распространен (*Арсланов*, 1995. С. 9–10) астраханский говор, отдельные островки которого в различной степени подвергались влиянию западного диалекта.

В среднем диалекте выделяется группа реликтных говоров – нукратский, пермский, касимовский, кряшенские. Наличие в этих говорах ряда объединяющих их древних черт свидетельствует о том, что основные специфические черты разговорного языка казанских татар начали складываться еще в период развития их в составе одного административно-территориального объединения до переселения их носителей на современные территории их обитания (Махмутова, 1962. С. 223).

Наиболее древними местами обитания носителей западного (мишарского) диалекта (Махмутова, 1978) были бассейны рек Цна и Мокша, возможно, и восточные районы Мордовии. В их языке преобладали кыпчакские элементы, сохранилось больше древних черт. Этот диалект в меньшей степени подвергался внешним влияниям, и говоры его по сравнению с говорами среднего диалекта более единообразны. Западный диалект делится на две группы говоров – *ч*-окающую и *ц*-окающую. К *ц*-окающим относятся сергачский (Нижегородская область), дрожжановский (Татарстан, Чувашия), байкибашевский (Башкортостан) говоры, к *ч*-окающим – темниковский, лямбирский (Мордовия), кузнецкий (Пензенская область), хвальинский и мелекесский (Ульяновская область), чистопольско-кряшенский (Татарстан), стерлитамакский (Башкортостан), шарлыкский (Оренбургская область), волгоградский (Волгоградская, Астраханская области). Смешанный характер имеет чистопольский говор (Татарстан), сформировавшийся в пределах Закамья, куда переселялись мишари из различных районов, носители как *ц*-окающих, так и *ч*-окающих говоров.

Восточными диалектами татарского языка являются говоры сибирских татар, населяющих Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую области. Исследованиями Д. Г. Тумашевой (1977), Х. Ч. Алишиной (1994) установлено, что здесь выделяются тоболо-иртышский (с тюменским, тобольским, тарским, заболотным, тевризским говорами), барабинский и томский (с калмакским и эштинско-чатским говорами) диалекты. Как показывают исследования историков и лингвистов, в формировании носителей этих диалектов участвовали *три* компонента: местный тюркский (кыпчакские, позднее и восточнотюркские племена), бухарский (выходцы из Средней Азии, проникавшие с ранних периодов до первой половины XIX в. с торговыми, миссионерскими и другими целями), поволжско-татарский (с XV по XX в.). Последний оказал сильное влияние на хозяйственный уклад жизни, на материальную и духовную культуру местного населения и, что очень важно, на язык. Это привело к значительному, однако неравномерному, изменению древнетюркской шкалы гласных сибирских диалектов в поволжско-уральскую, т. е. татарскую, систему (Тумашева, 1977. С. 28).

Исследования показывают, что, хотя и средний и западный диалекты сыграли решающую роль в формировании татарского литературного языка, все пять диалектов не могут быть противопоставлены друг другу. Еще в конце 60-х годов XX в. Л. Т. Махмутова пришла к выводу, что в основе среднего и западного диалектов лежит один и тот же древнетюркский язык кыпчакского типа. После прихода болгар в Поволжье предки мишарей и носителей среднего диалекта пошли по несколько иному пути развития. В результате тщательного анализа особенностей сибирских диалектов Д. Г. Тумашева также делает вывод, что в основе их лежит кыпчакский язык (Тумашева, 1977. С. 185, 246, 254, 260). Однако каждый из указанных диалектов татарского языка в отдельные исторические периоды прошел в определенной степени самостоятельный путь развития.

Таким образом, в диалектах татарского языка в качестве общей основы лежит древнекыпчакский. Но в каждом из них имеются различные включения. Например, как указывалось выше, в состав казанских татар вошли как этнический элемент болгарские племена, в сибирских диалектах выявляется значительный слой, общий с алтайскими языками, и др. Необходимо отметить, что выводы диалектологов, находят свое подтверждение в архивных и письменных источниках и в изысканиях историков последних лет.

Библиография

Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань: Изд-во Каз. пед. ин-та, 1994. 119 с.

Арсланов Л. Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя. – Набережные Челны: Изд-во «Камаз», 1995. – 191 с.

Арсланов Л. Ш. Говор мордвы-каратаев // Татар теле һәм әдәбияты мәсьәләләре. – Казан, 1965. – С. 117–139.

Бурганова Н. Б. О формировании татарских говоров Заказанья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1985. – С. 3–31.

Махмутова Л. Т. Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 2. – Казань, 1962. – С. 223–235.

Махмутова Л. Т. О татарских говорах северо-западных районов БАССР // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 2. – Казань: Таткнигоиздат, 1962. – С. 57–85.

Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Рамазанова Д. Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 191 с.

Рамазанова Д. Б. Тепекеевский говор татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 6. – Казань, 1988. С. 20–43.

Рамазанова Д. Б. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка: Дисс. в виде научного докл. ... докт. филол. наук. – Казань, 1998. 100 с.

Садыкова З. Р. Говоры оренбургских татар. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 160 с.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. – Казань, 1977. – 294 с.

Хайрутдинова Т. Х. Говор златоустовских татар. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 158 с.

Юсупов Ф. С. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләрә. – Казан: Таткнигоиздат, 1979. – 184 с.

Сагитов Р. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ АНТРОПОНИМЫ ГОРОДСКИХ ТАТАР

Изучение татарских личных имен русского и западноевропейского происхождения является составной частью проблемы соотношения национальных языков с русским, что в свою очередь входит в широкую проблему языковых контактов, изучению которой большое внимание уделяют лингвисты, социологи и психологи [Галиуллина 2000: 48].

В антропонимах, как и в апеллятивной лексике, отражаются фонетические, морфологические, лексические особенности живого разговорного языка. Личные имена легко заимствуются из одного языка в другой. Процесс заимствования имен отмечается многими исследователями: в татарском – Саттаров Г. Ф., Алишина Х. Ч., Галиуллина Г. Р., Замалутдинова Г. Г., Тимканова Г. Ф., Сайдимова Э. Р., в башкирском – Закирьянов К. З., Низамутдинова З. Г., Кусимова Т. Х., Никонов В. А., Шайхулов А. Г., в казахском – Жанузаков Т., Попова В. Н., в узбекском – Никонов В. А., Ройзензон Л. И. и т. д.

Анализ антропонимов татар Тобольска и Тюмени показал:

а) заимствованные личные имена большей частью несут в себе отражение социальных, культурных, бытовых изменений, происходящих после Октябрьской социалистической революции;

б) освоение изучаемых имен происходит по линии фонетической и морфологической адаптации.

В антропонимикон татар в XX в. начинают постепенно входить заимствованные имена. Главная причина появления этих имен – социальные преобразования, которые произошли в жизни общества после революции, войны и перестройки. Большое влияние на этот процесс оказали русский и европейские языки.

Анализируя антропонимический материал, в именнике исследуемого региона можно выделить четыре группы заимствованных имен собственных:

имена русского происхождения;

имена западноевропейского происхождения;

имена, образованные от нарицательной лексики;

имена-аббревиатуры русского и западноевропейского содержания.

Многие русские имена (Света, Вадим, Снежана, Лариса, Ксения, Полина, Аделина) генетически восходят к греческим и латинским именам, они вошли в татарский язык из русского, где они стали традиционными.

Особо нужно говорить о заимствованных именах, образованных от нарицательной лексики в начале XX в. – была попытка обновить словарь имен (Рево, Люция, Октябрист). Наряду с многочисленными заимствованиями западноевропейского происхождения, внимание моды было обращено на произвольные образования от нарицательных слов абстрактного и конкретного значения. Как отмечает В. Д. Бондалетов: «... послереволюционный период представлял собой «антропонимическое половодье», принесшие в именник большие количества имен-неологизмов и новых заимствований из других языков» [Бондалетов 1983: 16]. Этот процесс нашел отражение и в именнике татар: Заря, Зарина – от заря, Идия – Идея, Люция – от революция.

Группу антропонимов составляли нарицательные слова, обращенные в собственные имена без всяких внешних изменений: Лариса – гр. «чайка», Марс – четвертая по расстоянию от Солнца планета Солнечной системы, Венера – название планеты и т. д.

Имена-аббревиатуры были заимствованы многими тюркскими народами. В именнике городских татар закрепились такие антропонимы, как Виль, Вильдан – В. И. Ленин, Эльмар – Энгельс, Маркс, Ренат – «революция + народ + труд». Некоторые из этих имен так укоренились в татарском именном составе, что многие считают имена, образованные в советскую эпоху, татарскими по происхождению. В русском именнике данные антропонимы не получили широкого распространения или вообще исчезли.

Большую группу составляют заимствованные личные имена, среди которых наиболее распространенными являются имена выдающихся деятелей литературы, искусства, герои и географические названия. Нами зафиксированы следующие заимствованные имена, некоторые из них по численности превышают традиционные татарские антропонимы: Альберт, Артур, Рафаэль, Дамир, Марат, Марсель, Ринат, Азалия, Альбина, Диана, Инера, Лариса, Юлия, Роза, Розалия, Лилия.

Западноевропейские имена имеют генетические группы:

– Имена, заимствованные из латинского языка: Альбина «белая, белокурая, белолицая», Венера «имя древнеримской богини любви, планета», Диана «имя богини охоты», Роза «роза», Лилия «лилия», Юлия «пышная».

– Имена, заимствованные из греческого языка: Алексей «помощник, заступник», Андрей «мужественный, храбрец», Артур «могучий, сильный», Денис «бог вина и виноделия», Лариса «чайка», Елена «солнечная, светлая».

– Имена из испанского языка: Эльвира «защитница».

– Имена, заимствованные из немецкого языка: Альберт «благородный, блестящий», Роберт «славный, прекрасный», Эдуард «охраняющий собственность».

– Имена из французского языка: Луиза, Марсель, Марат.

Рассмотрение русских и западноевропейских имен, заимствованных в татарский язык, показало, что данный пласт в антропонимии городских татар занимает существенное место и их изучение необходимо продолжать.

Литература

Галиуллина Г. Р. Антропонимия татар г. Казани в XX веке. – Казань, 2001

Галиуллина Г. Р. Личные имена татар в XX веке. – Казань, 2000. – 114 с.

Галиуллина Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. – Казань, 2008. – 349 с.

Галиуллина Г. Р. Татарско-русский словарь личных имен и фамилий. – Казань, 2007. – 375 с.

Тимканова Г. Ф. О выборе личных имен в татарских семьях г. Тюмени // Сулеймановские чтения: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Тобольск: Тобольский государственный педагогический институт им. Д. М. Менделеева, 2009.

Тимканова Г. Ф. Современные тенденции в выборе антропонимов (на примере татар Тюменской области) // Сулеймановские чтения: материалы XVI-й Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Н. В. Лабунец, д-ра филол. наук, проф. Х. Ч. Алишиной. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 2013.

Соколова Е. Н.

АНТРОПОНИМЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ

В древнерусских письменных текстах XI–XIII вв. упомянуто значительное число иноязычных имен, большую часть которых составляют имена тюркского происхождения: *Аена, Азгулуй, Асадукъ, Асинь (Осень), Бусъ, Багубарсъ, Белкатгинь, Бонякъ, Гзакъ (Гза), Итларь, Кобякъ, Кончакъ, Коксусъ, Сакъ, Саукъ, Тугорканъ, Урусоба, Шароканъ (Шаруканъ)* и др.

Племена тюрков оставили заметный след в лексике восточнославянских языков. Тюркские личные собственные имена и титулы правителей «сохранились в греческих, арабских, армянских хрониках, русских летописях и древнерусских памятниках письменности, по которым можно судить о характере языков этих народов» [Баскаков, 1985: 3].

Целый ряд половецких князей упомянут Владимиром Мономахом в его «Поучении»: «И к Выреви бяху пришли Аена и Бонякъ...» (адаптированный древнерусский текст) [ПВМ: 406], «И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Росъ» [ПВМ: 406]. Имя *Аена* относится к редким типам имен по названию небесных светил *Аена* < *aj* «месяц» + *ара* «обращение к старшему»... Имя *Бонякъ* представляет собой «особый тип притяжательного словосочетания: *Бонякъ* < *bojny aq* «имеющий белую шею» > *Белошейка* (кличка собак) [Баскаков, 1985: 75–76].

Асадук – это, возможно, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке. Имя *Асадукъ* «относится к особому типу притяжательного словосочетания: *Асадук* < *es-i oduq* «бодрствующий, внимательный» [Баскаков, 1985: 76]. Антропоним *Саукъ* известен по летописям с 1078 г. Имеется несколько версий относительно этимологии имени *Саук* «1) < *sawug* «будь здоров, выздоравливай»; 2) < *sawug – siwug – sawux* «холодный»; 3) < *saʏoq – saʏqol* «правое крыло»; 4) < *saʏ-ʏq* «ум, сознание» [Баскаков, 1985: 88]: «И азъ шедъ с черниговци и с половци, на Десне изъмахом князи Асадука и Саука» [ПВМ: 402].

«И пустиль есмъ половецких князь лепшихъ из оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Осеня братье 4...» [ПВМ: 406], «... избихом 900 половець, и два князя яхом, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя» [ПВМ: 404] (указанный контекст возможно рассматривать и как собирательную модель именования: личн. имя одного из братьев (в притяжательной форме) со словом «брат» + личн. имена двух других братьев). Встречающееся в примере имя *Осень* относится к «именам-призывам: *Осень* < *ös-sin* «пусть растет» [Баскаков, 1985: 76]. Антропоним *Багубарсъ* принадлежит к группе имен, имеющих в своем составе названия животных. Некоторые из названий животных, «возможно, в связи с тотемическими древними пережитками пользовались особыми преимуществами: *Багубарс* – *Багъбарс* – *Бегъбарс* < *biʏu bars* «со станом, с фигурой барса» [Баскаков, 1985: 74]. Имя *Сакзь* упоминается в летописях с 1086 г. «Сакзь < *sägiz* «восемь» [Баскаков, 1985: 88]. Именем *Шарукань* был назван дед Кончака, половецкий хан, возможно, сын хана Осеня. По мнению Н. А. Баскакова, половецкое имя «*Шарокань* < *šora xan* представляет собой традиционное мужское имя, состоящее из двух элементов: первого – *šora – šoga – šogo – šura* <...>, который имел либо положительное значение «княжеский сын, будущий соратник в бою», либо унизительное значение «существо с гноящимися глазами; существо, мочащееся в постель», т.е. имени, которое давалось у тюркских племен ребенку, родившемуся в год свиньи... для отпугивания злых духов; и второго элемента – *xan* – уменьшительного, ласкательного слова, присоединяющегося к основному имени» [Баскаков, 1985: 149].

Онимические единицы *Итларь* – *Итлар* – *Итларева чадъ*, упоминаемые в летописях с 1095 г., имеют весьма прозрачную этимологию: «*ijt* «собака» + аффикс мн. ч. – *lär* > *ijtlär* «собаки» [Баскаков, 1985: 76]: «И паки Итлареву чадъ избиха, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомъ» [ПВМ: 406].

Имя *Коксусь* представляет собой модель «именного словообразования с аффиксами –*syz/-siz, suz/-süz*: *Коксусь* (< «не имеющий рода, безродный» [Баскаков, 1985: 77]. Упоминание черноклобуцкого (Тарьевского) князя Азгулуя встречается в летописях под 1086 г. Известны три этимологии имени: «1) *azyʏlyq – azyʏluq* «отважный, дерзкий, смелый» – метатезная форма *azyʏly* > *azyʏlyj* «отважный, смелый»; 2) < *azyqly* «щедрый, добрый», метатезная форма *azyʏly* «добрый, щедрый»; 3) < *azyly – azyʏly* «дикий, свирепый, яростный»; ср. *azyʏlyq* «ярость» > *azyʏlyj*» [Баскаков, 1985: 67]: «А самы князи богъ живы в руже дава: «Коксусь с сыномъ... Таревьский князь Азгулуй» [ПВМ: 406].

Личное собственное имя *Тугоркань* (тесть Святополка Изяславича) относится к группе онимов, имеющих в основе названий птиц: «*Тугортак* – *Тугоркан* – *Тугорткан* (*toʏurtaq – toʏurtaj* «дятел» [Баскаков, 1985: 67]: «... на Стугне бившеся съ половци до вечера... и потом миръ створихом с Тугорканомъ» [ПВМ: 404]. Имя *Урусоба* (отец Кобана и Колдечи, упоминается в летописях с 1103 г.) связано с названием племени или родоплеменного объединения: «*Урусоба* – *Русоба* < *urūs – rus* «русский + *ара*» [Баскаков, 1985: 73]: «Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урусобу с Святополком...» [ПВМ: 406]. Ср. тюрк. Урус *Urūs* «воинственный», букв. «битва» [Гафуров, 1987: 197]. Неизвестно только, кем являлся Белкатгинь, упоминаемый в вышеназванном тексте: «... за Новымъ Городом разгнахомъ силны вои Белкатгина...» [ПВМ: 402]. По происхождению имя является глагольным словосочетанием: «*Белкатгин* < *bel qatʏyn* – «укрепи спину, будь с крепкой спиной» [Баскаков, 1985: 76].

Имена половецких ханов и князей упоминаются и в «Слове о полку Игореве». Гзак (Гза) – половецкий хан, глава объединения донских половцев бурчевичей. «Возможно, сравнение именно Гзак с волком отражает этимологическое название орды бурчевичей – по-древнетюркски – волков» [ЭСПИ, т. 1: 24]. По версии Н. А. Баскакова, наиболее вероятным представляется происхождение собственного имени *Гзак* – *Гза* «из имени-прозвища *güz-i aq* букв. «его глаз с бельмом» [Баскаков, 1985: 152]: «Гзакъ бежитъ серымъ вълкомъ...» [СПИ: 374]; «Рече Кончакъ ко Гзе» [СПИ: 386]. Кончак – половецкий хан, сын хана Атрака, внук хана Шарукана. Имя *Кончакъ* представляет

собой модель «именного словообразования с аффиксами –*çaq/-çek*: *Кончак* (< *qoñçaq* «кольчужные наколенники») [Баскаков, 1985: 77]: «*На следу Игореве ездить Гзакъ съ Кончакомъ*» [СПИ: 386]. Кобяк, вероятно, был ханом лукоморских половцев, обитавших в низовьях Днепра и далее на восток до побережья Азовского моря. По мнению Н. А. Баскакова, имя *Кобякъ* имеет весьма ясную этимологию: «из половецкого *kūbūk* – «собака» [Баскаков, 1985: 153]: «*А поганого Кобяка изъ луку моря... яко вихръ выторже*» [СПИ: 378].

Единичное упоминание Шарукана в «Слове о полку Игореве» свидетельствует о том, что современники князя Игоря «хорошо знали как родословие половецких ханов, так и подробности борьбы русских князей с половцами во втор. пол. XI – первых десятилетиях XII в.» [ЭСПИ, т. 5: 219]: «*Се бо готския красныя девы... лелеютъ мечь Шароканю*» [СПИ: 380].

В «Слове о полку Игореве», во фрагменте, традиционно относящемся к «темным» местам «*Се бо готския красныя девы... поютъ время Бусово*» [СПИ: 380] спорным является вопрос о происхождении и толковании имени *Бусъ*. Первые издатели «Слова...» не нашли объяснения этому фрагменту. Позднее появилась версия об антском короле Бозе (IV в.), казненном готским королем Винитаром. «Этого «Бооза» или «Буса» якобы и вспоминали готские девы, воспевая «время Бусово», т. е. прославляя готского вождя Винитара. Бооз или Бус при этом назывался предком восточных славян. Впервые эта параллель была проведена Н. Головиным (1846)» [ЭСПИ, т. 1: 243]. Известна и другая точка зрения о том, что Бус – половецкий хан. «Н. Грамматин в 1823 г. предположил, что Бус – это «князь или хан половецкий». В 1844 г. Д. Н. Дубенский писал: «Не назывался ли Бусом в простонародии Болуш, хан половецкий, под предводительством которого в 1055 г. половцы входили в первый раз в область Переяславскую?» Считали Буса половецким ханом О. Ф. Миллер, А. И. Смирнов, Н. К. Гудзий, Л. П. Еремин» [ЭСПИ, т. 1: 242]. Ср. Буз *Büz* (тюрк. «серый») [Гафуров, 1987: 136]. При толковании имени *Буса* (половецкого хана) многие исследователи исходили из топонимических данных. «В. Пассек называл урочище «Бусов яр» на Северском Донце, предполагая, что оно получило название от кочевавшего в этих местах половецкого хана. А. А. Потехина писал: «Бусово, по предположению, урочище Бусова гора или Бусовица, под Киевом, над Лыбедью» [ЭСПИ, т. 1: 242].

В «Поучении» Владимира Мономаха имеется единственная для иноземцев антропонимическая модель: *личн. имя + отчество*: *Акланъ Бурчевичъ* (донецкий половец, известен по летописям с 1110 г.): «*А самы князи богъ живы в руце дава: Коксусъ с сыномъ, Акланъ Бурчевичъ...*» [ПВМ: 406]. Этимология имени *Акланъ* следующая: «< ақ «белый» + *lap «сокол» [Баскаков, 1985: 80]. Следует сказать, что «семейно-родовые прозвища представляют собой те же личные имена, отличающиеся только дополнительными русскими окончаниями, образующими русские отчества, например Боняковичи (от Боняк), Акочаевичи (от Акочай) ...» [Баскаков, 1985: 71].

Тюркский пласт личных собственных имен, отраженный в письменных текстах старшей эпохи, позволяет констатировать широкое видение древнерусскими авторами именования, принятого в других этнических сообществах.

Литература

- Баскаков, Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». [Текст] – М.: Наука, 1985. – 207 с.
Гафуров, А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. [Текст] / А. Гафуров. – М.: Наука, 1987. – 221 с.
ПВМ: «Поучение» Владимира Мономаха [Текст] // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 392–413.
СПИ: «Слово о полку Игореве» [Текст] // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М.: Худ. литература, 1980. – С. 373–388.
ЭСПИ: Энциклопедия «Слова о полку Игореве» [Текст]: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1.–276 с.; Т. 2.– 334 с.; Т. 3.– 387 с.; Т. 4.– 330 с.; Т. 5.– 339 с.

Тимканова Г. Ф.

СПЕЦИФИКА СИБИРСКОТАТАРСКИХ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ИМЯТВОРЧЕСТВО РОДИТЕЛЕЙ, ВАРИАНТЫ НАПИСАНИЯ ДВОЙНЫХ ИМЕН, ОДИНАКОВЫЕ АЕ ДЛЯ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ИМЕННИКОВ)

Именник тюменских татар XX века позволил обнаружить ряд специфических черт, свойственных для жителей нашего региона: личные имена, образованные в результате имятворчества

родителей, группа одинаковых антропонимов для мужского и женского именников, варианты написания двойных имен у тюменских татар.

А) Антропонимы, образованные в результате имятворчества родителей

Несомненно, все родители считают своего ребенка единственным и неповторимым, и, следуя данному принципу, хотят каким-то образом выделить его, нарекая интересным, новым именем. В именнике тюменских татар XX столетия встречаются имена, образованные в результате имятворчества. Проанализировав данный пласт имен, мы разделили его на группы:

1. Имена, образованные от традиционных имен, путем изменения буквы или одной части имени: Адиль > Адаль; Изиль > Азиль; Ильгиз > Альгиз, Эльгиз; Эльмир > Альмир, Ильмир; Ильфат > Альфат, Эльфат; Альфир > Ильфир, Эльфир; Альфат > Альфит; Ансар > Анзор, Анзар; Анар > Анур; Ариф > Араф; Фанис > Фэнис; Арафат > Эрафат; Имбирь > Имбера; Динара > Инара; Нафиля > Нэфилэ.

2. Имена, образованные от традиционных имен, путем надставки начальной буквы: Рамиль > Арамиль; Руслан > Бруслан; Альфруза > Зальфруза; Алина > Талина; Фатиха > Уватыха.

3. Имена, этимология которых неясна: Данаис, Данур, Эльгар, Эврин, Лираса, Талина, Физалия, Элида, Эркую.

Б) Группа одинаковых антропонимов для мужского и женского именников

Отличительной чертой татарского именника от других является наличие в нем антропонимов присущих как мужчинам, так и женщинам без добавления аффикса, дифференцирующего имя по категориям рода. При анализе личных имен татар г. Тюмени мы выявили группы единых имен:

1. Односложные имена: п. Наргис (Фаттахов Наргис) 1. «нарцисс», 2. «черноокая»; п. Азат (Кульмаметьев Азат) «свобода», а. Фирдаус «райский», т. – а. Айнур (Мамедова Айнур) «луна + свет» – «лунный свет», т. Чулпан (Садыков Чулпан) 1. «утренняя звезда» 2. «планета Венера». (п. – персидское, а. – арабское, т. – а. – тюркско-арабское, т. – тюркское).

2. Тюркские компоненты, употребляемые как в мужских, так и в женских двусложных именах: Мин (Минсылу, Минбай), Иль (Ильзайнап, Ильнур), Тимирбика – Таштимир, Ханбика – Амирхан, Урасбика – Урасмухаммед.

3. Арабо-персидские корни, употребляющиеся как в женских, так и мужских двусложных именах: Хаирикамал – Хайрикамиля, Нуркайша – Нургали, Бибикамал, Бибиджамаль, Рахимбика.

В) Варианты написания двойных имен у тюменских татар

В именнике татар г. Тюмени XX в. имеются антропонимы, образованные по модели «имя + имя». Анализ двойных имен показал, что двойные имена представлены несколькими вариантами написания.

1. Самая большая группа двойных антропонимов со слитным написанием: Аитгарай – Аит + Гарай, Алиджамаль – Али + Джамаль, Ахмедали – Ахмед + Али, Давлетгарай – Давлет + Гарей, Ахметгалей – Ахмет + Галей, Мухамметали – Мухаммад + Али, Хакимзен, Мухаммедчавый и т. д. Каждый компонент может употребляться как отдельное имя.

2. Имена, записанные через дефис:

Мужские имена: Габдул-Лаян, Гаптул-Вали, Бахыт-Гирей, Мулла-Ахмад, Мухаммед-Чавый, Султан-Гирей, Абдул-Ахат и т. д.

Женские имена: Бебина-Сим (Биби-Насима), Гыль-Заря.

3. Двойное имя, написанное без дефиса: Хаджи Мурат.

Имена, написанные через дефис и раздельно, представляют именник начала XX в. Данное написание говорит о том, что старорусские писари знали написание татарских личных имен. В течение века именник менялся, шел процесс упрощения татарских имен и с середины XX в. двойные имена начали выходить из употребления. Каждая часть имени стала употребляться самостоятельно: Султан-Гирей > Султан, Гирей.

Литература:

Акты записи о рождении Тюменского городского уезда с 1920 по 1950 гг.

Акты записи о рождении г. Тюмени с 1950 по 2000 гг.: Центрального, Ленинского, Калининского отделов ЗАГСа.

Саттаров Г. Ф. Этнолингвистические пласты татарского именника / Г. Ф. Саттаров // Структура и история татарского языка. – Казань: КГУ, 1982. – С. 127.

Алишина Х. Ч.: библиограф. указ. / сост.: В. В. Малецкая; отв. ред., авт. вступ. ст. и заключения А. Г. Еманов. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОЭТИКЕТА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ РЕЧИ

Язык является важнейшим фактором принадлежности его носителей к определенному этносу, что предопределяет возникновение индивидуальной языковой картины мира, имеющей этническую специфику. Национальные картины мира отражают особенности мышления носителей национальной культуры, специфику восприятия ими окружающего мира. Тактичность, предупредительность, доброжелательность, сдержанность, уважительное отношение друг к другу – такие отличительные черты речевого общения и этноэтикета народов Северного Кавказа представляли особую ценность во все времена.

При этом у каждого народа существует индивидуальная система этических норм, где речевой этикет является важной частью национального культуры. Для возрождения и развития речевой культуры и регулирования коммуникативного поведения носителей языка сегодня особый интерес представляют этические нормы карачаево-балкарского народа «Ёзден адет» [2, 576с.], которые соотносятся с социально-культурными ценностями и особенностями национального сознания. Этикетные формулы, определяющие национальную специфику ее этических норм и представлений, сохранились со времен создания нартского эпоса, в них запечатлен опыт народа.

«Нартский эпос – это своеобразный «этнический ген» народа. При этом отмечаемая многими авторами общность ядра эпоса не стала нивелирующим фактором: общее для народов, разных по языку и религиозным воззрениям, в каждой отдельно взятой этнической среде преломляется таким образом, что, не разрушая единства, рельефно выделяет существенные отличительные черты этой группы носителей общего» (А. М. Готов Эпос «нарты» и современность <http://mith.ru/epic/nart10.htm>.)

«Ёзден адет» или «Тау адет» – это цельная, непрерывная этическая система, концепция которой заключается в добропорядочности и чувстве собственного достоинства, почитании родителей, уважении к старшим, ребенку, к женщине, гостю и т.д. В предисловии к книге «Ёзден адет» Джуртубаев пишет: «Кодекс сложился давно, поэтому нам нужно совершить небольшой экскурс в историю и мифологию, чтобы понять, на что опиралась и из чего вытекала карачаево-балкарская система этики. Это была древняя религиозно-метафизическая система (к сожалению, совершенно неизученная), которую долго исповедовали все тюркские народы, – тенгрианство» [2, с. 4].

Народный опыт этикетного поведения, отражающий культурные особенности образа жизни и характера межличностных отношений отдельного народа, особенно устойчиво отражается в этических формулах общения. Карачаевцы и балкарцы и сегодня стараются придерживаться этического кодекса народа, выработанного столетиями. Сдержанность в речи и манерах, воздержанность в пище и другие черты поведения отражались в коммуникации.

Устойчивые речевые формулы застольного этикета, ритуалов, благопожеланий, табуированной лексики и эвфемизмов; пословицы и поговорки, связанные с этической лексикой и сегодня используются в речи:

Адетни билсенг – адетге кёре, Адетни билмесенг – бетге кёре –

«Знаешь обычай – поступай по обычаю, Не знаешь – поступай по совести»;

Тойгъа барсанг, тоуб бар, Эски тонунгу кюуб бар – *«Когда идешь на пир, иди сытым, Сбросив старую шубу»;*

Асыл киши аз сёлешир, кёб тынгылар, Кёб тынгылар да, кёб ангылар –

«Благородный муж мало говорит, больше слушает, Больше слушает – больше понимает».

Ранний период истории карачаево-балкарского языка отражается в различных единицах речевого этикета, употребляющихся в различных ситуациях и служащих для гармонизации межличностного взаимодействия. С древних времен слово у карачаевцев и балкарцев было связано с космическими силами, магическими и обрядовыми представлениями, в связи с чем слову придавалось особое значение.

Наиболее выражено важность знания речевого этикета демонстрируют ритуалы приветствия и прощания: приветствия – это, как правило, краткие благопожелания, исходящие, как и всякое благое, доброе дело, от Бога.

Коммуникативно-прагматическая специфика речевого этикета в ситуациях приветствия и прощания определяется стратегией вежливости, нацеленной на сближение коммуникантов; она реализуется посредством речевого жанра благопожелания; установлению добрых отношений способствует набор речевых актов приветствия и прощания, прагматика и семантика которых отличается этнокультурной спецификой.

В карачаево-балкарской культуре выбор формул приветствия, зависит от временных, ситуативных и гендерных параметров.

Ситуативные параметры выражаются, к примеру, в таких формах приветствия-пожелания как: Аш татлы болсун! «Приятного аппетита!», Къууанч бла келигиз, хош келигиз! «Добро пожаловать!». Иш къолай болсун! «Успешной работы вам!» Башлагъан ишигизни къууанч бла бошагъыз! «Желаю вам закончить начатое дело в радости!» Тутхан ишигизден къууаныгъыз! «Пусть труд ваш принесет вам радость!» Къол ызыгъыз бузулмасын! «Пусть рука Ваша не утратит мастерства!» Усталыгъынг къошула барсын! «Пусть приумножится твое мастерство!» [2, с. 622–623].

Что касается гендерного параметра, то, к примеру, только мужчинам свойственно приветствие – Ассалам алейкум-Уалейкум ассалам! В приветствии между мужчинами и женщинами указывается на время суток (временной параметр): Эртден ашхы/ахшы болсун! «Доброе утро!»; Кюн ашхы/ахшы болсун! «Добрый день!»; Кече ашхы/ахшы болсун! «Добрый вечер!»; Сау тангнга чыгъыгъыз! Спокойной ночи!; Ашхы/ахшы кечели къалыгъыз! Доброй ночи!, Ахшы/ахшы ингирли къалыгъыз «Доброго вам вечера»; Прощаясь после встречи на улице или выходя из чужого дома, говорят: Тынчлыкъ Аллах берсин «Да пошлет нам покой Аллах». [2, с. 620–626].

Благопожелания (алгъыши) образуют в речи целый пласт устного народного творчества, которые совмещают элементы молитвы, здравницы, обращения благодарение Бога. Считается, что благопожелание обязательно сбывается, если человек, просящий у Бога добрых деяний и верит в силы Всевышнего: Благословение другого есть еще и то, что возвышает самого благодарящего, – как и всякое доброе дело. И, конечно, быть при произнесении благопожелания неискренним означает, что оно есть пустой звук и разрушение самого его смысла: в таких благопожеланиях отсутствует сила, энергия слова. [2, с. 584]. Благопожелания-поздравления должны быть искренними и доброжелательными: Огъур кийим болсун, сау джырт! «Пусть новая одежда принесет благо, Носи на здоровье! (о новой одежде); Ызы къалын болсун! «Пусть след (его, её) будет плодотворным! (поздравление с успехом, достижением»); Аман кёз тиймесин! «Пусть дурной глаз тебя не коснется!»

Особым жанром фольклора являются традиционные благопожелания. Их особенностью является торжественность событий, которым посвящались они. Как правило, это свадьбы, торжества посвященные рождению ребёнка и др. Всё это входит в этический компонент культуры карачаево-балкарской речи и способствует возрождению и развитию культуры общения карачаево-балкарского народа.

Таким образом, обычаи, нравы, эстетические вкусы народа отличаются национально-культурной спецификой, что и выражается в национальной картине мира и культуре речи.

Литература

- Гутов А. М. Эпос «нарты» и современность Электронные ресурсы <http://mith.ru/epic/nart10.htm>
Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / Сост., предисловие и комментарии М. Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 576 с.
Къарачай-малкъар-орус сёзлюк. Карачаево-балкарско-русский словарь. – Москва, «Русский язык» Карачаево-Черкесский научно-иссл. Институт; Гочияева С. А., Х. И. Суюнчев; Под редакцией чл. – корр. АН СССР Э. Р. Тенишева, к. ф. н., Х. И. Суюнчева. – 1989.

Тусмухаметов С. Т.

ЛЕКСИКА ОХОТЫ СИБИРСКИХ ТАТАР: ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

Лексический состав любого языка представляет неоднородное явление. Его стратификация происходит на разных основаниях: по эмоционально-стилистической окрашенности, по происхождению, по принадлежности к определенному хронологическому срезу языка и т.д. Вместе с тем в каждом языке имеется лексика, применение которой ограничено условиями речевого общения. Отдельные лексико-семантические группы остаются малоизученными. Такой является и лексика охоты татарского языка.

Охота у сибирских татар отмечается термином «ау». По мнению ученых, тюркские формы *aw, av, ai* связаны с тюрко-монгольским *ab* «охота на зверей» и с монгольским *av* «облава», «охотничий промысел», «звероловство». Как отмечает Р. Г. Ахметьянов, *au* «охота», «облава», «загон», «рыболовные сети» имеет корни древнеобшетьюрского происхождения.

АУ во многих тюркских языках имеет значение «охота» и производное от *ау аучы* употребляется в значении «охотник», в этом значении *авсу* зафиксировано и в «Словаре» М. Кашгарского, и в «Словаре» Ибн Муханны, поэме Кутба «Хорсов и Ширин», и в хорезмийских памятниках XIV в..

Сибирские татары, живущие в лесостепной местности, особенно на болотистых землях, богатых реками и озерами, с древнейших времен охотились на водоплавающую и боровую дичь. При этом они постоянно обогащали народную лексику названиями птиц. В связи с этим, в диалектах сибирских татар наряду с общетюркскими и общетатарскими, имеется немало собственно сибирско-татарских названий птиц, такие как *аккацы* «белогоголь», *акйак* «гоголь (нырковая утка)», *патар* «турпан», *кэгэуец* «кулик» и др.

К началу XX в. охота составляла одну из важнейших особенностей быта сибирских татар. В это время появилось новое охотничье оружие: пистонные, патронные ружья, но в единичных случаях сохранились в употреблении старые кремниевые ружья.

Преобладали и традиционные орудия охоты. Из них наиболее распространенными были плашки и ловушки других типов. По рассказам старожил, кремниевые ружья появились после Крымской войны, а до этого были луки, стрелы, копья.

Охота к началу XX в. приобрела преимущественно пушное направление. Пушнина почти полностью продавалась, большая часть добытого мяса также шла на продажу.

О развитии охотничьего промысла свидетельствуют особые понятия для обозначения охоты на каждый вид дичи. В качестве общеродового понятия «охотиться» у тюрков, употреблялся термин *аулау*. Одновременно пользуются более конкретными терминами: охотиться на рябчика – *сумнау*, на косача – *кыртлау*, на белку – *тейеннэу* и т. д.

К наиболее древним формам охотничьего промысла следует отнести загонную охоту, известную в Северной Азии с глубокой древности. В недавнем прошлом она была распространена и у сибирских татар. Объектом ее были крупные копытные животные, главным образом, лоси. На оленей охотились индивидуально, в основном, молодые охотники, подростки. Для охоты на лосей строили засеки, делали ловчие ямы, но наиболее четко сохранилась в памяти наших собеседников охота на лосей загонном.

Охотились на дичь от белки и горностаю до лося и медведя, а также на водоплавающую и боровую дичь. Для охоты использовали силки, капканы, отстреливали дичь из лука. Специально для зайца делали особую снасть.

По рассказам информанта Г. В. Ахметова, примерно в начале XX в. жил дед по имени Абделькарим, слышавший в тобольских краях метким стрелком-медвежатником. У него было единственное в деревне кремневое ружье. Это ружье было беспатронное и заряжалось через дуло. Сначала в ствол всыпался порох, на него опускалась пуля-шарик, и заряд затыкался тряпицей. Чтобы с таким ружьем идти на медведя, приходилось рассчитывать на единственный выстрел. Чаще медведя, задравшего домашнее животное, подкарауливали сидя на таскаке, площадке, устроенной на ветвях близкого дерева (Тюменская правда, 2011).

В прежние времена было два способа охоты на крупную утку турпан.

Весной, во второй половине мая, в турпаньих угодьях ставили чучело турпанихи, а вокруг него от тычки к тычке навешивали силки. Пролетающий турпан или стайка садится вблизи чучела, плывет к нему и попадает в силку. Эта снасть называлась *вайгыс*: удм. *vaŋi, vaŋi* ‘утка’; коми луз., уд., иж. *veš, vež* ‘связь; *Anas penelope*’; хант. *V wäsəw, DN wäsə, O wäs* ‘утка’ + тат. *кыс*- «давить».

При случае вместо чучела привязывали живую утку.

Примерно в конце августа, когда турпанята должны вот-вот подняться на крыло, двое или трое ловцов в отдельных лодках подплывали к табуну и ставили несколько сетей. Затем, заплывав издали за табун, заставляли его плыть к сетям. Когда табун оказывался вблизи сетей, начинали кричать и бить веслами по воде. Спасаясь от преследователей, табун ныряет, и изрядная его часть попадает в сети. Ясно, что добычей ловцов становились не одни турпаны, но и другие утки.

Во время осенней путины, в конце сентября и октябре, жирующие перед отлетом утки за ночь десятками попадали в рыболовные сети.

Примерно во второй половине июля на утят, находящихся на болотистом берегу, охотились с собакой. Собака нападала на выводок, некоторых утят искусывала, а некоторым успевала откусить голову и съесть ее. Тех утят, которые успевали броситься на озеро, добывали из ружья с лодки.

В августе и сентябре ловили силками куликов-кроншнепов.

Весной, во время токования, ставили силки на тетеревином токовище. А с начала октября начиналась охота на косачей и тетерок, начинающих кормиться березовыми сережками.

ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА СИБИРСКИХ ТАТАР С РУССКИМИ В XX ВЕКЕ

Процессы языкового контакта сибирских татар с русскими происходили в течение многих веков. Они совершались как в сфере устной (изначально), так и в сфере письменной речи. Основным объектом контакта являлось и звучащее слово, и слово орфографическое. При этом результатом контакта в области устной речи становилось звучащее, фонетическое слово. Характер воспроизведения услышанного по самой природе восприятия многообразно варьировался, особенно в том случае, если воспринимающий субъект – монолингв. Дело осложнялось и тем, что звуковой состав русского слова, попадавшего в речь носителя тоболо-иртышского говора татарского языка, мог быть различно интерпретирован в подговорах данного диалекта.

Татарско-русское двуязычие, свойство территориального размещения сибирских татар оказали влияние на современное состояние заимствованного фонда лексики восточного диалекта татарского языка. Этот пласт лексики характеризуется своей вариативностью. Целью работы является изучение фонетической вариативности.

В лингвистическом словаре отмечается, что «вариантность (от лат. *varians* – изменяющийся) (вариативность) – это представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы» [1. С. 80]. То есть: «... варианты языковые знаки должны обладать некоторым набором признаков: общим лексическим значением, единым грамматическим значением и тождеством морфологической структуры» [2. С. 104].

Вариативность русских заимствований ярко представлена в тоболо-иртышском говоре татарского языка на фонетическом уровне.

1. В условиях активного двуязычия некоторые заимствования проникают в речь сибирских татар без каких-либо существенных изменений. Например, в фонетической огласовке слова [шкул] (от рус. школа) наблюдается переход о – у. Однако наряду с данным заимствованием бытует вариант ышкул, где имеет место протеза [ы]. Приведем аналогичные примеры: шкап / ышкап (от рус. шкаф, крэс / керэс (от рус. крест): «Пы атятнен сябье ней, христианлар ни уцень крясне катерляйте?» [3. С. 44–45], шрам / шырам.

2. В тоболо-иртышском говоре имеются окающие и акающие подговоры. Окают сибирские татары, проживающие вдоль берегов реки Иртыш, т.е. прииртышские татары, например, жители деревень Карагай, Аксурка, Ишаир, Кобяк Вагайского района. К окающей подгруппе относятся также коренное население близлежащих деревень Одинарские, Вершины, Веселинские, Осиновские Вагайского района, которое в связи с изолированным расположением в местности имело и имеет ограниченные языковые контакты с представителями других поселений, что явилось причиной формирования особого ареала носителей тоболо-иртышского говора. Акают татары, населяющие заболоченные местности, мелкоречье, например, жители населенных пунктов Новокайшкуль, Нерда Ярковского района, Кондан, Юрмы, Лаймы Вагайского района, Тахтагул, Чебурга Тобольского района. Соответственно приведем примеры: пыра^оулик / пыраулик (от рус. проволока), ма^ошинэ / машинэ (от рус. машина), па^ольтэ / палитэ – литер. пальто (от рус. пальто), па^отинкэ / патинкэ – литер. ботинки (от рус. ботинки) и др.

3. Палатальная гармония. В исследуемом говоре используются твердые и мягкие варианты: йупка / йүпкэ – литер. юбка (от рус. юбка), картуп / кэртүпкэ (от рус. картошка), лутчы / лүтче (от рус. лучше), пушалай / пүшэли (от рус. пожалуй), сапсам / сэпсим (от рус. совсем), насгый / нүсгей (от рус. носки) и др.

Г. Х. Ахатов считает, что «если твердое произношение объясняется сохранением древней веларности, то смягчение – влиянием башкирского, казахского, узбекского языков» [4. С.9].

4. Наличие вариативных акцентных форм: йүпкэ́ / йүпка – литер. юбка (от рус. ю́бка), циркэ́'ү / цёркэү – литер. чиркэ́ү (от рус. церко́вь) и др.

5. Для тоболо-иртышского говора, как и для всего восточного диалекта, свойственно цоканье. Однако в населенных пунктах Осиновские, Одинарские, Вершины, Веселинские Вагайского района наблюдается чоканье. Н-р, магацьйк / магачик (от рус. мотоцикл), цитрамун / читрамын (от рус. цитрамон), үгерце / үгерче (от рус. огурцы), үцэрэт / үчэрэт (от рус. очередь).

6. Отмечено несколько случаев метатезы: түрилкэ́ / түрликэ – литер. тэлинкэ (от рус. тарелка), ышвачка / шывачка (от рус. жевачка).

7. В тоболо-иртышском говоре используются варианты слов с глухими согласными [п], [т] и варианты со звонкими согласными [б], [д]: бүрэнэ / пүрэнэ – литер. бүрэнэ (от рус. бревно), бараза / параса – литер. буразна (от рус. борозда), дакуминт / токэмэнт (от рус. документ) и др.

Своеобразие и адаптация того или иного заимствования зависит также и от возраста билингва. В речи поколения от 50 лет и старше можно отметить наличие употребления так называемого адаптированного варианта. Старшее поколение в большей степени сохраняет особенности говора. Молодое поколение стремится использовать в речи тот вариант, который получил огласовку в русском языке.

Таким образом, в тоболо-иртышском говоре татарского языка используются фонетические варианты русских заимствований. Заимствование, являясь результатом контакта в области устной речи (при письменном или устном воспроизведении услышанного), предполагает вариативность. В тоболо-иртышском говоре вариативность возникает на фоне смешанного характера подговоров. Фонетическое своеобразие употребления того или иного заимствования, воплотившееся в функционировании данного слова в речи представителей старшего и младшего поколения, продиктовано временем. Молодое поколение в отличие от старшего, которое в большей степени сохраняет особенности говора, использует в речи изначальный вариант слова.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Ермакова Е. Н. Фразеобразование в сфере фразеологии. – СПб.: ИОВ РАО, 2006.
3. Елисеев Е. Первоначальные сведения о православной вере, сообщаемыя татарину Тобольской губернии, готовящемуся ко святому крещению. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. Второе издание. – СПб.: Типография А. Г. Фарбера, 1903.
4. Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. – Уфа, 1963.

Хөсетдинова Г. Ф.

ГАРӘП-ФАРСЫ СҮЗЛӘРЕНЕҢ СТИЛИСТИК МӨМКИНЛЕКЛӘРЕ

Галимжан Ибраһимов сүзнен эчке мөмкинлеген бөтен нечкәлекләре белән аңлаучы зур художник. Аның шулай икәнлеген гарәп-фарсы сүзләрен куллануында да күрәбез.

Язучы кулланган гарәп-фарсы сүзләре арасында, хәзерге әдәби тел күзлегеннән караганда, аңлашылганнары, аңлашылмаганнары бар. Түбәндәге гарәп-фарсы сүзләре татар теленә сүзлек составында хаклы урын алганнар һәм алар туган телнең үз сүзләре кебек кабул ителгәннәр: *мәктәп, табигать, әдәбият, матбугат, шкаф, фикир, халык* һ. б.

Г. Ибраһимов гарәп-фарсы сүзләренә үзе аңлатма биреп китә: *каһкәһә – кычкырып көлү, кибар – олы, зур, мәгъсум – гөнаһлы, мәел – теләк* һ. б.

Г. Ибраһимовның үз телен, әсәрләрендәге персонажлар телен, хәзерге язучылар теле белән чагыштырып карасак, шактый аерма булуын күрәбез. Бу аерманың нәтижәсен ижтимагый-тарихи шартларга бәйләп карарга кирәк. Элек халыкның культура дәрәжәсе, аң-белеме, фикир йөртүе, хәзерге кешеләр белән чагыштырып караганда, билгеле, шактый түбән булган. Шуңа күрә Г. Ибраһимов персонажларының телендә дингә, иске гореф-гадәтләргә караган сүзләр еш очрый. Ул һәр персонажның яшенә, белеменә, фикир йөртүенә карап кулланыла. Мәсәлән, *гаррил хәрси – күк тәхетләре, мәгъсут – бәхет*. Гомумән, Г. Ибраһимов образлылыкка гарәп-фарсы сүзләре аша ирешүгә бик таләпчән булды. Аның беренче хикәясендә үк халыкка аңлашылмаган бер генә гарәп-фарсы сүзгә дә юк.

Гарәп-фарсы сүзләрен ул әсәрнең рухын, геройларның дөньяга карашын, чорны мохитны искә алып, татар сүзләре белән тасвирлау мөмкинлеге булмаганда, поэтик элементларны, әһәңлекне, эмоциональлекне көчәйтү кирәк чакта кулланды.

Г. Ибраһимов әсәрләрендәге гарәп-фарсы сүзләре тормышның, жәмгыятьтәге күренешнең төрле тармакларына карый: дини эчтәлекле (*корбан, дин, иман, жәһәннәм*), фәнгә (*әдәбият, әдип, хатип*), уку-укуту эшләренә (*китап, каләм, шәһадәтнамә, мөгаллим*), ижтимагый-политик мәсьәләләргә (*кабилә, нәсел, хөкем*), гайлә мөнәсәбәтләренә (*никах, талак*), кеше исемнәре (*Әнгам, Зәки, Әхмәт*), хәрби-медицина терминнары (*гаскәр, дәва, шифа*). Болар барысы да хәзерге татар телендә кулланыла.

Хәзер аерым әсәрләренә тукталып үтик.

«Сөю-сәгадәт» хикәясе. Аның атамасына игътибар итик. *Сәгадәт* эчке мәгънәсе белән гарәп телендәге *мәсгудият*, *бәхет*, *рәхәт* сүзләренә туры килә. Ләкин алар арасында да вакыты белән бер- берсен алыштыра алмаслык эчке мәгънә төсмере бар. *Сәгадәт*нең мәгънәсе тегеләрнекенә караганда кирәк. Ул аларның өчесенә дә мәгънәләрен синтетиклаштыра кебек. Әмма тегеләрнең мәгънәсе контрктта конкретлаша. *Сәгадәт* сүзе, теге сүзләр абстракт мәгънәле булсалар да, алардан абстрактрак. Ул сөюне гадәттән тыш идеаллаштыра. Г. Ибраһимов *сәгадәт* сүзен әнә шул идеаллаштыруны тасвирлау өчен сайлаган да.

Бу хикәядә язучы күп кенә гарәп-фарсы сүзләре куллана. Мәсәлән: *чагор егет* – *батыр егет*, *табигъ* – *буйсынулы*, *фәгаль* – *көчле*, *куатле*, *мәсгудиятле* – *бәхетле*, *мөхтәдир* – *сәләтле*. Абстракт төшенчәләренә аңлаткан сүзләр: *әдәбия* – *мәңгелек*, *львият* – *бөеклек*, *иррият* – *иреклек*, *жәмәль* – *матурлык*. Фигыльләр дә монда үз урынын алып торалар. Мәсәлән, жөмләдә: *Гул, дөъя вә табигатьнең яңа күрке, матурлыгы хәшеф ителә барып, мине мәфтун итә. Мәфтун итү – рухландыру.*

Тагын бер мисал: *Берсе миннән көлә, үзенчә, минем тилелегемне тәәһи өчен. Тәәһи – аңлату.*

Шулай итеп, Г. Ибраһимов эпитетларны, чагыштыруларны мул куллануы белән бергә, гарәп-фарсы сүзләре белән дә оста эш иткән.

Әдәбият

Абдуллина Ф. А. Лексика современного татарского языка: тенденции развития. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. – 112 с.

Поварисов С. Ш. Әдәби әсәрләренә телен өйрәнү. – Уфа, 1974. – С. 72–77.

Сафиуллина Ф. С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология. – Казан: Хәтер, 1999. – С. 55–57.

Хөснуллина Г. Н.

БУЛАТ СӨЛӘЙМАНОВ ӘСӘРЛӘРЕНДӘ САВЫТ-САБА АТАМАЛАРЫ

Иртәме-соңмы, һәр төбәк үз асыл сандугачын, шул якның гүзәллеген данлар әдипне тудыра. Себер ягыннан шундый язучыларның беренчесе булып Булат Сөләйманов исәпләнә [Бадертдинова 2014: 41]. Чыннан да, Б. Сөләйманов туган ягына, туган жиренә тугърылыклы язучы. Ул – Себер татар халкы мәдәниятен, рухи байлыгын үстерү, саклап калу, алдагы буыннарга житкерү өчен зур тырышлык куйган язучы. Аның әсәрләрендә рухи байлыklar белән беррәттән матди мәдәният элементларын да очратырга мөмкин. Б. Сөләйманов әсәрләре милли мәдәниәтне өйрәнүдә кызыклы чыганак булып тора. Без аның әсәрләреннән савыт-саба атамаларын барлап чыктык. Мондый берәмлекләр Б. Сөләймановның чәчмә әсәрләрендә күбрәк урын алган, чөнки әлеге әсәрләрдә халыкның тормыш-көнкүреше тасвирлана. Савыт-саба атамаларыннан язучы әсәрләрендә *табак*, *пычак*, *мичкә*, *чәйнек*, *кашык* һ. б. ны очратырга мөмкин. Тикшеренүләр күрсәткәнчә, алар барысы да татар әдәби теленә лексик байлыгын тәшкил итә. Арада диалекталь берәмлекләр юк диярлек.

Абу баба *чуенны* мич өстеннән алып бәрәңгенә суын саркытты. Аннан *чуены*-ние белән өстәлгә китереп утыртты [Сөләйманов 1998: 136].

Чуен – шул металлдан ясалган махсус чүлмәк, савыт [ТТАС 2005: 659].

Абу баба *табакка* берничә бәрәңге, бер телем ипи салып Вәлишкә бирде [Сөләйманов 1998: 136].

Табак – зур түгәрәк һәм чагыштырмача сай савыт [ТТАС 2005: 503]. Татарча-русча сүзлектә, большая чаша (для приноса горячей пици на стол), дип аңлатыла [ТРС 2007-II: 290].

– Мөслимә, мә ач әле син шушы тушонканы, ипи кис, мин бер кул белән булдыра алмыйм, – дип *пычакны* Мөслимәгә сузды. Мөслимә *пычакны* кулына алып кынысыннан суырып чыгарды [Сөләйманов 1998: 159].

Пычак – кисү, турау өчен бер башына сап куелган, бер ягы үткен яссы металл кисегә [ТТАС 2005: 435].

Гөлжамал карчык башта *чәйнекне* кайнар су белән чайкап түкте. Аннан *чәй кашыгы* белән санап кына ике *кашык* чәй салды да, зур *чәйнектән* кайнар су агызды. Әллә Абдулланы ничек чәй ясарга өйрәтергә теләпме, әллә булмаса, ике генә *кашык* чәй салды бу кортка, бигрәк саран әнкәй, дип уйламасын улым дипме, Гөлжамал карчыкның теле дә тик тормады [Сөләйманов 1998: 208].

Чәйнек – чәй пешерү, парлау өчен махсус ясалган тоткалы борынлы савыт [ТТАС 2005: 667].

Чәй кашыгы – кечкенә кашык, бал кашыгы [ТТАС 2005: 667].

Кашык – төрле рәвештәге ашамлыктарны савыттан аз-азлап алу өчен агачтан яки металлдан эшләннгән озын саплы эсбап [ТТАС 2005: 435].

Энә белән кое казыргамы, *иләк* белән су ташыргамы, боерсын гына [Сөләйманов 1998: 213].

Иләк – он яки ярманы үзенә катышкан эре кисәкләрдән аеру, иләү өчен түгәрәк кысага кидерелгән челтәрдән гыйбарәт жайланма [ТТАС 2005: 182].

Б. Сөләйманов эсәрләрендә, татар мэдәниятен чагылдырган савыт-саба атамалары белән беррәттән, алынма савыт-саба атамаларын да очратырга була. Бер яктан караганда, алынмаларның телгә үтеп керүе төрле халыктар, дәүләтләр арасындагы мөнәсәбәтләрне күрсәтсә, икенче яктан, алынмалар телне баеталар һәм, гадәттә, аның башка телләрдән аерылып торган төп үзенчәлекләренә зыян салмыйлар, чөнки телнең үз сүзлек байлыгы саклана, грамматик төзелеш үзгәрми, телнең эчке үсеш закончалыктары бозылмый. Алынмаларның телдә ныгып калуы аларның кеше тормышындагы роле, халыкның үзаңы, жәмгыятьтәге ижтимагый-сәяси үзгәрешләр һ.б. белән бәйле була [Нурмөхәммәтова 2014: 174].

Абу бабаның кипкән тамак төпләрен куырып алды, башын әйләндерде, гүя кырлы *стакан* белән шәраб эчтемени [Сөләйманов 1998: 125].

Стакан – рус теленнән кергән сүз, чәй, су эчү, сыеклык алу-салу өчен кулланыла торган, нигездә, цилиндр формалы, сапсыз, үтә күренмәле пыяла, бәллүр һ.б.ш. материалдан эшләннгән савыт [ТТАС 2005: 481].

Аннан вещьмешоктан тагын бер кисәк шикәр һәм чехоллы солдат *флягасы* килеп чыкты [Сөләйманов 1998: 158].

Фляга – рус теле аша немец теленнән кергән сүз, 1) иңбашка яки каешка элөп, су салып йөртү өчен яссы металл савыт; 2) сыеклык салып йөртү торган ян-яктарында тоткасы булган капкачлы зур савыт [ТТАС 2005: 624].

Нәби бердәнбер *кружкага* салып аны Мөслимәгә сузды [Сөләйманов 1998: 159].

Кружка – рус теленнән кергән сүз, кечкенә саплы биек тустаган савыт [ТТАС 2005: 289].

Табынның ямен жибәрмәс өчен, Абдулла алдында утырган озын нечкә аяклы коньяк тутырылган *рюмканы* кулына алды да торып басты [Сөләйманов 1998: 187].

Рюмка – рус теле аша голланд теленнән кергән сүз, эчемлек салып эчәр өчен нечкә билле махсус кечкенә савыт [ТТАС 2005: 453].

– Абдулла, йоклап утырма, тот тизрәк *бокалыңны!* Бер Абдулла гына түгел, Мәрәм дә, Розалия дә *бокалларын* Фәридкә суздылар [Сөләйманов 1998: 189].

Бокал – рус теле аша француз теленнән кергән сүз, шәраб эчү өчен зур рюмка рәвешендә савыт; кадәх [ТТАС 2005: 90].

Мөслимәнең экрен генә чемченеп утырганын күргәч, *мичкәдән* барып су алып килде [Сөләйманов 1998: 160].

Мичкә (бочка) – рус теленнән кергән сүз, ике башы да яссы төпле, цилиндр формасындагы яки кабарынкы корсаклы тимердән яки тар гына такталарны коршаулап эшләннгән зур савыт, кисмәк [ТТАС 2005: 368].

Б. Сөләйманов эсәрләрендә Бөек Ватан сугышы чорындагы тыл тормышы сурәтләннгән. Эсәрләрдә катнаш халыкның әлеге чор шартларындагы яшәү рәвешен күрергә мөмкин. Шушы халыктар арасындагы бәйләнешләр нәтижәсендә, аларның телләрендәге үзгәрешләр дә бер-берләренә үтеп кергән.

Телгә алынмаларның үтеп керүе гадәти күренеш булып тора һәм алар сүзлек составын тулыландыралар. Югарыда китерелгән мисаллар нигезендә дә шуңа инанырга мөмкин. Б. Сөләйманов эсәрләрендә очраган алынмаларның күпчелеге матди мэдәният элементлары, чөнки матди мэдәният лексикасына алынмаларның үтеп керүе бик еш очрый торган процесс. Матди мэдәният лексикасының состав өлеше булган савыт-саба атамалары арасындагы алынмалар күбрәк рус теленнән һәм рус теле аша башка телләрдән үтеп кергәннәр.

Әдәбият

Нурмөхәммәтова Р. С. Мэдәниятара багланышлар нәтижәсе буларак алынма аш-су атамалары // Сулеймановские чтения (семнадцатые): Всерос. науч.– практ. конф. «Культурное и этническое многообразие тюркского мира» (Тюмень, 30–31 мая 2014): Труды и материалы / Под общ. ред. Х. Ч. Алишиной. – Тюмень: Печатник, 2014. – 325 с. – Б. 174–175.

Сөләйманов Б. Мин себер татарымын: Шигырләр, хикәяләр, мәкаләләр / Н. Йосыпованың кереш сүзе. – Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 1998. – 256 б.

Бадертдинова Л. Булат Сөләймановның башлангыч чор ижатында рухи-әхлакый кыйммәтләр

// Сулеймановские чтения (семнадцатые): Всерос. науч.– практ. конф. «Культурное и этническое многообразие тюркского мира» (Тюмень, 30–31 мая 2014): Труды и материалы / Под общ. ред. Х. Ч. Алишиной. – Тюмень: Печатник, 2014. – 325 с. – Б. 41–44.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.

Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 1 (А-Л), Т. 2 (М-Я) – Казань: Алма-Лит, 2007.

Хурматуллина Л. Х.

КОНЦЕПТ «ПОГОДА» В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ И ДИАЛЕКТАХ СИБИРСКИХ ТАТАР

Лексика явлений природы является одной из частей лексики татарского языка. Специальному лингвистическому анализу лексика явлений природы еще не подвергалась.

Изучение лексики явлений природы интересно как для исследователей, так и для всех, кто занимается историей, этнографией татарского народа. Изучение лексики явлений природы может дать сведения о том, как формировались диалекты сибирских татар

Источниками исследования явились материалы из научной литературы, «Словарь диалектов сибирских татар» Д. Г. Тумашевой (1993), словарь Иосифа Гиганова «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими Муллами свидетельствованные» (1804), научные труды различных ученых и исследователей (Тумашева Д. Г., Алишина Х. Ч., Дыбо А. В., Мусаев К. М., Насибуллина А. Х., др.), собственный полевой материал. В орбиту исследований диалектов сибирских татар в сороковые годы были вовлечены учителя Чебургинской школы Тобольского района. В работе В. Т. Ахметова «Тобол-Томэн татарлары диалекты» освещаются особенности разговорной речи татар аулов Вармахли, Сеиты, Старо-Каишкуль, Ишменево, дается небольшой глоссарий.

«ПОГОДА»

Общим названием погоды у древних тюрков являлось слово, одновременно имеющее значение ‘солнце’ – *kun*. Древние тюрки большое значение придавали солнцу как главному фактору сохранения и изменения погоды. В их представлении солнце определяло погоду. Об этом говорят Л. Г. д’Ач и другие примеры: каз. *hiigiin lain zaqsu*, як. *hiigi'm uciigej kiin* ‘сегодня хорошая погода’; тат. *jaijyurly kon* ‘дождливый день’; каз. *kese kiin zamct rinliJu* ‘вчера была плохая погода’; *kun zamanda qajda barasyn?* ‘куда ты идешь в плохую погоду?’. В подобных примерах *lain* не имеет семантики солнце, а представляет собой обозначение погоды в современном понимании. Как и все названия погодных явлений, это слово многозначно и имеет также другие значения, связанные с погодой; *lain asyq* ‘ясная погода’; *kun hului* ‘пасмурная погода’. *Kiin* может обозначать и атмосферные осадки: *erleij lain zawadn* ‘завтра пойдет дождь’. Синонимы: *kiin batty* ~ *kes batty* ‘наступил вечер’. Не во всех тюркских языках сохранилось значение ‘погода’ у слова *kiin*. Во многих исламизированных языках значение ‘погода’ выражается арабским заимствованием *hava*, в языках, испытавших русское влияние, – словом *погода*.

«ЯСНАЯ ПОГОДА»

Пратюрки имели специальные обозначения для ясной погоды – зимней и летней. И зимой, и летом ясная погода представляла собой экстремальные условия для жизни и быта людей. При такой погоде и зимой, и летом приходилось надевать толстый слой одежды, меховую шапку.

1. Зимняя ясная погода – холодная, жгучая. Понятие это обозначалось общетюркским словом **ajaz*, **ajar*.

Крх. – уйг. *ajas* (ДТС 27 – МК); ср. – кыпч. (KW 41, At-tuhfa 145); тур., аз. *ajaz*; кар. К. *ajas*; кум., тат., башк., каз., кирг. *ajaz*; алт. диал. *ajuz* (Баск. Леб. 111); узб., уйг. *ajaz*; сюг., хак., тув. *ajas*; чув. *ujar*.

Общее значение – ‘ясная погода’, как в древних, так и в современных языках: крх. – уйг. (Diz. 54), ст. – кыпч. (At-tuhfa), кум., алт. диал. (ведро), уйг., сюг., тув., чув. Вместе с тем следует отметить, что в этом слове во многих языках преобладает значение ‘зимняя ясная погода’: крх. – тюрк. (Diz. 54); тур., аз., кум.

Первичное значение, по-видимому, ‘ясный, безоблачный’, которое имеется в ср. – кыпч. (KW), кар. К., кум., тат., каз., башк., кирг., алт., хак., тув. В части языков преобладают значения: ясный и морозный – узб.; чистое, ясное – о небе – крх. – уйг. (ДТС 27 – МК); ясный, безоблачный, чистый –

о зимнем небе – аз. В каз. его основное значение – ‘мороз’. Вместе с тем следует отметить, что не все значения этого слова зафиксированы в словарях.

Э. В. Севортян (ЭСТЯ 1974, 102–103) считает, что *ajaz* – производное имя с афф. – *a*: от корня **aj* ~ **aj-* > **aj* ~ **aj-*, который можно выделить при сопоставлении кирг. = каз. *ajyq* ‘стать ясным, проясниться’ (Р I 218), кирг. = каз., кирг. *aivq-* ‘проясняться (о погоде)’ (Р I 10), ккалп. *ajyq* ‘прояснившийся (о погоде)’. Сюда же, вероятно, относятся: башк. диал. *ajat-* ‘проясняться (о погоде)’ (Bhh II 20), тат. диал. *ajaq* ‘ясно’ (Тум. СДСТ 19).

Упомянем другое название зимней ясной погоды – мороза, которое представлено в тат. диал. *qayuran* ‘ясная погода зимой; продолжительная ясная погода’ (Тум. СДСТ 13 – Гиг.), его можно сравнить с тоо. *qajyxu* / ‘ведро зимой’ (Р II 74, тоб.).

Летняя ясная погода – жара древнему тюрку представлялась в виде горящего угля. Слово, обозначающее это понятие, генетически восходит к *edu*, первично – ‘горящий уголь’, затем – ‘жар, зной’: ст. – осм. *coyak* (TS II 931 с XV в.); тат. диал. *cuwaq* (ДСТ 490), башк. *sawak*, ног., ккалп., каз. *suwaq*; кирг. *cubaq*, кирг. южн. *ci'rwok*; каз., шор. *soq* (Р IV 1023); слово имеет много значений, связанных с ясной, жаркой погодой: ‘солнечный луч; пламя; жара, солнцепек; светлый, светящийся; солнечный; ясный, безоблачный, ведренный’.

Летняя ясная погода представлялась также как причина засухи, потому значение ‘ясная, солнечная погода’ нередко соседствует с ‘засуха’ в словах, отмеченных в основном в сибирско-алтайском регионе; тув. *qmj* ‘ведро, ведренный, ясный; засуха’, тоф. *qarj* ‘ясная, солнечная погода осенью’ <– ср. – монг. (см. Рас. 103); алт. *qarj* ‘засуха’ <– монг. (см. Рас. МБЗ 32). Г. Рамстедт (Ram. KWb 144a) сравнивает калм. *qarj* ‘сильная жара’ <? кит. с урян. (= тув.) *qarj* ‘безоблачный’, см. еще Ras. VEWT 232a, Р II 80. К кит. источнику возводит *yang* ‘засуха; недостаток корма для скота’ Ф. Лессинг (Less. 348a). Едва ли алт., тув., тоф. *qarj* можно отделить от тел. *qayan* ‘засуха’ (Верб. 474, ср. Р II 71, где *qayan* возводится к *qaq* ‘сухой’ и отождествляется с *qaij*), каз. *quwaij* ‘засушливый, выгоревший’, башк. диал. *qawan* ‘суховея’ (Bhh II 140), *qSwan* – то же (Мирж. ЮД 94, 158), казан. *qu-wan* ‘зной, жар’ (Р II 1040), тат. диал. *qowan* ‘зной’ (Тум. СДСТ 130). При тождестве *qayan* и *qarj* (*n* > *n* под влиянием *y*) можно видеть в монг. *yaij* тюркизм.

Литература

- Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. – Казань, 1994. – 15 с.
Барсукова Р. С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2002.
Насибуллина А. Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. Тюмень, 2001.
Рамазанова Д. Б. Татар теленең көнчыгыш диалектлары. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 260 с.
Тумашева Д. Г. Словарь М. Кашгарского и лексика сибирских татар // Материалы научно-практической конференции «Сулеймановские чтения – 2000». Тюмень, 2000, с. 66.
Тумашева Д. Г., Насибуллина А. Х. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. Тюмень, 2000.

Хусаинова А. Я.

ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ.

Названия растений, которые произрастают на территории расселения татар Оренбуржья, являются неотъемлемой частью словарного состава лексики. Подавляющее большинство их составляют общетюркские слова и корни. Значительная часть их приходится на местные образования.

Названия деревьев. Для обозначения общего названия дерева в татарских говорах Оренбуржья бытует общетюркское слово **ағач**. Названия деревьев в основном совпадают с литературными эквивалентами, хотя обнаруживаются и диалектные слова. Рассмотрим подробнее некоторые названия деревьев, характерные для исследуемых говоров.

Чаган в бугурусланском, каргалинском говорах, как и в смежном мензелинском, камышлинском, бирском, пермском говорах, «клён» (тат. литер. өрәңге) «черноклен, татарский клен». Параллели лексемы *чаган* имеются в монгольском языке [Бурганова 1976: 144].

Қарағай (< *қара* «черный, густой, темный» + афф. – *ғай*) в каргалинском, шарлыкском говорах, а также в других татарских говорах Приуралья, сибирских диалектах «сосна» (тат. литер. нарат). В татарском литературном языке данное слово обозначает «лиственницу». Ср.: *карагай*

в ног., кум., ккалп., алт., хак., узб., башк., уйг. «сосна», в кирг., уйг. диал. «ель». Словоформа *карагай* представлена во всех тюркских языках, кроме юго-западных огузских, сопоставляется с монгольской формой *харагай*, в ограниченном распространении «лиственница», «сосна», «ель или лиственница, хвойное дерево» [Фасмер 2004: 292].

Чаука в бугурусланском, шарлыкском говорах «березовая роща», как и в других говорах, распространенных на территории юго-западного Башкортостана. В сибирских диалектах распространен вариант **цауыл** [Насибуллина 2001: 35]. В пермском, ичкинском, златоустовском говорах в значении «береза», «березовая метла» бытует *ч*-вариант лексема: *чауыл*. Ср.: башк. *саука/сауыл* «молодой березняк», алт. *чаал* «низкий березняк», «молодое дерево».

Названия орехов. **Чиртләвек** в каргалинском и бугурусланском говорах «орех» (тат. лит. чикләвек). *Чиртләвек күп булды, қапчық-қапчық жыйдық.* – Орех уродился, собирали мешками (бгрс.). В бугурусланском говоре бытует также вариант **чики**, характерный для материнского мамадышского, также и нурлатского говоров в том же значении.

В шарлыкском говоре **экәлә** обозначает «жёлудь», отмеченный и в материнских заказанских, также и хвалынском, кузнецком, карсунском говорах. Ср.: в пермском говоре **экәлә** «шишка некоторых деревьев», в мамадышском говоре «серёжка – у березы».

Мәмәй в каргалинском и златоустовском говорах «горошины просвирняка приземистого» (тат. литер. песи борчагы): *Песәй йафрагының мәмәйе була бит.* – У просвирняка приземистого бывают горошины. Интересно, что в татарском литературном языке слово **мәмәй** обозначает «еда, лакомство (на детском языке)». В данном случае наблюдается переосмысление значения слова в татарских говорах Оренбуржья. Вообще в названиях растений активно выступает местное словотворчество. Ср.: **сәдәп үлән** (красноуф., злт.), **садап печин** (перм.), **песи катламасы** (менз.), где проводятся аналогии с формой пуговицы и лепешки.

Большинство названий кустов и ягод совпадают с лексемами татарского литературного языка, но имеются и отличия. Названия кустарников включают в себя такие слова: *камыр жимеше, алморон, гөлйемеш, үгез күзе, шупин, шыпый* «шиповник», *майран* «боярышник», *шелек* «карагана кустарниковая, дереза», *уйылдык* «место, где много ягод» и др.

В шарлыкском говоре западного диалекта в значении «шиповник» употребляются следующие лексемы: *камыр жимеше, алморон, гөлйемеш, үгез күзе, шупин, шыпый*. **Алморон** (образовано от ал «алый» + морын (фонетический вариант слова борын) «нос») «шиповник» (тат. литер. гөлжимеш).

Үгез күзе в шарлыкском говоре, также и во многих говорах западного диалекта «шиповник». **Камыр жиләге** в шарлыкском и смежном стерлитамакском говоре «шиповник». *Чәнечкеле ал чәчәк ата камыр жиләге.* – Шиповник цветет алыми цветами с шипами. В мензелинском говоре в том же значении отмечен вариант **камыр жимеше**. Представляет интерес бытование выражений и слов с основой **камыр**: в тепекеевском говоре **камыраш**, в пермском **камырлауык**, в шарлыкском встречается вариант **камырлык**. В мензелинском говоре **камырлык** обозначают растение «боярышник». Здесь наблюдается смена семантики слова, однако общая сема сохраняется: мякоть ягод сравнивается с тестом.

Термины **шупин/шыпый** восходят к русскому шиповник. Например, *Шыпый чәчәг атса, хәтта исе әйбәт була.* – Когда цветет шиповник, распространяется очень вкусный аромат.

Майран в каргалинском говоре «боярышник» (тат. литер. дүләнә): *Майран балан кебек сары төстә була.* – Боярышник как калина бывает желтого цвета. Ср.: в тарханском говоре **майар миләше** «бузина» (тат. литер. карга миләше). Слово **майран** образовано от *майар* – фонетического варианта русского *баяр*. В каргалинском и бугурусланском говорах на основе данного слова образовано словосочетание **байар шелеге (шөлеге)** «желтая акация». Ср.: в материнском мамадышском говоре **байар ағачы**, в чистопольском **байар кувагы** «желтая акация», в чистопольском говоре **байар мөләше** «бузина». М. В. Фасмер указывает, что русское *баярин* из кокандск., башк., тат., туркм., азерб. *bajar* «хозяин; русск. офицер; чиновник», указывая источник в др. – тюрк. *bai* «знатный, богатый» + *-är*, т. е. «знатный человек».

Уйылдык в каргалинском говоре «место, где много ягод». *Йақын килмәгез, дисең, уйылдык тапсаң.* – Говоришь, чтобы не подходили близко, если найдёшь ягодное место. Ср.: в златоустовском говоре **уйдым** в том же значении.

Названия трав и цветов. К названиям трав и цветов относятся слова: *мышкы* (< морд.) «конопля», *қуйан солосы* «овсюг опущенный» (тат. литер. – кара солычаның бер төре), *қыр кишере* «бутень клубненосный» (тат. литер йонлы бәрәңге), т. е. клубни и листья этой травы сопоставляются с морковью, *кучан* «лопух» (имеется в виду лопух первого года, корень которого съедобен), *чай үләне/ казчай* «осот полевой» (тат. литер. сөтле билчән), *сүвәрби/ сийәрби* «свербига восточная»

(тат. литер. *какы*), твр. *сийәрби* в том же значении, *төймәле баиш* в бугурусланском говоре «василек луговой» (тат. литер. *зәңгәр болын чәчәге*), *йара үләне* «подорожник» (тат. литер. *бака яфрагы*), *дүңгелди* «просвирняк» (тат. литер. *песи борчагы*), *камьши чәчәге* «сусак зонтичный», *күрән* «войник тростниковидный», *сарана* «лилия сарана», *ут чәчәге* «чертополох курчавый», *чебен кушагы* «спаржа», *чыпчық үләне* «незабудки», *әби серкәсе* «пастушья сумка», *үгәйинә йафрагы/бақа йафрагы* «мать-и-мачеха», *андыз* «девясил британский», *бүтәкә* «белоус», *йөннекәй* «бутень клубненосный», *қамчау үләне* «ярутка полевая», *қамьши баишы* «вейник тростниковидный», *чай* «тысячелистник», и др. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Мышкы (< морд.) в шарлыкском, также и в темниковском, лямбирском, кузнецком, хвалынском, чистопольском, карсунском говорах «конопля» (тат. литер. *киндер*). *Элгәре заманда чәчәләр иде мышкыны.* – Раньше сеяли коноплю. В шарлыкском, также в мензелинском, карсунском говорах **мышкы** «конопляное волокно, пакля» (тат. литер. *киндер сүсе*). *Киндераишы тау башында жәйеп кинтерәләр, талкыйлар, талкысы төшә, мышкысын эрлиләр.* – шрл. В карсунском говоре данное слово имеет значение «стебель конопли». В указанных говорах используется также вариант **мошкы**. В бугурусланском, шарлыкском и в смежном стерлитамакском, также и в кузнецком говорах на основе данного слова возникло выражение **кара мышкы/ кара мошкы** со значением «конопля, не дающая семена, посконь, дерганцы», **сары мышкы/ сары мошкы** со значением «семенная конопля; матерка, матка», **кыр мошкысы** в шарлыкском и стерлитамакском говорах «дикая конопля».

Лексема **йара үләне**, по нашему мнению, восходит к тюрк. (туркм., гаг., аз., кум., ног., узб., уйг. диал.) *йа: ра* 1) «рана» (во всех источниках); 2) «порез» (турк., тур., аз.); 3) «язва» (аз., гаг., кирг., каз., ккалп.); 4) «болеячка» (аз., гаг., кирг., ккалп., узб.). С древнейших времен известно использование листьев подорожника как ранозаживляющее средство, что и отражается в данном названии.

Дурман ядовитое растение из семейства паслёновых с одуряющим запахом; белена. Н. К. Дмитриев относит дурман к словам, для раскрытия этимологии которых требуется дополнительные материалы. Персидское *дәрман* «лекарство, средство, способ», вошло в русский язык в смысле «снадобье, зелье». Ср. Радлов *дәрман* (тур., аз., из перс.) «лекарство, средство». Наоборот, М. В. Фасмер считает, что дурман является скорее русским новообразованием от *дурной, одурять* чем тюркское заимствование от перс. *дәрман* [Шипова 1976:130].

В данной тематической группе более активно выступает местное словотворчество (*мамәй* «горошины просвирняка приземистого», *қыр кишере* «бутень клубненосный», *үгез күзе* «шиповник» и др.). Местным названиям растений присущи оригинальные принципы номинации (*камьыр жимеше* «шиповник», *йара үләне* «подорожник», *төймәле баиш* «василек луговой» и др.).

Литература:

Бурганова Н. Б. О татарских народных названиях растений / Н. Б. Бурганова // Вопросы лексикологии и лексикографии. – Казань, 1976. С.125–141.

Большой диалектологический словарь татарского языка / сост.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хэйретдинова. – Казань: Татарское книжное издательство, 2009. – 839 с.

Садыкова З. Р. Говоры оренбургских татар. – Казань: Татарское книжное издательство, 1985. – 158 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Фасмер М.: В 4-х т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. – 4-е изд., стереотип. – Москва: Астрель – АСТ, 2004. – Т. 4. – 860 с.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е. Н. Шипова. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. – 600 с.

Чотчаева Р. У.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Астронимика, изучающая названия космических объектов или отдельных небесных светил, как одно из направлений ономастики карачаево-балкарского языка, на современном этапе его развития представляет собой наименее изученную часть лексики. Судя по лексикографическим и другим источникам, данная лексика не анализируется и идентифицирована, вследствие чего

возникают определенные трудности при её исследовании. Следует отметить также, что часто границы номинации звезд и созвездий, а также астрономических поверий в традиционном представлении, не совпадают с принятыми в современной науке данными. Мифологические представления карачаевцев и балкарцев о звездах и созвездиях описаны М. Джуртубаевым [Джуртубаев, 2007].

В лексике карачаево-балкарцев сохранилась масса астрономов, в т.ч. наименований звезд: Темиркъзакъ (*Полярная звезда*), ДжарыкъДжулдуз (*Сириус*); планет: Чолпан (*Венера*); созвездий: ДжетегейлиДжетиДжулдуз (*Б. Медведица*); звездных скоплений и туманностей: Илкер (*Плеяда*), КериуанКъырылгъанДжол (*Млечный Путь*, букв. «Путь истребленного каравана») и др. Данный факт прямо указывает на то, что традиционная календарная система основывалась на достаточно развитом для своего времени объеме астрономических знаний [Хатуев, 2009, с. 10].

Целью данной статьи является попытка освещения некоторых аспектов мифологического сознания карачаевцев и балкарцев в контексте номинаций небесных светил. Базовыми лексемами, ориентированными на номинацию небесных тел в карачаево-балкарском языке, являются слова типа: ай (*луна*), кюн (*солнце*), джулдуз (*звезда*), джулдузлукъ («*созвездие*»). Они входят в общетюркскую лексику.

В карачаево-балкарских мифах встречается значительное количество астрономов. Некоторые одиночные небесные тела, представлены в форме единственного числа: Темир-Къзакъ (*Полярная звезда*), Чолпан (*Венера*), Сарытон (*Сатурн*) и др. *Примеры: Илкер* батмай, джеркъатмаз, (Пока *Илкер* не закатится, земля не «уснет»); *Чолпан* чыкъмай, тангатмаз. (Пока *Чолпан* не взойдет, не рассветет); *Чолпан* джулдуз джулдузланы башыды, (*Чолпан-звезда* – главная из звезд); *Темир-Къзакъ* къёкнотебмезташыды (*Темиркъзакъ* – недвижимая твердыня неба); *Джетегейле* джети айланмай, тангатмаз, (Пока *Джетегейле* семь кругов не пройдут, не забрезжит рассвет); Адам джеринеджетмей, къайтмаз, (Не достигнув конца пути, человеку не вернется назад, т.е. не следует возвращаться); Джетиге дери ким айтмаз? (Кто не сможет повторить семь раз? Имеется в виду «не переводя дыхания») [Джуртубаев, 2007, С.374].

В ряде случаев можно говорить о формуле «астроном + джулдуз». Подобная модель характерна для таких небесных тел, как *Эртденджулдуз*, *Чолпан* (*Утренняя звезда*), *Ашхамджулдуз* (*Вечерняя звезда*) и др.

Примеры: Чолпан чыкъды – тангатды, (Взошла *Чолпан (Венера)* – наступило утро; *Илкер* батды – кюнкъатды. (Закатилась *Плеяда* – день замер); *Джетегейле* джулдуз батханда, (Когда закатились *Джетегейле (Семерица)*); Танг агъары батханда, (И забрезжил рассвет); Бийнегеруугъа джолачды, (Бийнегер держал путь на охоту) [Джуртубаев, 2007, С.373].

Отмечены также созвездия, в названиях которых актуализируется значение множественности, т.е. астрономы употреблены в форме множественного числа. К ним относятся: Боюнсхала («*Весы*»), Джетегейле («*Большая Медведица*» – «*Семерица*»), Илкерле («*Плеяды*»), Мырытла («*Малая Медведица*»), Эгизле («*Близнецы*») и т.д.

Примеры: Илкер леб джулдузладыла, джоппу, кюзартындачыгъадыла. *Боюнсала* дайымкёрюнедиле. (*Илкерле – Плеяды* – группа звёзд, созвездие, появляются осенью. Созвездие *Боюнсала – Ярма* – видно постоянно) [Джуртубаев, 2007, С.373].

При номинации некоторых звезд носителями языка используется метафора, о чем свидетельствуют следующие астрономы: Боюнсхала («*Ярмо*»), Чёмючле (Чарала) «*Чаши*», Гидала («*Топоры, секиры*»), Оракъла («*Серпы*»), Къойджол («*Овечья тропа*») и др.

Как видно из этих примеров, на звезды переносятся те реалии, которые окружают носителя языка в повседневной жизни. Указанное утверждение подтверждается и материалом мифов. Приведем один маленький отрывок: Джулдузлагъа атларынушаты байтханболурла, харбиринбирзатха. «*Чёмючле*» деббеш-алты джулдузчукъ барды, былайкъарасанг, формасы адамсууичгена якъгъаушайды. [Джуртубаев, 2007, 373] – (По всей видимости, звезды уподоблялись чему либо. Под названием «*Чёмючле*» есть пять-шесть звездочек. Посмотришь – похожи на посуду, из которой человек пьет воду»). Особо следует отметить использование и роль лексики, для обозначения цвета астрономов: *Онгакъ* (Выцветший), *Сары Айгъыр* (Рыжий жеребец), *Тору Айгъыр* (Гнедой жеребец), *Къара Айгъыр* (Вороной жеребец), *Саргъайгъанла* (Пожелтевшие) и т.д. В этом ряду находится и *Сарытон* (Сатурн). Согласно мифологическим представлениям карачаевцев и балкарцев, матерью данной планеты является Солнце, которое одарило его одеждой, вследствие чего человеку она кажется желтой.

Примеры: Кёгет джулдуз кюзартындачыгъады, эртденликде, джазда – кырдыкларыгъарзаманга. *Сары Айгъыр*, *Тору Айгъыр* деб да айтыучу эдиле бир джулдузланы атларын. (*Кёгет* джулдуз

– *Звезда плодов* – появляется на небе осенью и весной, когда начинает расти трава, под утро. Некоторые звезды назывались еще *Тору айгыр* – *Гнедой жеребец* и *Сары Айгыр* – *Светло-рыжий жеребец* [(Джуртубаев, 2007, С.373)].

В мифах зафиксировано время появления на горизонте той или иной звезды, созвездия. Так, *Кёгетджулдуз* (*Стожары*) появляется по утрам осенью, а весной – при росте травы, *Сюрючюджулдуз* (*Звезда чабана*) – когда дни становятся длиннее, *Оракъджулдузла* (*Серпы*) – к началу жатвы и т.д. Иначе говоря, появление на небе небесного тела определяется временем суток (ранний вечер, поздняя ночь, раннее утро), периодом года (в связи с тем или иным видом хозяйственной деятельности). В мифах репрезентируется и положение той или иной звезды на небосклоне.

Примеры: *Кёгетджулдуз* кюзартындакёрюнеди, ай саны блакеледи, акъырын, сора бирджанынабатыбкетеди. *Къойджол а* – узунсынджырджулдузла. *Джылкыджулдуз* къыбылагъатартса, джауумболлукътойюлдо. (*Кёгетджулдуз* – *Звезду плодов* – можно видеть осенью, она появляется в определенный месяц, затем постепенно закатывается. *Къойджол* (*Овечья тропа* – *Млечный путь*) – это длинная цепь звезд. Если *Джылкы* – *Звезда табуна* – воходит на юге, дождя не будет) [(Джуртубаев, 2007, С.373)].

Как и у остальных тюрков, у карачаевцев и балкарцев наиболее известной планетой солнечной системы является *Чолпан* (*Венера*): *Чолпанджулдуз* джулдузланыбашыды (*Звезда Чулпан* – глава всех звезд). По мнению исследователей, данное слово «подражательного происхождения»: $\text{çolp/şolp} + \text{глаголообразующий аффикс } -y + \text{аффикс причастия } -\text{уан: } \text{çolp} + y + \text{уан}$ «сверкающий» > çolpan [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 335]. Венера в сознании карачаевцев и балкарцев ассоциируется с рассветом и восходом солнца, о чем свидетельствуют и данные мифов: *Чолпанчыкъмай*, тангатмаз (Пока *Венера* не взойдет, утро не наступит); *Чолпанчыкъды* – тангатды (Взошла *Венера* – рассвело). Данные выдержки из мифов функционируют как паремии. На отмеченное выше указывает и другое название *Венеры* – *Танг джулдуз* (*Утренняя звезда*) Название *çobanjyldyзу* «пастушья звезда», которое связано со скотоводством, встречается почти у всех тюркоязычных народов. Скотоводство – основная хозяйственная деятельность пратюрков. Карачаево-балкарское *Сюрючюджулдуз* (Пастушья звезда) – скорее всего, коррелят этого названия.

Во все времена и у всех народов мифология непременно проникала во все сферы человеческой жизнедеятельности, образуя мифологическую картину мира. Таким образом, нет народа, языковая картина мира которого не была бы связана с мифологией. В этом контексте номинация астрономов – отдельная языковая мифологическая картина мира, сочетающая в себе реальность и фантазии, естественное и сверхъестественное, знание и веру, мысль и эмоции. Они играют существенную роль в раскрытии национальной языковой картины мира.

В рамках одной статьи невозможно отразить все многообразие небесных тел и их проявлений, которые вербализируются в карачаево-балкарском языке. Их полиаспектный анализ, на наш взгляд, имеет большое значение, как для традиционной лингвистики, так и для современных направлений языкознания.

Литература

Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006.

Джуртубаев М. Ч. Древние верования карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.

Джуртубаев М. Ч. Къарачай-малкъармифле. – Нальчик, Эльбрус, 2007.

Мифологический словарь. / Отв. ред. Е. М. Мелетинский. – М., 1973.

Мусукаев Б. Х. Очерки балкарской ономастики. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. – 171 с.

Къарачай-малкъар фольклор. – Нальчик, 1996.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 335.

Чотчаева Р. У. Об особенностях карачаево-балкарской теонимической лексики. – Актуальные проблемы современной филологии. – материалы межд. Научной конф., посвященной 75-летию со дня рождения профессора И. Х. Ахматова. – Нальчик 2013. – с. 377 – т. 383.

Хатуев Р. Т., Шаманов И. М. – Календарь. Карачай с древнейших времен до 1917 года – под ред. Лайпанова К. Т., Хатуев Р. Т., Шаманов И. М.. – Историко-этнографические очерки. – Черкесск – ИКО «Аланский Эрмитаж» – 2009.

Узденов А. М. Чолпан. – Черкесск, 1994.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНГУШСКИХ СЕМЕЙНЫХ РОДОВЫХ ПРОЗВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА И. БАЗОРКИНА «ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ»)

В ингушской антропонимической системе семейные и родовые прозвания занимают особую нишу. Термин «тайпа», который широко используется в качестве обозначения принадлежности человека к тому или иному роду, фамилии, трактуется исследователями по-разному. Так, поскольку в ингушском языке не оказалось собственного слова, отражающего понятие рода в его классическом содержании, Н. Г. Ахриев под заимствованным «тайпа» подразумевает родовую [Ахриев, 1975: 185], а Ю. Д. Дешериев – территориальную сущность общества [Дешериев, 1963: 90]. По общеупотребительному словарю значение этого слова – «род, фамилия». Однако исследователь Ш. Дахкильгов отмечает, что «в этнографической литературе термины «фамилия» и «род» нередко отождествляются. Между тем фамилия – понятие, не соответствующее архаическому роду» [Дахкильгов, 1978: 45]. Под родом, в данном случае, понимается «ряд поколений, ведущих свое происхождение от одного реального предка» [Дахкильгов, 1978: 89].

Как известно, неопределенная форма «фамилия» – «тейп» была введена в оборот путешественниками по Кавказу еще в XVIII в. Вот что пишет по этому вопросу профессор Н. Ф. Яковлев, активно занимавшийся изучением культуры и истории языка ингушей: «Все они (ингуши) держатся дружно и составляют один род, одну «тэйпы», как говорят ингуши, или одну «фамилию», как переведут они по-русски. Фамильные прозвища их – Котиевы, Мальсаговы и др. – переделаны уже на русский лад. Сами ингуши называют себя просто «сынами» или «потомками Котия», «потомками Малсэга» [Яковлев, 1925: 54].

В тексте романов «Из тьмы веков» и «Сыновья Беки» авторы используют понятия тейпа и рода как синонимы: «Я – Эгу. И род свой буду держать здесь. Чтoб гнездо моих предков не поросло бурьяном» [ИТВ, 1991: 8]; *Род Эгу, Род Чуры* [ИТВ, 1991] и др.

Что касается отчества, у ингушей его в традиционном понимании не существует. В повседневной жизни, общаясь друг с другом, ингуши никогда им не пользовались, то же касается и фамилии (в ее классической интерпретации). У ингушей для идентификации личности использовалось имя отца (реже – деда). Такая традиция именованья была продуктом социально-экономического состояния ингушского общества. «В условиях горной Ингушетии, когда население буквально «задышалось» от малоземелья, каждый член общества был строго привязан к тому земельному наделу, которым владел его аул/сельская община. Вся жизнь ингуша была жестко регламентирована в пределах этого надела, который, в конечном счете, состоял из родного аула и его окрестностей, и для уточнения личности достаточно было назвать имя и наименование родного села (ЙовларИ-дрис – Идрисиз с.Йовла)» [Алироев, 1990: 178].

В 30-е гг. XX в. «в условиях первой советской массовой паспортизации, многие граждане Советского Союза впервые получили официальные паспортные фамилии, при этом большинство жителей тюркоязычных республик получили отчества с русским суффиксом-овичифамилии с русским суффиксом -ов: МаметЮсупович Исмаилов, т.е. полностью восприняли формулу официального русского именованья» [Теория и методика ономастических исследований, с. 138]. В подтверждение этому, обратимся к роману И. Базоркина «Из тьмы веков». Во второй части произведения в ходе повествования появляются генонимы, переданные в русифицированной форме – как фамилии, что связано по сюжету книги с переселением населения на плоскостные земли: «... с *Гойтемировыми* не было никаких столкновений» [ИТВ, 1991: 167]; «*ГаракЭгаев* здесь?» [ИТВ, 1991: 45]. В первой части романа фамилии не встречаются, поскольку описывается горная Ингушетия. Однако, ввиду того, что фамилия становится все более распространенной формой именованья, от нее возможно образование отфамильных форм прилагательных и существительных: «*Гойтемировские* ребята пришли» [ИТВ, 1991: 255], «*Самый древний гойтемировец* вышел в круг» [ИТВ, 1991: 78]; «*Зерно высыпалось на землю. Гойтемировец* опешил» [ИТВ, 1991: 57].

Со временем численность ингушей возростала, они заселяли плоскостные земли, и было необходимо найти способы идентификации человека, помимо называнья имени отца и места, где жил человек. «Это привело к широкому распространению среди плоскостных ингушей терминов родства: «гара» (ветвь патронимической семьи), «ваър» (рожденный) – по имени отца, патрона, «наькъан» (часть патронимической семьи, сельской общины, племени)» [Дахкильгов, 1978: 163].

Из вышесказанного следует, что самый близкий к русскому термин «фамилия» – «накътан». В настоящее время русифицированные ингушские фамилии передаются по наследству.

Со временем понятие рода отходит на второй план, чему способствуют следующие обстоятельства. Во-первых, – это разбросанность родов по разным аулам, во-вторых, – изменение фамильного прозвища. «Если вы поставите себя на мгновение на место какого-нибудь ингуша, носящего одно из обычных мусульманских имен, например, Магомета или Алхаста, то вы сразу поймете, как неудобно ингушу носить одну общую родовую фамилию в условиях теперешней жизни. В многочисленном роду каких-нибудь Мальсаговых, Плиевых и других, Магометы, Алхасты и проч. насчитываются десятками, если не сотнями, как Иваны в наших (русских – М.Ц.) деревнях. По отчеству ингуши друг друга не называют. Поэтому, если вид на жительство, письмо или денежная расписка будут помечены именем Магомета Мальсагова, может произойти множество недоразумений и неудобств... <...> Во всех этих случаях он постарается назвать себя новой фамилией по имени отца, и в документах, а вслед за тем и в быту за ним быстро укрепляется это новое фамильное прозвище, выделяющее его и его потомство среди всех «однофамильцев». Так родились и рождаются у плоскостных ингушей новые фамильные прозвища Маматиевых, Мартазановых и многих других, происходящие от имен Маматия, Мартазана и др. [Яковлев, 1925: 79].

Таким образом, понятие рода у ингушей постепенно вытесняется понятием «фамилия». Это, в первую очередь, связано с современной общественной жизнью ингушей. Общаясь на неформальном уровне (в особенности это касается людей преклонного возраста), ингуши чаще интересуются родом, происхождением друг друга, нежели фамилией. В то время как в деловых кругах, несомненно, используют фамилии. Несмотря на это, те традиции, которые существовали при родовом строе, большей частью сохраняются и поныне. То есть у рода обязательно есть старший, которому все безоговорочно подчиняются и которого уважают; в случае определенных разногласий у представителей разных родов, на стороне каждого выступает своя фамилия. Таким образом, можно сделать вывод, что род исторически и культурно более близкая реальность для ингушского народа, в то время как фамилия – созданный и внедренный в соответствии с российскими юридическими требованиями компонент именованья.

Литература

Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный: Книга, 1990. 368 с.

Ахриев Н. Г. Исконные имена чеченцев и ингушей // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Грозный, 1975. С. 174–189.

Базоркин И. Из тьмы веков: Роман. Назрань: Сердало, 1991. 608 с. – **ИТВ**

Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный: Чеч.–Инг. кн. изд-во, 1978. 235 с.

Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика кавказских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чеч.–Инг. кн. изд-во, 1963. 552 с.

Яковлев Н. Ф. Ингуши. Популярный очерк. М.: Государственное изд-во, 1925. 150 с.

Шагдурова О. Ю.

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном хакасском языке полисемия очень распространенное явление, но в должной мере еще не исследованное. Лексика хакасского языка требует специального рассмотрения под разными углами зрения, и в первую очередь, внимания заслуживают глаголы. Существующие словари недостаточно полно раскрывают семантику имеющихся в языке слов. В них не в полной мере отражаются все имеющиеся у лексем значения.

В данной работе исследование семантики глаголов проводится в синхронном плане. В качестве объекта исследования были взяты только многозначные глаголы, потому что именно эта часть речи представляет большой интерес в изучении семантики слова. Многими исследователями отмечено, что глагол характеризуется большой способностью к варьированию. Семантическая структура многозначного глагола более сложна и богата по сравнению с именами существительными.

При выделении отдельного значения многозначного глагола мы пользовались методикой Ю. Д. Апресяна, в соответствии с которой, значения многозначных глаголов выводятся из значения их синтаксического окружения [Апресян, 1995: 51]. В отличие от имен существительных, которые отражают и обозначают предметы реальной действительности, глаголы выражают отношения между предметами. Поэтому значения существительных более конкретны, а значения глаголов воспринимаются одновременно с теми предметами, действия которых они характеризуют. Значение глагольной лексемы раскрывается в моделях субъектно-объектных отношений, по которым выявляются смысловые связи глагола с теми предметами, действие которых они обозначают. «Следовательно, значение глагольных лексем раскрывается, прежде всего, в имплицитных синтагмах, детерминированных категориальной семантикой сочетающихся глагольных и именных лексем, благодаря чему последние выступают членами потенциальных синтагм» [Уфимцева, 1974: 117].

Таким образом, для полной характеристики значения глагольной лексемы нами вводятся понятия *субъект глагольного действия*, который понимается как носитель действия, совершающий данное действие, и *объект глагольного действия*, на который направлено действие. В том случае, когда происходит смена субъекта действия, появляется другое значение указанного глагола. Объект действия также может повлиять на появление другого значения в структуре многозначного глагола. Так как многими исследователями (В. В. Виноградов, С. Г. Кацнельсон, А. А. Уфимцева и др.) субъект и объект рассматриваются как обязательные валентности глагола, то их называют актантами глагола. Благодаря такому свойству, лексические значения глаголов могут выражать целую пропозицию, ситуацию, поэтому глагол по информативной значимости может соотноситься с предложением [Русская глагольная лексика, 1997: 47, 50].

Например: глагол *ойна*= в основном значении ‘играть, резвиться, развлекаться, забавляться чем-л.’ не требует какого-либо объекта при себе, выражая при этом обычный процесс нахождения субъекта в состоянии и в процессе игры: *Най хыныг ойначаңнар олар* (КН-КХ, 68) – Очень весело играли они [дети]. *Чайгы туста олганнар кўн тооза ойнап ла тартысчалар* (Хч) – В летнее время дети целыми днями играют.

Кроме основного значения, в структуре данного глагола имеются и другие значения, в которых действие производится одушевленным или неодушевленным субъектом. Например: ‘звучать (о музыке)’ *Чўрек тибїредїстіг музыка ойнапча* (Ат 32, 32) – Звучит волнующая сердце музыка. *Аның хырында магнитофон тың ойнапча* (ВШ-Сс, 99) – Около него громко играет магнитофон. ‘шутить, смеяться, подшучивать над кем-л.’ *Олар ойнапчалар, Зоячах, испе чўбе оларны* (НД-Ыа, 175) – Они шутят, Зочка, не слушай их, хорошо. – *Мин ойнаам, – амарадарга кўстенген Омельянов* (КН-КХ, 42) – Я пошутил, – старался его успокоить Омельянов. ‘токовать (о птицах); особым криком подзывать самку (иногда самца)’: *Часхыда кўркў ойнапчатса, агаста пахта идїп, кўркў атчалар* (ВБ-ХРИЭС, 86) – Весной, во время токования глухарей, сделав на дереве скрад, там охотятся на них.

Все остальные значения данного глагола требуют какой-либо прямой объект, который выражается неопределенным падежом и аккузативом. Например, ‘играть во что-л. и на чём-л.; заниматься чем-л.’: *Олар футбол хада ойнапчалар* (АС-Ач, 4) – Они вместе играют в футбол. *Чўзўрчең ат тутчаң паза ахчаа карт ойначаң* (Ат 32, 83) – [Он] держал коня-скакуна и еще играл в карты на деньги. ‘играть на музыкальном инструменте’: *Ол иледеде ўгретчї полчаң олганнарны музыка инструменттерїнең ойнурга ўгрет салган* (Ат 32, 141) – Он многих ребят, будущих учителей, научил играть на музыкальных инструментах; *Кўстїгес чїли, гармонь даа ойнап пола чоғыл* (КН-КХ, 48) – Как Кўстїгес [он] не умеет играть на гармошке. ‘исполнять сценическую роль’: *«Кўзўрт» ойында Екатерина Павловна Катеринаны, Клавдия Семеновна, тізең, Варвараны ойнаан* (Хчк) – В пьесе «Гроза» Екатерина Павловна исполняла роль Катерины, а Клавдия Семеновна – Варвары; *Национальнай школада мин прай нымактар турғысхам паза ойнаам, кемні ле ойнабаам* (Хч) – В национальной школе я ставил все сказки и играл, кого только не играл. ‘разорвав, убить кого-н. (о животных)’ *Андада малыңны чазы адайлары ойнабыстычых па?* (Хт 1, 42) – Тогда, кажется, волки разорвали ваш скот, не так ли?

В качестве основного значения выступает то значение, которое приходит на ум сразу же при произнесении глагола, которое не зависит от контекста, а также является свободным в сочетаниях с большой группой слов. Например, *чапсын*= ‘приклеиться, прилипнуть к чему-л., крепко пристать (о чём-л. липком или к чему-л. липкому)’, *ах*= ‘течь, перемещаться струей, потоком (о реке, ручье, водном потоке, крови, слезах)’, *кимір*= ‘грызть, раскусывать что-л. зубами (что-л. твердое)’, *пулга*= ‘мешать, размешивать, взбалтывать что-л.’ и др. Например: *Тїліңде пірее тамчых чапсынган полар!* (ИК-Чх, 57) – Наверное, на языке твоём капелька какая-нибудь приклеилась! *Суг пірее туста тискер ахчатханга тўдїй* (Ат 32, 28) – Иногда кажется, что река течет наоборот. *Тас чїли хат парган итті тістерїнең*

nir dee кимир полбин, ирееленче (Ат 39, 30) – [Он] мучается [от того, что] никак не может разгрызть зубами мясо, которое затвердело словно камень. *Сыначах, кимеге хыринда үгре пулган, хайдаг-да көг хыңнанып одырча* (П, 5) – Сыначах, помешивая возле печки суп, напевала про себя какую-то песню.

Все остальные значения определяются в контексте, в связи с каким субъектом и объектом соотносится данное действие, а также в сочетании с какой-либо определенной группой слов. Например, *чапсын*= ЛСВ₂ ‘хвататься, цепляться за кого-л., что-л. (руками, зубами)’. *Хыс, тура сегірін, хармах сабына чапсыныбысхан* (ИК-Чх, 52) – Девушка, вскочив, схватилась за удочку. *Ах*= ЛСВ₂ ‘плыть, передвигаться по поверхности воды или в воде’: *Көрзем не, хармахтарымзар нир төге ағып одыр* (ИК-Чх, 56) – Смотрю, к моим удочкам плывет бревно. *Кимир*= ЛСВ₂ *перен.* ‘грызть кого-л., постоянно придирается к кому-л., бранить кого-л.’ *Кайдаң Паёка минөк кимирчелер: Муклайны айабинчазың* (П, 89) – Паёка с Кайдой меня же грызут: не жалею Муклая. *Пулга*= ЛСВ₂ ‘махать, делать взмахи, движения по воздуху чем-л. (рукой, хвостом)’. *Прай ла кізілер, хол пулган, Шуркачахха үннерін читіргеннер* (ИК-Чх, 48) – Все люди, размахивая руками, отдавали свои голоса Шурке.

Данные производные значения глаголов выявляются с помощью синтагматических смысловых связей этих глагола, то есть в зависимости от того, с какими словами они сочетаются.

Таким образом, проведенный анализ семантики многозначных глаголов в хакасском языке показал, что для более полного и тщательного выявления всех имеющихся лексических значений необходимо обращать внимание на субъектно-объектные управления этих глаголов в разных их значениях. Так как в имеющихся современных словарях для многих глагольных лексем недостаточно полно отражены все имеющиеся значения, необходимо выявлять в разных типах контекстов обязательные валентности многозначного глагола. Благодаря такому синтагматическому анализу удастся выявить все лексические значения многозначных глаголов.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм. Памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.

Список сокращений текстовых источников

АС-Ач А. Султреков. Аба чүрек. Ағбан, 1994.

Ат 32 Ах тасхыл. Ағбан, 1984. № 32.

Ат 39 Ах тасхыл. Ағбан, 1991. № 39.

ВБ-ХРИЭС В. Я. Бутанаев. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999.

ВШ-Сс В. Г. Шульбаева. Сарналбаан сарын. Абакан, 1985.

ИК-Чх И. М. Костяков. Чібек хур. Абакан, 1989.

КН-КХ Каркей Нербышев. Көгім Хорымнарда. Абакан, 1983.

НД-Ыа Н. Г. Доможаков. Ыраххы аалда. Красноярск, 1975.

П Пьесалар. Ағбан, 1991.

Хт 1 Хан тигір. Ағбан, 1993. № 1.

Хч Хакас Чирі. Республиканская газета на хакасском языке.

Хчк Хакас чирінің кізілері. Абакан, 1990.

Швед Е. В.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ГЛАГОЛА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ОПРЕДЕЛЁННОГО ИМПЕРФЕКТА НА -А/ -Е/ -Й ЭДИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКОЙ ФОРМОЙ ГЛАГОЛА PAST CONTINUOUS TENSE

Постановка проблемы. Носители крымскотатарского языка, желающие подробно изучить английский язык, не имеют материалов, которые помогли бы им сопоставить формы английского языка со своими родными. Самым важным в данном сопоставлении является сопоставление глагольных форм, из которых формы прошедшего времени являются самыми употребительными. Начало этому исследованию было положено автором посредством сопоставления форм прошедшего категориче-

ского времени на *-ды/-ди/-ты/-ти*, а также форм прошедшего неочевидного времени на *-гъан/-ген/-къан/-кен* с формами времён Past Simple Tense, Present Perfect Tense и Past Perfect Tense [1, с. 238]. Необходимо дальнейшее исследование. Самым употребительным из сложных времён прошедшего времени в крымскотатарском языке является определённый имперфект. Необходимо выяснить, в какой мере прошедшее время определённый имперфект глаголов на *-а/-е/-й эди* сопоставимо с английскими формами глагола в прошедшем длительном времени Past Continuous Tense.

Целью статьи является структурный анализ крымскотатарского глагола прошедшего времени определённый имперфект, заканчивающегося на *-а/-е/-й эди* в сопоставлении с английскими формами глагола Past Continuous Tense, выявление сходств и различий между двумя языками.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Определённый имперфект

Форма определённого имперфекта (далее ОИ) в крымскотатарском языке состоит из двух частей:

1) основы смыслового глагола с аффиксом настоящего времени *-а/-е* (если основа глагола заканчивается на согласный; выбор аффикса осуществляется в соответствии с законами сингармонизма) или аффикса *-й* (если основа глагола заканчивается на гласный);

2) глагола *э-* в прошедшем времени (оканчивающегося на *-ди*) с суффиксами лица второй категории (возможны шесть различных форм). [2, с. 469]

Примеры спряжения глаголов бармакъ («ходить»), кьорчаламакъ («защищать»), кетмек («уходить»):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	бар-а эди-м	бар-а эди-к
2 л.	бар-а эди-нъ	бар-а эди-нъиз
3 л.	бар-а эди	бар-а эди (-лер)
	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	кьорчала-й эди-м	кьорчала-й эди-к
2 л.	кьорчала-й эди-нъ	кьорчала-й эди-нъиз
3 л.	кьорчала-й эди	кьорчала-й эди (-лер)
	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	кет-е эди-м	кет-е эди-к
2 л.	кет-е эди-нъ	кет-е эди-нъиз
3 л.	кет-е эди	кет-е эди (-лер)

Данную форму предлагается переводить так: *я/ты/он ходил, защищал, видел, уходил* (в определённый момент в прошлом).

Орта бойлу, сьдэжакъкъанлы яи бир къадын къаравулнынъ янына келип токътады. О, огде кете эдилми, ёкъса энъ арттамы, Алиме буны анъ-лап оламады. [3, с. 195] «Молодая, среднего роста приветливая женщина подошла к сторожу и остановилась. Алиме не могла понять, то ли она **шла** впереди, то ли в самом конце». (Здесь и далее перевод на русский язык выполнен автором статьи.) *Бу адий халкъ онъа ишанч ве инам толу козьлеринен бакъа эдилер.* [4, с. 8] «Этот простой народ **смотрел** на него глазами, полными надежды и веры». В в приведённых примерах глаголы в форме ОИ (*кете эди*, *бакъа эдилер*) передают длительное действие, переведённое на русский язык глаголами несовершенного вида (*шла*, *смотрел*).

Past Continuous (Progressive) Tense – прошедшее длительное время

В английском языке форма прошедшего длительного времени (далее РСТ) состоит из двух частей, образуется посредством:

1) вспомогательного глагола *to be* в прошедшем времени (*was/were*);

2) смыслового глагола в форме настоящего (длительного) причастия на *-ing*. [5, с. 275; 6, с. 468; 7, с. 177]

При образовании данной глагольной формы различий между правильными и неправильными глаголами нет.

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>I was walk-ing</i>	<i>we were walk-ing</i>
2 л.	<i>you were walk-ing</i>	<i>you were walk-ing</i>
3 л.	<i>he/she/it was walk-ing</i>	<i>they were walk-ing</i>
	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>I was eat-ing</i>	<i>we were eat-ing</i>
2 л.	<i>you were eat-ing</i>	<i>you were eat-ing</i>
3 л.	<i>he/she/it was eat-ing</i>	<i>they were eat-ing</i>

Данная форма употребляется для передачи длительного действия, которое происходило в определённый момент в прошлом или в момент другого действия: *A hearty soup was simmering on the back of the stove.* «На плите на медленном огне кипел суп». [7, с. 177] *When I got up this morning the sun was shining, the birds were singing.* «Когда я сегодня утром проснулся, светило солнце, пели птицы». [6, с. 468] *When we arrived, Jan was making some fresh coffee.* «Когда мы прибыли, Джэн готовила свежий кофе». [8, с. 209] В каждом из приведённых выше примеров действие, передаваемое глаголом в форме Past Continuous Tense (*was simmering, was shining, were singing, was making*), является длительным, на русский язык переводится глаголом несовершенного вида (**кипел, светило, пели, готовила**).

ВЫВОДЫ

Способы образования форм ОИ и РСТ имеют много схожих черт. Обе формы состоят из двух частей – смыслового и вспомогательного глаголов. В данном случае как в крымскотатарском, так и в английском языке форма смыслового глагола остаётся неизменной для всех лиц и надедена аффиксом, имеющим оттенок продолжительности (аффикс настоящего времени в крымскотатарском *-a/-e/-й*, который может иметь одну из трёх форм в зависимости от гармонии гласных, и аффикс причастия настоящего времени в английском, который имеет одну форму *-ing* независимо от того, с каким глаголом сочетается). Функцию различения лиц и множественности играет вспомогательный глагол, который в английском языке имеет две формы (выражающие единственное и множественное число – *was/were*), а в крымскотатарском шесть (выражающие как число, так и разницу между лицами). Порядок следования составных частей друг за другом (крымскотатарский – смысловой глагол + вспомогательный глагол; английский – вспомогательный глагол + смысловой глагол) различается только потому, что в английском языке глагол обычно следует за подлежащим (структура SVO, то есть, подлежащее – сказуемое – дополнение), а в крымскотатарском глагол обычно стоит на самом последнем месте (структура SOV, то есть подлежащее – дополнение – сказуемое).

Библиография:

Швед Е. В. Структурно-семантический анализ крымскотатарского глагола прошедшего категорического времени на *-ды/-ди/-ты/-ти* в сопоставлении с соответствующими английскими формами глагола / Е. В. Швед // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Т. 26 (65), № 2. С. 238–249.

Меметов А. Крымскотатарский язык. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2013. 576 с.

Эдемова Урие. Айдын геджеде (роман). Акъмесджит: Таврия, 2005. 340 с.

Болат Ю. Алим (роман). Симферополь: Тарпан, 2009. 384 с.

Sidney Greenbaum. English Grammar. New York: Oxford University Press Inc., 1996.

Суон М. Английский язык в современном употреблении. М., Высш. шк., 1984. 552 с.

Klammer, Thomas P. Analyzing English Grammar / Thomas P. Klammer, Muriel R. Schulz, Angela della Volpe. 3rd ed. Boston, London, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: Allyn and Bacon, 2000.

Quirk R., Greenbaum S. A Comprehensive Grammar Of The English Language. London and New York: Longman, 1994.

Шехова Р. Н.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ В ТОБОЛО-ИРТЫШСКОМ ДИАЛЕКТЕ СИБИРСКИХ ТАТАР

Особую форму неличных глаголов составляют формы, обладающие признаками, как имени, так и глагола. Иногда эту категорию называют субстантивными формами глагола, отглагольными именами, инфинитивом или неопределенной формой глагола, а также существительным со значением аспекта, процесса действия. В последнее время наметилась тенденция обозначать ее именем действия. Основное в семантике имени действия – это значение действия, состояния, процесса. Как и все глагольные формы, имена действия обладают категорией залога, аспектами возможности и невозможности, отрицания, а также могут выражать характер протекания действия, передавать модальные значения, управлять падежами. Но в то же время они нейтральны в отношении

категории времени и наклонения. Способность склоняться по падежам и принимать показатели принадлежности, множественного числа, а также сочетаться с послелогоми и модальными словами сближает имена действия с существительными.

Форма на -ыу, – еу

Данная форма имени действия выполняет широкие функции, принимая аффиксы различных падежей, сочетаясь с вспомогательными глаголами, модальными словами и послелогоми.

Основной падеж

Картуб утысыу пестә пулмаган// (Чап., Тм.) «Посадки картошки у нас не было».

Часто употребляется с послелогоми *белән – с*: *Аоны күреу блән ма сайып ките*// (Мот., Яр.) «Увидев его, он обрадовался».

Родительный падеж

Кләм сугунын қыйынлығы йук// (Анд., Тм.) «При изготовлении дорожки сложности нет».

Д. Тумашева, Ф. Ю. Юсупов отмечают, что в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар форма на -ыу в родительном и местно-временном падежах не употребляется.

Направительный падеж

Имя действия на -ыу, – еу в направительном падеже может выражать несколько значений:

а) значение инфинитива: *Аогыу сибегә тейеште*// (Конч., Н-т.) «Он должен был посыпать яд»;

б) значение временной взаимообусловленности действий; иногда к имени действия присоединяется аффикс *-гаца, – гәцә*: *Сеснең қа йтуыгысқаца нешеренеп қуйырымн*// (Сал., Тм.) «Я приготавливаю поесть к вашему возвращению».

в) значение причинно-следственных отношений: *Па ллар қа йтуға масайты*// (М. Акр., Тм.)

«Дети обрадовались моему приезду»;

г) модальные значения сомнения, опасения: *Қа йтуға қа йтырсыс та/ кире килеу на р гуй*//

(Асл., Ял.) «Возвратитесь, когда я приду, а еще ведь обратно надо ехать».

Винительный падеж

В винительном падеже глагольное имя выражает прямой объект действия: *Концертқа қа тнашуны қуйған қәсер*// (Тур., Тм.) «Он сейчас перестал принимать участие в концертах»;

Исходный падеж

Йа тып қа лыутан қурғып йоқламай цықтым төн пуйы// (Нар., Тм.) «Испугавшись, что я просплю, я всю ночь не спала».

Обычно имя действия на -ыу, – әу употребляется в этом падеже, в сочетании с деепричастием *қурғып* – боясь.

6. Местно-временной падеж

Кешене пер күреүтә пелеп пулмайт// (Каск., Тм.) «Один раз посмотрев на человека, его нельзя знать всего».

Ф. Ю. Юсупов отмечает, что местно-временной падеж формы на -ыу/-ыуда- в диалектах сибирских татар не зафиксирован.

Имя действия на -ыу в сочетании с модальным словом *кәрәк* – надо выражает необходимость совершения действия и выполняет функцию инфинитива: *Алтта та ши түгел/ а ши утысыу кәрәк тигән*// (Емб., Тм.) «Сначала надо положить не камень, а посеять рожь».

Эта форма широко употребляется в речи сибирских татар: *Ницек йәшәү кәрәк эшләмәйен*// (Чик., Тм.) «Как можно жить, не работая».

Форма на -ыш, – еш

Имя действия на -ыш/еш употребляется в глаголах движения: к, айтыш, килеш, парыш.

Имя действия на -ыш употребляется обычно в местно-временном падеже: *Қа йтышта миңә кереп цығың/ ней қәл ийен кәпләрсес*// (Оз., Ял.) «На обратном пути зайди ко мне, расскажешь как у него дела».

Форма на -ыш/еш принимает аффиксы принадлежности всех лиц единственного и множественного числа: *Йөрешенне перәйсе күреп на қсын ите*// (Каз., Тм.) «Кто-нибудь бы увидел как ты ходишь».

Субстантивные формы на -еш употребляются редко: *Минем та ныш-пелешләрем кән тора-та*// (Аваз., Ял.) «У меня много знакомых в городе».

Имя действия на -ыш, – еш отрицательной формы не имеет.

Форма на -гы кил-

Эта древняя форма как имя действия в чистом виде не встречается. Она выступает в качестве модальных конструкций и выражает значение желания или намерения.

Во фразеологическом сочетании: *ит қытырғы*: *Кәпцел гуй үсе тә ит қыстырғы/ ирсемәк*// (Синг., Ял.) «Сам разговорчивый до ужаса».

Как указывает М. Кашгарский, форма на *-гы*, *-гу* была характерна для языка чигилей, ягма, аргу, тухси и уйгуров. В письменных памятниках староузбекского языка форма на *-гу* отмечена также в значении категорического будущего времени [Алишина, 1994: 76].

Литература

Алишина, Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар [Текст]: Монография / Х. Ч. Алишина. – Казань, 1994. – С. 76.

Ахатов, Г. Х. Лексика татарского языка [Текст] / Г. Х. Ахатов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1995. – 93 с.

Юсупов, Ф. Ю. Диалекты татарского языка. Говоры уральских татар [Текст] / Ф. Ю. Юсупов. – Казань: Магариф, 2003. – 351 с.

Экба З. Н.

ОБЩЕТЮРКСКИЙ ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ АЛПАМЫШ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКА

Как известно, сюжет эпоса об *Алпамыше* восходит к мифологии древних тюркских и монгольских народов. В башкирской, казанско-татарской, алтайской версиях *Алпамыш*, после вмешательства святого, рождается у бездетного главы племени кунграт. Святой-покровитель наделяет его также магической неуязвимостью. Он совершает ряд подвигов, попадает в плен, добивается руки своей возлюбленной Барчин, истребляет врагов и объединяет народ под своей властью [МС, 33]. Некоторые эпизоды являются типологическими (в частности, эпизод, когда *Алпамыш* оказывается единственным, кто смог натянуть старый богатырский лук, эпизод состязания в стрельбе); они напоминают истории из жизни Одиссея, героя одноименного древнегреческого эпоса. Наиболее архаичные представления об *Алпамыше* зафиксированы в алтайской богатырской сказке «Алып-Манащ», где герой наделен чертами шамана, а страна, в которую он направляется за невестой, напоминает царство мертвых Аида (бог подземного царства в представлении древних греков). Следы шаманского обличья *Алпамыш* сохранил также в некоторых версиях башкирского сказания «Алпамыша и Барсынхылу». Скорее всего, алтайское представление об Алып-Манащ возникло под влиянием монголов. Учеными даже были предприняты попытки композиционного воссоздания большого эпического произведения об *Алпамыше* на основе различных версий рассказов об *Алып* в виде мифов, дастанов, легенд, преданий и сказок [см. об этом Halil Açıkgöz, 168–196].

В данной статье рассмотрим антропоним *Алпамыш* с языковой точки зрения. Имя общетюркского эпического богатыря *Алпамыш*, первоначально *Алп-Маңаш* ‘герой’, ездящий на бело-сером коне’ [Жирмунский, 140] – тат., баш. *Алпамыш*, *Алып Мәмшән*, каз., узб., ккал. *Алпамыс* и т. п. восходит к древнетюркскому **alp* со значениями ‘герой’, ‘богатырь’, ‘витязь’, ‘отважный’, ‘храбрый’, ‘смелый’ ‘меткий стрелок’. Согласно представлениям древних тюрков, *Алпы* – мифические могучие люди огромного роста, жившие до современных людей; они были огромны, сильны, добры, умны [МСБЯ, 25].

Рассмотрим употребление *alp* в памятниках древнетюркской письменности: **alp* 1. ‘меткий стрелок’: *atsar alp ertiniz utsar küc ertiniz* ‘[нужно] было стрелять – вы были меткими стрелками, [нужно] было побеждать – вы были силой’ (КТб); 2. ‘герой, богатырь, витязь’: *bu alp ol jayini qajtaran* ‘этот богатырь [всегда] обращающий врага в бегство’ (МК); 3. ‘отважный, храбрый, смелый’: *bilgä qayan ertmiş alp qayan ertmiş bujrıqı jemä bilgä ertmiş erinç alp ertmiş erinç* ‘[Бумын-каган и Истеми-каган] были мудрыми каганами, были отважными каганами, видно, и помощники их были мудрыми, были отважными’ (КТб); 4. ‘отвага, храбрость, мужество’: *alp jayida alcaq çoyida* ‘отвага [проявляется при встрече] с врагом, кротость – в споре’ (МК).

Производные:

а) композит *alp alpayut* ‘военная свита’: *ıdım men qamay beglärig alp alpayut ıränlärig* ‘послал я [на поиски принца] всех беков и воинов [дворцовой] свиты’ (Suv);

б) композит *alp atım* ‘дерзание, доблесть; доблестный, отважный’: *aqi alp atım bolsa alcaq könül / tuzi ıtmäki ken ne qılqi amul* ‘[свойством] пусть будут великодушие, доблесть, скромность / хлебосольность и хладнокровие’ (QBN);

в) композит *alp er* ‘богатырь, герой, отважный воин (~муж)’: *alp erin ölürıp balbal qılı bertim* ‘убив их героев, я поставил балбалы [в ознаменование этого]’ (БК);

г) композит *alp jüräk* ‘смелый, храбрый’: *uquşluq biliglig toña alp jüräk / häzinä tolulap aqıtu keräk* ‘повелителю надлежит быть] сообразительным и знающим, отважным и смелым, он должен пополнять сокровищницу-казну’ (QBQ);

д) *S alpaı* ‘герой, богатырь’: *toña bir oıuş alpaı on erig toña tegin joıında egirip ölürtimiz* ‘мы убили десять воинов и одного родового богатыря из [племени] тонгра, окружив [их] на похоронах Тонга-тегина’ (КТб);

е) *S alpaıt* ‘герой, богатырь; неуязвимый храбрец, в одиночку посылаемый на врага; отборные воины в составе свиты; военная знать’: *alpaıtın adırdı / süsin jana qadardı* ‘[хан Бузрач] отобрал своих богатырей [из войска], / снова повернул свое войско’ (МК);

ж) *V alpal-* ‘проявлять героизм’: *üçünç adikarmiki atlıy jañırtı ögrätintäçi oruntaqı bodisatylarqa kентü öz etüzläri jaruq uzıq etig tümäg üzä etinip tümänip alpalmışları kedlänmişläri jemä jana alqu jaıı javlaqlar barça adaq asra bolmişläri közünür* ‘у ботисатв, находящихся на третьей ступени, именуемой *adikarmika*, [что значит] вновь совершенствующаяся, видно, как их собственные тела, нарядно украшенные сверкающими надписями и украшениями, являют собой героизм и достоинство и как все враги и противники пали ниц к [их] ногам’ (Suv);

з) *S alplıq* ‘героизм, героический подвиг’: *ıvıtqa bolup qorqlıq alplıq qılur* ‘из-за стыда трус совершает героические подвиги’ (QBN).

Существует несколько гипотез относительно этимологии этого слова [ЭСТЯ 1974, 139; Räs.VEWТ 18; Ram.SKE 12]. Интересна гипотеза Рамстедта. Он сравнил кор. *ap-*, локатив *aphä*, *aphe* ‘вперед’, ‘перед’ < **alph-ai* и другие производные, связанные с *ap-*, с восточно-тюркскими языками: уйг. *alp* ‘герой’, ‘предводитель (в бою)’, чув. *ulap*, казан. *alyp*, *alp* ‘гигант’, с монгольским *alba-gud* ‘благородные’, ‘высший класс’ и тюркскими модификациями этого слова, с тунг. *ap-kalkä* ‘передовой’, ‘первый’, ‘крупнейший’.

Реконструируются: 1) компонент **alp*, 2) две модели сложносоставных имен: а) *«*alp* + имя», в) *«*alp* + глагол». См.: а) ен. *alp uruıu*, др.– уйг. *alp qutluq*, крх.– уйг. *alp tegin* и тат. *al bars*, алт. *alyp manaş*, чув. *alp takkin*; в) *alp turmuş*. Ж. Какук приводит *alp* в числе имен того периода истории Венгрии, когда правила династия Арпадов (X–XIII вв.). Тат. *alyp* допустимо усматривать в основе древнерусских антропонимов Алабыш (Алабыч), Алабин, Алабухин: ассимиляционный переход *alyp* > *alap* и последующее озвончение интервокального согласного *-alab-* [Лексика, 662].

Исследуемое слово имеет достаточно широкое употребление в современных тюркских языках: хак., алт. *alyp*, тур., кир., уз. *alp*, чув. *ulap* ‘богатырь’; алт. *alyp* ‘атлет’, ‘силач’; тат., каз. *alyp*, чув. *ulap*, ккал., кир. *alp* ‘великан’, ‘исполин’; кир., ккал. *alp*, хак., алт. *alyp*, ‘герой’; тат. *alyp* ‘большой’, ‘крупный’; тур. *alp* ‘смелый’; уз. *alp* ‘витязь’, чув. *ulap* ‘храбрый’ [ЭСТЯ 1974, 139]. Значения ‘герой’, ‘богатырь’, ‘великан’, ‘исполин’, ‘витязь’ являются наиболее распространенными и, скорее всего, первичными, они встречаются во всех перечисленных языках. На их основе развились и другие, более поздние значения: ‘меткий стрелок’, ‘отважный, смелый, храбрый’, ‘отвага, храбрость, мужество’; ‘военная свита’.

В ряде языков сохранились поговорки, характеризующие материнскую силу, способную прозвезсти на свет богатыря: каз. *Алып анадан, ат – биеден* – Богатырь – от матери [рождается], конь – от кобылицы; баш. *Алт ананан тыуыр, аргымак бэйәнән тыуыр* – Богатыря родит мать, скакуна – кобылица; к-калп. *Алт анадан тууады, ат бийеден тууады* – Великан рождается от матери, а лошадь – от кобылы [ККРС, 39–40]. В современном киргизском языке слово *алт* имеет два значения – ‘великан, богатырь’ и ‘храбрец’. У киргизов есть пословица *Илгеркин алты коп, алтынан да калты коп* – В старину было много богатырей, а еще больше – вранья (об этом). В фольклоре широко распространена устойчивая метафорическая языковая формула, с помощью которой часто характеризуются богатыри: *Далысы жазы, эки көз, баатыр мүчө алт мүнөз* – Плечи его широкие – два аршина, богатырское сложение, повадки храбреца [Юдахин 1985, I, 52], в которой *алт* используется именно в значении ‘храбрец’.

Интересно, что в некоторых диалектах башкирского языка Алпамыша (Алпаниса, Алпанша) употребляются в значениях «неопрятный», «неуклюжий» [ДСБЯ, 21]. Возможно, подобные значения существовали и в других тюркских языках. По всей видимости, именно от этого, переносного значения возникли заимствования во многих соседних языках, например, русское «безалаберный» [Лексика, 560]. Находят свое употребление в современных языках и производные, например, баш. *Алпамыша кайрагы* – громадные камни, каменные глыбы, которые считались оселком (точилом) мифического героя Алпамыши; *Алпамыша кәбере* – огромные овраги, считающиеся могилами великанов [МСБЯ, 25–26]. В старину башкиры говорили: *Аты-туны бар кешелә алпамышаның көсө бар* – Имеющий коня и шубу обладает силой богатыря [БХМӘһ, 39].

Принятые сокращения, источники и литература

- БК – памятник Бильге-кагану (см. ДТС XXII).
БХМӘһ – Әхтәмов М. Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. Өфө, 2008.
ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002.
ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.; Л., 1960.
ККРС – Каракалпакско-русский словарь. / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.
КТб – памятник в честь Кюль-Тегина – малая и большая надписи (см. ДТС XXVIII).
Лексика – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.
МК – словарь Махмуда Кашгарского, см. ДТС XXVIII.
МС–\$5ифологический словарь (Гл. ред. Е. М. Мелетинский). М., 1991.
МСБЯ – *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Т. I–III. М., 1974–1980.
Юдахин 1985 – *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1985.
Halil Açıkgöz. İdil-Ural bölgesinde alp anlatmaları ve destan bütünlüğü konusunda “dört kök ele-man» analiz sistemi (Ачыкгөз Халил. Версии «Алып» в Волго-Уральском регионе и система анализа «четырёх первоэлементов» в вопросе целостности дастана) // Проблемы филологии народов Поволжья. Выпуск 3. М.– Ярославль, 2009.
QBN – Наманганский список «Кутадгу Билиг».
QBQ – Каирский список «Кутадгу Билиг».
Ram. SKE – *Ramstedt G. J.* Studies in Korean etymology. Helsinki, 1949.
Räs. VEWT – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.
Suv. – *Suvarnaprabhasa.* «Сутра золотого блеска» (см. Малов С. Е. памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951)

Янабаев Р. Х.

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ТОБОЛА И ИРТЫША

На формирование топонимического пространства междуречья Тобола и Иртыша повлияли историко-культурное развитие данной территории и ее физико-географические особенности. Топонимы междуречья Тобола и Иртыша дают возможность проследить многовековую историю тюркского населения края.

Фонематический состав гласных в тоболо-иртышском диалекте совпадает с вокализмом татарского языка. Но вместе с тем отмечаются отличительные черты в употреблении некоторых гласных. Это проявляется в двойной вокализации некоторых слов, наличии лексикализованных случаев сохранения старой огласовки, колебаниях в произношении, характеризующих либо речь различным образом локализованных и т. д.

Мы показали особенности употребления согласных в позиционном отношении на примере тюркских топонимов Тюменской области. Так же, как и в древнетюркском языке, в топонимии региона в абсолютном начале слова не употребляется [г], [д], [л], [з], [н]. Такие согласные, как [л], [н], [р], [г], в начале топонимов встречаются крайне редко. Обычно это заимствования.

В конце слова употребляются все согласные, кроме [б], [г], [д], [з], [ч], [в]. Согласного [ч] в исконном составе согласных диалекта не было. Главной и наиболее яркой особенностью диалекта является цоканье и широко распространенное оглушение шумных согласных. В составе согласных диалекта отсутствуют известные в других тюркских языках звуки [в], [ф], [ж], [п], [х], которые и для них являются заимствованными.

Морфолого-семантические характеристики классов слов, формирующих топонимию изучаемой территории, мы начали с имени существительного, так как доминантную позицию с точки зрения номинативной функции занимают существительные. Далее следуют прилагательные, числительные, глагольные формы. Вовлекая в топонимию слова различных частей речи, категория имени собственного оформляет их едино. В морфологическом отношении имена существительные характеризуются категориями падежа, принадлежности и категорий числа. Вторая категория – принадлежности – особенно ярко проявляется в топонимической

системе. Немалую роль в морфологической характеристике имен существительных играют словообразовательные формы.

По составу топонимы могут быть однословными, словосочетаниями, топонимическими фразеологизмами. Топоним может выступить с нулевым аффиксом. В образовании географических имен приоритетное место занимают аффиксальный, неаффиксальный, лексико-синтаксический способы. В микротопонимии сибирских татар преобладают синтагмы «имя прилагательное качественное безаффиксальное + имя нарицательное безаффиксальное». Наиболее высокими номинативно – знаковыми характеристиками обладают синтагмы – оттопонимические дериваты.

В синтаксическом плане общеграмматическое значение предметности имен существительных характеризуются определенной сочетаемостью. Имя существительное сочетается с другим именем существительным, образуя изафетные словосочетания: Шалкан кыра, Айу отрау, Авыл цөй.

Основной падеж в функции определения сочетается с существительным с аффиксом принадлежности. При этом создается качественная характеристика, приводящая к адъективации субстантива: Айулы (медвежий ягодник), Цэйэле саз (Ягодное болото, урочище), Кайрагалы күл (Боровое озеро).

В микротопонимии сибирских татар определяемое не получает аффикса принадлежности, в определяющем слове опускается аффикс притяжательного падежа: Этнэсолтан төп (Этнэсолтанның төбе), Самат каш (Берег Самата). В конструкциях такого семантического плана наблюдается выражение соотносительности, а не органической принадлежности.

Имя существительное может определяться прилагательным, числительным: Саз өц каен, яшел утрау.

Под структурой топонима в данном случае понимается морфологический состав и словообразовательный тип татарских географических названий. Татарские топонимы в этой связи можно разделить на три группы: простые, сложные и составные.

Сложные и составные топонимы доминируют в татарской топонимии.

В основу классификации тюркских названий положен лингвистический принцип: все топонимы делятся на ономастические и отапеллятивные с последующей рубрикацией материала.

Географические имена междуречья Тобола и Иртыша имеют три основных источника: переход апеллятива в собственное имя, заимствование иноязычных собственных имен, переход собственного имени из одного разряда в другой.

Лексико-семантический анализ современной татарской топонимии междуречья Тобола и Иртыша позволяет выделить местные географические термины – апеллятивы. Апеллятивы сохраняют фонетические, грамматические, лексические особенности народно-разговорного языка – тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. В семантическом разряде тоболо-иртышских названий водных объектов преобладающее большинство составляют слова, бытование которых обусловлено природными условиями, особенностями ландшафта междуречья Тобола и Иртыша и своеобразием в данных условиях хозяйственного уклада. В результате анализа данной группы лексики выявляется общность тоболо-иртышского диалекта с другими сибирскими диалектами, татарским литературным языком с другими тюркскими языками /алтайским, хакасским, тувинским, чулымским, киргизским, казахским, каракалпакским, узбекским, туркменским/.

Топонимия междуречья Тобола и Иртыша имеет два основных этнолингвистических и хронологических пласта: тюркский и славянский (русский). Взаимодействие и взаимовлияние татарской и русской культур в ономастическом пространстве имеют давнюю историю и сохраняются до настоящего времени. Русский язык оказал и оказывает большое влияние на функционирование системы татарских географических названий на уровне документальной фиксации и повседневного употребления топонимов.

Анализ семантических и структурных типов топонимов и микротопонимов сибирских татар осложнен исторически обусловленным наличием разнородного языкового материала. Вся совокупность топонимического материала по мотивировочному признаку подразделяется на два класса: а) отдетерминантные наименования, образованные от нарицательной лексики; б) ономастические наименования, образованные от антропонимов, этнонимов, генонимов.

В семантическом разряде тоболо-иртышских названий водных объектов нами отмечено наличие большого количества слов, бытование которых обусловлено природными условиями, особенностями ландшафта Сибири и своеобразием в данных условиях хозяйственного уклада. В результате анализа данной группы лексики выявляется общность тоболо-иртышского диалекта с другими сибирскими диалектами, татарским литературным языком, с другими тюркскими языками: алтайским, хакасским, тувинским, чулымским, киргизским, казахским, каракалпакским, узбекским

(карлукская группа), туркменским (огузская группа). Особого внимания заслуживает лексема пүрән / бүрән в тоболо-иртышском диалекте «старица, речной рукав», «стоячая вода», «озерцо, заводь». Выявленные региональные детерминанты, в основном, имеют древнетюркское происхождение (баш, яр, кул, саз). Но есть и заимствованные апеллятивы, преобладают заимствования из арабского (зират «кладбище»), персидского (Астана) языков. Система топонимов многообразна и включает в свой состав названия из многих языков, что свидетельствует о давней истории региона, об этапах освоения междуречья Тобола и Иртыша.

Данное исследование является одним из частных доказательств общих закономерностей, протекающих в татарской топонимии. Перспективным представляется синхронно-диахроническое исследование топонимического пространства других районов Тюменской области, а также изучение татарской топонимии в когнитивном и прагматическом аспектах.

Яхшисарова Г.Р.

СИБГАТ ХАКИМ ШИГЫРЬЛӘРЕНДӘ ТЕЛ-СУРӘТЛӘУ ЧАРАЛАРЫ

Теге яки бу язучының тел, стилинә анализ ясаганда аның традицион образлар белән ничек эш итүе, стилистик-эстетик максатларда аларны сәнгатьчә эшкәртүе, үзенә дә яңа поэтик чаралар иҗат итүе игътибар үзәгенә алына. «Гел кояшка карый тәрәзәләрем», «Кадерле почмак», «Башка берни дә кирәкми», «Сау бул инде» кебек шигырь-жырларында Сибгат Хәким туган якны яратуны, кешелекле һәм патриотик тойгылар белән сугарылган изге хис булуын сурәтли. Туган ягының бүгенге зур үзгәрешләре белән дә кешеләрнең рухи матурлыклары белән горурулана. Туган якка бәйле образ сурәتلәр, детальләр, анын әсәрләре тукумасына шактый табигый рәвештә килеп керә. С. Хәким бу чор әсәрләрендә («Гомер яңа башлана» «Мине сөйсәң», «Яратам мин», «Жырларымда теләм») аеруча туган як кырларынан аерыла алмавы якташларына шигъри вәгъдәсе турында илһамланып сөйли.

Сибгат Хәким поэзиясенә тел-стиле дә энә шул таләп нигезендә тикшерелә. Шагыйрь, башлыча, халык телендә йөргән эзер сурәтләр чаралары белән эш итә. Индивидуаль сурәтләр чаралары да шактый күп. Шуңа мисаллар: «Ак чәчәкләре ап-ак күбек төсле», «Дала сүсәннәре кебек озын Ак чәчләрен сыйпап исәр жил».

Сибгат Хәким ижатының байтак өлешен Муса Жәлилгә арналган шигырьләр биләп тора. Патриот шагыйрьнең үлемсезлегенә дан җырлаганда, мәгънәне көчәйтү өчен, чагыштырулар ярдәмгә килә:

Калка кояш, Данко йөрәге күк,

Батырларның калка йөрәге.

Күрүбезчә, Муса Жәлилнең йөрәге үлемсез Данко йөрәгенә тиңләп чагыштырыла.

Сибгат Хәким «Курск дугасы» поэмасында эпитет белән сугыш картинасын күз алдына китереп бастыра:

Син сорыйсың, агай, тормышыңны

Өйрәндең дип каян башларга.

Ә мин озак-озак итеп карыйм

Төтен сәңгән соры ташларга.

Төтен сәңгән соры ташлар Курск дугасындагы коточкыч дөһшәт, сугыш фажигәсе турында сөйли. Соры сүзен алып ташласаң, сурәт югала.

С. Хәкимнең сугышка багышланып язылган шигырьләрендә, поэмаларында сынландыруга да зур урын бирелгән:

Өемнең янында җил елый,

Бик ерак юл узган ул, беләм;

Мусалар турында хәбәр бар:

«Татарлар елмаеп үлделәр.

Поэтик символ сыйфатында жил образына мөрәҗәгать итү әкият, риваять, жыр-бәетләрдә, шулай ук халык авыз ижатының башка төрләрендә дә киң таралган. Аның ярдәмендә метафораның бер төре булган сынландыру-жанландырулар ясала.

Шул рәвешле, Сибгат Хәкимнең сугыш темасына язылган поэма, шигырьләрендә кулланылган чагыштыру, эпитет, метафора, сынландырулар каралды. С. Хәкимнең шигъри хәзинәсендә зөбәрҗәт, алтыннар күп. Шуңа күрә аларны тулысынча бәяләп бетерү һич мөмкин түгел. Әдип

телебезнең эчке хосусиятен, нечкәлекләрен нык искә ала. Шагыйрьнең үзенә генә хас индивидуаль стиле бар. Бу яктан ул күпләргә остаз.

Мин геолог түгел, тик шулай да,

Катлаулы һәм нечкә эшем бар.

Йөрәкләрдә яткан энҗеләрне

Эзләп таба торган көчем бар.

Шушы юлларны укыгач, бу фикер тагын да ныграк раслана.

Жыеп әйткәндә, телнең бай лексик составы татар әдәбиятының халык шагыйре, каләм остасы Сибгат Хәким поэзиясендә сәнгатьчә яңгыраш тарты.

Әдәбият

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.

Курбатов Х. Сүз сәнгате. Татар теленең лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы. – Казан, 2002.

Поварисов С. Ш. Тел – күнелнең көзгесе. – Казан, 1982.

Сафиуллина Ф. С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология. – Казан, 1999.

Хаков В. Х. Мәктәптә татар язучыларының тел үзенчәлекләрен өйрәнү. – Казан, 1984.

Шмелев Д. Н. Слово и образ / Лексика. – М., 1964.

Yrd. Doç. Dr. Muhittin ÇELİK⁵⁴

KAŞKAY ATASÖZLERİ ile ANADOLU'DA KULLANILAN ATASÖZLERİNİN BENZERLİKLERİ

Özet

Bu çalışmada, İran'ın Şiraz eyaletinde yaşayan Kaşkaylar'ın kullandıkları atasözleri ile Anadolu'da kullanılan atasözlerinin karşılaştırması yapılarak her iki sahadaki benzer ve ortak atasözlerinin tespitinin yapılması amaçlanmıştır. Her iki sahada kullanılan atasözlerinin şekil ve anlam yönünden büyük benzerlik ve ortaklık gösterdiği tespit edilmiştir. Birbirinden farklı ve ters anlamda olan atasözlerinin çok sınırlı olduğu görülmüştür.

Anahtar Kelimeler: Atasözleri, Kaşkaylar, Ortak yönler, Karşılaştırma.

Abstract

This study aims at comparing the proverbs used by Qashqais in the state of Shiraz (Iran) with those used in Asia Minor and determining the similarities and differences between the proverbs from these two geographical districts. It has been observed that proverbs used in the two districts share significant similarities and have a lot in common in terms of structure and meaning. In addition, there were only a limited number of proverbs with different and opposite meanings.

Keywords: Proverbs, Qashqais, Similarities, Comparison.

GİRİŞ

Kaşkay Türkçesi, Oğuz grubunun bugün tespit edilen en doğudaki temsilcisidir. Bundan dolayı Oğuz Türkçesinin özellikleri, Kaşkay Türkçesinin karakteristiğini oluşturur. İran'ın çeşitli eyaletlerinde, son zamanlara kadar konargöçer bir hayat tarzı sürdüren Kaşkaylar'ın kahir çoğunluğu, Şiraz eyaletinde yaşamaktadır. Özellikle hayat şartlarının getirmiş olduğu zorluklardan dolayı günümüzde çoğu yerleşik hayata geçmek zorunda kalmışlardır. Kaşkaylarla ilgili yerli ve yabancı bilim adamlarının yapmış oldukları çalışmalar eskiye göre artış gösterse de henüz yeterli seviyede olduğunu söyleyemeyiz. Kaşkaylar zengin bir sözlü edebiyata sahiptir. Bu sözlü edebiyat ürünlerinden biri de atasözleridir. Atasözlerinin en eski yazılı belgelerden çağdaş eserlere kadar kültürel değerleri en etkili bir şekilde anlatmak için sık sık kullanıldıkları görülür:

Güller dikensiz olmaz,

Bülbül çimensiz olaz,

Herkesin bir yarı var;

Gönlüm de sensiz olmaz.

Harput 'an-Mâni (ÖATAS, s. 188)

Demişler delikli taş yerde kalmaz

Hakka doğru varan kul mahrum olmaz.

Mengüşî-Nasîhat Destanı. (ÖATAS, s. 139)

Kaşkay Atasözleri

Atasözleri iki kısımdan oluşur ve ikinci kısım birinci kısımda ifade edilen fikri ve anlamı kuvvetlendirir. Yapı bakımından, atasözleri genellikle ortasından açıkça görülecek şekilde ikiye bölünmüş bir cümledir. «Aç ne yemez, tok ne demez.» İki cümle veya mısra şeklinde olanlar da vardır. « Ecel geldi cihana, baş ağrısı bahane.» gibi örnekleme mümkündür.

Kaşkaylar'ın hayatlarını ve düşüncesini yansıtan atasözleri, samimi bir üslupla dile getirilmiştir. Yapı ve kuruluş özellikleri bakımından Anadolu'daki atasözlerinden pek farklı değildir. Anlam yönünden tüm insanlığa hitap edecek bir tarzdadırlar.

İnsanoğlu, tabiatla olan mücadelesindeki bilgi ve tecrübesini, diğer kuşaklara muhafaza edip kültür ve medeniyetin meydana gelmesinde önemli bir rol oynamıştır. Kuşaktan kuşağa aktarılan unsurlardan biri de atasözleridir. Atasözlerine verilen önemi, toplumların atasözleriyle ilgili bakış açılarından da anlayabiliriz. Kaşkaylarda «*Atalar sözü elimiz gözü*» (Rahimî 1997) ve Anadolu'da «*Atalar sözü evlada mirastır*» (Başgöz 1998a:265) gibi atasözü hakkındaki sözler bu öneme işaret eder.

Atasözleri ve deyimler, sağlıklı ve sağduyulu bir düşünce, keskin ve idrak ürünü olan, fevkalade isabetli sözlerdir. Yerinde kullanıldığında, her türlü sosyokültürel sorunu çözme gücüne sahiptir.

Kaşkay atasözleri fikir bakımından değerlendirildiğinde; çalışmanın faydaları, tembelliğin zararları, mertlik ve yiğitliğin değeri, atın insan hayatındaki yeri ve önemi, tatlı dilli olmanın kazandırdıkları, lüzumsuz ve kötü konuşmanın zararları, vatan sevgisi, dostluğun önemi, kadının eş, anne, kardeş olarak toplumdaki yeri, komşuluk hakları, misafirperverlik vb. konuları işlediği görülür. Dolayısıyla, Anadolu'da konuşulan atasözlerinde de görülen ortak ve benzer temaların çokluğu dikkati çekmektedir.

Bu çalışmamızda, Esadullah Merdani Rahimî'nin (Şiraz 1997) «*Atalar Sözü. Darbu'l-meselha-yı Türki-i kaşkai*» adlı eseri esas alınmış olup, bu eserdeki atasözleri ile Anadolu'da söylenen atasözlerinin ortak ve benzer yönleri ortaya konulmaya çalışılmıştır. Eserde, atasözlerinin yanında deyimlerin de benzer ve ortak olanların çokluğu dikkati çekmektedir:

Ağzı var, dili yox. (AS, 315)

«Ağzı var, dili yok. (ADS, II, 2923)

Xereb suda balıx tutar. (AS,)

«Bulanık suda balık avlamak.» (ASD, II, 4121)

Ancak bir bildirinin sınırlarını aşacağından dolayı, deyimleri almadık. Benzer ve aynı olan atasözlerinin çokluğu dolayısıyla, belki sayıda örneklere yer verildi.

Bu eserde geçen atasözleri, Türkçede saha ile ilgili kaynaklar taranarak üç yüz ellinin üzerinde ortak ve benzer atasözünü tespit edilmiştir. Ancak bir bildirinin/makalenin sınırlarını aşmayacak sayıda örnekleri almayı uygun gördük.

I. Biçim ve Anlam Bakımından (bazı kelime ve söyleyiş farklılıklarıyla da olsa) Aynı Olanlar

– Ac ayı oynayabilmez. (AS, 54)

«Aç ayı oynamaz.»(ADS, I,31)

– Ac-ınan toxuñ arası bir tikke çörekdir. (AS, 64)

«Açlık ile tokluğun arası bir lokma ekmek.» (ADS, I, 57)

– Ac xarın doyar, ac göz doymaz. (AS, 72)

«Açın karnı doyar, gözü doymaz.»(ADS, I,47)

– Ac karnım, dinç kulağım. (AS, 73)

«Aç başım, dinç kulağım.»

– Açık ağız ac kalmaz. (AS, 92) /Ağız açık kuş ac kalmaz. (AS, 289)

« Açık ağız aç kalmaz.»(ADS, I, 40)

Ağıng adı olar, karéning dadı. (AS, 347)

«Akın (beyazın) adı (var), karanın tadı (var).»(ADS, I,158)

– Ağlarsa anam ağlar, xalanı yalan ağlar. (AS, 329)

«Ağlarsa anam ağlar, başkası (kalanı) yalan ağlar.»(ADS, I,116)

Ağ pul xéré gün içidir. (AS, 281)

«Ak akçe kara gün içindir.» (ADS, I, 150)

– Ağrımayan başa yağlıx dolamazlar. (AS, 345)

«Ağrımdık başa mendil bağlanmaz.» (BAAD, I, 33)

– Ağzını açmış, gözünü yummuş. (AS, 317)

«Açtı ağzını yumdu gözünü.»

– Axalık vérmekdendir, igidlik vurmaxdan. (AS, 352)

«Ağalık vermekle, yiğitlik vurmaqla (-dır).» (ADS, I, 105)

– Allah dağına baxar, xar vérer. (AS, 397)

«Allah dağına göre kar verir.» (ADS, I, 233)

– Allah sağ gözü, çep göze möhtac édmesin. (AS, 406)

«Allah sağ eli sol ele muhtaç etmesin.» (ADS, I, 246)

– Anasına bax kızını al, kırağına bax bézini al. (AS, 443)

«Anasına bak kızını al, kenarına (kıyısına) bak bezini al.» (ASD, I, 298)

– Arvadı eri saxladar, peniri deri. (AS, 210)

«Kadını eri, peyniri deri, saklar.» (BAAS, I, 149)

– At ölende hegeri kalar, adam ölende adı. (AS, 26)

«At ölür meydan (nalı) kalır, yiğit ölür şan (namı) kalır.» (ASD, I, 413)

– Bağa baksang bağ olar, baxmayanda dağ olar. (AS, 1378)

«Bakarsan bağ, bakmazsan dağ olur.» (ADS, I, 497)

– Bal démeginen ağız şirin olmaz. (AS, 1398)

«Bal bal demekle ağız tatlanmaz (tatlı olmaz).» (ASD, I, 503)

– Bıçax öz destesini kesmez. (as, 1550) / Çakku öz sapını kesmez. (AS,2020)

«Bıçak/kılıç sapını/kınıını kesmez.» (ASD, I, 1789)

– Bi-véxt bung veren xorusung başını keserler. (AS, 1734)

«Erken öten horozun başını koparırlar.» (BAAD, II, 45)

– Bugünkü işingi sehere koyma. (AS, 1495)

«Bugünkü (akşamın) işini yarına (sabaha) bırakma (koyma).»(ASD, I,581)

– Büyük başing böyük belâsı vardır. (AS, 1524)

«Büyük başın derdi büyük olur.»(ADS, I,592)

– Çıxamamış cana umud var. (AS, 2098)

«Çıkmadık canda umut var.» (ADS, I,635)

– Çobanıning méyli olsa, tegeden süd sağar.» (AS, 2049)

«Çobanın gönlü olursa/olunca tekeden süt/yağ çıkarır.» (ADS, I, 800)

– Çox yaşayan çox bilmez, çox gezen çox bilir. (AS, 2075)

«Çok yaşayan (okuyan) bilmez, çok gezen bilir.» (ASD, I, 825)

– Dağ dağa yetişmez, adam adama yétişer. (AS, 2270)

«Dağ dağa kavuşmaz, insan insana kavuşur.» (ADS, I, 843)

- **Delik daş/muncuk yérde kalmaz. AS, 2348)**
«Delikli taş/boncuk yerde kalmaz.» (ADS, I, 879)
- **Deliye her gün bayramdır. (AS, 2353) /Delining günde toyudur. AS; 1144)**
«Deliye her gün bayram.» (ADS, I, 883)
- **Deveçiyen dost olaning, dervazası géng olar. (AS, 2463)**
«Deveci ile konuşan kapısını büyük açar.» (ADS, I, 928)
- **Dilden gelen, elden gelse, her kimse padişah olar. (AS, 2532)**
«Dilden gelen elden gelse, her fukara padişah olur.» (ADS, I, 950)
- **Dinsiz uxdesinden, imansız geler. (AS, 2567)**
«Dinsizin hakkından imansız gelir.» (ADS, I, 964)
- **Dovşan dağdan küsmüş, dağing xéberi olmamış. (AS, 2452)**
« Tavşan dağa küsmüş, dağın haberi olmamış.» (ASD, I, 2385)
- **Düşmening düşmeni, sening dostungdur. AS, 2421)**
«Düşmanın, düşmanı da senin dostundur.» (ASD, I, 101)
- **Ecele çara yoxdur. (AS, 517) /Ölüme çara yox. (AS, 968)**
«Ecele/ölüme çare bulunmaz.»(ADS, I, 1047)
- Eger kes-dir, bir söz bes-dir. (AS, 587)**
«Adam olana bir söz yeter.» (ADS, I, 89)
- **Ekili düşmen ekili yox dostan yeyterdir.**
«Akıllı düşman, akılsız dosttan hayırlıdır.»(ADS, I,147)
- **Élçiye zaval yox. (AS, 1180)**
«Elçiye zeval olmaz.» (ADS, I, 1070)
- **Emanete xianet olmaz. (AS, 665)**
«Emanete hıyanet olmaz.» (ADS, I, 1113)
- **Éşegi toya çağırdılar, dedi: «ya su lazımdır ya odun.» (556)**
Eşegi düğüne çağırmişlar, « ya odun eksik, ya su» demiş. (ADS, I, 1159)
- **Eyilen baş kesilmez. (AS, 1021)**
«Eğilen baş kesilmez.» (ADS, I 1054)
- **Gövher yére düşmeginen, kıymetden düşmez. (AS, 3760)**
«Altın yere düşmekle pul olmaz.» (ADS, I, 274)
- **Gülme konşinga, gelir başinga.**
«Gülme komşuna gelir başına.» (ADS, I,1313)
- **Hak söz aççı olar. (AS, 2130)**
«Doğru söz acıdır.» (ADS, I, 976)
- **Xubluk éd at deryaya, balıx bilmese, Xalık biler. (AS, 2210)**
« İyilik et denize at, balık bilmezse Halik bilir.» (ASD, I 1622)
- **Kapağan it dişini görsedmez. (AS, 3032)**
« Isıracak it dişini (diş) göstermez.» (ASD, I, 1489)

-kıyamet onda kopar, biri yéyer, biri baxar.
«Biri yer biri bakar, kıyamet ondan kopar.» (ADS, I,528)

-kurd dumanlı güng séver. (AS, 3197)
«Kurt dumanlı havayı sever.» (ASD, I, 1927)

- Laling dilini nenesi biler. (AS, 3816)
«Dilsizin dilinden anası anlar.» (ADS, I, 962)

- Özgeye kuyu kazan özü düşer. (AS, 790)
«Başkasına kuyu kazan kendi düşer.» (BAAD, I, 60)

- Özü yıxılan ağlamaz. (845)
«Kendi düşen ağlamaz.» (ADS, I,1396)

- Sebir açıdır, mivesi dadlı. (AS, 2901)
«Sabır acıdır, (acı ise de) meyvesi tatlıdır. (2191)

II. Anadolu'da Kullanılan Atasözlerinin Kaşkaylarda «kelime veya kelime gruplarının çıkarılmasıyla» daralmış şekilleri.

- Ac towux yuxuda darı görer. (66)
«Aç tavuk (düşünde) kendini darı (arpa) ambarında görür (sanır).» (ADS, I, 61)

- Ağlamayana süd yox. (331)
«Ağlamayan çocuğa meme vermezler.» (ADS, I, 127)

- Bir elden şap çıxmaz. (AS, 1573)
«Bir elin nesi var, iki elin sesi var.» (ADS, I,518)

- Danışıklı söz dağlardan aşar. (AS, 2291)
«Danışan dağı aşmış, danışmayan (-in) yolu şaşmış.» (ADS, I, 853)

- İş adamıng cöwheridir. (AS, 1077)
«Adam (adamin iyisi) iş başında belli olur.» (ADS, I, 86)

-kanı kan-ınan yumazlar. (AS, 3083)
«Kanı kan ile yumazlar, kanı su ile yurlar.» (ADS, I,1311)

- Köhne düşmen dost olmaz. (AS, 3543)
«Eski dost düşman olmaz, yenisinden vefa gelmez.» (ADS, I, 1144)

- Sév meni tâ séyem/sévem seni. (AS, 2787)
«Sev seni seveni hâk ile yeksan ise, sevme seni sevmeyeni Mısır'a sultan ise.» (ADS, I, 2260)

- Siringi deme yârınga, yârıngıng da, yârı var. (AS, 2805)
«Açma sırrını dostuna, dostunun dostu vardır, o da söyler dostuna.» (ADS, I, 58)

- Su axar çukkuru tapar. (AS, 2714)
«Su aka aka yolunu (deresini) bulur (bulurmuş).» BAAD, I, 189)

III. Anadoludaki Atasözlerinin Kaşkaylarda «kelime veya kelime gruplarıyla» genişletilmiş şekilleri.

- Ac eline geleni yéyer, tox ağızına geleni déyer. (63)
«Aç ne yemez, tok ne demez.» (ADS, I, 59)

– **Bir m x bir nal, bir nal bir at, bir at bir kiŐi, bir kiŐi bir  li kurtarar. (AS, 1663)**

«Bir mih bir nal kurtarır, bir nal bir at kurtarır.» (ASD, I, 652)

– **Bir g l nen yaz olmaz, deli kırkı baz olmaz. (AS, 1654)**

«Bir  i ekle yaz olmaz (gelmez).» (ADS, I, 511)

– **DuŐmen seni daŐ-man, sen duŐmeni aŐ-man. (AS, 2418)**

«Sana taŐla vurana (dokunana) sen aŐla vur.» (ASD, I, 2217)

– **Dama dama g l olar, amma dada-dada he  olmaz. (AS, 2283)**

«Damlaya damlaya g l olur.» (ADS, I, 851)

– **G l tik nsız olmaz,  l ilansız. (3731)**

«Dikensiz g l olmaz.» (ADS, I, 949)

– **Xaberi ya deliden al, ya uŐaxdan.**

« ocuktan al haberi.» (ASD, I, 809)

– **Xetasız adam olmaz, ‘itasız Allah. (AS, 2184)**

«Hatasız kul olmaz.» (ASD, I, 1376)

– **-kuŐ var ki, etini y yerler, kuŐ var ki, et y dirdirler. (3227)**

«Her kuŐun eti yenmez.» (ADS, I, 1152)

– **Y l aŐzını baŐlamak olar,  l aŐzını baŐlamak olmaz. (AS, 4446)**

«Elin aŐzı torba deŐil ki ( ekip) b zesin.» (ASD, I, 1094)

DEŐERLENDİRME

KaŐkay atas zleri, Anadolu sahasındaki atas zleri ile bir karŐılaŐtırma yapılarak incelenmiŐ, varılan sonu ları Őu maddelerde toplanmıŐtır.

Her iki sahada da hem Őekil hem anlam bakımından aynı olan atas zlerinin  okluŐu dikkat  ekmektedir.

Her iki sahada, kelime ve kelime gruplarının  ıkarılıp, eklenmesiyle geniŐletilmiŐ ve daraltılmıŐ Őekilde atas zlerinin bulunması asli Őekillerinin hangisi olabileceŐi sorusunu akla getirmektedir. Bu sorunun cevabı, diŐer T rk topluluklarında kullanılan benzer atas zlerinin karŐılaŐtırmasıyla cevabını bulacaŐı g r Ő nde yiz.

KaŐkaylar’da Őekil ve ifade bakımından farklı olup, anlam y n nden Anadolu’daki atas zlerine yakın ve benzer olan atas zleri olduk a fazladır. Bu da iyi ve doŐru olan bakıŐ aŐsının her toplumda, Őekil ve ifade bakımından farklı da olsa, aynı olduŐuna iŐarettir. Yani, aklın yolu birdir.

Her iki sahadaki atas zlerindeki bazı Őekil ve muhteva farklılıklarının temel nedeni, KaŐkaylar’ın konarg  er bir hayat tarzı s rd rmeleri ve buldukları farklı k lt r coŐrafyasının doŐal sonucudur.

Kaynak a

Aksoy,  mer, A. (1988), Atas zleri ve Deyimler S zl Ő  (ADS) I. II. İstanbul.

Aksoy,  mer, A. (1996), B lge AŐızlarında Atas zleri ve Deyimler, (BAAD) I. II. Ankara.

 obanoŐlu,  zkul, (2004), T rk D nyası Ortak Atas zleri S zl Ő , (TDAS) Ankara.

Rahim , Esedullah, M. (1997), Atalar S z . Darbu’l-meselha-yı T rki-i KaŐka  (AS) Őiraz.

Sara baŐı, ErtuŐrul, M. MinnetoŐlu, İbrahim, (2002),  rneklı ve A ıklamalı T rk Atas zleri S zl Ő , ( ATAS) İstanbul.

KAZAK TÜRKLERİNDE DAMGA

ÖZET

Bir nevi nişan ve işaret olarak kullanılan bu damgalar bazı yerlerde ise toprakların, hayvan sürülerinin (en), mutfak eşyalarının hatta günlük hayatımızda yer bulan her şeyin sahip oldukları kişileri ya da boyları ayırt etmek için kullanılmıştır.

Türk toplumunun vazgeçilmezlerin olan teşkilatçı bir sosyal yapı insanları bu denli ayırım yapmak durumunda bırakmıştır. Bir boya ait olan toprak, hayvan ya da eşyaların diğer başka bir boya ait olanlarla karıştırılmaması için her zaman damgalar kullanılmıştır.

Bu damgalar Türklerin Oğuz boyu için Kaşgarlı Mahmut'un kaleme aldığı Divanu Lügati-t Türk adlı eserde belirtilmiştir. Bundan hareketle Oğuz boyunda damga geleneğinin daha eskiye gittiğini düşünebiliriz.

Ancak yeni dönem sayabileceğimiz devirlerde ortaya çıkan Türk damgaları da vardır. Kazak Türklerinin Tevke Han devrinde üç ayrı ordaya ayrılarak boy birlikleri adı verilen siyasi teşekküller oluşturması, bu boyların yukarıda bahsettiğimiz sebeplerden damgalar kullanmasına da yol açmıştır. Bu damgaların birçoğu günümüze kadar ulaşmış birçoğu da 19.yüzyılın sonu ile 20.yüzyılın başında araştırma yapan bilim adamlarınca eserlerde yer bulmuştur.

Kazak Türklerinde Damga konulu tebliğimizde Kazak Türklerinin kültürel hayatında çok önemli bir rolü bulunan boyların ve yine bu boylara ait damgaların araştırılarak, yüzyıllardan günümüze kalan bu kültür unsurlarının bilim âlemine sunmaya çalışacağız.

Tebliğimizde, kapsamında Kazak Türklerinin ordaları ve bu ordalara dâhil olan boyların kısa tarihleri ile damgalarına da değineceğiz.

Anahtar Kelimeler: damga, Türk boyları, Kazak damgaları, kazak ordaları.

АННОТАЦИЯ

Это своего рода взаимодействия и знака, используемого эти марки в некоторых местах почв, стада (печать), посуда четного человеке все они должны найти свое место в нашей повседневной жизни, или используется, что бы различать племению.

Люди с организатором социальной структуры турецкого общества заставила необходимым, чтобы отличить. Почва принадлежности к племени, маркировка всегда используется не для смешивания животных или других объектов с показаниями другой племии.

Эти марки турецких огузов, который Махмуд кашгари указал в своей книге. исходя из этого можно предполагать что огузские знаки давняя традиция.

Тем не менее, мы можем сказать, новая эра турецких марок, также доступны.Казак Турции Tevkiр Хан период из трех отдельных рукополагать левой племии единицы для создания так называемых политических образований, привело к использованию марок по причинам, указанным выше. Многие сохранились до нашего времени, многие из этих марок нашли место в начале учебных 20-го века, занятых в научно-исследовательских работ в конце 19 века.

Казахстанские турки на нашей презентации, мы нашли очень важный аспект роли культурной жизни Турции, а также исследовать штамп племии, мы постараемся обеспечить научную сферу культурных элементов, которые сохранились на протяжении веков.

В нашем докладе мы будем обсуждать орд казахских турков и истоию племен включающих орд.

Ключевые слова: марки, тюркские племена, казахстанска армия.

Damga nedir?

Türkiye Türkçesinde;1. bir şeyin üzerine bir nişan, bir im basmaya yarayan araç, 2. Bu araca basılan nişan, im anlamlarıyla kullanılan "Damga" adı, en eski Türkçe kelimelerden birisi olup, eski Türk yazıtlarından Açura Yazıtının sol tarafındaki metinde şöyle geçmektedir;

1.yeti yegirmi erdimi yaşında erdim; ölti

2.kabakı bunsuz erti kara saçın teg

3.yerdeki **tamkalıg** yılkı bunsuz erti

4.yag ... tegmis sü temi yeti bin oğlan erti

Bu yazıtlarda geçen damga sözünden Türklerin hayvanlarına aitlik kazandırmak için işaretledikleri simgeleri "damga" şeklinde nitelendirdikleri anlaşılmaktadır.

55 Ordu Üniversitesi Fen Edebiyat Fakültesi 3TL Вильямь Başkanı ORDU / ТҮРКİYE

56 Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü TDEA, 3TL Bilim Dalı YL, ORDU / ТҮРКİYE

Damgaların Görüldüğü Yerler

Asırlar önce atalarımız tarafından kullanılan damgaların bugünde benzerlerini farklı yerlerde görmekteyiz. Kilim motiflerinde, mezar taşlarında, çanak çömlek, demir ev aletleri gibi eşyalarda karşımıza çıkan Türk damgaları asırlardır kullanılmakta ve bugün de Anadolu'nun birçok köşesinde gelecek kuşaklara aktarılmaktadır.

Bu damgaları işleyen ustalara sorduğumuzda aldığımız cevap çoğunun bunların ne anlama geldiğini bilmedikleri şeklindedir. Bunun ise açıklaması damga, im sembol ya da buna benzer Türk kültür formalarının kuşakların bilinçaltlarına işlediği şeklinde olabilir. Anlamalarını bilmeseler de işledikleri damgalar çok büyük anlamlar içermekte, Türk kültür hazinesinin önemli parçaları haline gelmektedir. Ustaların "atalarımızdan böyle gördük bizlerde bu şekilde yapıyoruz" diyerek işledikleri Türk damgaları günümüzde oldukça azalmış olsa hala birçok yerde kullanılmaktadır.

Kazak Türklerinde Damga

Tevke Han devrinden başlayarak üç ayrı ordaya ayrılan Kazak Türkleri ve bu ordalara bağlı boylara da ayrı ayrı damgalar vermişlerdir. Bir kaç damga dışında bir çok boyun damgası çizgisel özelliklerden yola çıkılarak oluşturulmuş damgalardır.

Yine bu boyların damgalarına baktığımızda, Oğuz boy damgalarından farklı bir biçimde bir çok damganın bir ismi olduğunu görmekteyiz."Ay damga", "Kol Damga", "Elif Damga", "Köse (maşa) damga gibi isimlere sahip olan bu damgaların şekilleri de sahip oldukları isimle benzer özellikler göstermektedir. Oğuz boy damgalarında böyle bir tanımın yapılmaması ise onların daha geç dönemlerde ortaya çıkması, Kazak Türklerinin boy damgalarının ise yakın dönem içerisinde oluşmuş olmasından kaynaklanabilir.

Kazak Türk boylarının damgalarını incelediğimizde bu damgaların Türk Dünyasının çeşitli bölgelerindeki Türk topluluklarının damgalarıyla benzer özellikler taşıdığını görmekteyiz.

Ulu orda boy birliğine dâhil olan Jalayır boyunun damgası ise Kırım Türklerinin damgaları arasında gözle görülür bir benzerlik vardır. Kazak Türklerinin şeceresine göre "Tarak" damga adı verilen bu damga türü Kırım Türklerinin gök bayrağındaki damga ile neredeyse birebir aynıdır.

Ayrıca Kırım Türklerinin boylarına baktığımızda birçok boyun Kazak Türk boyları ile aynı adı ve aynı boy damgasını taşıdığını da görülmektedir. Kırım Türklerinin boylarına baktığımızda Kete, Kerderi, Tabın, Alaşa, Jappas, Arğın ve Kıpçak boyları ile karşılaşmaktayız.⁵⁷ Kırım Türklerinde bulunan bu boy isimlerinin aynısı Kazak Türklerinde de bulunmaktadır. Yine bu boyların Kırım'daki damgaları ile Kazakistan'daki damgaları birbirleriyle örtüşmektedir.

Buradan yola çıkılarak Kırım'da bulunan Kete, Kerderi, Tabın, Alaşa, Jappas, Arğın ve Kıpçak boyları ile yine bu isimlere sahip olan Kazak Türk boylarının aynı köklerden gelmiş olmaları muhtemeldir. Oğuz boy damgalarına baktığımızda ise Avşar boyunun damgası ise Kazak Türk boylarından Kete, Kerey, Törtkara ve Üysin boylarının damgaları birbirleriyle aynıdır. Ancak bu boy damgalarının arasındaki benzerlik birbirleri ile yakın akraba oldukları anlamına gelmemelidir. Çünkü burada adı geçen Kazak Türk boyları yakın dönemde teşekkül etmiş olan boylardır. Damgaların birbirleri ile olan benzerliği ise bu boyların kullandığı damganın Türk kültürünün ortak bir motifi olabileceği şeklinde açıklanabilir. Karaçay-Malkar Türklerinin oymaklarından olan Korkmaz, Bostan, Semen ve Albat oymaklarının damgası olan "Tram" damga ile yine Kazak Türklerince "tarak" damga adı verilen damga motifi ile birebir aynıdır. Yine Malkar Türklerinden Karabaş boyunun damgası ile Kazak Türklerinden Nayman boyunun damgası ile aynı özelliklere sahiptir. Tüm bu benzer özellikler dikkate alındığında Kazak Türklerinin boy damgalarının çok eski kökenlere dayandığı söylenebilir. Boyların bu damgaları kullandığı zamanlar yakın tarih olarak ifade edilse bile bu damgalarda kullanılan motiflerin çok eski zamanlardan günümüze kaldığı ve yine bu damgaların kökenlerinin birçoğunun ya günlük hayatla ya da astroloji ile alakalı olduğu bugün tahmin edilmektedir. Günümüzde az da olsa yeni yapılan mezar taşlarında veya el işlerinde gördüğümüz damgaları işleyen ustalara bunu niye yaptıklarını sorduğumuzda aldığımız cevapların hepsi neredeyse aynıdır.

Tüm ustalar bu motifleri kendi ustalarından ya da atalarından gördüklerini söylemekte, birçoğu da bu damgaların anlamlarını bilmemektedir. Yani bir nevi bu damgalar yeni kuşaklara anlamları bilinmeden ya da farklı anlamlar yüklenerek aktarılmaktadır.

Kazak Türklerinde de durum aynı şekildedir. Boy damgalarının anlamlarını bilmeden eserlerine işleyen birçok usta bugün bulunmaktadır.

Kazak Boylarının Oluşum Süreçleri

Kazak adı hür, müstakil, mert, yiğit ve cesur manalarına gelmektedir. Aynı zamanda sürekli dolaşan manasını da taşımaktadır. Kazakistan'da asıl nüfusunu teşkil eden Kazaklar tarihi bir kavim olmayıp muhtelif devirlerde bu geniş bozkırlarda göç eden Türk kavimlerinin, buralarda kalan bakiyelerin

birleşmesi ve sonradan Sibiryaya kavimleriyle Moğol ve Kalmukların bir kısmını da içine almak suretiyle aşağı yukarı 15. asırda teşekkül etmiş bir Türk kavmidir.⁵⁸

Kazak Türklerinin yapılanma formlarından en önemlisi ulustur. Ulusun temel sosyal birimi ise ailedir. Bir aile ise aile bireyleri ile birlikte hizmetkârlar ve köleleri de kapsamaktadır. Belli miktarda ailenin oluşturduğu sosyal birimin adı “Fırka», Bu fırkaların (Avul=Köy) birleşmesinden meydana gelen ünite ise kabilelerdir. Bu kabileler ise uluşu oluşturmaktadır. Ulus tek başına bir yapılanma olmayıp cüzlerden yani ordalardan teşekkül etmektedir.⁵⁹

Kazak Türklerinin, hür ve müstakil bir şekilde geniş bozkırlarda sürdürdükleri hayatları merkezi bir idare ihtiyacını da ortaya çıkarmıştır. Önce Ulu Orda, Orta Orda ve Küçük Orda, üç merkezli idare sistemini kurmuşlardır.⁶⁰ Bir başka kaynağa göre XVI. yüzyılın sonlarında Nogaylar ile Özbeklerin zayıflamasından sonra Kazak siyasi birliği Üç Orda hâlinde tarih sahnesine çıkmaktadır. Bir fikir de destanî izler taşır ki buna göre; Kazak Türkleri kendilerinin bir atadan inme olduklarına inanmaktadırlar. Bu atanında üç oğlu olduğuna inanırlar. Boylara orda denirdi. Büyük oğuldan inen ordaya Ulu Orda, ortanca oğuldan inen ordaya Orta Orda ve küçükten inene de Küçük Orda denmektedir. Bunlarda zamanla alt grupları oluştururlar. Böylece Kazaklar geniş bir aile sayılmaktadırlar. Sovyet kaynaklarına göre ise Kazak Türklerinin üç ordaya ayrılması Tevekkül han zamanındadır. Tevekkül han zamanında Özbek Türklerinin ve Moğolların Kazak Türklerinin topraklarına göz dikmesi bu üç ayrı teşkilat yapısını doğurmuştur. Tauke Han zamanında, Kazak Hanlığı yeniden teşekkül etmiştir.⁶¹

Ulu Orda

Ulu orda boy birliği Kazak Türklerinin şecerelerine göre Alban, Duvlat, Botbay, İstı, Jalayır, Janıs, Kanlı, Oşaktı, Sikım, Sirgeli, Suvan, Şanışkılı, Şapıraştı, Şımır ve Üysin boylarının bir araya gelmesiyle oluşmuştur. Ulu ordanın teşekkül etmesinde en önemli etken bu boyların arasındaki akrabalıktır. Akrabalık bağı bulunmayan boylar ise tarihi süreç içerisinde birbirleriyle kurdukları yakınlık bağlamında bu ordaya dahil edilmişlerdir.

Orta Orda

Ulu orda boy birliğinden sonra Kazak Türklerince önemli bir diğer boy birliği orta ordadır. Orda sözcüğünün Kazak Türkçesine göre karşılığı “cüz” sözüdür. Cüz sözü ise taraf, yön ya da yer manalarında eskiden kullanılmış olan bir sözdür. Ancak bugün cüz sözü tamamen ordaların karşılığı olarak Kazak Türkçesinde yerini almıştır. Orta orda boy birliği ise aynı ulu orda gibi Tevke Han devrinde oluşturulduğu düşünülen bir birliktir. Bu boy birliğinin içerisinde Arğın, Kerey, Kıpçak, Konırat, Nayman ve Uvak boyları bulunmaktadır.

Küçük Orda

Kazak Türk ordalarında önemli bir yeri olan son boy birliğinin adı küçük ordadır. Aynı diğer ordalar gibi Tevke Han devrinde oluşturulduğu tahmin edilmektedir. Kazak Türklerinin nüfus olarak çoğunluğu bu ordada bulunan boyların mensuplarıdır. Çoğunlukla Güney ve Batı Kazakistan topraklarında yaşayan Küçük orda mensubu boylar, boy sayısı bakımından da diğer ordalardan daha kalabalıktır.

Ulu Orda Boyları

Alban, Duvlat, Botbay, İstı, J alayır, Janıs, Kanlı, Oşaktı, Sikım, Sirgeli, Suvan, Şanışkılı, Şapıraştı, Şımır ve Üysin boylarının bir araya gelmesiyle oluşan boy birliğidir.

Üysinler Boyu ve Damgası

Üysinler kelime anlamı olarak ev sahibi olanlar ya da insanları bir araya getiren kişiler anlamına gelmektedir. Çoğu tarihi eserlerin üzerinde ortaklık ettiği konu, üysinder boyunun sadece Kazak Türklerinin değil Orta Asya bölgesinde bulunan birçok Türk topluluğunun etnik tarihinde önemli bir rol oynadığını belirtmektedir. Yedisu üysinderi ile ilgili en eski bilgiler Çin kaynaklarında MÖ 2. asırda karşımıza çıkmaktadır. Bu kaynaklarda üysinderin 630 bin kişi civarında bir topluluk oldukları ve bu topluluğun yeri geldiğinde 188 800 kişilik bir ordu topladığı kaynaklarda belirtilmektedir.

Duvlat Boyu ve Damgası: O

Çin kaynaklarında “Duvlu”, Pers kaynaklarında “Dufat” adlarıyla bilinen Duvlat boyu N. Viçirinin verdiği bilgilere göre MÖ 2.asırda Doğu Altay bölgesinde yaşayan Duvlat boyu dönemin güçlü boylarından Üysinderin kurduğu bir nevi konfederasyonun içerisine dahil olduğu bilinmektedir. Yine Viçirin’in verdiği bir başka bilgiye göre ise Duvlat boyunun MÖ 2.asırda Çin’deki bölgelerinden çıkarak Kazakistan topraklarına geldiği şeklindedir. N.Aristov ise MÖ 5. Asırda Batı Moğolistan, Kazakistan, Altay ve Tanrı Dağlarının çevrelediği bir bölgede Duvlat boyunun yaşadığını söylemektedir.

Botbay Boyu ve Damgası:

Narası: “Semen”



58 Reşit Rahmeti Arat, Kazakistan, Cilt 6, İstanbul, 1993, Sayfa 498

59 Mehmet Alparğu, a.g.e, Sayfa 248

60 Mehmet Saray, A.g.e, sayfa 18

61 Nikolay Gredekov İvanoviç, Sirderya Eyaletinin Kırgızları ve Karakırgızları, Taşkent, Sayfa 468

Botbay boyu Duvlat Boyunun dört atasından birisidir.Kazak Türklerinin şecereleri boyunca Botbay Boyu beş ataya bölünmüştür.Cengiz Hanın ataları da bu aileye mensuptur



Şımır Boyu ve Damgası:

Şımır, Duvlat boyunun içindeki dört atadan biridir.Kazak şeceresi boyunca Şımır üç ayrı ataya bölünmektedir.

1-) Bekbolat 2-) Şınkoja 3-) Temirbolat



Sikım Boyu ve Damgası:

Narası: "Sikım" ve "Rısbek"

Sikım boyu Duvlat boyunun içindeki dört atadan birisidir. Kazak Türklerinin şeceresi boyunca Sikım boyu on bir kola bölünmüştür. Bu kollar: Boras, Toğatay, Şıldak, Buvas, Külseyit, Akılbek, Kuttıbay, Esbol, Esengeldi, Akkoylu ve Karakoylu boyudur. Oğuz boylarının içinde Akkoyunlu ve Karakoyunlu isimlerine rastlamak mümkündür. Hatta bu boylar zamanında iki büyük devlet kurmuş olan çok önemli Türk boylarıdır.

Janıs Boyu ve Damgası:

Narası: "Janıs"

Janıs boyu Duvlat boyunun dört atasından birisidir.



Alban Boyu ve Damgası:

Narası: "Rayımbek"

Alban boyu Kazak Türklerinin şeceresi boyunca iki büyük kola ayrılmaktadır. Bunlar Şıbır ve Sarığa kollarıdır. Şıbıl kolu kendi içinde ikiye ayrılırken Kızılberik ve Konırbörük adlarını almıştır.



Suvan Boyu ve Damgası:

Narası: "Baysuvan" Türkiye Türkçesinde "Zengin Suvan" şeklindedir.

Amanjolov'un bir iddiası Duvlat, Alban ve Suvan'ın Jarık adındaki bir atanın oğulları olduğudur. Jarık sözünün Türkiye Türkçesindeki karşılığı "ışık" anlamındadır. Burada bahsi geçen Jarık'ın bir isim değil efsanevi bir ışık manasına gelmesi de muhtemeldir.⁶²



Şapıraştı Boyu ve Damgası:

Narası: "Karasay" Boy Damgası: "Aydamga"

Şapıraştı boyuyla ilgili eski el yazma eserlerde pek bir bilgi yoktur. Ancak Kazak Türklerinin şeceresi boyunca Şapıraştı'nın Üysin'in şöberesi yani torununun çocuğu olduğu, Beydibekti'nin ise torunu olduğu düşünülmektedir.



Istı Boyu ve Damgası:

Narası: "Javatar"

Kazakistan coğrafyasındaki boylar hakkında bilgi veren kitaptaki kaynaklara dayanarak araştırma yapan V. Vostrov Istı boyunun Şu ve Talas ırmağının arasındaki bölgede yaşadığını, 15. asırda Kazak Hanlığı'nın içerisine dahil olup birçok boyla birlikte İlen nehrinin sol tarafındaki bozkırlara yerleştiğini söylemektedir.⁶²



Oşaktı Boyu ve Damgası:

Narası: "Bahtiyar" Boy Damgası: "Tılsım yada Muska Damga (Şeklinden dolayı bu ismi almıştır.)"

Oşaktı boyuyla ilgili eski dönem eserlerde pek bir bilgi bulunmamaktadır. Sadece 15. asırda Arap seyahatçi Masudi'nin eseri olan Abulhayırhani Tarihi'nde Oşaktı boyunun olmasa da ona bağlı bir kol olan Baylı kolu hakkında biraz bilgi vermektedir.



Jalayır Boyu ve Damgası:

Narası: "Bahtiyar", "Böribay (Türkiye Türkçesinde Zengin Bozkurt manasındadır.)" Boy Damgası: "Tarak Damga"

Jalayır boyu ile ilgili bilgiler Çin ve Arap kaynaklarında pek yoktur. Sadece Raşid'ad-din eserinde Jalayır boyu için sürekli çoğalan ve genişleyen bir boy olarak bahsetmiştir.

Sirgeli Boyu ve Damgası:

Narası: "Bahtiyar"

Kazak Türklerinin şeceresinde Sirgeli boyu ulu orda boylarının içerisindeki en eski boylardan birisi olarak geçmektedir.

Kanlı Boyu ve Damgası:

Narası: "Bayterek" ve "Ayrılmas" Boy Damgası: "Köse (Türkiye Türkçesinde "Maşa" anlamına gelmektedir.) Damga"

Kanlı boyu ulu orda içindeki en eski Türk boylarından birisidir. Bu boyun Kazak ve Kırgız Türklerinin tarihi devir içerisinde kurdukları ittifaka az sayıda katılmasının nedeni ise bu boya mensup olan çoğu ailenin Şeybani eyaleti ile Maverünnehir bölgesinde kalmış olmasındandır.

Şanıskılı Boyu ve Damgası:

Narası: "Şanıskılı (Türkiye Türkçesinde "Çatalı" manasına gelmektedir.)" ve "Ayrılmas" Boy Damgası: Şanıskılı boyu "kol damga" adı verilen bir damga kullanmışlardır.

Orta Orda Boyları Boyu ve Damgası

Arğın, Kerey, Kıpçak, Konırat, Nayman ve Uvak boylarının bir araya gelmesiyle oluşan boy birliğidir.

Arğın Boyu ve Damgası:

Narası: "Akjol (Türkiye Türkçesinde "Akyol" manasına gelmektedir.)"

Ulu Ordanın içerisinde bulunan Arğın boyu iki büyük koldan oluşmaktadır. Bu kollara Meyram ve Momın adı verilmektedir.⁶³

Nayman Boyu ve Damgası:

Narası: "Kaptağay"

Nayman boyu orta ordanın içerisinde Arğın boyundan sonraki en kalabalık boydur. Nayman boyunun genişleyerek dağılmasıyla ilgili halk arasında birçok menkıbe anlatılmaktadır.

Nayman boyunun savaş sırasında attığı nara "Kaptağay" şeklindedir. Bu sözün Türkiye Türkçesinde karşılığı "vahşi, yabani" demektir

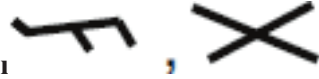
Kıpçak Boyu ve Damgası:

Narası: "Oybas"

Nüfus bakımından orta ordadaki üçüncü büyük boydur. Bu boy meşhur Türk boylarından birisi olan Kıpçakların Kazak Türkleri içerisinde isim olarak kalmış bir boydur.

Kerey Boyu ve Damgası:

Narası: "Oşıbay" Kerey boyu orta ordanın boylarından birisidir. Bu boyla ilgili bilgiler 8. asırda Moğol kaynaklarında ve Raşid Ad-Din'in şeceresinde de karşımıza çıkmaktadır. Kerey boyu diğer Kazak Türklerinin boyları gibi tarihte askeri ve ekonomik birçok önemi bulunan güçlü boylardan birisidir.

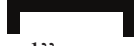


Uvak Boyu ve Damgası

Narası: "Javbasar (Türkiye Türkçesinde düşmana baskın yapan manasına gelmektedir.)"

Uvak boyu Kazak Türklerinin şeceresi boyunca Kerey'in abisi olarak gösterilmektedir. Şokan Velihanov ise Uvak boyu mensuplarını ünlü Altın Orda Devletini kuran boy olarak göstermektedir. Kazak Türklerinde bulunan "Er Kökşe", "Er Kosay", "Kambar Batur" destanlarında ise Uvak boyunun doğuşu ve yayılışı ile ilgili birçok bilgiler bulunmaktadır.

Konirat Boyu ve Damgası:



Narası: "Alatay" ve "Mükemal"

Konirat boyu Türk tarihi içerisinde önemli bir role sahiptir. Birçok destanda bu boyun ismini görmek mümkündür. "Alpamis" destanının kahramanı Alpamis Konirat boyunun bir mensubudur. Ayrıca bu destan Karakalpak ve Kazak Türklerinde "Alpamis", Özbek Türklerinde "Alpamiş", Başkurlarda "Alpamipi ve Barsın Jiluv", Tatar Türklerinde "Alpamşa", Altay Türklerinde "Alıy Manaş" şeklindedir. Bu bize göstermektedir ki Konirat boyundan çıkan Alpamis'in kahramanlıkları tüm Türk Dünyasında ortak değer olarak yaşamaktadır.

Küçük Orda Boyları

Aday, Alaş, Altın, Baybaktı, Beriş, Esentemir, Şerkeş, Isık, Jappas, Kerderi, Kete, Kızılkurt, Maskar, Ramadan, Şekti, Şömekey, Tabın, Tama, Taz, Telev, Törtkara boylarının bir araya gelmesiyle oluşan Kazak Türk ordaları içerisindeki en kalabalık boy birliğidir.



Kerderi Boyu ve Damgası:

Narası: "Kerderi"

Kerderi boyu küçük orda boylarının içerisindeki en eski tarihe sahip olan boylardan birisidir. Bu boyun anlamının Kazak Türkçesindeki "gururlu, onurlu" sözünden çıktığı düşünülmektedir. Kazakistan'da yapılan yeni dönem araştırmalarına göre ise Aral Denizi'nin eski adının 10. asırda "Kerderi" olduğu belirtilmektedir.

Aday Boyu ve Damgası



Aday boyu küçük orda boyları içerisindeki nüfus olarak en kalabalık boylardan birisidir. Aday boyunun ortaya çıkışı konulu birçok farklı görüş belirtilmektedir. Bunların içerisinde en yaygın olarak kullanılan görüş Aday boyunun Aral denizi bölgesinde ilk olarak ortaya çıktığı yönündedir.⁶⁴ Aday isminin ise Oğuz boyunun "ada" sözü olarak kullandığı "aral" kelimesinden, adalılar yani Aral bölgesinden gelenler manasında ilk olarak kullanılmıştır.

Şömekey Boyu ve Damgası

Şömekey boyu Nikolay Aristov'a göre ilk olarak Tanrı Dağları'nın Alatav kolunun bulunduğu bölgede ortaya çıkmıştır.⁶⁵

Kete Boyu ve Damgası

Kete boyu ile ilgili ilk bilgiler 12. yüzyıldadır. Kete boyu 1120 yılında Karahitaylara karşı istan eden 18 boy arasındadır. Bu devirde bu boyun adı kete değil "hiti" şeklindedir.

"Kazak Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti Tarihi" adlı eserde Kete boyunun damgası  bu şekildedir. Kitapta bu damga Karaketelilerin damgası olarak ifade edilmiştir. Bu da Kete boyunun Karaketeliler şeklinde bir başka kolunun olduğunu da bizlere göstermiştir. Bugün ise halk arasında Kete boyunun damgası  bu şekilde bilinmektedir.

Baybaktı Boyu ve Damgası:



Baybaktı boyu mensuplarının savaş sırasında attıkları nara ise "Devkara" şeklindedir. Muhametcan Tınışbayev'e göre ise bu boyun damgası çok farklı şekillerde mevcuttur. Bu damgalara dikkat edildiğinde

64 Arğınbayev H, Mukanov M, Vostrov V, A.g.e, Sayfa 162

65 Nikolay Aristov Aleksandreviç, A.g.e, Sayfa 164

kaya resimlerindeki ilk dönem dağ keçisi damgalarına benzemektedir. Baybaktı boyunun kullandığı damganın da buradan esinlenerek uygulanmaya başlandığı düşünülebilir.⁶⁶

Maskar Boyu ve Damgası:

Maskar boyunun narası "Karatay" şeklindedir.

Kazak Türklerinin şeceresine göre bu Maskar kolu müstakil bir boy olarak görülmektedir. Bu da bizlere Maskar kolunun diğer Türk boylarından insanlarla birleşerek ayrı bir boy halinde teşekkül ettiğini göstermektedir. Maskar boyu iki ayrı kola ayrılmaktadır. Bu kolların adı da Kuttıkadam ve Masak şeklinde adlandırılmaktadır.

Ramadan Boyu ve Damgası:

Narası: "Duvlat" Ramadan boyu ile ilgili tarihi kaynaklarda bilgi yoktur. Bu boyla ilgili ilk bilgi 1748 yılında A. Tevkelev'in yaptığı Kazak Türklerinin boy listesinde görülmektedir.

Tabın Boyu ve Damgası:

Narası: "Terke", "Tostoğan", "Alaş". Tabın boyu ile ilgili ilk bilgiler birçok küçük orda boyunda olduğu gibi Tevkelev'in yaptığı listede karşımıza çıkmaktadır. Bu boyla ilgili araştırma yapan Muhammetcan Tınışbayev'e göre ise bu boy dört ayrı kola ayrılmaktadır. Bu kollar Jamankerey, Bozım, Begim ve Kayırkoja adını almaktadır.⁶⁷ Tabın boyuna bugün Başkurdistan'da da rastlanmaktadır.

Taz, Telev Boyları ve Damgaları

Taz ve Telev boyları ile ilgili ilk bilgiler küçük ordanın boylarını 1748 yılında liste halinde yazan A. Tevkelev'in kitabında bulunmaktadır. Bu iki boyunun adının bu listede yer alması bu boyların 18. yüzyılda ortaya çıktığını bizlere göstermez. Bu iki boy çok daha eski devirlerde ortaya çıkmış yine aynı Tabın boyunda olduğu gibi bu boylara mensup bazı insanlar Başkurdistan bölgesine yerleşmiştir.

Kızılkurt Boyu ve Damgası:

Narası: "Jiyenbay". Kızılkurt boyu kendi içerisinde üç ayrı kolay ayrılmıştır. Bu kollar Emirey, Oljaşı ve Erşi koludur. Yeni yapılan araştırmalarda ise bu kollara Sübe kolu da eklenmiştir. Bu boyun kullandığı damgalar ise oldukça çeşitlidir.

Tama Boyu ve Damgası:

Tama boyunun ortaya çıkışı ile ilgili tarihi kaynaklarda bilgi bulunmamaktadır. Rus kaynaklarında ise Tama boyu ile ilgili ilk bilgilere 1748 ve 1762 yılında rastlanmaktadır. Bu bilgilerde ise Tama boyu ile ilgili açıklama yapılmamakta sadece ismi geçmektedir. Tama boyu mensuplarının savaş sırasında attıkları nara "Karabuğra" şeklindedir. Bu boyun damgası ise "çift maşa yada eklenmiş maşa (kosıv kösev) adını verdikleri bir damgadır.

Jappas Boyu ve Damgası:

Narası: "Baymurat", "Baktıbay" Jappas boyu küçük orda içerisindeki en büyük boylardan birisidir. Ama maalesef bu boyla ilgili tarihi kaynaklarda pek bir bilgi bulunmamaktadır. Bu boyla ilgili ilk bilgi Orınbor şehri eski sınır komisyonu başkanı Larionob'un 1829 yılında yazdığı rapordadır. Bu raporda "sınır bölgesi yakınlarında Jappas boyu adı verilen bir boyun mensupları yaşamaktadır" ifadesi kullanılmaktadır.

Törtkara Boyu ve Damgası:

Törtkara boyu ile ilgili en eski bilgiler 1748 yılında yazılan A. Tevkelev'in küçük orda boylarının listesindedir. Bu tarihten sonra günümüze kadar yapılan araştırmalarda Törtkara boyunun eski devirlerde ortaya çıkan "Alimulı" adındaki bir boy federasyonunun içerisinde yer aldığı bilinmektedir. Çünkü Kerey boyunun damgası ile Törtkara boyunun damgası aynıdır.

Beriş Boyu ve Damgası:

⁶⁶ Muhammetcan Tınışbayev, A.g.e, sayfa 144

⁶⁷ Muhammetcan Tınışbayev, A.g.e, sayfa 124


Küçük orda içerisindeki en büyük boylardan birisidir. P. Keppen'in araştırmaları boyunca 1851 yılında Bökey bölgesinde Beriş boyundan olanların sayısı 3600 çadırdır. Her çadırdan en az beş kişi olduğu düşünülürse o devirde Bökey bölgesinde 18.000'e yakın Beriş boyu mensubunun yaşadığı söylenilebilir. Hatta Memlük Sultanı Baybars bu boyun mensubudur.

Esentemir, Şerkeş, Isık Boyları ve Damgaları

Bu üç boy mensupları genellikle Bökey bölgesinde yaşamışlardır. Hayvancılıkla geçimlerini sürdüren bu üç boyun mensupları konar-göçer bir yaşam sürdürmüşlerdir.

Esentemir boyunun damgası;  şeklindedir.

Şerkeş boyunun damgası;  şeklindedir.

Isık boyunun damgası ise;  şeklindedir.

Bu üç boyun damgalarının birbirleriyle neredeyse aynı olması, bu üç boyun akraba olduklarının bir başka göstergesidir.

SONUÇ

Tevke Han devrinde Kazak Türklerinin siyasi anlamda teşkilatlanmasıyla birlikte ortaya çıktığı kesin olarak bilinen bu ordalara bağlı boyların yine o devirde damgaları kullandığını biliyoruz.

Bu damgaların kökeninin eski tarihli olmasının yanı sıra Tevke Han tarafından Kazak Türk boylarına verildiği de bugün düşünülmektedir. Bu damgalara genel olarak baktığımızda çizgisel üslupla işlenmiş olan damgaların çoğunlukta olduğu görülmektedir. Bu da bu üslupla çizilen damgaların daha eski tarihli damgalar olduğunu bizlere kanıtlamaktadır. Ayrıca Kazak Türklerinde Oğuz boy damgalarından farklı olarak kullandıkları damgalara birer ad verdikleri de bugün bilinmektedir. Maşa damga, elips damga, tarak damga, iki çizgi damga gibi adlar verilen bu damgaların günlük hayatta karşılık buldukları nesnelere özenilerek ortaya çıkarılmaktadır.

Bazen tarih yazmak için çok söz söylemenin gereği yoktur, hayatınızda yer bulabilen her nesneye birkaç motif kazımak, birkaç damga işlemek ve bunları gelecek kuşaklara aktarmakta bir nevi tarih yazmakla eşdeğerdir.

Kaynakça

akçoraklı, Osman-Otar, İsmail -Kırım'da Tatar Damgaları-Kırım Dergisi Kültür Yayınları-İstanbul,1983

Alpargu, Mehmet, On altıncı Yüzyılda Türk Dünyası Özbek ve Kazan Hanlıkları, Ankara, 1994

Amanjolov, S, Kazak Dilinin Diyalekti ve Tarihinin Meseleleri, Almatı, 1959

Arat, Reşit R. "Kazakistan», İ.A., C.6, İstanbul, 1993

Aristov, Nikolay Aleksandreviç, Hatıratlar ve Deneyimler, 4 Cilt Taşkent, 1916

Aristov, Nikolay Aleksandreviç, Türk Tayfaları ve Halklarının Etnik Oluşumları ve Onlar Hakkındaki İstatistiki Bilgiler, Taşkent,1914

Gredekov, Nikolay İvanoviç, Sirderya Eyaletinin Kırgızları ve Karakırgızları, Taşkent

Gülensoy, Tuncer, Orhundan Anadoluya Türk Damgaları, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları, İstanbul,1989

<http://e-history.kz/>

Kazak-Sovyet Ensiklopediyası, 1975, Tom.VI, Almatı.

Ögel, Bahaeddin Türk Kültürünün Gelişme Çağları, İstanbul,1988

Saray, Mehmet, Kazak Türklerinin Tarihi, İstanbul, 1993

Tınışbayev, Muhammetcan, Kazakistan Tarihi, Almatı,1993

X. Арғынбаев, М. Мұқанов, В. Востров, Қазақ Шежіресі Хақында, (Kazak Şecereleeri Hakkında) Алматы: Атамұра, 2000

Prof.Dr. Saadettin Yağmur GÖMEÇ⁶⁸

KÖK TÜRKLER VE UYGURLAR ÇAĞINDA KIRGIZLAR

The Kyrgyz in the Period of Kök Turks and Uighurs

Özet: Türk tarihinde pek derin izler bırakmasa da Hun, Kök Türk ve Uygurların devamı hiç şüphesiz Kırgızlardır. Asya'nın en eski Türk boylarından olan ve bir zamanlar tarihî Türk yurtlarına sahip bulunan Kırgız Türkleri konusundaki bilgilerimiz ise maalesef oldukça azdır. Hem Türkçe belgelerde,

68 A.Ü. Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Öğretim Üyesi.

hem de Çin kaynaklarında onlar hakkında anlatılanlar bize göre yetersiz kalıyor. Dolayısıyla Kırgız dönemi Türk tarihi konusunda henüz pek çok şey karanlıktır. Bununla beraber diğer Türk kavimleriyle karşılaştırdığımızda ve Çince vesikalara bakınca en köklü bilgiler Kırgızlara aittir. Çünkü Kırgız etnik adı Hunlardan itibaren takip edilebiliyor. Ancak Kırgızların konumu diğer Türk boylarından farklı bir durum sergilemektedir.

Anahtar Kelimeler: *Kırgız, Kök Türk, Uygur, Türk Tarihi*

Abstract: Even if the Kyrgyz didn't make mark on history of Turks, they are doubtless successive of the Hun, Kök Turks and Uyghurs. Unfortunately, we have quite a few informations about The Kyrgyz which is one of the oldest Turkish tribes and have Turkish countries. According to us, the informations in the both Turkish records and China resources about them, are not enough. Thus, so many things are obscure about the history of Turks in the period of the Kyrgyz. Besides, the Kyrgyz have the most radical informations when I look at China resources and compare to the other Turkish tribes. Because the ethnic name of the Kyrgyz can be followed since the Huns. But, the positions of the Kyrgyz exhibit a different state from the other Turkish tribes.

Key Words: *Kyrgyz, Kok Turk, Uighur, Turkish History*

Türk tarihinin en acı hatıralarının başında maalesef, Türklerin kendi kardeşleriyle yaptıkları savaşlar gelir. Bu anlamsız, büyük bir kısmı iktidar mücadelelerinden ibaret harpler yüzünden milyonlarca Türk'ün kanı aktı. Hunların, Kök Türklerin, Uygurların yıkılmalarının ana nedeni dışarıdan yapılan saldırılardan daha ziyade, içeride yaşadıkları kavgalardır. Birbirleriyle didişmekten etrafını göremeyen ve zayıflayan Türk hanedanları, bu suretle hariçten vurulan darbelerle daha kolay yıkıldılar.

Miladi 4. asrın ikinci yarısında, Kuzey Çin'de teşekkül etmeye başlayan Tabgaç⁶⁹ sülalesiyle yakın ilişkilerde bulunan Kırgızların, daha sonra onların hâkimiyetine girdikleri söyleniyorsa da, herhalde bu bağılık çok sıkı değil idi. Çünkü iki siyasi teşekkülün ve toplumun arasındaki mesafe çok uzaktır. Hatta onların Tabgaç hanedanlığının kuruluşunda da rol aldıkları vurgulanıyorsa da, buna da tereddütle bakmak gerekir. Ancak şu veya bu şekilde Çin'in kuzeyindeki Türklerle irtibat halindeki Tabgaçlar, güçlerinin sebebini kısa bir sürede unutarak, Çinlilerin arasında yok-olup gittiler. Bugün dahi Tabgaç Devleti söz konusu olduğu zaman, onların Türklük tarafları pek akla gelmez. Öyle ki, Tabgaçların Türk tarihiyle ilgisi bazan göz-ardı edilebilmektedir.

Dördüncü yüzyılın sonları ile beşinci asrın ilk yarılarında ise, Orta Asya'da güçlenen bir diğer hanedanlık Juan-juanlar⁷⁰ oldu. Dolayısıyla bazı Kırgız kabileleri onların idaresi altına girdi. Bir kısmı da diğer Tölös boylarıyla birleşti. Daha sonra Kuzey Çin ve Mogol yaylalarındaki siyasi durum oldukça karıştı. Tabgaçlar, Juan-juanlar ve Tölösler kıyasıya savaşlara başladılar. Onların bu mücadelesi Kök Türklerin ortaya çıkıp, hepsine çeki-düzen verecekleri zamana kadar sürdü.

Börü Kan (Mo-kan) idaresindeki Kök Türklerin tabiyetine 560 yılında giren Kırgızlar, kaganlığa vergi ödemek ve ihanette bulunmamak şartıyla serbest bırakılmışlardı. Bu sırada çok keskin ve kaliteli silahlar imal eden Kırgızların bir bölümü ziraatla meşgul oluyorlardı. Yenisey Vadisinde, Sayan Dağları eteklerinde ve Minusinsk bozkırlarında tarım yapmayı öğrenmişlerdi. Onlar, Kök Türk Kaganlığının silahlarını, çeşitli ev eşyalarını ve hayvan yemlerini de sağlıyorlardı.

Bununla birlikte Kara Kagan'ın oğlu İşbara tahta çıktığı sırada (581-587) Kırgızların, Börü Kan'ın (Mo-kan) oğlu Apa'nın (Ta-lo-pien) idaresine geçtiklerini, ancak İşbara'nın Apa'ya şiddetle saldırdığını ve bu yüzden pek çok Kırgız'ın da öldüğünü biliyoruz. Kök Türk Devletinin içerisinde yaşanan bu iktidar mücadeleleri ve hırsları, onların zayıflamalarına ve de başlarına pek çok felaketin gelmesine yol açtı.

Altıncı asırdan evvelki Kök Türk-Kırgız münasebetleri veya muharebelerine kitabelerde pek değinilmez. Buna dair bilgileri yine temel kaynaklarımızdan olan Çin yıllıklarından öğrenmekteyiz.

Bilindiği üzere 630 tarihinde İllig (İl) Kagan'ın idaresindeki Kök Türkler, Çinliler tarafından mağlup edildikten sonra⁷¹, Çin imparatorluğu bunların durumunu öğrenmek için Kırgız bölgesine bir elçi gönderdi.

69 Tabgaç ülkesinin kuzey-doğusunda 531 tarihinde bir isyan çıktı ve isyancılar başkent Lo-yang'ı ele geçirerek, imparatorun oğullarından birini tahta çıkardılar. Yeni imparator da korkup kaçınca Tabgaç Devleti, Batı ve Doğu Wei diye iki kısma ayrıldı. Fakat başta bulunan Türk soylu hükümdarlar, Çinli komutanların oyuncağı oldu.

70 İddialara göre Juan-juanların tek bir etnik kökeni yoktur. 4. yüzyılın ilk yarısına doğru, Siyen-pi ordusunda hizmetkâr olan Yulgu isimli kişi isyan etmiş ve idama mahkum olunca dağlara kaşmıştı. Etrafında toplanan yüz kadar kişiyle yaşamaya başlayan bu şahıs, daha sonra Tabgaç hanlarıyla irtibat kurdu. Her sene onlara at, samur ve diğer derilerden oluşan vergiler üdedi. Onun ordusuna Juan-juan deniyordu. Juan-juanlarda yazı yoktu. Hesap yapmak için koyun tezeği veya ağaç pazarlarından yararlanılıyordu. Yasalar savaş ve yağmacılığa göre idi. Çin kaynaklarının bazıları onları Tung-hulara bağlarken, bir kısmı da Hunlarla akraba göstermektedir. Ayrıca Hsien-pi lehzesinin bir diyalektini konuştukları söylenmektedir. 4. yüzyılın sonlarında Kuzey Cungarya'ya güz ederek, Selenge Irmağına kadar batın Batı Mogolistan'a yayıldılar. Tıllusler ise dağınık yaşadıklarından, Juan-juanlara karşı koyamıyorlar ve bu yüzden vergi vermek zorunda kalıyorlardı. Tamamen azık etnik bir kökenleri olmayan, komşu halklar tarafından parazit gibi kabul edilen Juan-juanların geriye de torun bırakmadıkları söylenmektedir. Adlarının manasının ne olduğu konusunda bile kesinlik bulunmayan Juan-juanların, dili ve etnik yapısı da tam anlamıyla azığa kavuşmamıştır. Bu nedenle zaman zaman Juan-juanların, Türk Avarlarla bir tutulmasının veya onları Türk soylu gibi göstermenin hiçbir ilmi delili olmadığını vurgulamak isteriz. Bakınız, S. Gümeş, **Kırgız Türkleri Tarihi**, 3. Baskı, Ankara 2011, s.51-52

71 Küçük Türkçe kaynaklarda milletin isine dâşmış olduğu felaketler, özellikle gelecek nesillere ders olsun diye şöyle anlatılmıştır:

Kırgızların da, Çin'in T'ang sülalesine sefirler yolladığı bir sırada Ch'i-pi (K'i-pi/ belki Kıpçak ya da Çepni Beg) Kagan (639–650) Kırgız bölgesini ele geçirdi⁷². Kök Türklerin bu fetret devrinde (648'lerde) Çin'e bağlanarak faaliyet gösterme çabasında oldukları, hatta bir ara Sır Tarduşların⁷³ tabiyetine de girdikleri, kendilerine Sır Tarduşların Yinçü Bilge Kagan'ı tarafından il-teber tayin edildiği, Kırgız il-teberlerinin Çin'e de gittikleri malumdur. Yine de, bu yıllarda Kırgızları güney ve batıdaki diğer Türk kabileleriyle kıyasladığımızda, kaganlığın merkezine karşı önemli bir faaliyette bulunmadıklarını anlıyoruz. Bu fırsatı niye değerlendirmedikleri hakkında fikir yürütmek kolay değilse de, bir ihtimal Kırgız bölgesinde de, bu vakitlerde birtakım kargaşalar olabilir.

İl-teriş Kagan öncülüğünde Türklerin yeniden derlenmesi ve Kagan sayesinde Kök Türk Kaganlığının içerisinde düzenin tekrar sağlanmasının arkasından, Bars Beg adlı birinin Kırgızların kaganı yapıldığını görüyoruz. Kırgızlar o döneme göre, yukarıda da vurgulandığı üzere iyi silahlanmış bir askeri güce sahiptiler. Tam teçhizatlı atlı birlikleri vardı⁷⁴. Ama bu iki akraba halk arasında yeniden iyi gitmeyen birşeyler ortaya çıktı. Belki de Kök Türkler onlarla sonucu Türk milletinin zararına olan bir savaşa girmenin faydasız olduğunu düşündüklerinden Bars Beg, Bilge'nin kız kardeşi ile evlendirilerek bir yakınlaşma tesis edildi. Hatta bu sırada belgelere baktığımızda, Türk bodundan sayılan Azlarla bir muharebe de yapılmış olabilir⁷⁵. Fakat daha sonra, Bars Beg'in de Kök Türk Kaganlığına karşı ayaklandığı ve öldürüldüğünü; **Bars, beg idi. Kagan adını burada ona biz layık gördük. Küçük kız kardeşimi prenses olarak verdik. Kendisi yanıldı ve öldü. Halkı kul-köle oldu**⁷⁶, diye kitabelerde geçen, bu serzeniş cümlelerinden öğrenmekteyiz⁷⁷. Anlaşılabileceği gibi 699'da, **Kırgız ülkesi sahipsiz kalmamasın diye, bir savaş yapılmış ve Kırgızlar da düzene sokulmuştur**⁷⁸. Türk hâkimiyet fikrinin yüceliği bu yazıtlara kazınarak, günümüze kadar gelmiştir. Yeryüzünde hiçbir devlet ve devlet idarecisi yoktur ki, ayaklanan tebasının başına gelen felaketlere bu derece üzülün.

Bilindiği üzere Türk Devleti ile hükümdarının başlıca görevi Tanrı'nın ve Türk'ün adaletini yaymaktır. Tanrı tarafından kaganlığa atandığı varsayılan Türk hükümdarı, bütün yeryüzünün, yani insanlığın yöneticisidir. Dolayısıyla bütün insanlığa ve kendi tebasına karşı sorumluluk hissedenden bir millet örneğine tarihte az rastlanır. İşte bu mesuliyet anlayışı, Türk'ün cihan hâkimiyeti mefkûresi ve insanlık sevgisinden doğmaktadır.

Daha sonra Kagan Kagan (691–716) onlara Çin imparatorluğuna karşı birlikte mücadele teklifinde bulundu. Kırgızlardan red cevabı alınca, harekete geçti. Çünkü bu bir itaatsizlik demektir ve cezasız kalmamalıdır. 709 yılında Kırgızlar bir Türk boyu olan Çiklerle⁷⁹ işbirliği yaparak Kök Türklerle baş kaldırdıysa da⁸⁰, 710 yılında tekrar itaat altına sokuldular. Bu olaylar kitabelerde şöyle anlatılmaktadır: «Çin imparatoru ve On Ok⁸¹ kaganı düşman oldu. Bunlardan başka Kırgızların güçlü (veya Kırgız Küçlüğ

“Bilgisiz ve kıtî kaganlar tahta oturduğundan, bakanları ve beyleri de bilgisizmiş. Halkı dzensensiz olduğundan, Çin milleti aldattıcı ve sahtekâr olduğundan, kызк kardeşi быуык kardeşe дььрдьгьнден, beg ve halkın arasını aztığundan Тьрк milletinin ülkesi elinden zıkmış. Kaganını kaybetmiş. Çin milletine beg olacak erkek зочуғу kul, hanım olacak kızы cariyе olmuştur. Тьрк milleti Тьрк adını bıraktığından» başına bunca felaket gelmiştir (Bakınız, **Kul Tigin Yazıtı**, Doğu tarafı, 5–8; **Bilge Kagan Yazıtı**, Doğu tarafı, 6–8).

72 S. Gümeз, **Kuk Тьрк Tarihi**, 4. Baskı, Ankara 2011, s.92–93.

73 Kuk Тьркэ kitabelerde зок сикза gezen Тьрк boylarından biri de Tarduşlardır. Тулусlerin bir бульмянь teşkil eden Tarduşlar, Çin kaynaklarında Sie Yen-t'o veya Hsieh Yen-t'o gibi isimlerle anılmaktadır. İki Тулус boyundan, yani Sir ve Tarduş'tan meydana geldiği söylenen Tarduş adı, Tibetcede “ttarduşa» ve Hotan metinlerinde “Dar-dos» şeklinde gezmektedir. Çin kaynaklarına göre Altaylar zevresinde oturan Tarduşların kuzeylerinde Tongralar, гьнейlerinde de diğer Тулус boyları oturmaktadır. Efsanelerde onların ataları da kurt başlı bir insandır. Bakınız, S. Gümeз, **Uyгур Тьркleri Tarihi**, 4. Baskı, Ankara 2011, s.35.

74 Güмез, **Kuk Тьрк Tarihi**, s.144–147.

75 Bakınız, **Kul Tigin Yazıtı**, Doğu tarafı, 20; **Bilge Kagan Yazıtı**, Doğu tarafı, 16.

76 Bakınız, **Kul Tigin Yazıtı**, Doğu tarafı, 20; **Bilge Kagan Yazıtı**, Doğu tarafı, 16: “Bars beg erti. Kagan atıg bunta biz birtimiz. Singilim конзуйг birtimiz. Цзи yangıltı. Kaganı ıltı. Bodunı кыг болт».

77 Bununla birlikte Hakas-Kırgız bozkırlarında Bars Beg'in anısının yaşadığını, birtakım halk hikayelerinde halb zikredildiğini görüyoruz. Bakınız, V. Ya. Butanayev-I.I. Butanayeva, **Hakaskiy İstoričeskiy Folklor**, Abakan 2001, s.62–63.

78 Bakınız, **Kul Tigin Yazıtı**, Doğu tarafı, 20–21; **Bilge Kagan Yazıtı**, Doğu tarafı, 17: “Kıgmen yir-sub idisiz kalmazun tiyin; Az, Kırkız bodunıg itip-yaratıp keltimiz».

79 İzerlerinde ciddi bir araştırma yapılmayan Kuk Тьркэ kitabelerdeki önemli bir Тьрк boyu da Зикlerdir. Зикlerin menşei ve ülkeleri konusunda zehitli gırgışler vardır. Зик'in zindeki “Sih» veya “Sip» olup, Basmillardan geldiği söylendiği gibi, Kimeklerin bu Зикlerden olduğu yolundaki gırgışler yanında; Kırzakların bir şubesi olduğu da zikredilmiştir. Bundan başka Kimeklere bakılarak İşim-Tobol vadilerinde yaşamış oldukları söylenmişse de, Clauson kitabelerden yola çıkarak onların yerleşim yerlerini haklı olarak Tuva'nın doğusunda göstermiştir. Halbuki **Hudud el-Allah**'a göre Kimeklerin yurdu İrtiş'in batı taraflarıdır. Son zamanlardaki bazı iddialara göre ise, Hakas-Kırgızların bir alt şubesi olan Sagayların İzege oymağıyla da ilişkilendiriliyorlar (Butanayev-Butanayeva, **a.g.e.**, s.44–45). Зикler isin bakınız, S. Gümeз, “Kuk Тьркэ Kaynaklarda Gezen Boy ve Kavimler İzerine: Зикler», **Тьрк Кытырь**, 32/370, Ankara 1994, s.47–48.

80 Bakınız, **Bilge Kagan Yazıtı**, Doğu tarafı, 26: “Altı otuz yaşına Зик bodun Kırkız birle yağı болт. Kem keze Зик tapa сьледим. Црпente сьнгьсдим. Сьсин санздим».

81 Devletin kuruluşundan itibaren karşımıza çıkan On Oklar, on aileden ibaret olup, devletin batı kanadını teşkil ediyorlardı. On Ok boyları Tulu (belki Tuğlu) ve Nu-shih-pi (Arslan Begliler) diye ikiye ayrılmışlardır. Beş zor tarafından idare edilen Tuluların uruğları; Zumukun, Hou-lou-kiu, Che-cho-t'i, Тьргіш, Сьнгьз'дыр. Beş irkin tarafından yönetilen Nu-shih-pilerin (Arslan Begliler) aileleri; İzgil, Ko-chou kiue, Başkan,

Kagan) kaganı da düşmandı. Bu üçü anlaşıp, Altun Yiş⁸² üzerinde buluşarak, Kök Türklere karşı ordu sevkettmeye karar verdiler. Onlar bu işi yapmazsa, Kök Türklerin onları teker teker ortadan kaldıracığından korkuyorlardı. Çünkü kaganı ve ayguçısı bilge olan Kök Türkleri yalnız başlarına alt edemeyeceklerini çok iyi biliyorlardı. Ayrıca Oguzları kandırmaya da çalıştılar. Bunun üzerine Bilge Tunyukuk gece-gündüz çalışarak onlara karşı bir plân hazırladı. İlk önce Kırgızlara doğru bir ordu göndermeyi düşünmüş ve bunun için harekete geçmiştir. Kırgızlara ulaşmak için Kögmen⁸³ Dağlarının aşılması gerekmektedir. Ancak kar yüzünden bütün yollar kapanmıştı. Az⁸⁴ ülkesinden doğru oraya gitmenin mümkün olduğu öğrenilmiş ve Anı Suyu⁸⁵ boyunca ilerlenmişti. Zorlu bir uğraştan sonra Ak Termel⁸⁶ geçildi, ancak orduya yol gösteren klavuz yolu şaşırıldığı için cezalandırıldı. Kaganın emri üzerine askerin daha hızlı hareket etmesi için buyruk verildi. Anı Nehri boyunca gece-gündüz yol alan Kök Türk ordusu, Kırgızları ani bir baskınla uykuda yakaladı. Burada yapılan büyük savaşta Kırgızların epey bir kısmıyla, kaganları da öldürüldü. Kök Türk kaganına Kırgızlar neticede boyun eğdi. Daha sonra Kök Türk ordusu Kögmen yolu ile Ötüken'e geri döndü⁸⁷.

Metinden de anlaşılacağı üzere oldukça zahmetli bir yürüyüşten sonra Kırgız ordugâhına ulaşılmıştır. Çünkü İslam kaynakları Kögmen Dağı ile Minusinsk vadisindeki bu merkezin arasının yedi günlük bir yol olduğunu söylerler. Bundan sonra Kırgızlar, hemen hemen Kök Türk Kaganlığına hep sadık kaldılar. Hatta Köl Tigin'in yog merasimine onlar da bir temsilci gönderdiler⁸⁸. Belki de bu onların Kök Türk Kaganlığı aleyhine yaptıkları son büyük hareketti. Çünkü burada yedikleri tokatın acısını uzun yıllar unutamayıp, tekrar böyle bir işe yeltenmediler.

Ancak Kırgızlar, Kök Türk Kaganlığının yıkılışından sonra Uygurların başa geçmesini de hazmedemediler. Kendileri doğru-dürüst bir yönetim kuramamakla beraber, mevcut olanlara da baş kaldırıyorlardı. Muhtemelen 752 senesinde, bir Tokuz Oguz-Kırgız ittifakı söz konusudur. Şine Usu Yazıtından anlaşılacağına göre, «Kırgızlara bağlı olan Çikler de bu ittifak arasına alınmış ve Uygurlara bir darbe vurma hazırlığına girişilmişti. Daha sonra bu birleşmeye Üç Karluk boyu da katıldı. Bunların hareketini önceden haber alan Uygurlar, evvela Üç Karluklara, daha sonra da Çiklere boyun eğdirip; Çikler üzerine bir tutuk ile işbara ve tarkanlar tayin ettiler. Şine Usu Yazıtında bu husus şöyle anlatılmaktadır: Tokuz Oguzlar beyleriyle gelmişlerdi. Uygurlara boyun eğmeyerek düşman oldular. Ürüng Beg'de ve

A-si-kieni-chou ve Ko-chou ch'ou-panlardır.

82 Altun Yiş, Altaylara verilen isimdir.

83 Tannu-Ola'nın uzantısı olarak дьшньен Кугмен, bazı İslam kaynaklarında da geçer. Bakınız, S. O. Kurulay, **हुदुद el-Alem'e Güre 10. Asırda Türk Boyları**, Ybksek Lisans Tezi, İstanbul 2007, s.194.

84 Kök Türk ve Uygur devri kitabelerinde sıkça geçen Azlar, ilim adamlarınca bugüne kadar genellikle, Çin kaynaklarında A-ta'a-i ve A-lan-liao şeklinde transkripsiyon edilen kavim ile eş tutulmuşlardır. Günümüz ilim adamlarınca, Alanlar İran menşeli sayılıp, bugünkü kalıntılarının da, Moğol istilasından sonra, Şark kaynaklarında geçen Kafkasyadaki Osetinler (As) olduğu söylenir.

Alanlar ile birleştirilen Azlar konusunda yapılan araştırmaların hiçbirisi, onların da bir Türk boyu olabileceği ihtimalini ortaya koymuyor. İlk defa tarafımızdan, Kök Türkçe kaynaklarda bir etnik ad olarak geçen Azların, Türklük yönlerinin ağır bastığı ileri sürülmüştür.

Herşeyden evvel Az ile Alan arasında fonetik bir uyum yoktur. Elimizdeki Kök Türkçe kaynaklardan da anlaşılacağı üzere Azlar Tannu-Ola'nın kuzey taraflarında halen Batı Tuva, Yukarı Alaş, Aksu ve Karaköl civarlarında yaşamaktadırlar. Bilindiği gibi bu bölge Ötüken'in kuzey-batısında olup, Türklerin meskun olduğu bir yerdir. 1971 yılında bulunan Bayan Kol Yazıtı da Azlara ait olup, onların tarihi yurtlarının kesin sınırlarını çizmektedir. Fakat eski vesikalardan anlaşılacağı üzere Alanların, Roma çağında Kafkaslar ile Hazar arasında yaşadıklarını; Hunların 370-375 senelerinde İtil'i geçtiklerinde Kafkaslarda Alanlara tesadüf ettiklerini ve bunları daha batıya, yani Avrupa kıtasına doğru sürdüklerini, ayrıca 8-13. yüzyıllar arasında Kafkasya bölgesinde Alanlara rastlanıldığını biliyoruz. Halbuki elimizdeki 8. yüzyılın ilk yarısına ait Kök Türkçe kaynaklarda Azların bugünkü Tuva bölgesinde yaşadıkları görülmektedir. Buna karşılık Alanlar veya Asların 8. asırdan evvel de, 8. asırdan sonra da Kafkasya bölgesinde görüldükleri biliniyor. Geniş bilgi için bakınız, S. Gömeç, "Kök Türkçe Kaynaklarda Geçen Boy ve Kavim Adları: Azlar", **Belleken**, 58/221, Ankara 1994.

85 Anı, Yenisey'in (Enesey/ Anazay) kollarından biri olan Abakan'ın bir parçasıdır. Bakınız, S. Gümeç, "Kük Türkçe Yazıtlarda Gezen Güller ve Nehirler», **Turkish Studies** (Туркологі Араştırмаларı), 2/4, 2007, s.1284.

86 Ak Termel'de herhalde bu mıntıkadaki suların birisi olsa gerek. Bakınız, Gümeç, **a.g.m.**, s.1284.

87 Bakınız, **Tunyukuk Yazıtı**, I. Taş, Doğu tarafı, 2-7: "Tabgaz kagan yağımız erti. On Ok kaganı yağımız erti. Artukı Kırkız kьzılg kagan yağımız boltu. Ol ız kagan ıgleşip; "Altun Yiş ize kabışalım» timiş. Anza ıgleşip; "ıngre Türk kagangarı sılelim» timiş. "Angaru sılemeser kagan neng erser ol bizni, kaganı alp ermiş, ayguçısı bilge ermiş, kagan neng erser ıltırtızı kük. Bzeğın kabışıp sılelim anı yok kılalım» timiş. Tırgış kagan anza timiş; "bening bodunım anta erь» timiş. "Türk bodunı yime bulganız ol» timiş. Oguzı yime "tarkınız ol» timiş. Ol sabın işidip, tьn yime ıdısqım kelmez erti, kьn yime olursıqım kelmez erti. Anza sakıntım: "ilk Kırkızka sıleser yig ermiş» tidim. Kugmen yolu bir ermiş. Tımış tiyin işidip "bu yolın yonısar yaramazı» tidim. Yırzi tiledim. Zıllıg iz eri bultım. İşitdim: "Az bir yolu Anı birle... bir at orukı ermiş. Anın barmış. Angar aytıp bir atlıg barmış» tiyin "ol yolın yonısar un» tidim. Sakıntım. Kaganıma ıltırtım. Sь yoritdim. "At altın» tidim. Ak Termel keze ogurkalatdim. At ize bintre karıg sıkdım. Yokaru ata yete yadagin ıgaz tutunu agırtım. ıngreki er yoguru tegьrьr... aşdıımız. Yubulu intimiz. On tьnke yantakı tug ebirь bardımız. Yırzi yir yangılıp boguzlantı. Bungadıp kagan "yelь kır» timiş. Anı subka bardımız. Ol sub kodı bardımız. Aşangalı tьşьrtimiz. Atg ıka bayur ertimiz. Kьn yime, tьn yime yelь bardımız. Kırkızıg uka basdıımız. Usın sıngьgin azdıımız. Kanı sısı terilmiş. Sьngьşdıımız, sanzdıımız. Kanın ıltırtımız. Kaganıka Kırkız bodunı ızikdi, yьkьntı. Yayındımız, Kugmen-Yıgış ebirь keltimiz».

88 Bakınız, **Kul Tigin Yazıtı**, Kuzey tarafı, 11-13: "Yogzı, sıgıtızı, Kıtany, Tatabı bodun başlayı, Udar Sengьn kelti. Tabgaz kaganta İsiyi Likeng kelti. Bir tьmen agı altun, kьmьş kergeksiz kelьrti. Tьrьt kaganta bulun kelti. Kurıya kьn batsıkdakı Sogd Berzik-er, Bukarak uluş bodunta Enik Sengьn, Ogul Tarkan kelti. On Ok oğlım Tırgış kaganta Makaraz Tamgazı, Oguz Bilge Tamgazı kelti. Kırkız kaganta Tarduş İnanzı Zor kelti. Bark itьzı, bediz yaratıgma, bitig taş itьzı Tabgaz kagan zıkanı Zang Sengьn kelti».

Kara Bulak'da⁸⁹ oturuyorlardı. Tokuz Oguzlar, Kırgızlara doğru adam gönderip: «Siz çıkın, Çikleri çıkarın, ormanda birleşelim» dediler. Bunun üzerine Börü Kun (Moyun Çor) yürüyerek, bir Tutuk'un başkanlığında Çiklere doğru bin adam göndermişti. İsi ülkesine de⁹⁰ Azlardan birini yolladı. Bir keşif kolu düzenleyerek hem Kırgızları, hem de İsileri kontrol etti. Oguzlar tarafından Kırgızlara gönderilen casus yakalanarak durum hakkında bilgi alındı ve Bolçu Nehri⁹¹ kıyısında Üç Karlukları yendi, orada otağını kurdurdu. Çik halkını da göndermiş olduğu bin kişi sürüp, getirdi⁹². Görüleceği üzere Uygur kaganı Börü Kun'un (Moyun Çor) usta siyaseti ve gücüne karşı ne Kırgızlar, ne de diğer müttelikleri hiçbir muvaffakiyet kazanamadılar.

Bir süre sonra onların tekrar Uygur Kaganlığında ayrılmak istediklerine şahit oluyoruz. Uygur kagan sülalesinin değişmesi sırasında da önemli bir rol oynadılar. Böğü Kagan, Çin memleketindeki başarıları ve çevresindeki dalkavuklar yüzünden Çin'e bir akın yapmak ve buralara sahip olmak istiyordu. Böğü'nün bu fikrine ise bakanlarından Tonga (Tun) Baga Tarkan karşı çıktı. Ona göre, Çin gibi bir ülkeyi fethetmek yararlı bir iş değildi. Hunlar çağından beridir çeşitli defalar Türkler bu imkânı ellerine geçirmişlerdi, ama Çin onların pekçok ihtiyacını karşılayan bir devlet olduğundan, hayatını sürdürmesi de zaruri görülüyordu. Neticede uyarıları dikkate alınmayan bu Uygur bakanı, Kök Tengri'ye de artık inanmayan hakana ve etrafındakilere kızdı. Kırgızlardan da yardım gören Tonga (Tun) Baga Tarkan, 779 tarihinde Böğü'yü tahttan indirdi⁹³. Bu tarihten sonra Uygur Kaganlığında Kırgızların üstünlüğü görülmeye başlar⁹⁴.

Ancak 9. yüzyılın başlarında Uygurlarla yaptıkları bir savaşta büyük zayıf verdiler. Bu sırada Kırgız ordusunun sayısının 400.000 olduğunu ve bizzat Kırgız il-teberinin, Uygur kaganı Kutlug'un (795–805) okuyla öldürüldüğünü⁹⁵ yine kaynaklardan öğreniyoruz. Herhalde bu sırada çok sayıda hayvanla, hububat ganimet olarak alınmıştır.

Maalesef dokuzuncu asrın otuzlu yıllarında Orkun Uygur Kaganlığının hâkim olduğu yerlerde hastalıklar ve tabii felaketler ortaya çıktı. Bu durum Uygur Kaganlığında siyasi ve iktisadi bir buhran doğurdu. 839 yılında II. Kasar Kagan tahta çıktığı zaman birkaç Uygur bakanı onu tahtan indirme planı yaptılar. Kasar Kagan daha önceden bunların komplolarını öğrendiği için onları öldürttü. Bu sırada kendi ordusunun başında, başkent dışında bulunan Kürebir Urungu Sangun adlı bir komutan bu olaya sinirlendiğinden 839'da Kasar Kagan'ı ortadan kaldırdı. Onun da hareketi Uygurların bir diğer güçlü komutanı Külüg Baga Sangun tarafından uygun görülmedi. O, Kırgızların yanına kaçarak onlardan 100.000 suvari desteğinde, Uygur başkentine yürüdü ve yeni kagan ile adamları yok edildi⁹⁶. Birbirlerini çekemeyen devlet görevlileri ve askerlerin yüzünden Uygur Kaganlığı da dağılmıştı. Ve nihayet 839 yılının sonunda Uygur hakanının öldürülmesiyle, Türk Devletinin başına Kırgızlar geçmiş oldular.

Evvelce de belirtildiği üzere Uygur Kaganlığının yıkılışını tek bir sebebe bağlamak doğru değildir. Yani, sadece Kırgızların saldırısıyla Uygur hanedanlığı sona ermedi. Belki de, Kırgız taarruzu veya darbesi en sonuncu tesirlerden birisidir. Onlar, Kök Türkler kadar uzun yaşayamadılar; hatta Uygurların yıkılış sürecini Böğü Kagan'ın iktidarıyla bile başlatabiliriz. Kök Türkler ne olursa olsun, Bilge Kagan'ın vefatına değin çok güçlüydüler, ancak Bilge'nin ölümüyle boylar arasındaki irtibatlar koptu ve kaganlığın merkezine karşı cesaretli saldırılar vukubuldu. Halbuki Uygurlar döneminde Böğü'yle beraber çözülme, yozlaşma ve çöküş emareleri görülür. Uygur Kaganlığı her ne kadar Kök Türklerin zengin mirasının üzerine oturmuş ise de, bu serveti iyi şekilde koruyamadı.

89 Bu kelimeler bizden önce asil beyleri ve avam bulukı (?) şeklinde değerlendirilmişti (bakınız, H. N. Orkun, **Eski Türk Yazıtları**, C. I, İstanbul 1936, s.172; G. J. Ramstedt, "Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei", **Journal de la Soci t  Finno-Ougrienne**, Vol. 30, Helsinki 1913/18, s.23), fakat biz bu iki kelimeyi de yer adı olarak aldık ve buranın Abakan'ın kuzeyinde olduğunu tahmin ediyoruz. Ayrıca bakınız, **Drevnetyurkskiy Slovar**, Leningrad 1969, s.627.

90 Şine Usu Yazıtının bugüne kadar tam manasıyla okunamamış yerlerinden birisi de burasıdır. İsi Yir olarak okuduğumuz bu kelime hakkında uzun araştırmalarımız neticesinde şu kanaate vardık: Bilindiği gibi Tokuz Oguz boyları arasında A-pu-seler de bulunmaktadır. Bizce bu çince transkripsiyon Apa İsi şeklinde okunabilir.

Burada da görüleceği üzere bir Tokuz Oguz isyanı mevzu bahistir. Biz bu tezimizi destekler mahiyette Çin kaynaklarında da bir kayıt bulduk. 753 senesinin 5. ayında A-pu-se'nin birliğinin Uygurlar tarafından yıkıldığı zikredilmiştir. Biz bu şahsın Apa İsilerin reisi olduğunu sanıyoruz. İsi adı bundan başka Terhin Yazıtında da geçmektedir (bakınız, Taryat-Terhin Yazıtı, Kuzey tarafı, 3). Bizim ilgimizi çeken başka bir durum da, İskit ve İsi adının benzerliğidir. Apa İsiler için ayrıca bakınız; S. Gömeç, "İsiler-Apa İsiler", **Türk Kültürü**, 31/364, Ankara 1993; S. Gömeç, "İsiler ve İskitler Hakkında", **Askeri Tarih Araştırmaları Dergisi**, 11/21, Ankara 2013.

91 İrtiş Nehrinin gъneydeki kollarından birisidir.

92 Bakınız, **Şine Usu Yazıtı**, Doğu tarafı, 10–12; Gъney tarafı, 1–2.

93 Gımeз, **Uygur T rkleri...**, s.92–95.

94 Tonga (Tun) Baga Tarkan ımeğinde olduğu üzere, devletin geleceğinin mevzubahis olduğu zamanlarda, milletin ızerisinden kendiliğinden bir tepkinin doğduğu ortadadır (Bakınız, Y. Zavuşoğlu, "Derin Devlet", **Orkun**, Sayı 67, İstanbul 2003).

95 Bakınız, **Karabalgasun Yazıtı**, 3ince ıyъzъ, 13–14: "Kuzeyde Kırgız Devleti 400.000'den fazla okuzları ile en başta bulunuyordu. Ve kaganımız ki kъzъkken asıl kahraman, zeki, gerzek savaşı ve otoriter idi. Her atışı hedefini buluyordu. Kırgız kaganı bizim kaganın yayının vizlamasıyla beraber ızъ olarak yere serildi. Terkedilmiş at ve ıkъzlerin sayısı vadiler dolusu ızъыыog ve silahlar dağ gibi yığılıyordu. Onun devleti parzalanmış ve yok olmuştu. Yurunda sağlam hisbir şey kalmamıştı».

96 C. Mackerras, **The Uighur Empire. According to the T'ang Dynastic Histories**, Canberra 1972, s.124–125; W. S. Tsai, **Li-Te ıyъ'nyн Mektuplarına Gure Uygurlar (840–900)**, Doktora Tezi, Taipei 1967, s.32–35; Gımeз, **a.g.e.**, s.111–112.

Uygur Kaganlığı yıkıldıktan sonra, bir ara Öge Kagan (841–847) Uygurları bir araya getirmeye çalıştı. Onlar Çin'in kuzey bölgelerinde faaliyetlere başladılar. Zaten Çin'in T'ang hanedanı da çöküş sürecine girdiğinden çevresiyle ilgilenecek durumda değildi. Dolayısıyla bu yıllarda Apa Tarkan unvanlı bir komutanın idaresindeki Kırgızlar, Kuzey Çin sınırlarına gelen Uygurları geri götürmek için bu bölgeye akınlar yaptılar. Ama daha önce birlikte hareket etme hususunda Çin'e gönderdikleri elçi vasıtasıyla bir anlaşma gerçekleştirmişlerdi. Söz konusu Kırgız beyi büyük bir ihtimalle Öge Kagan ile aynı yıl öldü. Kırgız sefirine karşılık gönderilen Çinli de, Kırgızların artık eskisi kadar korkulacak bir durumlarının olmadığını söylüyordu. Bundan sonra da Kırgız beyleri hakkında Çin kaynaklarında pek bir malûmata rastlanılmamakla birlikte, 847–874 tarihleri arasında en az üç Kırgız elçisi Çin sarayına gitti.

Bununla beraber araştırmacıları şaşırtan husus, kısmen incelenmesine rağmen Kırgızların, belki de üç-beş yıl hâkimiyet kurdukları Mogolistan'a veyahut da Ötüken diye bildiğimiz kutlu Türk topraklarına neden önem vermedikleridir. Çünkü Orkun Vadisi sadece hayvancılık yapmaya müsait bir yer değil, aynı zamanda Çin ile iktisadi münasebetler kurma noktasındaydı. Tabiki bütün bunların zamanın şartları içinde düşünülmesi lazımdır. Çünkü Çin kaynakları da bize bu durumu izah edecek çok açık bilgiler sunmuyorlar.

Ne yazık ki Kırgızlar da tıpkı Uygurlar gibi, Çin adına başka kavimlerle savaştılar. Mesela 890'larda Çin'in Shen-si eyaletinde çıkan bir isyanı asker göndererek bastırdılar. Kırgızların T'ang sülalesiyle olan bu iyi ilişkileri, onların 907 yılında yıkılmalarına kadar sürdürdüyse⁹⁷ de, varlıklarının sebebini ne yazık ki onlar da Uygurlar gibi anlayamadılar.

Kaynaklardan çıkardığımız neticelere göre, Ötüken'deki Uygur hâkimiyetine son veren Kırgızlar, Kök Türkler çağında Kögmen ve Songa Yış'ın kuzey bölgelerinde yaşıyorlardı. Reislerinin unvanı Öge (A-je) Çor idi. Onun karısı Türgiş beyinin kızıydı. Uygurlar çağında Altaylar havalisine inen Kırgızlar Kamıl (Hami), Karaşahr bölgesinde de yerleştiler. Doğularında Kurikanlar, güneylerinde Tibet, güneybatılarında ise Karluklar yer alıyordu⁹⁸

97 E. Baytur, **Şincan'daki Milletlerin Tarihi**, Brimzi 1991, s.548; M.R. Drompp, "Breaking the Orkhon Tradition: Kirghiz Adherence to the Yenisei Region After A. D. 840», **Journal of the American Oriental Society**, 119/3, Michigan 1999, s.390–403; V.V. Barthold, **Kırgızlar**, 3ev. U. D. Aşzı, Konya 2002, s.32; T. Omorov, **Kırgız Şecerelerine Güre Türk Boyları**, Yüksek Lisans Tezi, Ankara 2008, s.5–7.

98 J.M. De Guignes, **Hunların, Türklerin, Moğolların ve Daha Sair Tatarların Tarih-o Umumisi**, C. II, İstanbul 1924, s.484; M. Czapliska, **The Turks of Central Asia in History and Present Day**, Oxford 1918, s.69; M. Hermanns, "Uygurlar ve Yeni Bulunan Soydaşları», **Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi**, 2/1–2, İstanbul 1946, s.99; II. İzgi, "Kuruluş Devrinde Uygurların Kıtanalara Tesirleri ve Uygur, Gazne, Kıtanalr Arasındaki Mynasebetler», **İBEF. Tarih Enstitüsü Dergisi**, Sayı 7–8, İstanbul 1977, s.8; W.S. Tsai, **Li-Te Yü'nün Mektuplarına Güre Uygurlar (840–900)**, Doktora Tezi, Taipei 1967, s.32–40.

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ

Айтбаева Р. И.

ВСЯ ЖИЗНЬ – ОТЕЧЕСТВУ

В нашем селе Аслана живет замечательный человек, учитель по профессии, Магхсанов Рафаил Исмагилович. В сентябре 2002 г. он ушел на заслуженный отдых, но беспокойное сердце не позволило ему просто и спокойно заниматься житейскими делами, а заставило работать над историей родных деревень.

Рафаил Исмагилович – автор книг «Деревенька моя – Кулики», «История Асланинской школы в документах и иллюстрациях», «Родные просторы», «Аслана – из прошлого в будущее», «Асланинская школа». Читаешь названные книги и диву даешься: сколько труда, старания, терпения нужно было иметь автору, чтобы собрать такой богатый материал, написать и предоставить их своим землякам. Иметь такие книги в доме – большая радость, потому что в каждой из них люди находят сведения о родных: отцах, матерях, дедах и прадедах, да и исторические события не оставляют никого равнодушными.

Рафаил Исмагилович в книге «Аслана – из прошлого в будущее» пишет: «... перед каждым читателем предстает богатая история села, сколько поколений жило на этой земле, и какие героические подвиги совершили наши деды и отцы. Различные исторические события коснулись села. Но особенно перевернула деревенскую жизнь Великая Отечественная война, которая принесла неисчислимое горе в каждую семью. Сколько матерей потеряло любимых сыновей на полях сражений, сколько было пролито слез вдовами... Многие герои книги покинули бранный мир, но память о них жива...».

Вот и я, пользуясь книгой Рафаила Исмагиловича, хочу сохранить для своих детей и внуков некоторые небольшие сведения о родных мне людях. В Великой Отечественной войне принимали участие и сражались на фронтах Исмагиловы: Ахмадулла Сафиуллинович, Багаутдин Шайхутдинович, Исламутдин Багаутдинович, Имамутдин Багаутдинович, Аллямутдин Айнутдинович, Мирхамит Сафаргалиевич, Миргали Сафаргалиевич, Ахмет Сафиуллинович, Хализулла Назмутдинович, Аймран Хамидуллинович, Айнутдин Шайхутдинович, Гульбара Шайхутдиновна – участники трудового фронта.

Многие, искалеченные войной, израненные, больные вернулись, но Исмагилов Ахмадулла Сафиуллинович пропал без вести в 1945 году, а мой дед, Исмагилов Багаутдин Шайхутдинович, погиб, защищая Ленинград. Страшно читать скудные строки: «Исмагилов Багаутдин Шайхутдинович, рядовой 1897 г. рождения, призван в январе 1942 г., умер от ран 12 сентября 1942 г., похоронен в г. Пушкино Ленинградской области». А еще страшнее представить, как родственники приняли известие о смерти.

Большая заслуга Рафаила Исмагиловича в том, что он установил не только даты рождения и смерти, но и коротко описал жизненные моменты каждого солдата. Благодаря Рафаилу Исмагиловичу не забыт ни один солдат. Когда говорят о людях, которым выпало столько испытаний в жизни, сразу вспоминаются слова чешского коммуниста-писателя Юлиуса Фучика, сказанные в «Слове перед казнью»: «Придет день ... когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю...»

Так вот, Рафаил Исмагилович всех воинов-односельчан ввел в историю села. Спасибо ему за это! Когда встречаешь в селе этого высокого, красивого, седоголового мужчину, сразу возникает мысль – это учитель! И не напрасно. Грамотная речь и культура поведения указывают на его профессию. Поэтому не удивляешься, что новая книга Рафаила Исмагиловича посвящена учителям: и старым, и молодым. Учителя на селе всегда были людьми уважаемыми. Благодаря их беззаветной преданности своему делу почти сплошь неграмотная деревня научилась читать, считать и писать, приобщилась к культурным богатствам России.

Большой благодарности заслуживает книга. Рафаил Исмагилович именуется ее просто – «Асланинская школа». За этим скромным названием таится огромная любовь писателя к людям, учителям, отдавшим свою жизнь подрастающему поколению – детям. Открываешь книгу, и вот она – история школы, история жизни учителей, работавших в школе со дня ее основания.

По крупицам собран материал. Не забыт ни один педагог, не пропущено ни одно значительное школьное событие. О многих старых учителях я уже слышала от своих родителей. И отец, и мать с большим уважением говорили об учителях. Восхищались их знаниями, добротой, строгостью и требовательностью. Учителя были для них примером.

Я думаю, что и жизнь Магжанова Р. И. была бы для многих и многих примером. Родился Рафаил Исмагилович 10 августа 1942 г. в деревне Кулики Ялуторовского района. Учился и в Куликской семилетней школе, и в Асланинской средней школе. Служил в пограничных войсках Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР. После окончания службы по решению Ялуторовского райкома комсомола и по приказу районного отдела образования назначен старшим пионерским вожатым в Асланинскую школу. С 1-го сентября 1970 г. по сентябрь 2002 г. – учитель истории и обществоведения. В 1971 г. без отрыва от работы окончил историко-филологический факультет Тюменского государственного педагогического института. С 17 апреля 1989 г. по 31 октября 1991 г. заведовал учебной частью школы. С января 2003 г. по август 2005 г. преподавал историю, обществоведение, географию в МОУ «Авазбакиева-Красноярская общеобразовательная средняя школа» Ялуторовского района.

Принимал активное участие в общественной жизни школы и села: пропагандист сети политического просвещения, председатель товарищеского суда при Асланинском сельском Совете, секретарь партийной организации, руководитель музея Мусы Джалиля. Награжден Почетными грамотами, дипломами, медалью «XX лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Рафаил Исмагилович имеет большой авторитет среди односельчан. Люди его любят и очень уважают: быть педагогом около полувека не каждому дано. Не так давно Рафаил Исмагилович получил звание «Почетный гражданин Ялуторовского района». Он заслужил это звание неопределимым трудом, посвятив всю свою жизнь детям и Отечеству.

Акачиева С. М.

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРАЧАЕВСКОГО ПРОЗАИКА И ЖУРНАЛИСТА Б. Т. КУБЕКОВА

В год 70-летия Великой Победы нам еще раз хочется вернуться к теме Великой Отечественной войны, в частности, к творчеству ведущего прозаика и журналиста Карачаево-Черкесии Биляла Кубекова, так как депортация и война – самые актуальные темы в карачаевской литературе, герои которых являются образцом для подражания молодому поколению.

Говоря о теме войны в прозе писателя Б. Т. Кубекова, правомерно будет упомянуть о том, что русская литература к началу рассматриваемого периода дала миру замечательную прозу о войне М. Шолохова, Л. Соболева, А. Фадеева, Л. Леонова, А. Толстого, К. Симонова, И. Эренбурга и многих других. Карачаевская национальная литература тоже имела свою военную нишу, выросшую на примере таких произведений, «Судьба человека», «Батальоны просят огня», «Русский характер» и др.

В повести «Дакка» автор поставил своего героя в сверхжесткие военные рамки с целью изучения духовного богатства личности, его отношения к таким понятиям, как совесть, честь, долг, храбрость, мужество, патриотизм и преданность, И герой его, Дакка, пройдя все кровавые тропы и дороги войны, испытав лишения, унижения и обиды, остается верным духовным ценностям.

Б. Кубеков дает возможность событиям развиваться самостоятельно без внешнего воздействия. Постоянные бои, сражения, мелкие стычки, в которых гибли десятки и тысячи граждан единого государства заставляли солдат по-новому смотреть на окружающую действительность, анализировать события и делать для себя важные выводы. Таков был итог первого крупного соприкосновения писателя с темой войны.

Гораздо больше мытарств было испытано автором во время долгой и трудной работы над документальной повестью «Горы не сдаются».

В романе Б. Кубекова «Оранжевые рассветы», как и в повести «Дакка», герой, попадая в разные тяжелые ситуации, сохраняет свое интеллектуальное богатство. И здесь особо проявляется художественное дарование, которое дает возможность несколько по-иному увидеть и оценить события и факты. Без страстной убежденности автора, высокой взыскательности ко всему, что им создается, невозможно стать автором настоящего художественного произведения. Видимо, автор не только придерживается указанных принципов, но и отдает себе отчет в том, что без полнейшего участия в создании произведения души и сердца наряду с умом, невозможен успех.

Роман Б. Т. Кубекова – не исключение: перед героями стоят те же цели и задачи, что в других произведениях, посвященных войне. Выстоять, победить – вот кредо героев. И здесь на стороне героев Б. Т. Кубекова выступает не простой призыв идти добывать победу ценой жизни, а обыкновенная, железная логика: в опасности твоя собственная земля, которая может быть объята пламенем пожара. Его герои – люди с очень отличающимися чертами характера, но объединенные нагрянувшей бедой. И несущий печать древности Иммолат, глубоко верящий в торжество добродетели, и Терен, живущий по новым правилам, пришедший в глухой горный аул неведомым путем, живут индивидуальной жизнью, но с болью и настороженностью смотрят в будущее, которое влечет войну в горы. И это чувство приближения врага объединяет их, возбуждает патриотические порывы.

Смертельно раненный герой, то теряя сознание, то приходя в себя, окинув поле боя, с болью в сердце произносит: «... Много наших полегло...». Перед смертью герой романа, кажется, забыв близких и родных, но далеких сейчас от него людей, призывает нас посмотреть на происходящее его глазами. Где-то в глубине души он понимает, что прожил не зря, выполнил с лихвой воинский долг, берег Родину, как мог. Эти посмертные слова – оголенная простота духа, признак его богатства, душевной щедрости.

Автор стремится как бы изнутри, на основе испытаний, пройденных конкретным героем, показать эту войну. И делает это устами персонажей. По-девичьи, просто объясняет подруге необходимость терпения медсестра Катя, успевшая хлебнуть горя. Она не говорит об ужасах, просто рассказывает о своих красных снах, краснеющем снеге, красных халатах. Так и сливается обыкновенное и великое. Это – война. Это – жизнь! Здесь нет открытой любви к жизни, но присущая усталость от войны является прямым намеком на эту нее. Автор не говорит о цене жизни, но герои, высоко ценя ее, готовы отдать ее ради исполнения воинского долга, во имя отщипления за погибших друзей.

«Б. Кубеков – писатель-новеллист. По словам самого Кубекова, в новелле его привлекают, прежде всего, черты, наиболее ярко характеризующие этот жанр – необычность композиционного построения, сюжет, экспрессивность изложения, использование абсолютно точных компонентов языка, психологичность образов, неадекватность поведения героев», – написано автором в научной статье о творчестве Б. Кубекова. Новеллы, безусловно, содержат все отличительные черты, о которых говорит сам автор... И, чтобы как можно глубже проникнуть в мир героев новелл, необходимо понять духовные составляющие самого автора, его представления об окружающем, представления о прошлом и настоящем.

При освещении избранной темы, правомерно будет взять за основу книгу «Крушение», в которую вошли новеллы автора, написанные в разные годы. Война не приносит горе и несчастье выборочно. Она одинаково убивает всех, одинаково ранит виновного и невинного, стреляющего непрерывно и в человеконенавистника, и в того, кто всю жизнь чурался оружия. Попадают под жернова войны не только отдельные люди, а перемалываются целые народы. Выгнала война и карачаевцев из вековых родных земель. Везут их в насквозь продуваемых ноябрьскими ветрами товарных вагонах, по которым ползет слухок о намерении потопить их в этой широкой реке. Теряется у людей вера во все светлое, чистое, доброе.

Об этом красочно и кратко говорится в новелле «Мелодия смерти». Кажется, где-то далеко идет война, а здесь, в промерзлых товарных, имеющих сотни пулевых ранений, вагонах, умирает жизнь. И красный диск солнца, и алая полоса на спине реки, и алеющая даль, окрашенные в цвет крови, становятся символами беспримерной жестокости, торжества тирании, торжества варварских начал в человеческой сути. И вдруг против всего чуждого светлой душе встает еще неокрепшая натура, вопреки всему звериному, торжествует дух. Мелодия рушит на своем пути все низменное, а взамен забирает действительно чистую, победившую зло, гордую душу. Язык, стиль, средства достижения поставленной цели не только соответствуют тематике новеллы, но и по своему накалу захватывают читателя, очищают морально и нравственно.

Подчинение всего – жизни, поступков, мыслей человека – единой цели, а именно – разгрому фашизма, воспетому в романе «Оранжевые рассветы», несколько по-иному решается в «Крушении». Здесь идее демонстрации человеческих качеств подчинены не только выбор стилей и художественных средств языка, но и описание природы, вписываясь в общую картину, усиливает эмоциональную нагрузку.

В новелле «Куда уходят мертвые» рассказывается о судьбе бывшего фронтовика, который в холодную зиму в мерзлой земле хоронит свою дочь, пытаясь спасти ее тело от шакалов, а чтобы и старается спасти от голодной смерти единственного оставшегося сына. Патриот, израненный

войной, гибнет. Вряд ли читатель останется в стороне, останется просто читателем. Как пишет К. Салпагарова, «читая новеллы Кубекова, становишься не просто созерцателем описываемых событий, а их участником. Незаметно оторвавшись от действительности и оказавшись в мире героев новелл, начинаешь переживать описываемое, как реальное, близкое. Это и есть сила эмоционально-художественного воздействия, о которой мечтает каждый писатель».

Война в новеллах автора – это не просто какие-то воспоминания, а изучение человеческого характера в процессе тяжелых, порой нечеловеческих условий, которые она несет с собой. Во многих новеллах герои попадают в невероятные жизненные ситуации. На конкретных образах, на изучении сути человеческого бытия писатель исследует глубинные процессы жизни, рассмотренные сквозь восприятие чувствующего личную боль за каждое горе, мыслящего индивидуума, готового к любой жертве во имя торжества добра над злом, истины над ложью. И новаторство состоит в том, что герой-индивид, совершающий какие-то поступки, является носителем идеи, одной маленькой частицей огромного количества людей, горячо преданных этой идее. Раскрытие глубинных процессов, происходящих в утробе войны, посредством войны – вот главное кредо новелл. Вот пример подобного исследования в новелле «Жизнь».

«Я плачу потому, что плачут все. Плачут о моем отце, который умер час назад, так и не дождавшись возвращения с фронта старшего брата. Плачет мать, незаметно для других вытирая обильные слезы. Ей нельзя плакать: жена не должна принародно лить слезы по мужу. Мужчинам тоже нельзя плакать, показывая свою слабость. Мне можно, потому что я и слишком мал для всех, всего на год старше войны, которая идет три года. Но я уже знаю, она такая большая, что успела обидеть почти весь аул. И я уже вырос до того, что без помощи старшей сестренки могу различать травы, которые можно кушать и не отравиться...». Перед читателем – трагедия, слезы, горе, настигшие аул. И малыш, рассуждающий как взрослый. Эпизод, вместивший в себя народные обычаи, традиции, страшнейший голод, научивший малыша различать травы, чтобы не отравиться! Страшная по своей сути картина, досыта нагруженная внутренней эмоциональной энергией, способной захватить читателя, втянуть его в свою орбиту, является прекрасным образцом военных действий без винтовок, пушек и снарядов. Экспрессивная насыщенность, пластика художественного слова новеллы придают произведению особую силу морально-нравственного воздействия.

Таков ракурс мировоззрения автора, оглядывающего мир с высоты собственного видения окружающего. Его герои – самые разные люди, принадлежащие самым разным слоям общества, испытываемые жизнью в самых разных ситуациях, порой безжалостно и жестко. Герои писателя живут, действуют не только и не столько на страницах книг, воюя с войной, делая нашу жизнь лучше и краше, они живут в нем самом, в его духовном «я», стремясь влиться в каждого читателя.

Н. В. Ахмадиева

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БАШКИР В 60–80-Х ГГ. XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ БАШКИРСКОЙ АССР)

Освоение духовных ценностей, удовлетворение духовных потребностей общества во многом определяются культурной средой, образуемой совокупностью социально-культурных институтов, включающих в себя систему образования и воспитания, массовые средства информации и пропаганды, культурно-просветительные учреждения, систему распространения продукции культурного назначения [Русские, 1992: 226]. Целью данной статьи является анализ таких аспектов развития культурной жизни башкирского этноса, как уровень развития культурной среды, степень освоения культурных ценностей, культурно-национальные предпочтения башкир.

Языки, фольклор, музыка народов, проживающих в полиэтничном регионе, всегда были предметом интереса деятелей профессиональной культуры – писателей, артистов, музыкантов. Народная культура обогащала профессиональную, делая ее в определенной степени «национальной» [Русские, 1992: 224]. В Башкирии, как и в целом по стране, наряду с сохранением элементов традиционной культуры, развивался и постоянно увеличивался пласт профессиональной культуры, являющийся результатом деятельности представителей творческой национальной интеллигенции.

Массовые учреждения культуры республики в послевоенные годы развивались в русле общероссийских тенденций, но имели свою специфику. Задача идейно-нравственного воспитания советского гражданина на примере боевых и трудовых традиций народа и сохранения культурного наследия прошлого отводилась музеям. В 1970 г. в республике функционировало 7 государственных

музеев, к 1985 г. их число возросло до 13. Посещаемость музеев составляла соответственно 480 тыс. и 412 тыс. человек в год [Народное, 1986: 244], что было гораздо ниже посещаемости киносеансов и театральных постановок. Однако, по степени культурной, информационной значимости, музеи занимали важное место. В 1980 г. в каждом из 54 сельских районов и 14 городов республики также имелись музеи, работающие на общественных началах. Экспонаты музеев отражали историю родного края, давали представление о культуре и быте народов, населяющих республику. Экскурсии в крупные государственные музеи, расположенные в городах, были доступны в основном горожанам. Да и сама «музейная культура» была ближе городскому, а не сельскому жителю. Сельское население, в том числе и башкирское, было более ориентировано на посещение сельских клубов и библиотек, просмотр кинофильмов.

Театральное искусство оказывало существенное влияние на развитие культурного уровня практически всех слоев башкирского населения. Естественно, наиболее доступной эта форма культурного досуга была для горожан, но и сельские зрители могли приобщиться к ней, так как театры часто гастролировали по районам БАССР. В республике в 1966 г. из семи профессиональных театров в пяти постановки шли на башкирском языке. Выявить степень посещаемости башкирами театров республики представляется довольно сложным. Учитывая то обстоятельство, что Башкирский драмтеатр пользовался популярностью не только у башкир, но и у значительной части татарского населения, следует отметить, что в 1960 г. на его спектаклях побывали 161 тыс. чел., в 1971 г. – 232 тыс. человек. На наш взгляд, Стерлитамакский, Салаватский и Башкирский целинный театры драмы можно в большей степени отнести к «башкирским»; в указанные годы они обслужили в целом 276 и 345 тыс. человек. В целом театры республики посещало от 1100 тыс. до 1400 тыс. человек в год [Народное, 1967: 236–237].

В 1979 г. театрами и концертными бригадами Башгосфилармонии было показано на сцене 3640 спектаклей и концертов с количеством зрителей более 881 тыс. человек. Число зрителей постоянно возрастало [История, 1995: 106]. Значительная часть сельских башкир могла приобщиться к театральному искусству, представленному в большей степени национальным театром. Безусловно, в развитии башкирского театра имелись определенные недостатки. В репертуаре национального театра ощущался дефицит произведений мировой классики, современной российской и зарубежной драматургии.

В рассматриваемые годы произошла активизация издательского дела в республике. Активно переводились на башкирский язык и издавались произведения мировой литературной классики и современных зарубежных писателей. В свою очередь, произведения башкирских писателей переводились на русский язык. В 1969 г. башкирские читатели имели возможность знакомиться на родном языке с художественными произведениями, переведенными с 32 языков народов СССР и 25 языков народов зарубежных стран. К тому же времени произведения писателей Башкирии были изданы на 23 языках народов СССР и 19 иностранных языках [Об интернационализме, 1975: 105–109]. Чтение художественной литературы являлось одним из основных способов приобщения башкир к культуре.

Несмотря на активизацию издательского дела, для сельских башкир, в отличие от городских, книжная продукция была малодоступна из-за слабого развития сети сельских библиотек, книжных магазинов и киосков. Уровень потребления книжной продукции в башкирских селах был не на высоком уровне. Материалы республиканских архивов фиксируют незначительное количество посещений и книговыдач в сельских библиотеках. В 1970–1980-е гг. с развитием централизованной библиотечной сети ситуация улучшилась, но в целом степень приобщения к художественной литературе башкирского, в основной своей массе сельского, населения была недостаточной. Свободное время башкиры-сельчане предпочитали посвятить отдыху, сну, приему гостей и т. п. Более ориентировано на чтение художественной литературы было молодое поколение, студенчество, представители городской и сельской интеллигенции.

К сожалению, сложно проследить литературные предпочтения башкир. Более поздние (конца 1990-х гг.) социологические исследования культурных предпочтений башкир в городах показали, что наиболее известными городскому жителю писателями были Мустай Карим, Зайнаб Бишева, Мажит Гафури, Шайхзада Бабич, Газим Шафиков, Баязит Бикбай, Роберт Баимов, Булат Рафиков, Равиль Бикбаев и др. Причем в этнокультурном развитии башкир наблюдалась некоторая «этно-территориальная» дифференциация. В г. Сибее, где башкиры обладали устойчивой этнической и языковой самоидентификацией, уровень знания и чтения башкирской литературы был гораздо выше, чем у этнически дезориентированных башкир г. Туймазы и в целом городов западного Башкортостана [Киекбаев, 1998: 120].

Как показывают результаты опросов, в период «расцвета интернационализма» наблюдался определенный интерес к башкирской культуре со стороны русского и других народов республики. В 1967–1968 гг. участники экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР распространили среди русского населения Абзелиловского, Учалинского, Кугарчинского и Кумертауского районов анкеты с вопросами о влиянии башкирской литературы и искусства на их духовный облик. Из 1481 респондентов 54% читали книги башкирских и татарских авторов в переводе на русский язык, 73,6% посещали концерты башкирских артистов, 78% регулярно слушали башкирские, татарские народные песни, 585 – песни композиторов Башкирии и Татарии [Вопросы, 1972: 199]. Насколько башкирская литература и искусство влияли на формирование духовно-ценностных ориентаций русского населения республики судить довольно сложно, как и оценивать степень достоверности представленных данных. Отметим, что длительный период в «дореволюционной» истории Башкортостана башкиры и русские занимали относительно различные социальные ниши и развивались при довольно слабом культурном взаимодействии. В период после окончания Великой Отечественной войны различия в социально-культурном развитии этносов сгладились, но не исчезли совсем, что не могло не отразиться на их культурных ориентациях. Особенно данное положение касалось городского населения республики.

Степень приобщения башкир к духовным ценностям посредством профессиональных форм культуры различалась и зависела от многих факторов. Такие формы национальной культуры как литература, театр, музыкальное, изобразительное искусство активно воздействовали лишь на ограниченную часть башкирского этноса. Помимо этого, комплексы «городской» и «сельской» башкирской культуры были дифференцированы и имели свою специфику.

Из-за ограничительной финансовой политики, чрезмерной политизации в сфере культуры страдало само ее содержание, о чем свидетельствуют многочисленные архивные и опубликованные материалы. В библиотеках требовал расширения ассортимента книг, представленный в большинстве своем «идеологически выверенными» произведениями, репертуар театров и кинотеатров был довольно ограничен, недостаточно укомплектованными были фонды музеев, но, несмотря на это, гуманистическая направленность башкирской культуры оставалась неизменной.

Литература

- Вопросы истории Башкирии. Вып. 2. (Советский период). Уфа: Башкнигоиздат, 1972. – 257 с.
- История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). Выпуск V. Культурная жизнь в Башкортостане. Сборник документов и материалов. 1960–1994 гг. Уфа, 1995. – 289 с.
- Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт и историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа: Гилем, 1998.
- Народное хозяйство Башкирской АССР. Стат. сб. 1917–1967. Уфа: Статистика, 1967. – 278 с.
- Народное хозяйство Башкирской АССР за годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) Стат. сб. – Уфа: БКИ, 1986. – 255 с.
- Об интернационализме и интернациональном воспитании студентов. Уфа, 1975. – 214 с.
- Русские (Этносоциологические очерки). М.: Наука, 1992. – 464 с.

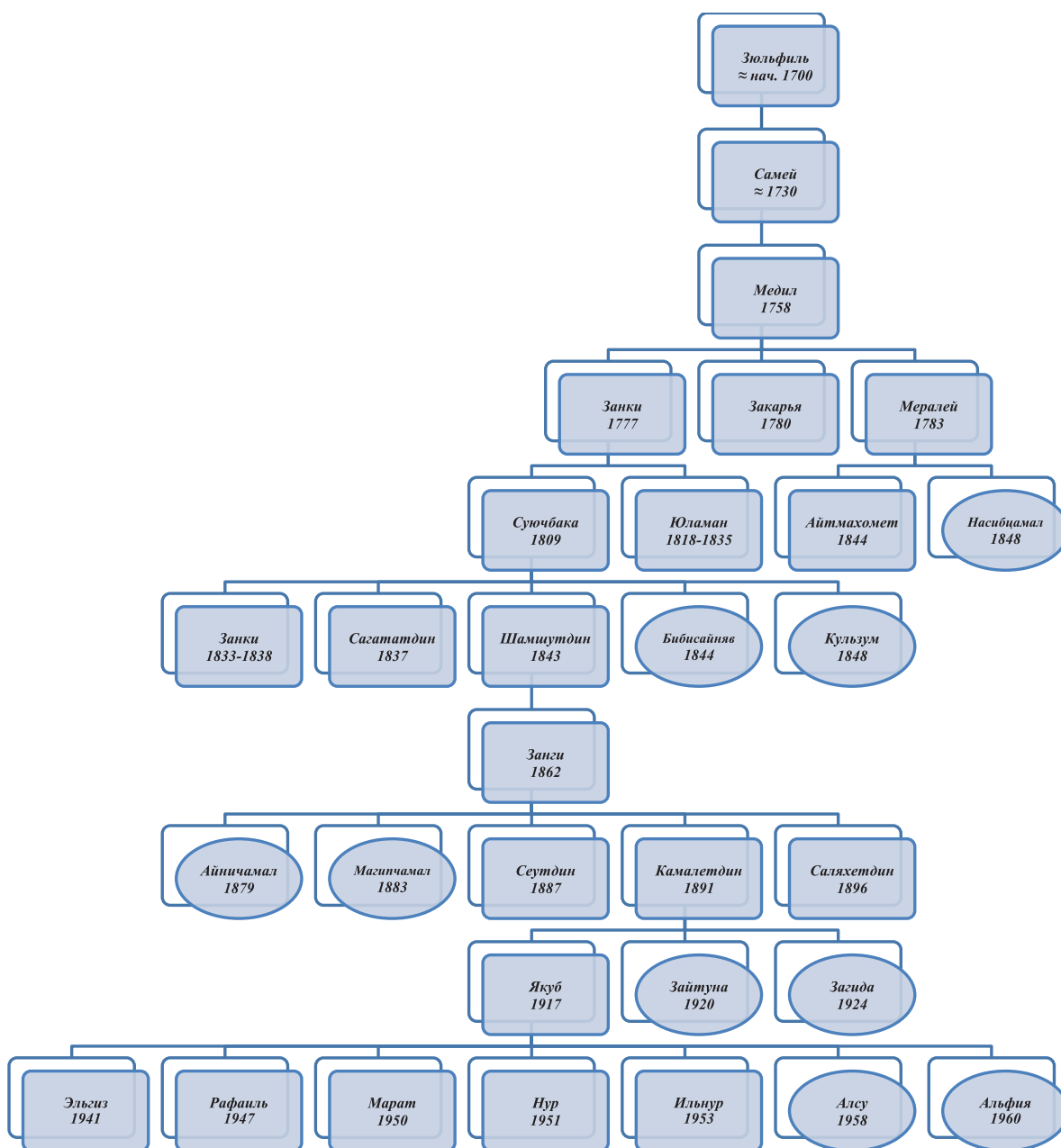
Бакиева Г.Т.

О РОДОСЛОВНОЙ Я.К. ЗАНКИЕВА

Якуб Камалеевич Занкиев – заслуженный учитель РФ, член Союза писателей Республики Татарстан, лауреат премии им. Габдуллы Тукая, почётный гражданин г. Тобольска, общественный деятель. Творчество Я. К. Занкиева в последние два десятилетия находится в центре внимания ученых-филологов, аспирантов и студентов, которыми написано сотни научных работ, защищены кандидатские диссертации. Биографические данные Якуба Камалеевича Занкиева содержатся в статьях Х. Ч. Алишиной, К. С. Садыкова [1,3]

Меня заинтересовала родословная писателя, для составления которой мы обратились в Тобольский архив (ГБУТО ГАТ). Первый источник, который мы использовали для выяснения родословной, была Первая Всероссийская перепись 1897 г. Зная о том, что Я. К. Занкиев был родом из юрт Епанчинских Тобольского р-на, мы обратились к первичным листам Переписи по этим юртам. Юрты Епанчинские в конце XIX-начале XX в. относились административно к двум волостям – Вагайской и Бухарской. Семья предков Якуба Камалеевича мы обнаружили в Бухарской

волости, следовательно, они являлись «сибирскими бухарцами» – выходцами из Средней Азии. Главой семьи указан Суючбакиев Шамшутдин 54 лет, его жена Юсупова Обицземал 50 лет, их дети – две дочери Магипчамал и Айничамал, сын Сангы – 35 лет, его жена Мухаметсабирова Бибихатича, их дети – Сеутдин (10 лет), Камалетдин (6 лет), Саляхетдин (1 год). Указанные люди имеют непосредственное отношение к Якубу Занкиеву: Камалетдин являлся отцом, Сангы (Занги) – дедом, Сеутдин и Саляхетдин – его родными дядями. Указанный глава семьи – Шамшутдин, являлся, соответственно, прадедом Якуба Занкиева. Главное занятие главы семьи было земледелие и дополнительное занятие – учитель [Ф. И-417. Оп. 2. Д. 558. Л. 16 об.]. Фамилия Суючбакиев указывает на то, что имя отца Шамшутдина было Суючбака. Здесь заметим, что до конца XIX в. у сибирских татар понятия «фамилия» не существовало, а в документах после имени человека указывалось имя отца с окончанием – ов/ев, по сути, являвшееся отчеством, а не фамилией. Следовательно, в каждом новом поколении происходила смена фамилий. Поэтому получается, что



Родословная Занкиевых

дед Якуба Занги (в документе указано Сангы) и дал фамилию своему сыну и в дальнейшем последующим поколениям – Занкиев. Таким образом, материалы Первой Всероссийской Переписи содержат ценные сведения из родословной семьи предков Я. К. Занкиева, выявляются имена его прадеда, прабабушки, деда, бабушки, двоюродных бабушек, дядей.

Сведения о Суючбаке, прадеде Якуба Камалеевича, мы обнаружили в ревизских сказках 1850 г.^{8*}, в тех же юртах Епанчинских. Главой семьи указан Суючбака Зенкиев 41 года, его жена Махбуба Шарыпова 36 лет, его сыновья: Занги (написано Зенки), которому в 1834 г. был 1 год и, который умер в 1838 г., Сагадатдин – 13 лет, Шамшутдин – 7 лет (дед Якуба Камалеевича, который в 1897 г. был указан как глава семьи), дочери: Бибисайняв – 6 лет, Кулюзум 2 лет. Вместе с ним проживали его брат Юламан Зенкиев, которому в 1834 г. было 16 лет и умершему в 1835 году, дядя (брат отца) Мералей Мейдилов 64 лет, его жена Суючбига Якупова 25 лет, их дети Айтмахомет 6 лет и Насибцамал 2 лет [Ф.И.154. Оп.8. Д. 561.Л. 95].

Чтобы подняться выше по родословной, мы обратились к следующей сохранившейся ревизии – 1795 г. Мы предполагали обнаружить там имя следующего предка Якуба Камалеевича, также по имени Занки, поскольку у Суючбака указана фамилия Зенкиев. Прояснить же имя отца Зенки, помогло наличие в переписи 1850 г. имени дяди Суючбака Мералея Медилова. Следовательно, в данной ревизии мы должны были искать человека по имени Зенки Медилов и его отца Медила. Действительно, в ревизии 1795 года мы нашли людей с этими именами Зянги (18 лет), Мералей (12 лет), а также указан еще один их брат Закарья (15 лет), которые являлись детьми Медила (37 лет). Отмечены две жены Медила Акбьяк Казимова и Курманбига Урасаева. Из материалов данной ревизии мы узнаем и имя отца Медила – Самей Зюльфилев, который указан как умерший к моменту ревизии (1782 г.) [Ф.И.154. Оп.8. Д.75. Л. 62.– 63]. Наличие указания у Самея «фамилии» Зюльфилев, позволяет установить имя отца Самея – Зюльфиль.

Заметим, что имя Занки/Зянги/Зенки, от которого образовалась фамилия Занкиевы, в роду встречалось неоднократно. У сибирских татар и бухарцев называть детей по имени умерших дедов и бабушек считалось хорошей традицией, сохранившейся до сегодняшнего дня.

Таким образом, благодаря сохранившимся архивным источникам, мы проследили родословную Якуба Камалеевича (Камалетдиновича) Занкиева по отцовской линии до начала XVIII века. Определили этническое происхождение предков Я. К. Занкиева. Достоверно пока трудно определить, когда переселились предки Занкиевых из Средней Азии, известно лишь, что еще в 1621 году в Епанчинских юртах фиксировались сибирские бухарцы [2; с. 51]. Возможно, в числе этих бухарцев были и предки Занкиевых. Дальнейшие исследования родословной Занкиевых будут возможны после привлечения материалов дозорных книг XVII в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва).

Библиография

Алишина Х. Ч. Гуманитарная культура педагога Якуба Камалиевича Занкиева //Занкиевские чтения. Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск, 2007.

Зияев Х. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент, 1968.

Садыков К. С. Жизнь-подвиг // Занкиевские чтения. Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск, 2007.

Бакиева О. А.

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА

Откуда берутся истоки творчества? Известно, что творчество проходит через судьбу каждого умельца, формируется в процессе всей жизни и олицетворяет разнообразные связи человека с миром. Оно является образным отображением действительности, но и в своей вещественности является частью этой действительности. Рассмотрим проявление творчества на примере мастерицы декоративно-прикладного искусства, моей мамы Бетюновой (Кутлиахметовой) Сакины.

Сакина родилась в довоенные годы (9.03.1937 г.) на Урале в татарской крестьянской семье Кутлиахметовых. Ее мать Мархаба занималась выращиванием овощей, а отец Вагиз работал трак-

тористом в пригородном совхозе «Шарташский». Кроме неё у родителей ещё была старшая дочь Назима, старше Сакины на восемь лет. Родители с утра до вечера работали, а воспитанием маленькой сестрёнки занималась Назима.

В 1941 г. началась война: тяжелые годы выживания для семьи. Отца забрали на фронт и в доме остались одни женщины. В ту пору Сакине шёл пятый год. Сестра–подросток и мать уходили на работу. Главным лозунгом для всех жителей страны было – «Всё для фронта, всё для победы!». Маленькие дети были предоставлены самим себе. В бараке, где проживала семья Кутлиахметовых, жило еще восемь семей. В каждой семье были дети, во дворе собиралось до 10–13 малышей в возрасте от 5 до 8 лет. Дети играли, бегали босиком по траве. Иногда уходили в лес, где часами бродили в поисках ягод, грибов. Были случаи, что они могли бродить до самого вечера. В этих местах были чистейшие родники. Летом было приволье детям. Они росли здоровыми и крепкими. Обилие лесных запахов и разноцветье природных красок наполняли всё пространство и казалось, что нет войны! Сакина часами наблюдала за природой. И каждое состояние природы нравилось ей по-своему. Все времена года были привлекательны и прекрасны! У каждого была своя цветовая гамма: у весны – нежная, светлая цветовая гармония, которая складывалась из цветовых оттенков подснежников, медуницы, прострелы, лесной фиалки, купавки, ромашки, незабудки и калужницы; у зимы – нежные фиолетово-голубые оттенки снега, неба; у лета – яркие сочные краски наполненные солнцем, зеленью листвы, синевой озёр и голубизной небес. Осень была всех богаче и нарядней на разнообразие цветовой гаммы. Недаром осень была воспета в поэзии. Лучше всех на взгляд Сакины писал о ней Пушкин «в багрец и золото, одетые леса!» А какой неповторимый мир звуков! Жаворонки пели, где-то стучал дятел, жужжали пчелы, шмели садились на цветы – звучала целая симфония. Всё это создавало чувство единения с природой. Какое чудное было время! Хотелось лечь на траву и «утонуть» в голубизне небосвода. По небу плыли легкие пушистые облака. Какие причудливые формы! Можно было подолгу смотреть и узнавать в этих формах известные образы.

Сама природа вдохновляла детей к творчеству. Сакине уже в пять лет захотелось запечатлеть все краски природы в рисунках. А став постарше она стала интересоваться декоративно-прикладными видами искусства; вязание крючком, вышивка, шитье и т. д. Мама научила ее вязать крючком: детские пальчики не слушались, но со временем у Сакины стало получаться всё лучше и лучше.

В 1944 г. Сакина пошла в школу. Хотя ей было трудно адаптироваться к строгой школьной дисциплине, она старательно выводила буквы и учила стихи. По характеру девочка была непоседа, упрямая, очень самостоятельная и независимая. Природа наделила её крепким здоровьем, гибкостью и обаянием. У неё был удивительный музыкальный слух и способности к художественному рукоделию и изобразительному искусству, поэтому ей нравились литература, музыка и изо! Учебников не было, писали на газетах, а из плакатов делали тетради. Старшая сестра нередко плакала из-за того, что не могла объяснить сестренке теорему Пифагора и другие вопросы геометрии, физики. Она участвовала в различных конкурсах. Её работы не раз были отмечены грамотами и призами. Дети восхищались её умением. Они уважали Сакину за её легкий и добрый характер.

В годы войны погибло много мужчин. Женщины остались вдовами. Это несчастье не обошло и семью Кутлиахметовых. Отец Сакины был дважды ранен в бою, после госпиталя был отправлен на передовую. В 1944 г. В. Кутлиахметов погиб в боях за Витебск и похоронен в братской могиле.

Мать Мархаба была очень сдержанной на выражение эмоций, а после смерти мужа стала молчаливой. Она ничего не рассказывала своим дочерям, не делилась своими страхами и проблемами. Все носила в себе. Воспитывала в детях трудолюбие и бережливость. В военные голодные суровые годы женщины помогали друг другу. И сообща решали многие проблемы, например ситец, который давали на всех по 1,5–2 метра, они отдавали той семье, кому нечего было одеть, таким образом все женщины могли сшить одежды своим детям. И в горе, и в радости все старались держаться вместе. Ведь только так можно было выжить! Праздники проводили вместе, в свободное время ходили друг к другу. Никто не был одинок!

Время пролетело стремительно. Назима окончила лесотехнический техникум. В Красноуфимске открылось медицинское училище, куда Сакина подала документы. На удивление и зависть подруг она с легкостью поступает на учебу. Профессия фельдшера требует от человека милосердия, чуткости, а порою и железной воли! После окончания медучилища в 1957 г. у Сакины началась трудовая деятельность. Сельскому фельдшеру приходилось быть специалистом во всех областях медицинских знаний; и акушером, и хирургом, и педиатром, и психологом. Больниц было крайне мало и сельским фельдшерам приходилось обслуживать несколько деревень, на вызовы ходили пешком в любую погоду, в любое время суток! Условия влияли на становление характера девушки, нравственных качеств личности. А для развития творчества появилась еще одна важная

черта – терпение и умение доводить начатое дело до конца! Суровое воспитание наложило на Сакину стремление к независимости и самостоятельности.

В 1958 г. Сакина вышла замуж за Галляутдинова Рашида красивого, молодого парня из Башкирии. Он был человеком деревенским со своими строгими, архаичными правилами и обычаями. От этого брака родился чудесный сыночек Раис. Каждый родившийся человек привносит в нашу жизнь «новое». Для Сакины этим новым становилось ещё одно творческое умение. Словно каждый ребенок чему-то «учит» своих родителей! В этот период она научилась шить, вышивать, вязать спицами. Все эти умения пригодились для того, чтобы изготавливать детям и себе одежду.

Второй раз Сакина решается выйти замуж за человека, который полюбил её сына и стал для него старшим другом. Молодой специалист Бетюнов Афанасий приехал на практику в Красноуфимск и снимал квартиру у Мархабы. Весёлый по характеру, добрый он сразу приглянулся Сакине и она решается уехать с ним в Салехард. В этот период рождаются две дочери Ольга и Эльвира. Семья Бетюновых ездила по стране в поисках лучшей доли. И везде им находилось жильё, работа и уголок для разведения сада. В то время Сакина стала интересоваться разведением цветов и выращиванием овощей, поэтому главной гордостью хозяйки был огород, где не было ни соринки. Это напоминало о счастливом и светлом детстве, где было место каждому растению, где царили гармония и красота! Из овощей особенно любила высаживать помидоры. Сочные солнечные плоды вырастали на диво хорошие. Соседки приходили за советом, как ухаживать и вырастить овощи. Выращивать Сакине удавалось, а вот переработать урожай не всегда...

В семье Бетюновых прививали любовь к чтению. Читали по вечерам вслух книги. Мать иногда играла со своими младшими дочерьми. Бывало, придут они на работу в амбулаторию, а она в короткие свободные минутки успевала нарисовать бумажные куколки, или быстренько сшить куклы из подручного материала марли и ваты. А какие удивительные куколочки у неё получались! Дети выросли. Сын перенял трудолюбие и умение выращивать, разводить сады. Дочь Ольга – самостоятельность и творческое воображение. Младшая дочь Эльвира – милосердие и доброту. С выходом на пенсию Сакина Ваисовна начинает воплощать в жизнь все свои творческие задумки. Сначала это были ковры, потом видочки, сумки, подушечки. В ход шли разнообразнейшие материалы (полиэтиленовые пакеты, фантики, трикотажные кусочки ткани). Для Сакины пенсионный период наполнился познанием и творчеством! С 1992 г. по 2012 она прочитала много книг по эзотерике, истории, философии и религии. Это книги Д. Андреева, Рерихов, Стрельниковых, Лазарева, Жикаренцева, Мулдашева, Речкина, Лобсанга, Блаватской и др. Все это нашло отражение в её творчестве.

Хочется особо поговорить о цвете, потому что цвет в работах мастерицы играет огромную роль. Цвет исследуют искусствоведы, философы, психологи, педагоги, врачи. Например, появилась наука цветотерапия, т.е. врачевание с помощью цвета. В каждой работе, как когда-то в детстве, когда маленькая Сакина гуляла по лесу или сидела у реки, есть гармония цвета! Например, работа «Сияние Севера», навеянная любимой сказкой детства «Серебряное копытце» о том, как благородное животное одарило бедную девочку и её дедушку богатством. Под богатством и самоцветами надо понимать простое человеческое счастье, которого так не хватало и маленькой девочке Сакине. И это чувство ожидания чуда, она пронесла через всю жизнь!

Хотелось мастерице познать главную наказывающую силу – время. Говорят, время лечит, но оно и наказывает! Поэтому появились в творчестве Сакины циферблат в виде колеса по сотковому времени. Каждый цвет выстроен в соответствии с руной. Изучение орнаментов, их символики нашли выражение в ковриках, выполненных из полиэтиленовых нитей. Оказывается, орнаменты возникли наряду с буквицами и передают многие сакральные знания наших предков; об устройстве мира, Вселенной и Земли! Они как мандалы, способны удерживать энергию и излучать. Ведь в старину клали коврик у порога, чтобы пришедший человек с недоброй энергетикой мог оставить её у порога и не пронести в дом. Этот коврик отражает любимую тему севера. Где-то в глубине души на подсознательном уровне у каждого человека жителя России, видно сохранилась память о своей северной Родине. Ведь часто можно проследить в работах мастерицы северное сияние, северные олени.

Сакина Ваисовна любит наблюдать за звездным небом. Есть у рукодельницы в работах много звезд, изображение Солнца. Работа «Звезда на небосводе» рассказывает о том, что мы очень сильно подвержены влиянию небесных светил, потому что являемся частью Вселенной! Работа «Летний зной» напоминает о чудесной сказочной стране Индии, где много контрастов и тепла! Она словно мандола настраивает нас на энергичное выполнение какой-нибудь работы, обостряет зрение, нормализует давление!

Сакину Ваисовну дважды показывали по телевидению. Она прославилась на всю страну – какая-то бабушка в сибирской деревеньке делает из конфетных фантиков удивительно красивые коврики. Вместе с детьми съездила в Аркаим и Окунево. Попробовала почувствовать места силы. Поездив и проанализировав увиденное, поняла, что место силы там, где живешь: «Где родился – там пригодился». Искусство способно воздействовать на духовные и нравственные качества человека. Творческая составляющая души формируется в процессе всей жизни человека, отшлифовывает его характер и выстраивает судьбу! В свои 75 лет Сакина Ваисовна выглядит бодро, все делает сама, шьет и вяжет без очков, до сих пор не «доверяет» огород никому. Истоки творчества для нее – природа, в которой человек живет, любит, развивается, рождает, воспитывает и познает.

Гәрәева Р.Р., Шабакәев Р.Р.

ШӘЕХЗАДА БАБИЧ ИЖАТЫНДА ДИНИ МОТИВЛАР

Мөселман халкының дине һәм горөф-гадәтләре татар-башкорт әдәбиятының аерылгысыз бер өлешен тәшкил итә. Ислам үзенә әхлакый һәм рухи кыйммәтләре белән төрки халыклары әдәбияты үсешенә ныклы һәм тирән йогынты ясыи.

Шагыйрь Шәехзадә Бабич әдәби әсәрләренә комплекслы анализ түбәндәгә нәтижәне ясарга мөмкинлек бирә: шагыйрь үз ижатында Аллаһ яки иблис ягын сайлау, Аллаһы Тәгалә ирадәсенә буйсыну, вөждән һәм нәфес, яхшылык һәм явызлык, белем һәм наданлык темалары, язмыш, Изге Китап һ.б. дини темаларга, мотивларга, сюжетларга аеруча күп мөрәжәгать итә [3].

Мондый дини темалар язучының «Нәсихәт» (1911), «Газазил» (1916), «Әллә Алла, әллә иблис» (1916), «Вөждән һәм нәфес» (1912), «Гаед көне» (1917), «Киңәшләр» (1915), «Корбан бәйрәме мөнәсәбәте белән» (1918) һ.б. әсәрләрендә чагылыш таба.

Ш. Бабич шигъриятенә төп үзәнчәлеге – аллегорик метафораларны актив куллану һәм шулар аша хакыйкәт һәм уйдырмаларны, әкият һәм мифларны үз эченә сыйдырган яңа фантастик мөхит тудыру һәм аны жанландыру.

Шагыйрь яшәгән чор – дингә каршы көрәш чоры, Аллаһка ышану кискен гаепләнгән һәм хөкөм ителгән чор, аның жәмгыять тормышыннан тамырдан юк ителгән чоры. Ләкин дини тәрбия һәм дини белем алган әдипнең тормышка карашын һәм аның ижатын бу төшенчәләрдән башка күз алдына китерә кыен.

Ш. Бабичның ижади мирасын өйрәнү барышында без теологик мотивлар һәм темаларның әледән-әле әхлакый һәм рухи кыйммәтләренә чагылдыручы темалар белән үрелеп барган бихисап аллегорик әсәрләр очраттык. Мәсәлән, аның танылган «Нәсихәт» (Үземә) шигърендә шагыйрь үз-үзенә остаз буларак эндәшә. Әдип үзен Аллаһы Тәгалә ирадәсенә буйсынырга, шөкер итеп яшәргә өнди һәм, бары тик Аңа буйсынып кына, кеше үз тормышында бәхет табачак, ди. Бу әсәрдә шагыйрь үзенә күңелендәгә капма-каршылыктар көрәшен ачык һәм контраст төсләр белән тасвирлый. Ләкин шагыйрь йөрәгендә сакланып килгән иман яхшылык, изгелек, тәүфыйкылык ягын сайлауга этәрә:

*Әй, Шәйх! Уян! – димен, – уян! – димен,
Күзеңне, уянмасаң уям, димен.
Күшегеп, тавык кебек, күп моңайма,
Шөкер ит саулыгыңа, уйлан, димен.
Үзеңне бер Ходайга тапшыр да куй,
Шуннан соң үз-үзеңә сөен, димен.
Шайтаның арлы-бирле тарткаласа, –
Бер карыш чыкма юлдан, – сөям, димен.*

*Сиңа да якты заман килеп җитәр,
Әгәр дә ярлыкаса Ходаң, димен.
«Фәдгунни, истәҗибләкем» дигән
Һәрвакыт теләгеңне телән, димен.
Түбәңнән, ходай кушса, күтәрелер
Каплаган йолдызыңны томан, димен.*

(«Нәсихәт», 1911)

Татар һәм башкорт халкының милли тәрбиясен иман һәм оят төшенчәләренән башка күз алдына китерә кыен. «Имансыз» төшенчәсе алласыз мәгънәсендә генә түгел, ә әхлаксыз, тәрбиясез,

тупас мэгънәсендә еш йөрөгән, бу исә әхлак, рухи тәрбия һәм исламның тыгыз бәйләнештә торган төшенчәләр икәнлегенә мисал.

Шул да мөһим, булачак шагыйрьләрнең дөньяга карашына милли тәрбия генә түгел, ә аларның төрле дини мәктәпләр тәрбияләнүчеләре булуы да мөһим. Мәсәлән, Ш. Бабич ныклы дини һәм дөньяви белем биргән «Галия» мәдрәсәсен тәмамлауга (1911–1916) дөньяга тәнкыйди күзлектән карый башлаган була инде. Ничшиксез, моңа Габдулла Тукай, Мәжит Гафури, Галимжан Ибраһимовлар белән ижади бәйләнештә торыуы да, «Акмулла», «Шура», «Кармак», «Хөр милләт», «Ирек» кебек газета-журналларда эшләве дә, әдәби түгәрәк житәкчесе, мөгаллимлек эшен алып баруы, хәтта мандолинада уйнавы да тәэсир итми калмагандыр. Ләкин, шуңа карамастан, дини-мифологик сюжетлы әсәрләргә автор һәрвакытта тугры булып кала. Коръәннең әхлакый-этик кыйммәтләрендә тәрбияләнгән шагыйрь традицион дини мотивлардан читләшә алмый, ләкин еш кына аларны фантазия белән бәйләп, яңача алымнар белән сурәтли.

Мәсәлән, иң күләмле әсәрләренең берсе – «Газазил» поэмасы. Язучының бу әсәре фантазиягә байлыгы белән һәм, шул ук вакытта, беренче бөтендөнья сугышы елларында жир йөзен баскан кешелексезлеккә, әхлаксызлыкка, икейөзлелеккә каршы чыгыш булып яңгырый. Иблис һәм Аллаһ, Аллаһы Тәгалә ирадәсенә буйсыну һәм тәвәккәл итү кебек үзәк дини традицион мотивлар скрипка уйнау, телеграмма сугу, флаг, быргы, торба, маршлар уйнату һ.б. фантазмагорик детальләр белән чиратлаштырыла.

Ш. Бабичның бер төркем әсәрләрендә яхшылык һәм яманлык, хакыйкәт һәм ялган арасында сайлану, эзләнү кебек темалар очрый, гүя аның күңелендә туктаусыз Алла белән иблис көрәшә:

Күктә Алла, җирдә иблис, мин – малай!

Берсе: «Дин!» – дип, берсе: «Мин!» – дип тарткалай.

Белмимен,

Әллә Алла, әллә иблис алдалай?!

(«Әллә Алла, әллә иблис», 1916).

«Күктә Алла, җирдә иблис...» юллары аша кайбер укучыларыбыз Аллаһның күктә булуын аңларга мөмкин, хәлбуки, ислам кануннары буенча, Аллаһка урын хас кылу катгый тыелган. Шагыйрь исә мондагы Алла һәм иблис символлары аша күңелендә булган изге һәм начар уйларны әйтергә тели. «Әллә Алла, әллә иблис алдалай?!» дигән юлларны шулай ук дөрөс аңларга кирәктер, бу символик образлар аша шагыйрь иманында шикләнүне тасвир итми, ә фани дөньяда барган ике капма-каршы көчләрнең алышуына ишарә итәдер.

1912нче елда язылган «Вөждан һәм нәфес» шигыре нигезендә шулай изге Коръән сүзләре ята:

«Вау» белән «Нон» бергә туган, җәп чыгар,

Бу икәүсез дөньяда һич юк чыгыр.

Эш вә мәсләк юллары бер булмагач,

«Вау» белән «Нон» һәрвакыт орышып чыгар.

«Нон»да шайтан гаскәре тыгылып тора,

Гаскәре аз «Вау» тора җиңелеп кенә.

«Вау» ягында булмагач көч, ни эшлим,

«Нон»юлында мин йөрим яңлыш кына.

Көн саен ак күкрәгем керләр бирә.

Һәр шәятин әүсафы ягылып кына.

Тискәре «Нон» гаскәре гел этләшә,

Билгеле, «Нон» үзе дә эт ләбаса,

Чын да мин әүлия булмасмы идем,

«Вау» малаик гаскәре бик шәп дәһа!

(«Вөждан һәм нәфес», 1912)

Шагыйрь бу әдәби текстында кеше табигатенә хас булган һәм бер-берсе белән шул хәтле нык үрелгән ике капма-каршылыкларның тарткалашуын образлы юлларга сала. Лирик герой күңеле яхшылык һәм яманлык, фәрештәләр һәм шайтаннар, вөждан һәм нәфес арасында туктаусыз бәрелеш барган мәйданчыкны хатерләгә.

Монда Шәмс (Кояш) сүрәсенә 1–10 аятьләрен китерергә була:

«Кояш һәм аның нурлары белән, аңа иярүче Ай белән, яктылык алып килүче көн, аны каплаучы төн, күк һәм аны корып Куючы, ястыктай түшәлгән жир, һәр адәми затка һәм аны җир йөзендә

яшәрлек итеп яралткан, аңа һәм яхшылык, һәм яманлык кылырга ирекле Иткәннен исеме белән әйтәмен ки: жанын пакъ тоткан морасына (*Сәгадәткә*) ирешчәк. Вөжданын кер каплаган кеше, әлбәттә, хәтәр зыян күрәчәк». Чынлап та, Аллаһы Тәгалә адәм балаларын ярату белән бергә аларда рух һәм нәфесне дә бар итте, ягъни изгелек һәм яманлык эшләүдә ирекле кылды. Әмма кешегә дөнья вә ахирәттә бәхетле булу өчен аның рухы һәрвакыт нәфесеннән өстен булырга тиеш. Әгәр инде нәфес өстенлек ала торган булса кеше бәхетсезлеккә дучар булчак.

Иманына тугры шагыйрь исламның үзәк темасы – тәкъдир, язмыш темасына кагылмый һич булдыра алмый, чөнки бу тема кешегә һәрбер эштә Аллаһның ирадәсенә буйсыну, сабырлык, язмыш белән, аның нинди булуына карамастан, риза булу кебек хакыйкәтләрне аңлата.

И ходаем, мал-милек – барысы синең

милкәңдәдер;

Бар хәер эш-яхшылык «кодрәт» дигән

илкәңдәдер;

Бай булу, хурлык күрү, абруй китү,

шөһрәт табу, –

Барчасы синнән, илаһы, һәммә эш

иркәңдәдер.

(«Кыйтга», 1913)

Бу юлларда автор үзенең ныклы ышанычын шуңа белдерә: барлык хис-кичерешләр, тойгылар, яхшылык-яманлыklar, байлык һәм саулык, хәерчелек һәм авырулар – барысы да Аллаһы Тәгалә тарафыннан яратылган, язылган. Моның дәлиле буларак «Әли Гыймран» сүрәсенә 26нчы аятен китерергә мөмкин: «Әй Мөхаммәд галәйһиссәләм, әйт: әй Аллаһ, мәликнең мөлкендә идара итүе кебек идара итүче, халкыңнан теләгән кешеңнән хужалыкны алырсың. Дәхи теләгән кешеңне дөньяда һәм Ахирәттә газиз һәм хөрмәтле итәрсен, теләгән кешеңне дөньяда һәм Ахирәттә хур кылырсың. Изгелек Синең кодрәтеңдә. Дөрөслектә, Синең һәрнәрсәгә көчең житә».

Шагыйрь гомере үтә дә кыска, ләкин искиткеч чагу, гүзәл әсәрләргә бай була. Югары талант иясе Шәехзадә Бабич ижаты бүген дә күңелләренә хозурландыра, яңа эзләнүләргә илһамландыра.

Әдәбият

Әл-иткан фи тәржүмәтил – куръән (Коръән тәржемәсендәге камиллек) имам вә мөдәррис Шәйхулислам дин Әсадулла әл Хамиди // Казан: «Магбугат йорты» нәшрияты, 2005. – 992 б.

Бабич Ш. Зәңгәр жырлар. Шигырьләр, поэмалар, эпиграммалар, мәкаләләр, хатлар. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1990. – 544 б.

Гареева Р.Р. Филологический анализ художественного текста в вузе // Материалы Международной научно-практической конференции «Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании», Уфа, 2008. – С. 61–65.

Гарифуллин И.Б.

ОРГАНИЗАТОР ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТЮМЕНСКОМ КРАЕ

У нашего отца, Гарифуллина Бадретдина Гарифулловича, участника трех войн, первые военные службы проходили в период первой мировой войны в 1915–1917 гг. Он, родившийся в 1895 г. в Казанской губернии (ныне Камско-Устьинский район Республики Татарстан) в мае 1915 г. был призван в царскую армию, где до конца 1917 г. служил рядовым солдатом в 25-м Туркестанском полку Западного фронта. В 1917 г. революционное брожение дошло и до солдат Туркестанского полка, которые затем приняли участие в событиях гражданской войны, хотя и по разные стороны «баррикад». В годы гражданской войны, в частности, Гарифуллин Б. Г. в рядах Красной Армии освобождал от юнкеров Казанский Кремль. В дни Октябрьской революции Гарифуллин Б. находился в 95-м запасном полку в Казани, с 26 октября 1918 г. по 15 июля 1921 г. служил в Красной Армии. Демобилизован из армии в 1921 г. по болезни.

1921 – год сильной засухи и страшного голода, предопределил и судьбу молодого Бадретдина, который после демобилизации из Красной Армии, видя исключительно тяжелое положение в родном крае, вместе с некоторыми односельчанами отправляется в Сибирь и останавливается в Тюмени. Здесь он сначала (с 24 августа 1921 г. до декабря 1922 г.) работает старшим делопроизводителем

хозяйственного отдела Тюменского губернского управления милиции, затем с 25 мая 1923 г. по 1 октября 1924 г.) старшим милиционером в д. Тукуз Чернаковского района Тобольского округа.

В первые годы Советской власти в связи с расширением школьного образования татарские деревни испытывали большую нужду в педагогических кадрах и поэтому по просьбе партийной ячейки д. Тукуз приказом общего отдела Тобольского окрисполкома с 1 октября 1924 г. Гарифуллин Б. Г. назначается учителем (заведующим) Казанской школы 1 ст. Чернаковского района. С этого момента у Гарифуллина Б. Г. начинается работа по призванию, которой он посвящает всю свою сознательную жизнь. Для педагогической работы у него было образование в объеме шестилетнего медресе (равнялось среднему образованию) и он имел некоторый опыт в деле обучения грамоте (в армии учил красноармейцев читать и писать).

С 1 сентября 1925 г. Гарифуллин Б. Г. переводится заведующим Тукузской школы 1 ст. и с 1 октября 1926 г. – заведующим Медянской (татарской) школы Тобольского района, а через год снова возвращается в Тукузскую школу.

С первых лет педагогической деятельности Гарифуллин Б. Г. проявил большую активность не только в деле организации школьного образования, но и в общественной работе. Об этом говорят его делегатские билеты (мандаты) различных конференций и съездов, командировочные удостоверения, корреспондентские документы, отзывы партийных комитетов, райОНО, сохранившиеся в архивах области и его личном деле. Так, в 1926–1927 гг. он был секретарем Тукузской партийной ячейки, в 1925 г. делегатом 4-й Тобольской конференции, делегатом съезда корреспондентов Уральской областной татарской газеты «Сабан һәм Чукеч» («Плуг и молот»), в 1926 г. – членом Третьего Чернаковского съезда РКК депутатов, в 1927 г. – делегатом Тобольского окружного съезда Советов. В государственных архивах сохранились протоколы делегатских собраний женщин-татарок Чернаковского района, которыми руководил Гарифуллин Б. Г. в 1928 г. В 1929 г. как активный селькор, Гарифуллин Б. Г. был делегатом областного съезда корреспондентов. В личном архиве сохранились отдельные статьи, опубликованные на страницах татарских газет.

В характеристике Гарифуллина Б. Г., подписанной секретарем Тобольского райкома ВКП (б) Юрковым в 1927 г. говорится, что «т. Гарифуллин состоял в Тобольской районной организации с 23 декабря 1925 г. и все возложенные на него обязанности Тобольским райкомом партии выполнял добросовестно и аккуратно. В Медянских юртах как коммунист работал один, показал себя как выдержанный и дисциплинированный работник. Политически развит удовлетворительно. Все это подписью и приложением печати удостоверяется». В характеристике, выданной Гарифуллину Б. Г. партийной ячейкой д. Тукуз 15 мая 1928 г. также отмечено, что «он, работая в ю. Тукузских, все время был активистом и являлся руководителем общественных организаций, все директивы вышестоящих органов и решения партийной ячейки выполнял добросовестно, дисциплинирован, в политическом отношении хорошо развит...».

В июне 1928 г. Гарифуллин Б. в г. Свердловске проходит областные курсы участковых инспекторов по социальному воспитанию и организаторов методической работы и с 1 сентября 1928 г. назначается инспектором по национальным школам Тобольского окружного отдела народного образования. Здесь он проводит большую работу по расширению сети культурно-просветительных учреждений в татарских деревнях округа, принимает меры по подбору и подготовке кадров для школ и сельских советов, клубов, изб-читален. Занимая активную позицию в общественной жизни, Гарифуллин Б. Г. был одним из организаторов общественно-политических и культурных мероприятий. Так, летом 1929 г. он был организатором проведения окружного национального праздника «Сабантуй» в Тобольске и возглавил окружную комиссию по его проведению. При его активном участии в декабре 1929 г. в Тобольске и в с. Черном прошли межрайонные конференции женщин-татарок. В 1928–30 гг. Гарифуллин был председателем окружной комиссии по переходу на новый алфавит «Яңалиф». В 1929–1931 гг. под его руководством проходили курсы председателей, секретарей татарских сельских Советов, учителей школ, зав. избы-читальнями и т. д.

В период работы в Тобольском окрОНО Гарифуллин большое внимание уделял анализу положения дел на местах, перспективам развития школьного образования и культурно-просветительной работы в деревнях. В частности, в справке инспектора окрОНО Гарифуллина в конце октября 1928 г. дан подробный анализ состояния школьного образования, роста сети школ за последние годы, указано на недостаток школьных помещений, культурно-просветительных учреждений, педагогических кадров с соответствующим образованием и т. д), намечены меры по развитию культурно-просветительной работы среди татарского населения. На ближайшие годы было намечено: количество школ к 1932–33 уч. г. довести до 64 вместо 42 в 1927–28 уч. г., подготовить 70 учителей, число изб-читален довести до 20 вместо 11 в 1928 г. и т. д.

В 1930^х годах в области, кроме начальных школ, расширяется сеть школ повышенного типа –

школы колхозной молодежи, семилетки. В организации таких школ Тобольского округа Гарифуллин Б. принимает активное участие. В январе 1930 г. он создает школу колхозной молодежи в д. Тукуз, в 1933 г. в д. Казанка и Карагай, в 1936 г. в д. Н.–Каишкуль Вагайского района.

В 1931–33 гг. ему как заведующему Вагайским райОНО приходилось заботиться о культпросветучреждениях. Здесь, кроме работы по руководству учреждениями образования и культуры, местными партийными и советскими органами он часто привлекался к выполнению партийно-политических, хозяйственных компаний. В его личном архиве, в частности, сохранились удостоверения уполномоченного по организации весенне-полевых работ, хлебозаготовок, лесозаготовок и т.д. Все это говорит о том, что он был очень исполнительным, дисциплинированным, успевал везде и всюду. Будучи целеустремленным человеком, Гарифуллин Б. всегда старался всю непосредственную работу и все выполнять как можно лучше. Не случайно, в 1931 г. Тукузским сельским Советом ему вручается удостоверение Ударника по общественным и хозяйственным кампаниям.

В молодые годы Гарифуллин принимал активное участие в работе клубов и библиотек, привлекал учителей и учащихся, организовывал концерты художественной самодеятельности, ставил пьесы татарских драматургов, стихи видных русских поэтов, в т.ч. Пушкина, читал на русском и татарском языках. За хорошее исполнение татарских песен его называли «учителем-соловьем».

В 1920–30-х гг. частые перемещения по работе связаны с недостатком в Тобольском округе подготовленных для организации школьного образования кадров. Дольше всего он возглавлял педагогические коллективы Карагайской семилетней школы (1933–1936 гг.), Ново-Каишкульской семилетней школы (1936–1949 гг.) и Чикчинской восьмилетней школы (1949–1957 гг.).

Гарифуллин Б.Г. добросовестно и честно трудился, имел большой авторитет, но несправедливость не обошла его стороной. 4 октября 1937 г. Гарифуллин Б.Г. приказом Вагайского райОНО освобождается от работы в школе, исключается из профсоюза и партии. На зиму семья из 7 человек остается без квартиры, дров и средств к существованию. На него и его семью навесили ярлык врага народа. «Преступление» заключалось в том, что в его отсутствие (он ездил за 120 км на лошади в райОНО за зарплатой для учителей) 9-летнему сыну был сделан обряд обрезания. Нашелся наглый «доброжелатель», который отказывался детей в школе учить, написал донос, обвинив директора школы в нарушении советского образа жизни. В течение 5 месяцев ни в райОНО, ни в облОНО он не мог доказать, что за обрядом нет ничего антигосударственного кроме национальных традиций. Не помогли ни поощрения, ни отличные характеристики с работы. Зимой 1938 г. он поехал в Москву и в Министерстве просвещения попал на прием к Надежде Константиновне Крупской. Она внимательно выслушала его, проэкзаменовала на предмет знания советской литературы и обсудила ситуацию со своими коллегами в министерстве. Те пришли к выводу, что Гарифуллин Б.Г. ничего антисоветского не совершил, национальные традиции имеют право на существование в быту советских людей. Крупская Н.К. дала указание, чтобы приказы райОНО и облОНО в отношении Гарифуллина Б.Г. были отменены, его восстановили на работе, сняли все обвинения, а также оплатили пятимесячный вынужденный прогул. В период массовых репрессий Гарифуллин сумел не только отстоять свою правоту, но уберечь себя и семью от возможных расправ.

Гарифуллин Б.Г. – участник Великой Отечественной войны, в 1942–43 гг. прошел немало фронтовых дорог, в ездовой артиллерии на конной тяге выпал ему нелегкий ратный труд: под огнем противника надо было своевременно доставлять снаряды для орудий малых и больших калибров. Будучи тяжело раненным, вернулся домой инвалидом в июне 1943 г. на костылях, а разбитая пятка правой ноги не заживала все годы – в 1987 г. похоронили его с перевязанной бинтом ногой. За ратный труд в период войны награжден орденом Отечественной войны II степени, правительственными медалями.

Гарифуллин Б.Г. – ветеран педагогического труда, участник трех войн, отец 11 детей – умер 1987 г. в возрасте 92 лет. Примечательно, что, приехав в 1921 г. в тюменский край один, он в конце своей жизни оставил в наследие около 100 детей, внуков, правнуков, праправнуков.

Почти за вековую жизнь Гарифуллин Б.Г. спокойно и стойко перенес громадную физическую и духовную нагрузку, умело преодолевал все тяготы жизни. Будучи врожденным педагогом, просветителем, прогрессивно настроенным гражданином, о себе он оставил только добрые воспоминания. С кем бы ни работал, его коллеги оставались друзьями, хорошими приятелями навсегда.

В 2004 г. в Тюменскую областную энциклопедию вошла статья о Гарифуллине Б.Г. как об активном просветителе. В государственном архиве социально-политической истории Тюменской области имеется специальный фонд № 4093, куда свидетельства его жизни и культурно-просветительной деятельности помещены на постоянное хранение. В апреле 2009 г. решением администрации Чикчинского сельского муниципального образования Тюменского района одна из улиц с. Чикча названа именем Гарифуллина Бадретдина.

РОЛЬ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОХРАНЕНИИ РЕЛИГИИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сегодня в Тюменской области насчитывается около 90 мечетей и молитвенных домов мусульман, а всего лишь несколько десятилетий назад, после закрытия в 1964 г. единственной мечети в с. Чикча Тюменского района, не было ни одного официального места, где мусульмане могли бы свободно проводить коллективные, предписанные религией обряды. Они собирались в частных домах, что преследовалось со стороны КГБ и партийных органов: пожилых людей вызывали для «профилактических бесед», о них писались порочащие материалы в газетах, их обсуждали на собраниях.

Сегодня в Тюменской области на базе Ембаевского исламского архитектурного комплекса имени Нигматуллы хаджи открыт Исламский просветительский центр. Около 20 лет в стенах соборной мечети при Ембаевском комплексе действовало медресе, но мало кто знает, благодарю кому были возвращены эти здания исторических мечетей на рубеже 80–90-х годов. Немногие знают, кто ходил и собирал подписи, писал письма в инстанции, ездил в Москву, чтобы вернуть исторические мечети Ембаево верующим. Этим человеком был ветеран, бывший разведчик, участник Ленинградской битвы Мирхад Аминович Аминов. Именно он в конце 80-х годов добился передачи в пользу верующих «Малой» исторической мечети в Ембаево, а в начале 90-х – «Большой» соборной мечети. Это стоило колоссальных напряжений и нервов, большой настойчивости и упорства. И только после поездки Мирхата-абый в Москву в Совет министров по делам религии просьба была удовлетворена. Кроме того, Мирхат Аминов был главным инициатором возвращения исторической мечети на улице Ленина, 15. После ухода ветерана из жизни, его дело продолжил другой уважаемый фронтовик – кавалер трех орденов Славы Якин Хабибулла.

Сегодня при изобилии мечетей в деревнях мало кто задумывается и знает, что 15 из них были построены благодаря фронтовику, бывшему разведчику Айтмухамету Юсупову.

Огромный вклад внесли в дело развития ислама участники войны. Айтмухамет Юсупов, Хабибулла Якин, Мирхад Аминов ушли на фронт в юном возрасте, и, придя в религию на закате лет, успели сделать многое для возрождения ислама на тюменской земле. В послевоенные же годы имамами в селах и деревнях становились фронтовики, прошедшие войну в зрелом возрасте.

Необходимо отметить, что во второй половине 40-х годов наступили некоторые послабления в отношении религии. Правительство СССР разрешило совершить хадж в Мекку, хотя число паломников было жестко ограничено. Послабление государственной политики в отношении верующих было связано с усилением религиозности в годы войны. В окопах люди чаще задумывались о Боге, религии, а многие шли в атаку с религиозными лозунгами, с чем власти не могли не считаться.

Верующие, почувствовав облегчение, стали собирать подписи и писать обращения в органы власти с просьбой открыть мечети. Этому способствовало и инструктивное письмо Совета по делам религиозных культов при СНК СССР «О порядке оформления дел об открытии молитвенных зданий». Мусульмане г. Тюмени также обратились с коллективным письмом в горисполком с просьбой вернуть мечеть на улице Ленина, 15, (бывшая Спасская, 9), но получили отказ. Единственную мечеть удалось открыть в 1947 г. лишь в с. Чикча, которая стала центром притяжения верующих. Власти опасались, что открытие мечетей повлечет рост религиозных настроений. «При разрешении Вами открытия хотя бы одной мечети в области даст толчок остальным населенным пунктам к подаче ими заявлений об открытии молитвенных зданий и регистрации общин», – говорится в одном из архивных документов. (ГАРФ. Ф.6991. Оп. 3. Д.884. Л. 29–30).

После открытия мечети в Чикче, были предприняты открыть молитвенные дома в Новых Юртах, Юртах Андреевских, деревне Каргалы и в г. Ялуторовск. Просьбы были отклонены.

В начале 50-х государство вновь усилило борьбу с религией. В 1954 г. издается постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». В целях искоренения религиозной пропаганды Тюменским обкомом КПСС создаются при райкомах партии группы лекторов-атеистов. В 60-х годах при Тюменском областном обществе «Знание» открывается отдел по работе среди татар и казахов. В 9 районах области образуются секции атеистов для работы среди мусульман, проводятся специальные семинары по противодействию религии.

В 1964 г. партийные атеисты закрывают единственную мечеть в с. Чикча. Религия уходит в подполье, факты проведения обрядов Курбан-байрам, Ураза-байрам в частных домах фиксируются КГБ, следом принимаются меры по принуждению от отказа в проведении обрядов в будущем. На пожилых людей воздействуют через их родственников.

В такой сложной ситуации бремя сохранения религии и передачи их следующему поколению ложится в основном на плечи участников Великой Отечественной войны, многие из них становятся неофициальными муллами в своих селах и деревнях. Антирелигиозные компании охватывают не только татарские деревни области, но и места компактного проживания казахов в южных районах, где обряды в течение многих лет вел фронтовик, аксакал Бекиш-мулла (Бекмухаммет Жабаяев) 1895 г.р., которого старшее поколение казахов вспоминает добрыми словами до сегодняшнего дня.

Бекиш-мулла получил религиозное образование еще до революции. Однажды милиционеры забрали его прямо с похоронного обряда. Не выдержав давления атеистов, аксакал уехал в Казахстан, но оставил после себя учеников, в том числе фронтовика Абдуллу Демантаева, бывшего офицера контрразведки «Смерш», который после выхода на пенсию тоже стал имамом.

В настоящее время Казыятское управление мусульман Тюменской области готовит к изданию книгу «Солдаты Победы на службе религии» об этих ветеранах, совершивших в своей жизни два подвига – подвиг участия в самой кровавой войне и подвиг на службе исламу в годы борьбы с религией. Замысел книги родился в поездке по отдаленным труднодоступным деревням Вагайского района, где мне посчастливилось встретиться с действующими имамами мечетей – Мавлютом абый Азисовым, имамом мечети д. Тукузы, дошедшим до Берлина, и Рахматулло-абый Батиновым, имамом мечети с. Большой Карагай, бывшим снайпером.

Нельзя, чтобы память о фронтовиках-имамах канула в лету. Пока еще помнят о них земляки и родные, нужно как можно быстрее собирать по крупицам историю людей, которые сберегли для нас религию предков. И вот это почти удалось сделать. Хочу сказать большое спасибо родным ветеранам войны, которые откликнулись на призыв, и предоставили рассказы по своим отцам и дедам. Думаю, что смогли собрать в этой книге сведения по большинству религиозных деятелей. Дело осталось лишь за изданием книги.

Давлетшина З. М.

МОЛИТВЕННЫЙ КОВРИК

В духовной культуре башкирского народа особую роль играет ковровое изделие, используемое в качестве молитвенного коврика (*намазлык*). Намазлык подстилают под ноги при совершении молитвы. Намазлык является одним из важных предметов мусульманина. Это не обязательный, но желательный атрибут молитвы.

В недалеком прошлом при необходимости молитвенный коврик могли заменить чистым куском материи, предметом одежды, полотенцем и т.д. Любой ковер мог служить намазлыком. Вполне логичным стало появление специальных ковров, предназначенных только для совершения ритуальной молитвы и имеющих специфическую композицию.

Время появления подобных ковров до сих пор точно не установлено. Изображение молитвенного ковра в миниатюре относится к XIV в., а наиболее ранним из сохранившихся ковров считается анатолийский ковер для группового моления XV в. из Музея исламского искусства в Стамбуле (*Кинаева, Некрасова, 1997. С. 425*).

Эталоном для всех ковровых мастерских стали молитвенные ковры, созданные художниками-декораторами в придворных мастерских Ирана и Турции. Эти профессиональные изделия отличались сложными, подробно разработанными, изысканными композициями. По мере распространения в среде народных мастеров композиция ковров упрощалась, схематизировалась, однако она оставалась узнаваемой, как в целом, так и в деталях. Наиболее распространенным вариантом композиционного решения молитвенных ковров является изображение райского сада, в котором михрабной аркой обозначено присутствие Бога (Там же. С. 426).

В искусстве народов, исповедующих ислам, сложился определенный тип молитвенного ковра, символика и функции которого обусловлены не только особенностями ритуальной практики, но и определенной системой духовных представлений мусульманина. Применение молитвенного ковра в качестве подстилки связано с религиозными предписаниями о совершении молитвы в ритуально чистом месте.

Исследователь башкирского народного искусства А.Г. Янбухтина отмечает, что во время экспедиционных поездок по Башкортостану, в середине прошлого столетия, ей приходилось видеть намазлыки, сохранившиеся у местных старожилов с очень давних времен. Это были войлочные коврики, отличающиеся строгостью композиционного построения. Они представляли собой белое войлочное изделие с изображением михрабной ниши, выложенным черной шерстью [*Янбухтина, 1999. С. 195*].

В районных музеях и значительно реже у населения нашей республики и в наши дни еще встречаются старинные образцы намазлыков, оформление которых отличается целесообразной скромностью. Одно из таких ритуальных изделий представляет собой отрез из чисто белого материала с изображением михрабной ниши, вышитым тамбуром нитями черного цвета в виде зигзагообразной полосы [ПМА, 2008. Хайбуллинский район, музей с. Акъяр]. Как сам материал (белый войлок или тканое полотно), так и способ орнаментации старинного коврика в виде традиционного кускара свидетельствуют о кочевом образе жизни башкир, о раннем этапе исламизации. Позже, с переходом к оседлости, усилением влияния ислама, войлок у башкир сменяется холстом, хлопчатобумажными тканями, шелком, бархатом. С облегчением женского труда, высвобождением свободного времени у женской половины башкирского населения коврики декорируются вышитым цветочно-растительным и более сложным орнаментом, дополняются изречениями из Корана.

Помимо специального коврика для молитв, в быту городских и состоятельных башкир существовала и другая разновидность намазлыков. Богато орнаментированные шелковые или бархатные изделия предназначались в состоятельных семьях для оформления интерьера. В прошлом такие декоративные намазлыки размещали на специальных шестах, межкомнатной перегородке, в простенках между окнами передней и боковой стен комнаты. Намазлык, сотканный в технике ворсового или безворсового ковра, но чаще всего сшитый из бархата, шелка, хорошего тонкого сукна, на подкладке, расшитый цветочно-растительными узорами, становится для мусульманина произведением искусства, способствующим общению с Всевышним, осмыслению божественной красоты и гармонии мира, сотворенного Аллахом и его пророком Мухаммедом.

Несколько таких красочно орнаментированных намазлыков имеется в фондах Художественного музея им. М. В. Нестерова (Уфа). Среди них 2 коврика, выполненные вышивальщицей Н. Тергуловой (Уфа) в первой половине XX в. Один из них (№ Б-131, 115x140) выполнен по фиолетовому шелку серебряными и шелковыми нитями тамбурной вышивкой. П-образная композиция изделия украшена пышным цветочно-растительным орнаментом, представляющим собой соединение всевозможных листьев и цветов с веерообразной фигурой в центре. Композиционный бордюр состоит из двух параллельных дорожек, крайняя из которых вышита в виде волнистой линии с листьями сирени, а внутренняя – цепью из акантовых листьев, объединенных в группы по 3 штуки с каждой стороны. Узор верхней части композиции (в углах и по центру) отличается от боковых частей более сложным рисунком.

Как правило, на молитвенных ковриках вышивка, напоминающая по очертаниям нишу или арку в мечети, опоясывает верхний и боковые края ритуального предмета. Полоса орнамента с обеих сторон обрамляется волнистой линией или растительным побегом. Орнамент, переплетаясь, обвивает, окружает центральный, основной мотив в композиции ковра, имеющий арочное изображение. Михраб в ковровой композиции изысканно оформляется прихотливо-цветущим орнаментом ислими, заполняя все пространство над ней и вокруг нее.

Такие декоративные и эстетические качества ковра, как мягкость шерсти или гладкость и блеск шелка, переливы и сияние радужных, золотых и серебряных нитей, пышный цветочный орнамент искусно подчеркивают тему рая. В восточной поэзии и сказках ковер уподобляется лугу или саду, а шелк – травам. В культурной традиции ислама ковер также тесно связан с идеей цветущего сада, зелени и весны, что в конечном счете совпадает с райскими кущами. Характерными мотивами для молитвенных ковров являются древо жизни и вазы с цветами, связанные с идеей рая. Орнаментальные мотивы ковров состоят из многообразных розеток, пышных букетов и мелких веточек в форме вихревых розеток. Мотив вихревых розеток вносит в общий ритм композиции необыкновенное оживление и наполняет весь орнамент каким-то неуловимым движением. Контрастность цвета подчеркивается тонким контуром, который сделан вокруг каждого элемента узора и выполнен, как правило, тамбурным швом. Орнамент на башкирских молитвенных коврах напоминает узор на намазлыках татар, молитвенных коврах и обрядовых изделиях среднеазиатских народов (джоинамаз, сюзане, борпуш и руиджо).

Главным композиционным принципом построения молитвенного ковра является строгая зеркальная симметрия. Другая особенность его заключается в полном отсутствии орнамента внутри михрабной арки. Так маркировалось место коленопреклонения молящегося, падения ниц. Эта пустота, как завеса, глубоко символична, точно определяет основную концепцию, идеальную направленность молитвенного ковра. Семантику данного приема очень точно сформулировал Ш. М. Шукуров: «... завеса мыслится не просто знаком, обозначенным такими терминами, как урат и нишан, но скорее сакральным знаком, знаком-символом (аламат), вмещающим в себя и манифестирующим всю совокупность явлений мира (алам) в целом и одновременно скрывающим более существенное: потаенное, невыразимое, непостижимое» [Шукуров, 1989. С. 254].

Если говорить о цветовой символике молитвенного ковра у башкир, то необходимо отметить, что чаще всего встречаются белый цвет, как знак, вмещающий в себя весь цветовой спектр, аналог света, и зеленый цвет, как олицетворение рая. Сакрализация белого цвета, часто используемого в обрядовой практике, характерна для многих народов мира. Вместе с тем, нужно отметить, что в других, немолитвенных коврах, использование белого цвета очень ограничено и не типично для них.

П-образная композиция могла иметь фигурную или стрельчатую заостренную верхнюю часть в виде угла. Но, несмотря на множество стилистических и орнаментальных традиций, основу композиции мусульманского молитвенного ковра составляет изображение, повторяющее форму михраба – ниши, расположенной в одной из стен мечети. Михрабная арка указывает направление на Мекку и называется кыблой, месторасположением главного храма мусульман – ал-Ка'ба. На протяжении всего намаза, в процессе медитации взгляд молящегося сосредоточен, сконцентрирован на кыбле. Во время молитвы мусульмане расстилают молитвенный коврик в сторону кыблы. Композиционное решение намазлыка таково, что молящийся, вставая на коврик, как бы оказывается «под аркой михраба».

Следовательно, символика молитвенного ковра, способы его использования и функционирования обусловлены устремлением к божественному и райскому. В изобразительных мотивах молитвенного ковра наблюдается напоминание о мире, к которому стремится приобщиться каждый мусульманин. В ряде мечетей михраб оформляется в виде дверей. Следовательно, арка (михраб) в символике намазлыка, напрямую связанная с концепцией перехода/входа, означает для верующего ворота в иную пространственную сферу, в рай.

Литература

Кинаева К. Г., Некрасова Н. П. Молитвенные ковры в собрании ГМВ // Памятники культуры. Новые открытия. 1997. М., 1998. С. 424–436.

Шукуров Ш. М. Об изображении пророка Мухаммеда и проблеме сокрытия лица в средневековой культуре ислама // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989. С. 253–267.

Полевой материал автора, 2008. Хайбуллинский район Республики Башкортостан. Историко-краеведческий музей с. Акъяр.

Янбухтина А. Молитвенный коврик мусульман как произведение искусства // Ватандаш. 1999. № 10. С. 195–196.

Даутова Р.В.

ПРОЦЕССЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ: ИЛЛЮЗИЯ «ОТТЕПЕЛИ»

Ситуация хрущевской «оттепели», в сравнении со сталинским периодом истории, оказалась более благоприятной для обсуждения проблем развития национального образования или возвращения народу исторической правды. Писатели и журналисты получили возможность писать о наиболее выдающихся представителях национальной культуры, о событиях в национальных театрах, в области декоративного искусства, живописи и т. д. На радио и телевидении передавались музыкальные и литературно-драматические передачи, подготовленные на национальном материале. Именно культурная и литературная тематика журналистских произведений негласно выполняла миссию сохранения в этих непростых условиях исторической памяти народа.

В этой связи уместно высказывание известного экономиста Е. Ясина из его размышлений о «шестидесятниках»: «Обратите внимание, все это поэты, писатели, режиссеры. И они находили отклик у общественности, их имена были на слуху. Думаю, что это не случайно. Ибо первая реакция на «оттепель», на возможность свободы, была эмоциональная, порой иррациональная, и в то же время вербальная – характерный для России литературный вначале опыт осмысления новой реальности» [Ясин]. Этот «литературный» опыт осмысления новой реальности был характерен и для советской провинции, где в числе первых, некогда запретных, тем были подняты те из них, которые были связаны с национальной историей и культурой, по сути, с исторической памятью народа.

Первые реформы экономики, предпринятые Н. С. Хрущевым, восстановление национальных прав балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов – были восприняты в республиках Поволжья и Приуралья как долгожданное смягчение национальной политики.

Надежда на «оттепель» по отношению к так называемым малым собратьям русского народа вдохновила деятелей национальных культур, писателей и поэтов на создание новых произведений, ученых гуманитарного направления – на исследования региональной проблематики. XX съезд фактически ускорил процесс духовного раскрепощения народов, который начался во время Великой Отечественной войны и был подхвачен в период «оттепели». На родину стали возвращаться репрессированные. Это было время постепенной трансформации тоталитаристского уклада общества, унаследованного от войны, развития широких международных контактов: гуманитарных и культурных.

Но большинство рассказов и очерков, опубликованных в республиканских журналах и газетах, были написаны в стиле официально принятого социалистического реализма и посвящены передовой роли рабочего класса, крестьянам, трудовым коллективам, которые вопреки трудным условиям жизни, бытовым лишениям достигали трудовых побед, были непримиримыми борцами за коммунистическое будущее.

Еще одна примета времени – повальное увлечение поэзией, которое Л. Б. Брусиловская называет не до конца осознанной современниками попыткой пережить и осмыслить изнутри новую культурную ситуацию в стране. «Поэзия, – пишет она, – тот источник самовыражения, который позволял вести открытые и душевные беседы, раскрепощал эмоциональный и интеллектуальный мир личности, разрушал сложившиеся и закостеневшие нормы мировоззрения, речевого и бытового поведения, идеологические клише и способствовал рождению новых форм досуга» [Брусиловская]. Практически каждая республиканская газета имела литературную страницу, на которой печатались стихи и самодельных, и маститых поэтов.

В республиках Поволжья и Приуралья имели место масса событий, свидетельствующих об особой атмосфере духовного подъема. В мае–июне 1957 г. в Москве с большим успехом прошла Декада татарского искусства и литературы. Именно в хрущевское десятилетие был окончательно реабилитирован татарский поэт-герой М. Джалиль, учреждена республиканская Государственная премия имени Г. Тукая и открыт памятник великому татарскому поэту в Казани. 19–20 сентября 1957 г. в Куйбышеве состоялось Кустовое совещание редакторов газет Приволжской зоны. 11–12 августа 1959 г. состоялось двухдневное совещание секретарей областных комитетов КПСС автономных республик и областей РСФСР, ведающих идеологической работой. 17–26 августа 1956 г. в Москве прошла Неделя Марийской поэзии. В 1958 г. комитеты по радиовещанию и телевидению 6 автономных республик Поволжья выступили с инициативой организации регулярных объединенных радиопередач, рассказывающих о народах этих республик. Радиожурнал получил название «Между Волгой и Уралом».

Эти и другие события, естественно, обнадеживали местную интеллигенцию, представители которой начали смело высказываться о наболевших проблемах. Вот несколько примеров из истории Татарской АССР. В 1954 г. группа татарских писателей, специалистов в области литературы и лингвистики, аспирантов пишет дерзкое по содержанию письмо в ЦК КПСС, в котором, в частности, с болью указывается на «искусственное» сдерживание развития национальной культуры, сокращение количества татарских школ, а также искажение истории татарско-русских отношений, «приращение татарского народа». Поднимались проблемы национальной топонимики и даже ставился вопрос о предоставлении Татарстану статуса союзной республики [Исхаков, 1997: 93]. Об этом же можно прочитать в воспоминаниях К. Фасеева⁹⁹: в ноябре 1954 г. Муратов, вызвав его к себе, показал письмо, написанное в ЦК КПСС и подписанное 20 писателями и языковедами. В письме говорилось об искусственных препятствиях на пути развития татарской культуры, об отсутствии должного внимания со стороны обкома партии и правительства, о сокращении количества татарских школ, дискриминации татарского языка. Авторы письма утверждали, что, считаясь второсортным и будучи лишены многих прав, татарский народ не может свободно пользоваться родным языком, развивать школьное образование, воспитывать научные кадры [Фасеев, 1997: 36–37].

Тема изменения статуса республики, волновавшая на протяжении многих лет татарскую интеллигенцию, неоднократно поднималась писателями. В 1957 г. татарский писатель Н. Фаттах также отправил письма первым лицам государства, в т. ч. Н. С. Хрущеву, с требованием реорганизации татарской автономной республики в союзную республику [Галлямова, 2000: 139].

Аналогичные процессы наблюдались и в других республиках. Так, в 1955 г. на страницах газеты «Совет Башкортостаны» был организован обмен мнениями по проблемам преподавания в школах башкирского языка и литературы. Обсуждение этой темы инициировали известные впоследствии литераторы Рами Гариев, Рафаэль Сафин, Раис Низамов, Абдулхак Игебаев, Амир Гареев, Гайфулла Валиев [Кузбеков, 2006: 302].

99 Фасеев Камиль Фатыхович (1919–2005 гг.) – известный татарский государственный деятель и ученый, Председатель Президиума Верховного Совета ТАССР в 1959–1960 гг.

В 1958 г. в Удмуртии развернулась острейшая дискуссия о необходимости преподавания удмуртской литературы в школах. Удмуртская интеллигенция была серьезную тревогу о сохранении родного языка, по поводу необходимости стимулирования развития национальной литературы.

В 1961 г. житель Чувашии, член КПСС с 1918 г. В. А. Алексеев пишет возмущенное письмо в ЦК КПСС по РСФСР об ущемлении чувашского языка¹⁰⁰. Поводом для письма стал реальный случай, когда на открытии памятника В. И. Ленина в Чебоксарах профессору Чувашии пединститута М. Я. Сироткину запретили выступать на родном языке.

Проблеме сохранения чувашского языка посвятил свое письмо в областной комитет партии и народный поэт Чувашской АССР С. В. Эльгер¹⁰¹ – о неудовлетворительном преподавании родного языка в школах, отсутствии наглядной агитации.

Необходимо отметить, что вопросы сохранения и развития родного языка, преподавания на родном языке поднимали и представители республиканских комитетов партии на совещаниях в Москве. Так, на совещании секретарей ОК КПСС автономных республик и областей РСФСР, ведающих идеологической работой, которое состоялось 11–12 августа 1959 г., представитель из Чувашии Иванов с большою говорил об отсутствии литературных изданий на чувашском языке и о дефиците чувашских газет, Меркушин из Мордовии – о том, что в республике не осталось «чисто» мордовских школ, Хайдар Сайранов из Башкирии – о плохом качестве переводной литературы (на башкирский язык)¹⁰².

В Татарии в 1950-е г., отмечает казанский историк А. Галлямова, сфера применения татарского языка стремительно сужалась, и «в атмосфере усиления либеральных тенденций и под воздействием все более настоятельных выступлений интеллигенции в конце 50-х гг. руководство республики принимает ряд мер, направленных на создание более благоприятных условий для развития татарского языка и национальной культуры в целом» [Галлямова, 2000: 140]. В 1958 г. проходит Пленум Татарского обкома КПСС, на котором всесторонне рассматривается состояние национального образования. Особенно активно тема ущемления прав коренного населения автономных республик звучала на заседаниях Союза писателей Татарской автономной республики. Об одном из таких заседаний напишет впоследствии в «Закрытом письме в «Советскую Россию»» собственный корреспондент по Татарской АССР Сергей Мокшин¹⁰³. События в Татарии, описанные в «Закрытом письме», ярко передают атмосферу поиска, которая царил в творческих союзах ТАССР в период хрущевской «оттепели», однако открытая постановка национальных проблем пугала партийные власти.

Примечательно, что хрущевская «оттепель» ознаменовала собой и новый этап в научных исследованиях, характеризующийся повышенным вниманием местных историков и литературоведов к культурному наследию своего народа. В числе первых обществоведческих исследований в Татарии, посвященных истории татарской общественной мысли – нового направления, исследователи называют труд К. Ф. Фасеева «Из истории татарской передовой общественной мысли (вторая половина XIX – начало XX вв.» (1955), книгу Р. И. Нафигова «Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Очерк истории. 1895–1917 гг.», работу Я. Г. Абдуллина «Татарская просветительская мысль».

Однако к началу 1960-х гг. происходит угасание либеральных тенденций – например, признается ошибочным постановление Пленума обкома КПСС ТАССР «О состоянии и мерах улучшения работы татарских общеобразовательных школ», принятое в мае 1958 г. Сворачивается работа Терминологической комиссии, работавшей в 50-е гг. над усовершенствованием татарского алфавита. «Поэтический бум» переживает некоторый спад, объясняемый тем, что цензура тщательно фильтрует поток редакционной почты, в том числе и стихи.

Роль СМИ в общественных процессах, происходивших в автономных республиках Поволжья и Приуралья, трудно охарактеризовать однозначно. Находясь в жестких тисках советской идеологии, партийная пресса, конечно, не могла поднимать вопросы необходимости национального образования или пересмотра статуса республики, за исключением отдельных случаев. Темы развития самобытной музыкальной культуры или национального декоративного творчества, конкретных произведений писателей и композиторов – неоднократно обсуждались, например, на страницах журнала «Совет эдэбияты». Дискуссия о необходимости преподавания удмуртской литературы в школах попала на страницы газеты «Советская Удмуртия», которая за два месяца 1958 года опубликовала 16 писем на эту тему.

Несколько иная ситуация была на республиканских радио и телевидении, где огромное значение уделялось работе музыкальной и литературно-драматической редакций, которые боль-

100 ГАСИ ЧР. Ф. 1, оп. 28, д. 8, л. 26.

101 Эльгер Семён Васильевич – чувашский поэт, писатель, публицист, общественный деятель. Член Союза писателей СССР с 1934. Чувашский народный писатель (1940). Кавалер ордена Трудового красного Знамени и Ордена Ленина.

102 РГАНИ. Ф. Р-5740. Оп. 34. Д. 41.

103 РГАНИ, Ф. 5, оп. 34, д. 31, л. 6–15.

шую часть своих программ передавали на родном языке. По радио транслировались как камерные, так и симфонические произведения национальных композиторов, в основе которых лежал исторический материал или народный фольклор, у микрофона выступали писатели и поэты. На телевидении получил развитие такой впоследствии популярный жанр, как телеспектакль. Программа республиканских радио и телевидения строилась на принципе билингвизма (двуязычия), что также сыграло большую роль в сохранении исторической памяти народов автономных республик Поволжья и Приуралья.

Таким образом, период «хрущевской оттепели» стимулировал творческий подъем в республиках Поволжья, выразившийся в появлении новых литературных произведений на национальных языках, активизации научных исследований, посвященных национальному культурному и историческому наследию, активизировал обсуждение назревших национальных проблем, большей частью в среде творческой интеллигенции. Проявился прежде всего «литературный опыт осмысления» изменений в стране в период «оттепели».

Литература

Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» (метаморфозы стиля) – URL: http://www.metal-profi.ru/library/kyltyra_povsednevnosti.htm.

Галлямова А. Г. К вопросу об истоках борьбы за повышение государственного статуса ТАССР в 50–70-е гг. XX в. Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: Материалы научной конференции. – Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 2000.

Исхаков Д. М. Проблемы становления и трансформации татарской нации – Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1997.

Кузбеков Ф. Т. Башкирская журналистика как явление этнической культуры – Уфа: Китап, 2006.

Фасеев К. Ф. Вспоминая прошедшее – Казань: изд-во Казанского университета, 1999.

Ясин Е. Шестидесятники: 7 заметок к возможной дискуссии. URL: <http://www.sps.ru/?id=211264>

Иксанов И. Ш., Пачежерцев Н. И.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ТЮМЕНИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. В РАМКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Благотворительность являлась одной из основных форм социальной защиты Российской империи, доступной как государственным органам, так и частным лицам (в этом секторе социальной защиты их доля была наибольшей).

Городовое положение 1870 г. (в г. Тюмени оно вступило в силу в 1872 г.) передало общественное призрение в сферу действия муниципальных органов. Оно обязывало не допускать распространения по российским городам нищенства, а обеспечивать трудоспособных нищих работой, а увечных и престарелых определять в богадельни и больницы. Кроме того, Городское положение говорит о том, что «к предметам ведомства Городского общественного управления принадлежит попечение об охранении народного здравия»¹⁰⁴.

К концу XIX века в г. Тюмени действовало 5 благотворительных общественных организаций. Приведем их в порядке открытия:

Благотворительный переселенческий комитет для оказания помощи крестьянам-переселенцам.

Общество попечения об учащих.

Общество вспомоществования нуждающимся переселенцам.

Общества попечения о бедных.

Общества попечительства о народной трезвости.

В годы Первой мировой войны в Тюмени были созданы несколько благотворительных организаций, призванных помогать больным и раненым, а так же семьям солдат и офицеров.

Следует подробнее исследовать деятельность этих обществ. Для этого нужно рассмотреть наиболее резонансные действия каждого из них.

В 1883 г. был создан благотворительный переселенческий комитет для оказания помощи проезжавшим через Тюмень вглубь Сибири крестьянам-переселенцам. За счет средств комитета было построено 14 жилых помещений, баня, столовая, больница.

¹⁰⁴ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи (Городовое положение 16 июня 1870 г.). СПб., 1899. С.291

3 сентября 1884 г. Открылось «Общество попечения об учащих», средства которого складывались из частных пожертвований. При обществе действовала приходская школа.

В 1890 г. в Тюмени появился местный благотворительный комитет «Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам».

Тюменское отделение «Общества попечения о бедных» было учреждено 11 августа 1891 г., вскоре при нём открылся дом трудолюбия. Земля для него, как и для строительства ночлежного дома, была выделена городом в вечное владение. За период с 1891 по 1897 гг. денежную и материальную помощь от него получили 3 037 человек, из них в 1896 г. материальную помощь получили 60 человек, еще 160 человек получили бесплатную медицинскую помощь. За тот же период доходы общества составили 25 939 руб. 84 коп., расходы – 12 785 руб. 72 коп. В течении 1896 г. в кассу общества поступило: членских взносов – 306 руб., процентов с капитала общества – 291 руб. 42 коп., пожертвований – 7 руб., доходов от спектакля – 541 руб. 62 коп., вырученных от продажи 142 мешков из под муки – 25 руб. 40 коп., от квартирной аренды – 40 руб., итого – 1211 руб. 44 коп. За то же время израсходовано: в пособие бедным вне заведения – 515 руб. 75 коп., на медикаменты для бедных – 110 руб. 86 коп., в жалование фельдшеру, письмоводителю и др. расходы – 361 руб. 10 коп., итого – 987 руб. 71 коп. К 1897 г. в кассе осталось 13 154 руб. 12 коп., из них запланировано выделить на постройку ночлежного дома 9 000 руб. и на текущие расходы в течении года 4 154 руб. 12 коп.¹⁰⁵. Первое, что сразу бросается в глаза – это большое количество неосвоенных средств. В течение 5 лет работы организации, доходы превышали расходы в среднем более чем на 2 000 руб. в год, что позволило собрать денежные средства на постройку ночлежного дома. Но и в будущем бюджет общества обещает быть профицитным. Также обращают на себя внимание и основные доходные и расходные статьи. Основной доход общества получало от собственной деятельности (организация спектаклей, сдача в аренду жилья, торговля и пр.), от грамотного размещения собственного капитала и членских взносов. Пожертвования составляли незначительную часть бюджета. Расходы общества были весьма умеренны: средний размер материальной помощи составлял около 8,5 руб. Средний расход на медикаменты около 70 коп. на человека. Это говорит о грамотной финансовой политике данной организации. Однако, стоит отметить, что не смотря на закладывание в бюджет Общества денежных средств на строительство ночлежного дома еще в 1897 году, на момент начала Первой мировой войны здание так и не было построено¹⁰⁶.

Созданный в 1914 г. Комитет по оказанию помощи семействам нижних чинов, призванных на военную службу собирал тёплые вещи для передачи нуждающимся¹⁰⁷, а также проводил тарелочные сборы¹⁰⁸. Созданный в том же году Городской комитет по оказанию помощи больным и раненым войнам проводил благотворительные сборы¹⁰⁹. Комитет Красного креста организовал 24 сентября 1914 г. благотворительный киносеанс в электротeatре «Вольдемар», активно собирал денежные пожертвования и вещи для раненых и больных солдат¹¹⁰.

Более широко представлен пласт частной благотворительности. Купцы и промышленники активно жертвовали деньги на общественные нужды. Иногда эти пожертвования были поистине щедрыми. Так, потомственный почётный гражданин К. К. Шешуков пожертвовал на «пользу просвещения» более 55 000 руб.¹¹¹

А. И. Текутьев прославился и другими крупными пожертвованиями. На его деньги в городе было построено 2 училища, театр, Спасская церковь, и городская больница¹¹². Кроме того, он передал 100 пудов ржаной муки погорельцам в деревне Ульяновой¹¹³.

Другой известный тюменский меценат, И. П. Колокольников построил на собственные средства коммерческое училище¹¹⁴. Так же им были построены здания женской гимназии и Затюменского народного училища¹¹⁵.

105 Тобольские губернские ведомости за 1897 г. №13. С. 23-24.

106 Вестник Западной Сибири, 1914. №229. С. 3.

107 Вестник Западной Сибири, 1914. №229. С. 14.

108 Там же. №239. С.5-7

109 Там же. №232. С. 20.

110 Там же. №215. С.9.

111 ГУТО ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1.1. Д. 1148 б. Л. 1-2

112 Бойко В. П. Благотворительность западносибирского купечества в области образования// Вестник ТПГУ, 2000, Вып. 4. С. 56-60.

113 Вестник Западной Сибири 1914 г. №239. С.4.

114 Бойко В. П. Благотворительность западносибирского купечества в области образования// Вестник ТПГУ, 2000, Вып. 4. С. 56-60.

115 Типикина Л.А. Время было такое... Ежегодник ТОКМ «Земля Тюменская», вып. 16. Тюмень, 2003. С. 114

Н. М. Чукмалдин построил и содержал ремесленное училище в своём родном селе Кулаково¹¹⁶. Кроме того, он подарил городу свои зоологические и ботанические коллекции, которые впоследствии легли в основу Тюменского краеведческого музея. Стараниями Н. М. Чукмалдина в городе были открыты Народный дом и бесплатная публичная библиотека, для которой им были приобретены уникальные исторические экспонаты, такие как «Апостол» Ивана Фёдорова, 1597 г. и «Острожская библия».

П. И. Подаруев, потомственный Почетный гражданин и купец I гильдии, построил на собственные средства здание Александровского реального училища, устроил мост через Большое городище и безвозмездно исправил ограду Троицкого монастыря¹¹⁷.

В своем завещании потомственный почётный гражданин и титулярный советник Ф. Ф. Колмогоров пожертвовал Тюменскому Владимирскому сиропитальному заведению 6000 руб. на образование, стипендии имени своего брата И. Ф. Колмогорова. Кроме того, согласно завещанию, Тюменский родильный дом получил 3000 руб., Градо-Тюменская церковь – 4000 руб. Так же были образованы стипендии имени самого завещателя и его покойной жены Е. К. Колмогоровой. На эти цели Тюменская женская гимназия получила 12000 руб., а Императорский Московский университет – 6000 руб., но с оговоркой, чтобы преимущественное право получения этой стипендии имели тюменские граждане. Но самая большая сумма, 60000 руб., завещалась на устройство начальной ремесленной школы в Заречной части г. Тюмени¹¹⁸.

Знаменитый тюменский предприниматель, купец I гильдии, А. И. Текутьев в своем завещании¹¹⁹ пожертвовал городу 35000 руб. на постройку моста через р. Туру, 15000 руб. – на расширение церкви на старом кладбище, 3000 руб. – на ремонт и содержание Спасской церковно-приходской школы, 25000 руб. – на строительство хирургической больницы. В банк под проценты, чтобы содержать за их счёт соответствующие учреждения, было положено: хирургической больнице еще 25000 руб., а городской богадельни и сиропитательному приюту по 5000 руб. Так же значительные суммы были завещаны на организацию стипендии учащимся Александровского реального училища и Тюменской женской гимназии.

Благотворительная деятельность купцов и промышленников выступала немаловажным фактором создания в Тюмени элементов гражданского общества. Она давала наиболее образованной и деятельной части населения опыт гражданской самостоятельности.

Исхаков Д. М.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОКОРЕНИЯ «ЛЕСНЫХ НАРОДОВ» ДЖУЧИ В 1207 Г.

Согласно монгольским источникам («Тайная история монголов», «Алтан Тобчи»), около 1207 г. Чингис-хан выделил своим ближайшим родственникам отдельные уделы. Тогда и Джучи получил 9 тыс. юртов (семей) из собственно монголов, естественно, имевших и свою территорию кочевания, которая однако остается точно не известной. Этот «народ-войско» состоял из 4-х тысячных подразделений из кланов *кингут*, *сиджиут* и *хушин*. Однако, весьма скоро состав владения Джучи претерпел изменения, которые были связаны с его походом на «лесные народы» в 1207 г. Фактически, именно с этого похода и началось формирование Улуса Джучи, в конце концов ставшего огромной империей.

По поводу похода 1207 г. спорным остается вопрос о западных пределах тех территорий, которые были тогда подчинены и вошли в состав «*Еке Монгол Улуса*». Рассмотрению данной проблемы и посвящена настоящая публикация.

Согласно сведениям источников, в «год Зайца» (1207) по повелению Чингис-хана Джучи во главе «войска Правой руки» был послан подчинить «Лесные народы», до которых надо было пройти и земли западных монголоязычных племен (ойраты, буряты и др.), ещё не присоединенных к владению Чингис-хана. По мнению одних исследователей этот поход предполагал выход на Саяно-Алтайские нагорье и прилегающую зону [Зариктуев, 2011. С. 163], по мнению других – продвижение значительно дальше – в бассейн Иртыша, на старую родину кимаков [Трепавлов, 1993. С. 49–51]. Думается, что верна последняя точка зрения, но она требует дополнительной аргументации. Заметим, что ко времени начала похода Джучи отрядами Субэдея уже были рассеяны

116 Бойко В. П. Благотворительность западносибирского купечества в области образования // Вестник ТПУ, 2000, Вып. 4. С. 56-60.

117 Аронов А. А. Золотой век русского меценатства. М., 1995. 115 с.

118 ГУТО ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1.1. Д. 828. Л. 1., Д. 832. Л. 1; Д. 1043 а. Л. 1.

119 Там же. Ф. И-1. Оп. 1.1. Д. 490. Л. 5-6.

меркиты, а отрядами Джэбе – разбиты найманы во главе с Кучлуком [Сокровенное, 1990. С. 118; Лубсан Данзан, 1973. С. 182–183]. В последнем случае надо принять во внимание, что «места», где найманы «сидели», включали не только «Большой» [Еке] Алтай», но и «Кок Иртыш» (там обитало «племя канглы») и «Иртыш-мурэн» (Иртыш), а также «горы», которые лежали «между той рекой (т.е. Иртышом – Д.И.) и областью киргизов» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 136–137]. Бассейн р. Иртыш был знаком монголам и раньше – в 1205 г., когда разбитые монголами отряды меркитов бежали в направлении «реки Эрдыш», уйдя «в сторону канглинцев и кипчаудов» переправившись через нее [Сокровенное, 1990. С. 39], монголы их преследовали. Об этом сообщает и Джувеини, указавший на бегство меркитов в «Каракум, место обитания канглы» [Джувеини, 2004. С. 200]. Так что не исключено появление монголов в бассейне Иртыша уже в ходе преследования меркитов и найманов в 1205 г. (другая дата – в 1208 г.). Поэтому, поход Джучи скорее всего был частью названных выше действий монголов против меркитов и найманов.

Как доказывает Б. Р. Зариктуев, общий маршрут движения войск Джучи был по западной стороне о. Хубсугул, по долине р. Шикшик (юго-восточная Тува), далее по территории Тувы и Хакасии с выходом в зону верховий р. Енисея [Зариктуев, 2011. С. 162–163]. Однако, этот поход имел и продолжение в юго-западную Сибирь, что этим исследователем не акцентируется, но предполагается В. В. Трепавловым [Трепавлов, 1993. С. 50–51]. Ко времени названного похода, возможно уже в 1201 г., «в силу ярлыка» Чингис-хана было подчинено племя *баргут*, жившее в местности Баргуджин-Токум, локализуемой Рашид ад-дином «на той стороне р. Селенги», на «самом краю земель, которые населяли монголы» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 121; Зариктуев, 2011. С. 146]. Так как покорение баргутов тогда было проделано с опорой на клан кунграт, в дальнейшем баргуты, бывшие тюрками [Парунин, 2012], оказались с ними «близки и соединены» (через брачные связи – Д.И.) [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 118, 184–185]. Как гласят источники, по ходу продвижения войск Джучи его войска вышли на местность «Шихшит» (в Туве) и ему вначале добровольно покорились *ойраты*, *буряты* (*бурийаты*), *бурхаты* (*баргуты?*), *урсуты* (*убсуты*), *хабханасы* (*хабсаги*), *хангасы*, *тубасы*, затем и *киргизы* [Сокровенное, 1990. С. 119; Лубсан Данзан, 1973. С. 184; Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 150]. После этого были покорены группы, относившиеся к собственно «Лесным народам»: *шибир* (*шибер*), *кэсдэм* (*кесдин*), *баид* (*баит*), *тукас*, *тенлек* (*тэлэнг*), *тоелес* (*тогулас*), *тас* (*тан*), *бичигэт* (*бачжиги*) [Сокровенное, 1990. С. 119; Лубсан Данзан, 1973. С. 184]. Джучи, завершив поход, забрал с собой в ставку Чингис-хана князей (нойонов) покоренных народов, при описании состава которых в источниках есть некоторая разница – в «Тайной истории монголов» говорится только о «нойонах Лесных народов» и «киргизских темниках и тысячниках», между тем в «Алтан Тобчи» первая группа нойонов оставлена так же, а вторая группа описана несколько иначе – как «нойоны киргизские, туматские и мингатские» (см.: [Сокровенное, 1990. С. 119; Лубсан Данзан, 1973. С. 184]. Эти детали нужны для того, чтобы разобраться в дальнейшем в этническом составе покоренных в 1207 г. Джучи, кланов. Но до этого скажем, что после рассматриваемого похода «Лесные народы» были жалованы (отданы в подданство) Чингис-ханом Джучи [Сокровенное, 1990. С. 119; Лубсан Данзан, 1973. С. 184].

Итак, речь надо вести о начале оформления в 1207 г. у Джучи более обширного владения, включавшего в свой состав не только «коренных» монголов, но и немонгольские этнические группы, расселявшиеся в Саяно-Алтайском нагорье и на прилегающих территориях, а также, как мы увидим, юго-западную Сибирь. То, что данный удел в указанных границах (они еще будут уточнены) действительно был закреплен за Джучи, может подтвердить одно сообщение Рашид ад-дина, относящееся к 1218 г. [Рашид ад-дин, т. I, кн. 2, 2002. С. 256]. Там говорится, что после восстания туматов (оно случилось в 1217 г.) для их повторного покорения монголы пытались привлечь киргизов, а когда те отказались и также восстали, Чингис-хан «послал к ним сына своего Джучи с войском», приведшем в ходе похода в покорность туматов и киргизов [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 151]. Отсюда вытекает, что именно Джучи нес ответственность за регион, где жили туматы и киргизы, а это – Саяно-Алтайское нагорье и прилегающие зоны, включая и юг Западной Сибири, о чем будет сказано ниже подробнее. Теперь, когда факт расширения границ удела Джучи после 1207 г. в северном направлении установлен, попытаемся разобраться с этнической принадлежностью тех племен, в особенности принадлежавших к «Лесным народам» и отданных Джучи. Это позволит нам определить границы владения Джучи в первых двух десятилетиях XIII в.

Относительно этнической принадлежности киргизов, чье вхождение в состав удела Джучи не вполне ясно, хотя показательно то, что в 1218 г. именно Джучи их покорил повторно, споров нет – это были тюрки, населявшие «две области», составившие «одно владение» – «Киргиз» (Хакасо-Минусинская котловина) и «Кэм-Кэмджиут» (Тува). Одна «сторона» этого владения «соприкасалась» с р. Анкара-мурэн, доходя при этом «до пределов области *Ибир-Сибир*», а та

часть, которая именовалась «Кэм-Кэмджиут», «соприкасалась с местностями и горами, где сидят племена найманов». Согласно Рашид ад-дину, к этой области была «близка» и «местность Баргуджин-Токум», где жили «племена кори, баргу, тумат и байаут» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 150]. Кто же были по этнической принадлежности эти последние кланы? Хотя не ясно, вошли ли они все во владение Джучи, одна из этих групп – *баид* (*баум/байаут*), точно относилась к «Лесным племенам» (см. выше). Так вот, Рашид ад-дин отмечает, что племена баргут, кори (хори) и тулас «близки друг с другом» и их «называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находясь] на той стороне Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 127]. Тут надо отметить, что группа «кори» – это туматы, так как в «Тайной истории монголов» она названа «хори-туматским племенем» [Сокровенное, 1990. С. 119]. Когда Рашид ад-дин пишет, что «племена кори, баргу, тумат и байаут, из которых некоторые суть монголы» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 150], это вряд ли относится к первым трем группам, в которых достаточно обоснованно исследователи видят тюркоязычные кланы [Крадин, Скрынникова, 2006. С. 227; Зариктуев, 2011. С. 164–180 и др.]. Уже отмечалось, что наименование клана тумат может быть возведено к древнему тюркскому этнониму *дубо* (*тума/дубо*) [Кызласов, 1992. С. 141]. Как полагает Л. Р. Кызласов, туматы (т.е. дубо/тубо) первоначально жили в Тувинской котловине, откуда в XII в. были вытеснены ойратами в «пределы страны киргизов» [Кызласов, 1992. С. 138]. Действительно, Рашид ад-дин видит в племени тумат (следовательно, и в группе кори/хори) «ответвление от баргутов», указав, что они жили в «пределах страны киргизов» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 122]. Несомненно, некоторое смешение перечисленных родственных баргутам кланов с монголами имело место, в частности, Рашид ад-дин сообщает о брачных связях представителей монгольского клана мангыт с баргутами [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 184]. Однако, это вряд ли привело к быстрой ассимиляции тюркоязычных групп баргутской линии монголами.

Сейчас обратимся к другим группам, упоминаемым среди «Лесных народов». Относительно урсутов, которых Рашид ад-дин помещает «в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов» или «по ту сторону киргизов, [на расстоянии] около одного месяца пути» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 123], у персидского историка можно найти два мнения. Согласно одному, группа *урсут* (*урсут*), наряду с кланами *теленгут* и *хуштеми*, были «монголами из лесного племени», а согласно другому, эти племена были лишь «подобны монголам» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 122–123]. Современные исследователи склоняются к заключению о тюркском происхождении урсутов, как и групп теленгут и куштеми, обитавших в верховьях Енисея [Зариктуев, 2011. С. 153]. Недалеко от них жили хабханасы, чье наименование совпадает с хакасским этнонимом *хапхын* (это у них сеок, т.е. род), т.е. мы опять имеем дело с тюркским кланом. *Тубасы* и *тухасы*, обитавшие в районе о. Хубсугул (Тува), также являлись тюрками. Насчет клана *баит* (*байаут*), расселявшемся на входе в Саяно-Алтайское нагорье на водоразделе р. Селенги, есть некоторые сомнения, не были ли они монголами (см.: [Зариктуев, 2011. С. 162]). А вот насчет кланов *тэлэнг* (*тенлек*), *тоелес* и *тас* сомнений нет – это тюрки, так как данные этнонимы хорошо известны среди родов (сеоков) тувинцев и алтайцев [Зариктуев, 2011. С. 162]. Можно видимо согласиться и с выводом Б. Р. Зариктуева относительно тюркоязычности группы *бачжи* (*байджигит*) [Зариктуев, 2011. С. 162. Детальнее о всех этих кланах см.: [Там же с. 153–162].

Дискуссионным является мнение Б. Р. Зариктуева о наименовании «шибир»/ «шибер», причисленным им к топонимам, как он полагает, отражающем название упоминающейся у Рашид ад-дина при описании «области» киргизов смежной с ней «области Ибир-Сибир» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 150], как считает данный исследователь, находившейся в «районе слияния Ангары и Енисея» [Зариктуев, 2011. С. 161]. Так как этот вопрос прямо связан с определением западных пределов, достигнутых войсками Джучи в ходе похода 1207 г., он требует отдельного анализа.

Что касается собственно «Тайной истории монголов» и «Алтан Тобчи», то в них «шибир/шибер» – это этноним, так как за ним скрывается один из кланов из числа «Лесных народов». Далее, согласно названным источникам, при перечислении «народов», входивших в эту группу, клан *шибер* был отнесен к самым отдаленным от собственно монгольских земель, племенам [Сокровенное, 1990. С. 119]. Несмотря на то, что имеется соблазн сопоставить это этноним с названием «Ибир-Сибир», вопрос о наименовании «шибир/шибер» не так прост. Начнем с того, что у персидского историка локализация указанной выше «области» произведена по отношению ко второй «области» киргизов – к Кэм-Кэмджиуту (последняя, несмотря на то, что один раз названа рекой, в остальных случаях у него все-же признана «областью» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 150; т. I, кн. 2, 2002. С. 112, 250]). Если вчитаться в текст этого историка, то окажется,

что там речь идет в целом о территории, находившейся к северу или даже к северо-западу от области Кэм-Кэмджиут (см.: «одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 150]). А так как еще одна «сторона» Кэм-Кэмджиута, на этот раз, скорее всего, её юго-западная часть, по Рашид ад-дину, соприкасалась с «местностями и горами, где сидят племена найманов» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 150], то получается, что речь в последнем случае идет об алтайском направлении, севернее, точнее северо-западнее которого и должна быть локализована «область Ибир-Сибир». На самом деле она упоминается в XIV-начале XV вв. у ал-Омари, ибн Арабшаха, в «Анониме Искандера» в составе Золотой Орды, но без точной локализации (в последнем источнике, правда, отмечено, что эта «область» относилась к «правому крылу» государства) [Исхаков, 2006. С. 52]. Известно также, что брат Иоганка из ордена миноритов также упоминает эту территорию в 1320 г., назвав ее «страной Сибирь (Sibir)» [Аннинский, 1940. с. 94]. Полагаем, что местонахождение этой «области» помогают определить русские летописи, в которых применительно к 1480-м годам фигурирует понятие «Сибирская земля», обозначающее территорию в бассейне р. Иртыш, находившуюся где-то в районе г. Чимги-Тура (Тюмень) [Исхаков, 2011]. К сказанному следует добавить, что сибирским татарам был известен и «низкорослый народец» (иногда отмечалось его родство с «остяками») – предшественник татар, именованный «сытыр». К тому же у сибирских татар в прошлом существовала и волость Супра, чье название отражает этноним «супыр/сытыр» [Исхаков, 2006. С. 53]. Поэтому, хотя наименование «Ибир-Сибир/Сибир-Ибир» (в среднем диалекте татарского языка, кстати, есть фразеологизм *ыбыр-чыбыр* со значением «мелкий, незначительный, детвора») ко времени Рашид ад-дина и являлось названием «области», оно все-же напоминает этноним (*ибир*, в данном случае, это всего лишь вариант понятия *шибир*), восходящий к этнониму *шибир*, в период похода хана Джучи в начале XIII в. обозначавший конкретную этническую группу. В этой связи заметим, что нам уже ранее приходилось писать о том, что группа *шибер/шибир (сытыр)* может быть увязана с хорошо известным среди гунно-болгарских племен кланом *савир/сабир/сувар* [Исхаков, 2006. С. 53]. Об этом клане более подробно см.: [Pritsak, 1976]. В таком случае действительно получается, что войска Джучи не только дошли в 1207 г. до Западной Сибири, оказавшись в бассейне р. Иртыш, но и покорили там «народ *шибир*».

Ранее В. В. Трепавлов высказал мнение [Трепавлов, 1997. С. 505] о том, что Джучи в Западной Сибири подчинил и кимаков, продолжавших частично находиться на Иртыше. Его гипотеза опирается на работу Б. Б. Кумекова, утверждавшего, что после массовой миграции кыпчаков в XI в. «одна часть кимаков удержалась на своей древней земле – Иртыше» [Кумеков, 1972. С. 128–129]. Однако, из монгольских источников мы этого не видим, они говорят только о подчинении в этом регионе Джучи «народа шибир». Но можно согласиться с данным исследователем в том, что из завоеванной Джучи в 1207 г. территории у него впоследствии осталась только часть, Южная Сибирь (Тува и прилегающая зона) в конце концов отошла к Коренному юрту, перейдя затем к младшему сыну Чингис-хана Толую. Вопрос однако в том, когда это произошло, ибо до окончательного решения Чингис-хана о наследнике престола, Джучи еще являлся претендентом на владение Коренным юртом, который фактически был слит с имперским центром. Территория Алтая, не очень богатая, но престижная (древнетюркский юрт!), отошла к Угэдею скорее всего после его вступления в 1229 г. на престол Монгольской империи, будучи также включена в состав Коренного юрта, возможно, не полностью [Трепавлов, 1997. С. 47–51]. Однако в последнем случае следует иметь в виду, что основная зона Алтая могла быть завоевана вовсе не Джучи в 1207 г., а присоединена в ходе походов Субэдея и Джэбе против меркитов и найманов в 1215–1216 гг., если не раньше. Но надо иметь в виду, что в походе на меркитов, бежавших в последнем случае к кыпчакам, мог участвовать и Джучи [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 116; т. I, кн. 2, 2002. С. 128]. Заметим, что весной 1220 г., когда Чингис-хан отправился в поход на государство хорезмшахов, он «лето провел в долине Иртыша, чтобы лошади [до осени там] откормились» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 197, 256]. Как видим, и в данном случае зона Западной Сибири выступает как территория, которая была подконтрольна монголам. Но частичный переход удела Джучи в состав центрального владения не мог произойти до того, как был определен наследник престола Монгольской империи, что произошло не ранее 1219 г., а возможно даже окончательно лишь в 1226 г. [Рашид ад-дин, т. I, кн. 1, 2002. С. 197, 258], ибо Джучи, как уже было отмечено, являлся одним из претендентов на это место. Поэтому не удивительно, что в 1218 г. Джучи пришлось заново подчинять туматов и киргизов – речь шла о его собственном владении.

В целом можно сказать, что после 1207 г. в уделе Джучи появились новые тюркские группы, возможно, в некоторых случаях (например, в случае с киргизами), достаточно многочисленные,

что в данном владении усилило вес «тюрко-татарского» составного его «народа». В дальнейшем оно должно было увеличиться еще больше, ибо Джучи был назначен на завоевание кыпчаков.

Библиография

- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М. 1940. с. 71–112.
- Джувеини Ата-Мелик. История Завоевателя мира. М.: Изд. Дом «Магистр-Пресс», 2004.
- Исхаков Д. М. «Сибирская земля» и «сибирский князь» в последних десятилетиях XV века // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Сб. науч. трудов. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 16–19.
- Исхаков Д. М. Введение в история Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2006.
- Кумеков Е. Б. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972.
- Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Изд. Фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2006.
- Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, коммен. и прилож. Н. П. Шастиной / Памятники письменности Востока. X. М., 1973.
- Рашид ад-дин. Сборник летописей. т. I, кн. 1–2; т. II– т. III. М.: НИЦ «Ладомир», 2002.
- Сокровенное сказание монголов. Перевод С. А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. Изд-во, 1990.
- Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит. – ра», 1993.

Карташева З. И.

ВАЙНАХИ В ОБОРОНЕ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. разрывы бомб и грохот снарядов обрушились на Брест. Фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Брестская крепость была важным опорным пунктом на западной границе. Части подразделения защитников крепости приняли на себя удар превосходящих сил врага. Почти месяц защитники Бреста сковывали силы целой немецкой армии. Соппротивление происходило в невероятно тяжелых условиях, отсутствия воды, продовольствия, медикаментов. Немцы в первые дни войны продвигались стремительно и подходили уже к Киеву. Но Брест оборонялся! «Умереть, но не сдаться врагу!» – под таким девизом сражались защитники крепости.

У народов СССР независимо от их национальности была общая цель- Победа и уничтожение фашизма. Одной из основных причин Победы советского народа и его армии в Великой Отечественной войне явилось несокрушенное Гитлером единство и крепость многонационального государства.

Свой вклад в достижение Победы внесли и несправедливо репрессированные народы. Население Кавказа подверглось невиданным репрессиям и депортации целых народов, в то время как сыны Кавказа принимали участие в Великой Отечественной войне на разных пунктах. До сих пор огромное количество солдат, не вернувшихся с фронта, бившихся не на жизнь, а на смерть, похоронены в братских могилах.

Много советских солдат погибло в боях за Москву, Ленинград, Сталинград, Крым, Новороссийск, на Курской дуге, участвовали в боях за освобождение городов Украины, Белоруссии, Молдавии и т. д. И, конечно же, навсегда останется в памяти героический подвиг защитников Брестской крепости. Среди ее защитников сражались представители более 30 наций и народностей Советского Союза. В их числе было и немало сынов Кавказа. Многие из них в тяжелых, оборонительных, наступательных боях отдали самое дорогое- жизнь, чтобы отстоять свободу и независимость своей Родины.

За несколько первых дней войны более 17 тысяч молодых ребят, трудящихся Чечено-Ингушской АССР добровольно вступили в ряды ополченцев. При подразделениях народного ополчения создавались санитарные дружины. В них записывались сотни девушек, женщин [Абазатов, 1973: 29].

О подвиге защитников Брестской крепости впервые стало известно из статьи военного корреспондента М. Толченова «Год тому назад в Бресте», в газете «Красная звезда» от 21 июня 1942 г. В статье не было фамилий защитников, лишь скупые строки из «Боевого донесения о взятии

Брест-Литовска» противника, где были такие слова: «Ошеломляющее наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови». Так, фактически, из уст врага советские люди впервые узнали некоторые подробности героического подвига защитников [Боромангнаев, 2010:295].

Много времени прошло, прежде чем имена героев Бреста были вписаны в советскую историю. Они заслужили свое место там. То, как они сражались, их непоколебимое упорство, преданность долгу, храбрость, проявляемая ими вопреки всему, – все это было вполне типично для советских солдат... Упорство и верность присяге защитников Бреста произвели глубочайшее впечатление на немецких солдат. Военная история знает немного столь же героического презрения к смерти. Когда генерал-полковник Гудериан получил рапорты об операции, он сказал офицеру связи главного командования, майору фон Белову: «Эти люди заслуживают высочайшего восхищения».

Призванные из Чечено-Ингушетии красноармейцы служили во всех частях Брестского гарнизона. Но особенно много было их в 333-м и 125-м полках. По утверждениям некоторых участников защиты крепости, в 333-м полку были взводы, состоящие из чеченцев и ингушей. В статье Э. Мужохоева «Люди из легенды» называется 90 имен защитников Бреста из Ингушетии. Вот некоторые имена уроженцев Ингушетии, принявшие участие в обороне крепости: Азиев Магомед, Акиев Махмуд, Балаев Хусейн, Барханов Умар-Гирей Артаганович, Галаев Магомед, Евлоев Султан, Имагожев Хадид, Мальсагов Махмуд, Цечоев Халит, Чапанов Султан, Элиханов Исраил и многие другие.

В результате исследовательской работы Халида Ошаева – общественного деятеля, писателя, который сам лично ездил в Брест, стали известны имена воинов-чеченцев, защищавших крепость, такие как: М. Юсаев, А. Байбеков, Ш. Закриев, А. Х. Эльмурзаев, А. Садаев, А. Малаев, В. Мурадов, С.–Х. Кугтаев, М. Лабазанов, Х. Мамацаев, Х. Канаев, Х. Кадиев, Д. Итиев, С. Есуев, Т. Еширов, М. Мальсагов, О. Сатуев, У. Сириев, О. Хасимиков, А. Саламов, М. Осмаев, А.–М. Умаев, А. Темирбулатов, А. Элибаев, Т. Яширов, Р. Якубов и т.д.

Нападение было начато в 4 часа 15 минут утра массовой бомбежкой эскадрильями 2-го немецкого авиационного флота с одновременным открытием ураганного огня артчастями трех пехотных дивизий и поддержкой многочисленных артбатарей танковой группы генерала Гудериана, вторгшейся в пределы нашей страны в районе Брестской крепости.

Захват крепости был поручен хваленой 45-й армейской дивизии, за год до этого бравшей Париж, усиленной танками, артиллерией, авиацией. Значительной части она состояла из земляков Гитлера. Но захватить крепость не удалось ни через два часа, ни через два дня, ни через двенадцать дней. Двигущимся с запада немецко-фашистским войскам приходилось обходить сражающийся Брест, слушая грозную музыку боя, который вели стоявшие насмерть красноармейцы.

Этот беспрецедентный подвиг совершили чеченские воины вместе с другими красноармейцами, защищавшими цитадель. Долгое время о подвиге чеченских воинов принято было умалчивать. Сначала среди защитников Брестской крепости из ЧИАССР появилась одна фамилия – А. Лалаев. Затем стало известно о 17 чеченских бойцах, сражавшихся в крепости, потом Х. Ашаев доказал участие сначала 255 бойцов из Чечено-Ингушетии, а потом 275 (из них 255 чеченцев, 9 русских, 9 ингушей, 1 балкарец, 1 кумык).

По свидетельствам оставшихся в живых участников героической защиты, по скудным документальным данным штабных архивов, по различным косвенным заключениям и доказательствам, имеющимся в Музее обороны Брестской крепости-героя, известно, что за все дни боев в цитадели и примыкающих к ней трех укрепленных районах: Кобринском, Тираспольском и Холмском, погибло свыше двух тысяч бойцов и офицеров. И в их числе – более 300 воинов из Чечено-Ингушетии. Героическая оборона Брестской крепости продолжалась почти месяц: с 22 июня до 20-х чисел июля 1941 г.

Нельзя забывать бесценный подвиг своей страны, помнить это – наша обязанность. Они боролись до последнего, за то, чтобы освободить нас от фашистских оков, фашистского гнета, чтобы у нас было светлое и безопасное будущее.

Литература

Абазатов М. А. Чечено-Ингушская АССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. – Грозный, 1973. – С.29.

Боромангнаев Б. Б. Вклад репрессированных народов СССР в Победу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Монография. Том 1. – Элиста, 2010. – С. 295.

Боромангнаев Б. Б. Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Монография. Том 1. – Элиста, 2010. – С. 296–297.

ТРАДИЦИОННЫЙ НОГАЙСКИЙ КОСТЮМ: ЭТНОЗНАКОВЫЕ ФУНКЦИИ

Традиционная одежда, участвующая в процессе трансляции традиций, этнических стереотипов поведения, символики выступала и выступает важным фактором этноидентификации и носителем и хранителем смыслов и значений культуры, а анализ символических функций костюма приобретает особую актуальность.

Народный костюм, наряду с языком, мифом и обрядом, создает единую знаковую систему, а в широком социокультурном контексте внешний облик представителя этноса, одетого в костюм, выступает как его метазнак. В костюме сосредоточены наиболее важные черты и особенности народного сознания, его социальные, нравственные, религиозные представления, этические идеалы, национальная и региональная принадлежность, возраст и пол, образ жизни. [Богатырев, 1971: 180].

Традиционный костюм – уникальное историческое и этнокультурное наследие ногойского народа. Отличаясь неповторимой самобытностью и красотой, национальный костюм дает представление о многовековом историческом развитии, географических и климатических условиях расселения ногойского этноса, традициях и верованиях, эстетических представлениях об окружающем мире, культурно-экономических контактах с другими народами.

Сравнение одежды ритуальной (родильной, свадебной, похоронной) и социовозрастной (детей, подростков, стариков, замужних, холостых), позволяет заключить, что она представляет собой визуальный план культуры, маркируя человека, фиксируя его положение в пространстве и во времени, соотнося его с ритмом жизненного цикла: «родины – свадьба – похороны», которым соответствует «рождение – жизнь – смерть» или «детство – зрелость – старость» [Байбурин, 1993: 38–42]. Так, появление ребёнка на свет отмечается определёнными ритуальными формами, поскольку новорожденный должен быть локализован в маргинальном пространстве: из мира природы (биологический код) в сферу культуры (культурный код). Один из распространенных способов маркировки новорожденного – различные варианты опоясывания [Полихова, 2003].

Первые пеленки ребёнку ногойянки готовили из подола рубашки дедушки. Она не только защищала новорожденного от злых духов, болезней и невзгод, но и наделяла ребёнка счастливой судьбой, здоровьем и долголетием. С другой стороны, через одежду родителей устанавливалась жизненно необходимая связь между ребёнком и родителями, происходило его включение в семейно-родственное пространство, а шире – в социум. По религиозно-мифологическим представлениям ногойцев, пространство за пределами дома считалось опасным. После захода солнца пеленки «яялык», детскую одежду «бала кийим» запрещалось оставлять во дворе.

Первая рубашка-распашонка ребёнка называлась *ийткыйлек* (букв. «собачья рубашка»). При совершении обряда «ийткыйлек» в сороковой день жизни младенца (*кыркына шыгув*) рубашку «ийткыйлек» надевали на шею собаке. Возможно, эти представления связаны с культом собаки как древним тотемом ногойцев. Проведение обряда было направлено на изгнание недугов и злых сил, с пожеланиями ребёнку здоровья, силы, выносливости, стойкости. Ребёнка переодевали в новую рубашку «кырк кыйлек», сшитую из сорока лоскутков, подаренных соседями и родственниками. Как известно, число сорок является сакральным у ногойцев и многих других народов.

Для культурного кода одежды характерны избирательность (не все предметы и детали одежды получают культурное значение) и различная знаковая нагруженность разных предметов одежды [Толстая, 2005: 47]. К наиболее значимым ногойцы относят пеленки, штаны, платье, головные уборы; а к особенно важным деталям одежды – ворот, рукав, подол.

Головные уборы – это тот элемент костюма, в котором в наибольшей степени выражается этническая специфика народа. Они представлены достаточно разнообразно: меховые шапки, войлочные шляпы, башлыки, тюбетейки, платки и т.д. С непокрытой головой ногойцы не показывались ни на людях, ни на улице, ни даже дома: голова (волосы) считались вместилищем жизненной силы человека.

Особое место в этнокультуре ногойцев занимает шапка «боьрк». Шапка является не только предметом одежды, но и символом достоинства, чести и отваги мужчины: «басында боьрки бар» – «у него на голове есть шапка»; «боьри атар – боьркиннен» – «того, кто застрелит волка, видно по шапке» и др. Считается недопустимым срывать чужую шапку, бросать, наступать или садиться на нее. С шапкой связаны и определенные похоронные обряды ногойцев. Шапку не включали в число раздаваемой одежды умершего.

Большой интерес представляет девичий головной убор «такья». По описанию А. П. Архипова, «... девушки носят до замужества меховые или стеганные шапочки с круглыми, почти всегда

из красного сукна, верхушками, обшиваемые накрест тесемками из кованого серебра, что весьма красиво на гладкопричесанных и смолью блестящих азиатских волосах» [Архипов, 1858: 126]. В Древней Руси заимствованное из тюркских языков в русский язык как «тафья» означало род шапочки царей и именитых бояр, украшенный драгоценными камнями. Тафья на Руси существовала со времен Ногайской Орды; в 16 в. ее не снимали даже в церкви [Андреева, 1997: 344].

Название такя сохранилось в словосочетании «такяялы кыз» «совершеннолетняя девушка». В таком же значении «tagyjaly» «девичий возраст» встречается в татарском, киргизском, казахском, турецком языках.

«Тастар» – головной убор замужней женщины, который надевали с рождением ребенка и носили до старости. Этот вид головного убора бытует у пожилых женщин ногайской степи и сейчас. Тастар был распространен у многих тюркских народов: татар, башкир, каракалпаков, казахов, киргизов.

Каптал – один из основных элементов верхней одежды ногайцев. При изготовлении капталов мастерицы использовали самые разнообразные варианты отделки. Это и фигурная строчка, украшавшая его и мелкие шелковые пуговицы и петли, и тонкий шнур, которым обшивали края бешмета. Семиотический характер сказывался в том, что разрезы, края рукавов, подол, пояс продолжали отделять вышивкой или тканью контрастного цвета, которые прежде имели значение оберегов [Калашникова, 2000]. По свидетельству Дубровина, в более ранний период спинки капталов декорировались четырехугольной нашивкой «из красного или черного сукна или сафьяна, иногда обшитых серебряным галуном» [Дубровин, 1871: 267]. Как указывает С. В. Фарфоровский: «В подобные талисманы ногайцы очень верят, надеясь предохранить себя от порчи, дурного глаза и злого духа шайтана...» [Фарфоровский, 1909: 19]. Аналогичные нашивки бытовали у некоторых народов Средней Азии и Казахстана, обычай их ношения носил сакральный характер и связан с религиозными верованиями кочевников.

В традициях орнаментального стиля ногайцев отразились дошедшие еще с доисламского периода идеологические и эстетические представления народа. Линии, штрихи, круг, крест, квадрат, ромб – это предельно стилизованные изображения, обозначающие солнце, луну, звезды, путь змеи, мышиный след или горб верблюда, бараний рог или куриные коготки и т. д. Среди замысловатых узоров таится вышитый или нашитый из другой ткани родовой знак «тамга», – он же и оберег, несущий охранную силу далеких предков. Эти элементы орнаментов встречаются и в вышивках, и на серебряных украшениях, и даже на кипчакских каменных изваяниях XI–XII веков, что свидетельствует о глубокой устойчивости традиций, дошедших до нас через сохранившееся художественное ремесло [Ибрагимов, 2002: 500].

Особое значение ногайские женщины придавали украшениям. С древнейших времен – эпохи палеолита – украшения выполняли магические функции: служили оберегом от различных духов, способствовали удаче, силе, плодовитости и др. Кроме того, они издавна выполняли знаковую функцию – по ним определяли социальный статус, возраст, этническую, религиозную принадлежность человека, имущественное положение и др. Украшения бережно хранились и передавались из поколения в поколение. Некоторые из женских украшений имели значение амулетов.

Наименования одежды – один из интереснейших пластов ногайской бытовой лексики, незаменимый источник изучения исторического прошлого народа, его художественно-эстетических взглядов. Являясь одним из важнейших компонентов этнической идентификации, народный костюм помимо утилитарно-практической функции издавна выполняет социальные, знаковые, обрядовые функции.

Литература

1. Андреева Р. П. Энциклопедия моды. – СПб., 1997. – 416 с.
2. Архипов А. П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. // Кавказский календарь на 1859 год. – Тифлис, 1858. – С. 347–355.
3. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993.
4. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – С. 167–366.
5. Дубровин Н. В. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 1. – СПб, 1871. – 656 с.
6. Ибрагимов М. – Р. А., Аджиев А. М., Кельдасов Р. Б. Ногайцы // Народы Дагестана. – М., 2002. – С. 492–507.
7. Калашникова Н. М. Семиотика народного костюма. – СПб., 2000.
8. Полихова М. П. Символика костюма в контексте культуры: дисс ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 142 с.

9. Толстая С. М. Символический язык одежды // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 8. – М.: 2005. – С. 42–53.

10. Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. XXVI, вып. 7. – Тифлис, 1909.

Кутумова Р. С.

ВЫПУСКНИКИ ТОБОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ № 15 – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Долгих 1418 дней и ночей продолжалась Великая Отечественная война. Всё меньше остается живых свидетелей тех исторических событий. Уходят ветераны, уходят старики. И остается наша благодарная память. Совсем юные, тогдашние вчерашние выпускники тобольской татарской школы, сражались на разных фронтах с оружием в руках. Все они принадлежали к поколению советской молодежи довоенных лет, родились и выросли в больших крестьянских семьях, где ценили честный добросовестный труд, приобрели специальное образование. По разному сложились судьбы этих людей, но все они были едины в стремлении жить по совести и долгу. Сегодня их нет в живых. «В память ушедших, во славу живущих» мы сегодня расскажем вам о них.

Хасанов Гумер Мухамедьярович (1909–1990?) выпускник тобольской татарской школы 1924–1927-х годов. Состоял на службе в кадрах Советской Армии и на офицерских должностях с октября 1931 по апрель 1935 года и с марта 1940 года по июнь 1946 года. Майор запаса. Во время Великой Отечественной войны был начальником связи 4-й инженерно-саперной бригады 2 армии Войск-Польск. Человек яркой и трудной судьбы. Он родился в юртах Кызылбаевских. Четверть века Хасанов посвятил защите социалистического Отечества, служил в Красной Армии и Войске Польском, сражался с фашистами и освобождал четыре страны, обучал военному делу учащихся Тобольска. Ему довелось участвовать в спасении Варшавы. Начало войны Хасанов провёл в Иране, куда вошли советские войска, чтобы предотвратить немецкое вторжение. С польскими воинами Хасанов добивал врага в Германии, Чехословакии и Австрии. 14 мая 1945 года прозвучали последние выстрелы. После войны Хасанов возвратился в родной Тобольск и стал работать военным руководителем средней школы № 15, которую окончил сам в двадцатых годах прошлого столетия.

Бекшенев Зиннур Рахматуллович (1912–1993) талантливый педагог, отважный офицер, участник Вов, активный общественник. Был замечательным учителем, наставником и коллегой известного педагога и писателя Якуба Камалиевича Занкиева. Зиннур Бекшенев родился 23 октября 1912 г в ю.Ишеневских Тобольского уезда. Выпускник татаро-башкирской школы имени Н. К. Крупской (ныне СОШ № 15) г. Тобольска в 1928 году, Троицкого педтехникума в 1930 году.

14 июля 1943 года у деревни Белый Бор Лычковского района Ленинградской области шел горячий бой. В этом бою командира роты Бекшенева Зиннура серьезно ранило, но задача была выполнена. Кармашек гимнастерки, книжка вещевого довольствия, записная книжка были пробиты, маленький осколочек застрял в окровавленном комсомольском билете, другой осколочек пробил череп у брови, оборвав зрительные нервы, на всю жизнь остался в 2 миллиметрах от мозга. А комсомольский билет Зиннура, как волшебный талисман, сохранил горячее сердце комсомольца.

Якуб Камалиевича Занкиев (1917–2003) выпускник школы № 15 1933 года. В 1944 году он назначается командиром взвода в десятую противотанковую артиллерийскую бригаду, которая формируется в июле 1942 года в Тюмени. Я. Занкиев участвует в ожесточенных боях на землях Польши, Чехословакии, Германии. Война для него закончилась в Праге.

Однажды группа смельчаков, возглавляемая лейтенантом Я. К. Занкиевым, отправилась в разведку. Было приказано определить местонахождение огневых точек противника. Увлечённые поиском, бойцы зашли слишком далеко во вражеский тыл и были обнаружены. Начался бой. Гитлеровцы яростно рвались вперёд, пытаясь захватить советских солдат в плен. Лейтенант Занкиев решил на крайнюю меру – вызвать огонь на себя. Командир батареи не верил своим ушам. Услышав по радиации координаты Занкиева, так и ахнул: «Снаряды по своим?!». Но разведчик настаивал: «Скорее! Беглый огонь!» Вскоре взвод был отсечён от врага шквалом огня. Гитлеровцы понесли большие потери и отошли. Были раненые и в группе Занкиева. Но боевое задание взвод выполнил с честью. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды и десятью медалями. Он написал роман «Любовь, объятая пламенем», посвященный Победе в Великой Отечественной войне.

Сайткулов Мустафа Гиниятуллович (1917–1992) родился в Тобольске. После окончания 7-ми классов школы № 15 продолжил образование в Тобольском зооветтехникуме. Одновременно он учился в Тобольском аэроклубе. Здесь он увлёкся самолётами и последующую жизнь связал с авиацией. Служил в отдельной авиационной дивизии при Генеральном штабе Советской Армии. Доставляли в фронтовые штабы представителей ставки Верховного Главного Командования и военных начальников высокого ранга. Имеет много наград Верховного главнокомандования. После войны был командиром воздушного судна Ил-18. В 1977 году Мустафа Гиниятуллович переходит в наземную службу. И до конца жизни работал старшим штурманом Уральского управления гражданской авиации. Мустафа Гиниятуллович имел много наград. Самая ценная из них – орден Ленина, полученная им за безупречную службу в гражданской авиации.

Кутумов Хамит Хусаинович (1919–1994) выпускник семилетней тобольской татарской школы № 15 1935 года. Прошёл всю войну в рядах морского флота, защищал Курильские острова от японцев. Их кораблю «Охотск» за проявленный героизм в особо сложившейся ситуации было присуждено звание «Гвардейский экипаж», единственный экипаж в Тихом океане, кому было присвоено это звание. Кутумов Х. Х. награждён орденом Красной Звезды. После службы он работал сменным инженером отдела технического контроля в Тобольском аэропорту. Работу он свою любил, и она отвечала ему взаимностью. Он был «Отличником Аэрофлота».

Мировалева Зайтуна Ганиевна 1920 г.р. окончила семь классов нашей школы с отличием, а в 1937 году с отличием окончила фельдшерско-акушерскую школу Тобольска, поступила в Омский медицинский институт. Участник финской и Великой Отечественной войн. Зайтуна, командир санитарного взвода 709-го полка, сумела вывести своих раненых из окружения, сама была тяжело ранена под Смоленском. После окончания Московского медицинского института защитила диссертацию и стала кандидатом медицинских наук. С 1952 года вся судьба Зайтуны Ганиевны была неразрывно связана с Омским медицинским институтом им. М. И. Калинина. Она работала заведующей кафедрой здравоохранения.

Мировалева Нурия Ганиевна (1924–2010) родилась 26 ноября 1924 года в г. Тобольске, выпускница нашей школы 1939 года. Профессию Нурия Ганиевна выбрала самую женскую – учитель начальных классов. Как и многие тобольские девчата, она хотела уйти добровольцем на фронт и добилась. Поезд умчал тоболячек далеко на Восток. Попала Нурия в пехотный полк. В части они приняли присягу, учили и их военному искусству, караульной службе. В темные ночи девушки стояли на границе с Манчжурией. 8 августа 1945 года началась война с Японией. На следующий день часть, в которой служила Нурия, пересекла границу. Тот тревожный месяц показался бесконечно долгим. И как радовались девчата, когда в сентябре прозвучал долгожданный салют в честь Победы. Нурию и ее товарищей наградили медалью «За победу над Японией», представили к медали «За отвагу». А ей тогда не было и 20 лет.

Кабаева Сания Каюмовна выпускница нашей школы. Служила в 5-й авиационной части, на военных аэродромах городов Ульяновска и Куйбышева. Очень хорошо стреляла из оружия. Сторожила самолёты.

Раингулова Хасана Абделькаюмовна (1922–2007) выпускница семилетней татарской школы № 15 и татарского педучилища. До войны работала учителем начальных классов в д. Саускан Тобольского района. В 1942 году 26 ноября из Тобольска 400 девушек уходят на фронт. Среди них маленькая, красивая Хасана. По распределению попадает в Дальневосточный военный округ, 485 полк, 355 стрелковая дивизия. Многим военным дисциплинам обучается: зенитчица, телефонистка, телеграфистка, почтовый работник. Хасане в дивизии доверяют работу с секретной документацией. Дивизия, в которой служила Хасана Абделькаюмовна, взяла в плен 12 тысяч японских солдат.

Сайтова Саида Карымчановна (1924–2013) выпускница нашей школы. В годы войны Саида работала в цехе военного заказа. По 18–20 часов при свете керосиновой лампы шили чехлы для «Катюш», гимнастерки, кителя, брюки, вязали носки. После окончания курсов РОКК (Российское Общество Красного Креста) в 1943 году попала в Брянскую область. Работала в больнице. Лечили народ от эпидемии сыпного тифа. Ставили прививки. Немцы, отступая, заражали колодцы. Приходилось их очищать, убирать всю воду, хлорировать, дезинфицировать, обеззараживать. Производили санитарную обработку от вшей, тифа.

Сайтов Акрам Сахабетдинович (1925–2010) родился в Тобольске. Выпускник нашей школы 1941 года. В 1942 г после окончания ремесленного училища связи призван на военную службу и направлен в 5-й запасной стрелковый полк Уральского военного округа. Участвовал в боевых действиях на Брянском фронте, при освобождении Белоруссии и Прибалтики. В составе штурмового батальона участвовал в ликвидации Курляндской группировки противника. После тяжелого ранения был снят с воинского учета по инвалидности.

Аникин Салим Хайрутдинович (1915–1983) после окончания начальной Татаровагайской школы Салим учился в Тобольской ШКМ имени Н. К. Крупской (школа № 15), затем в татарском педтехникуме городов Тобольска и Кургана. В начале 1939-го его призвали в ряды Красной Армии. Закончив полковую школу в звании сержанта, в должности помощника командира взвода принимал участие в войне с белофинами, участвовал в штурме знаменитой «линии Маннергейма». Он участник Великой Отечественной войны. Ему пришлось испытать тяжелую судьбу: был в плену, встречался в Вустроуцком лагере с известным поэтом Мусой Джалилем, выполнял его задания, затем побег, прорывался через линию фронта, участвовал в боях за Познань, штурмовал Берлин, а после возвращения домой новые испытания, репрессия. Аникин Салим Хайрутдинович был одним из сподвижников известного поэта Мусы Джалиля, организовавшего подпольную организацию среди советских военнопленных.

Таким образом, тоболяки, сибирские татары плечом к плечу с другими народами участвовали в битве под Москвой, в обороне Ленинграда, в Сталинградской и Курской битвах, форсировали Днепр, брали Берлин, сражались в Маньчжурии, Курильских островах. Исследовательский материал музея школы используется в татарских радио-телепередачах, выставках об участниках войны, выступлениях учащихся на школьных научно-практических конференциях.

Марганова Ф. Ф.

О ВЛИЯНИИ БУХАРЦЕВ НА ИСТОРИЮ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ В ТОБОЛЬСКОМ ОКРУГЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮРТ КОМАРОВСКИХ)

В XV–XVI вв. среди тобольских татар, как и среди тюменских и тарских, оседали так называемые бухарцы – выходцы из Средней Азии и Казахстана. [Томилов, 1981: 68]. Татарские и бухарские волости в округах Тобольской губернии в основном были организованы только в 1830^х гг. [Ядринцев, 1894:240]

Бухарцы в Тобольском уезде имели два своих селения (юрты Комаровские и Меримовские) и, кроме того, проживали в 60 селениях уезда совместно с татарами; составляли 16,25% всего «инородческого» населения уезда и административно входили в Бухарскую волость [Валеев, 1993:50]

Многие собственные названия татарских селений происходят от названий близлежащих рек, озер, гор и т. д. Племенные названия сибирских татар также сохранились в названиях населенных пунктов, в легендах, прозвищах [Алишина, 2002:191]. Среди татарских топонимов встречаются, связанные с именами их основателей или какими-либо событиями, которые оставили свой заметный след в памяти местного населения. Часто русские давали татарским селениям свои названия, поэтому у татарских селений было по два, а то и по три названия.

Как писал Ф. Т. Валеев, в связи с рассмотрением проблемы среднеазиатского компонента в этническом составе сибирских татар следует отметить, что в литературе обойден вопрос о роли бухарцев-таджиков в формировании отдельных групп сибирских татар [Валеев, 1993:31]. Среди среднеазиатских переселенцев в Сибирь было много «тачигов» (таджиков). Наиболее весомым аргументом о таджикско-татарских контактах является лингвистический материал. Некоторые названия населенных пунктов сибирских татар указывают на бывшие этнолингвистические контакты с таджиками [Алишина, 2010:7] Значительный интерес в этом вопросе представляет сообщение востоковеда Юлиуса Клапрота. Он дает обзор ранних теорий и взглядов и прямо ставит вопрос: «кто такие бухарцы (wassindBucharen?)». Он опровергает взгляд на бухарцев, как на народ тюркоязычный, и устанавливает их ираноязычность на основании личного знакомства с бухарцами. Их он встретил в 1805 г. в Казани, через которую проезжал по пути в Китай с посольством графа Головнина. Из беседы с этими бухарцами Клапрот убедился, что их родной язык родственен персидскому. Проезжая через Сибирь (Тобольск, Томск и др.), он установил, что такой же был и родной язык сибирских бухарцев, к тому времени в значительной степени уже ими утраченный и заменившийся «тюркским», хотя многие «старые персидские слова» ими еще употреблялись. Отсюда он делает вывод, что все бухарцы – персидского происхождения. Тюркские народы, по его словам, зовут бухарцев сартами [Клапрот, 1823:243.]. «Бухарские» слова и выражения настолько прочно проникли в лексикон местного населения, что употребляя их, они даже не задумываются об их происхождении. Так, употребляя слово «Чай’гун», имеющее несколько значений в языке сибирских татар, как человека, который может выкрутиться; изворотливого, плута, а также быстрого человека; не задумываются, что корни у этого слова «бухарские». Амударья – крупная река в Средней Азии, несущая воды в Аральское море, протекает территориями

Таджикистана, Узбекистана. Арабские источники обозначали реку как Джейхун. Значение имени Джейхун: «бешеная, неистовая река». Моя бабушка Бакиева Халиса, относившаяся к бухарскому сословию, и родившаяся в ю. Кызылбаевских, произносила такую фразу: «Арымакмитен, каратак кайыртыңма?» Смысл станет понятен, если обратиться к карте Средней Азии, где имеется гора Карадаг, говоря эту фразу, она имела ввиду о тяжелом и непосильном труде каменщиков. Так, в с. Куларовском Вагайского р. Тюменской области (бывшие ю. Куларовские), летом проводится необычный праздник, называемый «Калун; Калун пайрам», отмечают его 2 июля. Историю происхождения данного праздника уже не помнят, называют праздником «начала сенокосной поры», кануном праздника у русских «соседей». Моя же версия, снова обращает меня к словарям «таджикскому либо узбекскому», в котором указан перевод слова «калун», что означает «большой». И значит «Калун пайрам» имеет значение «большого праздника – начала сенокосной поры». Вероятность верности моей версии возрастает, если учесть, что в конце XIX-начале XX вв. в этих юртах указным муллою работал один из известных братьев Янгучиных – Сагататдин из ю. Комаровских [ГУТО ГАТ ф.417, с.166]

Юрты Комаровские, расположенные на рч. Туманка, в 1897 г. насчитывали 52 хозяйства. Здесь проживало 260 человек, в т.ч. 10 русских, 238 бухарцев, 8 коренных татар [Алишина, 2010:6] В 1969 г. были прикреплены к Масловскому с/с Тобольского района. Исследовав топоним Комароу, Ф.Т. Валеев пришел к выводу, что он связан с названием долины Комароу и ущелья того же названия на территории современного Таджикистана [Валеев, 1991:101]. В топонимике Таджикистана встречаются также названия населенных пунктов, имеющих лексему «қомар». Так в Кулябской области Таджикистана было селение Сарай-Қомар на реке Пяндж, недалеко от границы Афганистана, носившее это название до 1931 г., а до 1963 г. город Кировобад (в настоящее время г. Пяндж), где «сарай» – дворец, дом, крытый рынок, а «қомар (қамар)» – промоина, ущелье, а также склон, уступ, берег. [Бухарские..., 2012:15]. Так, по словам информатора Капшановой Н.М. из Омска, в г. Омске на ул. Восточной проживал выходец из юрт Комаровских Янгучин Абляк, который после войны уехал вместе с семьей в г. Кировобад (Сарай-Қомар) [Полевые материалы, 2013]

Следует отметить, что в XVIII–XIX вв. в татарских селениях данного региона дети получали фамилию, образованную от имени отца, в редких случаях – от имени деда. Соответственно в каждом новом поколении происходила смена фамилий, хотя это не были фамилии как таковые. Слово «фамилия» в языке сибирских татар является заимствованием. Процесс фамилиеобразования в основном завершился среди татарского населения данного региона в первой четверти XX в. В указанных юртах были документально зарегистрированы люди с женскими и мужскими именами Камар (Комар) и фамилией Комаровы. Так, в протоколе общего собрания граждан ю. Комаровских о ликвидации кулака, как класса, состоявшегося в 1930 г. из ю. Комаровских подлежали выселению семьи зажиточных (арестованных органом ОГПУ) трое Янгучиных и среди них Комаров Хусаин. Также, среди членов с/артели был Комаров Мухомедчан. [ГУТО ГАТ Ф.Р-281:122].

Кроме того, сам ученый Ф.Т. Валеев указывал, что топонимы могут быть связаны с какими-либо событиями, которые оставили свой заметный след в памяти местного населения. Возможно, приехавших на поселение людей стали отличать именно по этим признакам. Если обратиться к таджикско-русскому и узбекско-русскому словарям, то видно, что в обоих словарях слово «қамар» имеет три значения: 1).поясница, талия 2). пояс, кушак 3).седловина, уступ горы. Бухарцы способствовали внесению в культуру сибирских татар многих элементов культуры народов Средней Азии. Это – халаты, полусферические тюбетейки, пояса-платки.

Так, традиционной одеждой таджиков и узбеков, т.е. среднеазиатских народов, были рубаха, штаны и халат (стеганный на вате или просто подкладке). Халат подпоясывали кушаком (сложенным платком) или длинным шарфообразным кушаком, или носили свободным. С начала XX в. распространилась верхняя одежда в талию – камзол. Существовала самостоятельная традиция опоясывания, особая манера ношения поясов. Такой кушак мог служить кошельком. В него заворачивали деньги и мелкие предметы. [Валеев Ф.Т., Томилов Н.А., 1996:196] Пояса в парадной одежде были зачастую очень нарядными – бархатные или вышитые, с серебряными узорными бляхами и пряжками. Разные пояса или кушаки служили знаком отличия, так признаком большого достатка и высокого положения служил широкий бархатный пояс «камарбанд», расшитый золотом. Кроме того, такие пояса «камар» являлись знаками принадлежности к исламу: кушак «камар» отождествлялся с чалмой и мог заменить ее, а также поясной платок мог использоваться в качестве молитвенного коврика, скатерти. В мусульманских странах все «неверные», то есть, немусульмане, обязаны были иметь «знак отличия», так, бухарские евреи, имея аналогичную таджикским или узбекским одежду, подпоясывались веревкой. Последние имели в одежде также кушаки и поясные платки, но это говорило об их принадлежности к исламу [Бухарские..., 2012:15]

В фондах тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИ-АМЗ) хранится уникальная коллекция народного костюма сибирских татар. Наиболее ценные из них поступили на рубеже XIX–XX вв. от татар. Коллекция включает в себя большое количество драгоценных, порою уникальных предметов, которые в разные периоды истории сопровождали костюм сибирско-татарской знати. Среди поясных украшений в сибирско-татарской коллекции обращает на себя внимание мужской ковровый пояс с позолоченной серебряной пряжкой (инв.6694). Сулова С. также дополняет, что «широкие позументные, ковровые, бархатные, а также из серебряных пластинок, соединенных между собой шарнирами, пояса «қамар» с массивными богато украшенными серебряными пряжками в материалах середины XIXв. у волго-уральских татар практически отсутствуют. Однако, в костюме... сибирских татар ... пояса с пряжками и металлическими накладками были распространены чрезвычайно широко, как в мужском так и в женском одеянии [Сулова, 2004:216]. Автор назвала сибирско-татарскую коллекцию «чрезвычайно эклектичной», отметив, что возможно они попали в обиход сибирско-татарской знати с многократными волнами переселений и при посреднической торговой деятельности, так называемых бухарцев.

У сибирских татар пояс носил название «пильпау» – атрибут традиционной мужской одежды сибирских татар, и им подпоясывали исключительно верхнюю одежду. А традиционной одеждой сибирских татар были штаны и широкие рубахи навыпуск. По праздникам прямоспинной халат «сукман» носили с поясом. В холодное время носили полупальто «көртә», шубы- «тун», которые подпоясывали домотканым поясом «пильпау», иногда крученым кожаным шнурком, но ни в коем случае не ремнем [Смирнова, 1995:203].

Возможно, именно такой отличительный признак у бухарцев, как пояс, поясной платок– «қамар (қомар)», являвшийся, кроме того, религиозным знаком отличия, поселившихся в данной местности переселенцев, дал топоним для населенного пункта. Тем более, мы знаем, что многие слова, привнесенные извне в сибирско-татарский язык, подвергался изменению на местный лад. В лексике и фразеологии сибирских татар таджикский (узбекский) элемент отчетливо прослеживается в названиях предметов, пищи, обуви, одежды, головных уборов и т.д. Поэтому таджикское (узбекское) слово «қамар (қомар)», имеющий значение пояс, могло быть видоизменено под влиянием местных татар, и использовано, по аналогии татарскому – «пильпау», «қамарау (қомарау)». Имеет право на существование версия происхождения названия данного населенного пункта и от имени основателя по имени Қомар (Қамар). И это еще раз говорит о слабой изученности истории формирования поселений.

К сожалению, это поселение в советское время постигла участь многих исчезнувших с лица земли, жители данного поселения проживают в большинстве своем в Тобольске и Тобольском районе.

Некоторые селения в районах Омской и Тюменской областей носят названия, данные им бухарцами в память их прежней родины – Средней Азии. Так например, д. Речапovo (Тарский район Омская область) местные жители называют «шыклар» (шейхлар, шейхи). По преданию местных татар, начало этому селению положили потомки шейхов, среднеазиатских проповедников ислама в Сибири. От слова «шейх» происходит и название старинного татарского селения Чикча (Шыкча) в Тюменском районе, ю. Ембаевские имеют старое название Малчын (Малцын) – от таджикского и узбекского «манзил», что означает место остановки, стоянку, привал, а также много других примеров [Валеев, 1993: 30]. Этническая история сибирских татар не может считаться полностью изученной, пока не будет исследована история формирования их поселений. [Алишина,1999:90]

Литература:

- 1.Алишина Х. Ч. Ономастикон Сибирских татар. (На материале Тюменской области).ч.I, Тюмень, изд-во ТГУ, 1999 г.с.90
- 2.Алишина Х. Ч. Этнический состав татар по данным топонимии: Сборник статей. Казань: инст-т истории АН РТ, 2002, с.191
- 3.Алишина Х. Ч. Этнолингвистические контакты сибирских татар и таджиков: Материалы III международной научно-практической конференции 7–8 июня 2010 г. Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы, реализация, перспективы, Тюмень, 2010, с.7
- Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: тат.кн.изд-во, 1993, с.50
- 5.Валеев Ф. Т. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар, как историко-этнографический источник: Межведомственный сборник научных трудов. Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири, Омск, 1991г, с.101.

6. Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура. Культура народов России., т. II, Новосибирск «Наука» СИФ РАН, 1996 г., с.48.
7. ГУТО ГАТ фонд И-417 оп.2 д. 603
7. ГУТО ГАТ фонд Р-281 оп.1 д. 227, с.122
8. Klaroth J. Asia polyglotta. – SPb., 1823. – P. 243.
9. Месамед В., Емельяненко Т., Гершуни Р. Бухарские евреи. История, этнография, кухня: Емельяненко Т.Г. «Отличительные знаки» в традиционном костюме бухарских евреев: этнокультурный аспект, М: проект «Эшколот», 2012
10. Полевые материалы автора, тетрадь 1, 2013 г.
11. Поспелов Е.М. Топонимический словарь, М, 2001 г.
12. Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX – начала XX века (из собраний МАЭ РАН), Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikat/08/08_03/5-02-026468-7/ с.196
13. Смирнова Е.Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX- первой трети XX вв.: Народы Сибири и сопредельных территорий. Межведомственный сборник научных статей, Томск-изд-во Томского ун-та, 1995 г.
14. Таджикско-русский словарь онлайн на сайте w.w.w.cahifa.tj
15. Татарская археология. 2002–2003. № 1–2 (10–11): Сулова С. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко-этнографический источник, Казань, 2004, с.216.
16. Томилов Н.А. Тюркоязычное население западно-сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, изд-во Томского ун-та, 1981г, с.68
17. Узбекско-русский словарь онлайн на сайте w.w.w.cahifa.tj
18. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб, 1894, с.240
19. <http://names-for-you.ru/imyа-dzhejxun>

Нуриева Д.Р.

СОВЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ПЛАКАТ КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

Статья посвящена анализу советских политических плакатов как средства визуально-вербальной агитации в советском обществе. По сути своей плакаты являются креолизованными текстами (далее – КТ), представляющими единство вербального и иконического компонентов, которое обусловлено коммуникативно-когнитивной задачей адресанта, ярко выраженной манипулятивной функцией, использованием стратегий рационального аргументирования и убеждения. Советский военный плакат сыграл немаловажную роль в борьбе советского народа против фашистских захватчиков, и эта тема приобретает особую актуальность в год 70-летия Великой Победы.

Советский плакат отличается от новых (современных) типов КТ не только способом создания [3], но и прагматическим – манипулятивным – эффектом, направленным на адресата. Для плаката характерна тесная когнитивная спаянность компонентов (визуальная и вербальная составляющие), включенность их друг в друга (см. рис. 1). План содержания КТ не ограничивается выражением информации только языковыми средствами, в разной степени в этом процессе участвует и иконический компонент. Изображение иллюстрирует вербальную часть, выступает аргументом высказыванию. Вербальная и иконическая части относительно автономны, могут существовать друг без друга, но по отдельности их смысловая нагрузка не будет настолько сильной и бесспорной. Подобная реализация семантики свойственна всем советским плакатам как средствам агитации и политико-просветительской работы (см. рис. 1–3). Авторы подобных КТ используют коммуникативные стратегии рационального аргументирования и убеждения [2, с.89], реализуемые с помощью тактики иллюстрирования: полная визуализация вербальной части посредством тематической картинки в карикатурном ключе, например, плакат (рис. 2), на котором изображен маленький Гитлер-крыса.

Изображение в разной степени участвует в организации текста [1, с.17]. На наш взгляд, феномен советского плаката обусловлен тем, что подобным КТ, как правило, свойственна частичная креолизация, т.е. изобразительный компонент сопровождает вербальную часть и является факультативным элементом в организации текста.

Отметим, что на содержательном уровне вербальный компонент плаката обладает смысловой самостоятельностью вне изобразительного компонента (см. рис. 1), между изображением и вербальной частью существует прямая денотативно-сигнификативная соотношенность: знаки обоих кодов обозначают одни и те же предметы/ситуации объективного мира. Так на плакате В. Н. Дени 1944 г. (рис. 1) Гитлер изображен с телом стервятника, что дублируется в вербальной части плаката – «фашистский стервятник».

В зависимости от типа КТ изображение выполняет в нем универсальные и частные функции. Как правило, иконический компонент плаката выполняет все основные универсальные функции.

На плакате Кукрыниксов 1941 г. (рис. 2) изображение привлекает внимание адресата, участвует в организации визуального восприятия текста: выполняет аттрактивную функцию. Изображение передает определенную информацию – реализуется информативная функция. Экспрессивная функция изображения заключается в его назначении выразить чувства адресанта, воздействовать на эмоции адресата. Кроме того, иконический компонент воздействует на эстетические чувства адресата.

Плакат (рис. 2) выполнен в карикатурной графике: на нем изображен маленький Гитлер, который на фоне больших, сильных, уверенных рук выглядит беспомощно. Создавая карикатурный образ фюрера, художники преследовали цель не только вдохновить народ на подвиги, но показать истинную сущность Гитлера, которая производит отталкивающее впечатление благодаря сходству фюрера с крысой и тени фюрера с Наполеоном. Тем самым создаются визуальные антитезы: Гитлер (Наполеон) и советский (русский) человек. Образы Гитлера и Наполеона объединяет историко-политический контекст и, как следствие, в семантике – коннотативная сема 'поражение': Наполеон потерпел поражение, то же будет и с зазнавшимся Гитлером! Изображение создает определенный сатирический эффект, вызывает улыбку или смех у адресата; в намеренно преувеличенном виде, заостренно показывает характерные черты фюрера с целью его уничижения, осмеяния и осуждения. Плакат призывает «Не дадим наполеоновским планам Гитлера сбыться!» Вербальная аналогия актуализируется за счет фразеологизма «наполеоновские планы» в значении «о несбыточных мечтаниях, о далеко идущих (завышенных) планах, которым не суждено сбыться».

Частные функции изображения определяются характером плаката. Интересен по своему художественному решению плакат Кукрыниксов 1942 г. «Превращение фрицев» (рис. 3).

На плакате изображена немецкая армия, с которой происходит пошаговая метаморфоза: «колонна фрицев» сначала превращается в «колонну «шагающих» немецких крестов» (в данном случае, свастика – символ национал-социалистической немецкой рабочей партии и фашистской идеологии), затем свастика трансформируется в «ряд могильных березовых крестов». Плакат иллюстрирует знаменитые слова Александра Невского: кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. Можно уловить имплицитную ассоциацию «Гитлер – Смерть»: сухой, худосочный, с костлявыми конечностями, в черном одеянии. Созданная изобразительная метафора символизирует победу русских над «фрицами» и усиливает вербально выраженный призыв всеми силами приблизить эту победу. В данном случае иконический компонент выполняет символическую функцию, которая заключается в назначении изображения выразить посредством наглядных образов абстрактные понятия и идеи, а вербальная часть представляет собой подтверждение визуальной концепции.



Рис.1



Рис. 2



Рис. 3

Обобщая вышесказанное, отметим, что советским плакатам, как правило, свойственна частичная креолизация, вербальный и иконический компоненты могут существовать автономно, это обусловлено коммуникативно-когнитивной задачей адресанта, использованием стратегий рационального аргументирования и убеждения, реализацией манипулятивной функции. В отличие от новых типов КТ, плакаты не дают информации о конкретном образе автора, это обусловлено идеологией социализма, ставившей коллективное начало в главенствующее положение. Функции иконического компонента тесно связаны, взаимодействуют друг с другом. Изображение выполняет все основные универсальные функции и некоторые частные, что обусловлено содержанием и коммуникативно-прагматическими задачами плаката. Изображение в плакате чаще выполняет сатирическую функцию, собственно юмористическая же функция минимизирована, что отличает их от новых типов КТ.

Литература

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на основе креолизованных текстов): учеб. пособие. М.: Академия, 2003. 128 с.

Иссерс О. С. Стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2008. 263 с.

Нуриева Д. Р. Креолизованный текст как феномен современного лингвосоциума // Сборник научных статей Казанского федерального университета 2013 года: Сборник статей / Мин-во обр. и науки; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань: Казан. ун-т. 2013. С. 414–416.

Салиева Р. Н.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ БУЛАТА СУЛЕЙМАНОВА – ЦЕННОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Получив приглашение от Ханисы Чавдатовны Алишиной на 18 Всероссийскую научно-практическую конференцию «Сулеймановские чтения», решила познакомиться с произведениями Булата Сулейманова. Интернет оказался слабым помощником, нашлось лишь несколько переведенных на русский язык стихов: «Весло», «Мать», «Возвращение» в переводе Александра Гришина. Эти несколько стихов просто покорили искренностью, открытостью, самобытностью. Казалось бы внешне обыденные моменты нашей жизни мастерски представлены в произведениях Булата Валиковича Сулейманова, наполнены самыми сокровенными чувствами, притягивают глубоким фило-софским содержанием.

В республиканской национальной библиотеке нашлись 2 книги автора, изданные на татарском языке в Татарском книжном издательстве [5Сөлэйманов, 1980; 6Сөлэйманов, 1988]. Прочтение стихов в этих сборниках в оригинале на татарском языке, приводит к мысли о том, что как было бы замечательно, если бы эти стихи были переведены на русский язык. В стихах запечатлен и опыт прошлых поколений, и отражены общечеловеческие ценности, которые формируют личность, отражены также многие грани жизни, в произведениях (и в стихах, и в прозе) описываются особенности социально-экономических отношений 70–80-х гг. XX в. Особенно живо и пронзительно написан рассказ «Мама» [Алишина, 2011].

Произведения поэта отражают нравственные и этические идеалы татарского народа. В целом произведения Б. Сулейманова способствуют формированию лучших человеческих качеств, таких как доброта, уважительное отношение друг к другу, искренность, открытость. В стихах проявляются любовь и равнодушие автора к судьбе своего народа, обеспокоенность вопросами сохранения национально-культурных традиций татар, в том числе сибирских татар.

В период жизни и творчества автора еще не были приняты основы законодательства о культуре, о национально-культурных автономиях и проблемы организационно-правового регулирования национально-культурных отношений были особенно актуальными. В 90-е гг. XX в. предлагались и обсуждались разные проекты решений по вопросам культуры, сохранения и развития этнических культурных традиций, организационно-правового регулирования национально-культурных отношений.

В настоящее время вопросы национальной культуры получили признание и соответствующее законодательное обеспечение, последовательно решаются вопросы правового регулирования национально-культурных отношений, создана необходимая правовая основа. В частности, основу регулирования национально-культурных отношений составляют Основы законодательства о культуре [1], федеральные законы [2,8] и иные нормативные правовые акты, а также законодательство субъектов Федерации и муниципальные акты в сфере культуры. Особо необходимо отметить Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [7], в котором отмечено, что «культура России – такое же ее достояние, как и природные богатства. В современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире».

Можно с уверенностью утверждать о том, что стихи Булата Сулейманова, в которых отражены социальные, духовные качества татарского народа, способствуют в современной действительности формированию и развитию национально-культурных традиций, дальнейшему развитию национально-культурной автономии, сохранению культуры татар, учету региональных особенностей национальных общностей. Об этом свидетельствуют многочисленные мероприятия. Например, в родных краях поэта в селе Вагай весной 2006 года прошел семинар «Сохранение и развитие национально-культурных традиций народов Тюменского региона» [Петрова, 2006], в Тюмени ежегодно проводятся конференции «Сулеймановские чтения».

Творческая деятельность Б. Сулейманова как поэта, гражданина несомненно способствует сохранению и распространению татарского языка; самобытные произведения поэта являются значительной культурной ценностью и пополняют культурное достояние всех народов России. Очевидно, что необходимо обеспечивать условия для сохранения, перевода и переиздания его произведений. Созданию таких условий способствуют и нормативные правовые акты, регламентирующие отношения в сфере национальной культуры, и культурная деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей.

Литература

«Основы законодательства Российской Федерации о культуре»(утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612–1) (ред. от 21.07.2014, с изм. от 01.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // Российская газета, N 248, 17.11.1992.

Закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-I «О языках народов Российской Федерации»//Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 12 декабря 1991 г., N 50, ст. 1740.

Перевод доктора филологических наук, профессора, директора центра тюркологии ТюмГУ Х. Ч. Алишиной, опубликованный в разделе 3 материалов конференции, С.90–95.

Петрова Ю. А. Комментарий к Федеральному закону от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2006.

Сәләйманов Б. В. Таңнар фонтаны: Шигырьләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1980;

Сәләйманов Б. В. Ак метеор: Шигырьләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. –112 бит, порт.

Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808»Об утверждении Основ государственной культурной политики»// Собрание законодательства РФ, 29.12.2014, N 52 (часть I), ст. 7753.

Федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014)»О национально-культурной автономии»//Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2965.

Тимофеева А. А.

ИЗ ЧЕХИИ В ТАТАРСТАН: РАССЫПАННЫЙ ЖЕМЧУГ КУЛЬТУР

Знакомство состоялось в предрождественской Германии. Преподаватели кафедры контрастивно-го языкознания Елабужского института КФУ (д. ф. н., проф. Салимова Д. А. и к. ф. н., доц. Бубекова Л. Б.) проходили научную стажировку, организатором которой выступила Е. Л. Кудрявцева, ответственный секретарь международного методсовета по вопросам межкультурной коммуникации и многоязычия¹²⁰. Рабочие вопросы – обсуждение проблем межкультурной коммуникации, би- и полилингвизма, стратегий адаптации мигрантов в Евросоюзе и России¹²¹, национальной политики и этнической идентификации –

¹²⁰ <http://bilingual-online.net>

¹²¹ По данным Tatocenter.ru, миграционный поток в Татарстане в последние годы растет, поэтому вопросы миграционной политики и помощи в адаптации мигрантам достаточно актуален. В этом отношении может быть интересен опыт Чехии – на территории республики функционируют Центры поддержки интеграции иностранцев (интеграционные центры), где бесплатно предоставляются

способствовали зарождению и укреплению личных контактов, тем самым проторив тропу для начала сотрудничества университета им. Масарика в Чехии и Елабужского института КФУ в Татарстане в рамках сетевого взаимодействия лабораторий с международным участием¹²². Следующим этапом явилась стажировка автора в ЕИ КФУ; одна из задач визита – знакомство студентов 2 и 3 курсов на факультете русской филологии и журналистики с Чехией в форме спецкурса «Чешский язык и культура», в состав которого, помимо базовых тем («Экскурс в историю Чехии», «Чешский язык в кругу других славянских языков», «Чешский язык в европейском окружении», «Русская эмиграция в Чехии», «Чешский фольклор» и др.), входят и небольшие языковые блоки.

Обращение к вопросу о взаимодействии Чешской Республики и Татарстана (а не только России в целом) обусловлено не только личным интересом автора к татарскому языку и культуре¹²³: к необходимости взаимного «открытия» культур, их популяризации в каждой из республик подталкивают случаи настороженного отношения к одной из культур, что в современном глобализированном мире не сослужит добрую службу. И наоборот, знание даже самых базовых фактов способствует укреплению межкультурных и межнациональных связей, а главное, препятствует образованию негативных стереотипов.

Чехия и Татарстан – что мы знаем друг о друге? Оказывается, крайне мало. Как показывает практика, у чешских школьников и студентов, а также взрослых людей, изучающих русский язык, в сознании закрепляется образ «большой России» и не формируется представление об этническом многообразии страны¹²⁴, а соответственно, и объективное восприятие России как таковой. С другой стороны, и ассоциации студентов младших курсов на слово-стимул «Чехия» часто оказываются самыми общими: «архитектура», «замок», «мост», «язык», «страна» (ср. «Карлов мост», «Прага», «оранжевые крыши», «Карловы Вары» и т.п.). Весьма показательными оказываются результаты свободного ассоциативного эксперимента¹²⁵, проведенного в разных возрастных и социальных группах: в коллективе динамично развивающейся чешской фирмы «Фармет», производящей сельскохозяйственную технику, и в группах студентов философского факультета Масарикова университета. В первом случае типичные реакции респондентов были следующие: «государство?», «бывшая республика Советского Союза», «татарак» (tatarák, блюдо из сырого мяса), «страна рядом с Венгрией», «заграница», «палатка (шатер)» (чеш. stan «палатка»). Некоторые ответы являются отражением торговых взаимоотношений фирмы с Татарстаном: «давяльный пресс», «русская республика», «республика в России». Среди студентов в опросе приняло участие 27 человек, большая часть ничего не ответила. У давших ответы респондентов (по три реакции на слово-стимул «Татарстан») зафиксированы следующие ассоциации: «татары» (5), «мусульмане» (3), «Казань» (3), «восток» (3), «республика» (1), «страна» (1), «Казахстан» (1), «Туркменистан» (1), «палатка» (1), «Ильгиз» (1). Уникальными в этой цепочке можно считать ответы респондента, который, как позже выяснилось, провел в Казани 10 часов: «чак-чак», «мечеть», «толерантность». Ответы второй группы фокусируют самые общие представления об этноспецифике республики. В этой связи можно только приветствовать развитие образовательных и бизнес-контактов между Чехией и Татарстаном, которые способствуют взаимопроникновению культур¹²⁶.

Германия – Чехия – Татарстан... Как могут быть прихотливы изгибы судьбы человека, так прихотливы и необычны могут быть «точки пересечения» разных народов. Чехия и Татарстан в этом отношении не являются исключением – эти два на первый взгляд разных мира даже на уровне культуры объединяют свои связующие звенья, рассыпавшиеся по истории стран «жемчужин».

следующие услуги: информационная и консультационная деятельность по вопросам здравоохранения, жилья, образования и т.п., юридические консультации, социокультурные курсы, знакомящие иностранцев с условиями жизни в стране, языковые курсы, рассчитанные на разный уровень владения иностранным языком, а также доступ в библиотеку и интернет-зал. Организуются культурные и спортивные мероприятия. Работа ведется не только с иностранцами, но и с мажоритарным населением – жителей обучают взаимодействию с мигрантами. Центры создаются на основе долговременной программы Европейского фонда по интеграции граждан третьих стран при Министерстве внутренних дел.

122 Подробнее о сетевом взаимодействии см. <http://istina.msu.ru/publications/article/8279958/>

123 Нельзя не отметить большую заботу о развитии и сохранности татарского языка на территории республики – в частности, о многом говорит высокий уровень онлайн-школы обучения татарскому языку, более чем доступные цены на книжную продукцию в специализированных магазинах татарской литературы и др.

124 Опросы проводились на занятиях со студентами университета им. Масарика, на Днях русского языка, организованных Международным культурным институтом «Ключ» при поддержке Российского центра науки и культуры в Праге, Пражского общественного собрания и Русского-культурно-просветительского общества в Моравии для школьников, на выставках-фестивалях, на лекциях для широкой общественности и др.

125 За проведение эксперимента выражаю благодарность г-же О. Бергер и г-ну Л.Мартинку.

126 См., например, <http://www.mpo.cz/dokument154204.html>, http://1997-2011.tatarstan.ru/?DNSID=9667a07cf86ecdfe7306685e2da39c7&node_id=3411, <http://kpfu.ru/studentu/rektor-masarikova-universiteta-mikulash-bek-ja.html>

Жемчужина 1. Осветительные приборы в мечети Кул Шариф, гордости Татарстана, изготовлены на заказ в Чехии из знаменитого на весь мир богемского стекла, эскизы были разработаны татарскими художниками.

Жемчужина 2. Еще одна уникальная связь чешской и татарской культур: в Бугульме в 1966 г. был открыт единственный в России музей литературно-мемориальный музей Я. Гашека, прославленного чешского сатирика (и комиссара Красной Армии в годы Гражданской войны в России), автора романа «Приключения бравого солдата Швейка». В 1918 г. Ярослав Гашек служил в Бугульминском уезде помощником военного коменданта. «Бугульме на карте мало места, но много в сердце моем...», – так позже напишет создатель цикла рассказов «Как я был комендантом Бугульмы» (*Velitelem města Bugulmy. Tajemství mého robytu v Rusku*).

Жемчужина 3. Причудливой нитью связывает Чехию и Татарстан судьба и творчество поэта М. Цветаевой. Чехию М. Цветаева определяла как «место своей души», часто вспоминала чешский период в письмах: «... А самый счастливый период моей жизни – это – запомните! – Мокропсы и Вшеноры, и ещё – та моя родная гора». ¹²⁷ Оккупацию Чехословакии Германией в 1938 г. Марина Ивановна восприняла очень болезненно и откликнулась циклом «Стихи к Чехии». В Елабуге поэт добровольно ушла из жизни. Председатель Международного общества М. Цветаевой в Праге Г. Ванечкова привезла из Праги взятую с любимого Мариной Ивановной пражского холма Петржин горсть земли, и 31 августа 2010 г., в день памяти поэта, научный сотрудник Дома Памяти М. И. Цветаевой Наталья Мухина по желанию Г. Ванечковой высыпала эту землю на могилу поэта, «побратав» таким образом Прагу и Елабугу ¹²⁸.

Список на этом не заканчивается, можно вспомнить и Галию Ибрагимову, солистку Государственного оперного театра в Праге, и найденную на территории Казанского Кремля чешскую монету с изображением князя Вацлава, и празднование Сабантуя на территории Чехии (уже в третий раз).

Рим Гилфанов, сотрудник татарско-башкирской секции Радио Свобода рассказывает: «Если в Чехии о ком-нибудь скажут, что он татарин, то имеется в виду человек несообразительный. Не все чехи уже знают, что есть и другие татары, то есть – народ, насчитывающий несколько миллионов человек... связи между татарским и чешским народами более глубоки, и даже более содержательны, чем обычно чехи думают. Я думаю, что наличие организованного общества татар здесь в Чехии помогло бы укрепить эти связи» [Пражский экспресс, 2005].

А можно собрать рассыпанный жемчуг, нанизать на нить – и продолжать создавать новые жемчужины, которые будут содействовать укреплению наших связей. Хочется надеяться на продолжение сотрудничества – ждем гостей для участия в международных конференциях, выставках, концертах... и просто для совместного общения.

Литература:

Мучкина Е. С. Ассоциативный эксперимент в исследовании этнических стереотипов. КГПУ им. В. П. Астафьева. – Электронный источник. Код доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:Lvx8AY98AzUJ:lingvo.wp.kspu.ru/upl_rlc/3Muckkina.doc+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.

Hašek J. *Velitelem města Bugulmy*. Karolinum, 2011.

Электронные источники:

<http://info.tatcenter.ru/article/138021/>

<http://www.integracnicentra.cz/Onas/InformaceOProjektu.aspx>

<http://www.prague-express.cz/news-main/22292-2012-10-03-04-13-03.html>

Тычинских З. А.

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР В КОНЦЕ 80-Х – 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В июне 1990 г. состоялась первая научная конференция, посвященная сибирским татарам. В июне 2015 г. исполнится 25 лет этому событию, которое явилось одним из ключевых моментов начального этапа национального сибирско-татарского движения рубежа 1980–90-х годов XX в. Одним из инициаторов и организаторов этой конференции был Б. Сулейманов.

¹²⁷ Подробнее см. <http://www.ruskerealeie.zcu.cz/texts/text2-12-11.php>

¹²⁸ <http://zur.ru/news/show/5715>

В 80-е годы XX в. наблюдался рост национального самосознания сибирских татар, проявлявшийся в живом интересе к своему происхождению, истории развития своей культуры и родного языка. В эти годы общественность, возглавляемая национальными лидерами Б. В. Сулеймановым, А. Г. Гаитовым, отстаивала идею необходимости национально-территориальной автономии сибирских татар, основываясь на концепции самостоятельного происхождения сибирско-татарского этноса и его этнокультурной самобытности. Это движение сибирских татар исторически совпало с широким всплеском национального самосознания народов СССР, связанным с происходившими в стране демократическими реформами. Стремление к возрождению своей национальной культуры, языка и государственности постепенно приобрело характер национального движения. В него включились представители различных социальных слоев татарского населения – ученые, преподаватели высших учебных заведений, учителя, работники государственных учреждений и культуры, рабочие, колхозники и т. п. При этом особенно активно обсуждался вопрос о предоставлении сибирским татарам статуса коренного народа Сибири.

В 1988 г. был создан Комитет по возрождению сибирских татар во главе с Булатом Сулеймановым, в 1989 г. в Тобольске, а затем и в Тюмени прошли Круглые столы, на которых обсуждались вопросы о предоставлении сибирским татарам статуса коренного народа Сибири и территориальной автономии в рамках Российской Федерации. На страницах периодической печати в этот период на русском и татарском языках публиковались статьи татарских общественных лидеров, посвященные различным аспектам возрождения татарского народа. Главным в них являлся призыв сибирских татар к активным действиям за сохранение себя как самостоятельного этноса.

КНВСТ, исходя из постулата о самоопределении народа, ставил целью своей деятельности создание на территории Западной Сибири, где компактно проживают сибирские татары, административно-территориального образования в виде автономной республики.

В июне 1990 г. в г. Тобольске прошла научно-практическая конференция, в заглавие которой впервые было поставлено название «Сибирские татары: история и современность». Участниками конференции были ученые (Ф. Т. Валеев, С. М. Исхакова, А. В. Головнев, Х. Ч. Алишина, З. А. Гафурова и др.), общественные лидеры (Б. В. Сулейманов, А. Г. Гаитов, Р. Н. Яхина), представители общественности, интеллигенция города. По определению одного из организаторов конференции, А. В. Головнева, ныне член-корр. РАН, «пожалуй, впервые сибирские татары провели самостоятельный форум, на котором их собственные проблемы излагались с их собственных позиций...».

29 сентября 1990 г. в Тюмени была созвана учредительная конференция татар Тюменской области, на которой присутствовало более 120 делегатов. На конференции было принято решение о создании Ассоциации татар Тюменской области, как организации, объединяющей все татарские общественные организации области.

14–15 декабря 1990 г. в г. Тюмени состоялся первый учредительный съезд Ассоциации татар Тюменской области. Организаторами его были Б. Сулейманов и А. Гаитов. В программе Ассоциации одной из важнейших ставилась задача законодательного признания на государственном уровне статуса коренного народа для сибирских татар. В программе также предусматривалось добиваться «признания юга Тюменской области зоной преимущественного развития традиционных промыслов сибирских татар». В резолюции I съезда было определено: «этническая общность татар, формирование которой произошло на данной территории... отличается от крымских и казанских татар по происхождению, способу хозяйствования, культуре и языку. Это дает основание поставить вопрос перед Верховными Советами РСФСР и СССР о признании самостоятельного этноса – «Сибирские татары» (сыбыры)».

В Программе Ассоциации отмечено, что Сибирь является исторической родиной, единственным местом в мире, где могут сохраниться и развиваться как этнос сибирские татары, их язык и культура. Поэтому одной из первоочередных задач Ассоциации должно быть законодательное признание на государственном уровне статуса коренной национальности сибирских татар. В качестве гарантии национального самоопределения коренных сибирских татар необходимо создание местных автономий в форме национальных районов или национальных сельских советов.

Данная идея в некоторых пунктах программы была поддержана администрацией Тюменской области. Так, в интервью в газете «Янарыш» заместитель председателя Тюменского облисполкома Ю. М. Конев подчеркивал, если действительно заботиться о возрождении народа (коренных сибирских татар), то на первом необходимо создание для них национально-культурной автономии.

Особое значение в Программе Ассоциации уделялось проблеме экономического суверенитета сибирских татар. Программа предлагала денационализацию государственной собственности на землю, где предусматривалось признание юга Тюменской области зоной преимущественного развития традиционных промыслов сибирских татар. По предложениям населения было принято

решение восстановить ликвидированные в 1960–70-е годы татарские села, добиваться введения для коренных жителей региона, в том числе сибирских татар, частного землевладения, предоставления им права выбора хозяйственной деятельности. Предлагалось расширять зоны, выводимые из промышленного освоения, с последующей рекультивацией за счет использовавших их предприятий.

В начале 90-х годов татарские общественные организации создаются в городах и районах Тюменской и Омской области. В 1990 г. были созданы областная общественная организация «Идегей» (председатель Гульсина Мавлютовна Ниязова), Ялуторовская татарская общественная организация «Чулпан» (председатель Рифхат Таипович Яхин). В январе 1994 г. была создана Тюменская областная общественная организация «Ак калфак» (председатель Бибинур Нигмадзяновна Сабирова). В 1997 г. в г. Тобольске была создана общественная организация «Общественно-политическое движение «Всетатарская Ассамблея Тюменской области», инициатором создания которой выступил Сафиулла Файзуллович Ильясов.

Активную роль в национальном движении играл Комитет Возрождения сибирских татар Усть-Ишимского района Омской области, который являлся филиалом Комитета Возрождения Тюменской области. Деятельное участие в создании и функционировании Усть-Ишимского Комитета принимала Р.Н. Яхина. В 1991 г. Комитет был зарегистрирован в юстиции Омской области.

В апреле 1991 г. Роза Яхина, Ривхат Насибуллин и Анас Гаитов едут в Москву в Институт этнологии и антропологии АН СССР с целью добиться для сибирских татар статуса самостоятельного этноса, имеющего право на территориальную автономию.

Директор Института этнологии и антропологии д.и.н. В.А. Тишков на запрос Президента Ассоциации «Сыбыр» И.К. Рафикова сообщил: «То обстоятельство, что сибирские татары в лице своей интеллигенции сейчас активно выступают за свои национальные права – фактор самосознания, с которым необходимо считаться. Очевидно, что сибирские татары должны быть обеспечены гарантированными правами развития их национальной культуры, для чего им необходимо предоставить статус самостоятельного народа и включить в список народов СССР. Это расширит их возможности для решения многих проблем политического, экономического и культурного развития». Далее, В.А. Тишков в апреле 1991 г. от имени Института этнологии и антропологии АН СССР направил рекомендацию в ЦСУ СССР включить сибирских татар, «представляющих по мнению большинства специалистов-этнографов, самостоятельный этнос», в список народов СССР.

В августе 1991 г. на обращение Ассоциации татар Тюменской области к Президенту РСФСР и Председателю Верховного Совета РСФСР о включении сибирских татар отдельной строкой в список народов Сибири был получен ответ из Госкомстата Российской Федерации, в котором говорилось, что при проведении последующих переписей и обследований населения данная просьба будет учтена.

На волне национального движения конца 80-х – начала 90-х годов XX в. в 1990–1991 учебном году при филологическом факультете ТГПИ им.Д.И. Менделеева было восстановлено русско-татарское отделение. Большую роль в этом сыграли Х.Ч. Алишина, Р.А. Вафеев, и др. Это было обусловлено объективными потребностями региона в подготовке национальных педагогических кадров, и благодаря усилиям татарской общественности области и поддержке администрации Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева. В апреле 1994 г. была организована кафедра татарского языка, литературы и методики преподавания. В Тюменском государственном университете с 1993 года стало функционировать отделение татарского языка и литературы. Студенты, обучавшиеся на отделении, получали специальность филолога-преподавателя (татарский язык и литература). Это были важные и значимые результаты национального движения.

С начала 90-х гг. начинают издаваться на татарском языке газеты «Янарьш» («Обновление»), «Искер», журнал «Ак калфак», начинают транслироваться областные и местные радио- и телепрограммы на татарском языке «Очрашулар», «Себер иле», «Себер дарьясы» и др. Большую роль в этом процессе сыграли Г. Ниязова, В. Ташкалова, А. Сагитов, Н. Хисамиев, Р. Умитбаева, Б. Сабирова, А. Сайфуллина и др.

Одним из значимых результатов данного этапа движения стало создание в конце 80-х гг. XX в. в г. Тобольске Центра сибирско-татарской культуры (первоначальное название «Досуг»). Центр сибирско-татарской культуры г. Тобольска – один из первых татарских центров не только в регионе, но и в стране. В 1990-е гг., став муниципальным учреждением, Центр развернул свою деятельность в различных направлениях, имея в своей структуре отделы образования, культуры, научно-исследовательскую лабораторию, историко-этнографический музей и др., более 100 штатных сотрудников. Позже Центры татарской культуры возникли и в других населенных пунктах области.

В 1990-е гг. сформировалась сеть общественных и муниципальных организаций культуры, которые стали центрами сохранения и развития татарской культуры в регионе. Такие центры сформировались в городах Западной Сибири, где проживает значительное число татарского населения.

Это Центр сибирско-татарской культуры в г. Тобольске, Центр татарской культуры в г. Тюмени, Новосибирский областной татарский культурный центр и другие. Развитие культуры проходило также через Национально-культурные автономии Томска, Омска, Новосибирска, Тюмени и др. Формировались творческие коллективы, которые исполняли татарские песни и танцы, создавались самодеятельные театры, в которых ставились пьесы на татарском языке. Еще одной эффективной формой работы было создание татарских отделов при городских и районных отделах культуры.

В 1998 г. в г. Тобольске состоялся крупный научный форум – I-й Сибирский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», на котором собравшиеся из разных концов страны ведущие ученые – археологи, этнографы, историки, лингвисты, обсуждали проблемы этногенеза, этнической истории, культурного наследия сибирских татар. С конца 90-х гг. XX в. стали проводиться ежегодные научно-практические конференции «Сулеймановские чтения».

В 1996 г. вышел Федеральный Закон РФ «О национально-культурной автономии». В областях, городах и сельских населенных пунктах многонациональной России стали организовываться НКА. Структура НКА татар была выстроена и в Тюменской области. В 1998 году была создана национально-культурная автономия сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области (председатель А. Х. Каюмов), учредителями которой выступили местные национально-культурные автономии.

Национально-культурные автономии должны были создавать правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан Российской Федерации в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития, определять правовые основы этих отношений в форме национально-культурной автономии, на следующих принципах: свободного волеизъявления граждан при этнической самоидентификации, самоорганизации и самоуправления, многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой, уважения национально-культурных интересов различных этнических общностей, законности.

«Основной целью создания и деятельности автономии является содействие возрождению, сохранению, развитию и преемственному наследию национальной культуры, традиций, обычаев и языка». Однако, организованные «сверху» и подконтрольные государственным структурам, многие НКА постепенно перестали быть самостоятельными общественными организациями, выполняя во многом формальную роль. Эти процессы происходили на фоне общего спада национального движения в стране.

Результаты деятельности татарских общественных организаций, СМИ, и в целом национального движения за прошедшие четверть века значительно повысили этническое самосознание сибирских татар.

Многие из участников и лидеров этого движения ушли из жизни. Сегодня с нами нет Булата Сулейманова, Ильдара Шарапова, Арслангирея Арангулова, Рифхата Яхина, Фуата Валеева, Суфии Исхаковой, Ильяса Рафикова, Сафиуллы Ильясова и многих других, кто оставил яркий и неизгладимый след в истории народа.

Утяшев Н. В.

КОЧЕВНИКИ АЛТАЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Алтай – регион с богатейшим историческим прошлым. Здесь находятся уникальные памятники древности, историческая ценность которых выходит далеко за пределы края и даже России. Археологические исследования Алтая дают ценные результаты для освещения его истории, позволяют с редкой полнотой вскрыть быт и культуру населения Алтая в ту отдаленную эпоху.

В самых живописных урочищах и долинах рек древним алтайским вождям после их смерти воздвигались гигантские курганы. Немало сокровищ было скрыто под их насыпями. По большей части курганы были разграблены еще в древности алчными современниками. Но и того, что попало в руки археологам, вполне хватило, чтобы поразить воображение любителей древности и украсить экспозиции самых лучших музеев мира. По этим чудом сохранившимся материалам можно предстать, как выглядел мир центральноазиатских кочевников в дописьменный период своей истории.

Первые археологические находки на Алтае, как отмечает в своих публикациях М. П. Грязнов, относятся к началу XVIII в., когда «в 1713 г. русские двинулись из Томска и Чаусского острога (г. Колывань) в степь и к 1717 г. овладели ею до р. Иртыша на западе и Алтайских гор на юге. При

этом продвижении они наткнулись в Алейской степи у подножья Алтайских гор (в 20 днях пути от г. Томска) на богатые курганы, в которых нашли большое количество различных золотых украшений. Уральский заводчик Демидов получил часть этих вещей и поднёс их в 1716 г. Петру Первому, сразу же оценившему их как музейную редкость и давшему наказ о скупке подобных вещей для его Кунсткамеры. Так составила первая в России археологическая коллекция, ныне гордость Эрмитажа, известная под названием «Сибирской коллекции Петра Первого» [Грязнов, 1950: 68].

В начале XIX в., коллекционер П. К. Фролов, собрал большое количество разнообразных древностей, происходящих преимущественно из хищнических раскопок в горнозаводских районах западного и северо-западного Алтая. Часть вещей хранится в Эрмитаже, остальные в Историческом музее в Москве. Экспедиции В. В. Радлова и А. В. Адрианова дали материал для характеристики начальной стадии развития культуры ранних кочевников Алтая.

1924 г. начался исследованием курганов в горных, степных и лесных районах Алтайского края по берегам Оби и Бии экспедицией Государственного Музея этнографии под руководством С. И. Руденко. С 1924 по 1929 гг. экспедиция произвела раскопки нескольких курганных могильников пазырыкского и шибинского этапов и исследовала осёдлые поселения времени ранних кочевников. Большой интерес представляют раскопки каменного кургана в Шибе, по которому назван последний этап в развитии культуры ранних кочевников Алтая, и такого же кургана в Пазырыке. Под насыпью обоих курганов открыты богатые погребения племенных вождей, находившиеся в замёрзшем грунте. В последующие годы раскопки каменных курганов продолжали С. В. Киселёв и Л. А. Евтюхова (1934–1937 гг.), С. М. Сергеев (1929–1934 гг.), А. П. Марков (1935 и 1937 гг.), А. Т. Кузнецова (1935 г.), С. С. Черников (1937 и 1948 гг.), М. П. Грязнов (1946–1947 гг.) и др.

Сенсацией мирового масштаба стало обнаружение летом 1993 г. на плато Укок на юге Горного Алтая в бассейне реки Ак-Алаха экспедицией Новосибирского института археологии и этнографии под руководством Натальи Полосьмак захоронения, которое было названо в честь погребённой в нем «курганом Принцессы Укока» или «курганом Алтайской принцессы». Возраст захоронения, принадлежащего пазырыкской культуре, – 2,5 тыс. лет. Уникальными были как сохранность, так и особый статус захоронения.

Курган «Принцессы» не относился к «царским» захоронениям по своим размерам, составляя 25 м в диаметре (в сравнении с 50–100-метровыми царскими захоронениями). Захоронение было двойным: верхнее захоронение воина-каракобинца и нижнее – молодой женщины. В захоронении были обнаружены костяки шести лошадей, меховые покрывала с аппликациями из золотой фольги, серебряное зеркало, сосуды из дерева, рога, глины, резные деревянные фигурки крылатых барсов, оленей, птички, украшавшие головной убор, блюдечко с кориандром. В ушах у «Укокской принцессы» были золотые серьги-кольца, вся кисть умершей была покрыта жемчугом. Последующие исследования мумии показали, что девушка была европеоидом. Тело «Принцессы Укока» имело татуировки, в том числе оленя с клювом грифона и «цветущими» рогами, мотив распространенный у скифов. Мумию женщины, похороненной на плоскогорье две с половиной тысячи лет назад, называли одной из самых ценных находок археологии конца XX в. Но ее особый статус и то, что мумию вывезли с территории Алтая, стало впоследствии яблоком раздора между археологами и местным населением. После обнаружения принцессы Госсобрание Республики Алтай приняло постановление о запрете проведения в Горном Алтае археологических изысканий, а плато Укок было объявлено «зоной покоя». В 1998 г. Укок включили в список всемирного природного наследия ЮНЕСКО. После реконструкции в 2012 г. Национального музея имени А. В. Анохина в г. Горно-Алтайске новосибирские ученые согласились вернуть мумию принцессы в Республику Алтай.

Находки древних курганов дают прочные основания для рассуждения о физическом типе и культуре погребённых в них алтайцев. Древние жители Алтая представляли собой смешанное кочевое население, в их внешнем европеоидном облике порой проступали черты монголоидной расы (см. труды Райса Т. Т., Руденко С. И.). До V или IV в. до н.э. жители Западной Сибири были светловолосыми людьми европейского происхождения. С конца III в. – начала II в. до н.э. и до конца I в. до н.э. Алтай находился в сфере влияния племенного союза хунну – предков гуннов, впоследствии покоривших многие европейские народы в процессе «великого переселения народов». Хунну создали первое в Центральной Азии раннеклассовое государство. Массовое передвижение кочевых племен на запад сильно изменило облик населения Алтая. В лесной зоне начинает складываться культура самодийского населения, западносибирских угров и раннетюркских элементов. В археологических находках, относящихся к VI–X вв. н.э., четко прослеживается связь между гунно-сарматскими и тюркскими периодами истории Алтая, когда осуществлялся переход от индоевропейских жителей на территории края к древним тюркам, являвшимся предками современных алтайцев и монголов.

Основным занятием населения Алтая было скотоводство при полуосёдлом образе жизни. В скотоводческом хозяйстве главное место отводилось лошадям и овцам. Второе место занимала охота. Среди промысловых животных следует назвать соболя, белку, выдру. Кроме пушных зверей, добывались и хищные. В Пазырыкских курганах найдены изделия из меха леопарда и степной кошки. Добывались кабаны, лоси, косули и маралы. О занятиях кочевниками земледелием известно мало. Условия для занятий в Горном Алтае земледелием были неблагоприятными. Следовательно, только охота и скотоводство могли в те времена прокормить достаточно многочисленное, судя по количеству погребений, население этого края.

Исследователи делают вывод, что население вело полукочевой образ жизни, имело постоянные бревенчатые жилища на зимовках в степных долинах. Погребальные камеры отражают конструкцию постоянного жилища, дома, особенно верхнего слоя общества, отличаются совершенной строительной техникой. Они были прямоугольные, бревенчатые, с полом из толстых плах. Материалом для покрытия служили береста, кора лиственницы, кустарник «курильский чай». Пол этих жилищ был покрыт войлоком, им же завешивались и стены. Сезонные перекочёвки, вызывавшиеся потребностями основного скотоводческого хозяйства, находят своё подтверждение в большом количестве вещей, найденных во II Пазырыкском кургане: мебель, столики со съёмными крышками, хозяйственный инвентарь, приспособленный для передвижения, деревянная подвесная и кожаная посуда. Найдены в курганах остатки одежды и обуви, ременных поясов и войлочных головных уборов. Открытые в Пазырыкских курганах и на плато Укок ценности выявили разнообразие форм художественного творчества у оставившего их племени.

Интерес к этому богатейшему материалу еще долго не иссякнет. В настоящее время возникла угроза сохранения археологических объектов Алтая. По мнению современных исследователей, в частности В. И. Соенова и Т. В. Тишкиной, доцентов Горно-Алтайского государственного университета, самые сильные разрушения археологических объектов Алтая сегодня происходят в результате антропогенного воздействия и только во вторую очередь – в результате воздействия некоторых природных явлений [Соенов, 2013, URL; Тишкина, 2009, URL]. Горный Алтай нуждается в археологических консервационных работах по последствиям природных воздействий: эрозий, размывов, оползней, колебаний климата и т. д. Труднее предотвращать антропогенные угрозы – хозяйственное освоение территории и ресурсов, разведка и добыча полезных ископаемых, грабительские раскопки с целью поиска и хищения предметов из драгоценных металлов или предметов, предоставляющих историческую и художественную ценность.

В. И. Соенов обращает внимание властей республики на срочность в принятии реальных решений по предотвращению ухудшения состояния или ускоренного разрушения памятников Алтая. Мы поддерживаем автора в его опасениях и также надеемся на внимание в деле сохранения наследия Алтая.

Литература

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950.

Райс Т. Т. Скифы. Строители степных пирамид [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/188761-skify-stroiteli-stepnyx-piramid.html>.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.– Л. 1960.

Соенов В. И. Пазырыкские курганы в контексте современных проблем сохранения археологических памятников Алтая // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/09/26490>.

Тишкина Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. Барнаул, 2009. 22 с.

Хаджиева М. Х.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Островком стабильности, незыблемым столпом благополучия в окружающем нас мире, остается материальная культура и главным образом пищевая ее составляющая.

Карачаево-балкарский народ сложился к X в. на основе многовекового смешения автохтонного горно-кавказского субстрата и степного пришлого суперстрата. Череда событий привела к административному и территориальному разделению, что не разделило народ фактически, мы все также едины, у нас общее происхождение, один язык, уклад жизни, национальная ментальность.

Все это и позволяет рассматривать культуру питания карачаевцев и балкарцев в рамках единой карачаево-балкарской системы питания и комплексно изучать ее различные аспекты, проблемы эволюции и трансформации в рамках одной статьи.

Специфика географического положения, разнообразие рельефа – все это, как и этногенетические явления объясняют особенности многообразия пищевой системы народа. Подвижное скотоводство бытовало наряду с другими отраслями хозяйства, в первую очередь, с земледелием, которое являлось древнейшим занятием карачаевцев и балкарцев, и требовало невероятных усилий, строительства ирригационных каналов, внесения удобрений, для того чтобы вырастить на своих клочках земли «будай» – пшеницу, «арпа» – ячмень, «тары» – просо, «зынтхы» – овес.

Напротив скотоводство обеспечивало всем, в чем нуждалось население, но генетическая предрасположенность и навыки заставляли народ по-прежнему, как и до истребления предков карачаевцев и балкарцев монголами и Тамерланом заниматься земледелием.

Большое место в питании карачаевцев и балкарцев играли кисломолочные продукты и среди них, прежде всего – айран и гыпы-айран (кефир). Кисломолочные продукты не просто часть системы питания, но и семантическая составляющая культуры. Не менее важным, чем его вкус и полезные свойства цениться его роль в ситуациях сакрального значения. Во всех ритуальных мероприятиях прослеживается особая роль всего, что связано с молочными продуктами, которые, издревле подчеркивая их свойства, называли общим для всех тюрков термином «акъ». «Белая пища», «белый кислород», так называют и в XXI в. молочные продукты карачаевцы и балкарцы. На сегодняшний день белый цвет все так же, как и тысячелетия назад олицетворяет собой чистоту, святость и непорочность. Предметам материальной культуры – одежде, головным уборам, войлоку белого цвета, «белой пище» и белым животным в тюркских обществах уделяется первостепенное значение пропорциональное их особому статусу, с которым ассоциировались представления о счастье, и чистоте, благородстве и почете, здоровье и красоте [Хад. п. м. 1].

Особое место среди продуктов, изготавливаемых из молока, занимают сыры: рассольные и копченые, получаемые с помощью свертывания молока сычужным ферментом семидневного ягненка или козленка. Сыр изготавливали из цельного козьего, овечьего и коровьего молока. Из овечьего молока получали (къой бышлакъ) и брынзу (къой сюзме). Производили также масло нескольких разновидностей: сары-джау – сливочное масло высшего качества, акъ джау – белое масло и кайнаган-джау – топленое масло.

В пищу карачаевцы, и балкарцы использовали различные виды мяса: баранину, козлятину, говядину, очень редко телятину, в отличие от европейцев, у которых она деликатес. Мясо опускали только в холодную воду, чтобы при варке «не краснело», варили в котле порциями «сюек юлюш» и ели в отваренном виде с приправой из чеснока, соли и айрана. На праздничные мероприятия: свадьбу, рождение ребенка, окончание и начало хозяйственных работ, тушу животного жарили целиком на вертеле. Существовал очень интересный способ подачи и приготовления мяса в честь первого приезда зятя в дом родственников жены «кюеу кегузген». Тушу барана варили или обжаривали целиком, и называлось это угощение «къой уча», который украшался зеленью, фруктами, орехами, в уши вдевали серьги, а на шею вешали ожерелье. Баран восседал в ложе из разных вкусов, горделиво, как на троне, окруженный пиалами с тузлуком, айраном, зеленью.

Сразу же после убоя скота готовили колбасы: «сохта», «джёрме» и «къыйма». Из каждого забитого барана готовили четыре различных сохта: «ашхын сохта», «бютеу сохта», «чыпчыкъ кёз» и «узун сохта». Къыйма готовили из мелкорубленного говяжьего мяса, сала с чесноком, луком, солью, которым набивали кишку, приплющивали ее и вялили на солнце или на чердаке. Из желудка готовили джёрме. Для этого тщательно промытый желудок резали продольными лентами, клали туда же разрезанные вдоль и очищенные кишки с жиром (джаулу ичеги или соз джау), свертывали рулетиком, обвязывали черными кишками (къара ичеги) или же белой хлопковой ниткой. Из брюшины барана обычно готовили одну цельную (бютеу джёрме) или три «узун джермеле» и один «сангкълчакъ джёрме». Такую колбасу ели в вареном или же жареном виде. Если ее вялили впрок, то она называлась «къакъ джёрме».

Мясо использовали и как начинку для пирогов «эт хычын». Хычины (пироги) с различными начинками – мясной (эт хычин), сырной (бышлак хычин), творожной (ачъыган бышлак хычин), картофельной (гардош хычин), свекольной (чюгюндюр хычин), щавелевой (къозу къулак), крапивной (умурса), из мяса птицы с сухофруктами, рисом и медом, тыквенной (хияр). Ритуальным, благовестным видом хычина являлся кърым хычин – крымский – многослойный пирог [Хад. п. м. 2].

Карачаевцы и балкарцы пекут ритуальные хлеба, пироги, печенья в форме полумесяца, круга, которые, без сомнения, несли особую смысловую нагрузку и были конкретным выражением верований астрального толка. Так берекле пекут лунарной формы с различной начинкой, локумы,

тишкеми служили заменой жертвенного животного, которое должно обеспечить благополучие, счастье или обилие изображаемых объектов.

Сам дух земледельческого праздника, где символ солнца и луны явственно ощущается в форме изделий из теста. Ритуальным блюдом, выпекаемым к началу пахоты, был «Хачауман хычин» – с ямочкой в виде креста посередине, его готовили в честь Золотого Хардара [Хад. п. м. 3].

Блюда из зерна использовали, как в повседневной трапезе, так и в качестве ритуальной пищи. Баста (каша) ели с мясомолочными продуктами: айраном, тузлуком, сметаной, сливками, колбасой (къымой), с сушеным мясом (къакъ эт). Разновидностью каши была густая каша – как (мамалыга), из ячменной, кукурузной и реже просяной муки. Таким же повседневным блюдом, очень вкусным и питательным была кукурузная или ячменная каша – мерезе с большим количеством свежего сыра и масла.

К архаическим способам употребления зерновых продуктов относится попкорн – (къу-урмач), толокно – куут и джирна – каша из семи-девяти различных злаковых. Приготовление джирна было обязательным при прорезывании зубов у младенца, а также готовили ритуальную джирна – ашура-джирна, на бульоне из вяленой баранины, риса, пшена, кукурузы, ячменя, пшеницы, фасоли [Хад. п. м. 4].

Более сложным способом приготовления является варка обработанного зерна или муки, куда можно отнести многочисленные формы блюд: хатлама, хинкел всех разновидностей, лапшевидные изделия и т. д. К мучным изделиям, сваренным в воде, можно отнести пельмени и вареники (суу берек) с мясом и творогом. Фигурирующим на многих праздниках календарного цикла блюдом является – халва – «хурбай халуа», «гаккы халуа», «сахан халуа», «шекер халуа», «четен халуа».

В традиционной кухне тюркских народов, существенную роль играют напитки, как алкогольные, так и безалкогольные. Одним из древних напитков являются – боза (зерновой слабоалкогольный напиток) и сыра – (темное пиво), чагыр (плодово-ягодное вино). Для свадебных торжеств готовили особый боза – «къара или къанлы боза», с добавлением меда диких пчел, хмеля, ягод рябины, он был более насыщенным и опьяняющим. Популярным безалкогольным напитком был квас – «гумул», изготавливали его из овса, меда, малины, смородины, черемухи, клюквы. Из ячменной, а позднее из овсяной муки готовили различные виды киселя – бегене.

Рыбу использовали в пищу с древних времен, но она не имеет в системе питания конкретного местоположения, в ней не нуждались, так как содержащиеся в рыбе витамины и микроэлементы получали от молочной и мясной продукции, отсюда и несерьезное отношение к рыбе, а употребление в виде шашлыка, по мнению информатора, от – баловства [Хад. п. м. 5].

Пища фигурировала на всех этапах обряда перехода, исполняя роль жертвоприношения, оберега, а также связующего начала между старыми и новыми родственниками, символизировала соединение молодых, рождения нового члена общества и олицетворяла их счастливую жизнь, достаток. И мы по-прежнему верим, в то, что чем больше людей вкусят ритуальных даров, тем спокойнее, благополучнее, счастливее будет жизнь новорожденного и молодоженов, и мертвым родственникам, будет покойно, они должны и по возможности будут чувствовать заботу и внимание, а значит, их еще любят о них еще помнят.

Источники

- Полевой материал 2007. Г. Нальчик. Хаджиев М. А. 1957.
- Полевой материал 2007. Сел. Джингирик. Койчуев А. А – Д. 1968.
- Полевой материал 2007.с. Картджурт. Гочияева С. А. 1923.
- Полевой материал 2008. г. Карачаевск. Богатырев Х. А. 1943.
- Полевой материал 2008.г. Кисловодск. Хаджиев М. Я. 1937.

РАЗДЕЛ 4. ПЕДАГОГИКА

Айтбаева Р. Т.

ЧЕЧКИНСКИЙ ДЕТСКИЙ САД «ЛЕЙСАН»: ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ

Чечкинский детский сад «Лейсан» Ярковского муниципального района действует с 1956 г. Посещали его дети работников колхоза «Верный путь». Заведующей детским садом работала Шарапова Муршида Каримовна, воспитателем – Баширова Сабира Халиловна. В ноябре 1993 г. открыло двери новое здание детского сада для чечкинских дошкольников: просторные светлые групповые и спальные комнаты, прачечная, пищеблок, санузел оборудованы по требованию санитарных правил. Детский сад посещают более тридцати детей от 1 г. до 7 лет, функционируют две группы. В коллективе работают два воспитателя, два младших воспитателя, медсестра, прачка, повар, два сторожа, с 1974 г. руководит коллективом заведующая детским садом Шаяхметова Асия Тимергалиевна. Воспитателем старшей группы работает Бакирова Халилия Ахтямовна, воспитателем младшей группы – Юмашева Альфия Гареевна. Воспитательно-образовательная работа ведется по программе Васильевой. До 1993 г. детский сад располагался в приспособленном здании по ул. Мира, была общая приемная, две спальни, одна групповая комната. Несмотря на стесненные обстоятельства, детский сад функционировал, дети охотно ходили в детский сад, посещали его более тридцати детей. На основании распоряжения главы ОМО Ярковский район № 722 от 1 ноября 2004 г. детский сад «Лейсан» стал структурным подразделением Чечкинской основной общеобразовательной школы, в мае 2006 г. – структурным подразделением МОУ «Староалександровская СОШ им. Калиева А. М.». В сентябре 2006 г. заведующей детским садом «Лейсан» назначена Айтбаева Раиса Тимировна, работавшая ранее директором Чечкинской основной общеобразовательной школы. Раиса Тимировна окончила филологический факультет Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева в 1973 г., была назначена учителем Чечкинской восьмилетней школы, с начала 1982 г. по август 2002 г. работала заместителем директора по учебно-воспитательной работе, а с сентября 2002 г. возглавила Чечкинскую основную общеобразовательную школу. За плодотворную работу в сфере образования награждена Грамотами Управления образования Ярковского муниципального района, Грамотой Департамента образования и науки Тюменской области, имеет Благодарность министерства образования РФ, Ветеран педагогического труда. В детском саду под её руководством проводится воспитательно-образовательная работа, работа с родителями, оснащение детского сада современным оборудованием, преемственность со школой. Мониторинг готовности к школе проводится два раза в течение учебного года. По результатам мониторинга воспитатель проводит сравнительный анализ, составляет план своей дальнейшей работы с будущими первоклассниками над устранением выявленных недостатков. Встреча будущих первоклассников в школе стала доброй традицией. Для будущих первоклассников в школе проводится «День открытых дверей». Здесь воспитанники встречаются не только с будущим учителем, но с выпускниками Староалександровского детского сада и воспитанниками группы кратковременного пребывания при школе для детей из других деревень, с которыми им предстоит учиться в дальнейшие годы. В школе для них проводится экскурсия, пробный урок, организуется обед. На встречу приглашаются и родители, учитель и воспитатель оформляют для них стенд «На пороге школы», где помещают необходимые рекомендации, фотографии, советы учителя начальных классов по подготовке ребенка к обучению в школе. Весной 2015 г. урок для будущих первоклассников провела воспитатель Чечкинского детского сада Баширова Лилия Валиевна по математике: «Играем и считаем», в 2014 г. интересный урок «В мире сказок» – учитель ГКП Каримова Айсылу Маюровна. Детям предлагается сделать рисунок на тему «Каким я представляю себя в школе». Провели традиционную экскурсию спортивное мероприятие провела воспитатель Староалександровского детского сада Аскарлова Рузиля Авхатовна. Работа с родителями проводится в течение всего учебного года. Воспитанники Чечкинского детского сада приняли участие в районном конкурсе «Лучшая школа Ярковского района» вместе с учителями и учащимися Староалександровской средней школы. Воспитатель Баширова Лилия Валиевна окончила Тюменский педагогический колледж в 2003 г., работала воспитателем в детском саду № 57 г. Тюмени, затем в 2008 г. переехала в Чечкино, с 21 июля 2009 г. работает воспитателем в Чечкинском детском саду, в декабре 2014 г. аттестована на первую квалификационную категорию по должности воспитатель детского сада, в 2011 и 2013 гг. прошла курсы повышения квалификации при ТОГИРРО в г. Тюмени. В июле 2011 г. в детском саду открывается вторая

группа для детей младшего дошкольного возраста. Воспитателем в эту группу назначается Айтбаева Фирюза Ильясовна. В мае 2012 г. она уволилась по собственному желанию и на должность второго воспитателя была принята Баширова Инера Ильясовна, окончившая к этому времени филологический факультет ТюмГУ. После назначения на должность она была направлена на курсы воспитателей детских садов по теме «Организационно-педагогические основы образовательного процесса ДОУ в свете реализации ФГТ к структуре программы». Детский сад оснащен новой мебелью: спальни оборудованы новыми кроватями, в приемной стоят пятисекционные шкафчики для одежды, дополненные лавочками, здесь же находится «Уголок для родителей», в котором родители могут познакомиться с распорядком дня, с циклограммой образовательной деятельности в течение дня, с задачами на неделю, узнать чему научились дети за день. Рядом находится уголок «Наши достижения» с материалом с различных конкурсов, «Уголок природы», где дети отражают свои наблюдения над природой. В групповой комнате находятся игровые зоны: «Парикмахерская», «Кухня», «Больница», «Транспорт», «Библиотека», уголок творчества, физкультурный уголок, здесь же находится «Тропа здоровья». В начале 2013 г. территория детского сада оснащена игровым оборудованием заводского производства: горка, качели-балансир, песочница, стенка для лазания. Воспитатели изучают опыт лучших педагогов, делятся опытом работы на МО. В марте 2011 г. состоялось выездное заседание МО воспитателей детских садов Ярковского района в Чечкинском детском саду «Лейсан». Баширова Лилия Валиевна поделилась опытом работы по организации непосредственно образовательной деятельности в старшей группе по математике «Играем и считаем», в младшей группе по рисованию «Озорные котята», также по организации образовательной деятельности в игре и на прогулке. Заведующая детским садом Айтбаева Р. Т. также охотно делится опытом работы на заседаниях МО, на педсоветах. На августовской конференции педагогов 2012 г. она рассказала об организации дошкольного образования в Чечкинском детском саду, оказывает методическую помощь педагогам Староалександровского детсада и помощь по всем вопросам деятельности ДОУ. Воспитанники детского сада «Лейсан» – активные участники всех районных конкурсов и спортивных соревнований. Так в 2011 г. команда в составе воспитанников Губайдулиной Эльфриды, Мамкиной Индиры, Мукминовой Лилии, Мукминова Дениса, Юмашева Вадима, Деметиева Артема в районной летней спартакиаде дошкольников «Солнышко-2011» заняла 3 место. В феврале 2012 г. танцевальная группа детского сада под руководством воспитателя Башировой Лилии Валиевны заняла 3 место в районном смотре-конкурсе детского творчества тюркоязычных народов «Утренняя звезда», в марте этого же года воспитанник Шаяхметов Рубин занял второе место в конкурсе исследовательских работ и творческих проектов «Первые шаги», он представил свою исследовательскую работу «Мои увлечения», рассказав о диковинном мире древних динозавров, о своем посещении музея динозавров, о том, что он собирает макеты этих животных, в 2014 г. в номинации «Мои увлечения» победила воспитанница детского сада «Лейсан» Шаяхметова Регина, и в марте 2015 г. Каримова Эвелина в данном конкурсе заняла 3 место. Сама Лилия Валиевна тоже активный участник жизни детского сада и школы. За подготовку призера районного конкурса исследовательских работ и творческих проектов «Первые шаги» в 2012 г. ей объявлена благодарность Управления образования. В 2012 г. она приняла участие в районном конкурсе «Педагог года», награждена ценным подарком и Грамотой, в 2011 г. за успехи в воспитании детей дошкольного возраста награждена Почетной грамотой Департамента образования и науки Тюменской области. Ежегодно проводится районный конкурс на лучшее новогоднее оформление территории учреждений. В 2012 г. Чечкинский детский сад «Лейсан» награжден Грамотой управления образования «За творчество, фантазию и оригинальность новогоднего оформления территории детского сада», в 2013 г. детский сад награждается Грамотой «За победу в районном конкурсе на лучшее новогоднее оформление территории детского сада», а в 2014 г. в районном конкурсе «Городок зимних забав» среди дошкольных образовательных учреждений района заняли 3 место, по итогам подготовки к началу 2014–2015 учебного г. детский сад «Лейсан» занял 3 место. Для повышения педагогической культуры родителей проводится родительский лекторий, родители активно посещают его, проявляют заинтересованность, рассказывают о своем опыте воспитания дошкольников. Воспитанию патриотизма способствует проведение народного праздника «Сабантуй», посиделок «Аулак ой». Стало традицией проведение форума «Большая перемена». В его работе принимают участие родители воспитанников, учителя МАОУ «Староалександровская СОШ им. Калиева А. М.». Стало доброй традицией проведение форума «Большая перемена». Родители выступают в роли детей и принимают активное участие во всех режимных моментах, непосредственно образовательной деятельности и на прогулке, для них проводится анкетирование по вопросам, касающимся взаимодействия детского сада и семьи.

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Татарский язык является одним из государственных языков Республики Татарстан. Изучение его является необходимым компонентом. От уровня владения языком зависят успехи не только в учёбе, но и в общении с другими людьми; уровень владения языком в значительной мере определяет социальное лицо человека, его культурные и интеллектуальные показатели, его общественную активность, стремление к самообразованию своего духовного начала.

Уже много сказано и написано о том, что особую значимость сегодня приобретает нравственный аспект изучения языка. Формирование у студента ценностного отношения к языку должно стать одной из важнейших задач вузовского лингвистического образования. Учитывать любовь к слову, понимать его, уметь пользоваться им, уметь отличать от другого, исконно татарские слова от заимствованного, книжное от разговорного – основная цель занятий татарского языка.

Цели образования сегодня определяются в соответствии с запросами общества, с современными подходами к развитию образования. Современное образование связано, в первую очередь, с развивающей и воспитательной функциями, с личностно-ориентированными технологиями обучения татарскому языку. Это предполагает необходимость всестороннего развития речевых способностей студента, формирования языковой компетенции. Преподаватели должны формировать языковую личность, в совершенстве владеющую устной и письменной речью. Развитие речи – главная задача занятий татарского языка в ВУЗе, поэтому требуется постоянная систематическая работа в этом направлении. Речь – это сложнейшая человеческая деятельность, причём творческая деятельность, включающая в себя умение наблюдать, мыслить, фантазировать, а также слушать и слышать; прежде всего выучивается говорить тот, кому есть что сказать, поэтому учить надо не техническому оформлению высказываний, а речевому мышлению, речевому творчеству, а также адекватному восприятию чужой речи.

Формирование устойчивых навыков устной и письменной речи ведётся:

1. на занятии;
2. дистанционно (всеми многообразными формами системы мудл);
3. в ходе индивидуальной, самостоятельной работы студентов.

Формирование и развитие языковой компетенции, несомненно, прерогатива предмета «татарский язык», однако она может быть признана и надпредметной компетенцией, которая должна совершенствоваться в процессе изучения всех учебных предметов, в условиях единого речевого режима.

Сегодня обучение татарскому языку происходит в сложных условиях: снижается общая культура населения, речь носителей языка засорена неоправданными заимствованными профессионализмами, жаргонизмами, поэтому в гос. стандарте для вузов усилен аспект культуры речи.

Традиционные общеобразовательные цели дополняются новой – формированием высокого уровня компетентности выпускников.

В программу по татарскому языку в настоящее время введены понятия «коммуникативная компетенция», «языковая компетенция», «лингвистическая компетенция», «культуроведческая компетенция». Для того чтобы учащиеся в полном объеме могли овладеть вышеперечисленными компетенциями, целенаправленную систематическую работу по развитию устной и письменной речи.

Современный этап развития методики преподавания татарского языка характеризует новые подходы к определению целей обучения и выбору конкретных технологий и методик. В качестве специальных целей преподавания татарского языка в Федеральном компоненте государственного стандарта выделяются языковая, коммуникативная, лингвистическая и культуроведческая компетенции.

Формирование языковой компетенции – важнейший аспект обучения родному языку, поскольку языковая компетенция – это способность учащихся употреблять слова, их формы, синтаксические конструкции в соответствии с нормами литературного языка, использовать его синонимические средства, в конечном счете, – владение богатством языка как условие успешной речевой деятельности.

Последнее время формированию языковой компетенции придается особое значение, так как в ней совершенно справедливо видят залог успешного формирования социально активной личности.

Введение этих понятий в лингводидактику не случайно. Это находится в русле компетентного подхода, признанного сегодня одним из оснований модернизации российского образования. Предполагается, что в основу обновленного содержания образования будут положены «ключевые компетенции, которые рассматриваются как конкретизированные цели образования».

Утверждение названных понятий обусловлено достижениями современной психологической и лингвистической науки: теории речевой деятельности, коммуникативной лингвистики, исследующей общие закономерности речевого общения и функционирование языковых средств в реальных актах общения (говорения и восприятия) и когнитивной лингвистики, представляющей системное описание и объяснение механизмов усвоения языка. Практически значимой представляется и попытка разработать целостную концепцию языкового образования, включающую изучение татарского языка, русского языка, иностранных языков, реализовать единые подходы и в определенной мере единый понятийный аппарат.

Учитывая значение языка в развитии личности студента, его общей и познавательной культуры, важнейшей ценностной ориентации – отношения к родному языку, формирование языковой компетенции целесообразно считать не только обязательным и необходимым условием овладения речевой деятельностью, но и средством языкового развития, познания ими языка как специфической знаковой системы и общественного явления, в конечном счете, формирования языковой личности.

Таким образом, выделяются цели и задачи, которые нужно решать в первую очередь, чтобы добиться высокого уровня развития языковой компетенции:

- создать условия для развития познавательной активности обучающихся через использование новых образовательных технологий, активных форм обучения;
- содействовать развитию устной и письменной речи студентов посредством активных форм обучения;
- способствовать раскрытию и реализации творческого потенциала каждого студента.
- совершенствование языковой компетенции, включающей овладение богатством самого языка, владение всеми нормами литературного языка, включая нормы правописные (орфографические и пунктуационные).

Применение новых технологий повышает заинтересованность студентов на занятии. Таким образом, на занятии обучающиеся получают как языковые, так и неязыковые знания. Знания о языке они приобретают в процессе его изучения, и вместе с ними они пополняют свой словарный запас, усваивая лингвистическую терминологию. Внеязыковые (экстралингвистические) знания (об окружающем мире) обучающиеся на уроках татарского языка черпают из словарей, частично из текстов упражнений, а также в результате знакомства с произведениями искусства, участия в спорте, посещение театров, музеев, производственных объектов (проходя практику) и т.д, где они вместе с новыми знаниями усваивают новые слова. Задача преподавателя – использовать слова в учебном процессе при изучении грамматики и в работе по развитию речи студентов.

Литература

- Базилевская В. Б. Вопрос и ответ. Теория и грамматический разбор. – Воронеж, 1995. – 183 с.
Болотнова И. С. Филологический анализ текста. Часть I: пособие для филологов. – Томск, 2001. – С. 31–51
Будагов Р. А. Как мы говорим и пишем. – М., 1977. – 102 с.
Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. – М., 1963. – 178 с.
Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 169 с.

Баватдинова Р. Х.

ПРЕПОДАВАНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В МАОУ «НОВОКАЙШКУЛЬСКАЯ СОШ»: ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Процесс преподавания татарского языка и литературы в школе носит не только образовательный характер, но и направлен на воспитание успешной личности, ориентированной на общечеловеческие и национальные ценности. Обучение будет успешным, если знания и умения усваиваются учащимися в строгой последовательности, постепенно, в порядке вырастающей трудности и сложности с тем, чтобы школьник поднимался по ступеням. Каждый новый урок должен базироваться на предыдущих. Чтобы создать интерес к предмету, использую игровые элементы, провожу уроки-диспуты, урок – лекции. Использование ИКТ в учебном процессе позволяет повысить эффективность обучения, приблизить его к реальному уровню деятельности. Как новое техническое средство, на своих уроках активно использую компьютер.

Внедрение новых информационных технологий, целенаправленная работа по самосовершенствованию является той основой, которая способствует качеству и результативности обучения. Использование компьютерных технологий на уроках наиболее активизирует познавательную деятельность учащихся, повышает мотивацию их учебной деятельности, формирует исследовательские умения, умения принимать оптимальные решения. С появлением интерактивного оборудования в нашей школе у каждого учителя появилась прекрасная возможность оживить, разнообразить свои уроки. Я с удовольствием начала осваивать «чудо – технику». Оказалось, что работать с интерактивной доской SMART BOARD просто и увлекательно! Использование интерактивной доски делает занятия интересными и развивает мотивацию: предоставляет больше возможностей для участия в коллективной работе, развития личных и социальных навыков. Учащиеся начинают работать более творчески. Интерактивная доска SMART BOARD – это способ создания развивающей среды для учащихся.

Каким должен быть современный урок татарского языка и литературы? Этот вопрос является актуальным для всех учителей татарского языка, которых волнует проблема модернизации образования, которым небезразлично, что будущее поколение затрудняется высказывать собственное мнение, что у многих ребят бедный словарный запас, мало общаются на родном языке, некоторые вообще не читают книги.

Для обогащения словарного запаса у обучающихся использую на уроке картинки, рисунки, таблицы, ребусы, кроссворды. На уроках так же, я пользуюсь поисковым, исследовательским, проблемным методом, а также принимаю следующие приемы, как наблюдение, сравнение, сопоставление.

Задача моей педагогической деятельности – научить детей осмысливать язык, понимать его историческое развитие, воспринимать действенную, созидательную природу живой речи, будить интуитивное творческое воображение. Свой личный опыт преподавания родного языка и литературы воплощаю через активное внедрение в учебный процесс элементов диалоговой, исследовательской деятельности и компьютерной технологии.

Педагогический опыт подтверждает предположение о том, что для полноценного вовлечения в учебную деятельность каждого ребенка и с его индивидуальными способностями необходимо учитывать уровень и динамику учебной активности детей и уровень овладения ими предметным содержанием теоретических понятий.

Процесс преподавания татарского языка и литературы в школе носит не только образовательный характер, но и направлен на воспитание успешной личности, ориентированной на общечеловеческие и национальные ценности. Компьютер мне помогает повысить уровень преподавания, обеспечивая наглядность, контроль, большой объем информации, являясь, наконец, стимулом в обучении. Освоение компьютерных технологий индивидуализирует учебный процесс, делает его более гуманным по отношению к учащемуся, усиливает положительную мотивацию обучения, активизирует познавательную деятельность, усиливает творческую составляющую работы ученика и учителя.

Для решения традиционных образовательных задач на уроке я применяю текстовые редакторы, системы мультимедийной презентации, электронные учебники, Интернет. Имеются материалы по произведениям и биографическим данным писателей. На уроки и внеклассные мероприятия делаю презентации, слайды. Обычно мультимедийную технологию использую при подготовке и проведении интегрированных уроков. Например, в компьютерном классе провожу урок татарской литературы, подготовив для этого мультимедийную презентацию с ярким видеорядом (иллюстрациями, видеоклипами, звуком). Эту презентацию использую во время уроков – лекции, уроков-бесед. Я считаю, что мультимедийное пособие для самостоятельной работы учащихся при подготовке к уроку является хорошим материалом.

Применение информационно-коммуникативных технологий помогает удовлетворить образовательные потребности школьников в углубленном изучении татарского языка и литературы. На уроках активно внедряю национально-региональный компонент, который представлен богатым материалом о наследии, о богатствах родного края, народных традициях и языка разных национальностей. С целью мотивации к изучению предмета использую игровые моменты. Это способствует активизации учебной деятельности. Учащиеся активно работают, развиваются. Они высказывают свои мнения смело, используют в речи фразы «По моему», «Я считаю», «Я думаю», «По моему мнению» и т.д.

Серьезную грамматическую работу я организую в форме игры «Путешествие по станциям грамматики». Заранее ученикам сообщается через какие станции (темы грамматики) будут следовать «поезда». Для каждой станции заготавливаются карточки – «билеты». Ученик заполняет свой «путевой лист» (ответы). Если не ответил, для него «путь закрыт», он «сидит на той же станции».

Потом он получает вторую карточку на то же правило и «не отправится в дальнейший путь» до тех пор, пока не выполнит задание (пока не заполнит «путевой лист»). Между тем даже трудный материал запомнится без особого труда, если при его объяснении на уроке использовать принцип занимательности и разнообразные игровые моменты, вызывающие положительную мотивацию к изучению татарского языка. Различные опорные схемы, таблицы, видеофильмы, занимательные истории, рассказы и сказки благотворно влияют на отношение учащихся к татарскому языку как учебному предмету. Основным результатом своей деятельности я считаю, получение детьми прочных знаний, умений и навыков по предмету, умение их применять на практике.

Таким образом, подобное обучение для меня – это не только сообщение новой информации, но и обучение приемам самостоятельной работы, самоконтролю, взаимоконтролю, приемам исследовательской деятельности.

Гадиев Р. Г.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ТАТАРСКОГО НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Народное декоративно-прикладное искусство татарского народа складывается из культуры различных составляющих его этнических групп: казанских татар, татар-мишарей, кряшен, приуральских, астраханских и сибирских татар.

Народное искусство татар занимает особое место в мире тюркской культуры, являясь Западной ветвью тюркской цивилизации, испытало на себе воздействие ираноязычных и финно-угорских народов, искусство Закавказья (Азербайджан), Ирана, Средней и Передней Азии, Крыма и Турции.

Традиции татарского декоративного искусства передавались из поколения в поколение. Они представлены в высокохудожественных произведениях ювелирного ремесла, в уникальной технике кожаной мозаики, тамбурной и золотой вышивке, художественном ткачестве, в полихромной декорации и резной орнаментации сельского жилища, в искусстве резьбы по камню.

Узорное ткачество – одно из ярких проявлений художественного творчества татарского народа – имеет древние истоки национальных традиций. В жизни народа узорное ткачество представлено в основном в форме домашнего ремесла. Долгие часы проводили татарские женщины за ткацким станком и овладели всеми видами узорного тканья: браного («чуплэм»), выборного («тослечуплэм»), многоремизного («кыялапсугу»). Но наиболее традиционной была техника закладного ткачества («аса-лапсугу»), которая явилась основой производства помимо узорных тканей, безворсовых ковров («келэм»), половиков и дорожек.

Другой пример бытования и развития татарского народного искусства – вышивка – один из традиционных и древних видов народного искусства. Самыми распространенными в народе считается тамбурная вышивка и гладь. Вышивками татарские мастерицы украшали преимущественно предметы бытового назначения: полотенца, салфетки, скатерти, наволочки, покрывала, оконные занавески и элементы национального костюма: женские и мужские головные уборы, бархатные туфельки и фартуки.

Традиционной и своеобразной областью народного творчества является искусство резьбы и росписи по дереву. На протяжении многих веков дерево являлось основным материалом, из которого строили жилища, делали мебель, утварь, посуду. Это сундуки, деревянная посуда, прялки, коромысла, конские дуги, детские арбы, расписные ведра и др. Особенно художественное творчество татарского народа проявилось в архитектуре домовой резьбы по дереву. На фоне зеленых массивов, полихромностью расцветок и нарядной резной орнаментации, выделяются постройки татарских деревень. Татарские мастера исстари отличались большим искусством «рубить» дома, ставить мечети, украшать их незатейливыми узорами. Владеть топором умел каждый крестьянин.

Среди народных промыслов наиболее развитым видом искусства не только в нашей стране, но и за рубежом, является арская кожаная мозаика. Кожаная мозаика (или мозаика по коже) – современное и наиболее точное определение техники исполнения традиционной орнаментированной обуви татар: ичигов («читек»), туфель («башмаков») и изделий быта (ковриков, диванных подушек, сувениров и т.д.). В настоящее время основное производство сосредоточено в г. Арске, но имеются мастерские, цеха в близлежащих деревнях, в которых работа зачастую ведется сезонно и в форме надомничества.

Впервые планомерные и комплексные исследования декоративно-прикладного искусства, архитектуры и орнамента казанских татар были начаты в 1959 г. Казанским ИЯЛИ. Результатом исследования в области татарского декоративно-прикладного искусства явилась монография Валеева Ф.Х. «Орнамент казанских татар» (1969). Основное внимание в работе автор уделяет систематизации, особенностям, стилевым признакам татарского орнамента конца XVIII – начала XX вв.; исследуются вопросы, связанные с развитием и спецификой узоротворчества и художественно-образной выразительностью орнамента. Монография представляет большую значимость в разработке основ преподавания татарского народного искусства в общеобразовательной школе.

Важное значение имеют научно-теоретические комплексные исследования татарского народного и декоративно-прикладного искусства Ф.Х. Валеева. В 1975, 1980 выходят его работы «Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья», «Архитектурно-декоративное искусство казанских татар. Сельское жилище», «Народное декоративное искусство Татарстана». Автор показывает развитие народного декоративно-прикладного искусства казанских татар, начиная с древнего и средневекового периода, по настоящее время, его самобытность и национальное своеобразие, имеющие глубокие корни взаимосвязей с искусством других народов.

Исследованию искусства Татарстана посвящены монографии искусствоведа С.М. Червонной. Работа «Искусство Советской Татарии», раскрывает историю развития видов изобразительного искусства: живописи, скульптуры и графики. «Искусство Татарии» (1987) представляет исследования истории изобразительного, декоративно-прикладного искусства Татарстана с древнейших времен до 1917 г. Комплексное изучение истории татарского искусства, проведенное С.М. Червонной, дает наглядное представление о богатых традициях национальной художественной культуры, впитавшей наследия Волжской Булгарии, Казанского ханства и с XVI в. развивавшейся в составе Российского государства.

Особого внимания заслуживают работы искусствоведа Гуловой Ф.Ф., посвященные истории развития традиционных видов татарского народного искусства, татарской народной вышивке и мозаики по коже. В своей работе «Татарская народная вышивка» (1980), автор знакомит читателей с наиболее распространенными среди татар приемами вышивки, интересными образцами вышивок прошлого столетия, а также современной вышивкой, в которой бережно сохраняются и развиваются многовековые национальные традиции. В книге «Татарская национальная обувь» (1983), автор знакомит с историей и современным состоянием развития одного из древних видов художественной обработки кожи у татар – искусством мозаики по коже. Уникальными образцами его, являются многоцветные узорные ичиги, не имеющие аналогии среди образцов художественной оформленности обуви у других народов.

На грани между этнографической наукой и искусствоведением лежат труды С.В. Сусловой «Женские украшения казанских татар» (1980), «Татарские ювелирные украшения» (1980), представляющие собой всестороннее исследование татарского ювелирного искусства, разработку типологии женских украшений.

О путях развития современного монументально-декоративного искусства Татарии, об основных направлениях таких видов профессионального искусства как роспись, мозаика, художественный металл, резьба по дереву, гипсу, знакомит работа Г.В. Валеевой-Сулеймановой «Монументально-декоративное искусство Советской Татарии» (1984). Работа Д.К. Валеевой «Искусство волжских булгар» (1983) посвящена исследованию искусства Волжской Булгарии на ранней его стадии в домонгольский период. В 1990 г. выходит из печати богато иллюстрированный, красочный альбом авторов, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, Г.Г. Шагеевой «Декоративно-прикладное искусство казанских татар», воспроизводящий многочисленные произведения татарского народного и декоративно-прикладного искусства. В работе представлены иллюстрации произведений татарского народного искусства, художественной керамики, резьбы по камню, каллиграфии, костюм, ювелирное искусство, вышивки, золотое шитье, искусство кожаной мозаики, узорное ткачество и татарское народное жилище. Краткие, но емкие исторические сведения и искусствоведческий материал, сопровождаются не менее прекрасными репродукциями. Особо следует отметить значительный труд Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой «Декоративно-прикладное искусство Татарстана» (1995). Это первое исследование, раскрывающее историю развития современного декоративного искусства Татарстана, его основные, общественно значимые виды, а также взаимодействие профессионального и народного творчества.

Таким образом, анализ художественного наследия татарского народного и декоративно-прикладного искусства свидетельствует о том, что это искусство имеет богатые многовековые национальные традиции со своим многообразием форм уходит своими корнями в глубь веков и выступает основой современной культуры, источником нравственной силы и духовности народа.

Народное искусство способствует решению важнейших задач в области эстетического воспитания и художественного образования учащихся общеобразовательных школ, являясь первоосновой профессионального искусства, способствует формированию художественного вкуса, развитию эстетического отношения детей к классическому искусству, природе, окружающей действительности. Искусство, одухотворенное личностью, талантом народных мастеров, отличается неповторимостью решений. Оно обладает огромной силой эмоционального воздействия и является основой для формирования духовной культуры человека.

В народном искусстве заложены большие воспитательные возможности, которые до сих пор не реализуются на уроках изобразительного искусства в начальной школе. Традиционные формы бытования и развития татарского народного искусства, включенные в учебно-воспитательный процесс татарской школы, позволяют формировать духовную культуру личности младшего школьника, приобщать к общечеловеческим ценностям, овладеть национальным культурным наследием.

Замалова Д. И.

О ДЕДУШКЕ СВОЕМ ХОЧУ Я РАССКАЗАТЬ...

Меняются времена и поколения. Но вопрос «Каким должен быть настоящий учитель?» остается неизменным. По мнению многих школьников? настоящий учитель – это тот, кто может делать свое дело, не роняя собственное достоинство и достоинство учеников, не ущемляя их права и интересы... Большим примером «настоящего учителя» для меня является мой дедушка – Шамуратов Мухамет Ибрагимович.

Он родился 3 июня 1916 г. в д. Шатанова Байкаловского района всемо батрака Шамуратова Ибрагима Тимергалеевича. Не смотря на то, что семья была большая (детей в семье было 11), в доме всегда царила атмосфера тепла и уюта, которую создавала его мама-Исхакова Гульсагира.

Мой дедушка сначала учился в мечети, легко освоил чтение и письмо на арабском языке. Потом, когда приостановили религиозное преподавание, был переведен в советскую школу. Окончив на «хорошо» четыре класса, в 1934 он был направлен в Тобольское татарское педагогическое училище. Успешно закончив учебное заведение в 1936 г., Мухамет Ибрагимович по направлению уехал работать в Кайнаульскую школу Дубровинского района (ныне – Омская область). Здесь в 1937 г. он женился на Касымова Магбуря Вахитовна, и уже через год в семье появился первенец – Ринат. Потом дедушку направили на работу в д. Тайлаки Бакшеевского сельского Совета, открывать новую школу. Из воспоминаний М. И. Шамуратова: «Направили меня заведующим Тайлацкой начальной школой Бакшеевского сельсовета. Было тяжело и в то же время радостно: здесь школа открывалась впервые, поэтому хлопот было много. Вскоре комсомольцы местного колхоза избрали меня своим вожаком. Заведовал местной школой до начала Великой Отечественной войны»

С первых дней войны М. Шамуратов просился на фронт, а попал туда только в августе 1941 г., т.к. был оставлен для подготовки школы к новому учебному году. С августа началась фронтовая боевая жизнь. С боями дошел до Берлина. Если бы дедушка был жив, много интересного мог бы мне рассказать о себе, о войне. Моя бабушка запомнила немного: Мухамет Ибрагимович участник исторической встречи на Эльбе с американскими солдатами, привез губную гармошку, подарок американского солдата, так же он сумел оставить свою роспись на стенах Рейхстага. И всегда самым значимым праздником для него был День Победы. В этот день он надевал парадный костюм ходил по улице родной д. Шатанова с гордо поднятой головой. Он очень дорожил своими наградами. Мухамет Ибрагимович за фронтовые подвиги был награжден орденом «Отечественной войны II степени», медалью «За Победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг.» и другими многочисленными юбилейными медалями.

В мирной жизни судьба его тоже не баловала. Послевоенная жизнь М. Шамуратова была не всегда спокойной и счастливой. Оставив пятерых малолетних детей, умерла жена. Нелегко приходилось Мухамету Ибрагимовичу с детьми на руках. Но вскоре в их семью пришла Сания Садыровна, тоже педагог по образованию. Женщина стала для ребятишек любящей и заботливой мамой. Пятеро детей мужа, приемная дочь Сании Садыровны и еще трое общих. Итак, девять детей: семь дочерей и два сына! Всем они сумели дать образование, у четверых – высшее, у остальных среднее специальное.

Свою оставшуюся жизнь дедушка решил посвятить воспитанию подрастающего поколения. В послевоенное время в школе он преподавал один, так как учеников было немного (8–9 детей), занятия в 4-х классах проходили совместно. Немного позже, в 1950–60 гг., количество учащихся

значительно повысилось. Тогда на помощь обучения детей пришли Хисамутдинова Манифа Мухаметовна, старшая дочь Мухамета Ибрагимовича, и его жена, моя бабушка, – Шамуратова Сания Садыровна. Помещений для занятий не хватало. Немного похлопотав, мой дедушка, добился строительства новой типовой школы. Все отделочные работы приходилось делать учителям. Мы сами белили, красили, штукатурили стены, вспоминает Манифа Мухаметовна. Для новой школы выделили мебель, методические пособия, которые приходилось порой даже из-за отсутствия дорог нести на себе несколько километров.

Всю свою воспитательную работу Мухамет Ибрагимович пытался нацелить на развитие в ребятах чувства долга, чувства ответственности за своих товарищей. Кроме того, он всегда ставил цель выработать в учащихся уверенность в себе, осознание их значимости среди сверстников. Дедушка очень любил детей, в воспитании сочетал строгость с любовью. Во всех делах и поступках он проявлял настойчивость, требовательность, ответственность, трудолюбие. Был дисциплинирован сам и от других требовал дисциплины. Всегда уважал учеников, прислушивался к их мнению, справедливо разрешал споры. Его живые, интересные уроки пролетали очень быстро. На занятиях мой дедушка делился своими наблюдениями за природой, поскольку сам был заядлым рыбаком и охотно совершал лесные прогулки, организовывал экскурсии по родному краю, так как очень любил природу и старался привить эту любовь своим ученикам. Так же он уделял огромное внимание физическому воспитанию: была достаточно хорошо развита физкультура, проводилось много игр на свежем воздухе, как летом, так и зимой. На лыжах дедушка всегда бежал вместе с детьми, показывая личный пример ученикам. Во время большой перемены Мухамет Ибрагимович всегда проводил в коридоре с детьми игры «Наза-наза», «Ак калач» и др., не теряя никого из поля зрения. Как участник Великой Отечественной войны, он очень ответственно относился к патриотическому воспитанию детей. Ежегодно в здании клуба проходило торжественное принятие учеников в ряды пионеров и октябрят. Ни одно сельское мероприятие не проходило без участия дедушки. Он всю жизнь был пропагандистом, выступал с докладами перед населением по поручению сельского Совета и считал, что только огромная любовь к своей Родине может уберечь её от всяких бед.

В 1976 г. Мухамет Ибрагимович вышел на заслуженный отдых. Но и на пенсии он всегда оставался активным участником всех школьных, деревенских мероприятий и главным наставником молодых учителей. Мой дедушка всегда говорил: «Работа учителя – это одна из самых благородных профессии в мире. Ведь педагог должен не только владеть материалом, но и уметь правильно его преподнести». Возможно, именно пример дедушки помог мне с выбором профессии. Окончив школу в 2014 г. с золотой медалью, я поступила в ТюмГУ на математический факультет по специальности учитель математики. Я являюсь продолжательницей династии Шамуратовых в третьем поколении и очень горжусь этим.

Зимагулова А. Ю.

ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНДА УКЫТУЧЫ ОБРАЗЫ

*Исемдә, һәрчак, мәктәбем,
Тукай, Сәйдәш моңыдай,
Колагымда яңгырыйсың
Һаман яшьлек җырыдай.
Мәктәбем белән беррәттән
Укытучым, син истә;*

*Ару-талуны белмәгән,
Олы дустым, син истә.
Истә, сиңа бурычлымын,
Ни белән түлим икән?
Әгәр күңелем җылысын
Укычыларга бирсәм,
Бурычым бетәр микән?*

Бу шигъри юллар минем турында язылган кебек тоела. Беренчедән, укытучылар династиясеннән булгангадыр. Хөрмәтле әби-бабайларым 1933нче елда ерак Казан якларынан Себер жиренә килеп балаларга төпле белем, тәрбия бирделәр, ата-аналар арасында армый-талмый агарту эшләре алып бардылар. Икенчедән, кадерле энием гомере буге балаларны туган телебезнең серләренә, татар әдәбиятыбызны яратырга өйрәткәнгәдер. Апа-абыйларым да мәгариф өлкәсендә озак еллар буге намус белән хезмәт ителәр. Өченчедән, үзем инде менә күп еллар буге туган мәктәбемдә татар теле, әдәбияты, рус теле, рус әдәбияты дәресләрен алып барам («Учительская династия Галеевых»).

Минем өчен укытучы ул – бөтен кешеләрнең дә гомере буге күңел түрендә серле моң сыман сакланган иң якын кеше.

Укытучы образы калку итеп бирелгән әдәби әсәрләр шактый. Аларга мисал итеп мин М. Акъегетнең «Хисаметдин менла», Г. Исхакыйның «Мөгаллим» һәм «Мөгаллимә», Г. Әпсәләмовның «Яшел яр», Т. Миңнуллинның «Язмышлар сыналганда», М. Әмирнең «Саф күнел», Д. Зөбәерованың «Дустым авазы», «Кыр чәчәге», М. Мәһдиевның «Без – кырык беренче ел балалары», жирле язучыбыз Я. Зәнкиевның «Иртеш таңнары», «Ялкында өтелгән мэхәббәт» һ. б. әсәрләргә китерер идек.

Аларда яңача укыту омтылышы халыкны агарту өчен көрәш, гражданны сугышы, Бөек Ватан сугышы, административ-тоталитар режим чорында мәгарифның торышы һәм, әлбәттә, барлык хәл-вакыйгаларның үзгәндә кайнаган укытучы эшчәнлегенә сәнгатьчә гәүдәләндерә.

М. Мәһдиевның «Без – кырык беренче ел балалары» повестен педагогик әсәрләр рәтенә кертәм. Чөнки аларда гәүдәләнгән укытучыларның эш-гамәлләренә, алар катнашкан ситуацияләргә, сәнгатьчә итеп китерелгән аерым детальләргә автор тарафыннан бертөрле педагогик, конкрет методик төсмерле подтекст салына, һәм алар геройның шәхси һәм һөнәри сыйфатларын ачуга буйсындырыла.

Менә класска Сталин репрессиясе чорында «глубинка»да укытучы булып эшләгән Мәскәү татары Хәлил Фәтхиевич килеп керә;

«... – Шапки снять!»

Аның укучыларга әйткән беренче сүзләре бу. Язучы алга таба әсәргә болай дип дәвам итә: «Тәрәзә пыялалары зыңгылдап алды. Кемнеләр парта астындагы сөт салган чирек литрлы шешәсә тәгәрәде». Әгәр автор укытучы сүзләренә тәэсире көчә, интонациясе турында язса, әсәргә уку кызыксыз булыр иде. Мәһдиев исә шушы ике жөмләсә белән укытучы репликасының көчә турында да, шәһәр кешесенә тәрәзә пыяласын ныгыту кебек вак-төяккә игътибарсыз булуы турында да, авыл кешесенә иң мөһим, иң актив кулланылышта булган савыт-сабасы турында язарга өлгерә.

Укучыларны бигрәк тә укытучы укуы жәлеп итә. Кайбер жөмләләргә ул икешәр мәртәбә кабатлый. Китабын кулына тоткан килеш, күнелдән укый. Күп әсәрләргә, соклана-соклана, «моңы Пушкин гына шулай яза ала, моңы Толстой гына шулай әйтә ала» дия-дия укый. Укучыларының укулары яки сөйләүләрен «Во! Во! Во!» дип тыңлый. Хата жибәрелгәндә, йөзән жыерып, туктап, «тәмен бетердең», дип көрсенеп куя. Укылган әсәр буенча сочинение яздыра. Сочинение язган саен, һәр укучы укытучы өенә миче каршында өстәмә дәрес алып кайта. Бу инде – төпкәрәк төшөп, әдәбият турында сөйләшү, дәрсәтә өлгермәгән мөһим сәнгатьчә детальләргә асылынып төшөшү.

«Без – кырык беренче ел балалары» әсәрендә берничә укытучы хәрәкәт итә. Аларның һәрберсе – үзенә бер дөнья. Туган тел дәрсен укытучыга әдип әнисенә исемен бирә – Рабига апа. Аналар кебек ул, юл йөрөп төн чыккан укучылары дәрсәтә йоклап китсә, уятмый.

Үз фәнә сабыларча гашыйк булган ирле-хатынлы географларга да шактый урын бирә Мөхәммәт Мәһдиев. «Бөтен училище география белән жәнләнә», ди. «Яшь сәяхәтче» түгәрәге, «Синоптик жәмгыяте» гөрләп эшли. Күнелдә улып калган чираттагы укытучы – гимназия тәмамлаган юга-ры белемле Иван Георгиевич. Һөнәре белән ул укытучы түгел, ә элемтәче. Укытучы булмаганга, рәсем укытырга чакырылган. Автор аны күпне күргән, өлкән яшьтәгә күркәм холыклы, укучыларына мәрхәмәтле шәхес итеп гәүдә-ләндерә. Грек, Рим сәнгәте турында искиткеч яратып сөйли. Дәрсәләрдә һәркемгә киңәш бирә, жылы сүз әйтә. Кисәтүләре дә сак:

«... – менә сезнең яфрагыгыз сабагына караганда бик кечкенә чыккан».

«– ә менә сезнең әтәчегез бик әйбәт. Тик нигә аның шпорлары юк? Сезнең авылда әтәчләр әллә шпорасызмы?» һ. б.

«Педагогик уку йортын тәмамламасаңда, менә дигән укытучы булып, «гуманизацияләп» һәм «гуманитаризацияләп» укытып була икән, ләбаса. Укымышлы бул икән дә, кеше бул икән! М. Мәһдиев күнелгә шундый уйны да салып куя. Төрлесеннән ачык дәрсәләр күрсәтә Мәһдиев: «Слово о полку Игореве» буенча, А. Пушкиннан, А. Фадеевның «Разгром»нан ... «Калаямбу» текстын өйрәнү дәрсә педагогик-психологик яктан да сәяси-әхлакый яктан да мәгънәле. «Калын зәңгәр күзлекле»нең педагогика дәрсенә кереп, «укытуны стимуллаштыруга», «укучы сөйләменә таләпләр системасы»на үрнәкләр аласың. Кыскасы, һәр дәрсә – үзенә бер педагогик поэма.

Завхоз Исмәгыйль дәрсә «антипедагогик» булса да, уйландыра. Бу әсәрдә жанландырылган укытучылар, аларның дәрсәләренә һәрберсе турында аерым-аерым китап язарга мөмкиндек.

Туфан Миңнуллинның мәктәпләрдә барган хәл-вакыйгаларның, гумиләштереп, өлкән, урта буын, яшь укытучылар, укучы, РОНО мәдире катнашында жанландырган «Үзбездә сайлаган язмыш» әсәрен әйтәргә була. Монда яшьләргә белемле итү, аларның белем дәрсәләрен торышының теләсә кайсы өлкәсендә ижади эшләргә, теләсә кайсы уку йортында белем алуны дәвам итәргә, теләгән һөнәргә ия булырга әзерлекле итеп укыту кебек мөһим проблемалар күтәрелә. Ил укытучысы югарылыгында гәүдәләнгән Нариман образы бик күпләргә үрнә булып тора.

Якташ язучыбыз, Бөек Ватан сугышы ветераны, Атказанган укытучы, Г. Тукай премиясе лауреаты Якуб Камали улы Зэнкиевның «Иртеш таңнары» һәм «Ялкында өтелгән мэхэббэт» романнарында сурәтлэнгән укытучы образлары турында да укучыларыбыз сокланып укыйлар.

Халык мәнфәгате, кешеләр бәхете дип, социалистик жәмгыять идея-ләре белән янып-көеп яшәүче, зур ихтыяр көченә, югары мораль сыйфатла-рына ия булган Мөхәммәт Уразаев күмәк хужалык өчен барган көрәштә авыл халкына юл күрсәтүче генә булып калмый, ә әйдәп баручыга әверелә, якты киләчәкне якынайту хакына бар вакытын, бөтен көчен, йөрәк ялкынын бирә.

Укытучы Абдуллин Зиннур образы да гади персонаж гына түгел, ул әсәрнең үзәк каһарманына әверелгән, халыкның милли рухын үстерүче, аның ныклыгын, халыкчан характерын тасвирлаучы, хәтер символына кадәр үскән шәхес итеп күрсәтелә. Минем уемча, бүгенге көндә укытучы һөнәренә хөрмәт, кызыксыну тәрбияләүдә әдәбият укытучысының да роле шактый зур. Шуңа максаттан чыгып, укучылар белән гамәли эшләр үткәргә тырышам. Мәсәлән, ветеран укытучылар белән очрашулар; элекке укучылары турында истәлекләрен тыңлаулар; укытучы эшендә уңай һәм тискәре якларны күрсәтеп, диспут, конференцияләр оештыру (Әдәби әсәрләрдә укытучы һәр яктан да ачылып, гәүдә-ләнеп беткәнме? Кайсы әсәр бу сорауга ни дәрәжәдә җавап бирә? Үзгә кайсы әсәрдәге укытучы образына охшаган итеп күрергә теләр идек? Ни өчен?); докладлар язучы («Әдәби әсәрләргә начар укытучы образы килеп керү сәбәпләре» М. Мәһдиевның «Фронтвиклар, Х. Вахитның «Беренче мэхэббэт», Х. Сарьянның «Нокталы өтер» әсәрләренә нигезләнеп; «Укытучының, онытылып, мэхэббэт хисләренә чумарга хакы бармы?» Г. Исхакыйның «Мөгәллимә» әсәре буенча); укытучылар бәйрәмендә дублер укучыларны дәрәсләргә хәзерләү.

Чыгышымны шигъри юллар белән тәмамлыйсым килә:

Укытучы метеор шикелле ул,

Утта янып үтә гөмерен.

Адым саен ул кабыза бара

Нәни дусларының күңелен.

Картаер бер, ләкин ул кабызган

Янар тауларны сез күрерсең.

Аның гомере шул тауларда булып.

Укытучы эше – үлемсез!

Укытучы эше, шагыйрь әйтмешли, чыннан да үлемсез, иң горур, иң абруйлы, зур хөрмәткә лаек һөнәр булсын иде.

Каримова Г. Н.

БИЛИНГВИЗМ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ПУТЬ К ТОЛЕРАНТНОСТИ

Полиэтничность Российской Федерации, закрепленная в Конституции, ставит перед российской общеобразовательной школой комплекс практических и научно-теоретических педагогических проблем разного уровня. Одна из проблем – соотношение и взаимодействие родного и русского языка (культуры) и языкознания в частности. В решении этой проблемы образование сталкивается сегодня с двумя опасностями: первая – переоценка родного языка, то есть национальной татарской культуры, её замкнутость в узко национальных рамках и вторая опасность – недооценка родного языка, то есть родной национальной культуры становления и развития личности. Чтобы преодолеть эти опасности современная образовательная система должна обеспечить включение детей (учащихся) в родную культуру через изучение родного (татарского) языка и в культуру государствообразующего русского народа, через изучение русского языка, и как следствие – в мировую культуру. Решение данной проблемы, а так же избегание вышеперечисленных опасностей возможно через диалог культур. В этом смысле диалог культур может стать основой образовательной системы в школах где изучается родной (татарский) язык, при этом остальные предметы преподаются на русском языке, в том числе идет и преподавание русского языка как государственного, изучение двух языков – в данном случае татарского и русского способствует созданию гуманитарной культурологической модели языкознания. Учащиеся-билингвы, а мы можем так назвать детей (учащихся), родным языком которых является татарский язык – пришедший из семьи, обычаев и традиций, но при этом изучающих неродной, то есть русский язык, так как они познакомились с приобретенным (русским) языком через СМИ, общение друзей и т.д. На уроках русского и родного языка учащиеся – билинг-

вы могут установить и проследить диалогические связи русского и родного языка, каждый из которых самодостаточен и самоценен. Система образования на основе диалога культур реализуется в двух направлениях. Первое направление – диалог русского и родного (татарского) языка (культуры) на уроках русского языка. Второе направление – диалог родного (татарского) языка и русского языка (культуры) на уроках родного (татарского) языка. Диалог культур имеет большое значение для общего развития детей, это подтверждает истину о том, что лишь заинтересованный и доброжелательный диалог людей в любой сфере является неперенным условием нормального существования общества. Только благодаря диалогу культур происходит формирование ученика – человека духовного, человека культуры над которым трудится учитель. В этом диалоге каждый ученик ценен своим небольшим опытом общения, так как он может не только понять своего собеседника как представителя другой культуры, но и лучше познать самого себя как представителя родной (татарской) культуры. Существуют различные точки зрения на билингвизм, одни считают это отрицательным влиянием для ученика, что пользы от этого нет, другие же утверждают обратное. По-моему от этого могут быть больше положительного, нежели отрицательного. Ведь учащийся, изучающий родной (татарский) язык познает через него и культуру своего народа, углубляет уже познанное, учащийся же который изучает татарский язык, но родным для него не являющийся, знакомится с культурой другого народа, обогащает свои знания, тем самым и тот и другой ученик проникают в культуры тех народов с которыми жили и живут бок о бок. Так происходит знакомство двух или нескольких культур, а значит и терпимость к другим народам, толерантное отношение к детям говорящих не на родном (татарском) языке, тем самым идет проникновение в чужую культуру, которая со временем становится ближе и понятнее. Таким образом, билингвизм представителей нерусских народов России неоднороден в возрастном, территориальном и социальном отношениях и существует в широком спектре. Для татар, да и не только – «русский язык как второй родной». В современном мире произошла деформация содержания двуязычия, то есть билингвизма. Оно сводится к овладению русским языком без учета того, владеет ли человек своим родным (татарским) языком. По существу в данное время сформировалось одноязычие – русскоязычие нерусских народов. Это связано с тем, что в век информационных технологий школьники все больше уделяют внимание СМИ, читают глянцево-журналы, «сидят» в соцсетях, общение со сверстниками происходит не на родном языке, а иногда и отказ от изучения татарского языка, апеллируя тем, что родной язык для поступления в учебные заведения не нужен. Но решение данной проблемы есть. Всем известно, что русский язык является государственным, и отказаться от его изучения невозможно, да и как, если нужно сдавать экзамены, а значит этот урок посещают все учащиеся независимо от национального состава, будь то русские, татары, узбеки или таджики. Таким образом, ситуация может измениться следующим образом – необходимо усилить работу на уроках русского языка, именно через эти уроки заинтересовать детей, давать словарный запас с ассоциациями на родном (татарском) языке и т.п. Ведь интерес к изучению татарского языка возникнет не только у детей – билингвов, но и у тех, кто желает больше узнать о культуре татарского народа. Вообще модель современного национального образования на основе диалога родного и русского языка (культуры) способствует формированию и развитию билингвальной, бикультурной и толерантной личности, что так важно в современном мире, где полиэтничность во взаимоотношениях имеет важное значение, где в одной семье могут быть несколько национальностей, где как не в семье уже закладывается уважение к культуре речи другого собеседника, и продолжается в образовательном учреждении. Диалог культур возможен при условии, если во время преподавания родного (татарского) и русского языка учесть несколько моментов: во-первых при отборе учебного материала необходимо исходить из необходимости вести его в двух вариантах. Например, ученик не понявший тему на родном языке, может попросить объяснить на родном (татарском), где ему будет все понятно, и наоборот, во-вторых сопрягать русскую и родную культуру на уроках русского языка, в-третьих сопрягать родную и русскую культуру на уроках родного языка. Вообще реализация диалога культур на данных уроках активизирует читательское восприятие учащихся-билингвов, умение осмысливать и находить общее в обеих культурах, видеть культурные реалии в изучаемых текстах. Успешная реализация данных принципов возможно при использовании, наряду с традиционными, новые, активизирующие формы и методы. Особая роль здесь должна отводиться интегрированным урокам, компьютерным технологиям и мультимедийным презентациям. Целеустремленная работа учителя – языковеда, направленная на реализацию диалога культур русского и родного языка, ставит перед собой благородную цель воспитания человека высокой культуры, обширной образованности. Толерантность сформированная в итоге вдумчивой и кропотливой деятельности языковеда делает личность нашего ученика духовно богатым, способным быть посредником между культурами разных народов.

Кирамова Х. Х.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ СИБИРСКО-ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Привитие любви к Родине, чувства гордости и патриотизма – необходимый и обязательный элемент воспитания ребенка.

Патриотическое воспитание представляет собой целенаправленный процесс формирования социально-ценностного отношения к Родине, своему народу, его культуре, языку, традициям, природе.

Огромная роль в воспитании чувства патриотизма принадлежит учителю татарского языка и литературы. Работая в данном направлении, перед собой ставлю цель – создать условия для развития личности, обладающей важнейшими качествами патриота своего Отечества.

Учитывая огромные возможности татарской литературы, учитель родного языка может вовлечь учеников в процесс патриотического воспитания на примере личности положительных героев произведений. Задача учителя литературы и заключается в том, чтобы создать в процессе анализа образа героя такие учебные ситуации, когда подростки включились бы к размышлению о смысле существования человека в обществе, о его ответственности за свое поведение, о любви к Родине, о патриотизме.

Большими потенциальными возможностями в патриотическом воспитании обладает сибирско-татарская литература. Литературное творчество сибирских татар многогранно и разнообразно. Творчество поэтов и писателей сибирско-татарской литературы представляет собой важный этап в развитии татарской общественной мысли. Якуб Занкиев, Булат Сулейманов, Шаукат Гаделша, Ракип Ибрагимов, Галия Абайдуллина, Сагит Сагитов, Гульфизар Абдрахманова, Николай Шамсутдинов отразили в своих произведениях разные стороны жизни татарского народа Сибири, духовные поиски современников, тематически обогатили арсенал татарской литературы.

Первый сибирско-татарский писатель, романист Я. К. Занкиев и первый сибирско-татарский поэт Б. В. Сулейманов сыграли важную роль в духовном возрождении сибирско-татарского народа. Их произведения с точки зрения духовно-нравственного обогащения человека приобретают новое содержание в нашем современном изменяющемся мире.

Произведения Я. Заникиева знакомят читателя не только с историей жизни сибирских татар, но и учат взрослых и детей любить Родину, знать и ценить нашу историю, культуру народа. Писатель Якуб Занкиев адресовал детям сборник рассказов «Кайчыколак» («Остроушко»), в которых главными героями являются дети. Рассказы, действия в которых происходят в годы Великой Отечественной войны, наполнены чувством патриотизма, любви к ближним. Рассказы из данного сборника включаю в программу внеклассного чтения по татарской литературе в 5–9 классах.

Романы Я. Заникиева «Ялкында өтелгән мэхэббэт» («Любовь, опалённая пламенем») и «Иртеш таннары» («Зори Иртыша») изучаются в старших классах. Многие герои данных романов являются примерами для подражания подрастающему поколению. Ученики Мухамада Уразаева из романа «Зори Иртыша» отправляются на фронт. Не согнутся ли, смогут ли защитить Родину от фашистов? На примере судьбы жителей деревни Ялан, которая перекликалась с жизнью всей страны в эти военные годы, старшекласники учатся чувству патриотизма, видят внутреннюю красоту характера человека, его душевную щедрость, скромность, сочетающиеся в нем с поразительной стойкостью и самоотверженностью в защите Родины.

Любовью к малой Родине, к природе сибирских деревень пронизана поэзия первого сибирско-татарского поэта Булата Валиковича Сулейманова. Многие строки его стихотворений с уважением и с любовью цитируются как взрослыми, так и детьми на уроках, внеклассных и конкурсных мероприятиях. Крылатыми стали слова из стихотворения «Мин төп себер татарымын» («Я – сибирский татарин»).

«Мин төп себер татарымын чыгышым белән

Гомер сөргән монда минем бабаларым,

Чал Иртешнең үзе кебек борынгыдан

Яшәп килә монда татар балалары.»

На примере творчества Булата Сулейманова, его пламенной любви к своему народу, неустанной борьбе за духовное развитие, за просвещение нации подрастающее поколение учится быть патриотом своей Родины, своего народа.

Поэзию Булата Сулейманова также включаю в программу внеклассного чтения по татарской литературе в 8 классе.

При изучении стихотворений Шауката Гаделши мы видим, насколько поэт с любовью пишет о природе и красоте нашей Сибири.

Например, в стихотворении «Таңын ауда азан ишеттем» мы читаем:

*«Серле эңгерлеккә чумган
Куакларны, ботакларны
Коръандаге хәрефләргә,
Сүрәләргә охиатамын.»*

Прочитывая и анализируя стихи поэта, учащиеся впитывают в себя чувства любви и гордости к своей Родине.

Огромный материал для патриотического воспитания учащихся представляют стихи Ракипа Ибрагимова о войне, о языке, о культуре. Так, изучая героические страницы истории нашей страны в стихотворении «Салих бабайның соңгы язы» («Последняя весна бабушки Салиха») учащиеся раскрывают мысли и чувства простого солдата, защитившего родину от врага, но, к сожалению, сыновья которого не смогли вернуться с поля боя. Дорога к сердцам детей лежит через память о тех, кто погиб за наше Отечество. Память вбирает в себя многое: и чувство благодарности к героям войны, и чувство долга, и неприятие зла, и стремление утвердить справедливость в мире. Я говорю детям, о том, что мы должны знать, какие ужасы несет с собой война. Мы должны знать, что война в действительности – зло, жестокость, смерть. И мы не должны допустить повторения страшных событий сороковых годов, в любую минуту, как наши прадеды, должны уметь защитить нашу Родину.

Воспитание патриотизма – это неустанная работа по воспитанию у школьников чувства гордости за свою Родину и свой народ, уважение к его великим свершениям и достойным страницам прошлого, и роль уроков внеклассного чтения по татарской литературе, где изучаются произведения сибирско-татарских поэтов и писателей, невозможно переоценить.

Литература.

Гаделша Ш. Аучы жыры. – Казан: Татар. кит.нәшр., 2004. – 383 б.

Кайчыколак [Текст] /Я.Зэнкиев. – Төмән, 1994

Зори Иртыша [Текст] / /Я.Занкиев. – Кн. Вторая. – Тюмень. Софт.Дизайн, 1998. – 232 с.

Кочкарова З. К.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ /МУСА ДЖАЛИЛЬ И ГРУППА СОПРОТИВЛЕНИЯ/

*Редко кто, в огне пылая,
Сажет черною не стал.
Друг, за то ценю тебя я,
Ты горел, но не сгорел,*

Бертольд Брехт.

Большие задачи, стоящие перед российской школой в свете постановления правительства и Совета министров России «О мерах дальнейшего улучшения работы высшей школы», не могут быть успешно реализованы только в условиях аудиторной работы в высшем учебном заведении.

Решение ответственных задач, как всестороннее развитие личности студентов, приближение обучения к жизни и современности, вооружение студентов прочными, систематическими знаниями, пробуждение интереса к знаниям, развитие творческих сил и способностей, усиление воспитательной работы требуют неперемennого дополнения аудиторных занятий поучительной, системной внеаудиторной работы. Опыт работы убеждает нас в необходимости широкой организации внеаудиторной работы не только по иностранному языку. Она создает благоприятные условия для закрепления знаний и умений в занимательной и доступной форме, тем самым способствует повышению интереса к учебе, к занятиям, поднятию общей культуры студентов. Велика роль внеаудиторной работы и в осуществлении задач интернационального, нравственного и патриотического воспитания студентов.

Так, жизнь и деятельность певца, пламенного антифашиста немца Эрнста Буша и мужественного борца, поэта Мусы Джалиля – узников страшной политической тюрьмы «Маобит» – прекрасный пример для воспитания подрастающего поколения.

К 70-летию Победы советского народа над фашистской Германией автор статьи на общегуниверситетской кафедре иностранных языков КЧГУ имени У.Д. Алиева вместе со студентами провела литературно-музыкальный монтаж «Жизнь, отданная борьбе с фашизмом. Муса Джалиль и группа сопротивления» – внутривузовское студенческое мероприятие. В 2015 году исполнилось бы 109 лет со дня рождения известного татарского поэта-политработника Мусы Джалиля, чей подвиг навсегда вошел в историю Великой Отечественной войны. Повторяя строки стихотворений, вспоминая жизненный и творческий путь, понимаешь, насколько важным было для него единство слова и поступка.

Празднично был украшен зал, висели флаги Советского Союза, России и Германии. Студенты завязали голубые и красные галстуки, символизирующие дружбу, а также Георгиевские ленточки – символ памяти и уважения.

Повесили транспаранты и стенд с фотографиями Эрнста Буша, Мусы Джалиля и группы Сопротивления в фашистских застенках. Звучали песни военных лет. Была проведена предварительная работа. Презентация, выставка книг, посвященных Великой Отечественной, фотографии солдат – родных, не вернувшихся с фронта, пожелтевшие солдатские письма.

Память героев, павших в годы Великой Отечественной войны, почтили минутой молчания.

*Не прогнав орды кровавой,
Не поправ врага со славой,
Не вернемся мы домой, –*

так писал известный татарский поэт Муса Джалиль, погибший в застенках Моабитской тюрьмы в 38 лет. И в застенках он писал стихи, которые, написанные на клочках бумаги, передал после войны в Советский Союз его товарищ, участник Сопротивления бельгиец Андре Тиммерманс. Из них, названных «Моабитской тетрадь» – подлинном документе кровавой трагедии, люди узнали о судьбе поэта.

После открытия мероприятия и вступительного слова, продолжили студенты. Они рассказали о жизни и творчестве Мусы Джалиля, о соратниках, писателях, поэтах, о «Моабитских тетрадях». В выступлениях было отмечено, что в 1939–1941 годах Муса Джалиль возглавлял Союз писателей Татарии. Призвавшись в армию, учился на двухмесячных курсах политработников, затем ушел на фронт. Через некоторое время Муса Джалиль стал сотрудником военно-фронтальной газеты «Отвага» на Волховском фронте, где воевала 2-я Ударная армия. В 1942 году обстановка усложнилась. 26 июня в боях под Новгородом тяжело раненный старший политрук Джалиль в бессознательном состоянии попал в плен.

Находясь в концлагере, он организовал группу, которая должна была готовить побег. Одновременно вел политическую работу среди пленных, выпускал листовки, распространял свои стихи, призывающие к сопротивлению и борьбе. По доносу, он был схвачен гестаповцами и заключён в одиночную камеру берлинской тюрьмы Моабит.

Выступления докладчиков сопровождалось показом слайдов, фото и архивных материалов. Вспомнили тех, кто заплатил непомерную цену во имя нашей победы, отдал самое дорогое – свою жизнь ради нас. Рассказывали о тяготах и лишениях, выпавших на долю советского народа в тяжелые годы, вспоминали родных и близких, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

*Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.*

Студенты прочитали стихотворения, среди которых: «В стране Алман», «Другу», «Не верь», «Пташка», «Варварство», «Палачу», «Последняя песня», «Последнее слово», «Завещание» и др., которые берут за душу, от которых комки в горле и слезы на глаза наворачиваются.

Об ужасах фашистской неволи написано немало. Появляются новые книги, пьесы, фильмы на эту тему... Но никто не рассказал об этом так, как это сделали сами узники концентрационных лагерей и тюрем, свидетели и жертвы кровавой трагедии. В их свидетельствах – нечто большее, чем суровая достоверность факта. В них большая человеческая правда, за которую заплачено ценой собственной жизни.

«Моабитские тетради» являются одним из таких неповторимых, обжигающих своей подлинностью документов. История войны поместилась не в тяжелых томах, а в небольшой книге. И своеобразие ее в том, что проходит она через сердце человека, бойца, узника, героя. Она – символ и залог будущей победы, которую надо еще добыть ценою жертв и длительной борьбы на огромном театре военных действий, однако победа эта уже прочитывается в сердце героя, его твердости и непобедимости как личности.

По многим стихам моабитского цикла видно, как нелегко приходилось поэту. Тоска и отчаяние тяжелым комом застревают в горле. Надо знать жизнелюбие Мусы, его общительность, привязанность к друзьям, семье, любовь к людям, чтобы понять всю тяжесть вынужденного одиночества. Не физические страдания, не близость смерти угнетали, а разлука с Родиной.

Одно из главных достоинств, обеспечивших его широчайшую популярность, – ощущение подлинности. Мы верим каждому слову, ощущаем ледяное дыхание смерти, стоявшей за спиной поэта. И острая боль разлуки, и тоска по воле, и горечь, и сомнения, и гордое презрение к смерти, и ненависть к врагу – все это воссоздано с потрясающей силой.

Джалиль ушел из жизни слишком рано, но все же успел сказать многое из того, что хотел сказать, что подсказывало ему его неукротимое сердце. Его подвиг стал символом несгибаемой воли, страстной любви к своему народу. К. Симонов многое сделал для того, чтобы опубликовать русский перевод стихов М. Джалиля. В 50-х гг. Джалилю присвоили звание Героя Советского Союза, за цикл стихов «Моабитская тетрадь» присудили Ленинскую премию.

*Сердце с последним дыханием жизни
Выполнит твердую клятву свою:
Песни всегда посвящал я Отчизне,
Ныне Отчизне я жизнь отдаю.*

Сегодня вся страна знает о подвиге М. Джалиля, написавшего в застенках немецких тюрем, в концентрационных лагерях свои замечательные стихи, наполненные гордостью, патриотизма, несгибаемого мужества. С особым интересом слушали выступление доцента Кочкаровой З. К. о посещении ею бывшей берлинской тюрьмы «Маобит», которая в годы войны отличалась пытками и невыносимыми условиями содержания заключенных. Вечер завершился чтением завещания Джалиля, написанного на обложке тетради: «Другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадку. Это написал известный татарскому народу поэт Муса Джалиль. Испытав все ужасы фашистского концлагеря, не покоровшись страху сорока смертей, был привезён в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останется 115 стихов, написанных в заточении. Он беспокоится за них. Поэтому он из 115 старался переписать хотя бы 60 стихотворений. Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет, как стихи погибшего поэта татарского народа. Это мое завещание. Муса Джалиль. 1943 г. Декабрь».

Стихи Джалиля – эхо его человеческого подвига.

*Как волшебный клубок из сказки,
Песни на всем моем пути...
Идите по следу до самой последней,
Коль захотите меня найти!*

Поэт дошел до последней песни по следу яркой, героической, достойной жизни. И стихи его прозвучали как эхо, которое мы долго будем слышать.

Кучарова С. М.

СЦЕНАРИЙ «ПАМЯТЬ СЕРДЦА, ПАМЯТЬ СЕРДЦА, ТЫ- ПОЭЗИЯ САМА»

Ведущий: Добрый день дорогие друзья! Здравствуйте! Весна- время поэзии! В 1999 г на 30-й сессии генеральной конференции ЮНЕСКО было решено ежегодно отмечать Всемирный день поэзии. Поэзия, говорится в решении ЮНЕСКО – может стать ответом на самые острые и глубокие духовные вопросы современного человека – но для этого необходимо привлечь к ней как можно более широкое общественное внимание Этот день считает ЮНЕСКО призван служить созданию позитивного образа поэзии, как подлинно современного искусства открытого людям. 2015 год для нас особенный. Это год литературы в РФ год русской культуры в Тюменской обл. 70 летие великой победы 90 летие Яркового района, 25 летие татарской газеты «Янарыш» Хозяйкой нашей встречи будет поэзия а долгожданними гостями будут стихи. А сейчас я с удовольствием даю слово нашим маленьким любителям поэзии – воспитанникам детского сада «Лэйсан» (Поздравительные стихи к дню Поэзии)

Ведущий: Поэзия-это самая любимая и древняя страсть человечества. Нет на свете ни одного народа у которого не было бы поэтов. Мировая поэзия хранит имена гениев художественного слова. Для России А С Пушкин. для татарского народа Г. Тукай, для сибирских татар основоположник

литературы сибирских татар- Б Сулейманов. (стихотворение А. С. Пушкин «Друзья», Г. Тукай «Дитя и бабочка»)

Ведущий: Все мы, каждый по своему восприимчивы к тому, что считаем прекрасным. Каждый из нас по разному чувствует художественное слово благодаря заложенной в нас индивидуальности. Поэзия одно из проявлений жизни, её крылья..Можно не любить или не понимать отдельные стихи, но нельзя не любить поэзию, без неё не возможно существовать. Она свойство жизни, душа живого. Прислушайтесь к стихам Б Окуджавы «Давайте восклицать, друг другом восхищаться»

Ведущий: В нашем зале нет людей равнодушных, каждый пришел сюда по велению своего сердца, своей души. Кто-то из нас сам пишет стихи, кто-то владеет искусством их чтения, кто-то является их благодарными слушателями. Да сегодня у нас праздник! Поздравительный номер танцевального коллектива «Чулпан»

Ведущий: О многом заставляет задумываться стихи Ю. Левитанского «Каждый выбирает для себя» (звучит стих). Все в своей жизни мы выбираем сами и нести ответственность тоже нам. И я с этим полностью согласна

Ведущий: Создание стихов я могу сравнить только с полетом птицы. Этому научится не возможно, вот понимать поэзию под силу каждому (звуч. стих М Дудина «Берегите землю»)

Ведущий: Давно сказано жизнь сложна. В ней не мало тяжелого, грустного, печального. И вместе с тем жизнь прекрасна. Она несет в себе улыбку и радость. Все это порой так тесно переплетается, что не отделить. И каждому из нас надо с открытым забралом встречать трудности, переносить страдания и в то же время надо уметь радоваться жизни, бороться за то, чтобы в ней побеждало светлое и прекрасное (звучит стих. Н Турбина «Что останется после меня») В этом стих. размышлении о своей жизни и жизни всего человечества, это призыв быть ответственным не только перед самим собой, так перед всеми живущими на земле.

Ведущий: Все дальше в глубь истории уходят события связанные с ВОВ. Долгих 4 страшных года длилась она оставляя след почти в каждой семье Более 20 мл своих сыновей и дочерей не досчитала наша страна после войны Память о войне... Она набатом звучит в наших сердцах повелевая не забыть о подвиге нашего народа, беречь мир завоеванной ценой миллионов человеческих жизней (звучит песня «Журавли»)

Ведущий: Роль поэзии в годы войны не стало меньшей. Не оправдал бытовавший когда то афоризм«когда говорят пушки музы молчат».Нет не молчали музы. Порой они говорили громче пушки. (К Симонов «Жди меня»)

Ведущий: 70 мирная весна шагает по земле 70 мирная весна хранит боль и всеобщее горе. Но эхо войны повторяется вновь и вновь и это эхо гремит по земле. Слайд -видео ролик о ВОВ (стих Р. Рождественский «Реквием»)

Ведущий: А сейчас я хочу назвать одного из лучших среди поэтов фронтового поколения-патриота России Героя Советского Союза, Лауреата Ленинской премии, классика татарской литературы М. Джалиля. Слайд: М. Джалиль Варварство (Звучит это стихотворение) Материнская боль, нет боли больней, нет боли страшней. Нет на свете другого человека перед которым мы всегда в долгу (стих. «Матери бессонны, когда дети маленькие» О Шестинский) и (стих. «Мамино слово». С Сагитов). Слайд М Джалиль «Волки» – Звучит это стих – ие.

Ведущий: У каждого человека есть свой любимый поэт к стихам который возвращаешься снова и снова (н-р Вагапова Люция – М Исаковский Враги сожгли родную хату). Без ощущения ответственности всех людей и прежде всего поэта перед будущим всего мира, всего человечества не может быть настоящей поэзии. Этой теории был верен один из лучших поэтов военного поколения К. Симонов. «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» было посвящено поэту А Суркову, товарищу по фронтовым дорогам, автору знаменитой Землянки (звучит эта песня в исполнении вокальной группы)

Ведущий: Долг был путь к победе, ценой больших потерь завоёвана она. Такую память никому не стереть, не забыть, не исказить. (стих. К Ваншенкин «Победа») Видеофильм «Ярково»

Ведущий: В Ярковском районе не было войны – но бесконечны списки павших. В Ярковском районе не было войны– но в каждой деревне обелиски. Ярковский район, которому нынче исполняется 90 лет ждала своих героев отцов, мужей, сыновей, дедов и братьев. Из 100 ушедших на войну больше половины остались на полях великих сражений. (стих-ие Родимая земля, дорожке нет земли) Ярковская земля богата талантами художественного слова. С особой любовью я хочу назвать П В Лобача Н А Киселева и Ракипа Ибрагимова (стих. «Родной язык» Р. Ибрагимов). Среди сидящих в зале есть самобытные поэты Александрова Р.К., Мухамадиева Х.Н., Рахимова С.) Мир поэзии – это духовный мир стихов, который открывает нам двери высокого и прекрасного.

А путеводителем в мир поэзии нашего народа является наша газета «Янарыш». Благодаря газете мы открываем для себя новые и новые имена. А благодаря нашему спонсору Ханисе Чавдатовне Алишиной мы имеем счастье и возможность держать в руках и читать книги наших поэтов. Дорогие друзья! Разрешите ещё раз поздравить вас Днём поэзии и как сказал преподобный Серафим Саровский «Держите мир в своей душе, и возле вас спасутся тысячи». Мира вам, счастья и добра!

Латыпова Л. И.

МИНЕМ ПЕДАГОГИК ОСТАЛЫГЫМ

Укытучы... Күпме мәгънә, күпме аң, балаларга һәм кешелеккә булган күпме мәхәббәт хисләре туплаган бу сүздә... Юк, гади сүз түгел бу... Яшәешне алга этәрүче, дөньяга матурлык өстәүче, акыл һәм зиһен белән кечкенә генә сабыйлардан Шәхес үстерүче, тәрбияләүче, шул ук вакытта тормышның беренче салкын бураннарыннан, көзнен ачы жилләреннән саклаучы һәм олы тормышка юл күрсәтүче, озатып калучы бөек жан – Укытучы ул. Ләкин һәрбер кеше бу жиһанда укытучы була ала микән? Минемчә, юктыр. Чөнки әлеге бөек һөнәргә иң-иңнәре, киң холыклы, белемле, ә иң мөһиме, бала жанлы һәм киң күңелле кешеләр генә лаектыр.

Мин үз фәнемне бик яратам. Һәрбер предмет укытучысы үз фәне аша бүгенге көн проблемасын укучыларга житкерү һәм аларны чишү юлы өстендә эшли. Безне уртак бурыч берләштерә: яшүсмерне шәхес буларак формалаштыру, мәдәниятле һәм белемле итү, кешелеклелек һәм милли үзәк тәрбияләү. Милләт, милләтле булу, милли мохит булдыру – менә шул инде безне саклап калачак. Ә татар теле һәм әдәбияты дәресләрен кызыклы итеп, тирәнтен өйрәнү ул – милләтне саклау. Милләтле кеше генә көчле, киләчәккә, дөүләткә. Әлеге фикерләр – минем эшчәнлегемнең төп максаты.

Балалар белән эшләрү – зур бәхет ул. Алар гына риясыз ярата, шул яратулары белән укытучыга канат куя, илһамландыра, ышаныч тудыра ала. «Бала ул тутырырга тиешле буш савыт кына түгел, ә кабыначак ялкын да». Плутархның сүзләре педагогиканың ике төп юнәлешен билгели. Нәрсәгә өйрәтергә? Ничек өйрәтергә? Моның өчен укучының кызыксынуы да мөһим. Менә шунда ничек кызыксындырырга дигән педагогик проблема туа да инде. Укытуның төрле методларын, технологияләрен куллану, укучыларда укуга карата кызыксыну уята. Ләкин бу шарт кына да житми әле. Педагогиканың «алтын ачкычы» «нинди соң ул? Ә бит әзер педагогик рецептлар булмаган кебек, бернинди ачкыч та юк. Һәр педагог үз ачкычын булдырырга тиеш, чөнки укучылар күптөрле. Менә шуннан гади нәтижә ясарга була: педагогика – сәнгать, ә чын педагог – рәссам.

Укытучы даими рәвештә һөнәри белемен камилләштерергә тиеш. Чөнки жәмгыятьнең мәгълүмати үсеше гел алга бара. Фәнни әдәбиятны өйрәнү, белем күтәрү курсларында уку, семинарларда, һөнәри конкурсларда катнашу, хезмәттәшләрнең белән аралашу – болар барысы да педагогик осталыкны үстерә, булган таләпләренә арттыра. Үз белемне күтәрү өстендә туктаусыз эшләрү генә тиешле нәтижеләр бирә. Атаклы педагог К. Д. Ушинский да: «Укытучы һәрдаим укыганда гына укытучы булып кала», – дип язган.

Заман сулышын тоеп, заман белән тигез атлап барырга омтылган кешене – заман кешесе диләр. Ә гел үсештә, эзләнүдә булып, заман таләпләренә туры килә торган кеше – һәрчак ихтыяж үзәгендә, һәрчак олы тормыш казанында кайнап яши. Бүген уку-укыту процессына яңа технологияләренә кертеп жиберү – укытучы алдында торган төп таләп, көн тәртибенә куелган беренчел мәсьәлә. Заман укытучысы булу, укучыларны үз фәнем белән кызыксындыру, аларның игътибарын жәлеп итү өчен мәгълүмати технологияләренә үзләштерергә һәм аларны укыту процессында кулланырга тырышам.

Кечкенәдән үк яңа мәгълүмати мөхиттә: телевидение, Интернет, компьютер программалары белән аралашып үскән замана баласын укыту-тәрбия эшен компьютер технологияләреннән башка оештырып булмый. Бүгенге көндә киң кулланылганы ул – мәгълүмати-коммуникацион технологияләр. Интернет аша күп мәгълүмат алырга өйрәнгән балаларда матур әдәбият, фән белән кызыксынуны тудыру минем төп максатларымның берсе булырга тиеш дип саныйм. Кайвакытта укучыларга икеле куясы, тәртипсез булганнары өчен эти-эниләрен чакыртасы, көндәлекләренә яза-сы килеп китә, ләкин шул мизгелдә күңелгә: «Мин – укытучы. Минем укучыларымның унышлары миннән тора. Укучы белән уртак тел тапмасам, минем өчен аны директор да, аның урынбасарлары да эшләп бетерә алмаячаклар. Әгәр укучы үзен шулай тота икән, димәк аңа педагогик, психологик ярдәм, минем ярдәмем кирәк». Балачак энергиясе иксез-чиксез. Тик аның белән, акыллы идарә итеп, тиешле юлга жиберә белергә кирәк. Дәрестә укучы ижат итәргә, нәрсәдер уйлап табарга тели

икән, ул очкынны сүндермичә, ялкын итеп кабызырга кирәк. Уку аның өчен жәза түгел, ә кызыклы, мөстәкыйль хезмәткә әверелергә тиеш.

Минемчә, татар теле һәм әдәбият укытучысының иң төп бурычы – укучыда эчке матурлыкка омтылыш тәрбияләү, әйләнә-тирә мохиткә, дөньядагы төрле вакыйгаларга дәрәс бәя бирү. Балага белем һәм тәрбия бирүнең дәрәс юнәлеше үзлегеннән белем алуга, дәрәс итеп аралашуга, матур итеп сөйләшәргә өйрәтүдән башлана. Кайчакта балаларыбыз чит телдә түгел, үз ана телендә дә дәрәс итеп жөмлә төзи белмиләр. Өстәвенә аралаша белү – гомер буена кирәкле осталык. Укучыларымның телдән жавап бирүе, төркемнәрдә эшлэгәндә аралашулары, үз фикерләрен исбатлаганда китергән дәлилләре – барысы да баланың тел байлыгы хакында фикер йөртәргә мөмкинчелек бирә. Әлеге проблемага игътибар бирүем нәкъ эңә шуның белән аңлатыла да. Тел дәрәсләрен күбрәк проблемалы, ижади эзләнү–тикшеренү рәвешендә үткәру дә эзсез калмый: укучыларымның кыю фикерләре, үз тормыш позицияләре сиздерә. Күп вакытта укучыларга әзер кагыйдә бирмим, шулай ук кагыйдә ятлату да мәсьәләне хәл итү юлы дип уйламыйм. Аларны ничек тә уйланырга, эзләнәргә мәжбүр итәм. Материалны ятлап түгел, аңлап, практик яктан сынап карап кына истә калдыра алуларына күптән инандым инде. Шунлыктан татар теле дәрәсеме ул, әдәбиятмы укучыларымның әйткән сүзләренә дәлилләр таптырам. Бу исә, укучының алган белемнәрен системага салырга, аларны практик рәвештә кулланырга ярдәм итә.

Аралаша белүнең төп шарты – бала күнелендә китапка мәхәббәт тәрбияләү. Бүгенге баланы компьютер каршынан аерып ничек китап укытырга? Телевизор экраннары аларга шул китапларны алыштырды, компьютер уеннары баланың бөтен буш вакытын йотып бара. Ә сәнгать, музыка, классик әдәбият? Алар бүгенге чор укучылары өчен, ничектер, икенче пландагы әйберләр булып калалар. Бүген мине иң борчыган мәсьәлә эңә шул. Заманча технологияләр кулланыбыз, ләкин аларның бала күнеленә, үсешенә нинди тәәсир ясавы хакында эш узгач, нәтижәләренә күргәч кенә беләбез. Әйе, татар теле һәм әдәбияты дәрәсләрен нәтижәле һәм кызыклы итеп уздыру өчен, информатсион һәм компьютер технологияләрен куллану бик кирәк. Бу – бердән, баланың кызыксынуын үстерүче бер ысул булса, икенчедән, материалны истә калдыру, дәрәсене икенче төрле итеп уздыруның бер чарасы. Ләкин тулысынча компьютер технологияләренә генә нигезләнеп эшләү дә гел уңай нәтижә генә бирми. Бала, әдәби әсәрне кулына тотып, аның геройлары тормышы белән яшәгәндә генә эшнәң нәтижәсе булачак. Бүген исә, сыйныфтагы берничә бала гына ихластан М. Мәһдиев, Ә. Еники әсәрләрен укый.

Дәрәслек нинди генә булмасын, зурмы ул, әллә кечкенәме, авторы кем, теге, я булмаса бу галимме, барыбер көткән нәтижәгә ирешеп булмаячак. Индивидуаль якин килеп эшлэгәндә генә, фәңгә мәхәббәт уятырга мөмкин. Укучыларның материалны үзләштерү дәрәжәсе төрлечә: берсе теоретик материалны жиңел үзләштерсә, икенчесенә практик күнекмәләр кирәк. Бер укучының язуы начар, орфографиясе дә көчле түгел, ләкин ул иң четерекле сорауларга да дәрәс жавап таба, ә икенчесе экрен уйлый, ләкин пөхтәлектә, төгәллектә аңа тиңнәр юк.

Урта сыйныфларда уен-дәрәс, практикум-дәрәсләр отышлы булса, югары сыйныфлар дискуссия үткәруне, конференция, семинарларны күбрәк ошаталар. Кайчакта балаларга карап утырам да, гел начар билге алучы укучымның тормышта беркайчан югалып калмаячагына ышанам. Аңа үзен шәхес итеп тойдыру, ул да аерым эшне башкалардан остарак итеп башкара белүенә төшендерү – укытучының төп максаты. Бала үз-үзендә ышаныч тапсын, шул вакытта ул үсешкә ирешәчәк!

Кеше үзенә эшлэгән эше белән матур, диләр. Ә безнәң эшебезнәң нәтижәсе – һәр баланың бүгенге катлаулы чорда үз юлын табуы. Алар иманлы, шәфкатьле, миһербанлы икән, димәк хезмәтебезгә яхшы бәя куярга мөмкин. Киресенчә булса, кайдадыр ялгыш жибәргәнбез дигән сүз. Тулысынча яхшы нәтижәгә ирешү мөмкин түгел, ләкин эшебезнәң нәтижәсе никадәр матур булса, киләчәгебез дә шулкадәр якты дигән сүз, чөнки киләчәгебез балалар кулында. Фикерләремне татар галиме, язучысы, бөек мәгърифәтчесе Ризәтдин Фәхрәддиннәң түбәндәге сүзләре белән тәмамлайсым килә: «Балаларыгызны үзегезнәң заманыгыздан башка заман өчен укытыгыз, чөнки алар сезнәң заманыгыздан башка бер заманда яшәү өчен дөньяга килгәннәр».

Масямова В. Р.

«ӘНКӘЕМӘ СӘЛАМНӘР АЛЫП КИТЕГЕЗ»

Мәктәп программасында туган телгә сәгәт саны бик эз бирелгән, әммә ләкин туган телебезне, аның горейф-гадәтләрен саклап, киләчәк буынга житкерү максаты белән төрле ысуллар, чаралар уздырыла. Шуларның берсе музыка белән әдәбият дәрәсләрен берләштереп укыту, укучыларда телгә, фәңгә кызыксыну уята.

Безнең барыбызның да тамырыбыз бер – туган жир һәм ана. Сабый бала беренче адымнарын ясаган, саф һава сулаган, көч, дәрт биргән шифалы сулары белән һәрвакыт үзенә тартып торган, кеше күнелләрен биләп алган – туган жир һәм сина гомер бүләк иткән иң сөекле, газиз әнкәең. Бу ике төшенчәне берләштергән бары тик татар халкына гына хас булган моң чышмәсе тылсымлы сәнгать – жыр дөньясына алып керә. Кешенең кәеф – халәтен, моң – сагышларын гаять үтемле итеп әйтеп биридә жырның башка бер сәнгатьтә дә булмаган мөмкинлекләре, тылсымлары бар. Шуна күрәдер жирле шагыйребез Булат Сөләймановның «Ак канатлы аккошларым» шигыренә берничә композитор үзләренең көй – моңнарын тәкъдим итәләр. Шигырь эчтәлегенә нигезләнеп «Әнкәемә сәламнәр алып китегез» темасына үткәрелгән класстан тыш чара. Булат Сөләйманов ижатына багышланган бу чара ата – аналар һәм укучылар өчен зур әһәмияткә ия булып тора.

Максат: Булат Сөләйманов шигырендәге ана образының музыкада чагылышын күрсәтү.

Кулланылган материал:

1. Булат Сөләйманов шигырьләре;
2. Булат Сөләймановның 60еллык юбилеега багышланган материаллар;
3. «Сөләйманов укулары» ндагы чыгышлардан алынган мәгълүматләр.
4. «Яңарыш» битләреннән алынган материаллар.
5. Люция Хабибуллина «Туган як әдәбияты».
6. Аудиозыма Рөстәм Русин башкаруында жыр.

«Әнкәемә сәламнәр алып китегез».

Дәрәс барышы:

Әнкәй бәгърем,

Син кояшым минем,

Кояшта мин

сизәм

карашың.

Б. Сөләйманов

I. Кереш.

– Татар халкын музыкасыз, көй – жырсыз күз алдына китерүе бик кыен. Татар жыры! Жор телле егетләрнең шаянлыгы, гузәл кызларның чулпы чыңлаулары, борынгы дала моңнары, кара урманнарның матурлыгы, авыл халкының моңнары ишетелә анда. Жыр халкыбызның узганын, бүгенгесен һәм киләчәген бәяли.

II. Актуальләштерү.

Жыр кеше язмышы белән, тормышы белән нинди бәйләнештә тора? (кеше узенең шатлыгын, кайгысын жыр аша күрсәтә)

Жыр нинди төркемнәргә бүленә? (озын, кыска, салмак көйләр, уен жырлары, авыл көйләре һ.б.)

Шуннан чыгып, жырлар нинди тематикага бүленә? (йола, туган ил, бишек жырлары, әни турындагы жырларга)

Бик дәрәс, әниләр турында бик күп жырлар язылган. Жыр сәнгатебездә әниләргә багышланган жырлар аеруча зур урын алып тора. Хатын – кызларга багышланган элеккерәк жырларда күбрәк моң, кайгы – хәсрәт булса, хәзерге жырларда хатын – кызга, бигрәк тә әниләргә мәдхия жырлана.

Әниләр турында, сез нинди жырлар беләсез? (белгән жырларын санылар)

Кайсы гына жырчыны алсак та әни турында жырламаганы юк, ә инде әдәбият өлкәсенә керсәк, прозада, поэзиядә һәр шагыйрь, язучы ижәт жимешләрен иң асыл бөртеген әниләргә багышлылар, чөнки әни кешегә гомер бирә, тәрбия бирә, гомумән иң газиз, иң яқын кеше ул дөньяда.

Жырларны кем ижәт итә? (композитор һәм шагыйрь)

Хәзерге көндә музыка өлкәсендә ижәт итүче безнең якташларыбыздан кемнәрне әйтә алырсыз? (Безнең авылдаш – Әхтәм Абый Назыров, Р. Гадиев, И. Сафин, Арангуловлар гаиләсе, Фәрит Хәким һ.б.)

III. Яңа тема белән эшләү.

Укучылар дәрәс башында мин сезгә әниләр турында әйтеп киттем. Темага тагын бер мәртәбә күз салгызыз, тема белән безнең төбәк шагыйребез Булат Сөләйманов ижатында нинди бәйләнеш бар? (Булат Сөләйманов үzeneң иң матур, иң жылы шигырьләрен әнисенә багышлаган)

Әйе, бик дәрәс. Кайда гына йөрмәсен, кайда гына яшәмәсен ул туган ягына тартыла, кадерле, сөекле әнисенә сагына. Туган ягына килсәдә, әнисен күрмичә, башка якка юл тотмый ул. Туган иленә, әнисенә булган мэхәббәт, сөю – ярату хисләрен шигырь юлларына сала. Бүгенге дәрәстә без Булат Сөләймановның «Ак канатлы аккошларым кайта» дигән шигыре белән яқынрак танышып, аны жырларга да өйрәнәбез

(Шигырьне алдан эзерлэнгән укучы укый)

Укучылар шагыйрьнең анасы күз алдыгызга нинди булып килеп басты? (сабырлы, тыйнак, йомшак күңелле, баласын көтеп сагынып аны һәрвакыт көтеп тора)

Бик әйбәт, ә шагыйрь әнисенә булган мөнәсәбәтен ничек сүрәтли?

(ул аны сагына, ярата, ана жылы сәламнәрен жибәреп тора)

Шул шигырьне көйгә салсагыз, ничек жырлар идегез? (салмак кына, әкрен генә жырлар идек).

IV. Жырны тыңлау, өйрәтү.

а) – Жирле төбәк композиторыбыз Рөстәм Русин Булат Сөләймановның 20дән артык шигырьләрен көйгә салган. Хөрмәтле укучылар, сезнең игътибарыгызга Рөстәм Русин башкаруында ул жырны тәкъдим итәм. (тыңлау)

Бу жыр сездә нинди хис – тойгылар уятты?

Ул нинди төргә керә икән? (салмак көйләр төренә)

б) Жырны өйрәтү.

1. Тавышны жырлап ачу. (ми – ма – мо – му-мы).

2. 1 нче куплетны өйрәнү. Укытучы жырлый, укучылар куплетны фразалап өйрәнәләр.

3. Жырны күмәк жырлау.

V. Йомгаклау.

Укучылар, бүгенге дәресездә безнең төбәктә музыка өлкәсен алга әйдәп баручы кемнәрне искә төшереп киттегез?

Булат Сөләймановның нинди шигыре өстендә эшләдек?

Ни өчен аның шигырьләренә көй язалар икән?

Хөрмәтле укучылар, бүгенге дәрестә без сезнең белән сәнгать һәм поэзияне берләштереп карадык, дәресезбезнең иң югары ноктасында сөекле әниләребез турында сөйләштек. Дәрескә нәтижә ясаганда бу дәрес гади дәрес түгел, дөньяви, тормыш дәресе дип әйтер идек. Ә сездә укучылар үзегезнең әниләрегезгә карата нинди хис, тойгылар уятты?

Димәк, без әниләрне рәнжетмичә, аларга кайгы – хәсрәт китермичә, аларны Булат Сөләйманов кебек һәрвакыт хөрмәт белән искә алып яшәргә өйрәнергә тиешбез.

Миннибаева Э.Н.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НРК В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящее время национально-региональный компонент стал очень острой и актуальной темой в образовании. В век высоких технологий теряется нить, которая связывает нас с прошлым, настоящим и будущим. Современный человек должен восстановить и сохранить ту хрупкую нить, что и предполагает национально-региональный компонент. Использование материала с национально-региональным компонентом на уроках несёт очень большой объём знаний по различной тематике: географии, животный мир, растительный мир, история, литературное чтение, фольклор.

Национально-региональный компонент в школе и его интеграция с другими предметами – ключ к решению проблемы эффективности урока, на таком уроке легко соединяются три важных цели – это обучающая, развивающая и воспитательная цель. Межпредметная интеграция с использованием материала национально-регионального компонента активизирует мыслительную деятельность, вызывает большой интерес к истории города, села; происхождению фамилий, имён, названию городов, сёл, рек. Использование такого материала делает урок интересным, увлекательным, что повышает эффективность урока. Известно, что дети охотнее и с большим интересом усваивают то, что им больше нравится. Любимые предметы имеют сильное воспитательное воздействие, поэтому грамотное использование исторического, географического, литературного и другого материала воспитывает в детях патриотические чувства, чувства любви, восхищения и гордости к родному краю, что не оставляет никого быть равнодушным к проблемам малой родины и вырабатывает активную жизненную позицию. Цель использования материала национально-регионального компонента – это формирование целостных знаний о родном крае, развитие творческих и исследовательских умений, воспитание любви и уважения к историческому и литературному наследию родного края. Работая над материалом национально-регионального компонента и используя его на уроках, важно придерживаться систематичности, доступности, наглядности, разнообразности материала, связи материала в учебной и воспитательной работе, взаимосвязи местного и общего исторического, географического материала.

Важно, чтобы на таких уроках широко использовалась наглядность – это могут быть иллюстрации, фотографии, презентации, слайд-фильмы. Интеграция элементов национально-регионального компонента в другие предметы требуют активных форм и методов обучения: уроки-путешествия, экскурсии, наблюдения, устные журналы, конкурсы, викторины, творческие работы по развитию речи и т. д. Ещё великий русский педагог К. Д. Ушинский связывал с «родиноведением» не только историю, природоведение родного края, но и изучение родного языка, поэтому важно включать на уроках отрывки из художественной литературы татарских поэтов и писателей, тексты, содержащие материал о природе и о животных родного края.

На уроках математики можно использовать задачи с краеведческим содержанием. Использовать их можно на уроках закрепления, применения знаний, умений, проверки и контроля, а также на комбинированных уроках. Числовые данные могут быть взяты из тех или иных источников. Для составления задачи достаточно иметь 2–3 числовых данных. Недостающие данные учитель может подобрать по своему усмотрению в соответствии с возрастными особенностями и требованиями программы. Работа по составлению задач упрощается в том случае, когда учитель собирает и накапливает разнообразный числовой материал постепенно, что освобождает педагога от необходимости поспешно подбирать данные для задач. В процессе работы по использованию на уроках математики задач с национально-региональным компонентом можно дополнительно вести специальные тетради и заносить в них всевозможные числовые данные, наиболее ярко иллюстрирующие особенности жизни края, перспективы развития. Учитель может привлекать школьников к составлению и решению жизненно-практических задач. Хорошо проводить математические диктанты, когда учитель использует числовые данные из сведений об области, крае, городе, селе. Например, запишите числами: Область богата запасами пресной воды, которые представлены крупными реками – Обь, Иртыш, Тобол, озёрами (650 тыс.) – Чёрное (224 км²), Большой Уват (179 км²) и др., Численность населения области составляет 3510683 чел.

Решение краеведческих задач при обучении математике не только знакомит учеников с новыми данными и характеристиками того или иного процесса, объекта, но и развивает учебные умения.

Художественно-творческое развитие учащихся младших классов осуществляется на уроках литературного чтения, внеклассного чтения, изобразительного искусства, окружающего мира, посвящённых знакомству с краеведческим материалом. Изучению родного края, его истории, природы, жизни наших современников помогает литература, в частности, произведения местных авторов. Например, Якуба Занкиева, Булата Сулейманова и других поэтов и писателей Тюменского края, посвящённых не только родной природе, а также матерям, отцам, героям ВОВ. Литература как предмет эстетического цикла, как сокровищница духовных богатств этноса, как зеркало исторического, культурного развития жизни народа играет большую роль в нравственном, художественном воспитании и интеллектуальном развитии учащихся, приобщает их к духовным ценностям этнической культуры. В процессе изучения истории, воспитания гражданственности и патриотизма учащихся учителями используются краеведческие материалы, материалы историко-краеведческого музея. Например, археологический материал позволяет придать урокам дополнительную занимательность, способствует формированию уважительного отношения к историческим знаниям. Показать на карте места раскопок, которые были проведены в крае, наглядно показать, продемонстрировать найденные предметы, экспонаты: предметы быта, орудия труда, украшения и т. д. Всё это позволяет доходчиво объяснить исторические события, показать суровое давнее время, дать почувствовать, как жилось народам. Эти предметы прекрасно дополняют учебник. Для более эмоционального восприятия темы можно предложить ученикам принадлежность археологических источников, а затем составить рассказ от лица свидетеля или участника событий описать исторический эпизод, где бы фигурировали данные предметы. Широко используется материал о Великой Отечественной войне, где рассказывается о судьбе наших земляков, героях ВОВ, героях России их подвигах и т. д. На уроках окружающего мира с детьми проводятся экскурсии в лес, на речку, школьный и сельский музеи; наблюдения и выбор темы для рисунка; посещение выставок.

В результате осуществляется духовно-нравственное постижение мира, формируются ценные ориентации, пробуждается интерес к родному краю. Воспитывается любовь к родине, что, несомненно, влияет на художественно-творческое развитие учащихся начальной школы.

Использование национально-регионального компонента на уроках русского языка даёт блестящую возможность реализовать идею межпредметных связей, органично связывать с факультативными и внеклассными мероприятиями. Очень оживляет работу элемент поиска, исследования, при этом, конечно, необходимо учитывать возрастные особенности учащихся. Учителя подбирают для работы

на уроках русского языка не только красивые словосочетания, предложения, тексты, тематические ориентированные на природу, экономику, материальную и духовную культуру региона, но и языковой материал, составляющий лингвистическую специфику нашей области: слова и фразеологизмы, историческую ономастику, топонимику местности, живую речь и фольклор народов, проживающих на территории Тюменского края, языковые особенности произведений местных поэтов и писателей. Живое слово земляков и о земляках на уроках русского языка воспитывает интерес к малой родине, расширяет представление об её истории и сегодняшнем дне, что способствует общей гуманизации школьного образования. Обращение к местному языковому материалу предполагает возможность интегрированных уроков, уроков-экскурсий, ролевых игр, творческих конкурсов, уроков-путешествий и т. д. Представляя материалы национально-регионального компонента на уроках, мы часто упоминаем географические понятия – названия городов, посёлков, рек нашей области. Чтобы эти сведения имели конкретные значения, способствовали формированию правильных представлений о территории края, уже в начальной школе можно и нужно знакомить учащихся с географической или исторической картой. Они должны быть красочными, с крупными условными обозначениями и шрифтом, содержащими основные, затрагиваемые при изучении темы. Очень хорошо в начальной школе использовать при работе с картой аппликации, когда плоские изображения (стрелки, фигуры, условные обозначения) могут перемещаться по карте (с помощью магнита, липучки и др.) Это позволяет как бы «оживить» карту, «разыграть» на ней события т. д. Использование фигур-аппликаций способствует установлению логических взаимосвязей, лучшему запоминанию «сухой» информации. Важную роль в обучении всегда играли картины, иллюстрации, портреты знаменитых людей нашей области. Они несут в себе информацию, способствуют эмоциональному восприятию, учат видеть не только основное, но и второстепенное, обращать внимание на детали. Для этого необходимы картины демонстрационного формата. Коллекции предметов материальной культуры позволяют «прикоснуться» к историческому прошлому, увидеть реальные объекты, представляемые в воображении или виденные на иллюстрации, лучше понять, для чего служили или служат эти предметы, как их использовали или используют. Предметы таких коллекций можно поддерживать в руках, они дают общее и конкретное представление об объектах материальной культуры.

Садыкова Э. Х.

**БӨЕК ЖИҢУ КӨНЕНЕҢ 70-ЕЛЛЫК ЮБИЛЕЕНА
БАГЫШЛАНГАН ӘДӘБИ – МУЗЫКАЛЬ КИЧӘ.**

І күренеш. Жәйге матур таң. Кошлар сайрый. Егет белән Кыз керә.

Егет. Нинди матур таң!

Кыз. Нинди гузәллек!

Егет. Вәгъдәләшкән бу көнебезне мин мәңге онытмам.

Кыз. 22 июнь безнең өчен истәлекле көн булып.

Егет. 1941 ел хәтеребездән мәңге жуелмас

Кыз. Күр әле, салават күпере сузылды

Ямь булып авылым үренә.

Егет Бер ягы – тугайлы инештә,

Бер ягы – карурман күлендә.

Кыз: Мәхәббәт күпере сузылган

Безнең дә күңелдән-күңелгә.

Егет: Бер башы -аерылу төнендә,

Бер башы – кавышу көнендә.

Кинәт кошлар тавышы тына. Музыка туктый. Еракта туп шартлаган, мылтык аткан тавышлар ишетелә. Сәхнә караңгылана. Фонограммада сугыш башлануын хәбәр итүче Левитан тавышы. «Солдатлар» жыры янгырый. Прожекторлар яктысында Егет белән Кыз. Егет солдат Киемендә.

Егет: Соңгы тапкыр кичә көлде дөнъя,

Соңгы тапкыр кояш балкыды.

Таң атмады бүген, таң атмады, –

Алды жирне сугыш ялкыны.

Кыз. Я, хуш, бәгърем, сау бул хәзергә,

Мин каламын синәң эшендә.

Син жинеп кайт усал дошманны,
Таптамасын газиз Ватанны!
Шундый теләк сиңа мин телим,
Исэн-сау әйләнеп кайт бәгырем.
(Егет белән Кыз чыгып китәләр)

1 нче укучы.

Ирләр китте, кызлар елап калды
Шаулап калды иген өлгереп:

Басу капкасына чаклы озата барды

Яше-карты барсы өзелеп. Фонограммада сугыш тавышлары ишетелә.

2 нче укучы. Менә шулай башланып китте тарихта тиңе булмаган Бөек Ватан сугышы. Бу 1941 елның 22 июнь таңы иде. 1418 көнгә сузылачак дәһшәтле сугышның никадәр озак барасын да, миллионнарның яу кырыннан әйләнеп кайтмаячагын да әле беркем дә белми иде.

(Сәхнәнең ике ягыннан санитарка киemenдәге кыз һәм солдат киemenдәге егет бер-берсе каршына йөгереп чыгалар.)

1 нче укучы. Кемне күрәм... таныш татар кызы,

Күздә шатлык яше ташыды;

Ул яралы, жылы кулы белән

Күкрәгенә кысты башымны.

Гүя мине бәхет дулкынында

Тирбәлдерде туган Иделем

Миңрәу бетте, көч уянды канда:

«Кайда минем мылтык?» – дидем мин.

2 нче укучы.

Аерылышу өчен тагын

Бәлки гомергә,

Ике сөйгән,

Кушылды бергә.

Кыз. Ничек? Кайдан?

Егет. Без һөжүмгә

Барабыз алга!

Ә син?

Кыз. Ярдәм күрсәтергә

Яралыларга.

Егет. Мин ашыгам... Хуш, матуркаем!

Кыз. Мин дә ашыгам. Хуш, батыркаем! (Алар хушлалар, чыгып китәләр.) (Фонограмма сугыш турында)

3 нче укучы

Шартлый иде тирә-якта

Дошман туплары;

Оча иде баш өстендә

Үлем уклары.

Сугышка безнең авылдан житмешкә якин кеше киткән.

Шул 67 кешенең бары 37 генә әйләнеп кайткан.

Күпме авылдашыбыз чит-ят жирләрдә ятып калды. Алар еракта, дөнъяның төрле илләре туграгында мәңгелек йокыга талдылар.

Сәхнә уртасында Солдат һәйкәле тирәсендә солдат киemenдә укучылар тезелеп баскан.

2 нче укучы.

Авылыбызның, иң уртасында,

Иң матур һәм күркәм урында,

Һәйкәл булып баскан солдат тора,

Винтовкасын кысып кулына.

3 нче укучы.

Кемнәр болар, исемнәре ничек?

Белеп булмый – кайда туганнар?

Тик шунысы ачык, биеклекне

Яулаганда һәлак булганнар.
Һәйкәл тавышы (сәхнә артыннан яки магнитофон язмасында яңгырый);
Тукта, иптәш, тукта!
Минем яннан
Тыныч кына үтеп китмә син!
Мин бит гади бер сын гына тугел.
Мин – көрәшче!
Бабаң синең, авылдашың!
4 нче УКУЧЫ.
Күпме сагышлы караш, күпме күз яшьләре күрдә бу һәйкәл!
Күпме ятим аналар һәйкәл янына килеп бу таш сынны «балам» диеп сыйпадылар.
Күпме тол хатыннар һәйкәл янына килеп назлы сүзләрен пышылдадылар.
АНА. Улым! Газизем бердән-берем. «Мин бик тиз кайтырмын, эни»,
дип елмая-елмая чыгып киттең дә югалдың. Күзләрем исән чакта сине кабат күрермен дип
өметләнгән идем. Кайтмадың, шул. Атаң белән бергә еракта калдыгың. Балам, күз нурым, кышкы
озын төннәрдә сугыштан язган бердәнбер хатыңны укып юанам.

Һәйкәл тавышы.
Исеңдәме, әнкәй, мине озатып;
Авыл күмелгәнче бардың да,
Хәлсез кулларыңны салмак кына
Болгый-болгый карап калдың да,
Әрнетмәскә теләп мине шунда
Елавыңнан узең, тын булдың.
Тик шулай да күзең, сөртер өчен
Яулык почмагына тотыңдың.
АНА.

Син яраткан жырларны жырлап,
Күңелемне эзрәк юатам,
Син дә кушылып минем белән
Жырлашасың кебек ерактан.
Укучылар башкаруында жыр. «Кичер кайта алмавымны»
КЫЗ. (чәчәк бәйләмен һәйкәлгә сала)
Ялгыз башка иптәш эзләгән күк,
Тулган айга карый күзләрем.
Шул ай кебек балкып йөрисендер,
Кайларда син минем гүзәлем?
Йолдызларга карап уйга талам,
Сине уйлап өзелә үзәгем...

Сагынасыңмы, әллә оныттыңмы? -
Кайларда син минем гүзәлем! (Ана белән Кыз чыгып китәләр)

1 НЧЕ УКУЧЫ. Әнә шулай газиз улларын, сөйгән ярларын, гомер иткән ирләрен көтә-көтә
алар инде картайдылар.

2 НЧЕ УКУЧЫ. Көтә-көтә үзләре дә гүр иясе булдылар.

3 НЧЕ УКУЧЫ. Ләкин ул көннәрне оныту мөмкин түгел. Халык хәтерә үлмәде.

4 НЧЕ УКУЧЫ. Халык хәтерә – мәңгелек!

Бүген бу залда сугышның, бөтен авырлыгын, аның газап-михнәтен кичергән, иңнәренә су-
гыш авырлыгын күтәргән тыл-хезмәт батырлары утыра.

Ветераннарга сүз бирелә. (Тыл ветераны Мавлида Саитова чыгыш ясый)

2 НЧЕ УКУЧЫ.

Данлы бәйрәм -Бөек Жиңү көненең 70 (житмеш) еллык юбилее белән Сезде, хөрмәтле ве-
тераннар! Хәзер башкарылачак жырыбыз Сизгә бәйрәм бүлгә булсын! «Жиңү бәйрәме» жыры.
(Ө. Рәшит сүз., С. Садыкова муз.)

3 НЧЕ УКУЧЫ.

Алыгыз, Сез, бүген бүләк итеп

Котлауларның иң зур бәйләмен

Каршылагыз тагын бик күп тапкыр

Якты Жиңү бәйрәмен. (Укучылар ветераннарга чәчәкләр бүләк итәләр)

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ВОЗЗРЕНИЯХ АВИЦЕННЫ В ПРЕЛОМЛЕНИИ К ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ ВЗГЛЯДАМ К. НАСЫРИ

Сегодня, в период очередной резкой ломки устоявшихся идеологических, социально-политических и экономических принципов, весьма важно учитывать опыт мыслителей прошлых веков. Этот опыт может оказать свое воздействие на выработку новой концепции развития современного российского общества, особенно сегодняшней татарской научной элиты, ищущей свой путь в сегодняшнем сложном и противоречивом научном пространстве. Актуальный взгляд мыслителей, татарских просветителей-философов XIX века на типологию личности, безусловно, является важным для понимания и анализа процессов, происходящих в сегодняшней России.

Подготовительный этап исследования позволил нам ознакомиться с первоисточниками, т. е. с работами Я. Г. Абдуллина, Р. М. Амирханова, Р. Ф. Мухаметдинова, А. Н. Юзеева Ф. М. Султанова, Ибрагима Т. К., Р. М. Мухаметшина, Р. С. Хакимова, М. М. Хасанова, и др., в которых освещены и систематически изложены различные аспекты татарской общественной мысли с многообразием ее социальных, политических, этических и иных проблем. Серьезные труды, увидевшие свет в последние годы, среди которых «Очерки истории татарской общественной мысли» (научный редактор Р. М. Амирханов), 2000, «Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте» Т. К. Ибрагима, Ф. М. Султанова, А. Н. Юзеева, 2002, «Проблема человека в трудах татарских богословов» Лейлы Тухватуллиной, 2003, «Татарские интеллектуалы: исторические портреты» (научный редактор Р. М. Мухаметшин), 2005 и «Философская мысль татарского народа» А. Н. Юзеева, 2007 г. и др., послужили для нас не только теоретической базой, но и стимулом для дальнейших поисков. Особо перспективным нам представляется вопрос о связях и истоках мыслей татарских философов-просветителей с древневосточными учеными, корифеями арабо-мусульманской философии. «А на мусульманский мир влияние идей Ибн Сины, Ибн Араби, Сухраварди, Ал-Газали прослеживается в той или иной степени вплоть до 20 века», – справедливо писал А. В. Журавский [3]. Имя Ибн Сины стало бессмертным и встало в один ряд с именами великих мыслителей древности, для которых была характерна широта интересов и кругозора. Энциклопедизм знаний в то же время – это одна из черт классического Просвещения, впитавшего в себя много прогрессивных идей древних мыслителей.

Совсем недавно вышел на экраны фильм «Авиценна», что еще раз свидетельствует, насколько высок интерес человека к его личности, оказавшей влияние не только на восточную и на западную культуру, но и на науку в целом (то, что, например, сегодняшняя медицина своим становлением обязана именно Авиценне, признают и ученые всего мира). В Бухаре в 1990 году открыт медицинский институт, названный в честь **Абу Али ибн Сина**.

Каюм Насыри, человек с энциклопедическим умом, историк, фольклорист, языковед, этнограф, педагог, литератор, переводчик, он был по духу близок к Ибн-Сине. Великий татарский просветитель одним из первых внедрил в массы основы многих наук, знания, культуры и прогресса, твердо веря в силу разума человека, величие наук и нравственного воспитания личности. Насыри жил в 19-м веке, в период, когда общество России, народы оказались свидетелями огромных перемен в общественно-экономической, политической, культурно-духовной жизни, и мог по-новому осмыслить и оценить тот вклад в науку о человеке, о его воспитании, что было подарено человеческому обществу еще в начале тысячелетия, то есть много сотен лет тому назад. Мысли Авиценны, особенно его слово о человеке и о его знаниях, о ценности нравов в той или иной мере экстраполированы в философско-поэтических строках Каюма Насыри. Известные труды Авиценны «Книга знания», «Указания и наставления», «Книга спасения» вошли в историю философии и логики не только как комментарии древнегреческих философов (как иногда это преподносится в западной науке), а как оригинальное и значимое слово в мировой науке. Заслуживает научного внимания тот факт, что даже названия книг Каюма Насыри «Книга о воспитании», «Плоды собеседования», «Тридцать проповедей» есть отражение влияния великого восточного мудреца.

Именно благодаря Авиценне, воспринявшему и развившему учение аль-Фараби, средневековое узнало учение о единстве деятельной интеллигенции, источника интеллектуального познания для всего человеческого рода: характерная для учения Авиценны эпистемология сводится к тому, чтобы утвердить для всего человеческого рода один деятельный разум, оставляя при этом каждому индивиду некоторый возможный интеллект.

«Как известно, разум проходит две стадии. Первая стадия та, при которой разум не воспринимает ни добавления, ни убавления (вещи и предметы в покое, в природном, естественном со-

стоянии). Разум на этой ступени (восприятия) называют естественным разумом. Вторая ступень связана с опытом и называется восприятием разума, основанном на опыте. На этой ступени разум воспринимает и убавления, и добавления... Например, если познаешь некое событие через опыт, то получишь более верное представление об этом событии» [8, с. 126]. Ибн Сина в своей известной «Книге о знании» в части «Физика» делит ступени умозрительного восприятия души человека на три стадии – материальный разум, разум по опыту и действующий разум» [4, с. 217.] Ибн Сина дает более полное толкование процесса умозрительного восприятия души человека:

*Пять чувств от слуха и до зренья
Даются нам для внешнего общенья
А мысль и память внутреннюю службу
Несут, определяя все решенья. [5, с.35]*

Авиценна не сомневался в возможностях личности-человека познать мир, придавал огромное значение логике, рассматривая ее как основу любой науки. При этом, воспевая разум человеческий, Ибн Сина осознает, что силы разума человека неограничены и что все доступно и известно лишь Всевышнему:

*Когда умрем, то все до одного
Познаем, что не знаем ничего [5, с. 36]*

В вопросах психологии Авиценна идет вслед за Аристотелем и различает растительную, животную и разумную души. Рассматривая особо человеческую душу, ученый не отрицает ее бессмертия, при этом бессмертие понимает в философском смысле и не вкладывает в это понятие о переселении душ. А Каюм Насыри отвергает кораническое утверждение о бессмертии души, существующей независимо от человеческого тела («Нет в человеке двух натур, душа от тела неотделима»). Так, Насыри по-своему интерпретируя суждения арабо-мусульманских философов, стремится привести в соответствие с требованиями науки Нового времени.

Ученые всего мира признают, что в трудах Авиценны был первый грандиозный синтез католического Запада и мусульманского Востока в рамках классической культуры, который дал мощный импульс развитию западной философии. И в самом деле, нельзя не заметить «неоплатонический обжиг аристотелизма» Авиценны, к тому же, с чертами исламской религии.

Философия Авиценны, признающего ценность действительности человека, его поступков, говоря современным языком «активного субъекта-личности», четко отражены в его строках:

*Суть в существе твоём отражена.
Не потому ль, что суть любой природы
Не сможет долго тайной быть она
В поступке, словно, в зеркале видна [5, с. 33]*

Влияние идей Авиценны на просветителя Каюма Насыри очевидно еще в одном аспекте. Стремясь приобщить татар к лучшим достижениям науки и духовной культуры Востока, К. Насыри переводит с турецкого «Повесть об Абу-али-сине» (Авиценне), по сути, перерабатывая и вдыхая в повесть новую жизнь. Самое интересное заключается в том, что К. Насыри, великий татарский просветитель, не только впитал в себя поэтику философии «великого арабского мудреца», но и творчески воспроизвел его образ в своих художественных текстах. Как известно, в 1872 году К. Насыри заканчивает свою знаменитую повесть «Абугалисина». Задолго до открытия в Казани типографии эта повесть ходила в рукописном варианте из руки в руки и была опубликована в 1864 году (первое издание). Прототипом героя этой повести и был Авиценна. В этой повести Насыри не только рассказал татарскому народу в великом восточном мудреце Ибн-Сине (Авиценне), но и поэтически воплотил богатую фантазию народа.

Каюм Насыри в своем произведении, воссоздавая образ великого древнего ученого, сознательно использует слова-обращения Платон, Аристотель, тем самым подчеркивая великую связь восточного мудреца с философским видением древних греков.

– О великомудрый и всезнающий жрец науки, Платон нашего века!...

– О великий Аристотель! – сказал падишах. – То, что ты показал людям, – и величественно, и полно мудрого смысла... [7, с. 191]

Продвигая идеи просвещения, Каюм Насыри, понимает, что далеко не каждый человек может достичь наук, разума. Наставление шестое. Один почтенный человек отдал сына ученому наставнику для воспитания и обучения. И сказал: «О лучший из учителей, воспитай это дитя и дай ему знания, пусть станет мудр и учен». Наставник занимался с мальчиком, учил его наукам, но из этого

ничего не вышло. И он отвел его назад к отцу, говоря: «Ребенок этот настолько глух к наукам и туп, что я чувствую, как сам глупею, когда учу его» [7, с. 82] В этих строках ощущаются отзвуки мысли Авиценны: Как от слепцов скрыт солнца ясный свет, Так для глупцов дороги к правде нет [5, с.38]

Древневосточный ученый знания и науку не мыслил вне вопросов воспитания, то есть в его философские учения органично вплетены нравственно-этического характера суждения:

*И юноше совет ты подавай, любя,
Но старика учить спаси господь тебя. [5, с.17]*

В «Книге о воспитании» Каюма Насыри обнаруживаем те же мысли-суждения: Будь почти-телен со старшими и не обижай младших [7, с.95]. Татарский просветитель в своей знаменитой книге «Фаваких ал-джуласа» (Плоды собеседников), в главе «О знании, мудрости, адабе» приводит суждения античных философов Сократа, Платона, Аристотеля, арабо-мусульманских мыслителей, добавляя к их словам различные фольклорные и литературные элементы.

Авиценна всегда оставался неутомимым борцом за разум, свободомыслие. Его жизнь, настроение и горести, протест против невежества, фанатизма и несправедливости нашли яркое отражение и в его поэтических произведениях.

*Велик, прославлен в мире Авиценна,
О мудрости твердят: она бесценна,
Но он по-прежнему и наг и сир,
Но за нее гроша не платит мир [5, с.26]*

К. Насыри в своих наставлениях приводит эпизод, где придворный падишаха к нему обращается со словами «не жалея для ученых ни золота, ни других благ, чтобы и другим хотелось заниматься наукой» [7, с. 85]. Удивительно то, что древневосточный философ в своих критических суждениях о подлинной ценности знаний более убедителен, нежели бесконечно верящий в знания Каюм Насыри. Еще более актуальными и справедливыми сегодня звучат слова Авиценны о социальной несправедливости:

*А ныне вражда, как зима воцарилась повсюду,
А скорбная доля досталась бесправному люду. [5, с. 14]*

Каюм Насыри же призывает к послушности, покорности, сдержанности и миру между людьми: доброта и кротость берут города; надо быть добрым и снисходительным ко всем, остерегайся говорить дурно даже о своих врагах [7, с.83].

Позволим себе выразить наше мнение и о том, если Каюм Насыри более просветитель-педагог, гибок, верящий в силу знаний и воспитания личности, но представивший научные знания в основном компилятивного характера, Авиценна же более глубокий и убедительный в своих философских построениях, более резок в своих суждениях. Его рубаи яркое тому свидетельство:

*Вашу ложь не приемлю, я – не лицемер,
Я один, но неверным меня не считайте,
Поклонюсь я истине – лучшей из вер.
Ибо истинной веры я первый пример [5, с.26]*

В то же время объединяет эти два имени энциклопедизм знаний и стремление к поэтизации философских рассуждений, дар художественного творчества, именно последнее позволяет оставаться этим двум великим представителям науки интересными для читателей разных эпох, в том числе и – современных.

Литература

Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль (Социальная природа и основные проблемы). – Казань, 1976. – 320 с.

Айдар Юзеев. Философская мысль татарского народа. – Казань: Тат.кн. изд-во, 2007. – 214 с.

Журавский А. В. Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога – М., 1990. http://krotov.info/lib_sec/07_zh/zhu/ravsky.htm

Ибн Сина/ Избранные философские произведения. – М: Наука, 1980. – 554 с.

Ибн Сина. Избранная лирика Востока. – Ташкент, 1981. – 112 с.

Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. – Казань, 2002. – 239 с.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВО ВНЕУРОЧНОЙ РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС

Новый стандарт образования предусматривает различного рода творческие занятия во внеурочное время. В нашей школе в пилотном режиме организована внеурочная деятельность в 5–8 классах в пяти направлениях. Один из направлений реализуется через кружок «Моя малая Родина». Ведущее место на занятиях кружка отводится методу проектов.

Проект – это одна из форм исследовательской деятельности. В педагогике под методом проекта понимаются совокупность приёмов, операций, которые помогают овладеть определённой областью практических или теоретических знаний в той или иной деятельности. Поэтому, если мы говорим о методе проектов, то имеем в виду способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая завершится практическим результатом.

Что такое проект для учителя? Проект – это дидактическое средство обучения, которое позволяет развивать умение проектирования.

Что такое проект для ученика? Это возможность творчески раскрыться, проявить себя индивидуально или в коллективе. Проект – это деятельность, направленная на решение интересной проблемы, сформулированной самим учащимся. Проект даёт учащимся опыт поиска информации, практического применения самообучения, самореализации и самоанализа своей деятельности.

Форма работы проектной деятельности – это исследовательская работа, поиск вариантов решения, создание проблемных ситуаций.

Типы проектов по доминирующей деятельности учащихся: исследовательские, творческие, информационные, социально – значимые. В чём же особенность проектов, основанных на доминирующей деятельности учеников?

Исследовательские проекты совпадают со структурой реального научного исследования. Это актуальность темы, проблема, объект исследования, цель и задачи исследования, гипотеза, метод исследования, результат, выводы.

Мы с ребятами на занятиях кружка выполняли следующие исследовательские проекты: «Учительская династия Хусаиновых», «Бабушкин сундук», «Учитель равен герою-солдату».

Творческие проекты не имеют детально проработанной структуры – она только намечается и развивается в соответствии с требованиями к форме и жанру конечного результата. Это может быть стенгазета, стенд, сценарий праздника. В этом учебном году мы с ребятами ежемесячно выпускали школьную стенгазету «Школьный вестник», оформили стенды «Писатели и поэты периода ВОВ», «Песни на войне», «Мы помним, мы гордимся», «Учитель на войне». Составили сценарий и провели такие мероприятия, как «Книга – твой друг, с ней познай мир вокруг», посвященный Году литературы, «Мы этой памяти верны», посвященный 70-летию Победы. Участвовали с работами в муниципальном конкурсе-фестивале самодеятельного творчества, посвященном 70-летию Победы, заняли 2 призовых места в номинации «Лучший рисунок» (2 место), в номинации «Лучшее сочинение» (1 место).

Информационные проекты направлены на сбор информации о каком-либо объекте, её анализ, обобщение. К такому виду проектов мы отнесли работу «Улицы моей деревни», в котором учащиеся собрали интересный материал о людях, чье имя носят улицы, создали альбом с фотографиями, иллюстрациями.

Особенно большое значение имеют практико-ориентированные или социально – значимые проекты. Эти проекты содержат чётко обозначенный результат деятельности учащихся, ориентированный на социальные запросы его участников. Примером социально – значимого проекта является проект «Мой класс, моя школа».

Проектная деятельность школьников, будучи основной структурной единицей процесса обучения, способствует развитию общеучебных навыков.

Первое – это социальные навыки. Умение работать в группе, сотрудничать, умение принимать и выполнять определённую роль: быть лидером или исполнителем, умение выстраивать свои отношения с людьми, которые тебя окружают.

Второе – коммуникативные навыки: учиться не только говорить, но важно научиться умению слушать, принимать другое мнение и спокойно отстаивать своё.

Третье – это исследовательские навыки: учиться проводить исследование, уметь наблюдать, выявлять, соотносить.

Я хочу подробнее остановиться над созданием проекта «Учитель равен герою-солдату», посвященному учителям, работавшим в нашей школе в период ВОВ.

Тип данного проекта исследовательский, индивидуальный.

На первом этапе работы над проектом была определена проблема, определены цели и задачи проекта, методы исследования.

Сначала мы провели опрос среди учащихся о том, что они знают о войне, кто из учителей работал в нашей школе во время войны. И сделали вывод, что учащиеся нашей школы много знают о войне и совершенно ничего об учителях, которые работали в нашей школе во время войны. В год 70-летия Победы в ВОВ, собрать материал об этих учителях, рассказать о них учащимся, мы посчитали актуальным.

Цель проекта: выяснить, кто из учителей Новоаптулинской школы работал во время Великой Отечественной войны.

Задачи:

- изучить имеющиеся материалы в школьной музейной комнате, в библиотеке.
- побеседовать с родственниками учителей.
- обработать и оформить полученный материал.
- создать презентацию.
- рассказать учащимся нашей школы.

Второй этап работы – поиск информации, фотоматериалов, документов.

На этом этапе учащиеся поработали с информацией в школьной музейной комнате, в библиотеке, встретились и побеседовали с родственниками учителей. Собрали документы, фотографии, газетные вырезки. Много информации получили от учительницы Юнусовой Нурилы Алишкковой, которой 90 лет. Она рассказала много интересных фактов о жизни школы той поры.

Третий этап работы – обработка информации и оформление результатов работы в виде презентации.

Четвертый этап проекта – защита проекта. Подведение итогов. Защита проходила в форме презентации.

Таким образом, проектная деятельность направлена на активизацию познавательных, способностей обучающихся, глубокое раскрытие их творческих возможностей, учёт интересов и потребностей детей. Учащиеся наглядно видят практическое применение своих теоретических знаний, понимают, как много, оказывается, они еще не знают и не умеют, как много им ещё предстоит постичь.

Шамратова Н. Б.

БУЛАТ СӨЛЭЙМАНОВ ШИГЫРЬЛӘРЕНДӘ ТЕЛ СҮРӘТЛӘУ ЧАРАЛАРЫ

Диңгез төбенән энже -мәржанэзләү никадәр кыен булса, сөйләү яки язу өчен сүз сайлау да шулай ук авыр. Тел фикер көзгесе ул. Сөйләшүе һәм язуы буенча гына кешенең кем икәнлеген чамалап була. Сэнгатъле сөйләм, сүз сэнгате серләрен бөтен нечкәлекләре белән аңлау гына язучыны зур художник итә. Шундый язучыларның берсе- Төмән өлкәсендә Себер жирендә туып үскән Булат Сөләйманов. Булат Сөләйманов шигырьләрендә акыл өйрәтми, бәлки дулкынландыра, уйландыра, моңландыра. Сэнгатъле фикерне мөмкин кадәр төгәл итү өчен шагыйрь үзенең күпсанлы мөмкинлекләрен файдалана. Аның ижаты тел бизәкләү чараларга бай. Шуларның иң актив кулланылыштагысы- метафоралар. сынландырулар, эпитетлар бик еш очрый. Чагыштыруларның көтелмәгәннәре. әлегә кадәр башка авторлар ижатында очрамаганнары Булат Сөләйманов ижатында еш очрый. Аларда себер жиренең табигатенең үзенчәлекле яклары чагылыш тапкан:

Тырнагын кыяга батырган

Каракош шикелле буровой.

(«Буровойда»)

Төгәл тудырылган образ, образлар аша сурәтләнган картина күз алдына тере күренешне китеп бастыра. укыган саен соклану катыш гажәпләнү хисе тудыра. мондый үзенчәлекле шагыйрьнең үзенә генә хас чагыштырулар Сөләйманов ижатында гына очрый:

Парадмыни, тезелешеп

Йортлар кунган ап-ак карга.

Объ әйтерсең суүткәргеч, –

Боз астында сулар ага.

(«Түбән Варта»)

Булат Сөләйманов шигырьләрендә метафоралар киң урын алган.

Йөзек кашы бит син Себернең!

Үзәгендә туган көмеш ай.

(«Самотлор»)

Әкиятләрдән әллә күчтенме

Себернең син сихри көзгесе.

(«Самотлор»)

Мондый метафоралар Сөләймановның тел байлыгын күрсәтә, авторга үзе сүрәтләргә теләгән күренешләрен, предметларның аерым билгеләрен төгәл, конкрет итергә мөмкинлек тудыра.

Булат Сөләйманов шигырьләрендә сүрәтләнү чаралары арасында эпитет киң кулланыла.

Ярый әле,

Бар бит бәхетемә,

Киң күңелле

Казан вокзалы.

(«Ераклардан»)

Синең кыргый ярларыңда, Ангара,

Меңләгән Данко йөрәкләре яна!

(«Ангара»)

Булат Сөләйманов шигырьләре төрле эпитетларга бик бай. Әйберне сыйфатлар өчен эпитет табу жиңел түгел, әлбәттә. Бер үк төрле эпитетны һаман куллану нәфис сүз сәнгәтен бизәми. Шуңа күрә Булат Сөләйманов сыйфатның киң мәгънәлегенә игътибар иткән. Аның шигырьләрендә эпитетның эчке мәгънәсә йөтелмәгән ягы белән ачылып китә.

Яз килү кебек гүзәл күренеш шигырьдә бөтен матурлыгы белән тәфсилләп сүрәтләнә. табигатьнең язгы уяну төсле бер серле күренеше бөөеләр ачылуы, көлтәләп нур атучы кояш образлары аша һәм серле дә итеп бирелә. Табигать кенә түгел, шигырь юлларында кешенең рухи халәте аерым бер жанлы дөнья булып сүрәтләнә:

Ярсып- ярсып тибә йөрәк,

Талпына никтер күңел.

(«Эзләдем, таба алмадым»)

Шушы сынландыруда автор ихтияры белән уйлау, фикер йөртү, күңелдән сөйләү сәләте тагылганлыгы аңлашылып тора.

Сүрәтләнү чаралары сөйләмөбезгә ямь өстилә. Алар язучының теле никадәр бай, гүзәл икәнлеген күрсәтеп тора. Язучы сүзләренең матурлыгын тоеп эш итә. Сүрәтләнү чаралары аның әсәрен тәэсир көченә ия һәм серле иткән. Булат Сөләйманов сүрәтләнү чаралары аша лирик шигырьләрен үтемле, тәэсирле булуына ирешкән, шулар аша мэхәббәт хисенең олылыгын укучыга житкерә алган.

Булат Сөләйманов шигырьләре бай образлы, үтемле тел белән язылган. Алар эмоциональ тәэсир көченә ия, укучыларны уйландыра.

Шагыйрь- чор. жәмгыять кешесе. Аның ижатына бик күп объектив һәм субъектив сәбәпләр йогынты ясый. Булат Сөләйманов әдәби мирасы татар әдәбияты тарихында үзенең тиешле урынын алырга лаеклы күркәм рухи хәзинәләребезнең берсе.

Библиография

Галиуллин Т. Н. Илһам чишмәләре. – Казан: Татар китап нәшр., 1988. – 163б.

Сәйфуллина ф. С. Туган як моңы. – Казан, 2003.

Каюм Насыри. Избранные произведения. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1977. – 255 с.

Очерки истории татарской общественной мысли. – Казань: Тат.кн.изд-во, 2000. – 119 с.

Татарские интеллектуалы. Исторические портреты (Научный редактор и составитель Р. М. Мухаметшин). – Казань, 2005. – 271 с.

НОВЫЕ ЮРТЫ АРОМАШЕВСКОГО РАЙОНА: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В 2014 г. проводилось историко-этнографическое исследование юрт Новых Аромашевского р-на Тюменской обл. Исторические данные извлекались из фондов ГБУТО ГА в г. Тобольске и архива Ново-Петровского сельского поселения. Этнографический материал был собран в ходе экспедиционной поездки в юрты Новые¹²⁹.

Новые юрты (тат. Яна аул) располагаются на территории юга Тюменской обл. в бассейне р. Вагай, в 180 км к юго-востоку от Тобольска, на границе с Вагайским р-ном. Соседними татарскими деревнями являются Истяцкие (Иштяк), Балахлей (Капкана), Уткарма, Новоуфимка (Цумык), относящиеся к Аромашевскому району и дд. Бегитино (Бигэтин) и Индери (Интэр) Вагайского р-на Тюменской обл. Коренных жителей Новых и указанных юрт в научной литературе принято относить к иштякско-токузской группе сибирских татар.

Деревня основана сибирскими татарами предположительно в середине XVIII в. Впервые письменные данные по Новым юртам встречаются в ревизской сказке за 1782 г., в которой имеются данные на предыдущую ревизию, т.е. 1763 год, когда была проведена 3-я ревизия населения. В это время в ю. Новых числилось 19 ясачных татар [2, с.204–212]. Вероятно, именно эти люди и были первыми жителями юрт. Можно высказать предположение, что деревня возникла путём переселения людей из соседних населённых пунктов. О том, что Новые Юрты появились позднее, чем другие располагающиеся рядом деревни, говорит и название. Первоначально в деревне проживали только коренные сибирские татары (ясачные), а примерно в 1780-м г. сюда переселились несколько семей бухарцев. Как показывают материалы, часть семей переселилась из ю. Уткарминских, другая – из Вагайских юрт (ныне с. Второвагай Вагайского р-на Тюменской обл.). Из Уткарминских юрт перешли Ибраим Абняков (жена Кулюсюм Курманова, дети Емет, Абтрешит), Имангул Ирмяков (сын Абдували Имангулов), Асан Решев (сын Маметбаки, его жена Аубига Буйдашева, сыновья Мирцамал, Миркамал, дочери Уразбига и Сабыр), Кутум Курманчаков. Из Вагайских в Новые юрты перешла семья умершего Сагандыка Юмашева (его жена Кулбига Кулматчигова, сыновья – Юлташ, Буйташ, Алцаш с женами) [Ф.И154.Оп.8. Д.75. Лл. 89 об., 93 об. –94,113–113 об.].

В середине XIX-начале XX в.ю. Новые административно относились к ведению нескольких волостей – Вагайской, Истяцкой, Уватской и Бухарской. Причиной такой группировки населения по волостям было то, что люди переселяясь из одного селения в другое, продолжали в административном и фискальном отношении оставаться членами той волости, из которой происходили. К Вагайской волости в конце XIX (1897 г.) относились 8 дворов (38 чел.), Истяцкой 18 дворов (77 чел.), Бухарской – 13 дворов (67 чел.), Уватской 1 двор (10 чел.) [Ф.И417.Оп.2.Дд. 605, 624,703, 570]. Итого всех жителей юрт насчитывалось 192 чел.

Разнообразная информация о населении ю. Новых содержится в I Всероссийской переписи 1897 г. Кроме данных по численности, в этом документе содержатся сведения о занятиях сибирских татар и бухарцев в этот период. Основным занятием жителей Новых юрт был лесной промысел. Земледелие служило для них дополнительным занятием. Почти все женское население юрт было занято вязанием сетей. Торговлей в этот период занимался только 1 человек – Амутбай Тажбулатов, 44 лет, который служил приказчиком по продаже мануфактурного товара (разносная торговля). В Новых юртах были свои мастера, плотники: Айнетдинов Хийлачетдин, Айнетдинов Ибейтулла, шорник – Бикбулатов Аптульхалик, сапожник – Бикбулатов Аптували [Ф.И417. Оп.2.Д.570.Л. 60б.–13 об.; Д.624. Л. 2 об.].

Посевных площадей в Новых юртах было немного – в общей сложности 10,5 десятин. Они были распределены между жителями, относящимися к Истяцкой вол. (3,5 дес.) и жителями, относящимися к Вагайской волости (7 дес.). Луга занимали площадь – 25 десятин – принадлежали населению, относящемуся к Истяцкой волости, т.е. коренным жителям юрт, первым поселенцам. Жители имели в своих личных хозяйствах 210 голов крупного и мелкого рогатого скота [Ф.И346. Оп.1. Д.10. Л. 76].

Во II половине XIX и до революции 1917 г. вся административно-социальная, экономическая жизнь Новых юрт и близлежащих аулов была сосредоточена в волостном центре Истяцком.

129 Выражаем глубокую благодарность всем нашим информантам – жителям Новых юрт, а также п.п. Комсомольский и Площадка и администрации Ново-Петровского сельского совета за помощь в организации экспедиции

Здесь находилось волостное правление, главные «начальники» – волостной старшина, волостной писарь, волостные судьи. Здесь происходили волостные сходы, на них обсуждались важные вопросы, касавшиеся всех аулов волости. На сходах выбирали должностных лиц волости, производили раскладку податей между деревнями, исходя из количества жителей и дельных работников (больных, увечных, женщин освобождали от уплаты податей). Все должностные лица были представителями тех аулов, которые относились к данной волости.

Жители Новых юрт поддерживали связи с населением юрт Истяцких, Балахлейских, Уткарминских, Черторойских, Бегитинских, и Индерских. Они заключали между собой браки, ездили друг к другу в гости, заключали хозяйственные договоры, встречались на волостных сходах для решения важных вопросов. Местные татары взаимодействовали и с русскими. В к. XIX-нач. XX в. в ю. Истяцких проживало несколько семей русских – Русановы, Созоновы, Сычевы [Ф.И.417. Оп.2.Д.623.Л. 2об.,9 об.–11 об]. Русанов Андрей Феодорович в к. XIX-нач. XX в. был волостным писарем, отвечавшим за ведение всего делопроизводства в волости.

После установления советской власти наступает новый этап в развитии села. Вместо волостного устройства повсеместно образуются сельские советы. Новые юрты стали относиться к Уткарминскому сельсовету Аромашевского р-на, а с 1964 г. – к Ново-Петровскому сельсовету [1] .

Колхоз в Новых юртах под названием «Красное Знамя», был создан в 1929 г. и просуществовал до 1952 г. Председателями колхоза в разные годы были Ярмухаметов Уразмухамет, Мурзин Катир, Меченинов Факир, Ражев Тимеркай. В 1952 г. произошло укрупнение, в Уткарме образовали колхоз им. Сталина. Все колхозники Новых юрт были присоединены к этому колхозу. В 1958 г. колхоз перестал существовать, был образован Малиновский леспромхоз. Жители Новых юрт, которые раньше работали в колхозе, были записаны рабочими леспромхоза. Некоторые жители работали в совхозе Новоберезовский. В 1949–66 гг. в деревне была бондарная мастерская, в которой делали бочки, деревянные ведра. В 1973 г. в 2 км от Новых юрт стала функционировать нефтеперекачивающая станция на нефтепроводе Усть-Балык – Омск, на которой стали работать и некоторые местные жители. В начале 1980-х гг. возле юрт был построен кирпичный завод (ПМК), где также трудились новоюртовцы, однако в 1996 г. завод был закрыт и с 1997 г. в юртах впервые стали фиксироваться безработные [1] .

В настоящее время в Новых юртах проживают следующие семьи – Аитовы, Алимовы, Аминовы, Аппасовы, Бакиевы, Булатовы, Вагаповы, Гимрановы, Ильясовы, Кармушаковы, Касымовы, Кильметовы, Маметовы, Медчаиновы, Набиевы, Назыровы, Нигматуллины, Ражевы, Ремезановы, Уразаевы, Уразмухаметовы, Хабибуллины, Хамитовы Хисматуллины, Хусаиновы, Юмадиевы. Практически все они являются потомками первых основателей юрт. Ю. Новые являются мононациональными, в настоящее время в деревне проживает только 1 русско-татарская семья (Груздевы).

В Новых юртах сохранилась традиция относить те или иные семьи к тугумам. Тугум у сибирских татар – это группа родственников, ведущая свою родословную от одного реального или легендарного предка и названная по его имени или прозвищу. В Новых юртах в памяти людей сохранились названия некоторых тугумов, которые связаны преимущественно с названиями птиц и животных: Цэпце (кулик), Тукран (дятел), Коскон (ворон), Аю (медведь), Төлке (лиса), Курас (петух), Суер (глухарь), Саускан (сорока), Алабуга (окунь), Кара Мишэк (черная кошка), Ортомшалар.

Каждому населенному пункту характерны названия пашен и покосов, озер и речек, лесочков и рощ, данных местными жителями. Пашни и покосы жителей Новых юрт располагались вокруг озер, поэтому в их названиях содержится слово күл (озеро) – это Түгэрэк күл пуента, Шор күл, Оцкэ ер күл, Как пүрэн күл, Назармэт күл, Оптолы күл, Пагыш күл, Цана юл күл. Некоторые пашенные и сенокосные угодья носят личные имена людей – Кәрим кыра, Шэшук ер. Около деревни протекают небольшие речки, которые также носят названия, данные местными жителями: Корцэп, Цокцын (офиц. Чекча), Сэргэсэн купер (елга), Уртаер елга.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив Ново-Петровского сельского поселения (похозяйственные книги ю. Новых Аромашевского района за 1949–99 гг.)

Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII-начало XX в.). Тюмень-М., 2003. 260 с.

Отпечатано в типографии «Печатник»
Россия, 625026, г. Тюмень, ул. Республики 148 1/2.
Тел. (3452) 20-51-13, тел./факс (3452) 32-13-86

Заказ №7148 Тираж 300 экз.